

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 1997 ГОД

С.-ПЕТЕРБУРГ
2002

Редакционная коллегия:

А. В. Лавров, А. Ф. Лапченко, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор:

Т. Г. Иванова

Рецензенты:

Е. Д. Кукушкина, Е. Р. Обатнина, М. М. Павлова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 01-04-16023д*

Е. Р. Обатнина

МАТЕРИАЛЫ А. М. РЕМИЗОВА В АРХИВЕ Р. В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

Обширные литературные контакты Иванова-Разумника предопределили значительность коллекции рукописей и книг его архива.¹ Среди сохранившихся автографов писателей и поэтов, чье творчество составило литературно-исторический контекст начала века, большой корпус материалов относится к А. М. Ремизову. До последнего времени эти документы, ввиду чрезвычайно плохого состояния, находились в реставрации и оставались вне поля зрения исследователей.

Художественная манера и нравственный поиск Ремизова всегда отвечали критико-мировоззренческим принципам Иванова-Разумника. Внимательно наблюдая за творческим развитием писателя, всесторонне осмысливая построение сюжетных линий и образов его прозы, критик стремился вывести из, казалось бы, частных вопросов индивидуального мастерства общие закономерности литературного процесса. В статье «Творчество Ремизова», завершённой осенью 1911 г., он отмечал: «Интересно сравнить редакцию собрания его сочинений (1911 г.) с первоначальным текстом тех же произведений: ценнейший материал для изучения психологии и эволюции творчества! Сравните „Часы“ или „Пруд“ первых изданий (1905 и 1907 г.) с текстом этих же романов в собрании сочинений — почти ни одна фраза не осталась без изменений, некоторых страниц узнать нельзя. К изучению всего этого когда-нибудь еще вернется русская критика».²

К этому времени относится намерение Иванова-Разумника написать статью, посвященную эволюции современной литературы от «декадентства» к «новому реализму», которую критик связывал, в первую очередь, с именами В. Брюсова, Ф. Сологуба и А. Ремизова. В письме от 6 октября 1911 г. он просил Ремизова: «...когда будете высылать мне отпечатанные листы „Пруда“ — вышлите мне (поскорее) и первую редакцию,³ — „Часы“ я внимательно читал параллельно в двух редакциях; то же сделаю и с „Прудом“. Хочется проследить и читателям показать — эволюцию бывшего „декадентст-

ва».⁴ И хотя заявленная в письме тема не была тогда реализована,⁵ в личном архиве Иванова-Разумника сосредоточились важные материалы, относящиеся к творческой лаборатории писателя.

Особый интерес вызывают черновая и наборная рукописи повести «Крестовые сестры».⁶ В конце черновой редакции рукой Ремизова указано место ее написания: «Жданы. Борович<ского> уезда. Новгород<ской> губ<ернии>. 1910». Наборная рукопись (часть листов утрачена), в которой имеются авторская правка, вставки нового текста, а также корректорские пометы, завершается указанием: «Аландские острова. Wandrok. 1910». Рукописи представляют собой две тетради в линейку, переплетенные после реставрации.

Замысел повести возник в конце сентября 1909 г., а в целом работа над рукописью была завершена летом следующего года на финском острове Вандрок, где Ремизов жил по приглашению Иванова-Разумника. 9 августа писатель сообщал И. А. Рязановскому: «И опять пишу Вам <...> в дни моих скорбей — опять я захворал вволю. Сижу я все над „Крестовыми сестрами“ — третий месяц идет. Но не от лениости тяну, Вы знаете, третий раз переписываю с отделкою. <...> 10-го (имеется в виду июль 1910 г. — Е. О.) меня увез к себе (г. Боровичи, Новгородск<ая> г<уберния>, имение Жданы) Е. В. Аничков <...> У Аничкова сидел я по 18-и часов над повестью моей и очень изморился. <...> с 30 июля здесь на Аландских островах у Иванова-Разумника. На этой неделе, в крайнем случае на той — в Петербург».⁷ В книге воспоминаний «Петербургский буерак», описывая историю «Крестовых сестер», Ремизов утверждал, что текст претерпел пять редакций; из них «последнюю читал Иванов-Разумник».⁸ Письмо к Рязановскому позволяет соотнести количество редакций с рукописями, сохранившимися в архиве Иванова-Разумника: написанная в Ждани — была второй редакцией, а завершенная на острове Вандрок — последней.

22 августа, сразу же после отъезда Ремизова с Аландских островов, Иванов-Разумник спешил поделиться с автором своими первыми впечатлениями: «Ваши „Крестовые сестры“ все не идут у меня из головы — пришибли Вы меня ими; давно не приходилось читать ничего подобного. А вот только что пришло мне в голову: заглавие — „Кр<естовые> с<естры>“ — хорошее и говорящее; но мне придумалось другое, которое дает повести обобщающий смысл: „Бурков двор“, — как Вам покажется? Ведь Бурков двор — это не двор, это даже не Петербург, это чуть ли не вся Россия измученная, страдающая, пьющая настой на навозе и ищущая спасения в „Париже“. И ведь дело не в одной Вере-Верочке-Верушке и в их крестовых сестрах, а во всякой изнасилованной душе человеческой — а в таком случае заглавие „Крест<овые> сестр<ы>“ является требующим пояснения, <т.> е. что и Маракулин и др. — тоже „крестовые сестры“. — Все это, однако, Вам виднее».⁹

Повесть еще не вышла в свет, а Иванов-Разумник принялся сразу за несколько статей, адресованных различным периодическим изданиям. Однако, эта работа столкнулась с обстоятельством, которое можно назвать курьезным. Совершенно неожиданно для критика уединенная жизнь на Вандроке стала материалом одной из

анонимных газетных заметок, в основу которой легло интервью с писателем: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и ... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть „Крестовые сестры“, которая пойдет в ближайшем альманахе „Шиповника“».¹⁰

Столь бесхитростный рассказ вызвал у Иванова-Разумника возмущение: «Сегодня буду браниться с Вами, Алексей Михайлович: ну что это Вы со мной делаете? Мало того, что Ваши „Шиповники“, будь они неладны, не прислали мне корректурных листов „Крестовых сестер“, о чем я их просил; мало того, что статью свою я должен был поэтому написать по памяти (и перепутал, вероятно, не мало), — а тут еще получаю от Вас вырезки из „Утра России“, где встречаю свою фамилию. Зарезали Вы меня этим: теперь статью мою мне в пору хоть назад требовать из „Русск<их> Ведомостей“; так это не вовремя вышло! А ведь как я Вас всегда просил-молил: не поминайте Вы, Бога ради, имени моего в своих беседах с газетными репортерами! Терпеть не могу читать в газетах не о своих книгах, а о себе самом; а тут еще про Ремизова в семье Иванова-Разумника — как раз в то время, когда Иванов-Разумник пишет о вещи Ремизова, написанной в семье Иванова-Разумника... Ну, как же мне не сердиться? И почему Вы не могли рассказать про Вандрок, умолчав обо мне? — Если обещаете впредь со мною так не поступать, то уж так и быть, перестану браниться. А все-таки — подвели Вы меня».¹¹

Тем не менее, критические произведения Иванова-Разумника увидели свет. Первой вышла статья под названием «Бурков двор»;¹² следом за ней — «„Крестовые сестры“». Статья Иванова-Разумника, подписанная: «Август 1910 г. Wandrock», где говорилось, что новая повесть Алексея Ремизова «должна быть признана одним из самых выдающихся произведений последнего времени».¹³ Наконец, в «Речи» была напечатана наиболее пространная работа под названием «Между „Святой Русью“ и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)».¹⁴ Уже после этих публикаций Иванов-Разумник, сравнив две редакции, обратил внимание на некоторые элементы повествования, изъятые автором из окончательного текста. О своих наблюдениях он писал Ремизову 23 сентября 1910 г.: «А по поводу „Кр<естовых> с<естер>“ я еще с Вами говорить буду. Я их еще раз перечитал, вместе с рукописными редакциями; есть два-три возражения, о которых я не говорил в статьях. Кстати, во 2-ой редакции¹⁵ встретил я знакомых: „Ломоносова из немцев“ и какой-то учитель, вылитый В. В. Хорошо, что Ломоносова зачеркнули — а то Лемке прямо бы съел меня живьем!».¹⁶

В упомянутом фрагменте второй редакции действительно фигурирует «Ломоносов из немцев» — персонаж, прототипом которого послужил Михаил Константинович Лемке (1872—1923) — историк,

публицист, управляющий типографией и книжным складом в издательстве М. М. Стасюлевича: «У Маракулина после летней удачи с перепискою опять ничего не было. Случилось в это время в Петербурге перепись автомобилей, велосипедов и собак. <...> И с неделю ходил он по всяким бурковым и бельгийским дворам собак считал и что-то рублей семь получил <...> После собак Маракулин уж составлял каталог детских книг и, с детьми покончив, за какой-то именной указатель принялся, причем в первый раз увидел и, должно быть, немаловажное, лицо в книжном деле, по фамилии в роде Ломоносов, из немцев. Этот Ломоносов, сделав указания для указателя и, предложив гроши, дружески распростился с Маракулиным: — Восемь часов работать, восемь часов отдыхать, восемь часов спать — дружески сказал Ломоносов из немцев и чем-то напомнил Маракулину того московского пристава, который после одного несчастного столкновения, препровождая Маракулина с городовым в участок, не менее дружески распростился: — Почетный гражданин Маракулин, пожалуйста в участок, — дружески сказал тогда пристав, ну ей Богу, совсем, как теперь этот Ломоносов о восьми часах».¹⁷

Сокращения, отмеченные критиком, приоткрывают небольшой сюжет из биографии Ремизова, восходящий к одному из самых мрачных периодов его жизни (1906—1909 гг.), когда писатель оказался практически без средств к существованию. Он и в самом деле брался за любую работу, вплоть до переписи собак. Материальные трудности усугубились психологическими переживаниями после обвинения в плагиате и остракизма со стороны издателей. Выйти из затруднительного положения ему пытались помочь многие (Гиппиус, Философов, Розанов), но, пожалуй, наиболее реальным оказалось предложение Иванова-Разумника принять участие в подготовке собрания сочинений В. Г. Белинского, которое выходило в издательстве Стасюлевича. Позже Ремизов вспоминал: «Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но эта работа скоро кончилась».¹⁸

В письме к М. К. Лемке от 4 октября 1909 г. Иванов-Разумник сообщал: «Ремизов прекрасно выполнил данную ему кропотливую работу; он будет у Вас в Типографии», во Вторник, (6/Х), около 12^{1/2} дня — сдаст законченную работу и возьмет предыдущие годы „От<ечественных> Зап<исок>“ — если Вы их приготовите к тому времени».¹⁹ В следующем письме от 6 октября содержалась просьба: «Нельзя ли дать А. М. Ремизову, в счет совершенной работы, рублей 10—15? Он очень в них нуждается и в то же время стесняется их попросить у Вас».²⁰ 17 октября Иванов-Разумник выступил с инициативой передать Ремизову составление именного указателя: «Мы с Вами говорили уже о составлении указателя имен; это будет очень ценно для издания. Т<ак> к<ак> издатель — Вы, а след<овательно> и уплата гонораров — Ваше дело, то сообщите мне: согласны ли Вы поручить составление указателя имен А. М. Ремизову, за сумму 25 р<ублей>? Эту работу он будет делать исподволь, по мере печатанья листов».²¹ Очевидно, Лемке ответил согласием, поскольку в письме Иванова-Разумника от 26 января 1910 г. речь уже шла о 25 рублях в виде аванса для Ремизова: «Я со своей

стороны уверен, что работу он выполнит до конца и хорошо, и готов быть поручителем — вернуть эти 25 р<ублей> в случае чего». ²² Работа была закончена к октябрю 1910 г. ²³ Вполне понятно ироническое удовлетворение Иванова-Разумника по поводу изъятия сюжета о Ломоносове из печатной редакции «Крестовых сестер».

Учитель, напомнивший критику «В. В.» (т. е. Василия Васильевича Розанова), — «старый русский литератор» Лымарев из шестой главы второй редакции: «Лымарев, горбаченький живой старичок, осведомившись сперва у Анны Степановны, замужем ли она и есть ли дети и пожалев, что после развода она не вышла замуж и детей у ней нет, и до конца рассказа недослушав и т. д.». ²⁴ Очевидно, ассоциацию с философом вызвало повышенное внимание героя к вопросам семьи, деторождения и пола, свойственные Розанову: «Душа и пол <...> для него идентичны, тождественны; и именно исходя из „пола“ входит В. Розанов в Душу Мира, подходит к Великому Пану, Великому Целому. Пол для В. Розанова — это в с е, то Pân, всеобщий синтез». ²⁵ В канонический текст «Крестовых сестер» Лымарев не попал, ²⁶ а весь сюжет, связанный с «обмундировочными деньгами» учительницы Анны Степановны был значительно сокращен.

Вторая редакция «Крестовых сестер», сравнительно с окончательным текстом, содержит и другие дополнительные подробности жизнеописания главного героя, которые коррелируются с дословными цитатами из писем Ремизова 1900-х годов, а также метаописаниями, впоследствии не раз использованными в его автобиографической прозе. ²⁷ «Особенного — выдающегося в жизни моей не случилось: <...> Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания», — писал Ремизов А. Н. Чеботаревской в 1907 г. ²⁸ Это признание вариативно отразилось в двух редакциях. В третьей главе черновой рукописи имелась характеристика: «Петр Петрович с детства молился Богу. Когда хотел он быть кавалергардом, он молился, чтобы Господь сделал так, помог ему сделаться кавалергардом, когда он хотел быть разбойником, в тех же словах он молился лишь с заменой кавалергарда разбойником <...> ²⁹ и так же молился, когда хотел быть Сократом-философом и так же молился, когда хотел быть учителем чистописания». ³⁰ В переработанном виде этот фрагмент вошел в окончательный текст: «Когда в детстве хотел Маракунин быть *кавалергардом*, он молился, чтобы Господь сделал так, помог ему сделаться кавалергардом, а когда хотел быть *разбойником*, то в тех же словах молился, лишь с заменой кавалергарда разбойником, и так же точно молился, когда хотел быть *учителем чистописания*». ³¹ В четвертой главе черновой редакции тема самоидентификации героя снова возобновлялась, но впоследствии была изъята: «А чего хотел Маракунин, считавший себя ни на кого не похожим и самим по себе, чувствовавший когда-то, что ему не тридцать лет, а ну лет двенадцать, беззаботный когда-то и веселый, скоморох веселый, а теперь запрещенный?

Маракунин хотел быть кавалергардом, разбойником, Сократом-философом, учителем чистописания...». ³²

В отличие от канонического текста, черновая рукопись содержит разночтения в фамилиях и именах героев. Главный персонаж Петр Алексеевич Маракулин здесь именовался Петром Петровичем; жилец Буркова дома, доктор медицины Виттенштаубе носил фамилию Нотенгейм; паспортист Еркин имел фамилию Коченков. Безымянная в черновой редакции горничная хозяина дома в окончательном тексте получила имя Сусанна; швейцар Петр впоследствии заменен на Никанора, воры, называвшие себя студентами (Шибанов и Коченков), обозначены как Шибанов и Осташев; артисты Подосиновы или Подоскины переименованы в Дамаскиных и т. д. Имя хозяйки квартиры Маракулина по тексту черновой редакции варьируется: Адония / Аглая Ивойловна. Пурховецкий учитель словесности Лещев во второй редакции был обозначен фамилией Сергеев. Хозяйка, сдававшая квартиру пурховецким учителям, Павлина Поликарповна в первоначальном варианте именовалась Лукерья Феофиловна. Техник Живорев из пятой главы второй редакции переименован в Цыганова, Стрикачев — в Стракунова, Дунаев — в Котова, Федотов — в Полянского. Также в процессе переработки было изменено местоположение отдельных эпизодов. В ряде случаев произошла замена географических названий. Например, по тексту второй редакции в конце повести соседи Маракулина отправляются «вместо Парижа куда-то в Куоккалу», а не в Тур-Киля, как в окончательном варианте.

К числу фрагментов, не вошедших в третью редакцию, относится эскизное описание провинциальной жизни из четвертой главы, исполненное в традициях сатирической прозы Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Сологуба:

«Город Пурховец, воспетый местным поэтом, скромно пожелавшим остаться неизвестным, в некотором роде праматерь городов русских — колыбель России.

Пурховец — город древний
Построен на реке Смугре
При том же с пристанью отменной

В Пурховеце, где городской голова при открытии памятника знаменитому русскому писателю, которого и по программе изучают не то Пушкину, не то Гоголю, заявил в своей речи Пурховецким жителям, что памятник стоит очень больших денег и потому надо беречь его, как святыню, а на сквере будочник отгонял глазующих на памятник-святыню говоря: „Проходите, тут смотреть нечего“, — где чудак-губернатор не Бурхов самоистязатель, а другой сам себе воздвиг на соборной площади мраморный обелиск с перечислением всех заслуг своих губернии, а около обелиска на столбике приютилась местная надпись: „Скорлуп подсолнечных и ореховых и других фрукт бросать воспрещается“, где полицеймейстер накануне лунного затмения приказом объявлял населению, чтобы зря не смотрели на небо, будет если облачко, где батюшки отцы Аристовуловы, Аристотелевы, Сократовы каждый раз добродушно на именинах своих повинялись, предлагая гостям своим пирог с некоторой начинкой и совсем не требующей извинения, ибо из яйца философы

мир производят, а доктора, питательность одоблив, трудным большим прописывают,³³ где исстари ловился какой-нибудь таинственный разбойник, не Соловью, а уж конечно Савицкому и Лбову по отваге нисколько не уступавший, где строили дома на зубах, на мощах и на предметах еще более чувствительных, где на пожарной каланче давно <у>же перестал ходить старик-часовой, а только всем по привычке казалось, что ходит как много подобно старику-пожарному в земле тлело, а было, как живым и из казначейства текло жалование, где на пожары били в набаты и весь город собирался, как на Пасху в церковь, где барышни, все почти поголовно мечтали сделаться актрисами, где на вечерах, когда находился чудак и подымал, как ему казалось, вопрос первой важности, пожалуй и неуместный на вечерах, ему в ответ раздавался исконно русски<й> разудалый смех, все побеждающий, победней всякой исконно-русской шапки, которою во всякую мину<ту> русский народ врага закидает, и где наконец в общественном саду по весне, напившись росы с медового березового листа так пел соловей, что весь общественный сад дрожал, все было в соловьином пении — на все колена: и бульканье и колыханье и дробь и раскат, и пленканье и лешева дудка и кукушкин перелет и гусачек и юлинья стукотня и почин и отлолка все свисты, все трели, всякая стукотня, в тихом мирном и пыльном Пурховце жила Анна Степановна».³⁴

Сокращению подвергся также отрывок, иронически воспроизводивший обстановку санатория Волковой в финской деревне Тур-Киле, где Ремизов провел июнь 1910 г. и где, собственно, начал работу над черновой редакцией «Крестовых сестер».³⁵ После слов «явилась <и> сама Адония Ивойловна» в четвертой главе следовало: «еще с месяц прожившая в Финляндии, где-то в Тур-Киле, лечась от одышки. <...>³⁶ Адония Ивойловна действительно больше не задыхалась и легче стала, сколько потеряла неизвестно, <Но лучше если бы она и задыхалась по-прежнему, и ничего не потеряла>³⁷ по ее словам в Тур-Киле не на пуды, на килы считают, <...>³⁸ не упомянула, — потому, что теперь <...>³⁹ и добродушие свое куда-то порастеряла, некоторым образом обозлилась, что впоследствии на жильцов пало, и что сама она скоро уж сознавать стала и для очищения до Рождества еще о Иерусалиме задумалась: ехать в Иерусалим отмыться в реке Иордан и утереться плакун-травою.

По ее рассказам в Тур-Киле, где на килы считают, трудно ей было, чаю не давали и голодать заставляли и гимнастика: изволь нагишом присесть на пяточки, да руками махать, как мельница, а ведь она не девочка, ей шестьдесят два года, и массаж измучил.

— Ровно навалится на тебя хомелен либо скорпию и хоботом поганым, хвостом трясет и щиплет, плачешь, бывало, слезами и одно утешение: польза и терпишь и плачешь.

[Все вернулись. Не хватало только Верочки и вестей от нее никаких не было.]⁴⁰ Адонии Ивойловне от жильцов какая корысть: сдавала она комнаты, ни как другие петербургские хозяйки, не жила этим, а просто лишние они да и просто так. И она могла бы подождать, да будь это в прошлом году подождала бы, но теперь после Тур-Киле, где на килы вешают, билетик распорядилась

у швейцара на дверях выставить — зеленую бумажку. И в сентябре уж Верочкину комнату сдали». ⁴¹

Полностью исключен из окончательного текста сон Дуни, помещенный в пятой главе второй редакции непосредственно перед сном Маракулина:

«А снилось ей тогда в то лето, будто бы ей нужно замуж выйти, кто-то требует этого, а она и думает: как же это так, у ней уж есть кольцо, она уже замужем. И никого нет около нее, с кем бы ей посоветоваться, только будто отец ее старик-покойник — на Нижегородской служил, поездом раздавило, но совсем как живой, и уж все знает. И к нему она обратилась со слезами: „Это невысказано, — сказала она, — как же это так!“ А он отвечает: „Раз тебе говорят выйти замуж, стало быть надо“. И уж будто едет она в церковь с ним <...>⁴² извозчик скверный, ночной: переулками едут откуда-то от Воробьевых гор, переулки темные и черное платье на ней. И приехали к Воскресенью в Таганке, вошли в церковь, но с какого-то черного хода. Она упирается, тащат ее. И притащили к амвону, поставили против царских дверей, а рядом стал громадный такой бритый, как актер. Темно было в церкви и только перед жертвенником горела копейная свечка, а другая копейная — на кануне и третья такая же тоненькая перед ними. И почему начали они плясать и она и он и такие танцы — и жутко и грешно вспоминать — задирали она ноги и в иконы пихали и таскали ее куда-то, а она все плясала и все неистовее, и все распутнее. И вдруг увидела стол, покрытый белой скатертью, и полон гостями, она сидит будто на конце стола рядом с женихом своим, и на ней всего только рубаха одна изодранная вся так, что тело видно, и она не знает, что ей делать: у ней на пальце ее старое кольцо — нового почему-то ей не дали. И она крутит на пальце свое старое кольцо. А жених будто не тот же громадный, бритый, как актер, а маленький — сморщенный весь, слеповатый такой, гадкий. Крутила она, крутила кольцо, сняла его, да размахнулась и кинула, но кольцо не упало, не звякнуло, а будто в воздухе растаяло. А жених ее сморщенный весь, гадкий ощерился вдруг, словно обрадовался, и опрокинул на нее горячий стакан и обварил ей руку». ⁴³

Смысловое содержание отдельных фрагментов текста в процессе работы над повестью кардинально изменялось. Ср. диалог двух героинь в театре из четвертой главы второй редакции:

«Вера Николаевна стала рассказывать Анне Степановне всякие больничные случаи, и про какую-то сестру милосердия —

привезли в больницу ребенка — кипятком ошпарен, а чтобы операцию сделать, надо кожу, а где взять кожу — у ребенка? — не вынесет, ослаб очень, вот сестра милосердия и предложила свою. У ней и вырезали кожи, сколько надо.

— И что же? [И как же?] ⁴⁴

— Заражение крови. [Сл<ава> Б<огу> ж<ивы>.]

Анна Степановна улыбалась, по-своему [перек<рестилась>] ⁴⁵

— Оба померли. [Сл<ава> Богу]. ⁴⁶

Переработке подверглись и отдельные сюжетные линии повествования: существенно сокращена история Лизаветы Ивановны Кликачевой из третьей главы; значительно дополнено описание пьяного

брета Плотникова. Новым элементом текста явилось изображение кабинета героя, который «был разделен на две половины, на два отдела: с одной копии с нестеровских картин, а с другой две клетки с обезьянами. Между Святой Русью и обезьяной сидел Плотников, обуянный запоем <...>». ⁴⁷ Именно эта символическая композиция стала ключевым концептом в статье Иванова-Разумника «Между „Святой Русью“ и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)». ⁴⁸

Черновую рукопись, написанную в имени Ждань, и вандрокскую наборную рукопись разделяет чрезвычайно короткий срок — меньше месяца. Тем не менее, философский строй повести, ее поэтика, сюжетная логика существенно меняются от редакции к редакции. ⁴⁹ В этом смысле показательны разночтения в шестой главе, которая претерпела наиболее значимую переработку. В окончательной редакции усилена роль лейтмотива, призванного поставить в конгруэнтные соотношения сон и свершившуюся явь, сон и повторяющийся сон, как намек и воплощение, намек и повторный намек, удваивающий внутренний смысл происходящего.

Значимость принципа повтора в окончательной редакции видна на примере построения финала повести, который во второй редакции не соотнесен напрямую (через лейтмотивную реплику) с текстом других глав:

«И он вытнулся весь, дух захватывало и вот перепорхнуло сердце, <...>. ⁵⁰ Но не земля за ней проваливалась, за ней <1 сл. нрзб.> плыл <1 сл. нрзб.> кто-то полз, пол<з> ⁵¹ хоронясь, и вдруг увидел он волосатый горбачевский с конским волосом нос и крикнуть на крик хотел руки протянул остановить хотел, но было уж поздно. Он услышал, как кто-то, точно в трубочку из глубокого колодца сказал:

— Вот как у нас! Лежи... Больше не встанешь: одним стало меньше болотная голова.

Маракулин лежал с разбитым черепом в луже крови на камнях на Бурковом дворе». ⁵²

В окончательном тексте образ Горбачева не выражен зрительно, как в черновой редакции, а лишь озвучен роковым предсказанием, которое, помимо финала, зеркально помещено в сон из четвертой главы, куда, в свою очередь, из заключительного фрагмента второй редакции перенесен и «волосатый нос» Горбачева:

« — Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко! — нескладно, точно спросонья, потянул носом, заросшим волосом, Горбачев». ⁵³

В последней редакции заключительная глава была дополнена такими кульминационными фрагментами, как убийство генеральши Холмогоровой (в тексте второй редакции — случайное убийство некой «нарядной» дамы) и монолог Маракулина, обращенный к Медному всаднику, которые перестраивали повесть в целом. С введением в финал убийства генеральши, разрушившего маракулинскую веру в ее бессмертие, усилилась явная семантическая ориентация на Раскольникова. Изменилось имя героя (Петр Алексеевич), теперь намеренно соотнесенное с императором. Трагический в своем фарсовом звучании монолог Маракулина наследовал трагедии бедного Евгения. ⁵⁴ Таким образом, философские рефлексии

героя приобрели парадигматическую завершенность, а повесть окончательно оформилась как классический «петербургский текст», в структуре которого и городской пейзаж, и психологическая атмосфера устойчиво соединились с мифологемами русской литературы.⁵⁵

Основной корпус сохранившихся в архиве Иванова-Разумника ремизовских материалов представлен макетами томов его «Сочинений», выходивших в 1910—12 гг. в издательстве «Шиповник». Некоторые макеты после реставрации были переплетены. Листы газетных вырезок и страниц журналов продублированы на новые листы с сохранением фрагментов корректорских отметок (например, фамилий корректоров в верхнем левом углу). Вместе с тем, встречаются оригинальные титульные листы и листы с названиями глав, написанные рукой Ремизова.

Макет первого тома «Сочинений» (Рассказы. СПб.: «Шиповник», [1910])⁵⁶ составлен из страниц ранних печатных редакций с многочисленной правкой Ремизова, корректорскими и типографскими отметками. Отдельные листы утрачены.

«Неуемный бубен» (Альманах для всех. 1910. Кн. 1. С. 59—138);⁵⁷

«Царевна Мыпра» (Ремизов А. Рассказы. СПб.: Прогресс, 1910.⁵⁸ С. 43—62);

«Чортик» (Ремизов А. Чортов лог. Полуночное солнце. Рассказы. Поэмы. СПб.: EOS, 1908.⁵⁹ С. 9—48);

«Суд Божий» (Рассказы. С. 42—62);

«Жертва» (Рассказы. С. 25—42);

«Занофа» (Рассказы. С. 64—88);

«Слоненок» (Чортов лог. С. 51—71).

Макет третьего тома «Сочинений» (Рассказы. СПб.: «Шиповник», [1911]), также составлен из страниц ранних печатных редакций с многочисленной правкой и вставками автора, корректорскими и типографскими отметками. Отдельные страницы утрачены. В переплете после реставрации.

«Крепость» (Чортов лог. С. 154—161);

«Святой вечер» (Рассказы. С. 95—103; первоначальное название «По воле»);

«Без пяти минут барин» (Чортов лог. С. 165—168);

«Придворный ювелир» (Чортов лог. С. 171—178);

«Серебряные ложки» (Чортов лог. С. 115—128);

«Музыкант» (Чортов лог. С. 105—111);

«Опера» (Рассказы. С. 89—93);

«Казенная дача» (Рассказы. С. 77—88);

«Эмалиоль» (Рассказы. С. 104—131; первоначальное название «По этапу»);

«Новый год» (Чортов лог. С. 129—147);

«Бebка» (Чортов лог. С. 75—83);

«Бедовая доля» (Рассказы. С. 135—171; цикл дополнен автографами новых текстов: «Медные пятаки», «Железный царь», «Светлый и девочка в лохмотьях»).

Макет шестого тома «Сочинений» (Сказки. СПб.: Шиповник, [1911]; книга вышла свет в феврале 1912 г.) собран из печатных

текстов ранних редакций, с многочисленной правкой и рукописными вставками автора, а также с корректорскими пометами. На первом листе рукой Ремизова начертано: «Алексей Ремизов. Сказки. Посолонь и к Морю-Океану. Т. VI». О работе над томом Ремизов сообщал в письме к Брюсову от 21—22 октября 1910 г.: «...Шиповники взялись выпустить в год (1911—12) 6 томов. И приходится не переделывать, а редактировать старое и корректировать...».⁶⁰

Первая часть макета составлена преимущественно из сказок, вошедших в издание «Посолонь» (М.: Золотое Руно, 1907) и соответственно представленных страницами этой книги. Далее приводим остальные тексты, включенные в настоящий том:

«Кикимора» (Чортов лог. С. 263);

«Разрешение пут» (Чортов лог. С. 266);

«Морщинка» (Ремизов А. Морщинка Сказка. СПб.: Детская библиотека изд. «Шиповник», 1907. С. 3—16);

Фрагмент «Кот Котофеич» (Золотое Руно. 1908. № 12. С. 46—49; первоначальное название «Кот Котофей Котофеич отпускает нас к Морю-Океану»);

Фрагмент «Ремиз — первая пташка» (Альманах 17. СПб. 1909. С. 161—162);

«Собачья доля» (Солнце России. 1911. № 10 (50). С. 8);

Фрагмент «Божья пчелка» (Альманах 17. СПб. 1909. С. 159; первоначальное название «Пчелы»);

Фрагмент «Колокольный мертвец» (Свободным художествам. 1910. № 1. С. 22—24);

«Задушницы» (Золотое Руно. 1908. № 1. С. 42);

«Ангел-Хранитель» (Северное сияние. 1909. № 4. С. 44—45);

«Спорыш» (Журнал Театра Литературно-художественного общества. 1909. № 6. С. 10);

«Лютые-звери» (автограф);

«Ведогонь» (Золотое Руно. 1908. № 1. С. 43);

«Летавица» (Русская мысль. 1909. № 4. С. 46—50; первоначальное название «Ночь у Вия»);

«Копоул Копоулыч» (Жатва. 1911. Альбом первый. С. 13—15; первоначальное название «В кошеевом царстве»);

«Упырь» (автограф);

«Сон-трава» (автограф);

«Верба» (Русская мысль. 1908. № 6. С. 191—192);

«Радуница» (Речь. 1908. 1 июня, № 130. С. 2);

«Каменная баба» (Северное сияние. 1909. № 4. С. 46—47);

«Лужанки» (Свободным художествам. 1910. № 1. С. 22);

«Крес» (Золотое Руно. 1908. № 1. С. 41—42);

«Нежить» (Золотое Руно. 1907. № 7. С. 73—74);

«Коловертыш» (Утро России. 1910. 8 сент., № 244. С. 2);

«Ховала» (Золотое Руно. 1907. № 7. С. 75);

«Мара-Марена» (Цветник Ор. Кошница первая. 1907. С. 33—35);

«Марун» (Свободным художествам. 1910. № 1. С. 24—25);

«Рожаница» (Зритель. 1908. № 1. С. 2—3);

«Боли-Бошка» (Северное сияние. 1909. № 4. С. 48—49; первоначальное название «К Морю-Океану»).

Состав макета имеет существенные расхождения с содержанием соответствующего тома собрания «Сочинений». Так, по первоначальному замыслу главу «Лето красное» завершали новелла «Чур» («Посолонь», 1907. С. 28) и два одноименных стихотворения «Заключение ветра» («Чортов Лог». С. 264—265), не вошедшие в окончательную редакцию тома. Данный макет зафиксировал лишь начальный момент работы, о чем свидетельствует отсутствие посвящения Вяч. Иванову, некоторых заглавий разделов, а также другие детали оформления книги. Отдельные тексты представляют собой варианты или даже редакции, в измененном виде опубликованные в шестом томе. К ним, в частности, относится стихотворение «Плача» (в макете — «Заплачка»; автограф 1903 года).⁶¹ К названию сказки «Рожаница» вклеен вариативный заголовок — «Рожаница-Пресвятая Мать». Значительная часть текстов утрачена, в том числе, сказки «Пальцы», «Зайчик Иванович», «Зайка» (начало), «Волк-самоглот», «Весенний гром», «Белун».

На титульном листе макета восьмого тома «Сочинений» (Русальные действа. СПб.: Шиповник, [1911]; СПб.: Сирин, [1912]) имеется автограф: «А. Ремизов. Русальные действа. Т. VIII». На втором листе также рукой автора написано: «А. Ремизов. Театральные действа. Т. VIII». Макет несет следы очередной правки, которая отражает процесс создания новой редакции. Особенно значительны авторские изменения и преобразования в «Бесовском действе» и «Трагедии о Иуде Искариотском». В ряде случаев правка была проигнорирована в окончательном тексте. В состав макета включены:

«Бесовское действо» (Рассказы. С. 203—252);

«Трагедия о Иуде принце Искариотском» (Золотое Руно. 1909. № 11—12. С. 15—46);

«Действо о Георгии Храбром» (Альманах журнала «Аполлон». 1911. № 1. С. 117—162; верстка). На первом листе штамп конторы типографии издательства «Сириус» (СПб. Рыночная. 10) с датой — 11 октября 1911;

Авторские примечания к «Бесовскому действу» и «Трагедии о Иуде...» (автограф);

«Иуда предатель» (Чортов лог. С. 295—309);

Авторские примечания к «Действу о Георгии Храбром» (автограф).

Отдельный переплет после реставрации составили наборные рукописи авторских примечаний к сборнику «Доука и балагурье» (СПб.: Сирин, 1914); примечания к шестому тому «Сочинений» «Сказки» (СПб.: Шиповник, [1911]; СПб.: Сирин, [1912]), завершающиеся печатным текстом новеллы «Завитушка» (Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств. Сборник статей и ответов. М.: Заря, 1909. С. 109—111). Материал сгруппирован по тематическому принципу, что, конечно, не отвечало авторскому замыслу, в соответствии с которым эти тексты существовали независимо друг от друга и прилагались к определенным томам собрания сочинений писателя.

В автокомментариях к «Посолони» (первая часть тома «Сказки») наблюдаются разночтения с окончательным текстом. Так, по-

яснения к «Медвежьей колыбельной песне» дополнены музыкальной фразой, записанной на нотном стане; позже этот музыкальный комментарий был изъят из шестого тома. В примечаниях ко второй части «К Морю-Океану» имеются множественные вклейки текстов из различных печатных источников в качестве примечаний. В самом начале вставной новеллы «Завитушка» и в преамбуле к ней обращают на себя внимание существенные различия между внесенной в макет правкой и окончательным текстом.

Кроме того, в архиве Иванова-Разумника находится макет сборника Ремизова «Докука и балагурье» с многочисленной авторской правкой и корректорским пометами, куда вошли обработки подлинных народных сказок, опубликованные писателем в 1905—1912 гг. и представленные первыми печатными редакциями. Книга появилась в печати 1 января 1914 года. Все заголовки на трех первых листах макета написаны рукой Ремизова. На титульном листе: «Алексей Ремизов. Докука и балагурье. Сказки». На обороте титула зачеркнуто написанное карандашом: Типография Акц<ионерно-го> общ<ества> Тип<ографского> Дела. СПб. 7 рота. 26». ⁶² На втором листе: «Посвящаю С. П. Ремизовой-Довгелло», на третьем листе: «Алексей Ремизов. Народные сказки».

Сказки и легенды, опубликованные в «Докуке и балагурье», а также структура сборника существенно отличаются от первоначального варианта, зафиксированного в макете. Тексты содержат многочисленную правку автора, которая впоследствии, очевидно, претерпела дополнительные изменения. К расхождениям относятся и сохранившиеся первоначальные названия двух последних глав: раздел под общим названием «Мирские притчи» в макете назывался «Умственные», а глава «Глумы» — «Скоморошью». В первой редакции отсутствует колядный стих, композиционно и идейно завершающий сборник. Авторские примечания, выделенные в книге в главу под названием «Сказ», в макете обозначены как «Примечания». Из первой главы («Русские женщины») сохранился лишь фрагмент сказки «Оклеветанная», представленный страницами из журнала «Заветы» (1912. Декабрь. № 9. С. 19—25). ⁶³ Отсутствует глава «Царь Соломон и царь Гороскат». Полностью утрачена последняя глава «Скоморошью» («Глумы»). Из авторских примечаний имеется лишь начало текста, соответствующее странице 269 в сборнике.

Из шести сказок главы «Воры» ⁶⁴ сохранились только три:

«Собачий хвост» (Всемирная панорама. 1909. № 2. [С. 10—12]; при реставрации нарушена последовательность фрагментов текста); «Барма» (Наша жизнь. Иллюстрированная и литературная неделя. 1905. № 23. С. 180—182);

«Вор Мамыка» (Альманах «Шиповник». 1912. Кн. 17. С. 226—323).

Глава «Хозяева» ⁶⁵ представлена четырьмя сказками из шести, опубликованных в книге:

«Чорт» (Русская молва. 1913. 14 июля, № 210. С. 2; из цикла «Хозяева»);

Фрагмент верстки «Лигостай страшный» (Сочинения. Т. 7. С. 177—178);

«Хлопотун» (Новая жизнь. 1912. № 12. С. 35—37; из цикла «Докука и балагурье»);

«Мертвец» (Запросы жизни. 1912. 21 дек., № 51. С. 260—262);
В главе «Умственные» («Мирские притчи») сохранились следующие тексты:

«Муты» (Солнце России. 1912. № 112—113. С. 14);

«Берестяный клуб» (Речь. 1912. 30 сент., № 268. С. 3);

Фрагмент «За овцу» (Заветы. 1912. № 9. Декабрь. С. 11—14; в составе цикла «Сказ и Рассказни»); соответствует с. 195—198 в сборнике «Докука и балагурье».

Макет завершается рекламным листом издательства «Сирин» с перечнем выпущенных книг Ремизова, который дополнен названиями книг «Подорожье» (1913) и «Докука и балагурье» (1914), вписанными автором.

Только катастрофически плохим состоянием архива Иванова-Разумника можно объяснить объединение в одном переплете разрозненных печатных текстов, которые, очевидно, изначально входили в состав макетов сборника «Докука и балагурье» и двух томов «Сочинений» Ремизова: пятого (СПб.: Шиповник, [1911]) и седьмого (Отреченные повести. СПб.: Шиповник, [1912]). Практически все они несут на себе следы существенной авторской правки, имеют корректорские и типографские пометы. Последовательность страниц внутри отдельных текстов нарушена.

Фрагмент «Разбойники» (Сатирикон. 1909. № 35. С. 6—7; под названием «Про мертвеца и про разбойников»); соответствует с. 123—124 в сборнике «Докука и балагурье»;

Фрагмент «Галстук» (Речь. 1911. 10 апр., № 98. С. 3—4) соответствует с. 209—210 в пятом томе «Сочинений»;

Фрагмент «Мака» (Рассказы. С. 172—192) соответствует с. 213—218 в пятом томе «Сочинений»;

Фрагмент «Рождество Христово» (Русские ведомости. 1911. 25 дек., № 297. С. 2); соответствует с. 151—164 в седьмом томе «Сочинений»;

Два листа с библиографическими заметками — автограф.

Макет главы «Паралипоменон» из седьмого тома «Сочинений» Ремизова (СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 7. Отреченные повести. Вышел в свет в марте 1912 г.):

«Чужая вина» (Солнце России. 1912. № 2(110). С. 5; под названием «Святой работник»);

«Чудесный гость» (Скэтинг-ринк. 1910. Апрель. № 1. С. 12; под названием «Гость»). Рядом с заглавием, написанным Ремизовым от руки, зачеркнут, по-видимому, первоначальный вариант названия — «Пасхальный гость»; в седьмом томе опубликован под названием «Чаемый гость»;

«Пасхальный огонь» (Солнце России. 1910. № 25. С. 14). В названии рукой Ремизова зачеркнутый вариант — «Чудесный <огонь>»;

«Золотой кафтан» (Огонек. 1911. 25 дек., № 52. С. 5—6);

«Лигостай страшный» (Русское слово. 1911. 25 дек., № 297. С. 6; в составе цикла «Золотые легенды»);

«Царь Соломон» (Русское слово. 1911. 25 дек., № 297. С. 6; из цикла «Золотые легенды»).

Наборная рукопись авторских примечаний к первой части седьмого тома «Сочинений» («Лимонарь») с вклейками из печатных источников и типографскими отметками.

Произведения из первой части седьмого тома «Сочинений» — «Лимонарь»:

Фрагменты гранок <?> «Страсти Господни» соответствуют с. 129—135 седьмого тома «Сочинений»;

Фрагмент «Кузьма и Демьян» (Русское слово. 1911. 25 дек., № 297. С. 6, из цикла «Золотые легенды»), соответствует с. 143—147 седьмого тома «Сочинений»;

Фрагмент «Светло-Христово Воскресение» (Русь. 1908. 13 апр., № 103. С. 2; под названием «Светло Христово Воскресение»); соответствует с. 139—140 седьмого тома «Сочинений»; имеются существенные разночтения внесенной авторской правки и окончательного текста.

Кроме того, в составе архива находятся следующие наборные рукописи:

Цикл снов «Кузовок» с многочисленной авторской правкой и корректорскими пометами (Сирин. Сборник третий. СПб., 1914. С. 355—409). На обложке рукой Ремизова: «Алексей Ремизов. Кузовок. <На сон грядущий рассказы — зачеркнуто — Е. О.>. Вещь темная». Внизу листа: «Алексей Михайлович Ремизов. С. Петербург, Таврическая, 7, кв. 23». Над заглавием рукой Иванова-Разумника синим карандашом: «III сборник Сирин. Верстать в самый конец». Рядом слева чернилами: «Каждый рассказ с отдельной страницы». Подпись синим карандашом: «И.-Р.». Отсутствуют отдельные страницы: основная часть сна «По дружески»; сон «Радуница»; окончание сна «На палке»; начало сна «Живая чучала»; сон «Одна картинка»; сон «Глазатый»; начало сна «Тризна». Текст рукописи имеет ряд разночтений с печатным текстом сборника, преимущественно в названиях. Заголовок первого сна в рукописи: «Конь-великан»; в тексте сборника: «Конь-игрень». Сон третий — в рукописи: «По морю — цветам белым»; в сборнике: «По морю, по цветам белым».

Повесть «Оказион» (Заветы. 1913. № 12. С. 13—34) с многочисленной правкой автора и корректорскими пометами. Отсутствуют три последних абзаца. На первом листе карандашом рукой неизвестного: «Первая статья. № 12. Первый отдел». Слева также карандашом адрес Ремизова: «Таврическая ул., д. 7, кв. 23».

Беловые автографы стихов, в вариантах впервые опубликованных в провинциальной прессе, альманахе «Северные цветы ассирийские» и в новой редакции в книге Ремизова «Чертов Лог и Полунощное солнце»:

I. Сотворение мира;⁶⁶

II. Полезница;⁶⁷

III. Кикимора;⁶⁸

IV. Бубыля;⁶⁹

V. Кутья-Войса;⁷⁰

VI. Икета;⁷¹

VII. Заклинание ветра;⁷²

VIII. Ошка-Мёска.⁷³

Листы соединены скрепками, в конце рукописи подпись «Алексей Ремизов» и адрес «Херсон, гостиница Лондонская».⁷⁴ Создание автографов относится к 1903 г.,⁷⁵ когда Ремизов безуспешно пытался устроить публикацию своих стихов в столичной периодической печати («Новый Путь», «Ежемесячные сочинения» и др.).⁷⁶

Архив Иванова-Разумника хранит разрозненные страницы до сих пор неизвестного авторского списка так называемой «Гоносивой повести» «Что есть табак» (СПб.: Сириус, 1908; 25 экз.). Это произведение, как и другие, впоследствии вошедшие в его книгу «Заветные сказы» (СПб.: Алконост, 1920), Ремизов считал началом к созданию «русского Декамерона».⁷⁷ Ввиду эротического содержания, отчасти восходящего к апокрифическим источникам, повесть, изданная ничтожно малым тиражом, мгновенно стала раритетом. Весьма популярная в литературном и дружеском окружении писателя, она не раз переписывалась. Сохранился список, выполненный с рукописи Ремизова и принадлежавший Л. Н. и Е. И. Замятиным.⁷⁸ Однако известно, что для Н. П. Рябушинского, Ф. Ф. Фидлера и С. М. Лифаря Ремизов собственноручно переписывал «Гоносиву повесть».⁷⁹

Список из архива Иванова-Разумника представляет собой рукопись размером в четверть листа толстой голубой бумаги, с текстом, написанным черными чернилами, с красными заглавными буквами, но без ярко выраженных элементов декорирования, какие Ремизов использовал, выполняя, например, заказ Рябушинского. На одном из первых листов имеется надпись: «Этот список „Повести“ принадлежит Разумнику Васильевичу Иванову А. Ремизов». Внизу листа: «Написан „Табак“ на Святках 1906 г<ода>». Это корреспондируется с словами из письма Иванова-Разумника Ремизову от 21 апреля 1912 г.: «...в „Табак“ не хватает мне страницы 31-ой, начинающейся с нового абзаца: „Давно уж замечал старец Нюх...“ и до слов „шлепнулся окаянной да прямо мякинным своим“. Остальное есть».⁸⁰ Здесь же находятся и фотокопии разрозненных листов, возможно, сделанные с экземпляра, предназначенного для Рябушинского.⁸¹ Кроме того, в архиве имеется машинопись «Табак». На сохранившемся фрагменте титульного листа рукой Ремизова написан эпиграф. На первом листе также рукой автора: «Алексей Ремизов. Что есть табак. Гоносива повесть».

К каллиграфически исполненному авторскому списку «Табак» примыкают три документа, также отразивших художественную одаренность писателя:

1. Авторская обложка, украшенная орнаментальным рисунком и глаголическими надписями. Сверху: «Разумнику Васильевичу Иванову / в день его ангела / 1911 г. 12 декабря / Алексей Ремизов». Посередине листа крупными буквами: «Русские ведомости 1844 года». Ниже: «Принадлежат Алексею Ремизову». Предположительно, титул был оформлен для рукописи рассказа «Рождество Христово», напечатанного, не без содействия Иванова-Разумника, в рождественском номере газеты «Русские ведомости» за 1911 г. Возможно именно об этом подарке шла речь в письме Иванова-Разумника к

Ремизову от 1 декабря 1911 г.: «Если бы Вы на „именины“ мои приехали бы к нам в Царское с Серафимой Павловной — это был бы лучший подарок. А другой, „очень большого веса“ — с собой захватите (в жилетный карман влезет?)».⁸²

2. Сценографический эскиз к трагедии «Действо о Георгии Храбром», подписанный Ремизовом. Рисунок приклеен к твердой обложке, вероятно, предназначавшейся для текста пьесы.

3. Авторский эскиз обложки к книге «Русские женщины», представляющий собой сложенный вдвое лист серой бумаги, на котором красными чернилами рукой Ремизова написано: «Алексей Ремизов / Русские женщины / Народные образы». Посередине: в овале условный рисунок красным чернилами на голубом фоне. Внизу: 1917.⁸³

В контекст творческих и личных отношений Иванова-Разумника и А. М. Ремизова следует включить гранки журнала «Заветы» с неосуществленной публикацией из документального цикла Ремизова «Россия в письмах. Разорение, общественно случившееся. Письмо отечественное 1752—1814 гг.»,⁸⁴ а также четыре дарственные надписи на книгах, сохранившихся в архиве критика:

Леклер А. фон. К монистической гносеологии / Пер. с нем. А. Ремизова. СПб.: изд. Д. Е. Жуковского, 1904. 60 с.

На титульном листе: «Разумнику Васильевичу Иванову от А. Ремизова. 1908 г. мая 17».

Ремизов А. Трава-мурава. Сказ и величание. Берлин: Изд. С. Ефрона, [б.г.]. 191 с.

На обложке рукой Ремизова: «Иванов-Разумник».

На обороте обложки: «Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику. А. Ремизов
22.V.<19>22 Charlottenburg».

Ремизов А. Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин: Грани, МСМХХII. 96 с.

На авантитуле: «Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику.

1918—1921. Алексей Ремизов

Charlottenburg. <19>22. 22.V».

Ремизов А. Шумы города. Ревель: Библиофил, 1921.

На авантитуле: «Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику.

22/V 1922».⁸⁵

Ранний автограф фиксирует время первых личных встреч писателя с Ивановым-Разумником. Три другие, присланные Ремизовым из Берлина, оказались последними обращениями к многолетнему спутнику, перед тем, как их судьбы разошлись на долгие годы. Характер инскриптов совпадает с суждением Иванова-Разумника о произошедшей в конце 1910—начале 1920-х годов утрате взаимопонимания: «...с ним мы склеились внешне — не внутренне».⁸⁶ Однако в истории творческих отношений каждый оставался верен себе, поэтому итоговой оценкой можно считать высказанную критиком в те же годы характеристику пути Ремизова: «Он прошел через декадентство, сильно отразившееся по форме на первом его романе „Пруд“, он дошел до вершины своего творчества в „Крестовых страха“, он дал в „Лимонаре“, в трагедиях („Бесовское действо“, „Трагедия об Иуде“, „Действо о Георгии“), в „Отреченных повестях“, в „Посолони“ — образцы новых реалистических форм, уходя-

щих корнями в глубь народного слова и древней „книжной мудрости“. <...> Вечная тема — страдание человеческое — связывает его с Достоевским не менее, чем внешняя форма — с Лесковым. Новый реализм достигает здесь своих вершин и может померяться главами с вершинами символизма русской литературы».⁸⁷

¹ РО ИРЛИ, ф. 79. О судьбе архива Р. В. Иванова-Разумника см.: *Максимов Д. Е.* Спасенный архив // *Огонек*. 1982. № 49. С. 19; а также: *Лавров А. В.* Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год*. Л., 1980. С. 23—63.

² *Иванов-Разумник*. [Сочинения]. Т. 2. Творчество и критика. СПб., [1911]. С. 109.

³ Речь идет о готовившейся к печати в издательстве «Шиповник» третьей редакции романа «Пруд» (*Ремизов А.* Сочинения. СПб.: Шиповник, [1911]. Т. 5). Издания двух предшествующих редакций романа см.: *Вопросы жизни*. 1905. № 4—11; СПб: Сириус, 1908.

⁴ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре*. СПб., 1998. Вып. 2. С. 56. По-видимому, рукопись романа «Пруд», полученная Ивановым-Разумником от Ремизова, была возвращена автору в конце ноября 1919 г. См.: Там же. С. 96.

⁵ Воплощение этого замысла см. в книге Иванова-Разумника «Русская литература XX века (1890—1915 гг.)» (Пг., 1920).

⁶ Впервые: Альманахи издательства «Шиповник». 1910. Кн. 13. С. 161—297.

⁷ Российская национальная библиотека, ф. 634, оп. 1, № 31, л. 11 (далее: РНБ).

⁸ *Ремизов А.* Петербургский буерак. Встречи. Париж, 1981. С. 31. Впоследствии «Крестовые сестры» издавались еще дважды: в московском издательстве «Универсальная библиотека», с подзаголовком «Повесть» (1918) и в берлинском издательстве З. И. Гржебина (1922).

⁹ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 39.

¹⁰ Утро России. 1910. 5 сент., № 242. С. 4.

¹¹ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 42.

¹² Русские ведомости. 1910. 17 сент., № 213. С. 2—3. Дата публикации статьи соответствовала дню появления повести в 13-ой книге альманаха «Шиповник».

¹³ Киевские вести. 1910. 21 сент., № 253. С. 2.

¹⁴ Речь. 1910. 11 окт., № 279. С. 2—3.

¹⁵ Имеется в виду черновая рукопись, написанная в имени Ждань и сохранившаяся в архиве Иванова-Разумника.

¹⁶ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 43.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 73. Здесь и далее публикуемые фрагменты воспроизводятся в соответствии с авторской пунктуацией.

¹⁸ *Ремизов А.* Кукка. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 49.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 661, № 469, л. 44.

²⁰ Там же, л. 45.

²¹ Там же, л. 53.

²² Там же, № 470, л. 3.

²³ Собрание сочинений В. Г. Белинского в 3-х т. под редакцией Иванова-Разумника вышло в 1911 г.; составитель именного алфавитного указателя (Т. 3. С. 1011—1017) не назван.

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 113.

²⁵ *Иванов-Разумник*. [Сочинения]. Т. 2. Творчество и критика. С. 196.

²⁶ В окончательном тексте природа построения многих образов полисемантическая. По наблюдениям А. Данилевского, характерные черты В. В. Розанова привнесены в образ Акумовны. См.: *Данилевский А. А.* A realioribus ad realia // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 781. С. 106—107.

²⁷ Исследование автобиографических мотивов в окончательной редакции повести см: *Топоров В. Н.* О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда. Ста-

тья первая // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1989. Вып. 857. С. 138—158; он же. О «Крестовых сестрах» А. М. Ремизова: поэзия и правда. Статья вторая // Уч. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1988. Вып. 822. С. 121—138; а также: *Данилевский А. А.* *A gelioribus ad realia.* С. 99—123.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 230, л. 2.

²⁹ Два слова вытравлены.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 46.

³¹ *Ремизов А.* Крестовые сестры // Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 13.

С. 261.

³² РО ИРЛИ, ф. 79, л. 67.

³³ Примечательно, что анекдотический микро-сюжет о пирогах, изъятый из окончательного текста, впоследствии в измененном виде был использован Ремизовым в книге о Розанове: «Рассказывал и о каком-то батюшке, который потчужа гостей, говаривал: „Пирог, извините, с яцами“ <...> Бывало, в воскресенье придет к Розановым какой-нибудь батюшка и начнется разговор за чаем. И, конечно, высоким слогом. А В. В. меня ногой под столом, шепчет: — Извините, с яцами! / А сам покраснеет — губы кусает, чтобы не рассмеяться. Все батюшки делились у В. В. на Чернышевских-Добролюбовых и на таких — „с яцами“. И „с яцами“ ему были ближе. — Проще и без лукавства» (*Ремизов А.* *Кухня.* С. 91—92).

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 68^a, 68^c. Фрагмент был вписан в качестве дополнения к сюжетной линии, связанной с историей учительницы Анны Степановны.

³⁵ С 1 по 30 июня Ремизов провел в санатории Волковой, что зафиксировано в его дневнике маршрутов и поездок (РНБ, ф. 634. № 3, л. 9). Находясь в санатории, писатель в письме И. А. Рязановскому от 14 июня сообщал: «Я по приезде сюда начал рассказ и все дни пишу его, хочется хоть начерно написать. Рассказ из Петербургской жизни: Крестовые сестры. Ведется от первого лица — человека склонившегося» (РНБ, ф. 634, № 31, л. 9—10).

³⁶ Далее следует вытравленный текст, начинающийся с зачеркнутого: «и с пользою», с вставкой над строкой: «а потому с опозданием».

³⁷ Вставка.

³⁸ Вытравленное слово.

³⁹ Вытравленное слово.

⁴⁰ Два предложения, без изменений повторенные в окончательном тексте.

⁴¹ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 65—66. Весь фрагмент обведен красным карандашом. Далее следует сохраненный в окончательном варианте текст, начинающийся словами: «Новой соседкой Маракулина оказалась Анна Степановна».

⁴² Вытравленные слова.

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 97—98. Текст сна в рукописи перечеркнут карандашом, вероятно, в процессе работы над следующей редакцией.

⁴⁴ В квадратных скобках здесь и далее: варианты реплик, помещенные напротив каждой строки, которые были приписаны, вероятно, во время работы над третьей редакцией. Эти варианты практически без изменений утверждены в окончательном тексте.

⁴⁵ Слово, приведенное в квадратных скобках, написано сверху.

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 79, л. 78.

⁴⁷ См.: *Ремизов А.* Крестовые сестры // Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 13. С. 261.

⁴⁸ См.: прим. 14.

⁴⁹ О значительных отличиях разных редакций свидетельствует упомянутое выше письмо Ремизова к Рязановскому (см. прим. 28), из которого следует, что в первой редакции повествование велось от первого лица. В последующих редакциях нарратив осуществляется от третьего лица.

⁵⁰ Вытравлены несколько слов.

⁵¹ Слово, написанное над строкой.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 79 (Крестовые сестры. Черновая рукопись), л. 133.

⁵³ *Ремизов А.* Крестовые сестры // Альманахи издательства «Шиповник». Кн. 13.

С. 242.

⁵⁴ См. работы В. Н. Топорова (прим. 27).

⁵⁵ Заметим, что даже эпизод с собакой «*Ревизором*», съевшей нос Станислава-контрорщика, упомянутый в обеих редакциях, является ремизовской парафразой произведений Гоголя.

⁵⁶ В 1912 г. восемь томов, выпущенных издательством «Шиповник» (1910—1911), были перепечатаны издательством «Сирин», выкупившим в 1912 г. право на издание «Сочинений» Ремизова. Книги были изданы под новой обложкой с указанием времени издания (1910—1912), портретом писателя работы М. В. Сабашниковой (Т. I) и сводным указателем первых публикаций, подготовленным автором (Т. VIII).

⁵⁷ Здесь и далее тексты произведений, включенные в макеты отдельных томов, представлены страницами ранних печатных редакций (в круглых скобках) и в соответствующей последовательности.

⁵⁸ Далее: Рассказы.

⁵⁹ Далее: Чортов лог.

⁶⁰ Российская государственная библиотека, ф. 386, карт. 100, № 15.

⁶¹ Впервые: под псевдонимом Н. Молдаванов и с названием «Плач девушки перед замужеством» опубликован в московской газете «Курьер» (1902. 8 сент., № 248); впоследствии включено в сб. «Чортов лог» (С. 268).

⁶² Книга была отпечатана в Типографии М. М. Стасюлевича (СПб. В. О. 5 линия, 28).

⁶³ Возможно, отсутствие первой части сборника связано с подготовкой в 1918 г. в издательстве «Сирин» одноименной книги «Русские женщины», в которую данный раздел вошел без изменений.

⁶⁴ Лист с названием главы отсутствует.

⁶⁵ Лист с названием главы отсутствует.

⁶⁶ Впервые: Северные цветы ассирийские. Альманах IV издательства «Скорпион». М., 1905. С. 70—72; под названием «Омель и Ён».

⁶⁷ Впервые: Там же. С. 72—73; под названием «Пёлэзница».

⁶⁸ Впервые: Там же. С. 76.

⁶⁹ Впервые: Прометей. 1906. № 1. С. 10; С. 262.

⁷⁰ Впервые: Северный край. Ярославль. 1903. 14 февр., № 42. С. 2; под названием «Кутыи войсы».

⁷¹ Впервые: Северные цветы ассирийские. Альманах IV. С. 74—75.

⁷² Впервые: *Ремизов А.* Чортов Лог и Полунощное солнце. Рассказы и поэмы. Сборник. СПб.: EOS, 1908. С. 264; под названием «Закливание ветра. I».

⁷³ Впервые: Северный край. 1903. 17 сент., № 244. С. 2; под названием «Ошка-Мошка» в цикле стихотворений в прозе «По весне северной».

⁷⁴ Освободившись из ссылки, Ремизов приехал в Херсон 19 июня 1903 г. и до 4 августа прожил в гостинице Лондонской. См. публикацию А. М. Грачевой писем А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву в наст. изд.

⁷⁵ См. датировку отдельных стихотворений в авторском указателе к «Сочинениям» (Т. VIII. «Азбуковник», «Временник». С. 291—304).

⁷⁶ В частности, см. отказ заведующего редакцией московской газеты «Курьер» в письме к Ремизову от 20 января 1903 г.: «Ваши „Черты“ <...> и „Кутыи-Войсы“ не пойдут» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 19). В письме от 17 июля 1903 г. молодой писатель извещал П. Е. Щеголева, способствовавшего его первым литературным шагам: «Написал ряд картинок: „Сотворение мира“, „Кикимора“, „Бубыля“, „Икёта“, „Закливание Ветра“ под общим названием „Мир зырянский“. Пришло раньше, а куда их — пообсудите, написаны неразмеренным стихом» (РО ИРЛИ, ф. 627, № 1479—1610, л. 56).

⁷⁷ См. дарственную надпись писателя, обращенную жене — С. П. Ремизовой-Довгелло, на форзаце книги «Заветные сказы» (Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 21).

⁷⁸ РНБ, ф. 292, № 23.

⁷⁹ Существует еще один список «Табака», хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 420, оп. 1, № 27; далее РГАЛИ) и отличный от фотоконии из архива Иванова-Разумника.

⁸⁰ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 70.

⁸¹ Ср.: «Я трудился над перепиской моей повести: на больших листах полуустав с красными и голубыми заглавными буквами; к моим листам вложены листы с оригиналами рисунков Сомова. <...> перед отсылкой в Москву мой текст был сфотографирован В. Н. Ивойловым (Княжнин), он достал фотографический аппарат и увековечил. Негативы взял к себе П. Е. Щеголев, обещал сделать оттиски, да так

и не собрался, и памяти у меня никакой не осталось» (*Ремизов А.* Петербургский буерак. С. 76—77). Местонахождение оригинала этого списка не установлено.

⁸² Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову. С. 64.

⁸³ Возможно, создание этой обложки относится к началу 1917 г., когда Ремизов вел переговоры с книгоиздательством М. и С. Сабашниковых об издании книги «Русские женщины» с иллюстрациями С. Чехонина. После неудачи с этим проектом книга вышла в издательстве «Скифы» в оформлении К. Петрова-Водкина. На обложке обозначен 1918 г.

⁸⁴ РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 140. На л. 1 штамп: «Типография 1ой С.П.Б. Трудовой артели. 22 авг. 1914. Лиговская ул., 34».

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 1, № 360 (Фрагмент книги до 14 страницы).

⁸⁶ Письмо Иванова-Разумника М. Пришвину от 19 сентября 1919 г. (РГАЛИ. Фонд М. М. Пришвина). Тем не менее, несмотря на известные идеологические разногласия, в конце 1910-х—начале 1920-х гг. с обеих сторон предпринимались попытки наладить общение в письмах.

⁸⁷ *Иванов-Разумник.* Русская литература XX века (1890—1915 гг.). С. 36.

Л. И. Кузьмина

В. В. ПУШКАРЕВА-КОТЛЯРЕВСКАЯ

(по материалам архивов К. Р. и Н. А. Котляревского
и по личным воспоминаниям)

Поэт К. Р., он же — великий князь Константин Константинович, оставил нам, кроме художественного (стихотворения, поэмы, драма, переводы, статьи), также и ценнейшее эпистолярное наследие. Большая часть переписки К. Р., в соответствии с его завещанием, хранится в Пушкинском Доме РАН в его личном фонде (№ 137). Но в несоответствии с его волей указом советского правительства в 1938 г. семейная переписка (вместе с его дневником) была передана в Москву, в Центральный государственный архив Октябрьской революции (ныне: Центральный государственный архив Российской Федерации).

В настоящее время издана книга избранной переписки К. Р. с П. И. Чайковским, И. А. Гончаровым, А. А. Фетом, А. Н. и Л. Н. Майковым, Я. П. Полонским и Н. Н. Страховым,¹ подготовленная по материалам фонда 137. Письма К. Р. имеются и в других фондах РО ИРЛИ, и в отдельных поступлениях, а среди его корреспондентов — не только деятели русской культуры, но и иностранцы.²

В настоящем сообщении рассматриваются наиболее интересные письма К. Р. к Вере Васильевне Пушкаревой-Котляревской, хранящиеся в фонде ее мужа академика Н. А. Котляревского, которые посвящены в основном театру и, в частности, работе К. Р. над пьесой «Царь Иудейский» (РО ИРЛИ, ф. 135, № 1040).

Судя по архиву К. Р., их переписка (в фонде Котляревского ответов на письма К. Р. сохранилось немного; не исключено, что они находятся где-то в другом архиве, скорее всего — в архиве В. В. Пушкаревой-Котляревской в Софии) достаточно обширна и содержательна. За 1909—1915 гг. К. Р. написал своей корреспондентке 93 письма. Пожалуй, большее пристрастие среди женщин он испытывал только к своей сестре Ольге Константиновне, королеве Эллинов. Чем же была привлекательна для великого князя В. В. Пушкарева-Котляревская?

В. В. Пушкарева-Котляревская — одна из ведущих петербургских актрис начала века, исполнительница главных ролей в Александринском и Михайловском театрах (Гертруды в «Трагедии о Гамлете, принце Датском» Шекспира, Василисы Мелентьевой в драме А. Н. Островского «Василиса Мелентьева», Тизбы в драме В. Гюго «Анджело», Лукреции Борджиа в трагедии того же названия, царицы Ирины в трагедии А. К. Толстого «Царь Борис» и многих других). Казалось бы — не из августейшего рода, а представительница театрального искусства, да еще и примадонна, но сведения о ней из истории русской культуры также были вычеркнуты. Их нет ни в театральной энциклопедии, ни в каталогах Театрального музея или Театральной библиотеки.³

Между тем, ее партнерами по сцене были Е. И. Тиме, В. Ф. Комиссаржевская, М. Ю. Юрьев; а однажды (8 февраля 1900 г.) она сыграла в шекспировском «Отелло» со знаменитым Томазе Сальвини. К ее интеллектуальной характеристике немало добавляет перечень ее адресатов и корреспондентов: в Пушкинском Доме хранятся письма к ней И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, В. Н. Давыдова, О. Л. Книппер-Чеховой, А. Ф. Кони, В. Ф. Комиссаржевской, З. Н. Гиппиус, В. И. Немировича-Данченко и др. известных России людей.

Была В. В. Пушкарева-Котляревская, видимо, хороша собой. Ее воспевал в стихотворениях К. Д. Бальмонт: «Я хотел бы тебя заласкать вдохновеньем...» (с посвящением В. В. К.***), «Сердце малящая, стройная, гибкая...» (13 марта 1899), «Без слов» (21 марта 1899), автографы которых также хранятся в фонде Н. А. Котляревского.

В 1894 г. Вера Васильевна вышла замуж за филолога Н. А. Котляревского и стала носить фамилию Пушкаревой-Котляревской. Материалы архива ее мужа показывают, что Вера Васильевна была человеком образованным и имела литературные склонности: на многих творческих рукописях академика присутствует почерк его жены. Она помогала ему переписывать отдельные страницы его работ по истории русской литературы (о М. Ю. Лермонтове, И. С. Тургеневе, С. Т. Аксакове, П. В. Анненкове, К. Н. Батюшкове и других). Между супругами явно существовало взаимопонимание: в фонде Котляревского хранится 96 писем Нестора Александровича к жене и 302 ее ответа мужу. Этот факт говорит о том, что у них была потребность в непрерывном душевном и духовном общении (особенно, если принять во внимание, что их расставания — до последнего разрыва — не столь уж часты: ее гастроли, его деловые поездки, визиты к родственникам).

Эпистолярное наследие К. Р. достаточно велико (он никогда не позволял себе оставить письмо к нему без ответа). Но к выбору постоянных корреспондентов он относился очень взыскательно. Такой избранной оказалась и Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская, и обретение большой пачки его писем к ней не в его фонде, а в фонде академика Котляревского — факт счастливый! Эти письма не только дополняют наше представление об обоих корреспондентах (особенно о Vere Васильевне), но и свидетельствуют о перспективности архивных поисков.

Дату личного знакомства великого князя Константина Константиновича с В. В. Пушкиревой пока установить не удалось. И хотя их постоянная переписка началась в 1909 г. и закончилась за полтора месяца до смерти К. Р. (16 апреля 1915 г.), среди материалов, относящихся к Пушкиревой, есть признаки их более раннего общения: в 1893 г. она участвовала в литературных «Измайловских досугах», устройтелем которых был К. Р., и в том же году исполняла роль княжны Изабеллы в постановке «Мессинской невесты» Ф. Шиллера в переводе К. Р. Уже из первых писем К. Р. к актрисе становится ясно, что они знакомы, так как он проявляет осведомленность в ее театральном репертуаре, упоминая о исполнении ею роли Кассандры в пьесе Леконта де Лилля «Эринии», Элен в инсценировке «Войны и мира» Л. Толстого, Антигоны в трагедии Софокла, Тизбы в драме В. Гюго «Анджело». Очевидно, актерский талант Пушкиревой стал причиной тому, что К. Р. после «Мессинской невесты» привлек актрису для участия в шекспировской драме «Гамлет» (в его переводе) и дал ей роль Гертруды.

«Гамлет» впервые был поставлен 17 января 1897 г. в «Измайловских досугах» в зале офицерского собрания, в доме на углу Первой роты. Роль Гамлета исполнял автор перевода — великий князь Константин Константинович. В 1899 г. они вместе выступали в Мраморном дворце и 17 февраля 1900 г. — в Императорском Эрмитажном театре. 30 ноября того же года спектакль шел в Александринском театре, а позже — в Китайском театре в Царском Селе.⁴

В письмах К. Р. и Пушкиревой-Котляревской безошибочно усматривается не только признание за ней профессионализма, но и отношение к ней как к незаурядной личности. Так, 28 августа 1913 г. К. Р. пишет ей из Осташева: «Как отрадно, многоуважаемая Вера Васильевна, иметь дело с человеком тонко чувствующим и понимающим...». Их многое связывало, в том числе и любовь к поэзии. Примечательно, что в письме от 16 февраля 1910 г. выясняется, что стихотворение «Когда спадут листья, и ты пойдешь / Искать на кладбище мой крест могильный...» — было прислано Константину Константиновичу и рекомендовано к переводу именно Пушкиревой-Котляревской. Ей же перевод и был посвящен.⁵

В письмах актрисы поэт нередко получал ценные советы (особенно театрального свойства), с благодарностью пользовался ими. Не без оснований же именно ей — никому другому — он первой сообщал о новой (и, как оказалось, последней) своей единственной оригинальной (не переводной) пьесе — «Царь Иудейский». 25 августа 1911 г. он ставит в известность свою корреспондентку: «Вам хочется знать, какой сюжет выбран мной для историч<еской> драмы в стихах. Нет, не из русской, а всемирной истории. Я назвал пока свою драму «Царь Иудейский». Главной в ней лицо — Христос — будет за сценой. Начинается со входа в Иерусалим, когда Он уже вошел в городские врата. Ко 2-му действию еще не приступлено. Оно будет в доме Пилата...».

Через полгода, 10 марта 1912 г., К. Р. отправляет рукопись двух первых действий своей корреспондентке и сопровождает посылку письмом, в котором называет свое новое произведение «главное

мое сокровище», просит ее посмотреть пьесу, главным образом с точки зрения сценографии, не щадя его авторского самолюбия. Письмо содержит также предложение актрисе взять на себя роль Прокулы — жены Пилата.

Почти в каждом письме К. Р. делится с корреспонденткой своими планами, сомнениями, знакомит ее с различными моментами творческого процесса работы над пьесой и просит ее, а через нее и ее мужа — отзывов, и получает их, как правило, положительными.

К весне 1912 г. драма «Царь Иудейский» была завершена и «в тесном кружке» обсуждалась в Мраморном дворце. После этого — 15 (28) апреля 1912 г. — К. Р. в письме высказал опасение, что «драма не будет допущена на сцену ради слишком осязательного, хотя и незримого, присутствия Христа Спасителя». Основания к этим опасениям заключались в том, что по существующей европейской традиции присутствие на сцене образа Христа считалось недопустимым. В пьесе К. Р. сам Христос отсутствует, но именно он и его учение составляют содержание пьесы и определяют смысл поступков всех действующих лиц — и Иосифа Аримоефского, и Никодима, и Прокулы. Действие в «Царе Иудейском» происходит в последние дни земной жизни Христа. На сцене разворачиваются картины торжественного въезда Христа в Иерусалим, толпы, требующей казни мессии, его крестного пути. И хотя самого Христа нет, его портрет живо нарисован в монологе Пилата (2-е действие, 12 картина).

Пилат:

Выхожу я к ним. Смотрю, перед возвышенным помостом
Внизу на площади шумит народ;
Первосвященник, книжники и члены
Синедриона впереди. Ко мне
По мраморным ступеням стража сходит
И Узника ведет. И Он предстал
Передо мной: без обуви, одетый,
Как нищий. Но в убогом этом виде
Величествен казался он, как некий
Под рубищем скрывающийся царь.
Он не похож на иудея; сходства
В нем нет ни с кем из остальных людей.
С достоинством, спокойно, без движенья,
Без робости или тревоги
Он вдумчиво и прямо мне в глаза
Смотрел. И этот строгий взор как будто
Преследует меня... Я от него
И до сих пор избавиться не в силах.

Как и переводные пьесы К. Р., «Царь Иудейский» был снабжен обширным комментарием с историческими справками о действующих лицах.

Вокруг драмы «Царь Иудейский» развернулась широкая политическая кампания. Правые Государственной думы и члены палаты

Михаила Архангела с В. М. Пуришкевичем во главе организовали поход против пьесы, в которой, якобы, все упоминалось имя Богочеловека. Дело дошло до Святейшего Синода. К письму Пушкиревой от 9 (22) августа 1912 г. К. Р. прилагает копию письма члена Синода архиепископа Финляндского по поводу пьесы. Его содержание возмутило К. Р., и он законно предполагал, что и Котляревские будут с ним солидарны. В этом же письме К. Р. сообщил Вере Васильевне о том, что пишет письмо Государю с цитатами из письма вышеупомянутого духовного лица и их опровержением, а также с просьбой разрешить постановку «Царя Иудейского» если не в общественных театрах, то в Эрмитажном или Китайском при содействии «Измайловских досугов». В этом же письме к Пушкиревой содержится интересная параллель между пьесой К. Р. и гоголевским «Ревизором», который, по словам К. Р., «по недомыслию близорукой цензуры не увидел бы сцены, если б не заступничество Николая I». К. Р. выражал мечту «оказаться в положении Гоголя».

Император не мог не согласиться с Синодом, но поставить драму «Царь Иудейский» все-таки разрешил «Измайловским досугам»: это как бы предопределяло любительский характер спектаклей. Узнав об этом в Египте, где он в то время находился на лечении, К. Р. был счастлив. 20 февраля 1913 г. он писал Пушкиревой: «Постановка моей драмы составляет мою любимую, пламенную, заветную мечту, и вот, она как будто начинает сбываться!».

В письмах К. Р. к Пушкиревой-Котляревской, кроме «Царя Иудейского», присутствуют, естественно, и другие сюжеты: К. Р. много и красочно описывал в них природу Египта, рассказывал о себе, расспрашивал о семейных делах своей корреспондентки.

Последнее письмо К. Р. к Пушкиревой-Котляревской написано им за полтора месяца до смерти. Ни по тону, ни по интересу к событиям и людям, ни по почерку в нем не увидишь умирающего человека. Вера Васильевна находилась в это время в армии, была награждена медалью на Георгиевской ленте, с чем Константин Константинович ее успел поздравить. Он еще полон жизненных планов: сожалеет, что не сможет попасть на «вечер поэзии К. Р.» по причине нездоровья, замечая: «теперь лучше, но в город (К. Р. в это время был в Павловске. — Л. К.) еще не пускают». 2-го (15) июня 1915 г. Великого Князя Константина Константиновича, поэта К. Р., не стало.

На этом можно было бы поставить точку в сюжете о переписке К. Р. с В. В. Пушкиревой-Котляревской, если бы не так неразрывно была связана ее дальнейшая, трудная и интересная жизнь с судьбами русской интеллигенции, России, Пушкинского Дома и К. Р., в письмах которого уже завязывались «узелки» будущих драматических сюжетов в участии некогда знаменитой актрисы.

Здесь мы нарушим ход событий, продиктованный письмами К. Р. к Пушкиревой-Котляревской.

Летом 1957 г. академик М. П. Алексеев вошел в Музей Пушкинского Дома с дамой, которую представил: «Кира Несторовна Котляревская». Кто в Пушкинском Доме не знал имени Нестора

Александровича Котляревского, бывшего директора этого научного учреждения? А вот Кира Несторовна выяснила, что она его дочь только после смерти матери, Веры Васильевны Пушкаревой, ознакомившись с ее архивом. К этому времени Кира была уже научным сотрудником кафедры русской литературы и языка Болгарской академии наук. И сразу же приехала в Ленинград, в Пушкинский Дом. Множество фотографий, семейных, с родителями, с отцом, ее маленькой, — первое знакомство.

Кира Несторовна много рассказывала нам об истории ее семьи (мужа, детей), мы узнали, что ее муж был тоже русским эмигрантом и, уезжая из России, взял с собой горсть русской земли. Оба они с мужем в годы Великой Отечественной войны были партизанами. Только позже мы осознали, что волновали-то ее в тот приезд к нам более всего судьбы ее родителей, семьи, в которой она выросла, но об этом она почему-то предпочитала молчать.

Ее визит оставил неизъяснимое впечатление. Через год (или через два?) автор этой публикации в качестве туриста оказался в Софии и первым делом направился по оставленному Кирой адресу. Ее не оказалось дома, и соседка с недоумением поправила: «Она не Кира Несторовна, а Кира Иордановна, и фамилия ее Пехливанова».

Всем, знавшим ее историю, показалась правильной следующая логика: Вера Васильевна Пушкарева-Котляревская, заброшенная событиями революции в Болгарию, была разлучена с мужем, оставшимся в Петербурге, и вышла замуж за болгарина Пехливанова Иордана.

Но материалы фонда Н. А. Котляревского, а отчасти и письма К. Р. к Пушкаревой-Котляревской позволяют прояснить и уточнить эту историю, более сложную и трагическую.

Большую часть своей жизни Кира прожила в сознании, что она — болгарка, Кира Иордановна. А в письмах К. Р. к ее матери поэт неоднократно справлялся о ее дочери Кире. Кроме того, в письме К. Р. к Вере Васильевне от 16 февраля 1910 г. упоминается «дело капит<ана> Пехливанова», которое состояло в просьбе Веры Васильевны к великому князю о содействии его в переводе Пехливанова в русское подданство.

Просьба оказалась трудной даже для великого князя Константина Константиновича. Из других материалов фонда неясно, свершился ли переход Пехливанова в русское подданство, но скорее всего да, поскольку он служил в русской армии начальником штаба Заамурской дивизии. Судя по сохранившимся архивным документам, был он также человеком незаурядным. В фонде Котляревского хранится, например, рукопись предисловия академика к учебнику «Пособие по воспитанию и обучению бойца и войск», автором которого был И. Г. Пехливанов. Показателен и круг его корреспондентов: И. Е. Репин, Я. П. Полонский, М. Г. Савина, К. С. Станиславский, И. Стравинский. Для нашего разыскания важно и то, что в фонде Котляревского находятся и такие документы (№ 32, 83, 835, 1020, 1104), содержание которых говорит о многолетней дружбе Пехливанова с семейством Котляревских. Среди них есть даже распоряжение Веры Васильевны на случай ее смерти — в нем

также упомянуто имя Иордана Георгиевича Пехливанова. Примечательны и его запросы из армии и ответы на них Нестора Александровича о благополучии в их семье.

Очевидно не все было так просто; в письмах И. Пехливанова к В. В. Пушкаревой-Котляревской виден некий определенный оттенок: в письме от 9 мая 1906 г. он называет свою адресатку «божество ты мое»; выразительны и такие признания Пехливанова, как «несуществующий грех» и «бушующая» в его душе «буря». Но, если судить по переписке между супругами Котляревскими, чувство Иордана Георгиевича было односторонним и не отражалось на их отношениях.

И тем не менее их семейная судьба постепенно все более осложнялась. Началась война, и Вера Васильевна ушла на фронт, в качестве сестры милосердия она была зачислена в зубоврачебный кабинет (!). Документы фонда Котляревского свидетельствуют о деятельной натуре этой женщины. В начале войны она написала «Воззвание к русским женщинам» (подпись — русская женщина. 1917. № 861) и эссе «Когда объявили войну» (отрывок, № 813). Она активно участвовала в материальном снабжении армии, в делах «Красного креста». Во время Первой мировой войны, как уже говорилось, была награждена командованием 9-й армии медалью на Георгиевской ленте «за доставку в кипятильнике горячего чая на позиции ночью под огнем противника» (№ 840).

В переписке Пушкаревой-Котляревской с мужем после 1917 г. «пунктиром» намечается ее биография последующих лет (1917—1925). Если принять во внимание решительное изменение обстановки в стране, переписка их достаточно регулярна. В письмах описание фронтовой жизни, обычаев, нравов и т. п., из которых могло бы составить отдельное повествование. Задолго до окончательного отступления Вера Васильевна увидела приметы разложения в армии. 15—16 июля 1917 г. из деревни Александровка она пишет мужу: «С этой разнузданной и озверелой толпой воевать нельзя». И 27 июля: «Солдаты без поясов, с расстегнутыми воротами рубах, курящие, ругающиеся, провожающие свистками и шиканьем экипажи с сестрами, выкрикивающие недостойные замечания...». Редкие письма из Петербурга поддерживают ее: «Установилась связь, и я снова не одна на всем бушующем и подлом мире». Между прочим, писем Нестора Александровича жене в его фонде немного (№ 80), и сохранились только те, что писал он ей до 1909 г. Остальные, возможно, находятся в архиве Веры Васильевны в Софии.

В ее же письмах — ужас и растерянность. Она обращается к мужу: «Мне жутко среди этого разложения». Ее намерения «добраться до Петербурга» совершенно нереальны. 20 января 1918 г. Пушкарева-Котляревская сообщает в Петербург, что до них «докатилась волна большевизма». Сложности в семье усугубляло положение с дочерью: Кира летом 1917 г. находилась в Гурзуфе (очевидно, на отдыхе, с кем-то из близких?). Воссоединиться с нею матери удалось только в ноябре 1917 г.

Ситуация небывалая, Вере Васильевне трудно одной на что-то решиться. «Что ты посоветуешь, — пишет она мужу, — ехать или оставаться тут?». Они с Киной смогли лишь добраться до Украины.

20 марта 1919 г. датировано ее письмо из Сум, откуда она пишет Нестору Александровичу: «Родной мой, ты стал мне еще дороже и любимее...» И тут же безысходное: «ты прав, надежд уже нет никаких».

Все больше назревает страх разрыва. 26 ноября 1919 г.: «Ну, вот и оборвалось, 4-й день нет почты... Для меня сейчас самое горькое, что нет сообщений с тобой». Ей одной, в отрыве от любимого мужа, надлежит в труднейшей обстановке решать их общую дальнейшую судьбу, и 7 ноября 1919 г. в Петроград доходят тяжелые строки: «Вынуждена сделать попытку все-таки уехать. Иначе я тут больная с ребенком и без всякой поддержки...». За этим последовал зияющий перерыв в их переписке. И только 4 февраля 1921 г. — письмо с обращением «Дорогой, родной, любимый мой Нестор» и адресом: «София, ул. Волкович № 2, третий этаж, В. В. Пушкиревой».

Она все еще пишет мужу, подробно рассказывая, как они добрались, как живут, как устроились, чем зарабатывает: статьями о театре в газетах, уроками декламации. «На жизнь пока имеется довольно», — пишет она 7 ноября 1920 г. Продовольственная тема завершается; 4 февраля 1921 г. в письме сказано: «живем сыто, хорошо». Все еще живет в ее душе беспокойство о муже, она находит возможность пересылать ему посылки, беспокоится о том, что в Пушкинском Доме «трубы лопнули» и «что отопление к зиме не будет готово», — это ее удручает: «Тебе нельзя работать в холоду» (4 сентября 1924 г.). Были в ее письмах к Нестору Александровичу и призывы постараться приехать к ним. Но писем становится меньше, и все большее место в них занимает дочь Кира. Вера Васильевна пишет мужу о привязанности к нему Киры, к которой «присоединяется чувство какой-то влюбленности — недаром она находит, что ты самый красивый и самый умный из людей». А ведь речь идет о Несторе Александровиче как о крестном отце.

С лета 1922 г. почти в каждом ее письме упоминается Юр <Иордан> Григорьевич Пехливанов. Тема сытости — позади, теперь ее волнует другое. 29 апреля 1922 г. Пушкирева пишет мужу: «Я больше всего не люблю ложь, а мне здесь приходится лгать: мне 48 л., я жена и т. д. В зеркало посмотрю и вижу, что начинаю походить на маму, какой ты ее знал». Беспокоит ее и судьба Киры.

Под № 133 в фонде Н. А. Котляревского числятся бумаги о заграничных поездках его в 1922—1924 годах. Научный академический центр командировал Н. А. Котляревского в Париж (за его счет) разведать о возможности получения завещанной России пушкинской коллекции А. Ф. Онегина. Но развязка их личных судеб свершилась в 1924 г. — бракоразводное свидетельство от 21 марта (3 апреля), заверенное Епархиальным советом при Управлении Русскими Православными Общинами г. София (ед. хр. 102 в фонде Котляревского).

Брак Н. А. Котляревского и В. В. Пушкиревой, заключенный 12 мая 1894 г. в Петербурге, был «расторгнут по причине нарушения Верой Васильевной Пушкиревой супружеской верности с воспрещением Vere Васильевне Котляревской, урожденной Пушкиревой, вступать во второй брак впредь до отбытия семилетней эпи-

тимии». Нестору Александровичу разрешалось жениться беспрепятственно. Свет на истинное положение вещей проливает письмо Киры от 7 сентября 1925 г. к Н. А. Котляревскому. «Дорогой крестный папа!» — так обращается к нему девочка, а об И. Г. Пехливанове замечает: «Папа все не приезжает, все дела, и мы одни...». Так, вопреки официальному запрету, Вера Васильевна устроила свою судьбу, разрубив этот «гордиев узел».

Допустим кольцеобразное построение второй части нашего повествования: когда в 1957 г. М. П. Алексеев представил музейным сотрудникам Пушкинского Дома Киру Иордановну Пехливанову как Киру Несторовну Котляревскую, она его не опровергла: говорить об этом ей, очевидно, было не так уж легко. Но приехала она в Ленинград, в Пушкинский Дом, именно с целью уяснить для себя всю сложную историю своей семьи, своих родителей.

Первые записи в листах использования семейных документов Котляревских были сделаны именно ею: «Пехливанова» — стояло там. Даты: 8 августа 1957 и 29 июля 1960 годов (она приезжала еще раз). А в одном из листов использования в графе «цель занятий» ее рукой обозначено: «Биография Н. А. Котляревского».

Написана ли была книга о Н. А. Котляревском, какова судьба архива В. В. Пушкиревой-Котляревской и самой Киры Иордановны (Несторовны), автор публикации не знает. Сюжет, можно сказать, недосказанный. Но, как бы то ни было, материалы фонда Н. А. Котляревского помогли раскрыть, кроме творческих моментов работы К. Р. над пьесой «Царь Иудейский», непростую и незаурядную историю одной из русских интеллигентных семей на страшном переломе 1917 года.

¹ К. Р. Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. Зародова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово; Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999.

² См., например, ответы на письма К. Р. известного литературного критика Франции Мельхиора де Вогюз за 1887, 1890 и 1899 гг. См.: *Заборов П. Р. Э. М. де Вогюз. Письма к русским литераторам* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 210—211.

³ Несколько раз В. В. Пушкирева упомянута в книге Н. Н. Ходотова «Далекое близкое» (Л.: М., 1962): как окончившая среди лучших в 1898 г. Драматические курсы и принятая на сцену Александринского театра, а также дважды как жена академика Н. А. Котляревского.

⁴ Подробнее о «Гамлете» см.: *Кузьмина Л. И. Августейший поэт*. СПб., 1995. С. 122—147.

⁵ Стихотворения К. Р. 1879—1912. Пг., 1915. Т. 2. С. 31 (Из Стаккети).

СТИХИ А. М. БАКУНИНА, НАПИСАННЫЕ В ПОДРАЖАНИЕ Н. А. ЛЬВОВУ

Публикация К. Ю. Лаппо-Данилевского

Появление в 1990-е годы многочисленных публикаций, посвященных фигуре А. М. Бакунина (1768—1854),¹ принадлежащих разным авторам и освещающих различные стороны его деятельности, на мой взгляд, вполне закономерно. При этом, конечно, сыграло определенную роль желание более детально показать истоки премухинской культурной традиции, столь значимой для истории русской культуры. С другой стороны, невозможно отрицать и тот факт, что многие явления с течением времени подвергаются переоценке, фигурам, считавшимся ранее малозначительными, уделяется все больший интерес, а то, что ранее казалось маргинальным, предстает с течением времени в его отношении к общему как существенное и неотъемлемое.

Связанный родственными узами с поэтами львовско-державинского кружка (сестрам Дьяковым, на которых были женаты В. В. Капнист, Н. А. Львов и Г. Р. Державин, А. М. Бакунин приходился двоюродным братом), поэт пробовал себя в стихах уже в начале 1790-х годов. Тяжелая болезнь отца и финансовые затруднения семьи вынудили начинающего литератора 14 ноября 1797 г. окончательно выйти в отставку и жить почти безвыездно до конца своих дней в деревне. Усилившаяся изоляция поэта, отторженность от литературного процесса привели постепенно к тому, что его творчество становится фактом истории бакунинской семьи.

Особенно тесная дружба на протяжении 1790-х годов связывала А. М. Бакунина с Н. А. Львовым. Из-за утраты части рукописей их поэтический диалог не поддается реконструкции в полной мере; перечислю поэтому лишь то, что не вызывает сомнений:

- 1) во второй части журнала «Муза» за 1796 год Н. А. Львов опубликовал стихотворный «Отрывок из письма А. М. Б<акунину>»,² являющийся ответом на не дошедшие до нас стихи;
- 2) 14 июня 1797 г. датирована двучастная «Эпистола к А. М. Бакунину из Павловского» Н. А. Львова (Бакунин служил в то время неподалеку, в Гатчине); в ней тщете и лицемерию придворной жизни противопоставлен гармоничный сельский уклад львовско-державинского родственного круга;
- 3) в 1799 г. А. М. Бакунин дарит Н. А. Львову рукописный сборник, состоящий из шести посвященных ему стихотворений;³

- 4) Н. А. Львов создает послание «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А. М. Б<акунину> 1801 октября 1-го»;
- 5) в конце 1810-х А. М. Бакунин собирает в тетради (бумага с водяными знаками 1818 г.) стихи, написанные, как представляется в 1800-е, варьирующие темы стихов Н. А. Львова и содержащие парафразы и цитаты из них.⁴

Именно эти стихи А. М. Бакунина, продолжающие после смерти Н. А. Львова диалог с ним, являются предметом настоящей публикации. В архивной описи они озаглавлены «Собрание басен А. М. Бакунина, написанных в подражание Н. А. Львову», что вряд ли верно, ибо лишь два из публикуемых поэтических текстов могут быть отнесены к жанру басни (два других вызваны к жизни посланиями Н. А. Львова и варьируют их темы). Печатаемые произведения А. М. Бакунина вдохновлены четырьмя стихотворениями Н. А. Львова — «Не час», «Счастье и Фортуна» (вторая часть «Эпистолы к А. М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797»), «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А. М. Б<акунину> 1801 октября 1-го», «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину от меня неизменного обычное челобитье 20 августа 1801 года, С.-Петербурга».

Подражая стихам своего друга, А. М. Бакунин остается в целом верен его темам, иногда вполне самостоятельно (хотя и не всегда удачно)⁵ развивая их. Разностопные ямбы, придающие ритмике стихов Н. А. Львова неповторимость и разнообразие, почти всюду «конвертированы» в четырехстопный ямб. Бакунину не хватало и поэтической смелости Н. А. Львова, свободно вводившего в словесную ткань своих произведений идиомы, диалектизмы и разговорные обороты. Это наиболее хорошо видно, если сравнить концовки двух басен, развивающих тривиальную тему необходимости не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Общий вывод Н. А. Львова полон лукавства:

...А только тот, кто не зеваёт,
Час добрый за хохол хватает
И в праздный день и между дел,
Чтоб он без пошщины куда не улетел.

Бакунин без всякой иронии констатирует неудачу, постигшую двух птичек, не собравших вовремя пух для их гнезда:

Своей чредой
И птички прилетели,
Да пуху нет — пришло опять
Гнезда до завтра не свивать.

В «Видении Н. А. Львова в Москве» А. М. Бакунин начинает повествование от лица своего друга, однако грань их разделяющая, постепенно стирается; стихотворение завершается уже от лица его автора. Написание соответствующего послания Н. А. Львова было вызвано посещением места, где предполагалось строительство дворца А. А. Безбородко (проект Д. Кваренги) и создание обширного сада (проект Н. А. Львова). 7 июня 1798 г. состоялась торжественная закладка дома, сопровождавшаяся фейерверком. Шедшие полным ходом работы были прерваны внезапной смертью вельможи (6 апреля 1799), бывшего в течение длительного времени покровителем поэта и архитектора. В «Трех „Нет“» Н. А. Львов, переживший тя-

желую утрату и выздоровевший после «смертельной болезни», подводил итог прожитому и размышлял о смерти; он выразил также свое религиозное мироощущение в необычной для поэзии XVIII в. форме — вместо высокого одического славословия встречаем здесь свободное ямбическое повествование, пересыпанное разговорными оборотами и диалектизмами. Этот христианский аспект оказался для А. М. Бакунина странным образом неактуален; в его ремейке опущено и обращение к вере, Надежде, Любви, и, что более важно, новаторская финальная сцена воспарения неуемной (и потому пряной) души Н. А. Львова ко Христу:

Скажу, да сам и улечусь,
Встряхнуся, встрепещусь,
К любви превыспренной и вечной
На крыльях радостных взвоясь
И, легок тем, что не боюсь,
Повыше, чем летал, пушусь,
Взыграю, закружусь
И сверху засмеюсь.
И пред Христом не усмирюсь —
Приелись, чай, и там уж пресных душ витушки.
Он видит так же мой порок,
Как душ смиренных. Прок не прок.
Так, кажется, на что мне четок побракушки?

Последнее из публикуемых стихотворений А. М. Бакунина, обращенное к геологу, поэту и актеру-любителю Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину (1760--1805),⁶ примечательно тем, что в нем (в отличие от соответствующего послания Н. А. Львова) пародийно предвосхищена тема кавказского пленника, столь существенная для дальнейшего развития русской литературы. Здесь же содержится упоминание лазания по горам и латинского наименования трав, несомненно аллюзивное по отношению к соответствующему эпизоду в львовском «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня», адресованном жене А. А. Мусина-Пушкина и посвященном возглавлявшейся им ботанической экскурсии. Во всех этих произведениях (как у Н. А. Львова, так и у А. М. Бакунина) неоднократно упоминается полнота графа, никоим образом не стеснявшая его научной активности и комически сочетавшаяся с повышенной подвижностью.

Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание поэтическим произведениям его друга, к тому времени уже скончавшегося, — любопытный эпизод истории львовско-державинского содружества (точнее, эпилога к ней). Речь поэтому не может вестись о поэтическом состязании, столь обычном для русской литературы XVIII в. — скорее, мы видим поэтический мир одного из поэтов отраженным в творчестве другого. Поэтический талант А. М. Бакунина не столь значителен, он не был столь смел в своих стилистических и ритмических решениях, но был увлечен образами стихов своего ушедшего друга и, парафразируя их, благодарно читил его память.

Стихотворения А. М. Бакунина публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (ф. 16, оп. 2, № 14, л. 1—7). Они являются подражаниями следующим поэтическим произведениям Н. А. Львова: «Не час», «Счастье и Фортуна» (вторая часть «Эпистолы к А. М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797»), «Три „Нет“ у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к

А. М. Б<акунину> 1801 октября 1-го», «Графу Аполлосу Аполлосовичу Мусину-Пушкину от меня неизменитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С.-Петербург». Тексты первых трех см. в кн.: *Львов Н. А.* Избр. соч. С. 89—90, 73—75, 77—80. Лишь львовское послание А. А. Мусину-Пушкину из-за крайней художественной неровности до сих пор остается неопубликованным в полном виде (отрывки см.: *Артamonova З.* Неизданные стихи Н. А. Львова // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 273—274; полный текст в архиве Г. Р. Державина: РНБ, ф. 247, т. 37, л. 77 об.—79); оно было написано вскоре после получения А. А. Мусиним-Пушкиным 17 октября 1801 г. разрешения на организацию экспедиции в Грузию. 8 декабря 1799 г. он обратился к Н. А. Львову с посланием из Нижнего Новгорода (не опубликовано, см.: там же, л. 70 об.).

Несмотря на то, что А. М. Бакунин порой весьма вольно парафразирует стихи Н. А. Львова, не представлялось целесообразным перегружать комментарий перечнем всех цитируемых стихов. Парафразы стихов Н. А. Львова в данной публикации выделены курсивом. В рукописи под заглавием первого стихотворения «Завтра. Басня. Под<ражание> Н. Ал. Львову» относительно парафраз дано следующее авторское примечание: «Собственные его стихи замечены знаком „», то есть кавычкой в начале строки. Орфография и пунктуация публикуемых текстов приближены к современным; отклонения от нынешних норм сохранены лишь в рифмах.

¹ *Пирумова Н. М.* Дворянское гнездо // Наше наследие. 1993. № 3. С. 144—148; *Бакунин А. М.* Осуга / Публ. Дм. Олейникова // Наше наследие. 1994. № 29/30. С. 50—62; Из литературного наследия А. М. Бакунина / Публ. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 94—117; *Агамалян Л. Г.* История России в изложении А. М. Бакунина // Новый журнал. 1997. № 2. С. 164—180; *Агамалян Л. Г.* Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVIII—первой половины XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культуролог. наук. СПб., 1998.

² Здесь и далее ссылки на стихи Н. А. Львова даются по изданию: *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; Перечень архитектурных работ Н. А. Львова подготовлен А. В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994.

³ Опубликованы в кн.: *Русская литература — век XVIII. Лирика* / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной, К. Ю. Лаппо-Данилевского и др.; Вступ. ст. Н. Д. Кочетковой. М., 1990. С. 532—536.

⁴ Известный pendant к ним составляют бакунинские «Письма к Н. А. Л<ьвову>» на социально-философские темы (в тетради на бумаге 1804 г.). См. ниже публикацию Л. Г. Агамалян.

⁵ Ср., к примеру, выпретенную характеристику А. А. Безбородко в печатаемом ниже «Видении Н. А. Львова в Москве» А. М. Бакунина.

⁶ Его ученая карьера подробно описана в книге: *Раскин Н. М.* А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии. химик и минералог, 1760—1805. Л., 1981. К сожалению, в этой в высшей степени основательной монографии актерские и поэтические увлечения А. А. Мусина-Пушкина даже не упомянуты. О его участии в любительских спектаклях см.: *Долгоруков И. М.* 1) Капище моего сердца. М., 1890. С. 285; 2) Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Пг., 1916. С. 53, 69—70, 76—82, 86—95, 192—193. Некоторое число стихов А. А. Мусина-Пушкина сохранилось в фонде Г. Р. Державина в Российской национальной библиотеке (далее: РНБ), см.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 63—64.

А. М. Бакунин

СОБРАНИЕ ЕГО БАСЕН,
НАПИСАННЫХ В ПОДРАЖАНИЕ
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЛЬВОВУ

1. ЗАВТРА

Басня. Под<ражание> Ник<олаю> Ал<ександровичу> Львову

Две птички вместе пели,
Свить гнездышко хотели,
Сначала сговорились
Лететь и пух собирать,
Потом остановились,
Раздумали опять:
*«И завтра наберем,
До завтра не умрем».*
Зефиры ночью разыгрались,
Кусточки раскачались,
И к утру ни одной
Пушинки не видать.
Своею чередой
И птички прилетели,
Да пуху нет — пришло опять
Гнезда до завтра не свивать.

2. ФОРТУНА

Басня. Под<ражание> Ник<олаю> Ал<ександровичу> Львову

*Когда-то с Счастьем Фортуна согласилась
И вместе с ним переселилась
В долину мирную, где про себя живут
И в гости никого не ждут.
На третий день зевать хозяйка начинает
И друга своего умильно убеждает:
Смотри, как тесен наш шалаи,
Весь на дворе мой экипаж.
При меньшем состояньи
Другие в нашем званьи
И в городах умеют жить,
Неужто же себя
Нам надобно любя
Совсем похоронить?
А Счастье говорило:
Смотри, как солнышко долину осветило,
Что плошек дымный блеск пред ним?
Смотри, как щедро нас природа одарила,
Древа плодом обременила,
Украшены луга цветами*

Разóслала для нас коврами,
Чего ж не достаёт, где с нами
Все дышит чувством одним?
А ей всего не доставало,
Хотелось непременно ей
Слепить людей,
И Счастье замолчало.
Перебрались в палаты,
Тут райское пошло житье
И праздники богаты,
И множество гостей,
И без конца затей,
И суенилось все без упокою,
Без упокою день и ночь,
А Счастье тосковало
И, наконец, бежало
От шуму и сорому прочь.
Не вдруг Фортуна спохватилась,
Что друга лучшего лишилась.
Спросила, наконец, приметивши, что нет
Его уж во дворце:
«А Счастье наше где?
Куда от нас сокрылось?»
Статс-дама Скука ей в ответ:
«Оно в шалаш свой возвратилось».

3. ВИДЕНИЕ Н. А. ЛЬВОВА В МОСКВЕ

Увидеть радости и плошки
Старушки нашей впопыхах
В Москву по Тюфильской дорожки
Прибрел и я на костылях.
И в хижине засел укромной
На месте, где дворец огромной
Светлейший строить замышлял.
Соделался светлейший прахом,
Несозданный дворец упал,
Наполнилась окрестность страхом;
В местах торжественных, знакомых
Пустынный ужасает дух
Лишь куча камней, насекомых.
Безмолвие тревожит слух.
Москва гремела в отдаленьи,
В искусственных огнях светясь,
А я на камне в размышленьи
Беседовал с собой вчерась!
Его уж нет, а я остался,
Отечеству он нужен был,
Полезным быть и я старался,
Учил, учился и любил.
Мою б оплакали утрату

Мое семейство и друзья,
Его ж утратив без возврату,
Болезнует Россия вся.
Пороки все его исчисля,
Как сладко он любил поесть,
Как о достоинствах не мысля,
Распутство награждал и леств,
Пусть зависти уста ехидны,
О добрых умолчав делах,
Глашая слабости постыдны,
Тревожат бездыханный прах.
Он собственный свой был творитель,
Его Румянцов угадал,
Суворов был его ценитель,
Екатерине нужен стал.
Обширный ум и дух в нем правой
Она умела оценить,
Он, ей содействовав, со славой
Ее бессмертьем будет жить.
А я теперь куда погжуся
И заживаю век чужой,
Пора, пора на упокой,
В отставку чистую прошуся.
В ответ пустыня воздохнула,
Трикраты молния блеснула,
Удар раздался громовой,
И грозной дух передо мной
Развалин и гробов
Предстал.
— Ты в вечность шествовать готов? —
Он грозным голосом вещал, —
Не трать же понапрасну слов,
Подай мне руку и пойдем.
— *Душою б рад идти с тобою,*
Но как расстаться мне с женою
И на кого покинуть дом?
Нельзя ли как повременить
И ниточки моей ссучить,
Дорога дальна незнакома,
Пуститься так в нее боюсь.
Когда ж получше запасусь
И скучно будет мне и дома,
Безотговорочно явлюсь
И легок тем, что не боюсь,
С источником любви сольюсь.
— Охота вам сидеть на стуже, —
Я вдруг услышал голоса, —
На камне, ночью [в] два часа,
Простудитесь и будет хуже.
Мы проискали вечер весь.
Жена и дети окружили,

Согрели сердце, убедили,
Что я не лишний еще здесь.

4. ГРАФУ АПОЛ<ЛОСУ> АПОЛ<ЛОСОВИЧУ> ПУШКИНУ

Разнесся на Парнасе глас,
Что вы задумали от нас
За золотым руном в Кавказ,
Где горы страшные такие,
Что по верхам растущий лес
Сметает часто пыль с небес,
Другие ж будто бы седые
И парики на них большие,
А в сердце — жилы золотые.
Что вы, минуя чернолесье,
Махнете прямо в поднебесье
Им золотую кровь пустить,
И дело сделав Геркулеса,
Дождем надеетесь Зевеса
Святую Русь озолотить,
Поберегитесь только, граф,
И в землю залетев чудес,
Не попадитесь под штраф,
Не уподобьтесь Прометею,
Чтоб вместо коршуна черкес
Не кинул петли вам на шею,
И подхватив ученость вашу,
Не осудил скотины пасть,
Вкушая сельской жизни сласть
И просяную кашу.
Большой бы не было беды,
Пас Аполлон. Пасли б и вы.
И вне забот мирского круга
Ботаника была б подруга,
Не наша здешняя, седая,
Грибная, мшистая, скупая.
Черкешенка была б младая,
Лилеи на лице,
А розы на устах,
Невинность на челе,
Огонь в больших глазах,
Коса волнистая шелкова,
А грудь — что кость твоя слонова!
А ручки, ножки, стройный стан!
Все графски б жилочки забились.
Забыв сиятельный ваш сан,
Вы б с нею тотчас покумились,
С кумою лазя по горам.
Латынью бы траву крестили,
А некрещеной много там,
И горе б с нею позабыли!

Но вряд ли быть вам пастухом,
Хоть нет по сказкам жизни краше,
Увидя полновесье ваше,
Каким бы ни был молодцом,
И конь какой бы ни лихой,
Глазами раз другой окинув,
Взмахнет руками, рот разинув,
И поворотится домой,
И так, любезный граф, спокойно
Лопатку в руки взяв и лом,
Вооружая буравом
И всем, что химику пристойно,
Вы можете Кавказ сверлить
И золотые слитки лить,
Завистливый седой скупится,
Как всех обычный стариков.
Несметная казна хранится
В огромной куче сундуков.
Буравьте ж грудь его, сверлите
Гранитны ребра и бока,
Скупого мучьте старика,
Пока совсем не покорится
И вам не выдаст кошелька.
Ничто не может утаиться —
Ученый уверяет люд. —
От чудного того сверла,
Которо вам дала
За бескорыстие и труд
Минералогия сама.
Кто эта барыня, не знаю,
Но выбор ваш в ней почитаю,
Должна красавицею быть,
И красоте не трудно
Сердца и сундуки пленить.
Но вот, что чудно,
Что графа ей пришлось дарить,
А графу золото ничто,
Из рук его оно
Как пыль летит,
*Как время, между дел бежит;
Карман его, как решето,
Которо все насквозь цедит.*
Прощу ж красавице чудесной,
Котора в простоте небесной
Красавиц наших вопреки
Не принимает, а дарит,
Латынской сделать комплимент
И поднести в презент
Мои стихи;
*Что я слышу? Позвонки,
Тучей пыльной солнце тмится,*

*Слух брякушками глушится,
На чудовищах горбатых,
Сильных, трезвых и мохнатых
От краев валит хлопчатых
Пребогатый караван.
Вождь, испытанный в транспортах,
Гном знакомый в ботефортах,
Золотой на нем кафтан,
На скоте передовом
Первый едет с фонарем.
Диогенов по пустому
Замышлял светить уму,
Этот прямо к золотому
Путеводит руднику.
Тихой выступью и скромной
Шесть прекраснейших гномид,
Тут несут бурав огромной,
Что без устали сверлит.
Важно шествуют науки,
Как прилично званью их,
К небесам подъемля руки,
Граф качается на них,
И за подвиги толики
Слышит радостные крики
Изо всех гремящи уст,
А карман все пуст да пуст.*

ПИСЬМА А. М. БАКУНИНА К Н. А. ЛЬВОВУ

Публикация Л. Г. Агамалян

История взаимоотношений А. М. Бакунина (1768—1854) и Н. А. Львова (1751—1803) в общих чертах известна. Кроме родства,¹ их связывали тесные дружеские отношения. Свое воплощение эта дружба нашла и в архитектуре усадьбы Бакуниных Премухино, и в стихах, посвященных Львовым Бакунину и Бакуниным Львову.² Степень близости этих отношений становится еще более очевидной в результате прочтения новых документов, хранящихся в РО ИРЛИ (ф. 16).

Я имею в виду ранее упоминавшиеся исследователями, но не прочитанные и не опубликованные «Письма к N»,³ первое из которых помечено автором: «К Н.А.Л.», что может быть расшифровано как «К Николаю Александровичу Львову». Поскольку следующие письма развивают обозначенные в первом темы и содержат ссылки на предыдущие, весь комплекс следует озаглавить «Письма к Н. А. Л[ьвову]». Рукопись представляет собой две тетради в 1/4 листа серо-голубой бумаги с водяным знаком «1804». В тетрадях 46 листов, исписанных с двух сторон. Четыре из 7 пронумерованных писем озаглавлены А. М. Бакуниным: «О садах», «О климате», «О том же», «О народом характере». Затем автор возвращается к первым письмам, обозначая дополнения к их текстам следующим образом: «Письмо второе», «Письмо которое, не знаю», «Продолжение первого письма», «Письмо второе», «Письмо которое, не знаю», «Письмо, не знаю которое» и наконец — «Отрывок письма, которого не знаю».

Место создания писем — Премухино. Время, судя по бумаге, — не ранее 1804 г. Оснований предполагать значительный перерыв в написании писем нет. Все они написаны одинаковым — четким, мелким почерком, соотносимым с почерком ранних писем и сочинений А. М. Бакунина. Таким почерком написан проект «Условие помещика с крестьянином», датирующийся 1802—1803 гг.⁴ Письма богаты биографическими подробностями. Между тем, Бакунин ни разу не упоминает свою службу по выборам: с 1805 г. он становится сначала Новоторжским уездным, а затем Тверским губернским предводителем дворянства. В записях 1810 г. появляется план «отделки Прямухина и окрестностей»⁵ и, в частности, устройства усадебного сада. Намечая план будущих садовых строений, Бакунин среди прочего пишет: «На выдавшемся холмике построить беседку по нарочно сделанному рисунку Николая Александровича и посвятить его памяти».⁶ Во время создания «Писем к Н. А. Львову» Бакунин был весьма далек от садовых проектов, о чем свидетельствует содержание письма первого «О садах» (л. 1—4) и его продолжения (л. 29 об.—30).

Скорее всего время написания всего комплекса — 1804 год. Значительная правка отдельных писем, судя по почерку и чернилам, относится к тому же времени. На полях часто встречаются значки «NB» и короткие замечания, написанные карандашом и по старой орфографии — с ерами. Возможно, это пометки А. А. Корнилова или кого-то из семьи Бакуниных, разбиравшего архив Александра Михайловича после его смерти. При публикации мы сочли нужным указывать эти пометки в подстрочных примечаниях.

Адресат Бакунина — Николай Александрович Львов умер в декабре 1803 года. Следовательно, Бакунин пишет в вечность. Вполне возможно, что исходным импульсом было реальное, но не дошедшее до нас письмо Львова к Бакунину о саде, а возможно и не одно — а целая переписка. Во всяком случае, в первом письме «О садах» присутствие адресата наиболее ощутимо. Бакунин начинает так: «Благодарю вас за письмо ваше и усердно прошу о продолжении дружеских наставлений <...> [Вы требуете, чтобы я вземн писал к вам о земледелии и я согласен волю вашу исполнить].⁷ <...> Вы удивлялись, что я возвращаюсь из чужих краев, живу почти без выезда в деревне, а не разведу сада и тем лишаюсь приятного от сельских трудов отдохновения. Я [всегда одинаково отвечал вам] отвечал вам, что не имею сада для того, что не в состоянии иметь хорошего, а дурного не хочу» (л. 1). Возможно, письма являются продолжением устных бесед Бакунина с Львовым: так, на мой взгляд, может быть истолкован вычеркнутый фрагмент последней фразы: «Я [всегда одинаково отвечал вам]...» Возможно, непосредственным импульсом явилась сама смерть Львова и потребность выразить свои чувства и мысли, адресуясь к близкому человеку. Письма к умершему другу — своеобразный вариант столь популярных в XVIII в. сочинений в жанре «разговора в царстве мертвых». В то же время, это свидетельство еще не прервавшейся духовной связи и возможность неспешно договорить недосказанное при жизни собеседника.

Начало второго письма уже не содержит никакого обращения к адресату. В третьем — обращение «вы» имеет значение множественного числа, иногда дополняется сочетанием «милостивые государи», местами текст обретает явные признаки публицистики и утрачивает черты частного дружеского письма: «Но кто сказал вам, милостивые государи, что италианцы снимают по три сена с дурной земли?» (л. 7 об.). В четвертом и пятом письмах автор только в конце вспоминает о жанре своего сочинения: «Я пишу, пишу, а от вас писем не получаю» (л. 14 об.). В дальнейшем Бакунин свободно переходит от обращения к одному — конкретному — лицу к обращению ко множеству неопределенных лиц, с которыми он находится в состоянии спора. Завершающий рукопись «Отрывок письма, которого не знаю» вовсе утрачивает всякие формальные признаки эпистолярного жанра.

Содержание писем обнаруживает наличие особой тематической программы, которая нашла частичное отражение в незавершенном оглавлении: «А — О садах»; «В — О климате», «С — О том же», «D — О народном характере». Письма содержат воспоминания и размышления о европейских впечатлениях автора,⁸ рассуждения о современной философии, о просвещении, о русской и европейской культуре, о жизни русского крестьянина, подтверждаемые яркими бытовыми зарисовками.

Композиция «Писем» не была продумана заранее. По-видимому, написав первые четыре письма, Бакунин делает оглавление, помечая их буквами латинского алфавита. Следующие два письма — 5 и 6 — тоже о народном характере. Седьмое письмо является естественным продолжением письма 6-го, наполненного воспоминаниями о европейских событиях, предшествовавших Великой Французской революции, и размышлениями о подготовившей ее философии европейского Просвещения. Оно могло бы быть озаглавлено «О просвещении». Письмо почти не содержит правки. В основе его — текст письма Бакунина к А. Н. Оленину, написанного в январе 1803 г. и ото-

сланного адресату.⁹ Затем появляется «Письмо второе», а письмо под литерой «С» меняет порядковый номер, становясь третьим. Раздвинув, таким образом, письма 1 («О садах») и 3 («О климате»), второе письмо продолжает начатую уже в первом крестьянскую тему — сквозную и едва ли не важнейшую тему всего сочинения. Многие положения письма повторяют и развивают мысли Бакунина, изложенные им в проекте «Условие помещика с крестьянином», завершеном в январе 1803 г. и отосланном в Петербург к А. Н. Оленину. Продуманность формулировок, ясная завершенность мысли дает повод первому читателю писем безошибочно заподозрить здесь некое практическое руководство для помещиков: «Это и был, вероятно, зародыш той конституции, от которой взбунтовались премухинские крестьяне», — пишет А. А. Корнилов на полях, ставя рядом значок «NB».

Следующее письмо не имеет номера даже в сознании автора и обозначено как «Письмо, которое не знаю». Придерживаясь стиля заглавий Бакунина, его можно озаглавить «О природе». Оно посвящено проблеме всеобщей чувствительности природы. Это, возможно, самое поэтичное из писем. В то же время здесь особенно ощутима рука ученого-профессионала, естествознателя: в 1789 г. в Падуанском университете Бакунин защитил диссертацию по гельминтологии на латинском языке и получил звание доктора философии.¹⁰ Его познания в физике и ботанике были весьма основательны. К этим наукам он имел, как сам замечает, «пристрастие», а описи премухинской библиотеки содержат перечни книг по математике, химии, астрономии на немецком и французском языках. Однако вопросы натурфилософии, как и проблемы эстетики (письмо «О садах») занимают А. М. Бакунина постольку, поскольку они связаны с социальными проблемами российской действительности, и конкретнее — с крестьянским вопросом. Рассуждение о душе растений переходит в размышление о душе крестьянина, что весьма характерно для русского просветителя: «Не только чувствуют растения, но и крепостные люди. <...> Борода и серые кафтаны не препятствуют им иметь все свойственные человеческой природе ощущения...» (л. 28 об.). Эта старая истина, по едкому замечанию автора, столь основательно забыта, что ее «возобновление почти изобретением назваться может».

Разорванность звеньев цепи «помещик-крестьяне» более всего тревожит Бакунина. Отсюда ощущение непримиримого внутреннего противоречия эстетического и этического аспектов, пронизывающее письмо «О садах», к которому автор возвращается спустя восемь писем, чтобы договорить недосказанное. Возможно и скорее всего, значительная правка первого письма связана с повторным к нему обращением. Письмо разрастается и, может быть, поэтому автор просто вычеркивает целые абзацы. Вычеркнутое Бакуниным, тем не менее, представляет интерес для читателя и исследователя, так что при публикации представляется возможным воспроизвести авторские купюры в квадратных скобках. Во всех остальных письмах автор либо ищет более точное слово, вписывая его поверх зачеркнутого, либо густо вымарывает строки, заполняя промежутки между ними новыми. Правка, таким образом, осуществляется одновременно с написанием текста.

Вернувшись к первому письму, к удручающему контрасту господских садов и крестьянских изб, Бакунин вновь заводит речь о порядках ведения хозяйства в России, доказывая, что «не климат, а бесплодие пошвы, не народные навыки виновны в плохом нашем хозяйстве». «Я смело скажу, — пишет Бакунин, — что пока благосостояние поселян будет нам казаться чуждым от нашего, все науки, все познания плода не принесут, — или и принесут — но не все плоды здоровы». Причины убыточности нашего хозяйства, по мнению автора писем, — в пустой расточительности помещиков, в поверхностности их просвещения, в безалаберном землепользовании. Ясные, простые рекомендации в этой сфере необходимы и помещикам и крестьянам. Предпоследнее, не имеющее номера письмо — развернутая похвала русскому крес-

тьянству и народной науке, основанной на вековых традициях и естественной связи с окружающей природой.

Рукопись завершается письмом, затрагивающим совершенно новую тему. Оно воспроизводит разговор автора с одним из сельских священников, однако большая часть письма — монолог последнего о традиционно тяжелом пути и унижительном положении сельского приходского священника, вынуждающих его к корыстолюбию или пьянству. Письмо не закончено. Обозначив его, как «Отрывок письма, которого не знаю», Бакунин, с одной стороны, расширяет круг затрагиваемых тем, с другой стороны, углубляет главную проблему всего сочинения: бедственного положения земледельцев в России.

Таким образом, содержание — наличие сквозной темы, известной программы; форма — письма не имеют обращения по имени к адресату, а содержат слово-обращение «вы» (адресат, правда, не вымышленный, но уже и не вполне реальный); композиция (она еще не оформилась, но, безусловно, автор придавал ей большое значение) — повествование логически последовательное, «а не дружеская *causerie* о многом, обо всем»;¹¹ использование ранее написанных текстов (письмо к А. Н. Оленину, «Условие помещика с крестьянином»), сам характер рукописи (возвращение к уже написанным письмам, изменение их нумерации, правка) — все это убеждает нас в том, что перед нами особое литературное сочинение, жанр которого может быть определен как философские письма — жанр, столь любимый просветителями.¹²

Как уже отмечали исследователи, во второй половине XVIII в. в литературу все чаще вторгаются «явления внехудожественные. Порожденный бытом и в то же время оторвавшийся от него, документ активно вмешивается в литературный процесс ... преобразовывая традиционную жанровую систему и создавая новые формы».¹³ Такую роль сыграло во второй половине XVIII в. органически связанное с дворянской культурой дружеское письмо.

«Письма к Н. А. Львову» представляют собой опыт литературного текста в духе «Письма к другу, жительствующему в Тобольске» А. Н. Радищева, где эпистолярная форма — чистая условность, а особую значимость приобретают **отсутствующие** «признаки действительно написанного частного письма».¹⁴ По удачному определению А. И. Старцева, это — «открытое письмо».¹⁵ В таком роде написаны «Письма к приятелю» М. Данилова и В. А. Левшина.¹⁶ Изданные отдельными брошюрами, эти письма провинциальных помещиков содержат рассуждения о бессмертии души (Левшин), о памяти, «о бесконечности элементов, о сердечном чувстве и о душевных силах», «о разуме животной твари...» и т. д. (Данилов) и являются выражением определенной культурной традиции. Примечательно сделанное М. Даниловым в конце сочинения (а В. А. Левшин делает это неоднократно) указание на то, что письма «писаны не для адресата». Универсальность формы позволяла создавать в эпистолярной манере политико-экономические и философские трактаты («Письмо о Китайском торге» и «О человеке, о его смертности и бессмертии» А. Н. Радищева;¹⁷ «Письма из Торжка» И. П. Пнина¹⁸ и др.).

В письмах к умершему другу проявляется присущая А. М. Бакунину склонность к философствованию, стремление осмыслить окружающую действительность и свое место в ней. Хотя после возвращения из Италии прошло уже 14 лет, итальянские и европейские в целом впечатления составляют фон, на который накладываются и от которого отталкиваются картины российской жизни. Кроме того — письма содержат важную информацию биографического характера — об итальянском периоде жизни Бакунина и о гатчинском, что, безусловно, также связано с личностью адресата: как и Бакунин, Львов жил в Италии и работал в Гатчине. Из писем мы узнаем о том, кто оказал наибольшее влияние на Бакунина

во время его пребывания в Италии. Своим другом и учителем Бакунин называет аббата Васко (Giambattista, 1733—1796), доктора права, известного также своими работами по естествознанию и политической экономии. Вполне возможно, что идеи свободной хлебной торговли и преимущества земледелия перед всеми иными видами деятельности, отстаиваемые Бакуниным в его проекте «Условие помещика с крестьянином» и обнаруживающие явное сходство с идеями физиократов, были им усвоены под влиянием аббата Васко еще в Турине. Однако влияние аббата не ограничилось сферой науки. В письме «О народном характере», вступая в спор с французскими просветителями о русском национальном характере и, в частности, о невежестве как определяющем признаке русского народа, Бакунин опирается на авторитет Васко и записывает его пространное рассуждение о распространенных среди иностранцев предрассудках. Возможно, многолетнее знакомство с аббатом Васко сыграло свою роль и в формировании политических убеждений молодого Бакунина, которому, как становится ясно из «Письма 6-го», в ранней юности не был чужд исторический оптимизм и характерная для просветительских убеждений вера в общественный прогресс.

Столь же примечательны новые сведения о гатчинском периоде жизни А. М. Бакунина, который продлился около полугода. Как пишет Бакунин, император «из сельского уединения почти невольно перезвал» его в Гатчину. В Гатчине он «сделал Каскад в Сильвии», спроектированный Львовым. Речь идет, видимо, о производстве работ по строительству этого не дошедшего до нас сложного сооружения, которым в качестве советника городского правления, отвечавшего за городские и дворцовые постройки, руководил Бакунин. По тону письма можно предположить, что обстоятельства последней отставки Бакунина были более драматичны, чем принято считать, что со службой в Гатчине были связаны некоторые надежды, «внушенные дружбою Г<осударя>» и оказавшиеся «пустыми». Возможно, что и «Эпистола к Бакунину из Павловского», написанная Львовым в 1797 г. (год службы Бакунина в Гатчине) связана с намечавшейся отставкой Бакунина.

Письма носят полемический характер. Однако это полемика не только и не столько с обозначенным адресатом. Спор с Львовым о садах разрешается в первом же письме: авторитет друга и собственное чувство не позволяют Бакунину долго упорствовать. Но полемическая интонация сохраняется до конца сочинения. Полемика касается вечной и сегодня особенно актуальной темы: Россия и Европа, Россия в восприятии европейцев и европейское просвещение в России. Главный пафос этой полемики — отрицание европейских предрассудков, или предрассудков в отношении России, утверждение самоценности русской культуры, достоинств русского национального характера, в первую очередь — русского крестьянина.

В то же время, искусство Италии, ее древности, роскошная природа, теплый климат по возвращении на родину составляли выгодный контраст с российской действительностью. Несмотря на весь свой патриотизм, Бакунин не мог не ощущать уныния. Эти чувства отразились в письме «О садах», в котором находит развитие сформулированное Руссо «противопоставление красоты и правды, царящих в природе, неправде человеческого общества» (Лотман).

Отдельно хочется отметить замечательный русский язык «Писем», точность выражений, меткость характеристик, простоту и ясность слога, свободные переходы от легкой разговорной интонации к торжественному стилю, поэтическому, образному письму.

Подробное изучение «Писем» А. М. Бакунина к Н. А. Львову впереди. Их значение исследователям еще предстоит оценить. Однако уже сейчас можно говорить об интереснейшем памятнике русской дворянской культуры.

«Письма к Н. А. Львову» публикуются по автографу, хранящемуся в РО ИРЛИ (ф. 16, оп. 2, № 6). При публикации орфография и синтаксис приведены в соответствии с современными нормами, за исключением случаев, отражающих особенности произношения.

¹ Н. А. Львов начал свою службу в Иностранной коллегии при поддержке и под началом дяди А. М. Бакунина — тайного советника, члена Коллегии иностранных дел Петра Васильевича Бакунина (1730—1786), в доме которого вскоре стал домашним человеком и где, по-видимому, познакомился со своей будущей женой — Марией Алексеевной Дьяковой. Мать А. М. Бакунина, Любовь Петровна, рожденная княжна Мышецкая, приходилась ей родной теткой. См.: *Глузов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980; Письма М. Н. Муравьева / Публ. Л. И. Кулаковой, В. А. Западова // Письма русский писателей XVIII века. Л., 1980.*

² См. публикацию К. Ю. Лаппо-Данилевского «Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову» в наст. изд.

³ Такое название письма получили в архивной описи.

⁴ По семейной легенде, Бакунин попытался воплотить свой проект в жизнь, однако крестьяне не приняли «конституции» и «даже возмутились против нее, как против новшества, вероятно, весьма мало считавшегося с укладом их быта». См. *Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915. С. 9; Агамалян Л. Г. Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVIII—первой половины XIX века. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. культуролог. наук. СПб., 1998.*

⁵ Центральный государственный архив Российской Федерации, ф. 825, оп. 3, ед. хр. 259. Далее: ЦГАРФ.

⁶ Там же. Л. 67 об.

⁷ Слова, приведенные в квадратных скобках, зачеркнуты Бакуниным.

⁸ А. М. Бакунин, по указанию А. А. Корнилова, с девятилетнего возраста жил в Италии. В Россию он вернулся в 1790 г.

⁹ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки, ф. 542, оп. 1, № 168, л. 6 об.—10 об. Далее: РНБ. См.: *Агамалян Л. Г. Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина в контексте русской культуры второй половины XVIII—первой половины XIX века. С. 9—10.*

¹⁰ См.: *Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. С. 7.*

¹¹ *Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра // XVIII век. Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 74.*

¹² Эту форму начали разрабатывать французские просветители: Монтескье («Персидские письма»), Вольтер («Философские письма») и т. д. Она была, безусловно, хорошо знакома Бакунину. В описи премухинской библиотеки, составленной ее хозяином, находим также «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

¹³ *Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра. С. 72.* См. ее же: Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

¹⁴ Современники не воспринимали «Письмо» Радищева как факт реальной переписки. См. об этом: *Лазарчук Р. М. Проза Радищева и традиции эпистолярного жанра. С. 73.*

¹⁵ *Старцев А. И. Университетские годы Радищева. М., 1956. С. 186.*

¹⁶ *Данилов М. Письма к приятелю, содержащие в себе краткие, но полезные и любопытства достойные для человека материи. М., 1783; Левшин В. А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона. Писанное В. Лвшнм к приятелю его Господину З. М., 1788.*

¹⁷ Связь манеры, в которой написан трактат «О человеке, его смертности и бессмертии», с традицией «философских писем» впервые отметил Г. А. Гуковский. См.: *Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. В 3-х т. М.; Л., 1938—1952. Т. 2. С. 375.*

¹⁸ Традиция имела продолжение в XIX в.: ср. декабристы, П. Я. Чаадаев «Философические письма», А. И. Герцен «Письма о природе» и др.

А. М. Бакунин

ПИСЬМА К Н.

Оглавление писем

- А — О садах.
В — О климате.
С — О том же.
D — О народн[ом] характере.¹

(Л. 1.). Письмо 1. К Н. А. Л.

А.

Благодарю вас за письмо ваше² и усердно прошу о продолжении дружеских [ваших] наставлений [чтоб и я от одного начала без конца не попал в число полуученых, которые уже и в святой Руси многих добрых людей сбили с толку распространением изнаношенных своих понятий. Не имея дара ловить на полете,]. Я держусь странного, может быть, но [кажется мне] полезного иногда правила: иногда лучше знать мало да хорошо, чем много и худо. [Как] Сведения мои в художествах весьма ограничены, то и советы ваши должны быть соответственны понятиям [земледельца] не упрямого, но мало понятного ученика [готового при каждом почти слове спросить: что пользы?].

[Вы требуете, чтобы я взамен писал к вам о земледелии, и я согласен волю вашу исполнить, но дайте мне слово остерегать меня, как скоро я занесу дичь, — да не овладеет и мною болезнь выдавать только себя за умницу, включая в число Невегласов всех добрых людей, называющих сумбур сумбуром.

Я внимателен к вашим советам буду, но] Не ждите от меня той [слепой веры и послушности, которая многих наставников избавляет от затруднительных вопросов; взаимные возражения и примечания полезнее] глухой сговорчивости, которая на все без разбору соглашается.

Вы удивлялись, что я возвратясь из чужих краев,³ живу почти без выезда в деревне, а не разведу сада и тем лишаюсь (л. 1 об.) приятного [и полезного] от сельских трудов отдохновения. Я [всегда одинаково отвечал вам] отвечал вам, что не имею сада для того, что не в состоянии иметь хорошего, а дурного не хочу. Вы обещались [мне опровергнуть мое предубеждение и] доказать мне, [что земледелие и садовое искусство родные братья или сестры (как кому полюбится), что они не во вражде, но взаимно полезны и что

¹ Оглавление написано на второй странице обложки.

² Письмо Н. А. Львова неизвестно.

³ А. М. Бакунин возвратился из Европы в марте 1790 г. К моменту создания «Писем» он жил в Премухино около 15 лет.

человек среднего достатка может и должен иметь лучший сад, нежели богач] что скромной поселянин, [живущий почти в кумовстве] коротко знакомый с природою, удобнее может, согласясь с нею собственным чувством, [буде оно от наливок не съезжилось] иметь хороший сад, нежели богач, который, за все деньгами отсыпаясь, гнет [и куму нашу] ее в три погибели.

Вы сдержали свое слово, теперь и я должен оправдаться. [Вы уже слово сдержали, и я в оправдание прежнего упрямства и по самолюбию обязан объяснить вам, почему я не любил садов до того, что мне досадно было, когда называл кто садом плодovitую мою рощицу.

Я жил в Италии несколько лет, вы сами несколько раз в ней были,⁴ вам также как и мне знакомы Тивольский и Тернский водопады, Фраскатские сады, Естенский загородный дом, Боромеевы острова, прекрасные окрестности Неаполя.⁵ Вы согласитесь со мною, что не искусству, а природе обязана Италия красотою сих волшебных мест, что искусство не только ее не усовершенствовало, но, елико возможно было, задавило! (л. 2) Вы согласитесь, что все приятство итальянских садов зависит от щастливости климата и местоположения, от роскоши и разнообразности растений и от изящных остатков древности. Приятно в знойный день укрыться за лавровою ширмою, хотя столь же прилично лавровому дереву вырастать ширмою, как человеку быть копною. Приятно окунуть руки и лицо в студеную воду, из какого бы мраморного урода она ни струилась. Наконец, древняя ваза или статуя невольно займет умеющего различать в ней эпоху возрождения, усовершенствования и падения художеств. Прохаживаясь в саду, на развалинах дворца римских императоров выросшем, или сидя в огороде на обломке огромного обелиска, не садом займешься, не огородом, но картиною сил, изнеможения, просвещения, невежества, доблести и хищности, попеременно в свете восстающих, и позабудешь себя в быстром вращении веков, исчезнешь в океане мимошедших времен. — Хорошо что вы меня остерегли, виноват, я бы и не весть куда забрался!

⁴ Итальянский дневник Н. А. Львова указывает на двукратное пребывание Н. А. Львова в Италии. См.: *Nikolai A. L'vov. Italienisches Tagebuch. Ital'janskij dnevnik / Hrsg. und kommentiert von K. Ju. Lappo-Danilevskij. Köln; Weimar; Wien, 1998.* Письмо А. М. Бакунина является еще одним тому подтверждением. Возможно, первое посещение Италии Львовым относится к 1777 г.

⁵ *Тивольский и Тернский водопады* — известные водопады на реке Тевероне в Тиволи неподалеку от Рима; *Фраскатские сады* — сады принадлежавшей роду Боргезе виллы Альдобрандини во Фраскати — городе, расположенном в нескольких километрах к юго-востоку от Рима; летнее местопребывание жителей Рима, очень популярное у туристов; *Естенский загородный дом* — вилла D'Este — знаменитая своим великолепием загородная резиденция кардинала Ипполита д'Эсте, построенная в Тиволи по планам архитектора и археолога Пирро Лигорио в 1549 г.; в XVIII в. была заброшена. Расположена в очень живописной местности. По словам путешественников, самое интересное в вилле являет собою сад; *Боромеевы острова* — 4 небольшие скалистые острова на Лаго-Маджоре в провинции Навара. Названы по имени представителей миланского рода Боромео, которые в XVII в. обработали от природы дикие острова, насыпав землю, и превратили их в прекрасные южные сады с роскошными палаццо.

Теперь, оставя вазы, статуи, дворцы и обелиски со всем громом веков и времен, возвратимся к садам. Посудите, каковы показались мне по возвращении в Россию наши регулярные сады. Исковерканное, но русское название уже не предупреждало меня в их пользу. Что ж сталося со мною, как я их увидел!] Стриженные сады не нравились мне и в счастливом климате.⁶ Посудите же, каковы показались мне наши. Черные, колкие и неподвижные ели стеновые, липы шапочками и грибами, березы как версты согласились лишать гуляющих утешительных солнечных лучей в нашем строгом климате. Темные заплесневелые аллеи, никогда свежим воздухом не (л. 2 об.) проницаемые, казались погребными коридорами [более для летучих мышей, нежели для людей приятными], а уродливые под именем статуй [расставленные] болваны — пугалами, ни мало не нужными в сих [садах] менее на сады нежели на] кладбищах вкуса и природы [схожих].

[Вьюрчатые или так называемые] Мнимые наши аглицкие сады [не более меня прельстили] не прельщали меня [видел я] и [в чужих краях такие нелепости] в Италии. При мне в загородном доме Боргези под Римом⁷ разводился [новый] такой сад под руководством пейзажиста Моора.⁸ на горке насыпной выкопано было озерцо, посреди коего на зеленеюще[мся]йся [ребячьем островку] в виде острова кучке [белела] поставили мраморную Эскулапову статую.⁹ Замысловатая выдумка! оросить подножие бога здравия гнилою водою, в коей плавало несколько диких с подстриженными крыльями уток [не по избранию, а потому что у них крылья подстрижены были]. Береговой каменный шиш [силящийся изобразить], изображающий гору, из коего лился бедной каскад, резко отделялся от

⁶ Отношение Бакунина к регулярным садам совпадает с мнением Н. А. Львова, писавшего, о «разорительном скилетре» симметрии, «из ножиц состоящем, которыми она, изуродовав мирты, пальмы, даже самый кипарис, превращала деревья в медведей, в пирамиды, в дельфинов и наполнила сады наши зелеными уродами» (Львов Н. А. Каким образом должно было бы расположить сад князя Безбородки в Москве. (Проект парка Безбородко в Москве) // Львов Н. А. Избранные сочинения. Кельн; Санкт-Петербург, 1994. С. 316).

⁷ Вилла Боргезе основана в XVII в. кардиналом Шимоне Кафарелли Боргезе. Расположена в очень живописной местности.

⁸ «План парка виллы Боргезе является предметом обширной дискуссии. — пишет Эдит Вартон (Edit Wharton). — ...Сегодня парк с его романтическими рощами зонтичных пиний, палубовыми аллеями, озером и амфитеатром, искусственными руинами и маленькими постройками, разбросанными по зеленым холмам представляет собой английский парк, спланированный в конце 18 века. Герр Цукерман (Tucker mann), убеждающий, что парк — работа Джованни Фонтана, видит в последнем родоначальника английских и немецких «сентиментальных» ландшафтных парков с их эрмитажами, мавзолеями и храмами Дружбы; но Персье и Фонтен, чей план парка, как известно, лег в основу выводов Цукермана, утверждают, что территория была значительно изменена в 1789 г. Якобом Моором, английским пейзажистом (landscape gardener), и Пьетро Кампорези из Рима» (см.: *Wharton Edit Newbold. Italian villas and their gardens. New-York, 1976.* Репринтное издание книги 1904 г.). Таким образом, письмо А. М. Бакунина, описывающее события 1789 г., — уникальное указание очевидца на авторство английского пейзажного архитектора Якоба Моора, имени которого нет не только ни в одной энциклопедии, в том числе и в *Britanckой*, но и в специальном исследовании об английских пейзажных архитекторах (*Hadfield Miles. Gardening in Britain. London, 1962.*)

⁹ Речь идет о фонтане Эскулапа или храме Эскулапа — достопримечательности виллы Боргезе, упоминаемой всеми путешественниками и путеводителями.

синевы небесной [как черный силуэт от белой бумаги]. Берег, на коем господин Моор разрешился сим водяным уродцем, бывал некогда возвышенным укреплением древнего Рима. [Я любил однако тут гулять.] Рим во всем великолепии не в дальнем расстоянии по холмам и долинам развивался, и хотя один колоссальный купол церкви Святого Петра уничтожал все вероподобие Моорова порождения, я, любуясь отдаленными предметами, забывал всю (л. 3) непельсть ближайших.

Увы! Встретили меня и в отечестве вьюрчатые сады. Печальная ель [угрюмая] и сосна, скушная повторением [своим] береза [ими обладали, ветер выл, колебля] единообразн[ую]ая [их] зелень, порхающие стаями грачи и вороны [стаями гнездились в их ветвях и карканьем своим оглушали], мох вместо дерну [устилал землю под мрачным и непроходимым их соплетением] и витые дорожки, лужи и погреба под именем озер и гротов. Признаюсь вам, что сады сии вместо примирения [меня] с нашим климатом усугубляли в мыслях моих его суровость. [В Москве видел я аглицкий сад] В Москве увидел я за решеткою [на двадцати саженьях] горы, моря, леса, дебри и не весть что на двадцати саженьях.¹⁰ [и гадов всех частей света. Я догадывался, что весь сад куплен в Ниренбергской лавке,¹¹ но фонтаны заставили меня искать их истока. Вода, трудною работою лошадьми и людьми накачиваемая из глубокого колодца, доказала мне, что сад сей был делом слова — рече и бысть — и] Масштаб создания соответствовал уму создателя — [жалко мне было, что власть его не только на лошадей, но и на людей простиралась.]

Искал я в окрестностях столиц других садов [которые бы не коробили ни природы, ни рассудка], но [что ж] везде почти нашел те же змейчатые [никуда не ведущие] дорожки [как червоточина в утлом пне; лабиринфы, подобие раскинутой на мух паутины, заражающие воздух] и лужи под именем озер, даже на берегах прекрасной Невы, между протчим в одной даче белых на острове медведей, которые с зверским мычаньем порывались на [прохаживающихся] мимоходящих и легко могли от неосторожности, столь нам обычной, порвав цепи, многих несчастных сделать жертвою сего новоизобретенного садового украшения (л. 3 об.); копани и ямы в виде гротов и пещер, убранные слюдою, стеклярусом, разбитыми стеклами, ракушками и набитыми соломою пустынниками; мостики, по которым перебираясь должно подвергаться опасности сломить шею или утонуть в грязи; кой где красивые иноземные кусты, кои неутешными казались о своем переселении. Словом, при отчуждении всех природных приятств, нашел я совокупление всех местных и неместных недостатков. Знаток уверяли [меня, что так и должно], что [садовая] красота садов бывает двоякая: в совершенном противоречии природы или в рабском ей подражании [и заключается или в рабском подражании природы

¹⁰ Возможно, реминисценция из Делиля. Ср.: «Нельзя на маленьком пространстве в узкой рамке, // Все сразу поместить — беседки, гроты, замки, // Часовни, пагоды...» (Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 26).

¹¹ Ниренбергские лавки — лавки в Москве и на Невском проспекте в Петербурге; торговали всемирно известными деревянными, металлическими, роговыми, бронзовыми изделиями, а также игрушками и забавами из Нюринберга.

или в побежденной трудности вопреки ей. По вашему, возражал я, художник, изваявший образ Венеры, ошибся, не избрав себе образцом растрепанной и замаранной волочайки, каких в природе много, или обвешанной лоскутками цыганки, которой и наряд, и поступь природе противоречат? Знаток смеялись моему невежеству, а я на них и на сады сердился, и, по общей привычке сердитых, думал, что я прав. Я удивлялся их премудрости, они смеялись моему невежеству.¹²

(Л. 29 об.). Продолжение первого письма.

[По мере как советы ваши меня обвиняли] Теперь, прочитав письмо ваше [я походил на слепого, которому зрение возвращается искусною рукою.], признаюсь в слепоте моей, я [так же как и многие, смотрел и не видел, или лутче сказать] не знал, отчего, гуляя в поле, в лесу, здесь [мне] было весело, а там скушно, здесь я останавливался, а там проходил с поспешностью, отчего [иногда] любовался [я восхищался] в некотором расстоянии [таким] предметом, которого вся красота, приближаясь [по приближении моем], исчезала. Теперь я [понимаю] все это понимаю [вижу, как можно ту же картину различным образом видеть, чувствую, что есть и в природе, и в художествах гармония или взаимное соотношение предметов, в которое надобно вникнуть, чтоб приобресть дар видеть красоты, от глаз невежества скрытые. Теперь вижу, что сама природа шепнула Гонзаге¹³ искусство театральных декораций, что и хижина и храм, и дворец и гумно, и водопад и мельница, и фонтан и водопой могут равно приличностью своего помещения восхищать зрение.] Искусство [Но признаюсь вам, что] садов [искусство] кажется мне [теперь весьма] еще затруднительным. Не мудрено [конечно] посадить дерево, [куст] сотню [оных], но истинный только художник, исчисля наперед действие оттенков зелени, особенный каждого дерева и куста характер в разных расстояниях, при разных расположениях, может составить (л. 30) волшебную картину из ничего не значащих предметов [та же декорация должна, так сказать, изменяться при каждом шаге зрителя и новые неожиданные обманутым его глазам являть красоты. Церковь Св. Петра от многих посредственных художников за то похваляется, что будто при входе в нее меньшею кажется, нежели в самом деле есть. А мне кажется, что цель искусного садовника, напротив того, учетверить, если можно, сад в глазах зрителей, ибо теснота предметов некоторым образом и душу стесняет]. Мы все садовники — но и суздальцы живописцы.¹⁴

[Затрудняет меня обширность художественной части садового искусства, но] Стану учиться — и надеюсь успеть. Первым учителем

¹² На полях авторская пометка: «Смотри продолжение первого письма».

¹³ *Гонзага Пьетро-Готтардо* — декоратор, работавший с 1792 г. в Петербурге, мастер перспективы; почетный вольный общник императорской Академии художеств, автор планировки парка в Павловске. Умер в Петербурге в 1831 г.

¹⁴ Суздальская живопись — ремесло писания дешевых и потому весьма распространенных среди простого народа икон. Существовала в Суздале и соседних уездах Владимирской губернии с давних времен. Падение искусства иконописи в XVIII в. породило целые фабрики, производившие огромное число дешевых икон для сел и провинциальных городов.

моим будет дружба, вторым природа. Nella Scuola d'amor che non s'apprenda — написал Тассо.¹⁵

[Стану учиться и надеюсь выучиться. Вкус наш, или душевное ощущение изящного живее становится по мере правильности наших понятий о истинной красоте, так же как чувства грубеют в недействии, а деятельностью утончаются. Ощущенье же истинной красоты приобретается, ваше письмо меня в этом уверило, исследованием действия видимых и воображаемых предметов над нами.¹⁶

Сколь ни прекрасна лазурь небес, зелень лесов, прозрачность вод, наскучили б они нам, если бы зелень не оживлялась собственными оттенками и переменным светом, если б небо не отенялось никогда туманами и облаками, естли б ветер не возмущал гладкой поверхности вод; вся природа движется; все движущиеся предметы подвигают душу, а неподвижное (30 об.) рождает в ней уныние. Мы живем и любим жить, а неподвижность принадлежит смерти]. Теперь я постигаю, отчего мне так скушно в стриженном саду, отчего так весело, когда, в лесу гуляя, слышу гул отдаленных голосов, шум упдающих вод и шепот ветра в колеблемых им ветвях. Рассудите же, как я вам благодарен, когда выхожу в поле и [в тех местах, которые уже мне и прискучили] везде вижу или предвижу красоты, столь долго [от меня] сокрытые, [красоты] которые [для меня ежедневно будут] возобновляться для меня будут, пока солнце восходить и к западу склоняться станет [будет], пока ведро последует за ненастьем, тишина за ветром и [пока] каждое время года будет всю природу образоват в новом виде.

[Так точно в саду все предметы должны говорить душе нашей, и сей новый язык, на котором могу с самою природою беседовать, предпочитаю я всем мертвым и живым диалектам.] (л. 3 об.) Чувствую возможность переселить в сад ту свободную приятность, которой свойство есть нигде не наскучить, а что еще более — вижу возможность усовершенствовать и образоват красоту, каждому месту свойственную и природою иногда чуть означенную.

Слыхал я прежде о садах, (л. 4) где искусство одушевляло природу, но знал, что сады те царские, [и что совершенство их большими издержками куплено; в сих мыслях судил я] и думал, простительно ли будет мне [небогатому человеку бросить немалую] употребить большую сумму денег, чтоб натискать три-четыре десятины мишурным приятством? [Теми же деньгами могу я] Не лучше ли осушить несколько верст болота, перестроить [всю] деревню, [вырастить целый] лес — [а теперь гнилое болото, голый пустырь, безобразная деревня уничтожили бы приближенностью своею всю красоту великолепного моего сада, так как одна плохая часть часто портит целую картину]. Стыдись, говорил я себе, стыдись на прихоти проматываться, искать наслажденья в дорого купленных ра-

¹⁵ «В школе любви можно научиться всему» (*итал.*). Происхождение цитаты не установлено. Из писем Г. Р. Державина и В. В. Капниста известно, что А. М. Бакунин работал над переводом «Освобожденного Иерусалима». См. письма Державина к А. М. Бакунину от 30 января 1804 и 28 февраля 1805 г. (Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864—1883. Т. 9. С. 322, 325).

¹⁶ Письмо не обнаружено.

достях, которые уже вряд ли и радости, когда столь малое число людей иметь их могут.¹⁷ Обработай земли твои, выстрой деревню, заведи леса и тогда уже думай о садах.

[Иным, а не вам] Мудрено покажется не вам, что я [нахожу] сравниваю сад и деревню [взаимное отношение между садовым искусством и деревенскою постройкою, и я охотно признаюсь, что причин сей связи не умею хорошенько и сам понять, а весьма ее чувствую]. Безобразии [и неурядство] наших деревень [столь] так меня поражает, что [всякий раз как случится мне войти] когда ни войду в мрачное селение, где черные избы и [навислые] дворы [угрожают] грозят падением, где все [некоторым образом] изображает беспечность [лень] и уныние, что-то у меня ляжет на сердце. Пожар, болезни, нищенство [тот час предо мною] в лицах явятся, и [мне по крайней мере час-другой] надобно [прогуляться надобно] в [чистом] поле, чтобы [избавиться сего прискорбного видения]. Прекраснейший сад по мне возле такой деревни был (л. 4 об.) бы [по мне самым] жестокии упреком помещику.

[Помирая меня с садами, научите же меня согласить и деревенскую постройку с моим садом]. Я не хочу, чтобы красивый сад умножил безобразие моей деревни, а хочу, чтобы деревня моя была приманчивым предисловием моего сада.

[Тогда] будет, обещаюсь вам, и у меня сад не стриженный, не вьюрчатый, не аглицкой и не китайский, а будет сад русский. Возможность [все мои леса] образовать мои леса, поля, покосы [исподволь образовать] садом [есть уже для меня предварительное наслаждение] сделает меня садовником. [Я уверен, что от одной мысли сей еще более прилеплюсь к земледелию, которое вообще в худшем еще у нас состоянии, нежели садовое искусство. Одна только деревенская наша постройка образует хозяйство наше в истинном его виде.

Поговорил бы я еще с вами, но вы] Вы устали, читая мое письмо [в котором больше слов, нежели дела]. — Отдохните. Знаю, что [вы руки сложа и отдыхать не умеете] праздность самая тяжелая [для вас] работа. [О естестве бы все земледельцы наши так мыслили, не осталось бы нам и говорить о земледелии, умолкли бы неосновательные посылки на дурной климат и народные навыки, которыми плохой земледелец защищает свои невежества].

Остаюсь преданный вам А.Б.

(Л. 5). Письмо [2-е] Третье.

В.

В русской земле, говорит мне часто добрый швейцар, у меня живущий, семь месяцев зима, два месяца холодно, а там все лето.

¹⁷ Этическая сторона проблемы была сформулирована уже Делилем. В предисловии к своей поэме он писал: «Некоторые особы, в общем весьма почтенные, бросили моей поэме упрек, ... что она написана только для богатей. <...> большая часть моих рецептов имеет целью наиболее удачное использование красот природы и может быть осуществлена скромными средствами...» (*Делиль Ж. Сады. Л., 1987. С. 11*).

Тот же швейцар однако говорит: хорошо жить в русской земле, хотя и холодно, потому что земля добрая, люди добрые. Вам известно, что урийский мой уроженец¹⁸ много работает и читает книги, до дела его только принадлежащие, с пустословствующими же философами он вовсе не знаком и, к счастью бедного нашего отечества, не знает даже, что некогда жил великий мудрец, который неоспоримо доказал, что в студенном климате природа никогда почти не рождает благополучно, а по большей части выкидывает, и для того мы все не люди, а недоноски,¹⁹ что не в давне еще проявился другой мудрец, доказывающий, что природа в России, всегда упражняясь в произведении сального слоя, ограждающего туши от жестокой стужи, вовсе о наших головах позабыла.²⁰ Дерзнут ли усумниться в глубоком заключении глубокого сочинителя глубоких персидских писем, которые наряду с протчими глубокими книгами много способствовали к высокому фонарному просвещению и до-сужному изобретению гильотины? Что я сказал, то я сказал, — говаривал знакомый в Петербурге немец. Что сказал мудрец, то без поворота сказано, — спорить не остается, а позволено в утешенье свое приметить, что между прочих несовершенств природы рождаются на севере Петры Великие, Густавы,²¹ Линнеи,²² Ломоносовы, и пожелать, чтобы благонамеренная природа защитила каким-нибудь слоем и головы наши от слепой веры к чужеземным софистам.

Предоставим Ла Шапам,²³ Леклеркам,²⁴ полчищу учителей, к стыду нашему, бывших воспитателей знатного нашего юношества,

¹⁸ Уроженец кантона Ури в Швейцарии.

¹⁹ Автор высказывания не установлен.

²⁰ А. М. Бакунин имеет в виду Ш.-Л.Монтескье (1689—1755), «сочинителя глубоких персидских писем», и его знаменитое сочинение «О духе законов» (1748), с которым Бакунин был хорошо знаком, что отразилось в его проекте «Условие помещика с крестьянином». В составе премухинской библиотеки в Государственном архиве Тверской области хранится первый том этой книги в русском переводе: «О существе законов» (СПб., 1801). В описи премухинской библиотеки, составленной А. М. Бакуниным в 1810 г., значатся также и «Письмы персидские» с пометой, означающей «полезное, приятное или забавное чтение». См. ЦГАРФ, ф. 825, № 259, л. 87 об.

²¹ *Густав II Адольф* — король Швеции (с 1611 г.). Его двадцатилетнее царствование — одна из самых блестящих страниц в истории Швеции. Густав Адольф сблизил Швецию с Европой, способствовал поднятию национального духа.

²² *Линней Карл* (1707—1778) — знаменитый шведский естествоиспытатель, автор «*Sistema naturae*» (1735), «королевский ботаник». Ввел точную терминологию в описания растений, животных и минералов, создал систему родов и видов. Его классификация лежит в основе современной научной номенклатуры, хотя исходное положение — о неизменности видов — было опровергнуто дарвинизмом.

²³ *Ла Шап* — Жан Шапп д'Отрош (Chappe d'Auteroche, 1722—1769), аббат, французский астроном, наблюдавший 6 июня 1761 г. по поручению Парижской Академии наук в Тобольске прохождение Венеры мимо Солнца, автор «Путешествия в Сибирь в 1761» (Париж, 1768), содержащего критические отзывы о России. Возмущенная Екатерина II издала в Амстердаме брошюру «*Antidot [ou examen du mauvais livre superbelement imprimé, intitulé „Voyage en Sibérie... par M. l'abbé Chappe d'Auteroche]"*». Брошюра была издана анонимно, но автором ее принято считать Екатерину II. По утверждению А. С. Пушкина, императрица поручила писать «Антидот» Г.Миллеру и И. Н. Болтину. См.: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений*. М.; Л., 1937. Т. 12. С. 424.

²⁴ *Леклерк (Le Clerc) Никола-Габриэль* (1726—1798) — французский медик, писатель, историк России. Был призван в Россию в 1759 г. Елизаветой. Второй период пребывания в России — 1769—1775 г. Почетный член Петербургской Академии наук.

(которых (л. 5 об.) мудрые уроки произрастили уже несколько плодов в нашей нравственности) забавлять просвещенную республику ротозеев рассказами об убивственной нашей стуже, о носгах и пальцах, которые то и дело от нее валяются. Нам самим не случилось ни одного безносого от стужи видеть, а изредка слышали о таких по милости лютой скорби, которой самое название также свидетельствует, что она есть дар наших просветителей. Недавно ругал Россию какой-то господин медик — в - - - -. Не тот ли самый, который, лихась в Москве носа, вкуче с ним потерял и практику? Сей, возвращаясь в отечество, конечно выдает себя за живое свидетельство и безвинного страдальца варварского нашего климата. Беспалых удавалось нам видеть, слышали, что и замерзают люди, но обыкновенно случаи сии постигают пьяных. Но и пьянство, — пишут мудрецы, есть необходимая северных людей страсть — необходимость ее также от студеного климата зависит.²⁵ Действительно, не примечаем ли той же врожденной склонности к крепким напиткам в жителях южной Америки, Африки, новооткрытых островов и пр.? Я не могу судить, потому что в них не был, и не спору, что может быть и у них также холодно, как у нас, но могу уверить, что я пьяных видал и в умеренной Франции, и в теплой Италии, так же как и в России. Если пьянство губительнее в нашем Севере, то сего не должно приписывать (л. 6) врожденной склонности к нему, но убийственным нравов и здоровья действию горячих напитков, кои вместо виноградного вина употребляются. Если б мы под самым горячим по[нрзб.] жили, не избегли бы лаю, или лутче сказать свисту отогретых нами змей. Я читал некогда в французской книге, что в Риме от сильного солнпеку (sic!) в августе месяце всегда несколько человек с ума сходят, что в Венеции летом собаки визжат, перебегая мост Святого Марка, обжигая о мрамор ноги. Я в Венеции не слышал визгу, в Риме знал многих знаменитых художников, а с сумасшедшими не встречался. Но если из двух бед уже необходимо одну избрать должно, то лучше подвергнуться опасности лишиться пальца, нежели ума. Право, кажется, что большая часть тех сочинителей, кои пишут о России, живали в августе месяце в Риме.

Если бы климат наш был нездоровый, сокращающий человеческую жизнь, лишаящий телесных и душевных сил, то можно бы действительно заключить, что у нас отмерзли не носы, не пальцы, а разум, потому что имея южные области, в которых бы уместилась половина наличных жителей всей Европы, добровольно населяем тот отверженный край, где жили наши деды, и единственно потому, что они тут жили. Но не быв Леклерком,²⁶ нельзя предположить, чтобы целый народ без основательных побуждений согласился добровольно себя морозить, и должно заключить, что сильные причины определяют его выбор и противодействуют в разуме

Автор «Истории древней и новой России...» (1783—1784), вызвавшей ожесточенную критику И. Н. Болтина.

²⁵ Возможно, вновь намек на Монтескье. В холодных землях, пишет философ, «климат, кажется, принуждает к некоторому народному пьянству...» (*Монтескье Ш.-Л. О существе законов. СПб., 1809. Кн. 14, гл. X. С. 228.*)

²⁶ См. прим. 24.

его прелестям и примане приятнейшего небосклона. (л. 6 об.) Причины сии явственны из ежегодных списков рожденных и умерших в Европе: долгожизненность видится принадлежностью Севера. Сия, по мнению г-на Гуфелинда,²⁷ не иное что как кошелек с деньгами, каждому человеку при рождении данный. Кто издержал, тот и банкрот, а кто скупится, жалеет каждой копейки, у того и деньги долго ведутся, — т[о] е[сть] тот живет, кто не живет. Но мне как жителю деревенскому позволено будет думать, что долгожизненность зависит от крепости души и тела — а от сих что не зависит?

Климат русский не может казаться несносным русскому человеку, когда он сносен добровольно живущим с нами чужестранцам, когда он сносен даже италиянским виртуозам, когда знаменитый Сартти,²⁸ избрав Россию отечеством, предпочел ее своей родимой Италии, хотя и в ней ценили его дарования. Заклучим же, что и наш климат здоров и сносен — и, наконец, скажем, приравливаясь к правилам самого Монтезкью, что природа хотела кажется из нас особливой народ сделать, ибо, лиша всех лакомств, расслабляющих душу и тело, щедро наделила нас всем полезным, и с тем спасительным условием, чтоб мы все трудом своим выручали.

Но я примечаю, что вы озябли, читая мое письмо, и для того кончу, уверяя вас в моей преданности.

(Л. 7.). Письмо 3-ье.

С.

Вольно Новгородскому летописцу рассказывать нам, что предки наши славяне, пролетая еко орли остро крылатии вселенную и нигде обретше места, благоприятна к вселению по сердцу своему, дошедше наконец озера Великаго, поселились на его берегах за 2415 лет до рожества Христова.²⁹ Или летописец жлет, или плохи были наши предки, избрав добровольно страну печальную, хладную и скудную. Хуже избрать невозможно было. Наш-то край подлинно тот, на который упало проклятие небесное: «проклята земля в делах твоих, в печалех снеси тую вся дни живота твоего; егда делаеши землю и не приложить силы своея дати тебе».³⁰

В самом деле — нет у нас лимонных и апельсинных деревьев в садах, вместо ананасов растет у нас лапушник, не собираем мы с полей наших сахарных тростей, хлопчатой бумаги и сарачинского пшена,³¹ не вьется виноград по нашим березам, не прядут черви на нас шелку, нет у нас ни землетрясений, ни гремучих змей, ни жел-

²⁷ *Гуфелию (Hufeland) Христофор Вильгельм* (1762—1836) — знаменитый немецкий врач, автор известного сочинения «Искусство продления человеческой жизни» (в издании 1805 г. — «Макробиотика»).

²⁸ *Сартти Джузеппе* (1729—1802) — итальянский композитор, с 1784 г. служивший в Петербурге и возглавлявший придворную оперу. Н. А. Львов был с ним знаком.

²⁹ Определить источник цитаты не удалось. Возможно, фраза скопирована из текстов разных летописей.

³⁰ Ветхий завет. Книга Бытия, гл. 3, стих 17; гл. 4, стих 12.

³¹ Древнее русское название риса.

тых лихорадок, ни гнилого воздуха, ничего нет, кроме хлеба, кроме скота, кроме леса, кроме пеньки, кроме льну, кроме меду и воску и подобных мелочей, которых, конечно, нельзя равнять с малагою, с черносливом, изюмом и коринкою. Уверяют некоторые, что могли бы и мы приказать в Южной России винограду виться, червям пряхь, но все это не здесь, не у нас — а здесь мучься, работай, едва (л. 7 об.) насыщенный хлеб каторжною работою достанешь. Молчу — и признаюсь побежденным.

Я долго жил в Италии и видел, что земледелец нередко снимает два хлеба с одного поля, что тутовые деревья разведением шелковых червей дают ему за малые труды немалую прибыль, что фрукты — лакомство наших вельмож — обыкновенная закуска тамошних поселян, что сено косят на одном лугу раза по три и пр. Но не позволено ли будет мне различить в сих выгодах принадлежащие трудолюбию от даруемых климатом? Прилежные ломбардцы косят луга свои действительно три раза, но и мы в садах наших не косим ли травы раза по три? Мудреное, скажут, сравнение! Можно ли садовую землю равнять с полевой? Но кто сказал вам, милостивые государи, что италианцы снимают по три сена с дурной земли? Я вам доложу, что они ежегодно свои сенокосы удобряют, с крайним тщанием приводят каналами воду и орошают их; строят даже для подъему воды на высокую пошву машины — и не дивитесь — виноград астраханский, который вы изволили кушать в Москве и Петербурге, не видал, может быть, ни одной капли воды, кроме той, которая крайними трудами посредством машин из Волги бежит на крутояр. Досужеству людей все возможным становится, испытайте (л. 8) и вы луга ваши удобрить, обработать, то, конечно, согласитесь, что съем прекрасной травы не в воле климата, а в вашей.

В Италии снимают по два хлеба, а у нас и один часто незрелает. Правда. Но скажите, пожалуйста, не все ли равно взять разом сто рублей, что в два по пятидесяти? Если все равно, то и выгода двух жатв мнимая. Урожай всегда соответствен доброте земли. Мера ее доброты в ваших руках, то и урожай от вас зависит. Не повторение нужно, а изобилие жатвы. У меня (простите поселянину грубый пример, могущий оскорбить нежность городских ушей) корова мало молока давала, а доили ее по два раза в день. Я приказал доить ее по четыре раза в день, молока не прибыло. Приказал лутче кормить, и в два удоа более молока, чем в четыре стало. Я заключил, что изобилие не от числа удоев, а от лутчего корма зависело.

Не ты ли нам сказал, что шелковые черви приносят немалый доход? Я и не отпираюсь, а примечу только, что лен и пенька, которых в Италии по малоземелью почти не сеют, столь же прибыльные русскому земледельцу, как шелк — италианскому. Можно ли равнять пеньку и лен с шелком? Весьма можно, несмотря на то, что один продается фунтами, а те пудами, потому что за одним фунтом шелку ходьбы и работы столько же, сколько за несколькими пудами льну и пеньки, в обработке же и весовая разница исчезнет: аршин тонкого батиста дороже лутчей шелковой материи.

Выходит на поверку, что земледельческие выгоды италианцев перед нами заключаются в изобилии фруктов и вина, но дорого, (л. 8 об.) дорого платят они за сии выгоды. Вскользь упомяну, что

жители, коих главный промысел виноград, по большей части бедны, что недород и перерод равно по миру пускают, что естели у нас часто вымерзают яблони и вишни, то в теплых климатах вымерзают лимонные, масляные и другие деревья и что гибель сия разорительна, например, в Провансе, где составляет главный доход жителей, а мы, кроме неудовольствия, от траты садов наших убытков не терпим. Сии неудобствы я еще не почитаю за главные, но часто в южных странах реки и ручьи от продолжительной засухи иссыхают, хлеб и травы выгорают, люди и скот изнемогают, лето вдруг превращается в печальную зиму, насекомые умножаются, деревья стоят иногда не только обнажены плодов, но и листу, страшный град опустошает целые уезды, обдирает кору с дерев, умерщвляет скот, втапывает хлеб и траву в землю, так что иногда целая округа вновь вспаханною кажется. Сего недовольно. Земледелец, убрав хлеб свой с полей, не всех еще избег опасностей. Насекомое, по счастью нам мало известное (*circulio granagius*), нападает на хлеб в житницах, съедает все мучное вещество, оставляя плеву невредимою. Бедный поселянин идет к своему закрому и находит (л. 9) мякину вместо того хлеба, который долженствовал пропитать все его семейство. Согласимся же, что наш край не проклятый, не отверженный, что природа на верных весах измерила выгоды и невыгоды каждого края, и даже осмелимся сказать, что она сама в некоторой от нас зависимости.

В Ломбардии тучный скот пасется по зеленым пажитям, поля покрываются богатыми жатвами, природа улыбается в лугах, в полях, на лице самих жителей (кроме тех, которые сеют сарачинское пшено). Генуесцы, прилепясь к торговле, отстали от земледелия, и хлеб у соседей покупают, отчего и внутреннее их благосостояние от соседей зависимо. Швейцария в каменных своих скалах избилывала своим трудолюбием (до разбойничьего французов нашествия). В таких же скалах Делфината³² и Савои³³ нищенство с нуждою голод свой утоляло черствым гречишным хлебом. Тоскана уподобляется цветущему саду, окрестности Рима, древле столь плодородные, столь населенные, лежат ныне печальною степью, и гнилой воздух сокращает бедственную жизнь ленивых поселян.

Вечные английские туманы, конечно, не благоприятствовали земледелию. Англия, ныне столь цветущая, была некогда пустыня, болотами, дебрями, лесами и мглою покрытая. Земледелие возмогло в ней укротить и климат, и нравы жителей, ибо, если верить Юлию Кесарю, Англия в его время не многим лучше нашей Сибири была.³⁴

Мог бы я умножить еще число примеров в доказательство зависимости успешного земледелия от трудолюбия, а не (л. 9 об.) климата, но боюсь вам наскучить. Скажу только, что я не согласен

³² *Делфинат* — Дофинэ (Dauphinais) — прежняя французская провинция в Кас- тильских Альпах с центром в Гренобле. В числе главных произведений труда — зерновой хлеб.

³³ *Савоия* — провинция в отрогах Альп, с 1720 по 1861 г. входила в состав Сардинского королевства. Гористая поверхность препятствовала земледелию, так что своего хлеба для населения было недостаточно.

³⁴ Юлий Цезарь первым дал более или менее полное описание Британии, ее климата, географического положения и т.п. в пятой книге «Галльской войны» (*De bello gallico*).

с теми, которые предлагают нам в образец Лифляндию, одинаковую климатом с нами, и отнюдь ее примером доброго земледелия не приемлю,³⁵ потому что винокурение в Лифляндском хозяйстве есть идол, которому все на жертву приносится.

Извинение ли нам наш студеной, но здоровый климат? Изнемогла ли природа там, где растит мачтовые леса? Где родит народ мужественный, трудолюбивый, предприимчивый?

Но [нрзб.] вы не изнеможете от скуки — на сей раз полно — простите.

(Л. 10). Письмо 4-е.

D.

Мудрец Гельвеций боялся, чтобы мы не погрязли опять в невежестве.³⁶ Мудрец Монтескью сказал, что русского ободрать надобно, чтобы его заставить чувствовать. Мудрецу Руссо вероисповедание наше казалось нелепым.³⁷ Мудрец Вольтер, любя нас, сочинял для нас молитвы чудотворцу Николаю.³⁸ Мудрец Фридрих назвал Петра Великого крепкою водкою, а нас железом.³⁹ Мудрец Кондильяк пропел предлинное поучение Петру же Великому, доказывая ему, что он все на опоко сделал.⁴⁰ Мудрец Билфиллд приметил, что Петр Великий худо разумел пользы своих подданных.⁴¹

³⁵ С 1804 г. крестьяне в Лифляндии получили личную независимость, не получив земли. Для Бакунина безземельная свобода крестьян была неприемлема. В то же время, западные губернии славились винокурением, которое лишь в конце XIX в. стало вытесняться в Лифляндии молочным производством.

³⁶ *Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771) — французский философ, автор «*Livre de l'esprit*» (Книга о разуме) (1758). Бакунин имеет в виду следующее место из «*Rassуждения III*»: «Знаменитый царь Петр, может быть, ничего не сделал для своего народа: он должен был предвидеть, что за великим человеком редко следует другой великий человек, что так как он не изменил ничего в устройстве империи, то благодаря самой форме правления, русские вскоре опять могут упасть в варварство, из которого он начал извлекать их» (*Гельвеций*. Об уме. М., 1938. С. 224).

³⁷ По-видимому, речь идет об «Общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо.

³⁸ О чем речь, неизвестно.

³⁹ *Фридрих II Великий* (1712—1786) — прусский король-философ, автор философских, политических и исторических сочинений. Бакунин имеет в виду письмо Фридриха II к Вольтеру от 13 ноября 1737 г., где Фридрих сравнивает роль Петра по отношению к русской нации с воздействием азотной кислоты на железо. Переписка Фридриха II с Вольтером была издана в XVIII в. См.: *Lettres du roi de Prusse et de m. de Voltair // Correspondance du roi de Prusse*. S.I. et s.a. [1789]. Т. 4.

⁴⁰ *Кондильяк Этьен-Бонно* (1715—1780) — аббат, французский философ-просветитель, писал, что Петр I, прежде чем думать о развитии торговли, должен был поднять земледелие; что слишком тесное сближение с европейскими странами, испорченными дурным правлением, навредило России; что замена стрельцов гвардией не ослабила деспотизма и произвола в России. См.: *Oeuvres de Condillac*. Cours d'études Histoire moderne. Paris, 1798. Т. 6.

⁴¹ *Билфельд (Bielfeld) Якоб Фридрих, барон де* (1716—1770) — немецкий публицист, автор опубликованных на французском языке «*Политических наставлений*» («*Institutions politiques*», 1760) в двух частях, которые вскоре появились в русском переводе кн. Федора Шаховского и проф. Антона Барсова с посвящением Екатерине II. См.: *Наставления политические Барона Билфелда*. М., 1768—1775. Ч. 1—2. В премухинской библиотеке имелись две части «*Institutions politiques*». См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 36, список книг на французском языке.

Мелкотравчатые мудрецы постарались после и ныне за нашу хлеб-соль доказать нам и Европе возвестить, что мы народ грубый, суеверный, свирепый, распутный, ослушный, лживый, коварный, хищный, пьяный, ленивый, пужливый и подлый.

Случилось мне однажды упрекать доброго и почтенного француза всеми нелепостями, которые соотичи его при нас пишут. Признаясь, говорил я ему, что тебе за них стыдно. — Неприятно, — отвечал он мне, — а стыдиться за других не вижу причины — тем более, что вы сами подаете повод к таким злоречиям, описывая добрых ваших поселян при всяком случае самыми отвратительнейшими красками. Я спорил, что этого никогда не бывало, а что если и удавалось когда французу слышать в русском доме что непохвальное или видеть непохвальный поступок, то, (л. 10 об.) во-первых, не подлежало по малому числу уродливых образцов судить о целой нации, во-вторых, не надежало изменять законом гостеприимства и, как говорят наши крестьяне, сор из избы выметать. — Но вы сами его выметааете, — говорил мой француз смеючись. — Общество, у вас учрежденное для пользы земледелия, всему свету печатными словами обнародовало, что во многих местах русской земли поселяне сварливы, упрямы, злонаравны, ленивы, непонятны, грубы, своенравны, завидливы, мстительны, лукавы, неблагодарны, непредприимчивы, беспечны, суеверны и что добром и ласкою, без страха, принуждения и грозы ничего сделать из них не можно. Томов тридцать трудов Вольного Экономического общества⁴² с заметками лежало на столе к моему обличению, и что мне оставалось делать, как только спросить француза: неужели имеет он слабоумие всему дрязгу этому верить, и довольствоваться его ответом, что нет, потому что он и сам уже русских людей несколько знает и в той же книге читал, что русские поселяне прилежны, трудолюбивы, простосердечны, тихи, понятны и благонравны.

И это русские помещики, думал я, писали про своих крестьян. Ну естли б и те грамотеи были, что-то бы они про помещиков написали. Тогда, которому ни поверь, — все беда, ибо поселяне и помещики суть равно — (л. 11) неотделимые части одного и того же народа, итак, голова ли, ноги ли у молодца свихнуты, все он же изуродован.

Признаюсь вам, что грустно мне стало и что я утешиться мог только заключа, что все добродетели и все пороки без изъятия, как все болезни и все степени здоровья, равно принадлежат природе человеческой. И что, вопреки всех философических, климатических, физиологических и политических рассуждений, пороки никак и никогда не могут быть отличительною принадлежностью целого народа, что из разных карактеристических описаний разных народов основательнее можно заключить о предубеждениях писателя, нежели о свойстве описываемого им народа.

Чего ближе собственного примера? Я так наслышан был о глупости, лености, злости, упрямстве бедных чухонцев,⁴³ что досадовал на Ломоносова, доказавшего, что чухонцы суть потомки тех ски-

⁴² Вольное Экономическое общество было основано в 1765 г.

⁴³ Чухонцы — народное название финских племен карельского происхождения, живших в окрестностях Петербурга, в Шлиссельбургском и Царскосельском уездах.

фов, которые некогда обладали не малою частью Европы, Азии и даже Африки, которых мужество и нравственность восхваляемы были в Древней Греции, которые сами мудрецов своих имели.⁴⁴ Анахарсис⁴⁵ — чухонец! Может ли быть? Когда, по кончине Екатерины Великой стечение обстоятельств вручило мне на несколько времени участь чухонцев Гатчинского уезда,⁴⁶ я думал, что я с ними пропаду, что принужден буду прибегать к самым крутым средствам, по примеру моих предшественников, но вместо того вскоре нашел, что они были понятны, прилежны, тихи и послушны. Одним добрым словом (л. 11 об.) все сделать из них было можно — они у меня и строили, и плотничали, и работали наряду с лутчими наемными работниками, с ними вместе сделал я в Сильвии Каскад.⁴⁷ И, наконец, когда я расстался с Гатчином, они почти плакали, со мною прощаясь. Знаю, что чухонских слез ни в каком романе поместить не можно, но знаю, что привязанность их ко мне вознаградила некоторым образом все пустые надежды, внушенные мне дружбою Г.,⁴⁸ когда он из сельского уединения почти невольно перезвал меня в Гатчино!

Кажется, что еще никто не кончил письма чухонскою чувствительностью,⁴⁹ и потому позвольте мне на сей раз, уверив вас в искренней дружбе моей, быть —

(Л. 12). Письмо 5-ое.

Стечение обстоятельств может, конечно, воздействовать над целым народом; злые или добрые примеры повторением своим исказить или исправить его нравственность, сделать его наклонным

⁴⁴ А. М. Бакунин имеет в виду «Древнюю Российскую историю» М. В. Ломоносова, в первой части которой «О России прежде Рурика» автор пространно рассуждает о происхождении российского народа.

⁴⁵ Анахарсис — скиф из царского рода, жил в VI в. до н. э., изучал греческие обычаи, уклад жизни и культуру. Сохранилось собрание из 10 писем, приписываемых Анахарсису и датированных III в. до н. э.

⁴⁶ Согласно высочайше утвержденному докладу генерал-майора Оболянинова, 12 января 1797 г. в Гатчине было учреждено Городовое правление, делившееся на камерную и счетную экспедиции. В ведении камерной части и возглавлявшего ее советника находились «экономика казенная и крестьянская, фабрики, заводы и дела по апелляции на Ратушу, строении по Дворцу и городу, слобод, посадов и деревень, дабы по плану и фасаду строений исполнялось» (Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 24. № 17.725. (Далее: ПСЗ с указанием тома и номера). В 1797 г. А. М. Бакунин был назначен советником Гатчинского городского правления. См. также письмо А. М. Бакунина к А. Х. Бенкендорфу (РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 24, л. 9 об.).

⁴⁷ Один из самых характерных декоративных мотивов романтического парка, мост-руина с каскадом, как бы естественно образовавшимся при обвале гранитных камней и валунов, а также с «водным театром» «Наумахией» в парке Сильвия в Гатчине был спроектирован Н. А. Львовым. Не сохранился.

⁴⁸ Имеется в виду император Павел I.

⁴⁹ Избрание в качестве примера распространенного предрассудка о чухонцах представляется нам своеобразной репликой на стихотворения Н. А. Львова «Ночь в чухонской избе на пустыре» (1797) и «Ботаническое путешествие на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня».

к злу или к добру, но сии обстоятельства, определяющие моральные и физические его привычки, ни мало не образуют национального характера. Что ж такое характер национальный, спросите вы меня?

Во-первых, должно, вопреки общего предрассудка, признать характер и просвещение за вещи совершенно разные. Весьма добрый человек во всех отношениях подданного, гражданина и семьянина может быть весьма несведущ. Скифы, о которых я упомянул в прежнем письме, по признанию тех же греков, которые, означая их невежество, звали их варварами, служили образцом всех гражданских и семейных добродетелей. Неоспоримо, что просвещение полезно, но без нравственности просвещенный человек может быть министром коварным (Некер⁵⁰), гражданином злым (Мирабо-сын⁵¹), семьянином жестоким (Мирабо-отец⁵²), человеком развратным Аретин⁵³. Напротив, Минин и князь Пожарский по-французски не говорили, бород не брили, может быть, и грамотеи небольшие были, но сие не воспрепятствовало им быть истинными героями и спасителями отечества.

Что ж такое национальный характер, — спросите вы опять? — В том же семействе встречаем человека упрямого и человека рассудительного, догадливого и тупого, доброго и злого, воздержного и развратного. Характер (л. 12 об.) каждого из них есть то нравственное свойство, которым они взаимно отличаются, хотя под одной кровлею и одинакими обстоятельствами и примерами воспитаны были. Как же определить купной характер сего семейства? Весьма не трудно. Если число благосмыслящих превосходит число порочных, то порочные принуждены воздерживаться, стыдиться и принаравливаться к общему мнению, — и характер такого семейства есть добрый. Если в другом семействе на похвальбу

⁵⁰ *Некер Жак* — французский государственный деятель (1732—1804), директор финансов (с 1776 г.) и управляющий финансами (с 1788 г.) при Людовике XVI, проводил политику облегчения государственных финансов путем заимствований; за 5 лет правления сделал долгов на 500 млн. ливров. Чрезвычайно тщеславный человек, Некер считал себя финансовым гением. Отец госпожи де Сталь. Говоря о коварстве Некера, Бакунин, вероятно, имеет в виду его отказ явиться 23 июня 1789 г. на королевское заседание, собравшееся для отмены решений третьего сословия (Национального собрания). Последовавшая за этим отставка Некера и приказ покинуть Францию послужили поводом к восстанию 12, 13 и 14 июля. Сочинение Некера «De la révolution française» (1796) имелось в премухинской библиотеке (См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 36).

⁵¹ *Оноре-Габриэль-Рикетти, граф Мирабо* (1749—1791) — автор «Декларации прав гражданина». Один из выдающихся деятелей Великой французской революции. В начале революционных событий оказывал за деньги услуги королю, одновременно, согласно своим убеждениям, часто действовал против короля и роялистов.

⁵² *Виктор-Рекетти Мирабо* (1715—1789) — выдающийся французский экономист-физиократ. Женившись по расчету, долгие годы вел скандальные процессы против своей жены и сына, во время которых использовал одно из самых возмутительных учреждений феодальной Франции — «Lettres de cachet», приказы, снабженные королевской печатью, которыми неугодное лицо отправлялось в Бастилию даже без объявления вины.

⁵³ *Аретин* — Пьетро Аретино (1492—1557), итальянский сатирик, поэт, автор произведений скабрезного содержания, а также знаменитой, многократно перенздаваемой книжки «La puttana errante, overo Dialogo di Maddalena et Giulia», с описанием и изображением 38 эротических поз.

выказывается ухарство, развратство и тому подобное и естли похвальба сия не есть гибельный плод несчастливых обстоятельств, род отчаянного мщения претерпенным или терпимых бедствий — характер такого семейства есть самый дурной. Естли помещики, съехавшись, станут друг перед другом на хвостовство рассказывать, сколько рекрутов или девок продали, то неоспоримо, что характер их никуда не годный. Естли другие станут, напротив, укорять таковыми поступками, то заключить можно с похвалою об их характере.

Были у нас в России запорожцы, были, признаться должно, и лихие помещики, но благодаря Екатерину Великую, запорожцев совсем нет,⁵⁴ а лихих помещиков осталось не много.⁵⁵ Но они еще есть, и долг не только господ мудрецов, (л. 13) которые сами не последнее лихо рода человеческого, но всякого благонамеренного россиянина обнажать всю их гнусность, дабы общее презрение поспешило искоренить нечестивую их породу. Должно обнаруживать сии гноющие струпы, остатки долговременных болезней, коими одержимо было наше отечество, но обнаруживать их не на поругание только или расстройство, а для излечения или по меньшей мере для того, чтобы общественное здоровье предохранить от потаенной заразы.

Жид добрым делом почитает христианина обмануть, но должно помнить, что жиды с христианами в войне, сильная сторона нападает явным презрением, слабая отомщает плутнями.

Впротчем, в целой Европе, не исключая и самой Турции, убийцы, воры, грабители, развратные наказываются или законами или общественным презрением. Благодетели награждаются общественным уважением. В сем случае глас народа подлинно есть глас Божий, и сие презрение злых, уважение добрых неоспоримо доказывает нам, что постыдные пороки не могут без насильных причин быть отличительною чертою ни единого из европейских народов, ибо естли не врожденная склонность, то личная даже польза там, где явные пороки или преступления не (л. 13 об.) пролагают путей к почестям и отличиям, велит каждому, буде не иметь, то по крайней мере заимствовать те качества, которые люди, по мнению Гельвеция,⁵⁶ согласились назвать добродетелью.

⁵⁴ Манифест об уничтожении Запорожского войска, объявлявший об обращении запорожцев в поселян, был издан 5 августа 1775 г.

⁵⁵ По-видимому. Бакунин имеет в виду 256 статью Наказа Екатерины II, гласящую: «Петр Первый узаконил в 1722 году, чтобы безумные и подданных своих мучающие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последняя для чего без действия осталася, не известно». На нее как на «соизволение закона» он ссылался в «Условии помещика с крестьянином», оговаривая наказание для помещика за несоблюдение условий договора. См.: *Агамалзи Л. Г. Трактат А. М. Бакунина «Условие помещика с крестьянином» и Наказ Екатерины II // Российская культура глазами молодых ученых. Сб. трудов. СПб., 1998. Вып. 6. С. 52—59; она же. А. М. Бакунин и его проект «Условие помещика с крестьянином» // Памятники культуры: Новые открытия. 1998. М., 1999. С. 71.*

⁵⁶ Ироничное указание на «*Livre de l'esprit*» Гельвеция, согласно учению которого добродетель — понятие относительное, а определение человеческого поведения как порочного или добродетельного зависит от интереса, ибо все на личном интересе основано: «Своими пороками и добродетелями люди обязаны исключительно различным видоизменениям, которым подвергается личный интерес» (*Гельвеций*. Об уме. С. 34).

Что же есть национальный характер, — повторяете вы, — и как его познать? Признаюсь вам, что для меня задача весьма трудная, но вот мой ответ. Любопытство привлекло множество китайцев на берега канала, коим плыло аглицкое посольство. Корма одного судна под зрителями обрушилась, и многие из них утопать стали. Протчие ни мало об них не заботились. Пустилась одна лодка — не на помощь, а за шляпою одного из утопающих. Если б это случилось в русском городе, многие б, не только б не жалея собственных шляп и кафтанов, но и жизни, побросались бы к ним в воду на помощь. В деревнях наших брат за брата идет охотою в солдаты; (л. 14) поселянин, сам терпя нужду, отдает половину последнего ломтя хлеба нищему; заслуженный солдат по двадцатилетних трудах за величайшее счастье почитает возвратиться в свою родину. Частных добродетелей тысячи примеров и вам и мне и всем нам известны, но дело идет не о личных добродетелях, а о национальном характере, и потому они были бы недоказательны. Скажите мне, есть ли такое селение в русской земле, где бы не было примеров, что жизнь ближнего спасена с опасностью собственной, что брат искупил собою брата, где бы путника не обогрели, голодного не накормили, гостя не угостили, где бы ветеран не почитал счастьем провождать остаток дней своих? Все это не новое, все это мы знаем, все это так обыкновенно, что мы дивиться бы стали, если б где не так было. Коль скоро все это не новое, все это известное, все это обыкновенное, то и задача национального характера русского народа решена. Великодушие, счастье семейное, гостеприимство и любовь отечества — суть основа сего искомого характера, уток же везде и всегда зависим от обстоятельств, обстоятельства зависимы, хотел было сказать от правления, но нет, не всегда правления располагают по воле своей обстоятельствами, а сии напротив часто самолутчие намерения в ничто обращают.⁵⁷

(л. 14 об.) Неоспоримо, что мудрость правления (начитавшись мудрецов, как не помудрить) состоит в удалении тех обстоятельств, коих вредное влияние на нравственность народную очевидно, буде вред, могущий быть от потребных на то мер, не превосходит вреда, ими отвращаемого; в предупреждении обстоятельств, могущих вредить со временем, и в ускорении тех, коих польза несомненна. Должно однако домолвить, что сие гораздо легче написать, нежели исполнить, ибо обстоятельства часто идут вопреки всех ожиданий.

Я пишу, пишу, а от вас писем не получаю. Вы мне дали волю — смотрите, чтобы после вам же не пришло каяться...

Остаюсь ваш — .

⁵⁷ Возможно, намек на неудавшуюся законодательную акцию Екатерины II или крестьянскую политику Александра I.

(Л. 15). Письмо 6-ое.

Я был в Турине, когда государственные чины по совету слабоумного министра Вержена⁵⁸ и предателя Некера⁵⁹ собирались во Францию.⁶⁰ Все журналы, все частные письма обнаруживали общий восторг, общее надеяние, общее нетерпение озариться необъятною массою света, которая непременно изливает на всю Францию лучи незыблемого благоденствия. И можно ли было ожидать иначе от совокупления просвещеннейших голов всего государства?

Аббат Васко (известный полезными своими сочинениями), друг и учитель мой,⁶¹ спросил меня в доме французского посла Шуазеля, чем, по мнению моему, все это кончится? — Щастьем Франции, — отвечал я. — Ты еще молод, — возразил он, — а я слышал от приятеля моего Денины⁶² слова Фридерика, слышал их еще и прежде от Беккарии,⁶³ что народ, управляемый философами, был бы наимещастливейший — а тут впутались философы, тут впутался Некер, человек, самолюбию своему всем жертвующий, как Богу, который не устыдился для оправдания своего изменить характеру министра и ужасную ископал пропасть всему государству книгою своею

⁵⁸ *Вержен Шарль Гравье, граф де* (1717—1787) — французский государственный деятель, министр иностранных дел. В 1778 г. способствовал заключению союза с Соединенными Штатами против Англии, в результате чего государственный долг Франции вырос до громадных размеров, так что, будучи противником реформ. Вержен. тем не менее, был вынужден согласиться на созыв нотаблей (Assemblée des a Notables), состоявшийся в 1787 г. в Версале, где был поставлен вопрос о налогообложении, привилегированного сословия.

⁵⁹ См. прим. 50.

⁶⁰ А. М. Бакунин, по-видимому, имеет в виду созыв Генеральных штатов, открывшихся в Версале 5 мая 1789 г. Созыву Генеральных штатов предшествовало появление потока брошюр, воззваний, афиш, жадно читавшихся и обсуждавшихся в ожидании больших перемен.

⁶¹ *Аббат Васко* (Giambattista, 1733—1796) — доктор права, известный также своими работами по естествознанию и политической экономии. В области политэкономии аббат Васко был учеником Тюрго и Адама Смита. Наиболее известные работы Васко в сфере политэкономии, заслужившие ему авторитет среди ученых экономистов его времени, — «О деньгах» («Della moneta» 1772), «Записка о причинах нищеты и средствах к его упразднению» («Memoire sur les causes de la mendicite et sur les moyens de la supprimer», 1788) и «О корпорациях искусств и ремесел» («Delle universita delle arti e mestieri» 1793), а также опубликованное лишь в 1916 г. в записках Туринской Королевской Академии Наук «Политическое исследование о бумажных деньгах» («Saggio politico della carta-moneta», предположительно — 1790).

⁶² *Депина Джакомо-Карло* (1731—1813) — итальянский историк, служивший при дворе Фридриха Великого в Берлине, член Берлинской Академии наук, автор многочисленных сочинений о Греции и Италии, Пруссии и Фридрихе Великом, а также «Russiad'»ы, воспевавшей Петра I.

⁶³ *Беккария Чезаре* (1738—1794) — знаменитый итальянский публицист, доктор права, автор знаменитого трактата «О преступлениях и наказаниях» (1764), гуманные идеи которого (смягчения наказаний, отмены пыток, суда равных) легли в основу главы X («Об обряде криминального суда») Наказа Екатерины II, а также отразились в «Учреждении о губерниях» 1775 г. Эти идеи были близки А. М. Бакунину и отразились в его проекте «Условие помещика с крестьянином» (1803). См. об этом: *Агамалян Л. Г.* Просветительские идеи в творчестве А. М. Бакунина; *Агамалян Л. Г.* Трактат А. М. Бакунина «Условие помещика с крестьянином» и Наказ Екатерины II.

(Comptes rendus).⁶⁴ Ты еще молод, — повторил он мне, — а вот какой будет конец: кто это? — спросил он меня, указывая на портрет Людовика 16-го. — Король французский. — Прибавь, последний, — договорил он.

Подлинно, через несколько времени явились в Турине дюки, конты, виконты, (л. 15 об.) маркизы, прелаты, шевалие, аббаты, кои приветствуясь, взаимно радовались, что не облистал их свет парижских фонарей. Поверите ли вы, что в них на половину философов было? Они довольно громко проповедовали ту философию, которая изгнала их из отечества, пустила по миру. Но нельзя опять им было и не проповедовать в свое оправдание той философии, которая внушила им, избегая личной своей опасности, ослабить сторону доброго своего короля и пустить его на воду, как у нас иногда в народе с теми образами поступают, которые не полюбятся.

В числе сих выходцев был г. абб. Саб—, прежде бывший которого-то французского парламента член, отличавшийся упорным своим прекословием королевской власти и после принужденный однако бежать из Народного собрания, говорун престрашный, немолкный, который немилосердно ругал все правительства и справедливо, поелику ни в одном терпим бы быть не должен. Мне случилось его видеть в доме богатой и пожилой щеголихи, куда все городские философы собирались по субботам обедать. Это было во время войны нашей с турками и с шведами.⁶⁵ Г-н аб<бат> уверял слушателей, что Россия ведет войну деньгами, от Австрии получаемыми, что русские дворяне имеют право живота и смерти над своими (л. 16) крестьянами,⁶⁶ что — и, наконец, узнав из моего противоречия, что я русский, спросил меня по случаю бывшего с шведами сраженья, в самом ли деле с обеих сторон дрались настоящие военные корабли и взят нами шведский корабль? На утвердительный мой ответ подоспел с восклицанием: «Как? Настоящий трехпалубный военный корабль!» и г-н Жаксон, тогда бывший секретарь Аглиц[кого] посольства, а после (как я видел из газет) и в важнейшие должности поступивший. Ему казалось, видно, нестачным, чтобы, кроме англичан, кто мог овладеть военным кораблем.

Вот тебе доказательство, — шептал мне на ухо аббат Васко, — что и в философах, и в дипломатических чинах бывают невежи. Но где их нет? И если бы их не было — беда бы тем, которые наживают деньги и славу трудами своего пера. Кому бы тогда рас-

⁶⁴ «Compte rendu au roi»(1781) — сочинение Неккера, представляющее собой отчет о состоянии финансов во Франции. После его издания Неккер получил отставку.

⁶⁵ Имеются в виду русско-турецкая война 1787—1791 гг. и русско-шведская война 1789—1790 гг.

⁶⁶ Формально помещики не имели права распоряжаться жизнью крестьян. Так, на вопрос Дидро, «какие права и преимущества землевладельцев» в России, Екатерина отвечала, что «на бумаге — никаких нет, кроме права винокурения». но в действительности «они делают в своих поместьях все, что им заблагорассудится, кроме смертной казни, которая им запрещена» (Селевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. 209).

сказывать забавные побаски о жителях печуйских, лаосских, тонкинских, каликутских? Писатели хотят славы, денег, а не общественной пользы. Остерегайся, верь более своим глазам и здравому рассудку, нежели сбойливому красноречию нашего века. Народ читателей легковерен, насыт новостей — писатель, угождая ему, чтоб более распродать экземпляров своего творения, изобретает, лжет и клеветает на целые народы без страха и без зазрения совести. Например, мы, италианцы, если верить соседям нашим заальпийцам,⁶⁷ суеверны, невежды, коварны, мстительны, скупы, ревнивы, бешены и распутны. Все сии пороки порознь, конечно, и у нас встречаются, так же, как и во Франции, и в Англии, и в России. (л. 16 об.) Мера пороков везде соответственна мере праздности — чем менее праздных, тем более добрых людей, чем более праздных, тем менее добрых. Праздность развращает нравы людей низших классов, праздность развращает умы высших. Где оба развращения соединятся, там погибель государства почти неизбежна. Но как праздность первого рода общию в государстве сделаться не может, потому что физические потребности и нехотя заставляют большую часть людей работать, то долг мудрого начальства противиться с кроткими, но постоянными мерами развращенности тех людей, которых примеры тем большее влияние имеют на общественную нравственность, чем более уважается их степень, богатство или просвещение. По несчастию во всей Италии, кроме Леопольда,⁶⁸ никто сим не занимался, и оттого праздных, т. е. порочных людей у нас и накопилось. Большие города — сборные места и талантов и пороков, и кто по сим последним заключает о целой нации, доказывает собственную неспособность к познанию первых и сам разглашает, что (л. 17) обращался в самых подлых и развращенных обществах описываемой им страны. Если у вас в России станут судить обо всей Италии по тем колонистам, которые к вам из Ливорны поплыли и всю Тоскану от остальных негодяев очистили, то заключат, что Италия — сток всех пороков. И легко станется, что такое заключение воспоследует, если воспитатели ваши⁶⁹ успели уже и вам привить образ своего суждения. Тебе смешно покажется, когда станут нас упрекать невежеством, потому что ты литературу нашу любишь и лично нас знаешь. Фонтаны, Фаброни, Галвани, Спалланцани, Гвадани (?), Пиньоти, Росси, Алпиони, Вольты, Денины, Чиньи, Брезеты, Калюзы⁷⁰ достаточны доказать, что не только изящные худо-

⁶⁷ Имеются в виду французы.

⁶⁸ *Леопольд II* (1747—1792) — римско-германский император (1790—1792), третий сын Франца I и Марии-Терезии, преемник отца на Тосканском престоле (с 1765 г.). Просвещенный монарх; проводил умеренные, но последовательные реформы. В Тоскане при Леопольде была почти полная свобода печати. Так, в 1764 г. в Ливорно был издан трактат Ч. Беккарини «О преступлениях и наказаниях».

⁶⁹ Т. е. французы.

⁷⁰ *Фонтана Феличе* (1730—1805) — первый директор Физического кабинета (Spicola o Imperiale e Reggio Museo di Fisica e Storia Naturale) во Флоренции, открытого в 1775 г. Н. А. Львов посещал его во время пребывания в Италии в 1781 г. См.: *Nikolaj A. L'vov. Italienisches Tagebuch. Итальянский дневник / Hrsg. und kommentiert von K. Ju. Lappo-Danilevskij. Köln; Weimar: Wien, 1998. S. 104. Фаброни Джованни* (1752—1822) друг и соратник Фонтаны, автор сочинений по химии, ботанике, земледелию, экономике, физике и т. д. *Галвани Луиджи* (1737—1798) — знаменитый

жества, но и полезные науки в наше время также цветут в Италии, как и прежде в ней цвели. Есть ли в целой Италии город, не отличающийся или не отличающийся пребыванием изящного художника, знаменитого врача, истинного ученого или полезного сочинителя? Ревнивость итальянцев существует только в романах, а на деле никогда не оказывается, по крайней мере ревнивые итальянские мужья весьма снисходительны к чичисбеям,⁷¹ прислуживающим их супругам. Суеверия наше (буде есть оно) никогда изуверием не было, не только христиане всех вероисповеданий, но и жиды, и турки живут у (л. 17 об.) нас спокойно. Нет у нас ни квакеров, ни мартинистов.⁷² Коварными разглашают нас за Сицилийские вечера,⁷³ но где народ, коего летописи не упрекали бы ни в одном постыдном деянии? Коварство же сицилийцев извинительно было, потому что иго мучительства незваных гостей превосходило меры человеческого терпения. Где преступления сделались единственно обороною угнетенных, там более в них виновны угнетатели, нежели угнетенные. Италию растеребили на мелкие части. Невозможность силою отстояться от сильных соседей заставляла часто иметь прибежище к пронырливости. И сию неизбежную по обстоятельствам пронырливость поставили нам в вину. Скупость наша в том, что менее тратим денег на роскошь и на чувственные удовлетворения, чем на поощрение изящных художеств, коих Италия отчеством стала. Где имеют частные люди столь великолепные загородные дома, коллекции картин, статуй или библиотеки, как у нас? <Нрзб. убойства?> не во гнев иностранцам случаются редко, в драках, в пьянстве, а изменяю почти никогда. Ты, живучи несколько лет у нас, боялся ли когда, чтоб тебя ошибкою из-за угла ножом пырнули, как, по рассказам иноземцев, часто случается? Побранятся два неаполитанские лаззарона.⁷⁴ Страсть их изображается в их голосах, словах, телодвижениях; кинжалы блистают в их руках, иноземец, увидев, бежит испуган и спешит уведомить своих соотичей,

итальянский анатом и физиолог, открыватель явления гальванизма. *Спалланцани Лаззаро* (1729—1799) — известный итальянский путешественник, натуралист и физик, описавший геологические и естественно-исторические особенности Швейцарии, Турции, Корфу, Кипра, Сицилии, Неаполя, Апеннин. *Алтиони* — возможно, *Альтиони Проспер* (1553—1617) — итальянский врач и профессор ботаники в Падуе. Выдвинул доктрину полового размножения растений, которая легла в основу системы Линнея. *Вольты Александр* (1745—1827) — знаменитый итальянский естествоиспытатель, изобретатель. *Депшиа* — см. прим. 59. *Росси* — кого из многочисленных Росси имеет в виду Бакунин, неясно. Перечень, судя по всему, включает имена современных Бакунину итальянских ученых-естествоиспытателей, часть из которых установить не удалось.

⁷¹ Чичисбей (*cicisbeo*) — в XVI—XVIII в. в Италии лицо, которое дама выбирала себе в спутники для прогулок. Сопровождение супруга при выходе в общественные места считалось дурным тоном.

⁷² Квакеры — основанная в XVII в. английская секта, мистического толка, члены которой утверждали, что слышат божьи откровения и подвержены озарениям.

Мартинисты — основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалисом мистическая секта, члены которой считали себя способными на сверхъестественные видения.

⁷³ Сицилийская вечерня — кровавое восстание в Сицилии в 1282 г. против французского владычества, поводом для которого послужила обида, нанесенная французским офицером сицилианке в час вечерни 30 марта. Возмущенные палермцы перебили всех французов.

⁷⁴ Лаззарони (*Lazzaroni*) — обозначение низшего класса в Неаполе.

что в Неаполе у него на глазах люди ножами резались — зрители спокойно на них смотрели. Но если б он сам не ушел и дождался конца сцены, увидел бы, что вся гроза громом и блистаньями кончилась, а удару ни одного не было. Он уверился бы тогда, что оба лаззарона могли бы искусными быть актерами, и природные зрители, предугадывающие развязку, не имели причины беспокоиться. Распутства много оттого, что больших городов много, оттого что в больших городах по два, по три и по четыре и более театра, оттого что иностранцев много, но вольно же (л. 18) иностранцам не иметь знакомства, кроме трактиров, где живут, фигуранок, к коим ходят, и подлых женщин, которые сами гостей заывают. Ознакомясь таким образом, должно отказатья от всех порядочных домов, должно, возвратясь домой, лгать и пятнать грязью, в которой сами валялись, тех людей, которые их презирали. Когда ваши предки — народы Севера — наводнили всю Европу, Италия была щитом, сохранившим науки, художества и все полезные познания от конечной погибели; Медицисы⁷⁵ им покровительствовали в то время, когда европейские государственные министры худо имя свое подписать умели. Из сего не следует однако, мой друг, чтоб мы все были философы, все просвещены, все щедры, все великодушны — но опять же и не таковы, какими многие нас почитают, потому что мы не отбраниваемся. Но не стоит труда браниться, когда можно лучше употребить время свое. Не оскорбляйся же и ты нелепыми рассказами о России. Вас обвиняют только в невежестве, нас в коварстве, гишпанцов в гордости, агличан в буйстве, немцов в пьянстве. Вам еще всех менее достается, потому что коварство, гордость, буйство, пьянство — пороки, а невежество только недостаток. Но ты и сего терпеть не хочешь? Приметь же, кто обвиняет вас в невежестве? Те, которых площадной наш шарлатан Иосиф Балсали мог уверить, что он граф Калиостро и чудотворец.⁷⁶ Заключи же, что обвинители сами невежи, что во Франции невежества много, но не заключай опять, чтобы вся Франция была в невежестве.

Не подумайте, чтобы добрый аббат Васко мне все это одним духом (л. 18 об.) проговорил. Друг Беккарии был уже человек молодой, да и не любил говорить вдруг много. Он имел красноречие, но совсем не то, которое столь долго из Парижа всю Европу оглушало. Он был сочинитель, но можно б и несколько лет, быв с ним знакомым, про то не сведать.

Ну, кончил ли ты, братец, — спрашиваете вы меня? На сей раз кончил. — Но что заключить из твоего письма? — Что и в России невежества еще много, но что не вся Россия в невежестве.

Остаюсь ваш покорный —

⁷⁵ *Медицисы* — Медичи — знаменитая флорентийская фамилия: в XV в. управляли республикой, приобрели громкую известность покровительством всем направлениям Ренессанса.

⁷⁶ *Иосиф Балсали* — Иосиф Бальзамо, граф Калиостро (1743—1795), знаменитый авантюрист из Ливорно. В Париже пользовался славой великого мага.

Лихо было признаться в невежестве! Станут спрашивать, в котором из государственных сословий просвещения более или менее? В котором? Дайте подумать. Вообще в дворянстве нашем много того, что во всей Европе называется просвещением — особливо в столицах. Одеваются хорошо, иностранными языками иногда лутче собственного говорят, в обращении ловки, вежливы до того, что за неучитное слово дело и до шпага доходит. Учены так, что имена всех наук знают. Столь усердны к службе, что все генералами быть хотят. Щедры, ибо сот по пяти, по тысяче за один вечер в карты проигрывают. Покровители художеств, судя по числу мастеровых, которые к ним по утрам, будто за деньгами, на поклон ходят.

— Говори, пожалуй, без шпыньства. — Я вам без всякого шпыньства описываю то, что большинство голосов Европы называет просвещением. Чего ж вам больше? Бороды мы бреем, всем модам следуем, французский театр любим. — Ну я и слушать перестану. — Не сердитесь. Истинного просвещения не только у нас, но и везде мало, мало оттого, что смысл слова «Просвещение» еще не совершенно определен, а потому и отличительное его свойство мало (л. 19 об.) уважается. Свойство сие, по мнению моему есть: деятельное желание пользы общественной яко собственной своей; а действие оно: общественное благосостояние. Россияне не чужды были сего желаня и в то время, когда все европейцы варварами их называли, но действию оногo воспрепятствовали нещастливые обстояельствы. Благодаря Бога, тепер нет уже никаких препятствий отечественному просвещению или благосостоянию, кроме крапивы, которая местами отрастает от корней бывшей татарщины, и корни сии должно необходимо выполоть, но остерегаясь — по слову писания: вкупе с плевелами не исторгнуть и пшеницы.

Науки и познания, конечно, сугубят счастье просвещенного народа, но в бедствиях они становятся бесполезными, выходят из употребления и теряются, как иглы, когда шить нечего. Не просвещение от наук бывает, а успехи наук от просвещения. Где народ щастливый, (л. 20) погруженный в невежество, или бедствующий, а просвещенный? Франция, скажут иные, но они ошибутся. Число истинно просвещенных людей во Франции не так велико было, как мы думаем, а мишурное просвещение хуже самого невежества. Оно, как театральная добродетель, блесит на сцене, поражает зрителей, но посмотри, что за кулисами делается! Лжепросвещение, попавшее пламенником своим все общественные связи во Франции, скорбя о людских невежествах, покушалось озарить и Германию, и хотя некоторые нового вкуса писатели предуготовляли пути,⁷⁸ но как немцы не стыдились еще почитать своих государей, повиноваться законам и находить счастье в гражданских и семейственных добродетелях, то и покушение не возымело желаемого успеха. Если б возможно было доказать, что народ в невежестве бывает благо-

⁷⁷ В основе текста этого письма — текст письма к А. Н. Оленину (1803 г.) (РНБ, ф. 542, № 168, л. 6 об.—10).

⁷⁸ Писатели немецкого просвещения.

получным, а с просвещением бедствует, то я бы без зазрения совести невежество предпочел просвещению.

Воображение ли, смолоду дивом чудес и страхом привидений расстроенное, излишнее ли надеяние на земных и небесных заступников, уверенность ли наружными обрядами всякую вину загладить, искусство ль пастырей сокращать разум стригомых овец, по примеру поселян, которые путают лошадей своих, всегдашнее ли ожидание небесной манны свыше препятствует истинному просвещению? Я не знаю, но знаю, что католики и протестанты живут в Швейцарии вместе, (л. 20 об.) и что последние и трудолюбивее, и благонравнее, и щастливее, следовательно, и просвещеннее первых.

Не грамота ли просветила разум последователей еретического учения Калвина? Казалось бы так, но грамотеи наши — чухонцы — такие же еретики⁷⁹ — не умнее, не трудолюбивее, не щастливее безграмотных православных наших поселян. Крылошане⁸⁰ наши не бегло ли читают, раскольники не мастерски ли полуустановом⁸¹ пишут? От грамотных подъячих до безграмотных кадиев,⁸² от упрямых раскольников до ученых муфтиев⁸³ сколько (не у нас, а в Сибирском царстве⁸⁴) живых свидетельств, что грамота сама по себе слабая опора разуму человеческому.

Дьяки ничего, кроме указов или Бовы Королевича⁸⁵ не читали! Я согласен с вами, что если бы вдруг далась грамота всему народу, какие книги читать прикажете? Грамота действует над разумом, как пашня над землею, отверзает его познаниям, располагает к прозрению, но потребны семена чистые, не куколь,⁸⁶ не белена!

В старину авторов было мало; одни ученые писали, писали много, писали по латыни, писали скушно, и никто почти, кроме моли, их книгами не занимался. Недосуг было читать (л. 21) людям, которых все время посвящено было героическим или разбойничьим подвигам. Наскучило вечно нападать, вечно караулить. Подоспел порох, и телесная сила перестала уполномочивать грабежи и насилие. Земледелие воскресло и обогатило людей. Прихоти умножились, соделались необходимостями, и книги наконец также потребны стали, как чай, кофе, сахар и пр. Авторы начали писать или полезное, или забавное, но жили и умирали в бедности. Современники наши принялись за одно ремесло с поварами. Они возбуждают отупевший вкус, утомленное любопытство приправами, зельями, пряностями, которые над нами, как опий над азиатцами,

⁷⁹ Почти все чухонцы были лютеранами.

⁸⁰ Крылошане — церковный причт: чтецы, певчие, причетник, поющий на клиросе.

⁸¹ Полуустанов — почерк старинных греческих и славянорусских рукописей.

⁸² Кади — у мусульман духовное лицо, исполняющее роль светского судьи, решающего дела на основе законов корана и священных преданий.

⁸³ Муфтий — по своему образованию, нечто вроде министра права, лицо, принимающее решения по всем духовным и юридическим вопросам.

⁸⁴ Сибирское царство — старинное название Сибири. После многочисленных перемен в управлении в 1803 г. вновь было учреждено Сибирское генерал-губернаторство с предоставлением генерал-губернатору особых полномочий.

⁸⁵ «Бова Королевич» — популярная в народе сказка о добром рыцаре Бове Гвиноновиче; была распространена в лубочных изданиях.

⁸⁶ Куколь — сорная трава и семя в хлебе, плевел.

слабо действуют, но сильны отравить людей, телом и духом не ослабленных.

Возьмем одну из лутчих книг: неподражаемого Телемака.⁸⁷ Фенелон за доброе свое намерение единодушно внесен в небольшой список благодетелей рода человеческого. Но книга его учит более хорошо царствовать, нежели благополучно жить.⁸⁸ Законы Ментора в Царстве Идомея⁸⁹ имеют основанием бесстрашие монарха и подданных. Но прелику оно не в природе нашей, то и книга остается одною из прекраснейших небылиц, избретенных разумом человеческим — подвластные всегда наклонны строго судить о властях, а власти также не Боги, то зачем улещать нас мечтательным изображением несбыточного совершенства?

(л. 21 об.) Мармонтель, без равной с добродетельным Фенелоном обязанности, написал скушного Велисария,⁹⁰ а на него глядя, нашла на всех мудрецов блажь быть цареучителями; жаль только что упрямые ученики не слушают нахальных менторов, которых строгая философия из кошелька денег редко отрекалась быть придворною шутихою.

Щастлив ли будет народ наш, когда поверит знаменитейшим писателям истекшего века, что у русских душа в спине, что Петр Великой был только искусный плотник, что злейшие враги отцу дети, что нет на свете ни худа, ни добра, что добро все то, что любо, а худо все, что не любо, что вера не иное что, как нарядная игрушка, что все государи суть похитители, что рабы вправе душить господ и пр.⁹¹

⁸⁷ Речь идет о знаменитой утопии Франсуа де Солиньяка де Ла-Мот Фенелона (1651—1715) «Приключения Телемака» (1699, первый русский перевод — в 1786 г.), написанной на сюжет, взятый из «Одиссеи», и являющейся, по существу, курсом политической педагогики для детей старшего возраста. «Телемак» вобрал в себя «Басни» и «Разговоры мертвых», написанные Фенелоном для своего воспитанника — внука Людовика XIV, герцога Бургундского, с нравоучительной целью, и представлял читателю картины идеального государства и общественного строя. В премухинской библиотеке был «Телемак» — издание первого перевода на русский язык. См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 37. В списке книг на русском языке это № 102. В другой описи (№ 36) под № 197 значатся «Разговоры мертвых» Фенелона.

⁸⁸ В письме к А. Н. Оленину было: «...книга его более учит божески царствовать нежели человечески жить» (л. 8).

⁸⁹ *Ментор* — друг Одиссея, которому он поручил воспитание своего сына Телемака. *Идомей* — внук Миноса, царь Крита, приведший под стены Трои могущественный критский флот из 80 кораблей. Попав вместе со своим воспитанником в царство Идомея, Ментор обучает последнего мудрому правлению (Книга XII).

⁹⁰ *Мармонтель Жан-Франсуа* (1729—1799) — французский писатель, иезуит, друг Вольтера, автор исторического романа «Велизарий» (1767), посвященного проблеме воспитания просвещенного монарха. Роман был задуман как «урок государю» и «катехизис царей». См.: *Щабельский П. К.* Екатерина II как писательница. IV. Велизер // Заря. 1869. Март. С. 38. В премухинской библиотеке был «Велисарий». См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 38, список книг на русском языке.

⁹¹ В письме к А. Н. Оленину этот абзац выглядит следующим образом: «Щастлив ли будет народ наш, когда узнает, что у русских душа в спине (Montesquieu), что Петр Великий был только искусный плотник (Frederic II), что добро все то, что любо, а худо все то, что не любо (Bentham), что злейшие враги отцу дети (Helvetius), что вера не иное что, как фокус покус (Voltaire), что все государи суть похитители (J. J. Rousseau), что рабы имеют неоспоримое право душить господ своих (Raynal) и пр.» (л. 8 об.).

Философы и пустосвяты напрасно друг на друга нападают, не с равным ли усердием они безобразят истину и бредни свои выдают за ее именные указы? Беспрестанная колоть и раскаленное железо не равно ли ослепляют? Болезни и площадные врачи не равно ли умерщвляют? Прологи и Системы не равно ли сугубят невежество?

Русский народ догадлив, терпелив, добр, послушен, неутомим, (л. 22) а некогда, может быть, и просвещен был. Вероятно, что просвещение его угасать стало с того времени, как Судебник Царя Иоанна Васильевича не стал законом,⁹² но искры оно и теперь блещут. Довольно их осталось, чтоб засветить в отечестве греющий и одушевляющий пламенный, но поступать должно с крайнею осторожностью, чтобы не возжечь в соломенных наших крышах пожара. Не обинуясь, сказать можно, что ни малейшей бы опасности не было, если бы мы все помещики без изъятия согласились — не имуществом, не кровью, не благоденствием своим пожертвовать, — а просто быть человеколюбивыми. Разве мы бесчеловечны? — спросите вы. Отнюдь нет, но разница превеликая не быть бесчеловечным или быть человеколюбивым. Мы любезны в кругу наших знакомых, мы сострадательны и всегда готовы с душевною радостью помочь несчастливому, который у нас на глазах или на слухе, но чувствительность наша, наше человеколюбие слишком беглы и мало изыскательны. Мы не воображаем, чтоб в числе подвластных нам были несчастные, которые ближайшее право на помощь нашу имеют, потому что и мы все от них имеем, мы не вникаем в состояние наших поселян, почитаем себя добрыми господами, когда не угнетаем их, и участь их занимает нас несравненно менее веселого ужина или хорошей французской пьесы.

(л. 22 об.) Человеколюбие помещиков — да будет первым шагом к народному просвещению. Спасительно оно, когда наподобие солнечных лучей идет сверху к низу, погибельно, когда устремится снизу вверх, как пламя пожарное.

Народные училища Екатериною II-ю учрежденные,⁹³ меры, правительством ныне всеместно приемлемые, жертвования соревнующих им добрых граждан подают нам лестную надежду водворить все науки, все человеческие познания в нашем севере, но я смело скажу, что, пока благосостояние поселян будет нам казаться чуждым от нашего, все науки, все познания плода не принесут, — или и принесут — но не все плоды здоровья.

Entendami lui vuol, che m'entend'io,⁹⁴ — сказал какой-то италианец, а повторяет ваш покорный слуга.

⁹² Т. е. по мере закрепощения крестьян. См. об этом: *Агамаян Л. Г.* История России в изложении А. М. Бакунина // *Новый журнал.* 1997. № 2. С. 164—167.

⁹³ «Учреждением о губерниях» (1775) были образованы приказы общественного призрения, на которые было возложено «попечение и надзирание о установлении и прочном основании народных школ», которые должны были открываться не только в городах, но и в многолюдных селениях. В апреле 1786 г. повелено было открыть главные народные училища в 25 губерниях, а 5 августа 1786 г. был издан устав народных училищ, в основе которого было признание народного образования делом государственным.

⁹⁴ Кто хочет меня понять, тот поймет (*итал.*). Источник не установлен.

(Л. 23). Письмо второе.

Вы знаете, что я ни бельмеса в архитектуре не разумею, а хотите, чтоб я же придумал, как лутче расположить деревенскую постройку, и объяснил вам, что мне нравится и не нравится в обыкновенной. Не нравятся мне пожары, грязь, духота, темнота, копоть, дым, сверчки, тараканы и скот в одной избе с людьми, а сожигание всего семейства в одной избе, напротив того, мне нравится. Опасно было бы оно для нас при утонченных наших идравах, но полезно для поселян, следующих чистым внушениям природы. Работа поселян мало оставляет им гулящего времени, и утомление телесное избавляет их от искушений праздности. Иностранец, полагающий нравственность в лицевой благопристойности, подумает, что и распутство живет в той избе, где холостые и женатые, замужние и девицы вместе живут и в нескольких шагах друг от друга спят. Но иностранец наш, по общему обычаю иностранцев, в заключении своем ошибется. Надзор отца, матери и старших семейства над детьми, с малолетства под их глазами живущими, соблюдает нравственность состояния, в коем редко встречается невольное девичество или распутная холостыба. Двоесмысленное слово удобнее воспламенит сладострастие людей, растленных театральною чувствительностью или невольным целомудрием, нежели полное обнажение возбудит непристойную мысль в трудолюбивом поселянине, поелику пристойности каждого возраста в его звании не в противоречии с законами самой природы. Со временем, может (л. 23 об.) быть, когда мы просветим дворовых наших людей, а люди просветят поселян, сожигание целого семейства вкупе и будет опасным — а покамест не нравственность, но физика не любя мне в жилищах наших поселян. Она изображает и сугубит бедное их состояние. Если свет, опрятность и простор некоторых изоб на большой дороге доказывают довольство обитателей, то грязь, теснота и мрак свидетельствуют о нищенстве, и весьма справедливо приметил не помню кто-то ученый, что судить о благосостоянии народа можно по его жилищам.

Некто приятель мой и приятель ученый утверждает, что ничего не должно переменять в постройке и без изъятия во всех обычаях поселян. Приятель мой не совсем неправ, но не вовсе и прав. Воло[ко]вые окна хороши, скоро очищают воздух и сохраняют удобно теплоту в избе, но случилось при мне, что в избе без красного окна, а с одними волоковыми сгорели люди, оттого что выходу не было, кроме дверей, кои поломом охватило. Лучина, конечно, светлее горит, нежели сальная свеча, но часто и целые деревни светло горят от лучины. Пусть очищается воздух в черных избах дымом от всех гнилых паров, но я не вижу необходимости гнилых паров в жилище людском — итак, несносный (л. 24) дым с сквозным ветром во время топки и вечный от копоты на стенах траур остаются единственными выгодами черных изоб. Лапти и онучи зимою теплее сапогов, но зато осенью и весною сколько приключает болезней сырость, которую они как губки впивают. Кормление скота в избах, может быть, изрядное хозяйство, но если бы

клевы были теплые и просторные, не было бы нужды избу клевом делать. Подручно стряпать хозяйке в своей избе, но не знаю, здорово ли ей часто угорать от вдыхания пронзительных масляных и сальных испарений — и нужно ль, чтоб огромная печь без фундамента всю избу перекосила. Баня необходимо нужна русскому человеку, но ведь нужна для того, чтобы в ней вымыться, выпариться, а не для того, чтоб распространять прилипчивые болезни или деревни палить. Деревянный дом пусть здоровее каменного, но каменный фундамент здравости его не уменьшит, а дом соделает прочным.

Непрочность строения должна быть включена в число причин неуспешного земледелия. Мы вечно строим оттого, что непрочно строим. Если бы постройка наша прочнее была, то б и лесам и крестьянам нашим было легче. Прочная постройка не та, которая к невозвратному ущербу государства из мачтовых деревьев рубится — до крайности глупо свалить по обычаю на вереву⁹⁵ вековую сосну. Прочность зависит от выбору и приноровки материалов, от искусства работников, от надежной крыши, от твердого фундамента, а не от огромности или дороговизны. Дело не о дворцах, но опять лутче оставить поселян коптеть в черных (л. 24 об.) избах, нежели заключать их в сырые, студеные и угарные не избы, а тюрьмы, буде не гробницы, по примеру некоторых помещиков — скаредная экономия, где сберегают несколько рублей ценою здоровья человеческого.

Просторные и светлые избы по Петербургской дороге могли бы быть образцом нашей сельской постройки с наблюдением, чтоб стряпущая была отдельная, фундамент каменный, а крыша или из прочной и легкой черепицы, или, в недостатке оной, гонтовая.⁹⁶ Исчисление материалов, хозяйство в их приноровке, наружное и внутреннее расположение потребовали б дестей⁹⁷ к описанию, и не стало б моего терпения написать, а вашего прочесть. Тут должно соображаться с местными удобствами и возможностями. Повторим только, что плохая постройка весьма убыточна и что клев в несколько лет может ценою стать противу целого двора.

Поселяне, особливо палатные,⁹⁸ без помощи господ порядочно выстроиться не могут? Согласен. А господа часто сами помочь им не в силах? Не согласен. По большей части были бы в силах, если бы только хотели. Но как и чем? Теми же издержками или еще меньшими, нежели стоят им их псарни, голубятни, зверинцы, гнилые пруды, оранжереи, беседки, гульбищи, фонтаны, ежегодная починка служб и всего строения. Копейки, из прихотей или глупости ежегодно на сие расточаемые, в короткое время накопились (л. 25) бы рублями к делу полезному. Но прихоти сии, — скажут многие, — нас утешают, украшают наши дома, наши сады! Боже меня

⁹⁵ Веря — узкая лодка, служащая для перевозки пассажиров в гавани или через реку; использовались также как прогулочные шлюпки.

⁹⁶ Гонт — тонкие недлинные деревянные пластинки или дощечки для покрытия крыш.

⁹⁷ Десть — мера писчей бумаги, 24 листа.

⁹⁸ Палатные — т. е. ленивые.

храни, любезные соотичи, потребовать от вас дарового пожертвования. Исправя собственную вашу постройку так, чтоб сверху и снизу не гнила, расположа ее так, чтоб одна крыша и один фундамент заменяли три крыши и три фундамента, вы собственно себя одолжите. Исправя постройку поселян, вы не только им добро делаете, вы не только ваш сад украсите, но все селение, все окрестности сделаете садом несравненно лутчим всех бывших, настоящих и будущих французских, голландских, аглицких и китайских садов. Вы ошастливите ваших крестьян и, буде сего вам мало, упрочите чрез то самое существование любимых ваших игрушек, ибо, истребя делом мерзкую поговорку: кошке игрушки, а мышке слезки — вы вкупе истребите возможность той картинки, где мыши наконец кота погребают.

Строить крестьянам вашим каменные избы было бы безрассудно.⁹⁹ Их трудно приучить к необходимой в оных опрятности. Когда благосостояние развяжет их способности, тогда опрятность соделается для них необходимою — пока пусть живут по своему обычаю. Но не трудно и ничто не мешает предохранить целые селения от пожаров, от прилипчивых болезней лутчим расположением. Не трудно даже на сем расположении основать благосостояние поселян. Какая необходимость строить деревни улицами, какая польза в тесноте жилья, в удалении полей? Жить одним двором в поле было бы по суровости нашего климата невозможно, занесло бы снегом, съели бы волки. Но четыре двора, например, (л. 25 об.) уже сим опасностям не подвержены.

Квадрат 100 сажень содержит 4 десятины и 400 сажень (sic. — Л. А.). Полагаю 100 сажень постройки, 100 овинов, 200 саду и пр. — осталось бы полевой земли 4 десятины. Располагая участки, не о квадратности вида заботиться должно. 4-угольные двора могут быть деревенькою (sic!). Можно расположить двора один от другого в 50 саженьях улицею.

Тогда бы пресекалась удобность пожаров и прилипчивости болезней, менее было бы калек, люди в непогоду не ночевали бы взрослые и малые на поле, земля год от году бы добрела, всякое дело во время бы делалось, все семейство работало бы совокупными силами; ничто б не пропадало. Если ж и теперь хлеб к году родится изрядно, тогда ль не надеяться урожая? Четыре десятины удобренной и тщательно возделанной земли с лихвою заменят десятин десять плохой, отдаленной и никому не принадлежащей земли.

Легко ли расселить целую деревню? Крестьяне проклянут помещика. — Сомневаюсь. Крестьяне тогда проклинают помещиков, когда их, наподобие скота из места в место перегоняя, лишают той последней тени собственности, которая участь их услаждала. Напротив того, видя, что помещик не своих выгод с их разорения хочет, а собственную их пользу выгадывает, не для того переселяет их, чтоб отобрав лутчие земли, (л. 26) себе присвоить, но для того,

⁹⁹ Следующий абзац отчеркнут карандашом на полях и имеет помету А. А. Корнилова: «Мысли о деревенском устройстве. NB».

чтоб каждому семейству дать неотъемлемую собственность,¹⁰⁰ они не проклинать, а благословлять его станут.

Убыточно! Но пожар — всегдашний конец деревень наших — еще убыточнее. Расселять должно исподволь — общими силами. Прихотливых дворов не строить, а на первый случай переносить постройку какова есть. Со временем, когда возрастут доходы помещика и поселян, тогда и постройку исправить совершенно. Тогда доброй господин, как добрый пчельник, будет новым роям заговлять новые ульи. Собственность, исподволь укореняясь, обнесет все участки живыми зелеными оградами, возрастит плодовые сады, умножит стада и не только скрасит лицо земли, но радостными чертами изобразится на лицах самих поселян. Тогда помещик с переходов своего терема будет, как Создатель, любоваться делом рук своих — что Кусково, что Останково в сравнении его сада?¹⁰¹

(Л. 26 об.). Письмо которое, не знаю.

О красноречии моей березы много говорить нечего. Я сам подзреваю, что какой-нибудь леший в нее засел и удостоил меня своего внимания. Но что растения в самом деле по-своему чувствуют, в том я крепко стою.

Бесчувственности ли припишем произвольные движения растений, когда не исключаем из числа чувствующих многих тварей, коих и жизненность едва приметна? Неподвижность бесчувственности не доказывает. Полипы, раковины рождаются, растут, живут и умирают на одном месте. Некоторые люди приросли к креслам. Но мы не вдруг решим — рассуждаем — полип, к камню приросший, шевелит только усами — но жив, но чувствует — ergo живут и чувствуют картежники, коих одни руки шевелятся.

Немость или молчаливость растений также ничего не доказывает. Рыбы безмолвствуют. Сколько животных немых? Не замечаем ли мы и в людях, что молчаливые сильнее говорунгов чувствуют?

Вижу, что растения имеют волю, склонности, ищут своего добра, избегают зла, умеют любить, обороняться, изъявлять печаль или удовольствие, то не в праве ли я не только живущими, но и чувствующими их полагать? Возражение, что мудрено сему поверить, не столь сильно, если рассудить, что равно мудрено и жизнь сообразить с бесчувственностью. Жить (л. 26 об.) и не чувствовать или не чувствовать, а жить не равно ли невозможно?

Склонности, приемы и навыки растений и животных стремятся к одному концу: сохранять жизнь и воскрешать себя в своем потомстве. Начнем с той страсти, в которой чувственность животных наиболее изъясняется, к которой есть им определенное время: с

¹⁰⁰ Одной из главных идей проекта Бакунина «Условие помещика с крестьянином» было закрепление за каждым крестьянским семейством своего участка, наделении крестьян достаточной неотъемлемой земельной собственностью.

¹⁰¹ На полях помета А. А. Корнилова карандашом: «Это и был вероятно зародыш той конституции, от которой взбунтовались премухинские крестьяне. NB».

любви. Растениям время цвета — время любви. Тайну сего разгласил сосед наш Л и н н е й,¹⁰² а природа скрывала ее от нас, опасаясь, чтоб мы не избрали образцами нашего целомудрия тех растений, в которых один муж многим женам, одна жена многим мужьям или вкуче мужья и жены без разбору сожительствуют. Сочетание рыб и растений почти одинаково. Икра оживотворяется молоками; цветной семенник цветною пылью. Чашечка цветная тогда надувается и цветок может назваться беременным. Иные так горячо любят, что сочетание их искрами сопровождается (*Nasturtium Indrium*).¹⁰³ Зефир прислужник тем растениям, где мужск пол живет отдельно от женского. Недаром древние воспевали его проказы с флорою.¹⁰⁴ Если отдаление таково, что и зефир помочь не в силах, то уединенная красавица скучает, блекнет и неплодствует — разве встретится удобность к незаконному браку с мужем чуждого поколения, но как таковые союзы строго запрещены, то преступница родит в наказание пестрых, махровых и тому подобных уродцев, коими любуются садовники, не ведая, что в их воле, принявшись за ремесло зефира, их умножить.

Вы не из числа тех лакомцев, которые мечтают, что дерева затем только (л. 27 об.) приносят плоды, чтоб мы их всласть кушали. Как вымя животных наполняется молоком, так плоды наливаются соком для семян — и дети их в сих семенах найдут себе готовую пищу, как цыпленок в яйце. Словом, растения родят, питают и берегут детей своих, себя не жалея, и горячность их иногда стоит им жизни.

Животные ищут пищи, и растения также. Если бы удивительные обороты их корней на виду нашем были, мы б давно их в число животных вместили.

Животные имеют волю, и растения оной не лишены.

Стыдливая травка (*Sensitiva*)¹⁰⁵ от малейшего прикосновения судорожным движением зажимается. Мухоловка (*Muscipula*)¹⁰⁶ схватывает и умерщвляет дерзновенных насекомых, хотевших вкусить от скрытой в ее цветке сладости. Вы согласитесь, что и красавицы наши не все так строги. Адансонова¹⁰⁷ сенситива от одного к ней приближения опускает листы, как робкая девушка потупляет глаза; *Hedysarum Gyrans*¹⁰⁸ непрестанно движется и, как испуганное, становится неподвижным, если небрежно его тронешь. Виноградные

¹⁰² См. прим. 22.

¹⁰³ *Nasturtium Indrium* — *Nasturtium Sp.*, жеруха, растение семейства крестоцветных.

¹⁰⁴ Мифологический Зефир — сын Астрея и Эос. Его возлюбленная — Флора. Ср. у Н. А. Львова «Стихи для вокального исполнения»: «Уж любовью оживился // Обновлен весною, мир // И ко Флоре возвратился // Ветренный ее Зефир» (Львов Н. А. Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 51). См. также его «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...».

¹⁰⁵ *Sensitiva* — *Biofium* чувствительный.

¹⁰⁶ *Muscipula* — *Dionaea Muscipula* — Венерина мухоловка.

¹⁰⁷ Адансон Мишель (1727—1806) — знаменитый французский естествоиспытатель и путешественник, создавший свою систему классификации растений (*Familles des plantes*. Paris, 1763), не принятую в научном мире.

¹⁰⁸ *Hedysarum Gyrans* — копеечник *Sp.*, высокогорное растение.

листы (не всех пород) трепещут от близости раскаленного железа; *oxalis actovilla*¹⁰⁹ и другие грозы боятся. Листы всех растений более или менее движутся, и движения их произвольные, теплота ли им приятна — они расстилаются, стужа ли их беспокоит — отворачиваются, жмутся, опускаются. Нагнутая ветвь сама (л. 28) собою управляется. Лишена ли света — видимо его ищет, устремляет к нему свои ветви, ускоряет свой рост и спешит им насладиться, тогда бледный ее лист украшается яркою зеленью, цветы благоухают, завязываются, плоды вызревают. В темноте же лист бледнеет, цветы блекнут, плоды осыпаются, ветвь засыхает. Хмель ищет опоры, находит и обвивается. Коренья слабых по видимому растений опрокидывают иногда здания, раскалывают камни, чтоб достигнуть сокрытой в них или под ними пищи. Некоторые уподобляются хищным животным, невидимы почти в начале своем, вницают тонкими сосущими нитями во внутренность других деревьев, разрастаются, покрывают, и голенастый пенъ, лишась собственной красоты, невольным кормителем становится чуждой ему зелени. Другие, скрываясь в недрах земли, злодействуют в мраке, впиваются в коренья — и здоровое дерево без видимой причины изнемогает, чахнет и умирает голодною смертью. Крапива жалит, как пчелы и другие насекомые, листья ее усеяны пузырьками и вооружены тонкими иглами, вбрызгивая сквозь игл хранимую в пузырьках гжучую влагу. Запах цветов произвольный — они не всегда и не равно пахнут, но властны в запахе своем, как птички в голосе. Соловьи, малиновки поют по ночам, *geranium triste*,¹¹⁰ *mirabilis longiflora*¹¹¹ только ночью благоухают. Ежевика, расстилаясь по земле, с места на место переходит, но и все растения, хотя, наподобие часовой стрелки, неподвижными нам кажутся, имеют свойственные им разнообразные движения. Описание всех признаков их чувственности было бы (л. 28 об.) бесконечное, анатомия их органов завела бы нас слишком далеко, скажем же только: все ученые согласны, что растения одарены способностью всасывать пищу свою всюю своею поверхностью, но насос не поднимает воды, буде не приложится к нему действующая живая сила — а сила, столь чудесно и произвольно действующая, как-нибудь по-своему должна чувствовать.

Много о сем толковали и, как боясь умножить число чувствующих тварей, старались объяснить все знаки жизненности растений феориею тяготения тел при содействии атмосферы, но буде волю дать ученым, они из нас сделают часы. Легкое будет пружина, заводимая дыханием; кровь — цепочкою, а все наши действия часовой стрелкою. Но воля их — приятнее делить время с живущими, нежели с мертвыми. А потому не только растения живут, но и чувствуют. И не только чувствуют растения, но и крепостные люди.

Признание сей старой истины, конечно, не новое, но временем важнейшие познания столь затмеваются, что возобновление их почти изобретением назваться может.¹¹² Весьма часто видим, что

¹⁰⁹ *Oxalis actovilla* — кислица обыкновенная.

¹¹⁰ *Geranium triste* — вид герани.

¹¹¹ *Mirabilis longiflora* — мирабилис длинноцветный.

¹¹² Возможно, намек на «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина.

добродушные и сострадательные люди с удивительным холоднокровием худо с своими людьми и поселянами поступают. Они грешат по неведению, (л. 29) и потому великую услугу оказать им можно, уверив их, что крепостные, несмотря на видимую между ими и нами разницу, одарены всеми человеческими чувствами, что ливрея, борода и серые кафтаны не препятствуют им иметь все свойственные человеческой природе ощущения и пр. Десятилетняя опытность в том меня удостоверила.¹¹³ Подробности доказательств оскорбили бы душу тех, кои никогда в чувствительности поселян не сомневались, не похищали детей у отцов, не торговали людьми и человечеством вообще не ругались — из уважения к сим, предоставим правительству уверить протчих в истине мною сказанного.

(Л. 31). Письмо второе.¹¹⁴

Порядок общего хозяйства нашего по мнению моему начался в России со времен татарских и литовских набегов.¹¹⁵ Тогда сегодня было для земледельца все, потому что завтра ему не принадлежало, он принужден был работать украдкою и как-нибудь, на скорую руку. Самая постройка долженствовала образовать его нищенство, потому что нищенство только могло его предохранить от конечной погибели. Обстоятельства переменялись, ордынцы и литовцы русскими и согражданами стали, а тот же порядок продолжается. Иной бы подумал, что мы, не имея собственности и работая в земле чуждой, стараемся как можно поскорее ее истощить и в оборотах наших ценим нонешнюю копейку, забывая будущий рубль. Земледелие наше — явная война с бедною землею, и со стороны простиительно бы о нас заключить, что мы, не жалея трудов и убытков, всеми мерами стараемся доказать невозможность успешного у нас земледелия и что, конечно, имеем тайные причины противиться его успехам, ибо много сеем, чтоб мало собрать; отвлекаем людей от земледелия, жалуясь на малолюдство; строя наши деревни, выгадываем все удобства для пожаров и пр.

(л. 31 об.) Если не климат, не бесплодие пошвы, не народные навыки виновны в плохом нашем хозяйстве, то по необходимости виноватые выйдем мы — помещики.

Прекрасный колмогорский скот и наш обыкновенный русский не равно ли доказывают — первой своею добротою, а другой своею худобою, что стужа, препятствующая в северной части Архангельской губернии выгодному хлебопашеству, не мешаает разводить добрый скот; что, когда здесь у нас случаются и богатые урожаи, то не климат причиною худобы нашего климата (sic!),¹¹⁶ а наше собственное нерадение. В бытность мою в Гатчине добрый француз уверил (не меня), что можно и в окрестностях Петербурга развест

¹¹³ К моменту написания писем А. М. Бакунин занимался хозяйством уже более 14 лет.

¹¹⁴ Первоначально было: «которое не знаю». Зачеркнуто.

¹¹⁵ На полях помета карандашом: «О крестьянском хозяйстве. NB».

¹¹⁶ Описка. Следует читать: скота.

виноградные сады.¹¹⁷ Я получил приказание сажать выписные виноградные лозы. Тщетно <нрзб.> спорил я с моим французом, что буде необходимо хочет доморощенного вина в Петербурге, то выгоднее разводить крыжовник, нежели виноград. Он мне доказывал (а чего на словах доказывать не можно), что хотя по видимому короткость нашего лета воспрепятствует созрению винограда, но долгота дней вознаградит сию короткость, и что если вычислить, начиная с мая по сентябрь, сколько часов солнце светит у нас и сколько часов светит оно там, где виноград успешно растет, то выйдет на поверку, что наше лето доле, нежели надобно. Ergo и виноград созреть должен. Забыли мы с ним про утренники, про студеные ветры и пасмурные дни, и оттого только и была неудача. (л. 32) В конце апреля посадили мы несколько сот виноградных лоз. В мае хватило их морозом. Француз мой стал говорить, что можно найти средство предохранить лозы от случающейся у нас и летом стужи, не лишая их солнечных лучей, что на Рейне лозы весьма невысокие, а много плода приносят, и потому и здесь, на аршинных лозах то же быть может. В следствие сего остригли мы все наши лозы аршинным фрунтом и каждую лозу покрыли аршинною стеклянною клеткою, которую в светлые и солнечные дни снимали, а на ночь опять вместо колпака надевали. К счастью моему и камердинеров, которые к делу сему были приставлены, покойному Государю глупые клетки весьма не полюбились, и он приказал их побороть. Бедный француз с превеликим горем уверял меня, что если б клетки были оставлены, винограду бы у нас было множество. В его утешение, сохранил я несколько клеток в отдаленных местах — виноград не завязался. В сентябре убило его под клетками морозом, и француз немилосердо стал ругать климат: проклятые эти озера, — говорил он, — холодные от них росы и меня и виноград мой погубили. Равным образом если бы кто вздумал сеять в Коле¹¹⁸ пшеницу, не миновать бы клеток, а картофель, напротив, родился бы и в Коле и все лутчую бы дал пищу жителям, нежели деревянный хлеб, который многие там кушают.

Бесплодная пошва, негодная земля также более существуют в нашем воображении, нежели в природе. Если б не имели рук и рассудка, могущего управлять ими, (л. 32 об.) трудно бы бедной природе оправдаться пред нами, но если мы, имея и руки и рассудок, употребляем их наопоко, то она ли виновна? Она во всех делах своих имела в виду нашу пользу, но благонамеренность ее тщетно останется, пока мы не будем изыскивать средств приносить ее к нашим потребностям. Какая польза, — спросим ее, — в сих зыбелях, в сих непроходимых болотах, и она, присев на мшистую кочку, отвечает нам: болоты сии суть кладовые будущего вашего богатства. Они не для того созданы, чтобы гниучими парами заражать свои окрестности, но, когда по небрежности вашей не станет у вас дров, торф, заготовленный мною, выполнит всю меру

¹¹⁷ При Павле I дворцовые сады в Гатчине включали фруктовый сад с орangerями.

¹¹⁸ Кале — город и крепость во Франции у самого узкого места пролива Па-де-Кале.

прихотей богатого и удовлетворит нуждам бедного; когда вашим неразумием истощатся поля ваши и оскудеет трава к продовольствию скота вашего, назем, веками здесь накопленный, удобрит ваши луга и нивы. Приложите руки, и потекут из сих болот ручьи чистых вод. Поверхность их, ныне осокою, кочками и тростником поросшая, превратится в тучные пажити, и потомки ваши верить не станут, чтоб доходнейшие их земли были некогда непроходимыми зыбелями.

Зачем пески сыпучие, крутые скаты, бесплодные холмы? И природа, облокотясь на огромный пень, коего рука людей не могла, а время не успело еще истребить, с негодованием отвечает нам. Сии ветром носимые пески, обнаженные холмы, бесплодные скаты, изрытые глубокими водоточами, украшали страну вашу, когда увенчаны были лесами, кои (л. 33) всею поверхностью своею и прохладною тенью пили воздушную влагу и в недрах земли порождали иссякающие теперь ваши источники, укрощали стремленья бурь и нередко отвлекали от вас громовые удары, претворяя в тихий и благотворный дождь грозную тучу, готовую разродиться градом на полях ваших.

— Что в сих утесах, зачем сии овраги? И природа, увенчанная цветами, отвечает нам: превратите их в сады и в теплицы ваши. Солнце нагревает их, ветры не обуревают, они произрастят вам плоды и растения, вашему краю необычные.

По беспристрастном рассмотрении найдется ли что бесполезное в природном порядке? Мхи, покрывающие почти всю поверхность земель, прилежащих к Ледовитому морю, не питают ли бесчисленных оленьих стад? Астраханские степи не изобилуют ли солью? Бесплодная земля не та ли только, которою мы сообразно с природным ее назначением пользоваться не умеем или не хотим?

Народные навыки помехою нашему земледелию? Что нужды в том, что вместо швейцарского молока, немецкого пива наш крестьянин пьет русский квас или ест ржаной хлеб вместо французских сухарей, шотландского картофеля или ломбардской соломаги?¹¹⁹ Если добрый гражданин заботится о продовольствии народа, а не о цвете его пищи, (л. 33 об.) то для чего земледельцу заботиться о бороде или долгополом кафтане, а не о трудолюбии крестьянина. Обрить бороду не в его воле, а поощрить к трудолюбию совершенно от него зависит. Я десять лет живу в деревне и с сей стороны ни малейшего препятствия лутчему земледелию не вижу. Если б так было, скажете вы, то б и земледелие наше процветало. Мы друг друга не разумеем. Народные навыки, сказал я, не препятствуют, крестьяне наши не киргизцы и любят земледелие, но я не сказал, чтоб мы, помещики, о земледелии и земледельцах несколько по-киргизски не судили.

Чтоб удостовериться в сем, рассмотрим вкратце разные системы наших хозяйств. Я не знаю, как назвать, хозяйством или разбоем, например, то, коего вся цель из многих карманов переложить все в один. По несчастью, не совсем еще перевелись у нас хозяева, ко-

¹¹⁹ Соломага — жидкая мучная каша, едят с солью и маслом.

торые истари обходятся с крестьянами, как пауки с мухами: муха пищит, а паук тихомолком давит и, злобно усмехаясь, ругается над теми, кои, наподобие пчел, собственными трудами достают — не для себя — соты. Некоторые, следуя сей системе, обогатились, как в Москве во время чумы обогатились те, которые, на крюках людей из домов вытаскивая, властны были в добре выморочных домов. Но обогащение частного человека таковым (л. 34) порядком столь же государству полезно, как обогащение Ваньки Каина. Необходимость принудила меня упомянуть о сем роде хозяйства; натуралист, говоря о человеке, обязан упомянуть и о тех гадких насекомых, кои на теле человеческом живут и кровью его питаются.

Хозяйство многих помещиков и целых областей русских заключается в винокурении. Винокурение, неоспоримо, сильное пособие к размножению скота, следовательно, к удобрению земли, а потому и к богатому урожаю. Но если рассудить, что винокурение, обогащая помещиков, разоряет земледельцев и что размножение скота не заменяет в России убыли людей, то и винокурение, не во гнев господам лифляндцам, малороссиянам, белоруссиянам, литовцам и украинцам, поставщикам, откупщикам, целовальникам, шинкарям, поднощикам и подливальщикам, в число путных хозяйству принято быть не может, пока не образуется лутчим порядком. Лутчим же порядком я не только не разумею, чтоб из четверти более ведер вина высидеть, но чтоб хотя столько сберечь нравственности народной, сколько польза самого винокурения требует, ибо если люди слишком разлакомятся и вздумают когда-нибудь пить вино даром, то трезвым виносидцам пьяных питухов не уговорить, и тогда от винокурения прибыли никакой не (л. 34 об.) будет. Если б винокурение надлежащим образом сокращено было, тогда бы могло оно, конечно, быть и прочным государственным доходом и полезным пособием земледелию, но не земледелием однако же, а дело идет о земледелии, которое без всяких пьяных пособий может само собою вознаграждать труды человеческие. Беда наша, что мы всегда хотим золотых гор...

Того же хотят и те хозяева, кои мучатся и мучат, бьются и бьют, кои помощью сгонов и поголовщин отличаются большим не по числу людей и скота зесевом и весьма прилежно с крестьян своих собирают баранов, гусей, кур, яйца, ветчину, сало, масло, холст, тальки,¹²⁰ нитки, грибы и ягоды.

Того же хотят те, кои без опытности, без сведений, без соображений заводят фабрики, добрых земледельцев претворяют в буйных фабришных и коих хозяйство обыкновенно кончится банкротством крестьян и помещика. Но и фабрики разорительные, и ябеда обогащающая собственно к земледелию не принадлежат. Покупка седьмой части для присвоения остальных шести — изобретение, конечно, полезное для приобретения, а не для удобрения земель.

Того же хотят те, кои покупают семена многоплодных хлебов, угобжающие¹²¹ порошки и плодотворные примочки. Вы не забыли,

¹²⁰ Талька — моток ниток известной меры, снятый с ручного мотовила для крестьянской пряжи.

¹²¹ Угобжающие — обогащающие, оплодотворяющие.

я думаю, тех прежних молодцов, которые из любви к человечеству, а не к деньгам, брали с любопытных по двести рублей за научение их таинству удобрять целые поля малым количеством дешевого состава. Люди всегда с ума сходили на философском камне, и потому охотников было довольно. Когда сих не стало, то приезжие филантропы, сбавя цену до пяти рублей и променяв весь дурацкий свой состав на чистые денежки, возвратились воясяи, где, уповательно, прославляют наш разум и щедролубие. (л. 35) Неудача тех земледельцев, которые, веря всем книгам и всем рассказам, не запасшись кормом, вооружились на подложный корм и весь скот дома на стойлах поморили; которые, не рассудя, что хлеб нужнее картофеля, поля вдруг репою и картофелем засадили; которые, не выучась пахать плугами, бросили сохи; которые думают, что все дело сделали, когда землю известью напудрили или попачкали сажею, уверила протчих, что земледелие наше достигло уже до своего *pes plus ultra*,¹²² что те, которые чаят пользы от новизн, или обманываются или обманывают и что всего лучше держаться святой старины.

Если б камчадал, выписав из Петербурга заведенные часы, стал утверждать, что полдень, когда семь часов било, товарищи его имели бы право думать, что он перехватил мухоморов. Полезные обычаи чужих земель — те же часы и часто кажутся нелепыми, но поставь их по нашему меридиану, сообрази с нашим климатом, с нашими возможностями и потребностями, тогда польза их окажется по тому же правилу, по которому дважды два всегда и везде четыре.

Не так поступают те богачи, которые занимаются земледелием, как игрушкою, и ценят в нем свое только удовольствие, а не выгоды. Пример их более вреден, нежели полезен, и не примиряет с новизнами, но пуще от них отвращает. У вас, например, молотильня в тысячу рублей, а у меня всего достатку на тысячу рублей, — хозяйство ваше для меня ни мало не утешно. Какая мне польза в вашей живописи, когда у меня дом валится? Могу ли я сегодня и завтра и послезавтра терпеть голод в надежде будущего пресыщения? У вас хлеба не станет — вы купите, а я с семьею по миру пойду. Следовательно, не одно упрямство, не одна слепая привычка к дедовским обычаям, но благоразумное и справедливое опасение велит великому числу земледельцев держаться старой битой дороги, которая, как ни дурна, как ни беспокойна, ведет его к ночлегу, и не вверяться новым тропинкам, которые иногда заводят и в болотину.

Хозяйство оброчных деревень не требует трудов, не подвержено воздушным непогодам, но полезно ли оно земледелию? Нет. Вредно ли? Нет. Не полезно тем, что земледельца отвлекает от земледелия, а не вредно тем, что украшает тенью свободы земледельческое состояние. (л. 35 об.) В казенных деревнях то же, что и в оброчных, но можно надеяться, что указ о личном приобретении земель¹²³ воскрепит в них земледелие.

¹²² Совершенства (лат.).

¹²³ 12 декабря 1801 г. был опубликован именной высочайший указ «о свободе всем состояниям приобретать недвижимую собственность». См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26. № 20075.

На закуску я вам оставил тех хозяев, которые наблюдают пути природы, вникают в ее уставы, ищут причин по действиям, не отвергают ни отечественных обычаев, ни чуждых изобретений, но выевают хлеб из мякины, различают греству¹²⁴ от алмазов, медленно шествуют, но зато не спотыкаются, и хотя не скоро, но цели своей достигают. Прискорбно, что опыты и сведения их остаются тайною, оттого что скромные сии ученики природы боятся записаться в шайку шарлатанов земледелия и не разглашают своих опытов. Знаю, что частные опыты образцовыми для всех быть не могут, разве для малой округи. Портной, сколь ни искусен, не может по одной мерке на всех кроить одежду, хотя может случиться, что во множестве и по мерке кто-нибудь сыщется. Всего же прискорбнее, что число сих последних земледельцев весьма не (л. 36) велико, а [одна] ласточка, как говорится, лета не делает, медведь же и один много напакостит. Казалось бы, приятнее, согласясь быть ласточками, лето сделать — но о вкусах спорить не должно.

У меня так на языке зачесалось, что необходимым нахожу уже слишком длинное мое письмо кончить, уверяя вас в искренней дружбе вашего П[окорного] С[луги].

(Л. 36 об.). Письмо которое, не знаю.

Какую бы оказал услугу отечеству тот, кто, предпочитая пользу сочинения пустой авторской славе, написал бы земледельческий Катихизис, употребляя в нем слог, вразумительный простолюдинам, соображаясь даже с теми предрассудками, которые не чужды доброты национального характера, исподволь от вредных отвлекая ясными убеждениями, описывая все выгоды земледельческого звания и наставляя поселян в благоразумном, но незатейном хозяйстве. Нужно показать земледельцу путь, скорее ведущий к цели, нужно обеспечить его в безопасности сего пути, и тогда надеяться можно, что трудолюбивый народ наш с таким же успехом обработает целые поля, с каким ростовцы обрабатывают огороды.¹²⁵ Пример ростовцев здесь весьма кстати. Любопытно доброму человеку изыскать причину их трудолюбия и успехов. Не так-то мудрено найти ее, и для чего бы не приноровить к общей пользе земледелия.¹²⁶

Вы смеетесь! Земледельческий катихизис, карманная книжка для крестьян, да у нас, братец, крестьяне и грамоте не знают! Кто ж будет читать? Была бы книжка дельная и веселая, то читать охотники найдутся и безграмотным пересказывать станут.¹²⁷ Бедные помещики, нередко сами в полевых работах упражняясь, не могут покупать дорогих, не поймут ученых книг, и наша (л. 37) книжка будет им полезна. Мелкие поместья в соразмерности полезнее больших обществу, они более кормят людей и скота. Богатый, имея

¹²⁴ Грества — искусственные украшения.

¹²⁵ Ростовские огородники были известны по всей России. Недостаточность земельного надела, с одной стороны, и высокое качество чернозема вокруг Ростовского озера, с другой, стали причиной развития огородничества в Ростове.

¹²⁶ На полях пометка А. А. Корнилова: «Земледельческий катихизис. NB».

¹²⁷ Эти строчки отчеркнуты на полях.

довольство земли, не радит о ней — бедному всякий лоскут дорог. Богатый имеет более способов, но вверяет свое хозяйство прикащику — бедный не богат способами, но богат деятельностью, при которой малыми средствами многое исполняется, он сам прикащик, сам и работник, и каково намерение, таково же и исполнение. Ergo — книжка в пользу малоимущих нужнее, нежели для богатых, которые, размеря обыкновенно свои дарования аршином своего богатства, ни в чьих советах нужды не имеют.

Много, уже слишком много писано о земледелии, скажете вы, незачем прибавлять гадов в море великое и пространное. Правда, что много писано, но много ли экономических книг, которые бы не были надежным лекарством от бессонницы, которые бы ученостью кабинета не отзывались, как лежалая мука затхлюю магазейна?¹²⁸ Много ли таких, в которых автор, позабыв важность свою, сделался сам семьянистым земледельцем, с детьми своими и соседями беседующим? Пишут о земледелии много, а польза та же, что ученой проповеди в деревне. Хороша книга, но бесполезна тому, кто понимает, и непонятна тому, кому нужна. Хороша проповедь в городе, где разнообразие пороков изострилось разумение людей, а не в деревне, где все вещи своим именем называются.

Я бы сам написал этот катихизис, но нет во мне искусства озолотить тусклые места земледельческого состояния¹²⁹ (а (л. 37 об.) их, по несчастью, много). Впутая по пристрастию физику, ботанику, и книга моя выйдет ученая проповедь. Вы бы, напротив, сказали поселянам только то, что нужно сказать людям, имеющим не остроумие, а разум, крепкое телосложение и свою только душу.

Из всех наших книг я предпочитаю Деревенское зеркало¹³⁰ и душевно благодарю за нее незнакомого мне автора, но жалею только, что недовольно он сам жил в деревне, чтобы не быть в нужде полагаться иногда на чужие рассказы — к тому же автор, как говорится, поступил политично — описал пороки и средства к исправлению поселян, а о господах помещиках вовсе позабыл. Не менее еще повторяю, что книгу его всем прочим предпочитаю, несмотря на валдайскую молодку, свекольный кофе и пр.¹³¹

¹²⁸ 29 ноября 1799 г. для решения проблемы народного продовольствия был издан указ о создании всюду запасных хлебных магазинов, куда каждая ревизская душа должна была вносить определенное количество ржи и ярового хлеба. См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 25. № 19.203.

¹²⁹ На полях значок карандашом — «NB».

¹³⁰ На полях помета А. А. Корнилова карандашом: «Деревенское зеркало. NB». Речь идет о сочинении в двух частях «Деревенское зеркало или Общенародная книга. Сочинена не только чтоб ее читать, но чтоб по ней и исполнять». Сочинение было прислано анонимным автором на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом в 1796 г., и будучи признано наилучшей «общенародной книгой», напечатано в Петербурге в 1798—1799 гг. Убедленный приверженец земледелия, автор в беллетризованной — легкодоступной — форме дает советы помещикам и крестьянам, как сделать его наиболее доходным. Отдельные главки книги повествуют об опрятности и чистоте в избах, о посуде, пище, о пользе садов, о пользе употребления картофеля и т. п.

¹³¹ В одном из идиллических эпизодов книги путешествующий герой Велеслав Честанович посещает Валдай, где его встречают румяные и наряженные валдайские девки и молодичи, одна из которых потчует гостя картофельным, а не свекольным, кофесом и земляничным чаем.

Забавны мне те мудрецы, которые непременно требуют от земледельца химии, ботаники, метеорологии, механики и пр., хотят, чтобы он не пахал, не испытал и не взвесив химическим разложением сложных частей обрабатываемых земель, не сеял бы и не косил, не зная поимянно каждой травки и сколько в каждой цветке тычков и пестиков, денно и ночью пялил бы глаза на все воздушные явления и не смел бы без математических исчислений связать боны.

(Л. 38). Письмо, не знаю которое.

Я не имел ни малейшего намерения оскорбить ученых, написав, что нет нужды земледельцу быть профессором — да и почему бы не так, когда не все честные люди богословы, не все почтенные знатны! Впрочем, я не только науки люблю, а ученых боюсь, но и сам, будучи в чужих краях, удостоился получить золоченый пергамент из Туринской Королевской Академии Наук, в котором крупными латынскими буквами махнули мне VIRO CELEBERVIMO¹³² — за два общепользные сочинения, из коих в одном ино доказал я, что волосатики в самом деле не иное что, как волосатики, а в другом, что светящиеся жучки (*Lampyris Nortilnea*) просто светятся. Я еще помню, как я восхищался, когда червяков моих напечатали в ученом журнале, а волосатиков в Академических иностранных корреспондентов сочинения. Помню, как обольщаясь славой, наловил я множество пауков, мух и бабочек. Итак, по волосатикам, червякам, мухам, паукам и бабочкам будучи в побочном родстве с ученостью, признаю всех ученых — за благодетелей рода человеческого, ибо свой своему поневоле друг.

Что проку учить ребенка ходить истолкованием ему сложности законов, коими сопровождается малейшее движение руки его или ноги? Утешно ли ему знать, что паденье его есть неоспоримое доказательство силы равновесия, и заживет ли оттого (л. 38 об.) разбитый его нос? Не лучше ли, резвясь с ним, поставить его на ноги и потом уже толковать ему то, что он естественным внушением и сам наблюдает? Малы и велики, юны и стары, не все ли мы дети? Природная наша леность чем так преодолевается, как игрушками? Играя, мы устали не знаем. Какая же надобность с крайним трудом делать то, что шутя лучше делается? Вчера удалось мне быть с пожилою барынею, которая, по обычаю старых людей, любила рассказывать и хотела, чтоб ее слушали. Помню я, — говорила она, — как дела в старину делались. Знакомые были приятели, приятели были

¹³² VIRO CELEBERVIMO (лат.) — «Мужу прославленному». В 1789 г. А. М. Бакунин был признан действительным корреспондентом Туринской королевской Академии наук за сочинения в области естественной истории. В архиве Бакунина сохранился диплом Туринской королевской Академии наук, выданный на имя «Viro Clarissimo (мужа светлейшего. — Л. А.) Alexandro Vacconi» 4 июня 1789 г. за достижения в естественной истории. См.: РО ИРЛИ, ф. 16, оп. 6, № 1.

лучше наших друзей. Съедутся к старику, он гостям рад, гости веселы, тут и посмеются, и по рюмочке выпьют, и дело разберут с лица и с изнанки. А вы нонче все важничаете, сидите в кабинетах, как совы в дуплах, а <нрзб.> на дела!

Добрая старушка ошибалась — я не поверю, чтобы рассудок наш умалился, а, может быть, несколько порастерялся во множестве наших познаний. Мы столь многому учились, что трудно нам что-нибудь узнать, а не знать всего стыдно, и хотя наши кабинеты не совы дупла, неволя велит любить ту таинственную темноту, которая заставляет людей догадываться о скрытых наших талантах.

Науки, конечно, способствуют успехам земледелия, но та беда, что никогда земледелец в университетах не учится. Их университет — опытность, учитель природа, и хотя с помощью сих не поравнялись еще мы с просвещеннейшими европейскими народами, но не вовсе чужды ученых познаний. Иноземцы твердят нам о нашем глубоком невежестве, и мы должны уступать им. Подлинно, сколь далеки еще мы от тонкости италийской, которая не только разум, но и голос человеческий успела самым невинным средством усовершенствовать; от промышленности французской, достигшей искусства варить мыло из покойников; от ращетливости голландской в истреблении пряных кореньев на чужих островах и чужих людей на своих островах; от политики аглицкой в покорении восточной Индии голодом и так далее. Но со всем тем, и наши поселяне, хотя не учены, но некоторые понятия об науках имеют.

Ботаника, столь полезная, столь увеселительная наука, была бы в числе бесполезнейших пустословий, если бы вся цель оной была только разделение на классы, породы и роды, если б познание сих не путеводило к познанию общих уставов природы, свойств растений и разных их пригодностей к удовлетворению наших нужд и прихотей. Иначе ботанист, вытвердя тысячи две греколатынских званий, был бы только ученый попугай. Не такова ботаника наших поселян, она научает их различать от ядовитых и вредных растения хлебные, лакомые, холщовые, пажитные, сенные, медовые, красительные, врачебные, строевые, дровяные, зольные, кожные и протчие. (л. 39 об.) Они знают, что все деревья и растения цветут, что от помели в цвету не бывает завязи или бывает череззерница, что древесный сок, густея, ложится слоями вокруг дерева, что слои сии неокрепые, или оболона,¹³³ в деле непрочны, что боровой лес крепче растущего на низинах, что семена перераживаются, осистая пшеница становится голою, черный овес белым, узнают по распускиванию одних растений время посеву других и пр.¹³⁴ Вы видели, что поселяне и в физиологии ботанической несколько сведущи. Нужно бы очистить их ботанику от разрыв-травы и подобных нелепостей, но какое человеческое сознание им не причастно? Растущее на острове Яве

¹³³ Оболона. оболонь — наружный, молодой слой дерева, прирост последнего года.

¹³⁴ На полях пометка А. А. Корнилова: «NB».

дерево богон-упас,¹³⁵ коего ядовитые пары, по свидетельству ученых, умерщвляют за несколько верст всякое животное, не стоит ли нашей разрыв-травы?

Медицина наших поселян многие простые средства с успехом в болезнях употребляет, например, кислое тесто от антонова огня,¹³⁶ росной ладан от падучей болезни, крепкую водку от костоедицы. Прежде, нежели знаменитый Шторк¹³⁷ испытал пользу некоторых ядовитых растений, старухи наши уже ими лечили — правда, что нередко они морят людей, но разве с искуснейшими врачами того же не случается? Если верить можно сомнамбулизму чудотворца Месмера,¹³⁸ для чего не верить заговорам, нашептыванию и ворожбе? Костоправы, не в обиду господам медикам, штаб-лекарям, лекарям и подлекарям, во всей России не из простолюдинов ли? Пришло мед пить у безграмотных бородачей, когда латынь не помогает.

(л. 40) Искусство наших поселян в химии доказывается плавлением железа из окалин. Все бабы хорошо хлеб пекут, а хорошее хлебопечение чуть не важнейшее ли из всех химических операций. По крайней мере вы согласитесь, что полезнее хлеба печь, нежели варить золото. Заметьте, что у протчих народов просвещенной Европы, кроме ремеслом пекарей, никто хлеба печь не умеет, так что случается с мукою голодным быть. Поселяне наши знают, что земля толокою¹³⁹ удобряется, знают, какое где удобрение прилично, что луговая земля, кроме удобрения, хлебнее пахотной, что посев некоторых растений землю добрит или истощает, что мороз ее сушит. Одним взглядом, прикосновением или обозрением дикорастущих трав они познают свойство разных полей — доброе, худое, сухое, мокрое, глинистое, пещаное, упадистое, рыхлое гораздо лутче и вернее, нежели химик, употребив несколько дней на весовое исчисление соляных, водяных, кремнистых, металлических, тяжелых, летучих, кислых и пресных частей золотника земли.

Математика наших поселян весьма любопытна. Глазомер — их циркуль, а сметливость — алгебра. Сими определяют они удобнейшее устройство земледельческих орудий, сими узнают отстояние и высоту отдаленных предметов, содержание площади непроходимого леса. Кто из нас не любовался мгновенно изобретаемыми во время нужды народом нашим средствами для совершения при крайнем недостатке орудий действий удивительных и почти невероятных? (л. 40 об.) Давно ли русский простолюдин умел отсечь от каменной горы и привезть в Петербург цельной блок гранита, а италианец-

¹³⁵ Богон-упас, или анчар (*Autiaris Lesch.*) — установленное ботаником Лешено родовое название древесных растений из семейства крапивных, все виды которых, особенно знаменитый анчар (*A. toxicaria Lesch.*), ядовиты.

¹³⁶ Антонов огонь — гангрена.

¹³⁷ Шторк — возможно, речь идет о немецком враче Яне Шторхе (1681—1751).

¹³⁸ Месмер (1733—1815) — автор теории так называемого «магнетизма», которая имела большой успех в обществе в конце XVIII в.

¹³⁹ Толока, или тук — перегной.

архитектор устроил из него трехштучный обелиск, для того что с цельным не умел справиться?¹⁴⁰

В метеорологии не худо бы господам профессорам идти в науку к поселянам. Они предузнают погоду не по аспектам, планетам, а по ближайшим предметам. Захождение и выходение солнца, тусклость или ясность неба, солнечных и лунных лучей, изобилие или недостаток росы, вид облаков и направление их, веяние ветров, навики животных и собственные ощущения — суть их баротермометры.

Мог бы я доказать, что поселяне сведущи в астрономии, ибо по солнцу и по звездам узнают, который час и в которой стороне какое селение и пр. Мог бы я пуститься в мифологию русскую, приметить, что крестьяне местами называют созвездие большой Медведицы — волосовию — и, припомнив Велеса, — пуститься в догадки и пр.¹⁴¹ Но я примечаю, что вы уже заснули. Итак, пользуясь секретарским правом, определяю, что если бы постарались вкупе собрать, привести в порядок и от прильнувшей пыли очистить все рассеянные в поселянках наших познания, то бы вышло на поверку, что не им у нас, а нам у них учиться должно.

(Л. 41). Отрывок письма, которого не знаю.

«Не осуждайте, милостивый государь, — говорил он, — прочих священников. Я также в семинарии учился, но жил у отца. Он сам был священник и меня к тому же званию назначил, усмотрев мою к оному склонность, а два брата у меня в купцах. Старик мой учил меня более прилепляться к кроткому разуму христианского учения, нежели к обрядам. Он твердил мне, что я обязан чтить обряды, хранить их, елико могу, да не буду в соблазн людям, а кротость и нравственность всем сердцем любить да буду им в назидание. Добрым наставлениям, а паче доброму примеру доброго отца обязан я настоящим и будущим, надеюсь, моим благополучием, — риторика, философия, богословие не спасли бы меня от распутства. Рано я задумал быть священником — а у нас истари обычай женить на дочке, внучке или родственнице умершего священника, чтоб его сироты не вовсе остались без призрения. Пошастливилось мне взять жену домохозяйственную, добрую, а не пьяную и глупую, как со многими из моей собратии случается. Архиерей наш был пастырь добрый, а потому дело обошлось и без ряски.¹⁴² Старик мой сказывал, что когда он ходил в Петербург посвящаться, то истощил все имущество и на возвратном пути принужден был подаянием добрых

¹⁴⁰ Речь идет об обелиске «Румянцева победам», воздвигнутом Винченцо Бренна в 1799 г. в Петербурге из трех блоков серого сердобольского гранита.

¹⁴¹ Велес — скотий бог русской мифологии. Отмечено также переплетение культа Велеса с почитанием медведя как хозяина животных, на что, по-видимому, и указывает Бакунин.

¹⁴² Судя по контексту, речь идет о взятке.

людей питаться. Детей у меня было только две дочери, из которых одну я выдал за купца, другую за доброго мещанина. Сватались и крылошане, и подъячие, но я ни тех, ни других не люблю. Мнится мне, что одна из главных причин недостатков нашего священства — (л. 41 об.) наследственное наше иерейство, подражание иудейскому левитству.¹⁴³ Не способности нас посвящают, а случай и приличность. Всегда ли сын удобен заступить отцовское место? Он бы мог быть заботливым купцом, искусным ремесленником, а должен быть не по склонности и не по разуму священником. Крайнее невежество редко не сопутствует крайней бедности, а вообще состояние наших крылосов весьма незавидное. Священник, у которого человек семь детей, как их устроит? Утешается ли, предвидя, что им необходимо быть или подъячими, или солдатами? Для чего же не купцами, не мещанами? — спросил я. Чтоб быть купцом, — отвечал он, улыбаясь, — потребен капитал, а неумущий мещанин также близок к солдатству. Безгрешный доход с прихожан невелик, а кто под предлогом богослужения поселян грабит, тот уже не достоин своего звания. Но скажите же, батюшка, — прервал я речь его, — есть ли возможность сделать попов наших священниками? С божьим благословением, — отвечал он, — все возможно. Полезно бы по правилам святых отец число приходов уменьшить, а приходы уравнивать, полагая, например, не менее 1000 душ в приход. Не было бы греха убавить и церковников. Богослужение совершаться может и без дьяконов, и без пономарей. Я слышал от преосвященного, что у нас более двадцати тысяч сельских приходов в России — посудите же, какое множество бедных церковников! Хорош был указ, — сказал я ему, смеючись, — обрабатывать крылосы¹⁴⁴ приходом. Так (л. 42) хорош, — отвечал он, — что крестьяне, которым и от законных помещиков иногда тяжело, возненавидели бы, наконец, и святую веру, а мы бы с кругу спились. Но от уравнения приходов, — заметил я, — к стыду нашего благочестия, много церквей упразднится? А излишество их, — отвечал он, — истребляет благочестие. Недостойные священники — злейшие его враги. Их примером развращают раскольники народ как живым доказательством неправославия нашего. Если же набожным людям прискорбно будет опустение некоторых церквей, для чего бы по желанию их и на их содержание не определять к тем церквам иеромонахов, стариков, праздно в монастырях живущих. Вы, батюшка, видно, как похвальный сочинитель Церковного словаря,¹⁴⁵ не жалуете монастыри! — Извините меня, я почитаю

¹⁴³ Иерейство — священство. Левиты — особый класс священнослужителей в системе древнееврейского культа. К левитам принадлежали все потомки сына Иакова Левия, колено которого, давшее еврейскому народу Моисея, получило исключительное право на священнослужение.

¹⁴⁴ Клирос — место в православном храме, где во время богослужения помещается клир.

¹⁴⁵ Бакунин имеет в виду П. А. Алексеева, протоиерея московского Архангельского собора, члена Российской Академии наук, знаменитого автора «Церковного словаря, или истолкования речений словенских древних, также иноязычных, без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах» (М., 1773—

монастыри тихою пристанью тех, кои по недугам или по старости не в силах уже быть деятельными христианами, но тати и лицемеры суть те, кои не понесли трудов, а требуют уже успокоения. Я дивлюсь, что гражданские законы позволяют пострижение в тридцать лет,¹⁴⁶ и мню, что тяжкое прегрешение служить богу одною молитвою, когда могу служить ему, нося тяготу общественных обязанностей.

Зазвонили к вечерне. Хозяин мой встал и, поблагодаря меня за посещение, пошел в церковь. — В церкви никого нет, — говорил я. — Что за нужда, — откликнулся он. — Крестьяне пашут, они свой долг исполняют, я за них и за себя иду молиться, мой долг исполняя — сказано: друг друга тяготы носите.

Я размышлял, продолжая путь свой (л. 42 об.): но куды деть церковников? Выписывают же большим иждивением чужеземцев, селят на казенных землях, снабжают всем нужным, освобождают от податей?¹⁴⁷ Поселение наших природных колонистов менее бы стало и более бы пользы принесло. Они к климату привыкли. Выписные люди, растения, законы тогда только полезны, когда домощенных взять негде.

Теперь же хорошему священству у нас быть невозможно. Попович лет до восьми-деяти живет дома и привыкает, буде не к пьянству, то к пьяным. Отдают его в городскую школу, где учат его грамоте, грамматике и латыни, а выучится играть в бабки и по улицам без дела шататься. Лет двенадцати поступает в семинарию, живет на квартире, которую определяет не пристойность, а дешевизна. В семинарии набивают пустую голову латынью, язык изощряют к многословности, а нравственности учатся дома, где часто развратство и непотребство стена о стену с ним обитают. Вкупе успевает он в риторике, в философии, в богословии и в беспутстве, коего учителей имеет в сожителях, в соучениках, а часто и в наставниках. Наконец, отверзается ему путь к священству недаровым покровительством секретаря консистории¹⁴⁸ и одобрением, которое в ноги выкланял у прихожан, с условием жениться на поповне, которой в глаза не знает. Что ему до нравственности будущих чад своих? Он знает о богатстве или бедности своего прихода по трудности или удобности своего посвящения, ведает, что дворяне станут его называть батькою и, буде угодит, обходиться с ним, как с любимым холопом. Боже храни оскорбить по долгу пастырскому христианским напоминанием прихожанина-помещика — велят

1776. Ч. 1—3). П. А. Алексеев был ярим противником монашества, восставая против его преобладающего положения среди русского духовенства.

¹⁴⁶ Согласно «Прибавлению о правилах причта церковного и чина монашеского» (1722), автором которого был Ф. Прокопович, запрещалось принимать в монахи людей, моложе 30 лет.

¹⁴⁷ В «Условии помещика с крестьянином», Бакунин уже затрагивал тему привилегий иностранных колонистов, даваемых в ущерб российским крестьянам.

¹⁴⁸ Духовная консистория — с 1744 г. присутственное место при епархиальных архиереях, собиравшая сведения о претендентах на пост священника. Состояла из присутствия и канцелярии, находящейся под началом секретаря, который пользовался большим влиянием, чем любой член присутствия, т. к. утверждался Св.Синодом по представлению обер-прокурора.

бацьку лакеям вытолкать, да и бацька молчит, чувствуя свое недо-
стоинство. Прихожане рады, что у них поп (л. 43)¹⁴⁹ ... барин
вином поит, прихожане пивом, <...> — по праздникам, а на празд-
никах и [крестьяне] и дворяне пьют без памяти. Бацька <...>вает-
ся — хлеб год от году хуже родится, скот убывает, детей прибыва-
ет. Куда их деть, что с ними будет? И бацька с горя пьет на крес-
тинах, на похоронах, пьет на поминках и вкупе с латынью
остальной ум пропивает. Тогда уже служит не Богу, а вину и день-
гам, — за деньги венчает ребенка на взрослой. Без денег не причас-
тит больного, не примет покаяния грешника, не окрестит младенца.
Не схоронит умершего. Один ли пастырь сей даст Богу ответ? В
правых ли останутся те, кои дурными примерами, дурным воспи-
танием умертвили все его душевные способности, непристойным
обхождением научили его презирать свое звание? Крайняя бедность,
общее неуважение и лишение всех средств быть лутчим недостаточ-
ны ли будут к его оправданию?

¹⁴⁹ Оторван кусок листа.

ПИСЬМА Н. М. ЯЗЫКОВА К В. Д. КОМОВСКОМУ ЗА 1836—1846 гг.

Публикация Л. В. Ерастовой

Публикуемые письма непосредственно примыкают к переписке Николая Михайловича Языкова и Василия Дмитриевича Комовского, напечатанной М. К. Азадовским в т. 19—21 «Литературного наследства» (М., 1935). Они относятся (за исключением двух) к 1844—1846 гг. — последним годам жизни поэта.

Вернувшись в августе 1843 г. после длительного лечения за границей, Языков поселился в Москве. Несмотря на многолетние усилия врачей и страстное желание самого поэта встать на ноги (болезнь позвоночника мешала ему ходить), избавиться от недуга не удалось. С 1843 г. Языков живет в Москве, где ему мог быть обеспечен соответствующий врачебный уход. Хотя поэт вынужден оставаться дома, благодаря друзьям и знакомым он находится в курсе всех московских событий и новостей, не перестает следить за книжными новинками.

Главные темы писем Языкова в этот период можно условно разделить на несколько групп: издание сборника П. В. Киреевского, издание собственных стихотворений (стихотворных сборников и «Стихов на объявление памятника Карамзину») и история недолгого редактирования И. В. Киреевским журнала «Москвитянин».

Н. М. Языков, как и его братья и сестры, принимал самое деятельное участие в собирании народных песен; записи семьи Языковых составили значительную часть собрания П. В. Киреевского. А. М. Языков, а впоследствии Н. М. Языков пытались использовать свои связи для того, чтобы добиться прохождения народных песен через цензуру. Именно через А. М. и Н. М. Языковых рукопись духовных стихов была послана в Петербург В. Д. Комовскому, хлопотавшему о получении цензурного разрешения. Подобную услугу Комовский оказал Языкову еще при подготовке издания стихотворений в 1833 г. Теперь Языков обращается к своему старому знакомому, когда помощь нужна не ему, а П. В. Киреевскому. Были испробованы разные пути проведения рукописи, но все оказалось напрасным.

Испытания, конечно, не столь трудные, как собранию П. В. Киреевского, пришлось выдержать и языковским «Стихам на объявление памятника историографу Карамзину». Вообще говоря, история печатания этих двух вещей могла бы служить ярким примером отношения власти к произведениям, не вполне соответствующим официальной точке зрения на народность.

Деятельное участие принимал Языков в издании журнала «Москвитянин». Необходимость печатного органа, в котором ведущую роль играл бы человек не про-

сто образованный, но также искренний, заботящийся прежде всего о целях просвещения и распространения последних научных идей, ощущалась и «западниками», и «славянофилами». С переходом журнала в руки И. В. Киреевского многие связывали большие надежды: и Герцен, и Грановский соглашались сотрудничать при условии, что Киреевский будет официальным редактором. Не удивительно, что переход журнала в руки Ивана Васильевича вызвал большое оживление в кругу его близких и знакомых. Языков же, напомним, был одним из авторов, принимавших участие в первом журнале Киреевского, «Европеец». Теперь поэт так же оживлен и обрадован, в письмах появляются рассказы о журнальных статьях, успехе нового издания и т. д.

В это время готовятся к изданию и выходят два собрания стихотворений Языкова, одно из которых подготовлено Д. А. Валуевым, а второе — самим поэтом. В издании стихотворений так же, как и почти десять лет назад, в 1833 г., Языков обращается за помощью к В. Д. Комовскому.

В письмах Языкова почти нет упоминаний о современной художественной литературе. Может быть, это объясняется тем, что круг близких писателей и поэтов для него в эти годы сузился: умерли Пушкин и Дельвиг, уединился Баратынский, Гоголь и Жуковский были за границей. Больше интереса для поэта представляет теперь журнальная публицистика, а также естественнонаучные сочинения, книги по истории искусства.

В. Д. Комовский (1803—1851) — брат С. Д. Комовского, соученика А. С. Пушкина в Царскосельском лицее. Он закончил благородный пансион при Царскосельском лицее, служил в Цензурном комитете, Главном управлении цензуры, был членом Археографической Комиссии, а в 1850 г. избран ее председателем. Комовский внимательно следил за литературой, сам пытался заниматься творчеством (о сделанном им переводе «Немецкой литературы» Менцеля идет речь в первом из публикуемых писем; в 1829 г. вышел его перевод «Истории новейшей и древней литературы» Фр. Шлегеля). Николай Михайлович Языков познакомился с ним еще до отъезда в Дерпт, в Петербурге, скорее всего, через своего брата, Александра Михайловича. В 1838 г. Комовский был директором Канцелярии министра народного просвещения.

Публикуемые письма печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН (ф. 348, № 28). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, за исключением нескольких случаев, когда отклонения передают особенности авторского правописания. В ломаных скобках со знаком вопроса даются слова, плохо поддающиеся прочтению.

1

24 апреля (6 мая) 1836 г. Москва (?)

Апрель 24 дня
1846 года.¹

Брат пишет ко мне, что вы собираетесь на 4 месяца за море: желаю вам окрепнуть и возвратиться молодцом под небо той страны, которую и дым, по выражению Омера, нам приятен и любезен! Сердечно благодарю вас за честь, которую вы хотите мне сделать при издании вашего перевода Менцеля. Имени моему будет тепло

и весело находиться при входе в книгу столь знаменитую и полезную.² Отрывок из моей «Жар-Птицы»³ послан в Петербург, в главный ареопаг цензуры. Жаль, что г<оспо>да издатели-наблюдатели не оставят ее просто без движения — я бы им прислал другой — и теперь эта возня может повредить целому.

Я никак не мог прочесть и 1 десятой новой фантазии Кукольника⁴ — а радуюсь, что он опять перешел в <историю?>.

Прощайте покуда.

Ваш Н. Языков.

¹ Письмо в рукописи датировано 1846 г. Дата 1836 г. ставится по содержанию.

² Свой перевод книги Вольфганга Менцеля «Немецкая словесность» (СПб., 1837—1838) Комовский посвятил Языкову.

³ Отрывки из сказки «Жар-птица» опубл.: Московский наблюдатель. 1836. Авг. Кн. I; Современник. 1837. Т. 5.

⁴ Имеется в виду драматическая фантазия Кукольника Нестора Васильевича (1809—1868, прозаик, драматург, поэт) «Джулио Мости» (СПб., 1836).

2

7 (19) июля 1839 г. Ганау

Я имею дерзновение отправить на ваше имя ящик с книгами, мною за морем накупленными, — и стыжусь, что только теперь пишу к вам об этом, уже получив известие о благосклонном принятии их под осенение редута вашего. Великодушно простите дерзновение и примите мою сердечную благодарность за осенение!

Я недавно возвратился в Ганау — из Крайцнаха — и теперь пережидаю здесь жары и так называемое благодетельное действие воды на мое брненное тело. Через неделю надеюсь оправиться и спуститься в Гастейн — в место между горами, где, по словам Копа,¹ течет из земли живая вода, меня исцелить долженствующая. Из Гастейна — в Веве или в Комо наслаждаться виноградным лечением, а потом в Рим на зимовку. А потом уже... В Риме найду Гоголя. — Это мне великая отрада: мне так горько и кисло в чужих краях, что я бежал бы отсюда, если бы ноги мои от рук не отбились.

Прощайте, будьте здоровы и побуждайте брата Ал<ександра> Мих<айловича>² не унывать и не бездействовать, жить <1 слово нрзб.> пора, пора!

Ваш Н. Языков.

Июля 7 дня. 1839.

Ганау.

¹ Копп Иоганн Генрих (1777—1858) — известный врач, у которого лечились многие русские, автор книг по медицине.

² Языков Александр Михайлович (1799—1874) — средний из братьев Языковых. Окончил Горный кадетский корпус в Петербурге, некоторое время служил, затем вернулся на родину, в Поволжье, где и прожил до конца жизни. Он был человеком

широко образованным. Николай Михайлович постоянно побуждал его к литературной деятельности.

3

30 апреля (12 мая) 1842 г. Ганау

Я осмелился отправить на ваше имя еще ящик с моими книгами: так избаловало меня покровительство, которым вы их осеняете! Благодарю вас за благосклонный прием и этой, уже последней моей посылки. Я надеюсь, что мое заграничное томление кончится нынешним летом, — и я устремлюсь восвояси. Поеду, вероятно, на Петербург,¹ — где непременно явлюсь перед очи ваши засвидетельствовать вам мое высокопочитание и показать себя, побывавшего за морем и в переделках у медицины.

Ваш покорный
Н. Языков.

Апреля 30 дня.
1842.
Ганау.

¹ Из-за границы Языков вернулся в Москву, где и жил до своей смерти 26 декабря 1846 г.

4

14 (26) октября 1844 г. Москва

Посылаю Вам знаменитые народные стихи, собранные П. Киреевским,¹ и книжку моих стихотворений² — примите благосклонно и то и другое. В тетрадь вложено послание к вам от С. П. Шевырева,³ конечно, просящего заступления вашего великому делу издания в свет этого почтеннейшего Сборника. И я присовокупляю к его теплой просьбе мою таковую же о том же предмете. Нельзя ли Вам ускорить странствие пропущенных Стихов? Пора кончить, единожды навсегда эту докучную, так сказать, возню, суету, пересылку и томление многих ожиданий. Теперь, кажется, все сомнения и недоразумения устранить легко и запинки от цензора быть не может. Собрание моих стихотворений вышло довольно плохо и посылается вам мною только в выражение вам моего глубочайшего к вам почтения, а не ради самого собрания. Я уже готовлюсь выдать другое, полное собрание всего, что я написал в последние 10 лет: и нынешней же осенью буду иметь честь Вам прислать книжку стихов довольно толстую.⁴

Ваш Н. Языков.

Октября 14 дня.
1844.

Мой адрес: у Николы Явленного, в Серебряном переулке, в доме г-жи Шидловской.

Впервые опубликовано (с пропуском): *Соймонов А. Д.* К истории собрания П. В. Киреевского (роль братьев Языковых в его создании) // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии.* М., 1965. Вып. 3. С. 140 (Труды Института этнографии; Т. 91).

¹ Собрание народных стихов П. В. Киреевского посылали в Петербург дважды. В июне 1843 г. П. В. Киреевский отправил свое собрание В. Д. Комовскому с сопроводительным письмом А. М. Языкова. Цензоры А. Н. Очкин (см. прим. 1 к п. 6) и А. В. Никитенко не пропустили его. В. Д. Комовский посоветовал послать эти фольклорные произведения для напечатания в Прагу (к Ганке или Шафарiku). Однако, когда в Москву вернулся из-за границы Н. М. Языков, была предпринята вторая попытка послать Собрание в Петербург: «Стихи, собранные П. В. Киреевским, кажется, опять едут по приказанию С<ергея> <Семеновича Уварова> к вам вместе с письмом Шевырева, объяснившего об них с министром в Поречье» (письмо А. М. Языкова В. Д. Комовскому от 15 октября 1844 г., цит. по: *Соймонов А. Д.* К истории собрания П. В. Киреевского. С. 141).

² Речь идет о книге «56 стихотворений Н. М. Языкова» (М., 1844), подготовленной Д. А. Валуевым.

³ *Шевырев Степан Петрович* (1806—1864) — поэт, критик, историк литературы.

⁴ Новые стихотворения Н. Языкова. М., 1845.

5

16 (28) ноября 1844 г. Москва

Я послал к Вам рукопись новых моих стихотворений: прошу Вас принять ее под Ваше покровительство. Потрудитесь отдать ее цензору, если возможно сократить пребывание ее у него в руках и потом переслать мне ее обратно в Москву. Вы так избаловали меня Вашею ко мне благосклонностью, что я скоро принужден буду верить, будто я ее достоин!!

Ваш покорнейший
Н. Языков.

Ноября 16 дня.
1844. М<осква>.

6

30 декабря 1844 г. (11 января 1845 г.). Москва

Наичувствительнейше благодарю Вас за покровительство, оказываемое Вами моим произведениям! Благодарю и Амплия Николаевича,¹ давшего новым моим стихотворениям, так сказать, свободный пропуск! П. В. Киреевский, знаменитый собиратель русских песен, сделал непростительную ошибку тем, что к изданию народных стихов не приложил ни малейшего предисловия. Предисловие смягчило бы и успокоило бы цензорское на него воззрение и укрепило бы руку, сомневающуюся надписать на маху: печатать дозволяется.

Книги, полученные Вами от Ганки,² благоволите переслать ко мне: В. Ал. Панов³ мне приятель и я доставлю их ему сохранно. Знаете ли вы, что Жуковский уже перевел 10 книг Одиссеи, что он прислал к И. В. Киреевскому две сказки для «Москвитянина»,⁴ знаете ли Вы, что Хомяков написал прекраснейшую статью в того же «Москвитянина» и что я на днях пришлю Вам эту статью в рукописи!⁵

Я теперь читаю сочинения Ковалевского.⁶ Надобно знать по-немецки и по-французски и плохо знать по-русски — чтобы вполне наслаждаться ими, а слог их весьма похож на дряблую репу!

У меня до Вас есть и просьба. Я никак не мог найти в Москве книг, которых заглавия здесь прилагаю, мне сказали, что их нет уже и в чужих краях. Если будет Ваша ко мне милость, потрудитесь спросить у Грефа⁷ эти книги и наказать ему выслать их ко мне, если они у него или нет.

Поздравляю Вас с новым годом — будьте здоровы и счастливы, не только на сей год, но и на многие, многие лета!

Ваш Н. Языков.

Декабря 30 дни. 1844.

Москва.

Мой поклон Вашему брату Александру Дмитриевичу.
Нетерпеливо жду, или лучше, ждем народных стихов.

Отрывок из письма опубликован. См.: Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 61 (Литературное наследство; Т. 79).

¹ *Очкин Апплий Николаевич* (1791—1865) — хороший знакомый Языковых, литератор, редактор «С.-Петербургских ведомостей»; в 1841—1848 гг. цензор С.-Петербургского комитета.

² *Ганка Вацлав (Hanka)* (1791—1861) — один из самых видных деятелей чешского национального возрождения. Издавал чешские, сербские, польские народные песни и «Слово о полку Игореве» в переводе на чешский язык. Автор многих филологических и историко-политических сочинений.

³ *Панов Василий Алексеевич* (1819—1849) — писатель, закончил историко-филологический факультет Московского университета. В Москве вошел в круг славянофилов. Вместе со своим родственником Д. А. Валуевым сотрудничал в журнале «Библиотека для воспитания», готовил к изданию «Синбирский сборник». Впоследствии издал «Московские сборники» (см. прим. к п. 18 и 20).

⁴ В. А. Жуковский прислал И. В. Киреевскому для «Москвитянина» перевод стихотворной повести А. Шамиссо об Александре Македонском «Sage von Alexandern (nach dem Talmud)» и вольный перевод 1-й притчи Ф. Рюккерта из цикла «Восточные сказания и истории», объединенные в одно произведение с подзаголовком «Подарок на Новый год издателю „Москвитянина“».

Работу над переводом «Одиссеи» В. А. Жуковский начал в январе 1842 г. и закончил в апреле 1849 г. Впервые «Одиссея» была опубликована в 5-м издании «Стихотворений В. Жуковского» (СПб., 1849. Т. 8—9).

⁵ *Хомяков Алексей Степанович* (1804—1860) — поэт, драматург, публицист. Речь идет о его статье «Письмо в Петербург» (позднее часто печаталась под названием «Письмо в Петербург о железных дорогах»); появилась в № 2 «Москвитянина» за 1845 г.

⁶ Возможно, речь идет о Егоре Петровиче Ковалевском (1809—1868), прозанке, путешественнике, общественном деятеле. См. о нем: *Бискаков В. Н.* Ковалевский Егор Петрович // Русские писатели. 1800—1917. Биограф. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 576—577.

⁷ *Греф В.* — петербургский книгопродавец, его лавка была на Невском проспекте у Адмиралтейства.

6 (18) января 1845 г. Москва

Поздравляю Вас с новым годом и желаю Вам мирного и благоденственного жития и во всем благого поспешения на многие, многие, многие лета.

Я хотел, было, прислать Вам статью Хомякова¹ — теперь она уже пропущена в «Москвитянин», за ней была долгая остановка; но наконец сомнения гр. Строганова² разрешилось благосклонностью к Ив. Киреевскому. Прочтите эту статью, когда она явится в свет. Вместо же обещанной посылаю Вам другую:³ эту уже решительно похерили, не пустили ее в «Московские Ведомости»: странная вещь, непонятная вещь. О лекциях Грановского⁴ прошлого года было два раза писано в «Московских Ведомостях» и два или три раза в «Москвитянине»!⁴ Сердечно жалею, что Грановскому не позволили издавать журнал:⁵ занятия журналиста не отвлекли бы его от трудов профессора. И теперь издают же журналы профессор Сенковский,⁶ Погодин,⁷ как во время оно издавали Каченовский,⁸ Павлов,⁹ Двигубский¹⁰ и проч.! Я не знаю лично Т. Грановского, то все его знакомые хвалят и превозносят его крайне: говорят, что он муж добросовестный, ученый и мастер писать по-русски!! Его журнал сделал бы много пользы, если все это правда.

Прилагаемую статью писал тот самый В. А. Панов, к которому относятся книги, присланные к вам Ганкою.

Ваш Н. Языков.

Январь 6 дня.
1845.

¹ Об этой статье А. С. Хомяков писал Ю. Ф. Самарину в январе 1845 г.: «Статья моя о железных дорогах подверглась стольким мытарствам, что она не попадет в 1-й номер, а отложена до второго и пропущена только по усиленным стараниям и просьбам» (*Хомяков А. С. Собрание сочинений*. М., 1904. Т. 8. С. 250).

² *Строганов Сергей Григорьевич* (1794—1882) — в 1835—1847 гг. попечитель Московского учебного округа. По уставу 1828 г. цензура была подчинена Министерству народного просвещения. Главному управлению цензуры (во главе которого стоял министр народного просвещения — в то время С. С. Уваров) были подвластны цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве, Одессе и Тифлисе, состоявшие из цензоров под председательством местного попечителя учебного округа, т. е. по своей должности С. Г. Строганов должен был выполнять и цензорские обязанности. Строганов был враждебно настроен к министру народного просвещения С. С. Уварову, чем, возможно, и объясняется столкновение между ними по поводу стихов Языкова.

³ Здесь упоминается статья В. А. Панова «Несколько слов о публичном курсе истории русской словесности профессора Шевырева», появившаяся в «Московских губернских ведомостях» (13 января 1845 г., № 2, без подписи). О ней А. С. Хомяков писал 6 января 1845 г. Ю. Ф. Самарину: «Она слаба и слабо писана, но она имеет смысл и важность, особенно по вопросам современным и потому, что непропущение ее показывает, каков гнет цензуры» (*Хомяков А. С. Собрание сочинений*. М., 1904. Т. 8. С. 253).

⁴ *Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855) — историк. Читал публичные лекции в Московском университете в 1843—1844 гг. (общие вопросы философии, ис-

тории и обзор истории средних веков в Западной Европе) и 1844—1845 гг. (средневековая история Англии и Франции). Эти курсы лекций имели необыкновенный успех и стали важнейшим событием в жизни московского общества. В упомянутых Языковым изданиях появились следующие отклики на чтения Грановского: *Герцен А. И.* Публичные чтения Грановского // *Московские ведомости*. 1843. 27 ноября; *Шевырев С. П.* Публичные лекции об истории средних веков г. Грановского (письмо в губернию) // *Москвитянин*. 1843. № 12. Отд. «Московская летопись»; *Герцен А. И.* О публичных чтениях г-на Грановского (письмо второе) // *Москвитянин*. 1844. № 7. Отд. «Московская летопись».

⁵ А. И. Герцен и Т. Н. Грановский делали попытку завести собственный журнал; первоначально они хотели купить у С. Е. Раича право на издание «Галатеи», вели с С. Н. Глинкой переговоры о «Русском вестнике». В июне 1844 г. Т. Н. Грановский подал прошение об издании нового журнала «Московское обозрение», в состав которого должны были входить статьи о проблемах науки и искусства, критика, произведения художественной литературы и смесь. Несмотря на благожелательный отзыв С. Г. Строганова, на доклад Уварова о разрешении Т. Н. Грановскому издавать журнал последовала 13 декабря 1844 г. высочайшая резолюция: «И без нового довольно».

⁶ *Сенковский Осип Иванович* (1850—1858) — критик, беллетрист, журналист. С 1822 г. профессор Санкт-Петербургского университета по арабской и турецкой кафедрам. В 1833—1858 гг. редактор журнала «Библиотека для чтения».

⁷ *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — историк, писатель, журналист и общественный деятель. В 1835—1844 гг. занимал кафедру русской истории Московского университета. В 1841—1856 гг. Погодин издавал «Москвитянин».

⁸ *Каченовский Михаил Трофимович* (1775—1842) — историк, журналист, с 1810 г. профессор Московского университета по теории изящных наук, искусства и археологии. С 1811 по 1830 г. (с небольшими перерывами) редактировал журнал «Вестник Европы».

⁹ *Павлов Михаил Григорьевич* (1793—1840) — с 1820 г. профессор физики, минералогии и сельского хозяйства Московского университета. В 1828—1830 гг. издавал журнал «Атеней».

¹⁰ *Двигубский Иван Алексеевич* (1771—1839) — с 1808 г. профессор физико-математического отделения университета, с 1818 по 1826 — декан физико-математического отделения, в 1826—1833 — ректор Московского университета. В 1820 г. организовал выпуск научного журнала «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических».

8

4 (16) марта 1845 г. Москва

Посылаю Вам мои новые стихотворения,¹ — сердечно благодарю Вас за споспешествование скорому их выходу в свет — и прошу Вас принять их так же радушно, как вы всегда принимаете все мои просьбы и поручения!

В. Ал. Панов получил уже от г-жи Карлгоф² посылки Ганки. Г-жа Карлгоф не слывет здесь ни любезною, ни приятною дамою, говорят даже, что она несносная. Ждем решения судьбы стихов П. В. Кир<еевского>. Не нужно ли приложить к ним хотя бы краткое предисловие: на него могла бы опереться цензура? Мало и у меня на духовную цензуру: она взглянет на них исподлобья и именно с той стороны, откуда смотреть на них не должно. Жаль, если этот великий подвиг не будет иметь у нас хода: а печатать их в Праге или в Лейпциге — едва ли <намерен?> был собиратель, чем под рудными небесами...

Честь и слава Вашему министру за пенсию Гоголю.³ Теперь он будет свободен от забот о собственном своем продовольствовании, которые то и дело наводили на него хандру самую жестокую и мешали ему писать, задушая его юмор.

Благоволите разослать по надписании экземпляр моих стихотворений — и сказать Амплию Николаевичу, что я сердечно сострадаю ему в горе, его постигшем.

Ваш покорный
Н. Языков.

Март 4 дня.
1845.
Москва.

¹ См. прим. 4 к п. 4.

² *Карлофф Елизавета Алексеевна* (урожденная Ошанина, по второму мужу Драшусова, 1816—1884) — писательница, хозяйка популярного литературного салона. Во время заграничных путешествий познакомилась со многими известными людьми, в том числе с В. Ганкой, В. Караджичем.

³ Роль С. С. Уварова в назначении пенсии Гоголю была не совсем такой, как это казалось Языкову. Инициатором назначения пенсии Гоголю был В. А. Жуковский, перед Николаем I ходатайствовала А. О. Смирнова. С. С. Уваров уменьшил предполагавшийся друзьями Гоголя размер пенсии с 5000 рублей серебром в пять лет до 3000 рублей в три года.

9

9 (21) марта 1845 г. Москва

Паки и паки прибегаю к Вашей благосклонности. Потрудитесь отослать в Ценсурный комитет семь экземпляров и ценсурованную рукопись моих стихотворений, — которые к Вам посылаю и благоволите ускорить прислание мне билета на выпуск их из типографии. Каковы в «Москвитянин» статьи И. Киреевского и статьи Хомякова: «Письмо в СПб.» и «Спорт»?¹ Каков «Москвитянин» вообще и какова Москва,

Нашей Руси православной
Золотая голова?

Ваш богомолец
Н. Языков.

Марта 9 дня.
1845.
Москва.

¹ Речь идет о статьях И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» (не была закончена), «Публичные лекции профессора Шевырева об истории русской словесности, преимущественно древней», статьи в разделе «Библиография» (Москвитянин. 1845. № 1—3) и А. С. Хомякова «Письмо в С.-Петербург» и «Спорт» (об английской и русской охоте) (Москвитянин. 1845. № 2).

14 (26) июня 1845 г. Москва

Благодарю Вас за радушное принятие моих новых стихотворений и за похвалы, какими Вы меня награждаете. — Благодарю Вас и за вторую часть Куглеровой истории Живописи:¹ жду и первой — с ней должно начать перевод, чтобы начать от начала. Здешние книгопродавцы сказывали мне — это было еще в конце 1842 года, — что скоро выйдет новое ее издание — исправленное и увеличенное: первое все, дескать, уже раскуплено. Теперь вижу, что они меня или надували или сами не знали, что говорили: сии жида и шелкоперы то и дело обманывают один другого и банкротятся.

«Москвитянина» жаль — он пал, от страшно пал! И. В. Киреевский отказался от редакторства и теперь оно снова в руках Погодина, который, конечно, не поддержит журнала, им же уроненного. И. В. К<иреевский> так надорвался, работая по ночам и сам занимаясь всеми подробностями издания, что медики запретили ему всякое самонаименьшее умственное потрясение: писать не может до такой степени, что у него делается боль в сердце, когда он начнет водить перо по бумаге. Так-то сильно расстроил он себя собственным преусердием к делу. Погодин не желает передать журнал кому-нибудь из нового поколения, — и вероятно, — протянет его, кое-как, до конца года, выставив по несколько №№ на одной книжке или раздавая, вместо журнала, книги, им некогда изданные и публичкой не раскупленные. Sic transit gloria!^a

С прошлою почтою послал к Вам мою стихотворную брошюрку — примите и этот-то маленький подарок мой так же благосклонно, как и большие.

Ваш богомолец
Н. Языков.

Июнь 14 дня.
1845.
Москва.

¹ Куглер (Kugler) Франц Теодор (1808—1858) — немецкий историк искусств и поэт, профессор Берлинского университета. Языков имеет в виду книгу «Handbuch der Geschichte des Malerei» (Berlin, 1838). У Языкова было намерение заказать ее перевод на русский язык, но оно осталось невыполненным.

29 июня (11 июля) 1845 г. Москва

Громовый удар, поразивший во главу предприятие П. В. Киреевского, ошеломил и опечалил, не только самого его, — доброго собирателя русских песен, но и всех нас, посильных доброжелателей его

^a Так проходит слава! (лат.).

и споспешников! Что теперь делать со стихами? Издать их в Праге, в Лейпциге или в Карлсру? И тут вопрос: позволительно ли нам позволять себе такие выходки? Тут и опасность подвергнуться ответу и проучению за дерзость такую! Не знаю, что делать. Сердечно благодарим вас за все ваши хлопоты нас ради и нашего ради спасения. Жаль, что ваше предстательство у сильных мира сего не смягчило свирепые взгляды их на дело чисто безвинное.¹ Жаль, что власть решать и вязать имеют, — скажу словами князя Курбского, презлые и прелукавые челоуекоугодники (о них же все мудрые согласуют, яко в Царстве, идеже любят их, ничто не может смертоноснейшия язвы быть, паче их), ласкатели, пагубники отечества своего!!

Бумагу С<ербиновича> храню и буду хранить точно зеницу, как вы приказали. Первый выпуск Куглеровой «Handbuch der Kunstgeschichte»² я читал еще в 1843 году, бывши в Риме — тогда при ней рисунков не было. Мне бы хотелось иметь новое ее издание, о коем вы пишете: но ходко ли оно выходит? И есть ли надежда, что все сполна выйдет оно, например, хоть в 1845 году? *Ars longa, vita brevis!*^а

Ваш Н. Языков.

Июня 29 дня.
1845.
Москва.

Благодарим вас за возвращение рукописи стихов! Мы думали, что цензура оставит ее у себя как вредную и полному прещению подлежащую, а этот список единственный.

Впервые опубликовано (с пропуском): *Соймонов А. Д.* К истории собрания П. В. Киреевского. С. 142.

¹ Н. М. Языков отвечает на письмо В. Д. Комовского от 9 июня 1845 г., в котором последний сообщал: «С приношением вам усердного и сердечного благодарения за <нрзб.> отправляю русские народные песни, собранные Киреевским. Дело кончилось неблагоприятно: обер-прокурор Синода решил, что не должно печатать ничего. <...> Я приложил разные бумаги в объяснение хода этого дела. Записка никем не подписана, содержит в себе мнение, которое Сербинович, директор канцелярии главного прокурора, представлял ему, и которую сей доблестный муж отверг беспощадно. Я просил бы покорнейше принять эту бумагу только к вашему сведению, потому что Сербинович не желает, чтобы она была известна кому-либо, просил меня и сообщил ее мне и только для меня. <...> Жаль, очень жаль, что так кончилось это благое начинание». А. М. Языков писал В. Д. Комовскому, что П. В. Киреевский собирался отправить стихи для печатания Ганке, однако впервые они увидели свет в издании «Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1848. № 7—9). См.: *Соймонов А. Д.* К истории собрания П. В. Киреевского. С. 141—142.

² Упомянутая здесь книга Куглера «Руководство к истории искусства» вышла первым изданием в Штутгарте в 1841—1842 гг.; русский перевод Е. Корша появился в 1869—1871 гг. в Москве.

^а Искусство велико — жизнь коротка (*лат.*).

9 (21) июля 1845 г. Москва

Твердо уверенный, что и Вы усердно молитесь Господу о мире всего мира, и о благосостоянии святых божиих церквей, и о соединении всех, посылаю Вам английскую брошюру Диякона Пальмера;¹ прочтите ее и скажете: все то благо, все добро! Мой племянник, Валуев, отправил Вам «Синбирский сборник»² — это первый плод нашей симбирской археографической комиссии, первый шаг нашего юного археографа: примите и вкусите благосклонно этот плод и взгляните нестрого на этот шаг! Следующие части будут любопытнее и дело пойдет ходче, нежели шло до сих пор. Извините Валуева, что он не прежде доставил Вам «Синбирский сборник». Наш претрудол<уб>ивый и предеятельный юноша крайне слаб здоровьем. Он беспрестанно занемогает и разнемогается, продолжая работать через силу, не веря в опасность своей болезни, которая более и более сокрушает брнное тело его. Экземпляры с<борника> дочерям Карамзина и прочим особам, посланные к Вам же, — благоволите прикажите доставить по надписям. В<алуев> отправил их на Ваше имя по моему совету, истекшему прямо из моей крепкой надежды на беспредельную Вашу ко мне благосклонность.

Погодин собирается в Симбирск на объявление памятника Карамзину³ — скажет похвальное слово бессмертному историографу, к этому высокочтожественному празднику пригласил симбирс<ки>й губернатор и вдову Карамзина, и сыновей его. Полно, поедут ли они! Как жаль, что в честь Карамзина воздвигается вековечная бессмыслица!⁴ Лучше бы вместо нее поставить хоть бюст его или публичную библиотеку. Да спрашивай ты толку у зверей! — сказал И. А. Крылов.⁵

Желаю Вам здравия и во всем благого поспешения!

Глубоко Вас уважающий

Н. Языков.

Июля 9 дня.

1845.

Москва.

¹ Брошюра англиканского архидиакона Вильяма Пальмера (Palmer) вышла в 1843 г. в Оксфорде с заглавием на русском («А стихотворения Диякона В. В. Пальмера») и на английском языке (Short poems and Hymns, the latter mostly translations). Книге был предпослан эпиграф на английском и греческом языках: «О вышнем мире и благосостоянии св. Божиих церквей, и соединении всех Господу помолимся». Пальмер целью своей жизни поставил деятельность по воссоединению англиканской церкви с православной восточной. В составе книги был перевод стихотворения А. С. Хомякова, все издание было посвящено А. С. Хомякову.

² Валуев Дмитрий Александрович (1820—1845) — историк, редактор, издатель и основатель журнала «Библиотека для воспитания» (1843—1846). Окончил Московский университет. В 1842 г. в Симбирской губернии в правительственных и частных архивах занимался поисками старинных актов. В результате был подготовлен «Синбирский сборник» (М., 1845), названный по местонахождению большинства памятников.

³ М. П. Погодин не смог получить командировку на открытие памятника Карамзину от Министерства народного просвещения или от Академии наук, благодаря

А. М. и П. М. Языковым удалось организовать приглашение Погодину от имени симбирского дворянства.

⁴ Языков писал Н. В. Гоголю 14 декабря 1844 г.: «Народ смотрит на статую Клии и толкует, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимает, что это богиня истории!! Не нахожу слов выразить тебе мою досаду, что в честь такого человека воздвигают эту вековую бессмыслицу!» (Цит. по: *Языков Н. М. Сочинения*. М., 1982. С. 377).

⁵ Цитата из басни И. А. Крылова «Медведь у пчел».

13

15 (27) октября 1845 г. Москва

Александр Николаевич Попов,¹ магистр правоведения, юноша умный-разумный, просвещенный и благонадежный, в лучшем, не в казенном смысле этого слова, мой добрый приятель и писатель талантливый, которому я сердечно желаю всевозможного успеха всегда и всюду, едет в Питер на службу Отечеству: сделайте мне милость и честь, примите его в Ваше знакомство и благорасположение; я уверен, что он Вам понравится, что Вы его полюбите и не станете поминать меня лихом за похвалы, которыми я его сопровождаю.

Желаю Вам здравия и во всем благого поспешения.

Ваш Н. Языков.

Октябрь 15 дня.

1845.

Москва.

¹ *Попов Александр Николаевич* (1821—1877) — воспитанник Московского университета, историк права, юрист, во второй половине 30-х гг. близок к славянофилам. Написал ряд работ по истории внешней политики России и истории Отечественной войны 1812 г. После окончания Московского университета в 1839 г. ездил в Берлин для усовершенствования в философии и слушал там лекции Шеллинга, затем был в Мюнхене, откуда отправился в Черногорию. По возвращении в Москву предполагал занять кафедру истории русского права при Московском университете, но, не получив места, перешел на службу в Петербург. Служил во II Отделении Императорской канцелярии.

14

9 (21) ноября 1845 г. Москва

Поздравляю Вас с благополучным возвращением Вашим восояси и обращаюсь к Вашему ко мне благорасположению с покорнейшею просьбою: потрудитесь сказать Грефу, чтобы он прислал мне (в Москву, на Пречистенку, у Троицы в Зубове, в дом Наумовой) «Путешествие на Алтай» Чихачева¹ и Санскритскую хрестоматию Бötлинга (Böhtling).² Этих книг у здешних книгопродавцев не имеется. Прикажите Грефу в счет моего долга — приложите к этим книгам — деньги вышлю ему ни мало не медля.

Да будет над Вами благодать того, кем цари царствуют и <историки?> пишут правду.

Ваш Н. Языков.

Ноябрь 9 дня.
1845.

К Вам не дошло письмо Валуева, сопровождавшее «Синбирский сборник», не дошло и мое, при котором я послал Вам брошюрку Пальмера. Один из экземпляров «Синбирского сборника» благоволите отослать в Археографическую комиссию.³ Валуев на днях поехал за границу: медики объявили, что он в нашем климате не проживет и до зимы 1845 года!

¹ Чихачев (*Tchihacheff*) Петр Александрович (1808—1890) — географ-путешественник и геолог, известный своими исследованиями Алтая и Малой Азии. Печатал все свои научные труды на французском или немецком языках. Речь идет о его книге «*Voyage scientifique dans l'Altai Oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine*» (Paris, 1854).

² Бётлинг (*Böhtlingk*) Отто Николаевич (1815—после 1891) — академик императорской Академии наук, востоковед, санскритолог.

³ Археографическая комиссия была создана в 1834 г. в Петербурге при Министерстве народного просвещения для систематической публикации источников по отечественной истории.

15

10 (22) ноября 1845 г. Москва

У меня есть к Вам просьба: сделайте милость, пошлите Амплию Николаевичу на проценсорование и прочтен<ие> стихи, здесь прилагаемые: мне кажется, что здешняя робкая рука власть имеющего вязать и решить руки пишущих, — похерила бы все сполна это новейшее мое чадо.¹

Ваш Н. Языков.

Ноябрь 10 дня.
1845.

¹ Речь идет о языковских «Стихах на объявление памятника историографу Николаю Михайловичу Карамзину».

16

12 (24) декабря 1845 г. Москва

Извините меня, что я только теперь свидетельствую мою глубочайшую благодарность Вам за новое покровительство моей Музе, и таковую же Амплию Николаевичу за свободный пропуск, дарованный им моему стихотворению, — пропуск, какового они ни-

когда не добились бы здесь от руки цензуры, черкающей под глазами графа Строганова. Я было разнемог — и только оправляюсь на прежний лад. Вы не можете себе представить, до какой пошлости и подлости глупа или труслива московская цензура: когда-нибудь я пришлю вам образчики ее же позволений!

Благодарю Вас за «Путешествие» Чихачева: надеюсь скоро получить его: вот что значит у нас французский язык! Будь оно на русском или даже на немецком, мы бы его и не заметили.

Так было и с путешествием Врангеля,¹ которое, конечно, ничуть не хуже чихачевского.

Бедный Валуев погиб жертвою чрезмерной своей деятельности:² юноша чистый душою и полный самоотвержения ради науки! Сердечно жаль его: он бы сделал много полезного и славного!

Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков.

Декабрь 12 дня.
1845.

Погодин посылает в петербургскую цензуру свое похвальное слово Карамзину.³ Слезно молю Вас оказать и ему заступление ваше: память Карамзина для нас священна — он научил нас читать и писать по-русски.

¹ *Врангель Фердинанд Петрович* (1796—1870) — адмирал, член императорской Академии наук, член Парижской академии наук и многих других ученых обществ. Четыре года провел на крайнем Севере, о чем написал книгу «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» (1841). В 1839 г. эта книга была переведена на немецкий язык, с немецкого — на английский и французский, причем в 1842 г. английский перевод вышел вторым изданием.

² Валуев умер 23 ноября 1845 г. в Новгороде, не доехав до места лечения.

³ «Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске августа 23, 1845 г. в собрании Симбирского дворянства академиком Погодиным» опубликовано отдельной брошюрой (М., 1845); перепечатано в «Москвитянине» в 1846 г. № 1.

26 декабря 1845 г. (7 января 1846 г.). Москва

С моими стихами на объявление памятника российскому историографу вышла история — и, так сказать, история российская. Вот как было дело — в конце октября мой приятель Панов прочел эти стихи гр. Строганову: граф сказал, что напечатать их можно, а на другой день прислал за ним и объявил, что в них надобно переменить слова «сам царь ее предводит»; поставить вместо «сам царь» хоть «Иоанн». Я так и сделал. Но потом уже тот же гр. Строганов тому <же> Панову сказал, что он эти стихи все сполна печатать запрещает, прибавив: если хотите, я pošлю их в петербургскую цензуру, — и потом опять, на другой же день, приказал ему сказать, чтобы он сам послал их в Петербург. Тогда-то я уже

и решился прибегнуть к вам!! Я не мог предполагать, что тут выйдет какая-нибудь возня или сплетня. Теперь же, узнав что петербургская цензура стихи пропустила, граф, вспыхнув гневом, кипит злостиею и, как слышно, написал письмо в Вашему Министру, решительно тербуя уничтожения пропущения стихов.¹ Мне крайне больно, что я, нежданно-негаданно, могу быть причиною неприятности почтенному Амплию Николаевичу: невелика беда, если эти стихи и не явятся в печати; но мне необходимо оправдать себя перед вами и перед ним — вот почему и описал я вам весь ход этого приключения: стихи же были представлены в цензуру официально и гр. Строганов, как мне кажется, горячится бестолково! У него семь пятниц на неделе, потому что своего мнения он не имеет, а действует по нашептыванию разных своих наушников.

Ваш Н. Языков.

Декабрь 26 дня.
1845.

¹ По Цензурному уставу произведение, запрещенное в одном цензурном комитете, не могло быть пропущено другим.

18

31 декабря 1845 г. (12 января 1846 г.). Москва

Не знаю, чем решится судьба моего стихотворения на памятник Кар<амзину>, между тем оно отпечатано в числе 50 экз<емпляров>. Итак, если оно не подлежит невыпуску в свет, то пришлите мне билет для взятия его из типографии: эти 50 экз<емпляров> разошлю я моим благоприятелям, а потом будет оно напечатано в литературном сборнике, издаваемом г<осподином> Пановым. Посылаю Вам и Амплию Николаевичу «Славянский сборник»,¹ 1-е издание нашего незабвенного Валуева; оно будет продолжаться; покойный подготовил несколько томов; он хотел выпустить их вдруг три или четыре; они выйдут один за другим в непродолжительном времени, потому что давно уже отпечатаны. Да! много бы пользы сделано — прекрасным тружеником. Преемника Валуеву — у нас нет ни из юношей, ни из мужей, ни из старцев!!

Поздравляю вас с новым годом: будьте счастливы, живите и здравствуйте многая лета!

Ваш Н. Языков.

Декабря 31 дня.
1845.

¹ Валуев редактировал «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единоверных и единоплеменных» (М., 1845 — так называемый «Московский сборник» 1845 г.). В 1847 г. Пановым был издан еще один «Московский сборник», начерно подготовленный Валуевым.

8 (20) февраля 1846 г. Москва

Ей, ей — я не знаю, как уже мне и благодарить вас и Амплия Николаевича за ласки, какими вы преосыпаете мою стареющую музу!! Посылаю вам и моему доблестному Цензору — стихотворение, которое своим явлением в мир обязано единственно вам — и ему! Можно сказать, что петербургская цензура воздвигла себе, в сердце Погодина и в моем, памятник чудесный, вечный,

Достойный праведных похвал!¹

В Слове Погодина есть много праведно прочувствованного, славно сказанного и славно выраженного, хотя есть и чересчурности, но ведь это слово похвальное. Из тех людей, которые были, или называются, или называют себя друзьями покойного историографа — едва ли кто это прочел, нужно бы суждение о деле столь важном и едва ли кто-нибудь в состоянии оценить великие его заслуги в нашей истории и словесности; особенно в истории: я уверен, что большая часть этих господ — и не читала огромного труда его, даже текста, о примечаниях нечего и говорить. Нечего говорить и о том, что кроме этого прочтения, нужно бы суждение о деле столь важном и многостороннем! Здесь пустили слух, что «Маяк»² запрещен вследствие донесения гр. Строганова! Кескисем?³ Das ist doch curios!^a

Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков.

Февраля 8 дня.
1846.

¹ «Он памятник себе воздвиг чудесный, вечный, Достойный праведных похвал» — первые строки из стихотворения Языкова на объявление памятника Карамзину.

² «Маяк современного просвещения и образованности» (1840—1845) — журнал. Его редактор С. А. Бурачек стремился противодействовать европейскому просвещению с позиций русской народности.

³ Транслитерированное кириллицей французское выражение: Qu'est-ce que c'est? — что это?

2 (14) марта 1846 г. Москва

Сделайте благое дело: подайте руку помощи Федору Васильевичу Чижову,¹ которого к вам письмо здесь прилагается. Вы конечно же слышали от Амплия Николаевича о многих доблестях этого почтеннейшего подвигоположника и православного землепроходца! За все, что вы для него сделаете, наградит вас Тот, кем цари царствуют и <историки?> пишут правду!

^a Да это же курьез! (нем.). В слове «curios» сохранена орфография оригинала.

Посылаю вам биографию Валуева, написанную Пановым, заступившим его место на поле издания Сборников² — и действующим неутомимо.

В Москве будет издаваться ежедневная газета, которой редактором кто-то Драшусов!³

Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков.

Марта 2 дня.
1846.

¹ *Чижов Федор Васильевич* (?—1877) — профессор математики в Петербургском университете, переводчик, сотрудник журналов «Библиотека для чтения», «Сын Отечества», «Журнал министерства народного просвещения». В 1841 г. оставил кафедру и отправился за границу: изучал историю искусства; жил в Италии, объездил славянские земли, был в Париже. С Языковым сблизился в Риме в 1842 г., и, по словам Чижова, они «остались истинными братьями до последней минуты». Чижов задумал с 1847 г. издавать славянофильский журнал и в 1846 г. искал сотрудников. Скорее всего помощь ему нужна была именно для подготовки издания. Языков оставил по завещанию 30 000 рублей для этого предприятия, но оно не состоялось. Переписка Н. М. Языкова и Ф. В. Чижова опубли.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 19—21.

² *Панов В. А.* Биография Д. А. Волуева. М., 1846. В. А. Панов был издателем «Московских сборников» 1846 и 1847 гг.

³ «Московский городской листок» — первая московская ежедневная газета.

21

10 (22) июля 1846 г. Москва

Благодарю вас за все ваши хлопоты ради меня, грешного. Ватеркейна¹ я прочту в удовольствие: теперь же всякое умственное занятие мне запрещено, потому что я занят объятиями Ног'ы, дочери Присница,² от которых надеюсь получить себе освежение, укрепление, бодрость, силы!

Сердечно радуюсь вашей поездке в Москву: вам надобно осмотреть ее: здесь русский дух, здесь Русью пахнет!³ Вы ее полюбите. Я теперь ваш «Московский сборник» в лицах.

Благоволите по вашей великой ко мне милости приказать Грефу выслать мне *Géologie de la Kouchoum et des Montagnes de l'Oural par Murchison, de Verneuil et Keyserling. 2 v. in 4°.*⁴ Я уговариваю брата П<етра> М<ихайловича> разобрать это сочинение: зане он пишет ко мне и в бытность мою в С.-Петербур<урге> видел я первые листы Мурчионовой книги о России, именно те, в которых говорится о Симбирской губернии: тут есть что покритиковать — ошибок много!

Погодин пустился паломничать: он верно к вам явится: едет в Иерусалим окольною дорогою на Швецию, Данию и проч.⁵

Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков.

Июль 10 дня.
1846.

¹ Речь идет о книге: *Waterkeyn H. B. La science et la foi. Liège, 1845.*

² *Присцил Висент* (1790—1851) — основатель водолечения, пользовался большой известностью; у него лечился Н. В. Гоголь.

³ Слегка измененная цитата из вступления к «Руслану и Людмиле» А. С. Пушкина: «Там русский дух... там Русью пахнет!».

⁴ Речь идет об издании: *Murchison K., de Verneuil E., de Keyserling A. Géologie de la Kouchoum et des Montagnes de l'Oural. 1837. V. 1—2.*

⁵ М. П. Погодин выехал 27 июня 1846 г. в Петербург с мыслью посетить Иерусалим, но в Петербурге отложил это намерение; совершил поездку по Германии, Австрии, Сербии и, через Одессу, вернулся домой.

22

24 июля (5 августа) 1846 г. Москва

Мой приятель К. А. Коссович посылает вам санскритскую драму: Торжество Светлой мысли, переведенную им с подлинника.¹ Это вещь замечательная не в одном литературном отношении, — и первое звание, сего ради, на поприще нашей письменности! Примите ее благосклонно: Коссович сделает много хорошего, если обстоятельства будут ему благоприятны: у него способность к языкознанию необычайная, прилежание и деятельность неутомимые. Он теперь занимается составлением санскритского словаря.²

Будьте здоровы.

Ваш Н. Языков.

Июля 24 дня.
1846 г.

Прочтите в «Московских ведомостях» № 89 статью Гоголя об Одиссее, переводимой Жуковским.³

¹ Перевод К. А. Коссовичем третьего акта драмы Кришны-Мишры «Торжество светлой мысли» опубл.: Современник. 1846. Кн. 1; полностью перевод опубл. в «Московском сборнике», 1847.

² 3 тетради «Санскритско-русского словаря» К. А. Коссовича вышли в Петербурге в 1859 г.

³ Статья Гоголя представляет собой письмо к Языкову, о ней Гоголь писал 4 июля 1846 г. П. А. Плетневу: «В прошлом году я писал к Языкову о том, чем именно нужна и полезна в наше время „Одиссея“ и что такое перевод Жуковского. Теперь я выправил это письмо и посылаю его для напечатания вначале в моем журнале, а потом во всех журналах, которые больше расходятся в публике, в виде статьи, заимствованной из „Современника“ (*Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1952. Т. 13. С. 84.*) В «Современнике» статья была опубликована в 1846 г. (№ 7) и, при посредничестве Языкова, также в «Московских ведомостях» (1846. 25 июля, № 89) и в «Москвитянине» (1846. № 7).

ПИСЬМА С. В. ЭНГЕЛЬГАРДТ К А. А. ФЕТУ

Часть III*
(1884—1891)

Публикация Н. П. Генераловой

91

8 (20) августа 1884.

Москва, Спиридоновка,
дом княгини Шаховской,
8 августа.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Спасибо вам, что вы вспомнили обо мне. Ваше письмо дошло благополучно до меня, хотя вы его адресовали по старой памяти в дом Мейснера на Спиридоновку. Тот дом остался на Малой Никитской, и мы простились с ним навсегда вместе с тем, кто так долго в нем страдал.¹ С тех пор я как-то свихнулась и не могу оправиться. Однако нам Бог послал большую радость: у Юрия² родился сын. Словно покойный брат нам прислал этого ребенка. Юрий обожал отца и себя не помнит от радости.

Я нахожу, что чем скорей вы освободитесь от мучительных хозяйственных хлопот, — тем лучше будет. Вы *должны* жить спокойно и посвятить себя лишь тому труду, который услаждает жизнь. — И для кого вы будете трудиться? Детей у вас нет, а наследники ваши спасибо вам не скажут. Таково мое мнение о вашем намерении продать часть состояния.³

Я не читала статьи Vogüé.⁴ Щербатовы⁵ мне дают «Revue des deux Mondes», их нет в Москве, но как скоро они вернуться, я про-

* Окончание. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год (СПб., 1998) и Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год (СПб., 1999).

что эту статью. Мне кажется, что надо иметь на два гроша рас-судка, чтобы не вдаваться в нелепые теории о *peuple souverain*.^а Maxime du Camp, который писал о Парижской коммуне, говорит: «L'Assamblé déclara qu'il fallait faire parler le peuple souverain; le peuple souverain parla. Il aurait mieux fait de se taire»^б.⁶ Сколько раз можно было повторить эти слова. Во всей истории нет примера, чтоб *peuple souverain* обнаружил замечательные политические способности. — И откуда он бы их набрался?.. Да и толковать-то об этом смешно. — У Троицы я прочла «Histoire de la littérature anglaise — par Taine»^в.⁷ Замечательная книга. Он какой-то выродок между французами; я воображаю, сколько он нажил себе врагов в своем отечестве, хоть бы потому, что не признает ни одного великого поэта во Франции и находит, что французы прозаический народ.⁸

Я еще не в состоянии прочесть чисто поэтическое произведение, и не принялась за ваш перевод Горация.⁹ — Надо им насладиться вполне и ждать, чтоб сердце успокоилось.

Мы переехали сюда в последних числах июля, в самую стужу. Верите ли вы, что до сих пор мы не могли добиться мастерового, чтоб вставить двойные рамы, и печника, чтоб затопить печи какой-то особенной системы. Le peuple souverain пьет и от работы отказывается. Я разнемоглась от холода; наконец, со вчерашнего дня солнышко меня согревает и удалось истопить печку без помощи печника в моей комнате. Истопили кое-как, но все-таки комната согрелась. — Не странно ли, что этих пьяных бездельников отдадут в солдаты и из них выйдут герои и мученики!

Я не верю, чтоб вы не поняли, когда читаете вслух, если будут читать внятно и тихо, как говорят.¹⁰ — Попробуйте. — Благодарю от всей души Марью Петровну¹¹ за ее память. Все мои, в том числе и моя племянница, посылают вам обоим душевный привет. Крепко жму вашу руку.

С. Энгельгардт.

¹ С. Энгельгардт говорит о смерти своего брата Александра Васильевича Новосильцева (1822—1884), товарища Фета по Московскому университету (см.: Фет А. А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 154). В 1864 г. с ним случился удар, от которого он не оправился до конца жизни.

² Речь идет о Ю. А. Новосильцеве, сыне А. В. Новосильцева.

³ В не дошедшем до нас письме Фет, очевидно, сообщил о своем намерении продать Воробьевку и поселиться в Москве. Ср. в письме Н. Н. Страхова к Фету от 16 (28) августа 1884 г.: «...Ваше известие о Воробьевке всему мешает. Как? Вы продаете Воробьевку? Зачем? Такую прелесть!» (РО ИРЛИ, № 20290).

⁴ Речь идет о статье М. де Вогюз о Л. Н. Толстом, которая была опубликована в «Revue des deux Mondes» (1884, livraison du 15 juillet, t. 64) и впоследствии вошла в его книгу «Le roman russe» (1886).

⁵ Щербатовы — семья Н. А. Щербатова, на дочери которого Марии был женат Ю. А. Новосильцев.

^а самодержавном народе (франц.).

^б «Национальная ассамблея объявила, что следует дать слово самодержавному народу; самодержавный народ заговорил. Лучше бы он промолчал» (франц.).

^в «Историю английской литературы — Тэна» (франц.).

⁶ Статьи М. Дюкана о Парижской коммуне публиковались в «Revue des deux Mondes».

⁷ «История английской литературы» И. Тэна впервые была опубликована в 1864 г. и затем неоднократно переиздавалась. В предисловии к этому труду Тэн высказал основные положения своего учения о расе, среде и моменте как определяющих факторах культуры того или иного народа.

⁸ Отмечая склонность англо-саксонской расы к духовной жизни, Тэн подчеркивал приверженность южных народов к язычеству и повседневности (*Taine H. Histoire de la littérature anglaise. Paris, 1895. T. I. P. 47*).

⁹ С. Энгельгардт откликается, очевидно, на присылку ей отдельного издания Горация, вышедшего в 1883 г. в Москве в переводе Фета. За этот перевод Академия наук присудила поэту полную Пушкинскую премию в 1884 г.

¹⁰ В не дошедшем до нас письме Фет, видимо, жаловался на ухудшение зрения и необходимость чтения ему вслух.

¹¹ Мария Петровна Фет (р. Боткина).

92

20 июля (1 августа) 1885.

Июля 20.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Вы верно замечаете, что в иных случаях говорить нельзя, но и молчать невозможно. Эти слова доказывают, что вы постигли мое горе. Я потеряла, — мы потеряли всё, не понимаю, как мы будем жить без нее.¹ Если б вы знали, что она была для нас и что она была вообще!

Мы с сестрой провели 62 ночи около нее, и не знаю, каким чудом еще держимся. Она скончалась в Сокольниках, где мы пока остались — вдвоем с сестрой, как ни ужасны воспоминания в этой даче. — Я провожу несколько часов в лесу, каждый день; там легче дышать. Думала, что могу писать к вам сегодня, — но не пишется. Передайте мой поклон Марье Петровне. Я понимаю, что вы оба мне сочувствуете. — Что ваши глаза?

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога, станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 21 июля 1885; 2) Москва: 21 июля 1885.

¹ Речь идет о смерти любимой сестры С. Энгельгардт Екатерины Владимировны Новосильцевой, писавшей под псевдонимом Т. Тольчева, последовавшей 7 июля по ст. ст. См. письмо 94, прим. 7. Е. В. Новосильцева была автором многочисленных статей, печатавшихся преимущественно в «Русском вестнике», повестей и рассказов религиозного характера, исторических повестей, переводов. Фет был знаком с нею, состоял в переписке и высоко оценивал ее литературную деятельность. В неопубликованном письме к Энгельгардт от 13 (25) июля 1885 г. он писал: «В подобные тяжелые минуты невозможно молчать, но говорить что-либо не пошлое едва ли не еще труднее. Глубоко сочувствуя Вашей утрате, я утешаюсь по крайней мере мыслию, что Вы опирались и будете опираться на благонадежную руку Вашего пле-

мянника, об испытанной привязанности которого к вам Вы мне говорили. Кто не способен на самоубийство, тот тем самым вынужден следовать Тютчевскому: „Живя, умеи все пережить“» (здесь и далее неопубликованные письма Фета к С. В. Энгельгардт приводятся по копиям, сделанным С. Г. Шпетом и ныне принадлежащим Н. Охотину, поместившему часть хранившихся у него списков в издание: *Фет Афанасий*. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 374—401. Приношу благодарность Г. Д. Аслановой, указавшей на существование дипломной работы Н. Охотина, посвященной творчеству С. В. Энгельгардт и ее переписке с А. Фетом и предоставившей возможность ознакомиться с этой содержательной работой, к которой приложены 33 письма Фета к Энгельгардт. К сожалению, воспользоваться этой работой и содержащимися в ней письмами Фета мы смогли уже после наших публикаций в Ежегодниках РО ИРЛИ на 1994 и 1995 гг. Далее ссылки на дипломную работу Н. Охотина даются сокращенно: *Охотин*).

93

21 августа (2 сентября) 1885.

Москва, Спиридоновка,
д<ом> к<нягини> Шаховской,
21 августа.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Почему вы замолкли? Если что-нибудь может облегчить сердце, хоть на время, в ее (так! — *Н. Г.*) глубоком горе, — это сочувствие друзей. Мы живем вдвоем с сестрой, в страшном одиночестве, переходим через все пытки воспоминаний. Как же это устроена наша жизнь? — Почему так, а не иначе? Почему дурные люди живут до глубокой старости и наслаждаются, а хорошие умирают преждевременно или бедствуют, больны или несчастны? Эти вопросы, затронутые миллионы раз, преследуют каждого при случае. Это время мне пришлось отвечать на письма, которые я получала ежедневно, газет я не читаю, даже видеть их не могу. Единственное чтение мое — «*Les Pensées de Pascal*»^а — доставляет мне истинное утешение. Я ему верю на слово, он был свидетель чуда,² и я верю, что есть чудеса, но не многим дано их видеть. Они заставляют верить в загробную жизнь, а без этой веры — пережить несчастьем (так! — *Н. Г.*) — невозможно.

Что ваши глаза? — Мое здоровье очень плохо, у меня сильно болит спина и ноги слабы. — Передайте мой привет Марье Петровне и напишите.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога, станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 22 августа 1885; 2) Москва: 22 августа 1885.

^а «Мысли Паскаля» (*франц.*).

¹ Речь идет о неоконченном труде французского ученого и мыслителя Блеза Паскаля (1623—1662) «Апология христианской религии», более известном под названием «Мысли о религии и о некоторых других вопросах» (впоследствии просто «Мысли»), которое было дано собранию сохранившимся после смерти его разрозненным наброскам к книге, собранным и изданным друзьями-янсенистами впервые в 1669 г.

² Известно, что в 1654 г. с Паскалем произошел случай, повлиявший на его мирочувствование: лошади, запряженные в карету, в которой ехал философ, понесли, но у края обрыва постромки оборвались и карета осталась на берегу реки. Паскаль увидел в этом чудесное знамение. Тем же годом датируется найденная после его смерти записка, свидетельствующая о пережитом им чуде благодати. Возможно также, что С. Энгельгардт имеет в виду чудо, явленное в 1656 г., которое произвело на мыслителя сильное впечатление: в церкви Пор-Рояля его племянница и крестница, приложившись к игле из тернового венца Христа, получила чудесное исцеление от тяжелого заболевания глаз.

94

11 (23) сентября 1885.

Москва,
д<ом> к<нягини> Шаховской,
на Спиридоновке.
11 сентября.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Очень вам благодарна, что вы мне указали на вашу статью «Фамусов и Молчалин».¹ Она не подписана вашим именем, и, разумеется, я бы ее не прочла; у меня лежал на столе, с другими журналами, неразрезанный «Р<усский> Вестник». Ваша статья отвлекла меня от мучительных мыслей, и я этому рада. Мы всегда сходимся с вами в некоторых взглядах и на некоторые явления смотрим с одинаковой гадливостью.

Мне очень понравилось ваше оригинальное и меткое выражение: «я пролез через терновый куст романа Достоевского „Бесы“».² Его мог написать только человек, одержимый падучей болезнью, а какое было бы замечательное произведение, если б оно вышло из-под пера здорового человека. Ивану Сергеевичу жутко было, когда он читал «Бесы» и волей-неволей узнавал себя.³ И как эти люди не понимают, что популярность не дается заискиванием, и может ли человек добиться популярности унижением и отречением от своей собственной личности.⁴ — Когда хоронили Скобелева,⁵ народ врывался в церковь, и бабы клали грудных детей на то место, где стоял его гроб и заставляли их целовать это место. Я была тогда в Ялте, но сестры мои видели собственными глазами то, что я рассказываю. Скобелев умел говорить с солдатом, одушевить его одним словом, и солдаты его обожали. Правда, с ним случалось их одевать и обувать на свой счет, но это он делал потому, что сам их любил и вел в огонь. — Точно так некоторые люди имеют влияние на других, но помимо собственной воли, а иные, как ни бьются — не получают способности покорять себе чужую волю и сердце. — И князь Суворов надел лакейскую ливрею,⁶ однако никто

в народе и не знает его имени. А Молчалины из ягнят (на вид, по к<райней> м<ере>) обратились в рыкающих зверей.

Вы прочтете в сегодняшнем № «М<осковских> В<едомостей>» статью Каткова о моей покойнице.⁷ Материалы для биографии он просил у меня 6 недель тому назад, я их послала сейчас же, и, несмотря на всевозможные предосторожности с моей стороны, их затеряли в редакции. Дело разъяснилось на днях, и бумаги были найдены. — Я не многим рада, но вас буду рада видеть. Одна комната опустела в доме, и все изменилось. Сердце обливается кровью, когда я смотрю на эту запертую комнату, где я провела столько хороших и ужасных часов,

Et dont une longue et si chère habitude
Me montre le chemin.^a

Крепко жму вашу руку и благодарю за письмо. Мой душевный привет Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Драма в нашем семействе: недавно застрелился 16-летний сын Новикова, бывшего посла, без видимой причины.⁸

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 12 сентября 1885; 2) Москва: 12 сентября 1885.

¹ Статья Фета «Фамусов и Молчалин. Кое-что о нашем дворянстве» была опубликована в июльском номере «Русского вестника» за 1885 г. за подписью «А. А.». В ней Фет, давая общую оценку современного дворянства, уступившего свои функции в государстве разночинцам и фактически способствовавшего разрушению государственных устоев, вновь вернулся к своей излюбленной мысли о пагубности для художника подчиненности какой-либо идее: «Можно ли удивляться, — писал он, — что наши крупнейшие художники-писатели в самый расцвет их служения художественной идее, внезапно с чужих софистических слов предалися служению нравоучению непременно в желанном софистами направлении, так как это нравоучение обывалось на софистическом языке фальшивым, но дорогим для художника именем *идеи*. Гоголь, Тургенев и многие другие пошли загонять клинья мнимой идеи в свои произведения, раскалывая таким образом ту художественную идею, которая составляла их сердцевину» (с. 323—324). Настоящее письмо С. Энгельгардт послужило основанием для атрибуции статьи Фету (см.: *Эльзон М. Д.* Неизвестная статья Фета // *Русская литература*. 1986. № 3. С. 128—134).

² Письмо Фета, содержащее оценку романа Достоевского «Бесы», неизвестно.

³ В романе «Бесы» (впервые напечатанном в журнале «Русский вестник» в 1871—1872 гг.) И. С. Тургенев был карикатурно выведен в образе писателя Кармазинова. Тургенев болезненно воспринял этот выпад. 3 (15) декабря 1872 г. он писал М. А. Милютиной: «Поступок Достоевского не удивил меня нисколько. Он возненавидел меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру — хотя я ничем не заслужил этой ненависти <...> Д<остоевский> позволил себе нечто худшее, чем пародию „Призраков“; в тех же „Бесах“ он представил меня под именем Кармазинова, тайно сочувствующим нечаевской партии ... мне остается сожалеть, что он употребляет свой несомненный талант на удовлетворение таких

^a «Куда привычка дорогая и долгая / Меня влечет» (*франц.*).

нехороших чувств; видно, он мало ценит его, коли унижается до памфлета» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1965. Т. 10. С. 39).

⁴ Фет и его корреспондентка постоянно обсуждали появившиеся в печати произведения Тургенева. Их неприятие романов «Дым» и «Новь», а также известия о популярности писателя в среде революционно настроенной молодежи вызвали ряд негативных откликов, отразившихся в переписке. В статье «Фамусов и Молчалин...» Фет несколько раз упоминает имя Тургенева в качестве примера нерачительного отношения к своему хозяйству и даже приводит письмо Тургенева к дяде Н. Н. Тургеневу, в котором он выражал сомнения в эффективности реформ и требовал выкупа. «Но так как выкуп был только один раз, а Париж и Баден-Баден предъявляют ежесдневные требования цивилизации, то по той же дорожке побежали сначала леса, а потом и имения», — писал Фет в упомянутой статье (*Русский вестник*. 1885. № 7. С. 326).

⁵ Имеется в виду Михаил Дмитриевич Скобелев (1843—1882), герой русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

⁶ Речь идет об Александре Аркадьевиче Суворове (1804—1882), внуке А. В. Суворова. Близкий ко двору, А. А. Суворов с 1848 г. был генерал-губернатором прибалтийских губерний, с 1861 по 1866 гг. — петербургским генерал-губернатором.

⁷ Некрологическая статья М. Н. Каткова о Ек. В. Новосильцевой была напечатана в № 251 «Московских ведомостей» от 11 сентября 1885 г. без подписи. В ней, в частности, говорилось: «Потеря эта была для нас неожиданным ударом. Мы горько почувствовали ее, но по случайным обстоятельствам не успели помянуть покойную в нашей газете и собрать воедино прекрасные черты ее нравственного облика». Перечисляя заслуги покойной на общественном и литературном поприще, ее благотворительную деятельность. «красивую наружность», с которой она соединяла «блестящий ум», Катков отмечал, что сочинения Е. Новосильцевой читались во всех слоях общества, а ее комедия «Демократический подвиг», обличавшая нигилистов (1867), «имела блистательный успех в Москве, который подтвердился целым рядом язвительных статей в тогдашних петербургских журналах, задетых ею за живое».

⁸ Возможно, имеются в виду события в семье Евгения Петровича Новикова (1826—1903), писавшем о религиозных событиях в Чехии. Новиков был посланником в Афинах, затем в Константинополе.

95

4 (16) апреля 1886.

Москва, Спиридоновка,
дом к <нягини> Шаховской.
4 апреля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Все, что вы пишете о вашем здоровье, неутешительно. Мне кажется, что вам не удалось напасть на доктора, который бы понял вашу болезнь. В известные года болезнь неизлечима, но облегчить ее всегда возможно: это я испытала на себе, и я думаю, что между вашей болезнью и моей много общего. Было бы так отрадно умереть, когда сердце разбито, но страдать — тяжело. Мне очень помогли вдыхания пара. Я их делала с помощью машинки, но можно и без нее обойтись, — просто налить в чайник кипятку и чайную ложку очищенного скипидара, и вдыхать пар в продолжении 4 или 5 минут. Не только на такое простое средство, но и на всякое другое пойдешь, чтоб дышать свободно.

Какое счастье, что вы можете заниматься, несмотря на болезнь. Я никогда не читала «Метаморфозы» Овидия¹ и очень бы желала ознакомиться с ними, и я рада, что во мне возникло это желание. Прошедшей зимой я прочла ваши переводы Тибулла,² как деревяшка, без наслаждения.

«Новую Элоизу» я читала сто лет тому назад, но могу вас уверить, что в ней нет ничего похожего на побои.³ St. Pray является рыцарем.⁴ Вы это перепутали с рассказом, который, должно быть, слышали от меня. Гизо перевел на современный язык переписку настоящей Элоизы с Абельяром, и он-то, этот знаменитый Абельяр напоминает ей, как он ее бил, когда она не скоро соглашалась на его просьбы, — но побои ее не радовали.⁵ Она была прекрасная женщина, а его можно не стесняясь назвать животным. Можно не раз применить к ним ваши прекрасные стихи:

«Так бьется, крылышки раскинув, перепелка
Раздавлена ногой жующего вола».⁶

Знаете ли вы, что Николай Орлов⁷ был страшно болен всю зиму. У него изнурительная лихорадка. Теперь ему немного легче, но вы не можете себе представить, до какой степени он изменился. В щеках у него ямы, и глаза неподвижны. Его отправляют в деревню на юг, но вряд ли он совсем оправится.

Когда можно будет, уведоьте о себе.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовый штемпель: Москва: 6 апреля 1886.

¹ В 1887 г. в Москве вышло в свет издание: «XV книг Превращений Публия Овидия Назона. В переводе и с объяснениями А. Фета». В 1880-е гг., наряду со сборниками оригинальных стихотворений «Вечерние огни», выходило много переводов Фета из римских поэтов: Горация (1883), Ювенала (1885), Тибулла (1886), Катуллы (1886), Вергилия (1888), Персия (1889), Марциала (1891). Все они были снабжены предисловиями, в которых поэт делился не только своими взглядами на того или иного автора и излагал свои принципы перевода, но и высказывал свои эстетические и философские суждения.

² «Элегии» Тибулла вышли в переводе Фета в 1886 г. (ценз. разрешение 22 ноября 1885) в Москве.

³ Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет высказывался по поводу «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо.

⁴ Сен-Пре — герой романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза».

⁵ Абельяр Пьер (Abélard; 1079—1142) — французский богослов, философ и поэт, автор теологических сочинений, осужденных католической церковью. Популярными стали его автобиография «История моих бедствий» (1132—1136) и любовная переписка с Элоизой, вдохновлявшая многих поэтов. С. Энгельгардт ошиблась: переписка Абельяра и Элоизы была переведена не Ф. Гизо (1787—1874), а другим известным историографом и философом Виктором Кузеном (1792—1867). См.: *Cousin Victor. Oeuvres inédites d'Abélard*. Paris, 1836; *Opera, recensuit V. Cousin*. Paris, 1849—1859. Т. 1—2.

⁶ Заключительные строки стихотворения Фета «Он ест, — а ты цветешь на прасной красотою...» (1886).

⁷ Речь идет о Н. М. Орлове (1821—1886), товарище Фета по Московскому университету, сыне декабриста М. Ф. Орлова (1788—1842) и Е. Н. Орловой (р. Раевской, 1797—1885). См. также письмо 96, прим. 1.

96

22 июня (4 июля) 1886.

Москва, около Симоновского монастыря,
Симоновская слободка, дача Маренкова.
22 июня.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Вы меня не балуете письмами, и видались мы чересчур редко прошедшей зимой, всего, кажется, два раза, и то на несколько минут, но мне все-таки хочется знать, как вы поживаете, что ваше здоровье? Хотелось мне тоже сообщить вам грустную весть, хотя я не люблю сообщать такого рода вести, но дело идет о старом приятеле. Николай Орлов скончался в ночь от 15 на 16. Публикации не было в «Моск<овских> Ведомостях», и как-то странно, зная человека несколько десятков лет, не знать, что его уже нет на свете.¹ Он долго страдал, но умер без агонии, в одну минуту. Верный был он нам друг! — Страшно думать о числе друзей, которые сошли в могилу и большей частью в те годы, когда еще надо жить.

Мы переехали на дачу — чтоб подышать чистым воздухом и нагреться на солнце, и что же? — Мы топим! Такой завернул холод, что пришлось бы вернуться в Москву, если бы нас не спасали железные печи. Местоположение здесь прекрасное, отовсюду видна панорама Москвы, и воздух хорош, да на душе-то нехорошо, потому и здоровье не поправляется.

Вы, верно, помните статью Вогюэ (Vogüé) в «Revue des deux Mondes».² Он писал об наших литераторах умно, добросовестно и замечательно верно для иностранца; надо же было ему споткнуться, заговорив о Пушкине. Статью о нем он напечатал в какой-то «Revue bleue».³ По его мнению, Пушкин был верный последователь романтической французской школы, и его героев не отличишь от героев Ламартина и Викт<ора> Гюго. Он приводит в пример «Кавказского пленника», «Братьев-разбойников», словом, первые произведения Пушкина. Желала бы я у него спросить, когда Jacshlyn или Didier говорили:

«Сват Иван, как жить мы станем.
Непременно уж помянем
Двух Матрен, Луку с Петром
Да Пахомовну потом...» и т. д.⁴

Что ваши переводы?⁵

Жму вам руку и жду весточки от вас.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 23 июня 1886; 2) Москва: 23 июня 1886.

¹ См. письмо 95, прим. 7. Объявление о кончине Н. М. Орлова было напечатано в № 171 «Московских ведомостей» от 23 июня 1886 г.: «В среду, 25 июня, в девятый день по кончине Николая Михайловича Орлова, будет отслужена в Новодевичьем монастыре, в больничной церкви, в 10 ч. утра, заупокойная панихида». «Когда я слышу, что знакомые мне люди, как Орлов, угасают безболезненно, т. е. без агонии, то невольно говорю: вот мне бы так, — писал Фет С. Энгельгардт 26 июня ст. ст. 1886 г., — Орлов был несомненно добрый и честный человек. Я каждый раз, проезжая по Пречистенке мимо их дома, в котором нередко бывал и помня Ганимеда на потолке, невольно вспоминаю семейство Орловых. В Париже я был знаком с его чрезвычайно любезным и интересным, ныне покойным, двоюродным братом, а сын его студент в своем мундире, напоминая моего университетского товарища, показался мне весьма благовоспитанным юношей» (Цит. по кн.: *Фет Афанасий*. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988. С. 391. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Фет. СПП*, с указанием странички).

² «Меня, занятого в настоящее время почти исключительно литературными интересами, — писал Фет С. Энгельгардт 26 июня ст. ст. 1886 г., — Ваши строки о статье Вогюе затронули за живое и заставили закипеть, как сода кислоту» (*Фет. СПП*. С. 391). В майском номере журнала «Revue des deux Mondes» за 1886 г. была напечатана статья Э. М. де Вогюэ «De la littérature réaliste. A propos du roman russe» («О реалистической литературе. По поводу русского романа»), которая впоследствии вошла в качестве введения в книгу «Le roman russe» («Русский роман»). А в июльском номере (Livraison du 15 juillet) того же журнала за 1884 г. появилась статья о Л. Н. Толстом, вызвавшая у Фета живой отклик. В том же письме он сообщал: «Мне теперь после обеда перечитывают сочинения Л. Толстого, в которых я раскрываю новые прелести; тем не менее готов двумя руками подписать его статью о Толстом, не исключая и едких замечаний насчет последней его деятельности» (там же). Сравнивая последние произведения Толстого с «уродливым несостоятельным мировоззрением» Гюго, явленном в его трактате «Вильям Шекспир», Фет считал, что «окончательное банкротство Гюго перед здравым смыслом» повторяется в «гениальном поэтически-чутком и могучем Л. Толстом»: «Какой младенец, еще не умеющий ценить собственных слов, способен болтать тот вздор, которым Толстой за последнее время угощает своих читателей и почитателей» (там же, с. 392).

³ Статья Вогюэ о Пушкине, опубликованная в «Revue bleue» вошла в его книгу «Русский роман». «Что касается до его статьи о Пушкине, — замечал Фет в том же письме, — то я, не читавши ее, не могу о ней судить. Весьма может быть, что Вогюе, как француз, считает Ламартина и Гюго, которые, по-моему, и между собою-то далеко не равны, равными по силе Пушкину <...> Но если мундир офицера, дипломата или лакея — все тот же французский фрак, а кафтан, полушубок и казакин совершенно другого типа одежда, то в этом смысле я согласен признать, что молодой Пушкин долгое время не мог освободиться от академического кафтана Малерба, Парни и т. д. и добился до казакина только при помощи Шекспира, открывая новый период „Борисом“ и кончая „Дон-Жуаном“ и „Капитанской дочкой“» (там же). Здесь же он привел известный отзыв Мериме о Пушкине как величайшем современном поэте, произнесенный в присутствии Тургенева в ответ на вопрос Ламартина.

⁴ С. Энгельгардт цитирует не вполне точно начало стихотворения А. С. Пушкина «Сват Иван, как пить мы станем...» (1833).

⁵ «В настоящее время, — отвечал Фет на этот вопрос в уже цитированном письме, — кончаю знаменитого и причудливого римского поэта времен Августа

11 (23) июля 1886.

Москва, около Симонова монастыря,
Симоновская слободка, дача Маренковой.
11 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Очень грустно, что вы так боитесь за ваши глаза, и очень хорошо делаете, что бережете их. Во всяком случае советуйтесь с Крюковым.¹ Он помогал тем, от которых отказывались другие. Я видела не один такой случай.

У меня до вас просьба. Надо вам сказать, что, не зная, чем рассеять тоску, я начала писать свои воспоминания. К сожалению, у меня руки связаны: о живых говорить правду нельзя, нельзя даже говорить и об умерших, которые оставили семейство. Вспоминая о прежних встречах, я не могу умолчать о Василье Петровиче Боткине,² и прошу Вас, при помощи Марьи Петровны,³ сказать мне, каких он был лет, когда начал учиться. — Я слышала от Грановского,⁴ что он выкупил из крепостных человека, у которого были большие музыкальные способности: надо было заплатить большую сумму; тогда Боткин получал от отца небольшое содержание и лишал себя целый год любимых удовольствий, чтоб внести эту сумму. Точно ли это так? Не перепутала ли я чего-нибудь?⁵ Как бы хотелось рассказать об отношениях Василья Петровича с Григоровичем,⁶ н<a>п<ример>. — Нельзя, а ведь это прелесть!

Я сама не читала статью Вогие (так! — *Н. Г.*) о Пушкине.⁷ Ее излагает «Новое время», и без комментариев, так что, пожалуй, и они там разделяют мнение француза.⁸ — Он пишет, между прочим: «Я знаю, что славянофилы вознегодуют на меня, но я не могу не сказать истины». Хороша истина! Пушкин сам сознает, что он писал свои первые произведения под влиянием Байрона, — (во всяком случае, не В. Гюго). Молодой орел учился летать. Я постараюсь выписать статью.

У нас дожди, но все-таки я рада, что мы на даче, а не в душной Москве.

Жму вашу руку и жду ответа.

Марье Петровне передайте мой поклон.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 11 июля 1886; 2) Москва: 11 июля 1886

¹ В приложенном к «Московским ведомостям» «Адресном списке московских врачей, составленном Московским фармацевтическим обществом» (М., 1886), значится: «Крюков Андриан Александрович, Спиридоновка, Георгиевский пер., д. Чигирь. От 11 — 2 дня кроме четверга и воскресенья. Глазные». В связи с ухудшением зрения Фет вынужден был прибегать к помощи секретаря и своих близких, которые читали ему вслух. 26 июня ст. ст. 1886 г. он, перефразируя евангельскую притчу, писал С. Энгельгардт: «Полагаю, что глупые девы не так под конец дорожили своим маслом, как я своими потухающими глазами» (*Фет. ССП. С. 390—391*).

² Воспоминания С. Энгельгардт, содержащие меткие и умело написанные портреты современников, печатались в «Русском вестнике» (1887. № 9—10; 1889. № 7) и «Русском обозрении» (1890. № 6). В отрывке «Из воспоминаний» за подписью «Ольга N.» (Русский вестник. 1887. № 9—10) находится замечательный портрет В. П. Боткина (1810—1869). «Странно, — писала С. Энгельгардт, — что до сих пор нет биографии такой крупной личности. Во Франции, например, много было бы о нем толков, но у нас и не он один прошел незамеченным <...> привольное житье богатого купеческого быта он променял на трудность и сухость элементарного учения и, покоровшись отцу, все-таки находил время для науки. Неутомимою любознательностью и счастливую памятью можно объяснить широкое знакомство его со всеми европейскими литературами, доступными ему в оригиналах <...> За русскою литературой он следил с напряженным вниманием. Плохое или неудачное произведение так раздражало его артистическое чувство, что, не стесняясь приличием, он не щадил едких комментариев на писателей, которые обращались к нему за советом и доводил их до иступления. Тургенев, с сердцем, называл его Василиск Петрович» (С. 707—708).

³ Мария Петровна Фет-Шеншина была сестрой известного критика В. П. Боткина.

⁴ Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855) посещал литературный салон сестер Новосильцевых в Москве в начале 1850-х гг. «Выше всех замечательных людей той эпохи, — писала С. Энгельгардт в своих мемуарах, — стоял Грановский. Я его хорошо знала, но о нем так много писали, что все, что я скажу о нем, мне самой покажется вяло и бесцветно. Чтобы передать вполне все оттенки его тонкой и глубокой природы и облечь их в живой образ, надо быть художником» (Русский вестник. 1887. Т. 191. № 9—10. С. 708—709). Когда в одном из писем к С. Энгельгардт Фет попросил себе высказаться против деятелей 40-х годов и упомянул имя Грановского, она решительно ответила ему: «Я нахожу, что вы несправедливы к деятелям 40-х годов. Грановский любил Запад как источник и центр образования и был ему обязан развитием благородных свойств своей природы. Но он очень горячо любил Россию, русский язык, русский народ и жил русской жизнью <...> Чья же вина, что мы одни во всей Европе не хотим до сих пор быть русскими? Не хотим быть тем, что мы *есть*? В чем тут виноват Грановский? <...> Всем нам надо жалеть, плакать надо, что нет в университете такого человека, как Грановский» (Письмо от 14 (26) марта 1871 г.). См.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 209.

⁵ Очевидно, Мария Петровна Фет выполнила просьбу и сообщила С. Энгельгардт сведения о молодых годах брата и о его бескорыстной помощи талантливым детям. Об этом свидетельствует следующий эпизод из воспоминаний «Ольги N.»: «Я не думаю, чтоб он грешил излишнею горячностью сердца, но искусство, во всех его отраслях, пробуждало лучшие свойства его природы. На свои личные расходы он получал от расчетливого отца всего тысячу рублей ассигнациями в год, однако нашел средство выкупить крепостного мальчика, Горбунова, заметив в нем способности к живописи, и отдал его в художественный класс. В то же время он платил за уроки музыки другого бедного мальчика, Билибина, лишая себя не только прихотей, но, может быть, и необходимого. Он же доплачивал учителям сестер и младших братьев, а провести братьев через университет стоило ему немалой борьбы с отцом» (Там же. С. 707). Впоследствии К. А. Горбунов (1822—1893) стал известным художником-портретистом, академиком и оставил портреты В. П. Боткина, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева и других деятелей культуры. И. И. Билибин, ставший музыкантом, брал уроки у Л. Ф. Лангера, знакомого Белинского и Боткина.

⁶ Имеется в виду Д. В. Григорович (1822—1899).

⁷ См. письмо 96 и прим. 3 к нему.

⁸ Спор о главах будущей книги Э. М. де Воюэ возник в связи с замечаниями С. Энгельгардт, высказанными в письме от 22 июня (4 июля) 1886 г. и письмом Фета от 26 июня (8 июля) того же года. См. письмо 96 и прим. 2 и 3 к нему.

24—25 января (5—6 февраля) 1887.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Ваше мнение о статье Vogüé¹ меня даже озадачило. Кто же сомневается в том, что «Братья-разбойники» и «Кавказский пленник» не что иное, как фантазия незрелого таланта и не вынесут сравнения с превосходной повестью Толстого «Казачьи» и с верной фотографией «Записок из Мертвого дома»?² Даже школьник это поймет. — Неужели вы разделяете мнение Vogüé, что н<a>п<пример> патристические произведения Пушкина мог бы подписать любой француз?³ Мне кажется, что надо было быть русским до мозгу костей, чтоб написать стихотворение «Клеветникам России».⁴ — О гениальных произведениях Пушкина он и не говорит, а так, мимоходом, не указывая ни на что. Стоило бы, кажется, упомянуть о «Скупом рыцаре», о «Моцарте и Сальери», о «Дон Жуане» и т. д. — Что он сказал о «Борисе Годунове»? — Ничего, хотя что-то и сказал.⁵ — Он находит, что Пушкин умер вовремя,⁶ а Пушкин написал незадолго до своей кончины:

«Я чувствую, что могу теперь создать тип...».

Меня тоже рассердило выражение: «il y a des poètes aimables en Russie».^a — Чисто французская оценка, хоть бы Лермонтова, например, а это: «Pouchkine est aussi concis que les écrivains de son pays sont diffus, — aussi limpides qu'ils sont troubles...».^{6 7} О каких писателях говорит он?

Много еще можно бы сказать об этой статье, но мы ее оставим до нашего первого свидания.

От всей души жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Плющиха, свой дом.

Почтовый штемпель: Москва: 25 января 1887.

¹ Очевидно, причиной возвращения к спору о мнениях французского критика Э. М. де Вогиюз послужил выход в свет книги его статей о русской литературе, печатавшихся прежде во французских журналах: «Le roman russe» (1886), которую Фет, заинтересовавшийся мнениями автора о русской литературе, мог выписать. Книга Вогиюз, прослужившего несколько лет секретарем французского посольства в России, снискала популярность не только во Франции, но и в России прежде всего прекрасным знанием предмета и оригинальностью трактовок, она в значительной мере способствовала распространению русской литературы во Франции.

² В не дошедшем до нас письме Фет, по-видимому, высказал согласие с некоторыми мыслями Вогиюз, привлеченный глубиной его взгляда, искренней любовью к русской культуре и созвучием с собственными мнениями. Так, его не могло не привлечь мнение Вогиюз о принципиальной непереводаемости стихов с одного языка

^a «В России есть приятные поэты» (франц.).

⁶ «Пушкин настолько же лаконичен, насколько его соотечественники-писатели многословны, — настолько же прозрачен, насколько они смутны» (франц.).

на другой. Это, в частности, было причиной, по которой французский критик посвятил свой труд в основном русскому роману, хотя первоначально намеревался писать о русской поэзии. «Лирический поэт, — писал Воюэ, — это человек, ведущий зыбкое существование в словесной среде; перенести эту жизнь в чужое тело невозможно <...> а говорить о поэзии <...> значит пытаться поймать облака, плывущие в чужом небе» (*Vogüé E. M. de, V^{ie}. Le roman russe. Deuxième édition. Paris, 1888. P. XI—XII*). Здесь и далее цитируется по этому изданию сокращенно: *Vogüé* с указанием страницы). «Русские поэты не переведены и никогда не будут переведены. Лирическое произведение — существо, живущее таинственной жизнью слова; эту жизнь нельзя переселить в инородное тело» (*Ibid. P. XI—XII*). Эти мысли вполне созвучны Фету, неоднократно высказывавшемуся в том же духе, несмотря на то, что он оставил большое количество поэтических переводов. Не могло не привлечь его высказывание Воюэ о шекспировском периоде творчества Пушкина («Борис Годунов») (*Ibid. P. 46*), о чем он сам писал С. Энгельгардт несколько ранее, как бы предугадывая рассуждения Воюэ (см. письмо 96, прим. 3). Особенно должен был быть тронут Фет, прочитав отзывы о «Казаках» Толстого: «Сравните его (Пушкина — *H. G.*) описания Кавказа и описания Кавказа у Льва Толстого в „Казаках“; поэт 1820-х годов смотрит на природу и людей Востока теми же глазами, что какой-нибудь Байрон или Ламартин; для него это великолепная декорация, населенная поэтическими существами, страдающими, любящими и мыслящими на современный ему европейский манер. Для наблюдателя 1850-х, напротив, этот уголок Азии — обретенное древнее отечество; он старается понять этих не вполне своих братьев, показывая их нам реальными и достоверными, с их столь отличными от наших, но несколько сходными с его собственными взглядами на жизнь. Если хотите другой пример, возьмите прекрасную поэму „Братья разбойники“ и сравните ее с портретами каторжников, списанных с натуры Достоевским. В романтической картине русские разбойники являются побочными детьми Лары, увиденными свысока и со стороны барина, щедро сушающим их поэзией; ничто не помешало бы им быть каталонцами или сицилийцами; в то время, как каторжники Достоевского — крестьяне с Днепра или Волги. а тот, кто их рисует <...> мог бы убить и искупить свою вину, подобно им, если бы судьба его к этому подтолкнула» (*Vogüé. P. 47—48*).

³ Считая, что Пушкин мог родиться в любой другой стране и творчество его было бы тем же. Воюэ, споря со славянофилами, писал: «Те самые стихотворения, которые прославляют русскую природу, русскую любовь, русский патриотизм, измените в них несколько слов, и они будут воспевать те же вещи для англичанина, француза или итальянца» (*Ibid. P. 49*).

⁴ Стихотворение Пушкина «Клеветникам России» («О чем шумите вы, народные витии...», 1831).

⁵ Воюэ назвал «Бориса Годунова» «шекспировской драмой на русский сюжет» (*Vogüé. P. 46—47*).

⁶ Считая Пушкина представителем романтизма, европейского течения, которое к 40-м годам сошло на нет, Воюэ писал, что поэт унес его с собой в могилу и не стоит оплакивать того, кто ушел в полной славе, не пережив самого себя, гибели того учения, которому он служил, предательства учеников и т. д. (*Ibid. P. 40—41*).

⁷ Воюэ не находил у Пушкина ни тени мистицизма, ни «философского беспокойства», свойственных современной ему литературе. «Этот славянин смотрит на все ясно, как афинянин» (*Ibid. P. 48*). Именно в этом смысле противопоставлял критик творчество Пушкина «другим писателям», у которых не находил пушкинской ясности. Приведенные слова Воюэ содержатся на стр. 49 цит. издания.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Миша Орлов ¹ в деревне, на охоте, и вернется не раньше, кажется, 10 февраля, но мать его, Ольга Павловна О<рлова> пору-

чила мне вам сказать, что если она может его заменить, то готова приехать к вам.²

Настоящий опекун Орловых находится в Англии, где его назначили консулом, а где, не знают, некто Рюмин. Напишите словечко, которое я передам Ольге Павловне.

Я вижу, что ваш доктор не приносит вам ни малейшей пользы. Хоть бы вы попробовали обратиться к другому. — Я страдаю от отвратительной зимы и покашливаю, но без лихорадки.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Письмо датируется предположительно по нахождению его в пачке писем. Условная датировка внесена неизвестным лицом карандашом в правом верхнем углу листа.

¹ Речь идет о сыне Н. М. Орлова. См. письмо 96 и прим. 1 к нему.

² Очевидно, Миша Орлов читал Фету вслух в связи с плохим состоянием его зрения.

100

10 (22) июня 1887.

Около Симоновского монастыря,
Симоновская слободка,
дом Маренковой.
10 июня.

Все, что вы пишете о себе, далеко не утешительно, дорогой Афанасий Афанасьевич, и я удивляюсь и радуюсь, что вы еще можете заниматься. Да, говорят, что все надо терпеть, и вопрос делаешь невольной: для чего? Но разрешение этой загадки мы здесь не получим.

Очень бы мне хотелось прочесть хоть несколько страниц из вашего перевода.¹ Я вовсе не знаю «Энеиды», ибо читала ее во французской переделке: французы не переводят, а переделывают. Теперь разве, за последние годы они начали сознавать, что переводчик не имеет права распорядиться подлинником, как своей собственностью, и те попытки не исказить чужой мысли выходят у них чрезвычайно сухи, лишены поэзии, как, например, перевод Шарля Гюго — Шекспира.²

Вы хорошо придумали писать ваши мемуары.³ Я читаю «Les mémoires du duc de St Simon».⁴ Жаль, что он не успел их обработать, привести в порядок, даже слог в иных местах невозможен, но, как бы то ни было, книга написана с большим талантом.

Вот и я, грешница, задумала было писать свои воспоминания и отдала тетрадь в редакцию «Р<усского> Вестника» 7 месяцев

⁴ «Мемуары герцога Сен-Симона» (франц.).

тому назад.⁵ Тогда Ключников⁶ заведовал редакцией журнала, но с тех пор бежал от неслыханного беспорядка, который там учредили, должно быть, раз навсегда. Писатели не добьются своих манускриптов, и мои труды тоже пропали, вероятно. Ключникова никто еще не заменил — и секретарь Каткова кой-когда там похозяйничает.⁷ Сам же Катков в Петербурге с Фоминой недели, и неизвестно, когда он вернется.⁸

Я очень помню Владимира Сергеевича Соловьева и жалела не раз, что не встречала его с тех пор, как мы познакомились в Воробьевке. Передайте ему мой душевный привет. Непозволительно болеть в его года; ему бы только стоило заняться своим здоровьем, чтоб поправить его.⁹ Позднее обращаешься к доктору, чтоб облегчить хоть временно страдания. Я вам дала когда-то *cigarettes Espie*,⁶ но вы заупрямились и их не употребляли; они меня спасают от одышки.¹⁰

Марье Петровне мой поклон.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 12 июня 1887; 2) Москва: 12 июня 1887.

¹ В это время Фет работал над переводом «Энеиды» Вергилия, которая, как писал он С. Энгельгардт 3 (15) июня 1887 г., будет «с поступлением осенью в печать, моей лебединой песнью» (*Фет. ССП. С. 393*). 1-я часть «Энеиды» в переводе Фета вышла в Москве в 1888 г. с предисловием и комментариями Д. И. Нагуевского (1845—1918). В переводе Вергилия Фету помогал В. С. Соловьев, гостивший в это время в Воробьевке и представлявший, по выражению Фета, «единственную отраду в настоящее время».

² С. Энгельгардт ошиблась: переводчиком Шекспира на французский язык был не Шарль (1826—1871), а другой сын Виктора Гюго — Франсуа-Виктор (1828—1873), который к 1863 г. закончил перевод полного собрания сочинений английского драматурга. Трактат В. Гюго «Вильям Шекспир» был написан как предисловие к этому переводу, но в 1864 г. вышел отдельной книгой, о которой Фет писал: «По общему духу и личным нападкам на Николая I-го она переведена быть не может, но тем не менее она интересна как фокус, в котором отразился весь, можно сказать, гениальный блеск Гюго со всею его замечательной классической подготовкой и историческими сведениями при самом уродливом младенчески несостоятельном мировоззрении, в котором даже невозможно обвинять Францию с ее революцией, а надо искать разгадки в окончательном банкротстве Гюго перед здравым смыслом» (*Фет. ССП. С. 392*).

³ «Примусь, может быть, от скуки, в свободные от удушья часы, писать мемуары», — писал Фет С. Энгельгардт 3 (15) июня 1887 г. (*Фет. ССП. С. 393*). Воспоминания Фета начали печататься в «Русском вестнике» в 1888 г. (№ 8). Впоследствии они вышли отдельными книгами: *Фет А. Мои воспоминания*. М., 1890. Ч. 1; М., 1890. Ч. 2; Ранние годы моей жизни. М., 1893.

⁴ «Мемуары» Луи де Рувруа, герцога де Сен-Симона (1675—1755), служившего при дворе Людовика XIV, были впервые опубликованы в 1829—1831 гг. в 21 тт. и стали образцом мемуарной литературы. С. Энгельгардт обратился к сочинению Сен-Симона, очевидно, в связи с тем, что, как и Фет, начала в это время писать свои воспоминания.

⁶ сигареты Эспи (*франц.*).

⁵ Первые главы воспоминаний С. Энгельгардт за подписью «Ольга N.» начали печататься в журнале «Русский вестник» с 9—10 номеров (т. 191) за 1887 г.

⁶ Автор антинигилистического романа «Марево» (1864) В. П. Ключников (1841—1892) в 1883—1886 гг. заведовал редакцией журнала «Русский вестник».

⁷ «Секретарем Каткова» С. Энгельгардт называет Н. А. Любимова (1830—1897), ближайшего сотрудника М. Н. Каткова по «Русскому вестнику». Неприязненное отношение к Любимову неоднократно встречается в письмах ее к Фету.

⁸ М. Н. Катков был в это время тяжело болен, он скончался 20 июля ст. ст. 1887 г. в Москве. «Не стало Каткова, — писала С. Энгельгардт Фету 26 июля ст. ст. 1887 г., — и никто его не заменит, как никто не заменит Аксакова и Скобелева. Горячий патриотизм Каткова развил его талант, и нет сомнения, что он был необходим России <...> Никакой публицист не играл такой роли, как Михаил Никифорович...» (А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 224). Откликаясь на смерть Каткова, Фет писал: «Мое положение можно сравнить с задыхающейся нянькой, сбязанною день и ночь смотреть за самыми глупыми и несамостоятельными детьми, которым надо сто раз повторять, что кашу едят в рот, а они все-таки суют в уши. Впрочем, от мала до велика, разве не такую же несчастною нянькой был во всю журнальную деятельность и Катков? Вряд ли найдется много людей, которые оценят несомненные его заслуги, зато сколько таких, которых обрадует его смерть <...> Как бы бедный Катков не оказался русским Сизифом и камень нигилизма, вырвавшись из его рук, не раздавил бы еще с удвоенной силой нашей несчастной страны» (письмо от 24 июля ст. ст. 1887; *Охотин*. С. 160).

⁹ «Единственную отраду в настоящее время, — писал Фет С. Энгельгардт 3 (15) июня 1887 г., — представляет гостящий у нас на лето, знакомый Вам Владимир Сергеевич, который не хуже меня, или даже хуже болен, если принять в расчет, что он не достиг и половины моих лет. Это не мешает ему усердно помогать мне при переводе „Энеиды“...» (Фет. СПП. С. 393). С молодым тогда поэтом и философом Вл. С. Соловьевым (1853—1900), сыном своего университетского товарища С. М. Соловьева (1820—1879), впоследствии знаменитого историка, Фет познакомился в начале 1881 г. Вл. Соловьев принимал участие в редактировании перевода «Фауста» Гете, выполненного Фетом в 1880 г. Помощь его в переводе Вергилия выразилась в том, что он перевел три книги «Энеиды».

¹⁰ Фет с молодых лет страдал тяжелым заболеванием дыхательных путей.

101

Ноябрь 1887 (?).

Я буду душевно рада вас видеть, и если только можно, приезжайте сегодня, а если сегодня нельзя, не можете ли вы назначить другой день. Все часы удобны для меня, но вот в чем дело: *иногда*, и то довольно редко, за мной заезжает одна моя знакомая, и я с ней катаюсь не более получаса, но ведь это придется как нарочно тогда, когда вы приедете. Во всяком случае, я не выеду ни сегодня, ни завтра, буду вас поджидать, и час пополудни самый удобный час. — Если же вам нельзя выехать, то ради Бога не стесняйтесь, а когда будет можно — напишите мне прямо, что вы будете *тогда-то*. Благодарю Марью Петровну за память.

С. Энгельгардт.

По вечерам я неизменно дома, но боюсь, что вам будет неприятен вечеровой выезд.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Плющихе, в собственном доме.

Датируется предположительно по местонахождению письма в пачке и в соответствии с неопубликованным письмом Фета от 1 (13) ноября 1887 г., в котором он писал: «Все это время с приезда из деревни, невзирая на обычное нездоровье, порываюсь забежать к Вам, чтобы перекинуться двумя, тремя словами, узнать о Вашем здоровье и поцеловать Вашу руку. Но приехать к вам и не застать было бы для меня слишком обидно, а потому пускаю эти строки наудачу, прося указать час дня, в который бы Вы нашли посещение мое наиболее для Вас удобным. Марья Петровна усердно Вам кланяется» (*Охотин*. С. 162).

102

1 (13) января 1888.

1 января. — Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Говорят, что надо поздравлять с Новым годом и с новым счастьем. Лишний год на плечах, а что касается до нового счастья, многие могут отвечать, что старого-то не было. Но я вас поздравляю с новыми переводами¹ и желаю для будущих нового счастья.²

Передайте мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Открытое письмо: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Плющиха, собственный дом.

Почтовый штемпель: Москва: 1 января 1888.

¹ В это время Фет, очевидно, продолжал работать над переводом «Элегий» Секста Проперция.

² Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фет сообщал С. Энгельгардт, что собирается переводить Плавта и Марциала.

103

21 января (2 февраля) 1888.

Среда.

Благодарю тысячу раз за присылку и за память.¹ Мне дорого и то и другое.

С. Энгельгардт.

Открытое письмо: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Плющиха, собственный дом.

Почтовый штемпель: Москва: 21 января 1888.

¹ Очевидно, С. Энгельгардт получила от Фета перевод 1-й книги «Энеиды» Вергилия, вышедшей в свет в конце декабря 1887 г. (дата на книге 1888) или третий выпуск «Вечерних огней», появившийся между 16 и 23 января 1888 г.

25 апреля (7 мая) 1888.

Москва, Спиридоновка,
дом <нягини> Шаховской.
25 апреля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Вы мне поднесли красное яичко известием, что ваше дыхание значительно улучшилось. Я знаю, как мучительна одышка и по вашему примеру отказалась бы от папиросок, но, слава Богу, я сплю хорошо, ходить только трудно и я не имею духа бросить куренье.¹

До чего же мы дошли наконец? Платить 15 тысяч за право наследовать имение.² Если бы эти страшные налоги поправили наши дела, выручили нас из беды, — куда ни шло! Всякий пожертвовал бы временно чем мог; к несчастью, ничего хорошего не предвидится.

Я рада, что оценили ваш перевод и представляют его публике в великолепном издании.³ Вам должны сказать вечное спасибо те, которые не прочли оригинала и оценили «Фауста» тогда только, когда вы его передали. Не знаю, получаете ли вы какой-нибудь французский журнал и имеете ли понятие о телячьем восторге, который драма Толстого вызвала во Франции.⁴ — Читаешь и себе не веришь. Вогюэ, умный критик и серьезный человек, посвятил этой драме статью в «*Revue des deux Mondes*».⁵ Там сказано, между прочим, что он не разделяет мнение тех, которые сравнивают Толстого с Шекспиром, — нет! Он современный Эсхил.⁶ — Боже мой! да драмы-то не видать во «Власти тьмы». — Где же развитие характеров и страстей?.. Это не живые лица, а пешки. Признаюсь, другого действия это произведение на меня не произвело.

С. П. Каткова⁷ в восторге. Дочь ее Ольга выходит замуж за сына министра Толстого.⁸ Он глуп, как пробка, но зато Толстой и богач. А она добрая мама, любит детей, но всякий смотрит на счастье с своей точки зрения.

Похристосовайтесь за меня с Марьей Петровной и не забывайте старого друга.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 27 апреля 1888; 2) Коренная Пустынь: 28 апреля 1888.

¹ В неизвестном письме Фет, очевидно, сообщал, что бросил курить, о чем он оповестил нескольких своих корреспондентов.

² Очевидно, Фет сообщал о налогах, которые он должен был уплатить за доставшиеся ему по наследству имения после смерти 25 марта ст. ст. 1888 г. племянника, П. И. Борисова (1858—1888).

³ Имеется в виду «Фауст» Гете в переводе Фета, изданный в Москве в 1888 г. с иллюстрациями и большого формата.

⁴ Драма Л. Толстого «Власть тьмы» вышла в Париже в 1887 г. в переводе И. Д. Гальперина-Каминского. Директор «Свободного театра» Андре Антуан заинтересовался ею и решил поставить ее на французской сцене (первая постановка на сцене «Le Théâtre Libre» состоялась 10 февраля н. ст. 1888 г.). Вокруг драмы Толстого возникла острая полемика (см.: *Прийма Ф. Я.* Русская литература на Западе. Л., 1970. С. 161—165). Отклик об этой постановке содержался в статье И. Я. Павловского («Власть тьмы» на парижской сцене // Новое время. 1888. 5 (17) февр., № 4288), которому пришлось перевести еще раз драму на французский язык, поскольку Гальперин-Каминский выступил против постановки ее на сцене, высказав публично опасения, что драма может дать извращенное представление о России (см. об этом: Московские ведомости. 1888. 8 февр., № 39). В развернутом отклике, опубликованном в «Московских ведомостях» 7 февраля (№ 38), приводились отклики известных французских драматургов о «Власти тьмы» (Э. Ожье, А. Дюма, В. Сарду), сомневавшихся в успехе ее постановки на парижской сцене.

⁵ Статья Э. М. де Вогюз о постановке «Власти тьмы» называлась «La puissance des ténèbres. Réflexions d'un spectateur» («Власть тьмы. Размышления зрителя») и была опубликована в «Revue des deux Mondes» (1888, livraison du 15 mars, t. 86. P. 427—450).

⁶ Парадокс состоял в том (и этого, вероятно, не знала С. Энгельгардт), что Вогюз был одним из главных противников постановки «Власти тьмы» во Франции. «Возможно, что ему и его соратникам удалось бы полностью дискредитировать пьесу, если бы в дело не вмешался Эмиль Золя» (*Прийма Ф. Я.* Русская литература на Западе. С. 162). Успех постановки заставил Вогюз признать, что расчет на поражение натуралистов провалился. Вместо Ватерлоо постановка оказалась Аустерлицем для сторонников Золя. Правда, Вогюз отрицал родство Толстого с натуралистической школой: «Аналогии надо искать не у новейших реалистов и не в Шекспире, имя которого напрасно упоминается их приверженцами, их надо искать в античном театре. в самом старом, самом суровом (rude), самом философском — в театре Эсхила» (Revue des deux Mondes. 1888, livr. du 15 mars, t. 86. P. 439).

⁷ Софья Петровна Каткова (р. Шаликова), вдова М. Н. Каткова.

⁸ Речь идет об одиозной фигуре министра народного просвещения (1866—1880), министре внутренних дел (с 1882), обер-прокуроре Святейшего Синода — графе Дмитрие Андреевиче Толстом (1823—1889).

105

16 (28) мая 1888.

16 мая, воскресенье.

Сейчас получила ваше письмо.¹ Я должна выехать послезавтра, во вторник, если непредвиденное обстоятельство меня не задержит. В день отъезда, утром, pošлю вам депешу.² А вы, ради Бога, не стесняйтесь, поезжайте на именины 21-го.³ Откладывать без особенной причины отъезд я не могу. И так засиделась здесь. До свиданья.

С. Энгельгардт.

Открытое письмо: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Будановка.

Почтовые штемпели: 1) Московское Почт. Центр. Отделение: 17 мая 1888; 2) Москва: 17 мая 1888.

¹ Это письмо Фета неизвестно. Очевидно, Фет предупреждал свою корреспондентку, что должен отлучиться из Воробьевки на то время, когда она хотела навесить его.

² Дешеша о приезде С. Энгельгардт до нас не дошла.

³ 21-го мая празднуют именины св. царя Константина и царицы Елены. О чьих именинах идет речь в письме, установить не удалось, однако известно, что 15—20 мая Фет вместе с Марией Петровной и своим секретарем Е. В. Федоровой едет в Щигры, на Воронежский конный завод и «другое Щигровское имение» (см.: *Асланова Г. Д.* Дополнения и уточнения к «Летописи жизни А. А. Фета», составленной Г. П. Блоком // *А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества.* Курск, 1994. С. 341).

106

18 (30) июля 1888.

Симоновская слободка,
дача Селивановской.
18 июля.

Сегодня такая жара, что не знаешь, куда деваться, и я ушла вглубь парка, под сень вековых деревьев, чтоб писать к вам. Лето началось, наконец, после продолжительных холодов, которые надедали немало вреда; я и теперь не оправлюсь.

Читала я ваши прелестные стихи Майкову.¹ Сказать ли мое искреннее мнение? Я нахожу, что его чувствовали не по достоинству.² Что же бы сделали для Пушкина? Больше сделать невозможно. В своей речи он уж очень расходился: «Может быть, — говорит, — в этой зале есть такие поэты, которые нас *с грязью смешают*».³ Это, вероятно, относилось к великому князю Константину Константиновичу,⁴ его горячего поклонника (так! — *Н. Г.*). Что вы скажете о «Севастьяне Мученике», напечатанном в майской книжке «Русского Вестника»?⁵ По-моему, он нисколько не хуже поэм самого Майкова, за исключением «Трех смертей».⁶ Можно только заметить, что центурион говорит слишком много о своем легионе.⁷ Что касается Майкова, лучшие его стихотворения все-таки останутся антологическими. Признаюсь, меня возмутил во многих отношениях его «Иван Грозный». Майков первый произнес оправдательный вердикт этому злодею.⁸ Что доказывают имена двух-трех бояр? А Филипп митрополит? А сотни и сотни других? В его опричнину перешел только один боярин — князь Вяземский, вот с остальными он и расправлялся по-своему.⁹

Что вы скажете о посещении императора Вильгельма?¹⁰ Положение России давно не было так хорошо, как теперь. Все надеются, что государь уступок не сделает и останется независим.

Пора нам освободиться от немцев. Как попробовали, они же к нам явились с любезностями.

Если можете, напишите словечко. Жму вам руку. Передайте мой поклон вашей жене.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 20 июля 1888; 2) Москва: 20 июля 1888; 3) Коренная Пустынь: 21 июля 1888.

¹ Имеется в виду стихотворение Фета «На юбилей А. Н. Майкова (30 апреля 1888 года)» («Пятьдесят лебедей пронесли...»), датированное 11—25 марта 1888 г. и опубликованное 4 мая 1888 г. в «Московских ведомостях». 10 (22) марта 1888 г. Фет писал Я. П. Полонскому: «Все время напрасно мучаюсь, выдавливая из себя хотя бы восемь юбилейных стихов в честь Майкова, и вижу, что я в этом случае более всего похож на бесплодного мула» (*Фет. СПП. С. 354*). По поводу первой редакции стихотворения несколько замечаний было сделано Н. Н. Страховым, которые были приняты поэтом.

² В апреле 1888 г. широко отмечался юбилей 50-летней творческой деятельности А. Н. Майкова (1821—1897), который возглавлял Я. Полонский. Фет, Полонский, К. Р. и др. поэты опубликовали стихотворные приветствия в периодической печати. Александр III произвел поэта в тайные советники и увеличил ему пенсию. С. Энгельгардт Фет писал 25 июля ст. ст. 1888 г.: «...касательно поэзии Майкова с Вами и со мною во мнении сходятся многие. Между прочим, бывший недавно у нас председатель его юбилея Полонский говорит мне, что помнит почти всего Тютчева и меня наизусть, а Майкова не помнит ничего» (*Фет. СПП. С. 393*).

³ Юбилейная речь Майкова была опубликована в газете «Московские ведомости» и во многих других газетах.

⁴ Вел. князь Константин Константинович (Романов) (1858—1915), писавший под псевдонимом «К. Р.», наряду с Фетом и Полонским высоко ценил поэтический дар А. Майкова. Он был одним из тех, кому августейший поэт послал свой первый поэтический сборник 1886 года. Получив положительный отклик, К. Р. и в дальнейшем нередко прибегал к мнению Майкова, учитывая предложенную им правку своих произведений, положил на музыку несколько его стихотворений. К юбилею К. Р. посвятил Майкову стихотворение «Твоя восторженная лира...».

⁵ «Севастиан-мученик» — поэма К. Р., в редактировании которой принимал участие брат А. Майкова Л. Н. Майков (1839—1900). «Что же касается до великого князя Константина Константиновича, — отвечал Фет С. Энгельгардт, — которого, мне кажется, я хорошо знаю как поэта и человека, то готов сказать во всеуслышание, что самобитного лирического таланта в нем несомненно более, чем во всех его современниках; и так как он внимательно слушает подаваемые ему советы, то за последнее время неузнаваемо усовершенствовался. В доказательство прилагаю его стихотворение к императрице. Не правда ли, что мы с Майковым не напишем такого стихотворения?» (*Фет. СПП. С. 393—394*).

⁶ «Три смерти» — драматическая поэма А. Н. Майкова (1851), посвященная Риму эпохи Нерона. В центре — изображение смерти трех человек, которые должны умереть по приказу Нерона: Сенеки, Лукана и Люция. В 1863 г. опубликовано продолжение «Трех смертей» — «Смерть Люция», где поэт обращается к христианской теме. О поэзии Майкова С. Энгельгардт иронически высказывалась в письмах к Фету от 22 февраля (6 марта), от 2 (14) апреля и от 29 апреля (11 мая) 1863 (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998).

⁷ Описанию ратных подвигов Севастиана и его сотне, о которой он вспоминал на кресте, посвящены 9 строф (XXVI—XXXIV) из 48-ми поэмы «Севастиан-мученик».

⁸ Стихотворение А. Н. Майкова «У гроба Грозного» («Средь царственных гробов в Архангельском соборе...») (1887) было напечатано в майской книжке журнала «Русский вестник» за 1888 г. Устами самого Грозного Майков оправдывает жестокие деяния царя тяжелым положением России, происками бояр, заговором западных правителей против Московии, предательством сподвижников. «Да! Царство ваше — труд, свершенный Иоанном, / Труд, выстраданный им в борении неустанном. / И памятуйте вы: все то, что строил он, — / Он строил на века! Где — взвел до половины, / Где — указал пути... И труд был довершен / Уж подвигом Петра, умом Екатерины / И нашим веком...». На это стихотворение откликнулся Вл. С. Соловьев в своих письмах, в статье о Майкове и в стихотворной пародии (см. в кн.: *Майков А. Н. Сочинения: В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 554—555*). С. Энгельгардт ошибается, называя Май-

кова первым, произнесшим «оправдательный вердикт этому злодею». Первым, кто с исторической точки зрения оправдал Грозного был отец Вл. С. Соловьева С. М. Соловьев. Вслед за ним предтечей Петра Великого считал Грозного К. Д. Кавелин и др. историки (см.: *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пб., 1923. С. 17—25).

⁹ С. Энгельгардт перечисляет злодеяния Грозного во времена опричнины, в том числе убийство Малюты Скуратовым митрополита Филиппа (Колычева) в 1569 г., казней новгородских 1570 г. и др. Жертвами Грозного стали и опричники, в том числе Басмановы и Афанасий Вяземский.

¹⁰ Имеется в виду приезд в Россию германского императора Вильгельма II Гогенцоллерна (1859—1941), внука скончавшегося в феврале 1888 г. императора Вильгельма I и сына сменившего его на несколько месяцев императора Фридриха III, умершего 3 (15) июня 1888 г. Встречи двух императоров, проходившие с 7 по 12 июля ст. ст., широко освещались в печати и знаменовали новый этап в отношениях России и Германии, связанный с усилением роли России на политической арене и ослаблением политического влияния «железного канцлера» Отто Бисмарка, завершившегося его отставкой в марте 1890 г.

107

14 (26) августа 1888.

Симоновская слободка,
дача Селивановской.
14 августа.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я прочла с большим удовольствием ваши записки.¹ Все действующие лица мне знакомы, за исключением ваших сослуживцев, и все чрезвычайно интересно. Не понимаю, почему Боткин находил ваши вечера мрачными; что до меня касается, мне было не только весело на этих вечерах, *но хорошо*. Душа отдыхала от других, светских, скучнейших. — Почему вы боитесь сказать, *без моего согласия*, что Боткин мне посылал поклон.² Мне очень приятно, что он относился сочувственно ко мне; вы знаете, что угодить на него было трудненько.

А вам придется обойти молчанием Григоровича. Нельзя его помянуть добрым словом. Года его не изменили, по крайней мере, не выучили держаться, как порядочный человек, что бы там у него ни было на душе. В Петербурге он обворожил графа Шереметева, и был принят у него как свой человек. Григорович его отблагодарил: написал повесть, в которой выставил в дурном виде его детей.³ Дети эти — добрейшие дети, воспитанные с необыкновенной простотой. В «Русском Вестнике» громогласно объявлено, что скоро выйдет в свет повесть Григоровича.⁴ Да кто ее одолеет? По-моему, все, что он пишет, до смерти скучно. На днях умер французский критик Maxime Gaucher. Французская печать оплакивает в нем «un des plus remarquables critiques français».^a Несколько лет тому назад я прочла его разбор «Скупого рыцаря», которого он читал в моем переводе.⁵ Он его сравнивает со «Скупым» Мольера и находит, что Гарпагон продукт образованного общества, а «Скупой рыцарь» был внушен Пушкину крепостным правом.

^a «одного из самых замечательных французских критиков» (*франц.*).

Крепко жму вашу руку. Кто же не пострадал от ужасной погоды?⁶ — Мы остались на даче, потому что в ней печи, топили и дождались теплых дней. Надеюсь, что вам лучше.

С. Э<нгельгардт>.

Марье Петровне мой поклон.

Если вы будете ко мне писать, адресуйте письмо в московскую квартиру.

Год написания письма определяется по содержанию, хотя на автографе неизвестной рукой проставлен 1889 г. со знаком вопроса. Это ответ на письмо Фета от 12 (24) августа 1888 г., где он сообщил о работе над мемуарами, спрашивал, можно ли упоминать ее имя, цитируя письма Боткина, жаловался на плохое самочувствие и сырую погоду.

¹ В письме от 12 (24) августа 1888 г. Фет спрашивал мнение об отрывке из своих воспоминаний, опубликованных в августовской книжке «Русского вестника» за 1888 г., по которой можно «судить, в каком роде затеяно целое». «Помните, я говорил Вам об этой работе. — писал Фет, — и теперь, во милости ее, я погружен в море писем Тургенева, Боткина и Толстого. Там, где мне приходится говорить о знакомых, находящихся в живых, я по большей части выставляю сокращения или подставные прозрачные имена. Толстого я просто просил разрешить мне прямо говорить о нем» (*Фет. СПП. С. 395*). С. А. Толстой Фет писал по поводу писем Боткина, Тургенева и Л. Толстого, которые стали основой его мемуаров, 19 августа 1888 г.: «Боже мой, как это молодо, могуче, самобытно и гениально правдиво!» (*Фет А. А. Сочинения: В 2-х т. М., 1982. Т. 2. С. 310*).

² 12 (14) августа 1888 г. Фет писал С. Энгельгардт: «Вы, быть может, помните наши первые встречи у Вас, у Ермолая (церковь, в приходе которой был дом, где жила С. Энгельгардт. — *Н. Г.*) и у нас — за Москвой-рекою. Боткин называл наши четверги мрачными. Это, однако, не мешает ему почти в каждом письме писать: „милой мадам Энгельгардт передайте мой усердный поклон“. Но как печатать этот поклон без Вашего разрешения?» (*Фет. СПП. С. 395*).

³ Писатель Д. В. Григорович (1822—1899) в 1880-е годы сблизился с семьей графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1915), одного из богатейших наследников, сына Д. Н. Шереметева. Некоторые детали его семейной жизни воспроизведены в повести «Город и деревня» (опубл. в сб. «Нивы» за 1891 г., № 1), ему же повесть и посвящена. К личности и творчеству Д. В. Григоровича С. Энгельгардт относился неизменно иронически, что было, возможно, как предполагает Н. Охотин, связано с какой-то романтической историей (*Охотин. С. 41*). В. П. Боткин когда-то писал С. Энгельгардт: «Напрасно думаете Вы, что Григорович а *contresé* роуг vous une petite histoire roуг gîte (сочинил про вас развлекательную историю — *франц.*). Ничего подобного никогда не было, и вообще Григорович не способен к такого рода сочинениям <...> К Вам кроме самого искреннего расположения — никогда никакого другого чувства не проходило по душе его» (*РГАЛИ, ф. 574, оп. 1, № 57, л. 2. Цит. по: Охотин. С. 41*).

⁴ Речь идет о повести Григоровича «Не по хорошу мил — по милу хорош» (*Русский вестник. 1889. № 1*).

⁵ Перевод С. Энгельгардт «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина на французский язык вошел в том ее переводов драматических произведений Пушкина, вышедший в Париже в 1875 г. Откликаясь на него, Фет писал 18 (30) января 1876 г.: «Читаю и перечитываю Ваши мастерские переводы из Пушкина и менее всего доволен „Египетскими ночами“. Когда-то папский *orfèvre* (ювелир. — *Н. Г.*) жаловался мне на работу наших золотых дел мастеров, что они соединяют камни почти без оправы. Это прекрасно, говорил он, но не прочно. Все совершенство Пушкинской работы состоит в этом наборе бриллиантов без оправы. Очевидно, что тут переводчику смерть. Пушкин не только подбирает бриллианты голым, но еще поворачивает их неизвестной гранью, и переворачивает другой нельзя безнаказанно» (цит. по: *Охотин. С. 118*).

⁶ «Быть может от холодной сырой погоды мне опять дышится тяжело, — писал С. Энгельгардт Фету 12 (14) августа 1888 г., — и при самом ничтожном напряжении глаз и усилиях мысли я, как ребенок, засыпаю» (*Фет. СПП. С. 395*).

20 августа (1 сентября) 1888.

Спиридоновка, дом к<нягини> Шаховской.
20 августа.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я давно собиралась написать к вам, да все нездоровится и, кажется, я с каждым днем становлюсь глупее. У меня после болезни на даче осталась лихорадочка, и до сих пор не могут с ней совладать.

Вы думаете, что великий князь¹ прочтет с удовольствием, что было напечатано о нем в «Revue bleue»; в таком случае сообщите ему прилагаемый листок.² Издатель, Rambaud,³ мой большой приятель; он бы очень желал, чтоб его журнал читали в России, вероятно, великий князь на него подпишется, а за ним и другие.

Я давно желала познакомиться со Страховым,⁴ да видно не судьба.

Как хороши ваши стихи к великому князю в «Р<усском> Обозрении».⁵

Жму вам руку. Передайте мой поклон Марье Петровне. Полонский, вероятно, уехал.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курская железная дорога. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 19 августа 1888; 2) Коренная пустынь, Курск: 20 августа 1888.

¹ Великий князь Константин Константинович (К. Р.), был большим почитателем Фета, который, в свою очередь, признал в нем своего ученика. После того, как К. Р. прислал поэту свой первый поэтический сборник 1886 г., между ними завязалась переписка (хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, частично опубликована в кн.: К. Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999. С. 241 — 392). Поэты обменивались стихотворными посланиями, а после смерти Фета Мария Петровна передала К. Р. письма Фета к нему и тетради, содержащие автографы его стихотворений, на основании которых К. Р. и Н. Н. Страхов подготовили первое посмертное собрание стихотворений Фета (Лирические стихотворения А. Фета. В 2-х т. Пб., 1894). Переписку Н. Н. Страхова с К. Р. см. в кн.: К. Р. Избранная переписка. С. 395 — 440.

² Отклик на стихотворения К. Р., опубликованный в «Revue bleue» и переданный Фетом К. Р., обнаружить не удалось.

³ Французский историк, государственный деятель, исследователь русской литературы и культуры А.-Н. Рамбо (1842—1905) был автором написанной совместно с Лависсом многотомной «Всеобщей истории с IV столетия до наших дней» (1893), переведенной на русский язык. Он был в хороших отношениях с С. В. Энгельгардт и состоял с нею в переписке, которая хранится в РГАЛИ.

⁴ С критиком и философом Н. Н. Страховым Фет познакомился в 1876 г. и с тех пор между ними завязались долгие и плодотворные личные отношения. Страхов становится советчиком Фета и публикатором многих его стихотворений, автором нескольких статей, посвященных его творчеству, фактическим редактором (и даже автором названия) сборников «Вечерние огни», первого посмертного собрания стихотворений (1894).

⁵ Имеется в виду стихотворение «Сплывают ледяные своды...» (1887).

Сентябрь-октябрь 1888 (?).

Воскресенье.

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Я прочла вашу брошюру и сердце сжималось перед отчаянной и верной картиной современной России. Дай Бог, чтоб прекратили зло, пока еще не все пропало.¹

В одном я с вами не могу согласиться. Вы говорите, что когда Иван Грозный хотел отказаться от престола, бояре его упросили остаться на престоле. — Так. — Но если бы они этого не сделали, он бы их всех передушил, отрубил бы им головы или сжег на костре. Он любил пытаться такими выходками чувства людей, и причина его не что иное <как> — кто не за меня — тот против меня. — Изо всех бояр один князь Вяземский перешел в опричнину — а те, которые не перешли, — пострадали!²

Передайте мой сердечный привет Марье Петровне. Крепко жму вам руку.

С. Энгельгардт.

Спиридоновка, дом к<нягини> Шаховской.

Датируется условно по местоположению письма в пачке.

¹ Имеется в виду анонимная брошюра «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (М., 1884), где Фет рассматривал широкий круг современных политических и экономических вопросов, прежде всего общинного землевладения.

² См. письмо 106 и прим. 8 к нему. В указанной брошюре Фет писал: «Кто когда оспаривал самодержавную власть Грозного? Одна мысль о самоуправлении, не говорим народа, а только бояр, приводила его в ярость. Отец попался крутой, но когда этот отец захотел отказаться от власти, все с воплем кинулось ему в ноги, моля о пощаде» (с. 29).

5 (17) ноября 1888.

Воскресенье.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Все это время я не была в состоянии писать к вам. Начну с того, что вот уже восемь месяцев я измучена болезнью сестры Варвары В<ладимировны>. На днях ей выпустили воду, полведра, и ведро было большого размера. Теперь она начинает поправляться, и я спокойней. Напишите, пожалуйста, что-нибудь о вашем юбилее.¹ Кто об нем хлопочет? Соллогуб, что ли?² А жена его вмешалась ли в это дело?³ Вы у меня пробыли так недолго, что я не успела вам сказать и половину того, что желала. Напишите подробно. Крепко жму вам руку.

С. Энгельгардт.

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Плющихе, свой дом.

Почтовый штемпель: Москва: 6 ноября 1888.

¹ 50-летний юбилей творческой деятельности Фета отмечался в конце января 1889 г. 29 января ст. ст. состоялся торжественный обед по подписке в ресторане «Эрмитаж», 26 февраля — высочайшим указом Фету пожаловано звание камергера, затем он представляется Государю. Эта официальная часть торжеств, которой Фет очень дорожил, вызвала непонимание даже среди близких друзей, в числе которых была и С. Энгельгардт. В подготовке юбилея принимали участие жена Л. Н. Толстого С. А. Толстая, И. П. Новосильцев, А. В. Олсуфьев и многие другие почитатели его таланта. Фет сам продумал ряд мероприятий, о чем сообщал в письмах к своим корреспондентам. Так, 25 июля ст. ст. 1888 г. он писал С. Энгельгардт: «...со многих сторон и притом с полным историческим к тому основанием меня запрашивают о моем пятидесятилетнем юбилее в декабре 1888 года или в январе 1889 г. Не вижу причины скрывать от дружеского Вашего ко мне расположения моих по этому поводу мечтаний. Подобно Тютчеву, и даже более чем Тютчев, я певец русской женщины. Для меня не секрет, что большинство русских порядочных женщин не только не в состоянии определить приблизительный рост моего таланта, но даже едва ли слышали о моем литературном имени: но зато среди светских женщин я лично знаю многих, сочувственно относящихся, считая в числе последних и Вас. Не состоя ни на какой казенной службе, я не желал бы ко дню моего юбилея никаких избитых формальностей и считал бы себя вполне вознагражденным, если бы сочувствующие моей музе дамы поднесли бы мне в лице избранной председательницы простой лавровый венок в ознаменование пятидесятилетнего служения» (*Фет. ССП. С. 394*). «Давно и не раз я думала о вашем юбилее, — отвечала ему С. Энгельгардт 2 (14) августа того же года, — и была бы очень рада, если б мне пришлось в нем как-нибудь участвовать. Кому, коли не вам, русские женщины обязаны поднести венок; с Вашей же стороны смотреть на него, как на единственную желанную награду за вашу деятельность, мне кажется слишком скромно и доказывает, что вы вовсе не знаете себе цену <...> у каждого человека пять чувств, а чтобы понять и оценить вашу поэзию, необходимо их иметь шесть, — а этим-то шестым, безымянным чувством одарены очень немногие. В ваших стихах слишком много тонкого, драгоценно тайного, они изображают такие неуловимые душевные ощущения, что не каждому доступны и оценены вполне лишь людьми с шестым чувством. Их любили женщины нашего поколения, но целая пропасть их отделяет от современной женщины. Эти читают Золя и Доде, хватая, что они — их настоящие книги» (цит. по кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. С. 225).

² Имеется в виду граф Федор Львович Соллогуб (1848—1890), племянник Ю. Ф. Самарина, писатель, драматург.

³ Писательнице и переводчице графине Наталье Михайловне Соллогуб (1851—1915), жене Ф. Л. Соллогуба, Фет посвятил несколько стихотворений («Вам песня моя! В степи мирской...», «О, Береника! Сердцем чую...», «Тобой привычный восхищаться...»).

23 января (4 февраля) 1889.

Воскресение.

Милый мой Афанасий Афанасьевич,

Я воображаю, как вас встревожил несчастный случай с Марьей Петровной. Долго еще ей, бедной, придется помучиться с гипсовой перчаткой.¹

Я прочла в газете, что вас будут угощать обедом 29,² и рада, что это было устроено помимо вас, должно быть, в Обществе любителей российской словесности.

Сестра моя сильно простудилась. У ней был бронхит, затем плеврит, она до сих пор не выходит из своей комнаты, и все это время я провела очень грустно. О своем здоровье я забыла, но и мне было нехорошо.

До сих пор я не получила «Русского Вестника», где объявлены ваши записки.³

Благодарю вас, что уведомили о себе и крепко жму вам руку.

С. Энгельг<ардт>.

Если только ничего дурного не помешает, племянник мой будет у вас непременно в субботу.⁴

На конверте: Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину. На Плющихе, свой дом.

Почтовый штемпель: Москва: 23 января 1889.

¹ Речь идет о несчастном случае в начале января 1889 г., в результате которого у Марьи Петровны была сломана левая рука. 26 января 1889 г. Фет писал А. В. Олсуфьеву: «Жене вчера вечером сняли гипсовую повязку, и она просит довести до Вашего сведения, что начать субботний день 28-го постарается совершенно по Вашему плану, и ровно в 12 час. начнется молебен, а затем она вдали от всяких официальных поздравлений будет в обычный час завтракать» (*Фет. ССП. С. 407*).

² 50-летний юбилей литературной деятельности Фета широко освещался на страницах «Московских ведомостей», что было не вполне характерно для этой газеты. Так, уже в № 23 (23 января) сообщалось о том, что 29 января будет организовано чествование Фета с участием петербургских литераторов и видных литературных и общественных деятелей Москвы, в честь юбиляра будет устроен обед. «Не подлежит сомнению, что все русское общество отнесется с горячим сочувствием к чествованию самого выдающегося у нас в настоящее время представителя истинной, не тенденциозной поэзии, знамени которой он ни разу не изменил...». В № 28 от 28 января почти вся 3-я полоса и часть 4-ой были заняты материалами, посвященными жизни и деятельности поэта: статья, подписанная криптонимом «Z», краткий биографический очерк, стихотворение К. Р., посвященное Фету («Есть помыслы, желания, стремленья...»). В статье, в частности, говорилось: «В то время, как другие лирики любят рисовать свое „я“ и более или менее рисоваться им, наш поэт с первых же шагов своего творчества вступил на совершенно иную дорогу. Он обладает свойством подниматься на светлых крыльях поэзии в совершенно иной мир, где исчезает „я“ с его личными, одиночными чувствами, где сердце исполняется „сладкою верою“, сверкают переливы радужных красок, носятся чудные гармонии звуков...». Кроме общей оценки поэтического творчества Фета, здесь был дан и обзор его основных переводов из римской классики и других произведений, высоко оценены переводы из Шопенгауэра. В № 29 (29 января 1889) сообщалось, что 28 января в квартире поэта был отслужен молебен, на котором присутствовали высокопоставленные лица, в том числе и царствующей фамилии, были произнесены речи председателем Общества любителей российской словесности Н. С. Тихонравовым, председателем Психологического общества Н. Я. Гротом, прочитаны стихотворения самого Фета и в его честь. В статье от 30 января (№ 30) сообщалось, что избранный день — 29 января — является днем памяти Пушкина и днем рождения В. А. Жуковского. На организованном в этот день большом подписном обеде в ресторане «Эрмитаж» присутствовали А. В. Олсуфьев, И. Ф. Офросимов, С. А. Толстая, звучали стихи Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, Д. Н. Цертелева, Н. П. Аксакова, Р. Ф. Бранга и других, была зачитана телеграмма от министра народного просвещения И. Д. Делянова, а также напечатано благодарственное письмо Фета. И в по-

следующих номерах встречались отклики на этот юбилей в виде телеграмм, стихотворений, адресов.

³ Главы из «Моих воспоминаний» Фета начали печататься в № 8 «Русского вестника» за 1888 г. Продолжение публикации в 1889 г. было в № 1, б. 7, причем в № 7 были напечатаны и отрывки из мемуаров С. Энгельгардт (подпись: «Ольга N.»).

⁴ Очевидно, Ю. А. Новосильцев, сын брата С. Энгельгардт, А. В. Новосильцева, был приглашен Фетом на торжественный обед. Участвовала ли в торжествах сама С. Энгельгардт, выяснить не удалось.

112

12 (24) июля 1889.

12 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Ваше письмо меня очень тронуло как доказательство вашей дружбы, хотя я в ней не сомневалась. Без сомнения, когда так долго хорошие отношения продержались и крепили между двумя личностями, очевидно, что в них общие, дорогие им черты. Вы не ошибаетесь, разрешая мне быть всегда искренней с вами; я вас так уважаю, что скажу вам, не обинуясь, что чувствую, а много ли таких людей, с которыми возможно быть искренней! — Да, скромность и застенчивость не выдвигает людей вперед. Зато я знаю таких, в которых нет ничего особенного, но они умеют придавать себе цену и убедить других в своем мнимом превосходстве. Им поддаются даже умные люди, гораздо умнее их. После таких примеров можно ли дорожить общественным мнением!

Не трудно указать на тех, кто на вас косо смотрит за получение монаршей милости; это те именно, которые бы дорого дали, чтоб она им досталась, а если они ее когда и получают, то прикинутся, что ей не дорожат. Замашки известные!

Что же касается моего личного мнения — вот оно. Я очень люблю нашего царя и была бы очень рада, если б в знак отличия он подарил вам свой портрет, н<a>п<ример>. Но камергерский мундир я видела на ослиных плечах и нахожу, что вы достойны награды, которая бы вас не поставила наравне со многими.¹ Между прочим, я хорошо знала одного камергера, графа Толстого, потому что была дружна с его дочерью. Он ходил иногда гулять пешком по улицам и заглядывал во все отворенные ворота. Если кто-нибудь в это время был на дворе и видел его, он сейчас же принимал меры против дурного глаза, начинал плясать перед воротами, пока жена или дочь ждали на тротуаре конца пляски. На этом идиоте камергерский мундир и на вас камергерский мундир, — как же не обидно!

Я вам сказала мое мнение о П. А. Козлове. Не доверяйтесь ему. Говорят, что его перевод «Дон Жуана» Байрона хорош: прав-

да ли это? — Читали вы его? Если вы находите, что перевод хорош, я его прочту; не знаю, где он был напечатан.²

Мне кажется, что я правильно сужу о камергерском мундире, но ваша скромность мешает вам это понять. Я гораздо более ценю милое расположение к вам великого князя.³ Какая симпатическая личность! — Я подписалась только сегодня на «Русский Вестник» за нынешний год, потому не прочла еще ваших воспоминаний. В том же номере напечатаны и мои.⁴

Дмитрий Петрович — незаменимая для вас обоих потеря.⁵ Прошедшей зимой мы похоронили трех, годами любимых знакомых. — Тяжело.

С. Энгельгардт.

На конверте: Московско-Курской железной дороги. Станция Коренная Пустынь. Его Высокоблагородию Афанасью Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Москва: 14 июля 1889; 2) Коренная Пустынь, Курск: 15 июля 1889.

¹ С. Энгельгардт, вероятно, не вполне понимала, какими мотивами руководствовался Фет, стремясь получить камергерский мундир. Следует учитывать, что до него довольно широко, благодаря поддержке двора в лице великого князя Константина Константиновича, были отмечены 50-летние юбилеи Я. П. Полонского и А. Н. Майкова. Считая себя не только поэтом-лириком, но и человеком, значительную часть жизни отдавшим служению отечеству, Фет, в отличие от многих, не только не видел в камергерском мундире чего-то зазорного, но гордился этим званием. Его позицию по этому вопросу во многом проясняет письмо от 7 (19) июля 1888 г. к графу А. В. Олсуфьеву, близкому к придворным кругам, дружеские отношения с которым установились у поэта в связи с большой помощью графа при переводе римских классиков. «Талантом, — писал Фет, — <...> хвалиться никто не имеет права. Но когда речь заходит об известных произведениях, то невозможно предположить, чтобы я сам был не в состоянии сопоставить своих стихов со стихами всех современных поэтов, или не знал бы, что без моих трудов Россия до сих пор была бы без стихотворных переводов римских поэтов <...> Но есть другое обстоятельство. Пятьдесят лет я простоял на коленях перед идеалом русской женщины, и цветы, которые по временам я удостоивался получать от избранных русских женщин, были для меня истинною наградою, с которою никакая печатная реклама не могла сравниться. Это одна сторона дела, но есть и другая. Я глубоко русский человек, и без высочайшего внимания к какой-либо отечественной заслуге я не могу признать, что заслуга эта отечеством оценена. В этом случае считаю себя по историческим преданиям гораздо более вправе, чем Гораций, сказать главе государства: „Коль ты меня почтешь лирическим певцом, / Я вознесу до звезд торжественным челом“. Тут уж позволю себе обратиться с речью к Вам, многоуважаемый граф. Жаловать меня какими-либо орденами, соответствующими чину гвардии штаб-ротмистра, или назначить мне пенсию — мало соответственно моему положению. Единственно, ничего не стоящего казне, а между тем значительно выдвигающего меня наградою, как высочайше отличенного писателя, было бы камергерское звание. Все мои сверстники, и десятой доли не заслужившие того, что пришлось прослужить мне — двенадцать лет на коне и одиннадцать лет участковым мировым судьёю Мценского округа, где я поныне состою почетным судьёю, — давно генералы. Вы, граф, писали мне об удовольствии, высказанном перед Вашим сиятельством К. П. Победоносцевым по случаю моего перевода „Энеиды“. При свидании с ним Вы могли бы узнать, в какой мере он находит желание мое исполнимым. Если ответ его будет отрицательным, то я с своей стороны не допущу никакого юбилея» (цит по кн.: *Фет. ССП. С. 405—406*). Вопрос был принципиальным: получить в награду чин ниже тайного советника, подобно А. Н. Майкову (что соответствовало бы военному званию

гвардии штаб-ротмистра), Фет не хотел, претендовать на иной высокий гражданский чин не мог. Гордость не позволяла ему добиваться пенсии, которые получили Майков и Полонский (Полонский был награжден также звездой, а Майков чином тайного советника). Таким образом, предложенный им вариант получения придворного чина более всего соответствовал его желанию быть отмеченным государственной наградой. Отметим, что в просьбе Фета не было ничего, унижающего его достоинство. Более того, высокая оценка собственного вклада как в русскую культуру, так и заслуг на государственной и военной службе подчеркивала независимость его позиции, а обращение к Победоносцеву через графа Олсуфьева звучало почти ультимативно. Одновременно он обращался к супруге графа с просьбой возглавить группу знакомых поэту почитателей его таланта (среди которых были графиня С. А. Толстая, графиня Н. М. Соллогуб, С. В. Энгельгардт и др.), которые должны были, по его замыслу, поднести ему лавровый венок.

² Имеется в виду поэт и переводчик Павел Алексеевич Козлов (1841—1891), который в это время служил в звании камергера при московском генерал-губернаторе и, возможно, принимал участие в подготовке юбилейных торжеств Фета. В 1889 г. в Москве и Петербурге вышли два издания его перевода Байронова «Дон Жуана», выполненного размером подлинника. Этот перевод был признан большинством критиков значительным событием.

³ Имеется в виду великий князь Константин Константинович (К. Р.). См. письмо 108, прим. 1.

⁴ Главы из воспоминаний Фета и С. Энгельгардт были напечатаны в июльской книжке «Русского вестника» за 1889 г.

⁵ Брат Марии Петровны Фет-Шеншиной Дмитрий Петрович Боткин (1820—1889), известный коллекционер, председатель московского Общества любителей художеств, умер в своем имении Тихий Хутор Харьковской губернии 26 мая. Уже 27 мая в «Московских ведомостях» сообщалось о его кончине, 31 мая было напечатано сообщение о том, что тело прибывает в Москву 1 июня и будет препровождено в Покровский монастырь для погребения, а 2 июня в объявлении сообщалось о прибытии останков Д. П. Боткина, погребении его на Покровском семейном кладбище и присутствии на похоронах многих художников. Подробности о смерти Д. П. Боткина, перевозе его останков в Москву содержались в помещенном в № 151 от 3 июня 1889 г. «Московских ведомостей» некрологе, написанном Фетом. Из него становится известным, что «невзирая на врожденную веселость и общительность, покойный во все 13-летнее течение семейной жизни не пользовался прочным здоровьем, а утрата 7 марта нынешнего года горячо любимой жены окончательно подкосила его здоровье». «Из жалости к бедному страдальцу, — следует далее, — рвавшемуся в свой Тихий Хутор, пишущий эти строки решился сопутствовать покойному». Неожиданная смерть вынудила Фета, очевидно, взять на себя ответственность за перевоз тела Д. П. Боткина в Москву. Все это время он с удивлением наблюдал, с каким почтением окрестные крестьяне прощались с покойным, пронеся его на руках более 55 верст до Белгорода. Некролог, написанный Фетом, напоминает скорее полемическую статью, направленную как против почвенников, так и против западников, так как автор показывает, насколько важно для современной сельской среды, «составляющей главную основу народности», появление деятелей, подобных Д. П. Боткину, купившему в Белгородском уезде разрушенный сахарный завод, перестроившему его по новым технологиям, открывшему при заводе больницу и школу и тем самым давшему всем окрестным крестьянам возможность «осознательно поднять благосостояние в 50-верстном районе», заслужив бескорыстную признательность всего населения. Похороны Боткина, по мнению Фета, это тот самый «ответ огромной массы крестьянского населения» на вопрос о том, каким путем должна развиваться сельская жизнь России. Дается в некрологе и портрет покойного, который, «получив в молодости самое скромное школьное образование <...> сумел развить себя настолько, что, будучи замечательным счетчиком, в то же время писал весьма правильным и оживленным слогом и при случае прекрасно владел изустным словом». Характеризуя коллекцию Боткина, Фет писал: «Не честолюбие было поводом к богатому собранию, а от природы нежное настроение души, которое находило себе ближайший исход в прелестных произведениях искусства...»

9 (21) июля 1890.

9 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я еще жива и желаю знать, вы живы ли и здоровы. Жива-то я жива, но живется плохо. Мы переехали на дачу в сырой и холодный дом, положась на слова хозяйки, которая обещала его истопить к нашему приезду. Я занемогла на другой же день, была опасно больна и до сих пор не совсем оправилась, несмотря на знойное лето. — Почему прекращаются ваши записки в июльской книжке?¹ Я знаю с ваших слов историю Тургенева с его дядей и ждала, что вы оправдаете старика, однако старик остается во мнении читателей нечестным и корыстным человеком. Почему же?²

Любопытная переписка ваших друзей меня убедила, что литературный вкус не подлежит никаким законам. — Кто не уважает, например, вашу литературную оценку? — Вы похвалили «Довольно» Тургенева,³ эту прелестную вещь. — Возможно ли было не уважать мнение В. П. Боткина? — Он находил, что «Довольно» — набор слов.⁴ — Тургенев пришел в неистовый восторг от «Грозы» Островского:⁵ — вам она не понравилась.⁶ — Что же касается Льва Н. Толстого, — он упростил вопрос, — всех бранит огульно, обо всех говорит с презрением, — о Гоголе, о Тургеневе, об Островском.⁷ — Григорьев был тонкий ценитель искусства; он очень любил Alfred'a de Musset; — вы же его вовсе не любите.⁸ — Недавно я прочла в «Русском обозрении» прекрасную статью об искусстве вообще, — кажется, Гарбова, — и вдруг он объявляет, что «Федра» Расина хорошее произведение. Прочла бы я ему мнение Пушкина об этом произведении.⁹ — Все это я бы желала вам высказать при свидании, а не в письме, но в целый год я вас вижу на полчаса, когда вы приезжаете в Москву, и на полчаса, когда вы из нее уезжаете, — а в письме много не доскажешь.

Вы мне говорили, что ждете к себе Полонского нынешним летом. Если вы увидите этого милого человека, скажите ему, что я успела передать его поручение старику Петерсону, который был очень тронут и после этого прожил не более недели.¹⁰

Дружески жму вам руку. Передайте мой поклон Марье Петровне.

С. Энгельгардт.

Год написания письма устанавливается на основании содержания.

¹ С 1890 г. Фет прекратил печатать свои воспоминания в «Русском вестнике» и стал активно сотрудничать в журнале охранительного направления «Русское обозрение», редактором которого был знакомый Фета князь Д. Н. Цертелев (1852—1911).

² В IV главе 2-й части своих воспоминаний Фет посредством писем И. С. Тургенева и В. П. Боткина воспроизвел причины ссоры Тургенева с управляющим его имениями дядей Н. Н. Тургеневым, стараясь не высказывать своего отрицательного

отношения к этому делу. Отказ Тургенева встретиться с дядей и уладить его отставку миром, как писал Фет, «надломил навсегда мое беззаветное дружеское к нему чувство...» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1892. Т. 2. С. 120*).

³ Об отношении Фета к повести Тургенева «Довольно» С. Энгельгардт узнала из приведенного в воспоминаниях письма Тургенева к Фету от 10 (22) октября 1865 г.: «А что вам некоторые звуки в „Довольно“ пришлись по уху, — меня раду-ет» (Там же. С. 78).

⁴ Об отрицательном отношении Боткина к «Довольно» С. Энгельгардт узнала из того же письма: «Я готов даже сказать вам по секрету, что не только один Боткин, но даже сто Боткиных <...> не в состоянии уверить меня, что „Довольно“ один „набор слов“» (Там же).

⁵ В своих воспоминаниях С. Энгельгардт писала: «Попав случайно на вечер, где Островский прочел одну из своих комедий, Тургенев пришел в восторг, и с тех пор Островский бывал у него ежедневно и прочитал все свои известные произведения. Тургенев так восхищался ими, что хотел отказаться от литературы, объявляя, что пред таким писателем он сам теряет всякое значение» (Русское обозрение. 1890. Т. 6 (ноябрь). С. 85). Об отношении Тургенева к «Грозе» см. прим. 6 к настоящему письму.

⁶ В письме к Фету от 19 (31) марта 1862 г. (которое воспроизведено в воспоминаниях поэта) Тургенев писал: «Я с вами спорю на каждом шагу, но в ваш эстетический смысл, в ваш вкус верю твердо и скажу вам на ухо, что по вашей милости поколеблен насчет „Грозы!“» (*Фет А. Мои воспоминания. М., 1892. Т. 1. С. 395*).

⁷ С. Энгельгардт имеет в виду письмо Л. Н. Толстого от 23 февраля ст. ст. 1860 г., напечатанное в воспоминаниях Фета, где он рассуждает о романе Тургенева «Накануне»: «Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он со своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности даже до приемов. Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе <...> а не так, как одержимый хандрой и диспепсией Тургенев. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха иметь не будет. „Гроза“ Островского есть по-моему плачевное сочинение, а будет иметь успех» (Там же. С. 317—318).

⁸ В ответ на это заявление Фет писал 13 (25) июля 1890 г.: «Только на днях мы переписывались с великим князем Константином Константиновичем по поводу Alfred de Musset, воздавая должное поклонение его неподдельному поэтическому дару; но я был рад, что его высочество разделяет мое мнение о семимильных стихотворениях, на которые вообще французы так шедры» (*Фет. СПП. С. 396*).

⁹ Статья Н. М. Горбова «Заметки об искусстве» была помещена в мартовском выпуске журнала «Русское обозрение» за 1890 г. с эпиграфом из стихотворения Фета «Кому венеч...». Ссылаясь на Пушкина, С. Энгельгардт, очевидно, имеет в виду иронический разбор «Федры» Расина, сделанный Пушкиным для иллюстрации приемов современной критики в неоконченной статье «Опровержение на критики» (1830). «Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведению Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли и можно ли серьезно отвечать на таковые критики <...>?» (*Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1964. Т. 7. С. 185*). В статье «О народной драме и драме „Марфа Посадница“» (1830), также неоконченной, Пушкин противопоставляет народной трагедии Шекспира придворную драму Расина, герои которого имеют «странный, нечеловеческий образ изъяснения» (Там же. С. 214). Однако, давая историческое объяснение особенностям драматургии Расина, Пушкин не перестает считать его выдающимся представителем своего времени: «Со всем тем, Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосыгаемой, и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...» (Там же. С. 212).

¹⁰ Я. П. Полонский в это время гостил у Фета в Воробьевке и читал мемуары, над которыми поэт работал. «Полонский, — писал Фет С. Энгельгардт 13 (25) июля 1890 г., — который усердно благодарит Вас за приветствие и который знал нашу григорьевскую среду лично, нашел удачным мое сравнение, в котором я говорю, что мы оба с Григорьевым (речь идет об Ап. А. Григорьеве. — Н. Г.) натачивали один другого, подобно двум ножам, хотя бы получившим вследствие разное на-

значение <...> Сам этот милый человек вполне олицетворяет Овидия, но не действительного, который был ловкий придворный человек, а пушкинского, про которого поэт говорит: „Не понимал он ничего / И слаб и робок был как дети“» (*Фет. СПП. С. 396—397*).

114

19 (31) июля 1890.

19 июля.

Дорогой Афанасий Афанасьевич,

Я вполне понимаю, что Тургенев советовал вам выставлять ваш адрес в заголовке письма,¹ но кто вам подал совет сочинять адреса ваших друзей? Письмо ваше от 13² дошло до меня только вчера, к счастью, не пропало, потому, вероятно, что нас знают на почте и ежедневно приносят письма и журналы. Переезжая на дачу, я посылаю новый адрес только тем, с которыми переписываюсь еженедельно, и вы всегда писали ко мне в московскую квартиру.

Очень вам благодарна за прелестное стихотворение Полонского.³ Скажите ему, что оно перенесло меня на Тверской бульвар, в дом Голохвастова,⁴ куда брат,⁵ в студенческом мундире, приносил мне только что написанное накануне стихотворение Якова Петровича. Боже мой! Какая даль! А все остается в памяти, и остается лучшее от того времени.

Я не люблю семимильных стихотворений Alfred de Musset, нап<ример>, «Les nuits», — «La nuit d'octobre», «La nuit d'août»,^{a 6} хотя французы его называют «l'auteur des nuits»,⁶ они, по моему, самые слабые его произведения. Но как не любить некоторые коротенькие, лирические его стихотворения и comédies et proverbes: «On ne badine pas avec l'amour», «Il ne faut jurer de rien», «Le Candelier»^b и п<роч.> и п<роч.>⁷ Rambaud,⁸ издатель «Revue bleue», просил меня недавно написать статейку о стихотворениях великого князя. За настоящий разбор я не взялась, во-первых потому, что я на это дело не способна, во-вторых, очень трудно, даже невозможно хвалить произведение, которое нельзя отдать на суд читателям, а перевод, и перевод в прозе, — куда же это годится. Но я все-таки написала несколько строк,⁹ главное потому, что не могу ни в чем отказать Rambaud. После кончины сестры ни один журнал о ней не заикнулся, за исключением Каткова.¹⁰ Он написал некролог скорей, чем статью, но с теплым чувством, — а Rambaud, иностранец, напечатал в «La Nouvelle Revue» довольно объемистую статью о деятельности сестры и об ее личности.¹¹ И кто же у нас обратит внимание на женщину-писательницу? В 40-х годах «Отечественные папки» печатали прекрасные повести Хвошинской,¹² но

^a «Ночи», — «Октябрьская ночь», «Августовская ночь» (*франц.*).

^b «автором ночей» (*франц.*).

^c комедии и пословицы: «Любовью не шутят», «Не надо биться об заклад», «Подсвечник» (*франц.*).

на них мало обращали внимания; — в 60-х годах она начала писать с направлением, т. е. испортила свой талант, за то посыпались о ней похвалы после ее недавней кончины.¹³ А Марко Вовчок?¹⁴ Я не говорю об ее обличительных произведениях во время крепостного права, зато не обличительные очень хороши, — никто даже о ней и не вспомнит.¹⁵

В июльской книжке «Русского вестника» вышли воспоминания Щербаня и его переписка с Тургеневым,¹⁶ о котором он говорит с большой симпатией, но памяти Тургенева от этого не посчастливится. Он ненавидел людей, перед которыми струсил, и протянул им руку. Его художественное чутье не мирилось с их грубостью и невежеством, однако он сошелся с ними.¹⁷ В этих воспоминаниях особенно рельефно выступает личность В. П. Боткина.¹⁸ Я и не предполагала в нем такого горячего патриотизма, узнала его только из его переписки с вами.¹⁹

Преклоняюсь перед вашей неутомимой деятельностью.²⁰ Она вам не изменяет, несмотря на мучительную одышку, и как вы можете писать при таких условиях! Скажите Полонскому,²¹ и вам я тоже говорю, неужели никто из вас не восстанет против современного русского языка? Дошли до того, что вместо *упреков* пишут *репроици*, вместо *ступенек* — *марши*,²² и т. д. и т. д. Это варварство.

Сестры просят передать вам и Якову Петровичу сердечный привет.

Марье Петровне передайте мой поклон. — Вам должно быть хорошо вместе, да еще с женщиной художником.²³ Жаль, что никогда не придется познакомиться с ней.

С. Энгельгардт.

Я никогда не видала рисунка Полонского.²⁴ Очень бы хотелось взглянуть.

Год написания письма определяется по сопоставлению с письмом Фета от 13 (25) июля 1890 г.

¹ Фет сообщал об этом С. Энгельгардт в письме от 13 (25) июля 1890 г.: «Тургенев, указав мне на европейскую привычку писать свой адрес в заголовке письма, навсегда исцелил меня от этой затруднительной для адресатов русской привычки» (*Фет. ССП. С. 395—396*).

² Письмо Фета от 13 июля 1890 г. сохранилось (см.: *Фет. ССП. С. 395—397*). Далее в примечаниях к этому письму ссылки на эту публикацию без указания страницы.

³ В цитируемом письме Фет переписал для своей корреспондентки стихотворение Я. П. Полонского «Истомилось в сладостном покое...»: «Сегодня я отнял у него написанное поутру стихотворение, которое он принес к завтраку <...> Не правда ли, как грациозно».

⁴ В юности С. Энгельгардт, потеряв родителей, жила некоторое время вместе с сестрами в доме попечителя Московского учебного округа Д. П. Голохвастова (1796—1849), двоюродного брата А. И. Герцена. Родная сестра С. Энгельгардт Надежда Владимировна была за ним замужем.

⁵ О брате С. Энгельгардт, Александре Владимировиче Новосильцеве (1822—1884), товарище Фета по Московскому университету, см. письмо 51, прим. 4 (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1998).

⁶ С. Энгельгардт продолжает спор о поэзии Мюссе (см. письмо 113 и прим. 8 к нему). Речь идет о лирической поэме Мюссе «Ночи» (1835—1837), куда вошли 4 стихотворения: «Майская ночь», «Декабрьская ночь», «Августовская ночь» и «Ок-

тябрьская ночь». В своих воспоминаниях С. Энгельгардт рассказала, со слов своего знакомого, что «французский поэт любил Россию, охотно говорил о ней», как он узнал о своих русских почитателях и даже обещал прислать им свой автограф (Русское обозрение. 1890. Т. 6 (ноябрь). С. 105). «Я вполне разделяю высказанное Вами о Мюссе, — откликнулся Фет. — Он вкусный безумец».

⁷ А. де Мюссе был автором ряда комедий, которые с успехом шли на сцене (например, «Любовью не шутят», 1834); некоторые из них назывались «драматическими пословицами» (proverbes) и представляли собой небольшие комедии или сценки, раскрывающие смысл той или иной пословицы. С. Энгельгардт называет две: «Подсвечник» (1835) и «Не надо биться об заклад» (1836). Многие повести самой С. Энгельгардт имеют в названии пословицу: «Суженого конем не объедешь», «Не одного поля ягоды» и др.

⁸ См. письмо 108, прим. 2.

⁹ Статья Рамбо, куда, очевидно, вошли «несколько строк», написанные Энгельгардт, была передана Фетом в руки К. Р. и сохранилась в РО ИРЛИ (ф. 137, № 76). К. Р. писал Фету 31 августа ст. ст. 1890 г.: «Очень лестно было мне прочесть отзыв члена-корреспондента нашей Академии Rambaud. Подпишусь на „Revue bleue“, но желал бы знать адрес редакции» (К. Р. Избранная переписка. С. 345). 3 (15) сентября 1890 г. Фет уведомляет С. Энгельгардт о передаче К. Р. статьи Рамбо и приводит выписку из его письма (*Охотин*. С. 177).

¹⁰ См. письмо 92 и прим. 1 к нему и письмо 94 и прим. 7 к нему. «Я уверен, что вел<икий> князь будет Вам сердечно признателен за пронирование (казните!) его стихотворений», — писал С. Энгельгардт Фет 1 (13) августа 1890 г. (*Фет. ССП*. С. 398).

¹¹ Е. В. Новосильцева публиковала во французской прессе, в частности, в «Revue des deux Mondes» повести исторического и религиозного содержания. В этом журнале активно сотрудничал и Рамбо. Статью о ней в «La Nouvelle Revue», который возглавляла Ж. Адан, обнаружить не удалось.

¹² Н. Д. Хвоцинская, писавшая под псевдонимом В. Крестовский (1824—1889) в 1850 г. опубликовала в «Отечественных записках» повесть «Анна Михайловна», романы «Баритон» (1857), «Встреча» (1860) и др. В 60-е оды в ее творчестве усилились демократические тенденции, появились активные герои и героини. В целом примыкала к народническому кругу.

¹³ Хвоцинская умерла 8 (20) июня 1889 г.

¹⁴ Речь идет о М. А. Вилинской (в первом браке Маркович, во втором Лобач-Жученко), писавшей под псевдонимом Марко Вовчок (1833—1907), авторе «Украинских народных рассказов» (1859; перевод их на русский язык осуществил И. С. Тургенев) и «Рассказов из народного русского быта» (1859), воспринятых как обличение крепостного права. Много занималась переводами.

¹⁵ В 70-е годы Марко Вовчок, вследствие литературного скандала, отошла от литературы, вернулась в нее лишь в конце 90-х гг.

¹⁶ Публикация Н. В. Щербаня (1834—1893) «Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875)» появилась в № 7—8 «Русского вестника» за 1890 г.

¹⁷ В воспоминаниях Н. В. Щербаня описывалось несколько эпизодических встреч Тургенева с представителями молодого поколения русских революционеров. «Ласковую податливость» Тургенева в спорах с «нигилистами» автор воспоминаний объяснял интересом автора «Нови» к будущим героям своего романа.

¹⁸ С. Энгельгардт обратила внимание на переданные Щербанем споры Тургенева и Боткина по поводу польского восстания 1863 г., в которых Боткин выступал за решительные действия русского правительства по усмирению поляков.

¹⁹ В воспоминаниях Фета были напечатаны несколько писем В. П. Боткина, в которых он живо обсуждал польский вопрос. «Совершенно сочувствую твоему стремлению вступить снова в полк, при известии о Польском восстании, — писал он Фету 16 (28) марта 1863 г. — В Европе общественное мнение решительно на стороне поляков, не разбирая того, что претензии и требования поляков очевидно имеют целью не только ослабление России, но удаление ее из Европы в Азию <...> Но наши пустоголовые прогрессисты ничего этого не понимают. Кажется, чувство национальности и любви к отечеству совершенно испарилось из этих легкомысленных голов» (см.: *Фет А. Мои воспоминания*. Ч. 1. С. 414—415). Сам Фет писал 6 мая 1863 г. по поводу польского восстания Л. Н. Толстому, спрашивавшему, «не придется ли нам с вами и с Борисовым снимать опять меч с заржавленного гвоздя»: «...самый мерзкий червяк, гложащий меня червяк, есть поляк. Готов хоть сию минуту

тащить с гвоздя саблю и рубить ляха до поту лица» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. В 2-х т. М., 1978. Т. 1. С. 365—366).

²⁰ В письме от 13 (25) июля 1889 г. Фет сообщал С. Энгельгардт об окончании работы над переводами из Марциала и об уже написанных десяти печатных листах воспоминаний о ранних годах своей жизни, к которым он приступил по совету Л. Толстого.

²¹ В это время Полонский с семьей гостил у Фета в Воробьевке. В том же письме он сообщал: «Семья Полонского, состоящая из супруги Жозефины Антоновны, старшего сына студента, а младшего — правоведа и 19-ти летней дочери, проживают у нас во флигеле и являются только к завтраку, обеду и вечернему чаю».

²² С. Энгельгардт говорит о галлицизмах, заполонивших русский язык. Репроши — от французского «гергоше», марши — от франц. «marche».

²³ Имеется в виду Ж. А. Полонская (р. Рюльман) (1844—1920), одаренная художница и скульптор. «Милая жена его замечательный скульптор, — писал о ней Фет, — и в настоящее время с увлечением лепит мой старческий бюст. На Одесском бульваре стоит бюст Пушкина ее работы». Ж. Полонская была также автором бюста И. С. Тургенева, который стоит на его могиле на Волковом кладбище в Петербурге. Тургенев первый посоветовал ей серьезно заняться ваянием.

²⁴ Я. П. Полонский был живописцем-любителем и оставил немало этюдов Спасского, где он гостил у Тургенева, и Воробьевки.

115

3 (15) июня 1891.

Петровский парк, дом Романова, близ аптеки.

Вы, должно быть, окончили ваши странствования,¹ дорогой Афанасий Афанасьевич, и наслаждаетесь у себя дома дурной погодой. Тяжело ее переносить, но холода и дожди поправили хлеба в Курской губернии, а на дачах они ничего не поправляют — а только портят. Я впрочем не в праве жаловаться; дачу мы наняли сухую и теплую, вдали от шума, и здесь такие удобства, о каких и речи не может быть в другом месте. Наше последнее свидание оставило мне такое грустное воспоминание, что я не отделалась от него до сих пор. Было время, когда мы с вами часто видались, толковали о поэзии и о прозе, о том, что любим и не любим, и вот обстоятельства так сложились, что, живя в одном городе, мы не видимся. Прежних друзей давно нет на свете, и меня окружает молодежь очень милая и добрая, но между ей и мной нет главного — прошедшего. Их идеалы не мои идеалы. То, что им кажется иногда очень хорошо, мне кажется отчаянно глупо, и они испытывают то же чувство в отношении ко мне, — и грустно жить в душевном одиночестве.²

Вы кончили, вероятно, роман Поля Бурже «Un Coeur de femme».^{а 3} Я таких сердец не понимаю. Женщина любит двух разом, одного за то, что не достает другому. Нет! Когда женщина любит, для нее другой не существует. — А что ваши записки?⁴ — Будет ли у вас гостить Полонский летом?⁵ Если будет — передайте ему мой сердечный привет. В прошлом году он начал печатать свои воспоминания в «Русском вестнике»;⁶ я надеялась, что он их про-

^а «Сердце женщины» (франц.).

должит, и потому только взяла на дачу несколько №, но продолжения нет, и их не заменила комедия Григоровича в январской книжке.⁷ Скучно, вяло, избито, совершенно бездарно. Я не могла ее прочесть до конца.

Дайте весточку о себе. Протягиваю вам руку из Парка в Курск.

С. Энгельгардт.

Передайте мой поклон Марье Петровне.

Год написания письма определяется по содержанию.

¹ «Странствованиями» С. Энгельгардт, вероятно, называет переезд из Москвы на лето в Воробьевку. В ответном письме Фет сообщал, что по дороге заезжал к Марье Петровной в Ясную Поляну к Толстым (письмо от 7 (19) июня 1891 г.).

² Видимо, жалоба С. Энгельгардт побудила Фета скоро ответить на ее письмо. Уже 7 (19) июня он пишет: «От души вдвойне благодарю Вас: за любезную память и внимание и за прекрасную жалобу, которая хотя и во мне возбудила поздние сожаления, но тем не менее возбудила мысли, за которые Вы, конечно, меня бранить будете. Конечно и я, подобно Вам, стремился к высоким красивым идеалам, и мы с Вами весьма счастливы, что наша юность выпала на те годы, когда русская жизнь на крыльях самых жарких поклонников идеала впервые воспарила в этот радужный мир, к которому, надеюсь, мы стремимся с Вами до сих пор. Утрата этих идеалов приводит к весьма печальному духовному мешанству. Но я не могу похвалить времени нашей молодости за ослепление несбыточной мечтою, будто можно руководствоваться в жизни этими идеалами» (*Фет. СПП. С. 400*). Давняя приятельница действительно откликнулась на эти слова, но не так, как ожидал Фет. «Вы напрасно полагаете, что я не соглашусь с вами. К сожалению, я поняла слишком поздно практическую сторону жизни, но, поняв ее, не рассталась с прежними идеалами, но идеалы современной молодежи не возбуждают во мне никакого сочувствия. Н<a>п<rимер>, любовь к человечеству вообще и к мужику в особенности, и никогда, однако, бедный русский мужик не нуждался в сердечном сочувствии, как теперь <...> Мы приняли с восторгом увольнение крестьян, могли ли мы думать, что оно приведет к таким грустным результатам?» (письмо от 8 (20) июля 1891 г. цит. по кн.: А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 226—227).

³ Отзыв Фета о романе Поля Бурже неизвестен, однако в письме к гр. А. В. Олсуфьеву от 7 (19) февраля 1892 г. содержатся такие строки: «Писать и переводить что-либо далее я совершенно неспособен и коротаю время за чтением лучших русских и французских романов» (*Фет. СПП. С. 415*).

⁴ В ответном письме Фет сообщал о продолжении работы над «Ранными годами моей жизни» (вышли посмертно в 1893 г.), которыми завершались его мемуары: «Продолжаю я понемногу диктовать свои воспоминания с детских лет до гвардейской службы. Это целое море, в котором разбираться трудно» (цит. по кн.: *Фет. СПП. С. 401*).

⁵ В ответном письме от 7 (19) июня 1891 г. Фет сообщал, что Полонские не будут гостить в это лето в Воробьевке.

⁶ Воспоминания Я. П. Полонского под названием «Старина и мое детство» печатались в «Русском вестнике» (1890. № 2, № 6; 1891. № 5). Другая часть воспоминаний, которые не были завершены, была опубликована уже после смерти поэта в литературных прибавлениях к журналу «Нива» (1898. № 12) под названием «Мои студенческие воспоминания».

⁷ В январской книжке «Русского вестника» за 1891 г. была напечатана комедия Д. В. Григоровича «Заноза». Об отношении С. Энгельгардт к Григоровичу см. письмо 107 и прим. 3 к нему.

Уточнение: В публикации II части писем С. Энгельгардт к А. А. Фету (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999) ошибочно указано, что Е. М. Долгорукая (1847—1922), с 1880 г. светлейшая княгиня Юрьевская, в замужестве носила фамилию Альбединская (с. 112 и с. 345 Указателя имен), в то время как А. С. Альбединская (урожд. Долгорукая, 1836—1913), тоже фаворитка Александра II — это другое лицо. За указание на ошибку благодарю С. Л. Жидкову.

ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА К П. Е. ЩЕГОЛЕВУ

Часть II. Одесса. Херсон. Одесса. Киев.¹
(1903—1904)

Публикация А. М. Грачевой

1903—1904 гг. — особый период в переписке Ремизова и Щеголева, время постоянного информационного обмена между адресатами, оказавшимися далеко друг от друга. 31 мая 1903 г. закончился срок пребывания А. М. Ремизова в ссылке, и он незамедлительно покинул Вологду. В его тетради — конволюте тематически и хронологически систематизированных писем — одной из немногих, уцелевших от расброшюровки в составе его доэмигрантского архива, сохранились ремизовские записи о «географии и хронологии» его существования в период запрещения проживания в столицах. На основании этих данных, а также его автокомментария к письмам к С. П. Ремизовой-Довгелло можно точно восстановить последовательность передвижений Ремизова в этот период: «1903 г. Вологда до 31 мая // Херсон до конца июня»,² Одесса до середины июля, Херсон до конца года, «1904 Херсон до 20 февраля // Николаев 20—21 февр<аля> // Елисаветград 21—22 -" // Одесса с 23 февр<аля> — 21 мая // [дата зачеркнута] Москва // [СПб.] СПб. // [1 сл. нрзб.] Вологда Москва // Киев 21 июня — 27 июля // с. Берестовец (Черниг<овской> губ<ернии>) 28 июля—13 авгу<ста> // Киев 13 августа—»,³ Петербург.

Если для Ремизова 1903—1904 гг. были годами странствий, то П. Е. Щеголев с конца 1902 г. жил в Петербурге. Он с блеском закончил Петербургский университет, но из-за революционного «прошлого» его надежды быть оставленным при университете, начать успешно строить академическую карьеру, тогда не осуществились.⁴ Щеголев продолжал научные исследования, но основной заработок ему давала журналистика. В 1903—1904 гг. он был помощником редактора журнала «Исторический вестник», печатал многочисленные историко-литературные статьи, публикации архивных материалов, рецензии и справки в этом издании, а также в «Вестнике и библиотеке самообразования», «Мире Божьем». Несмотря на то, что судьба развела бывших вологодских друзей, их взаимное интеллектуальное притяжение не ослабело. О продолжении интенсивного заочного диалога свидетельствуют частотность и само содержание писем Ремизова. Ответные письма не сохранились, что является необычным на фоне педантичности отношения Ремизова к сохранности документов.

Письма Ремизова к Щеголеву 1903—1904 гг. являются, прежде всего, одним из важных источников для изучения истории новаторских исканий русского театра начала XX в., проявившихся, в частности, в деятельности «Товарищества новой драмы» В. Э. Мейерхольда, и определения роли Ремизова в этом процессе.⁵ Первая встреча Ремизова и Мейерхольда состоялась весной 1897 г. в Пензе при передаче ссыльному студенту письма от брата Сергея, с которым будущий режиссер с 1896 г. учился в Филармоническом училище. Новых знакомых объединила любовь к театральному делу и литературе.⁶ В летние сезоны 1896—1897 гг. Мейерхольд играл в пензенском народном театре, вокруг которого группировалась революционно настроенная молодежь, в том числе и Ремизов. В «Иверне» писатель вспоминал: «Летом открылся народный театр. Театр — это мое. Я познакомился с актерами, больше было таких как я, любители. <...> Театр сделался для меня обстановкой. Я не пропускал ни одного спектакля».⁷ Ремизов вовлек Мейерхольда в деятельность своего революционного кружка. Много лет спустя он вспоминал в письме от 2 октября 1952 г. к Ю. Б. Елагину: «Наша встреча ему новое крещение: в его Гаршинское мой революционный „максимализм“ в „политике“, в литературе и театре».⁸ После раскрытия полицией «преступного сообщества», на следствии Ремизов сумел сохранить в тайне участие Мейерхольда.⁹ Позднее они встречались в Вологде, куда Всеволод приезжал вместе с Сергеем. Там же Мейерхольд познакомился со Щеголевым. Когда последний вернулся в Петербург, Ремизов послал ему подборку стихов своих знакомых, в основном вологодских ссыльных, для того, чтобы Щеголев помог их опубликовать. В их числе были и два стихотворения Мейерхольда:

«Н. Ф. Т<арховой>

*Не забывайте дикостей и
Знайте шуток не было!*

Надвигается с моря туман...
Дует ветер.... Потухли огни...
Город спит. И не спит лишь лиман,
Где толпится народ снаряжая ладьи.

Одинокому больно и скучно:
Радость встречи и ласк далека.
Одинокому мрачно и душно:
Больно жить. О, как боль велика!

Всеволод Мейерхольд
1901 весна
по пути в Пензу.

МЕДЛЕННЫЕ СТРОКИ

(*посвящ<ается> Н. Ф. Т<арховой>*)

Темная ночь... Огоньки над дорогой...
Вместе — не вместе, как прежде, они:
Каждая мысль его кажется ей так убогой,
Как убоги — безвластны, бессильны — огни,
Что томятся на небе безлунном.
Кто-то холодно молвил: «как дико... не ново...»
Где-то песнь прозвучала... Ни слова.

* * *

Страшная ночь. Он ушел навсегда,
Полный любви и безумства волнения,
А она... будет петь, вспоминать иногда,
Чуть смеясь его «позе» мучения,
Как смеялась другим, не любя никогда.
Где-то песнь простонала... Зачем?
Не она ли сказала: «Прощайте!»

Всеволод Мейерхольд (Артист)
душные, знойные дни
Лето 1901 (Пенза).¹⁰

Щеголеву не удалось опубликовать в целом беспомощные стихи своих товарищей, но их посылка бывшему собрату свидетельствует о том, что не только Ремизов, но и другие, волей или неволей оказавшиеся в провинции, видели в нем звено, связующее их со столичным литературным миром. В связи с вышесказанным далеко не случаен тот общеизвестный факт, что в 1903 г., перед окончанием срока ссылки Мейерхольд пригласил Ремизова на работу в свою драматическую антрепризу, прельстив его перспективой реального продвижения нового искусства на просторы России и получением приличного заработка.

На основании писем Ремизова к Щеголеву подробно восстанавливаются все этапы и перипетии его участия в предприятии Мейерхольда. Сохранилось несколько ремизовских самоопределений своей должности и функции в антрепризе. В начале 20-х гг. он вспоминал, что служил «у Вс. Эм. Мейерхольда в роде настройщика, только не струнные инструменты настраивать, а человек». Много я читал тогда пьес и мне читали.¹¹ Позднее, в 1950-е гг., он уточнил это определение, обозначив свою роль, как роль «настройщика с вывертом и наперекор».¹² Письма Ремизова к Щеголеву дают ценный материал для восстановления реальной функции Ремизова в «Товариществе новой драмы». Они полностью подтверждают и уточняют данные других, прямых и косвенных, источников. В частности, как показал анализ репертуара и откликов современников (это уже отмечалось исследователями театральной деятельности Мейерхольда¹³), Ремизов, при том, что его имя было упомянуто в списке состава труппы последним, после парикмахера,¹⁴ являлся, по сути, ее «идеологом», духовным собратом режиссера-новатора, формирующим ту часть репертуара, которая и оправдывала название, данное Мейерхольдом антрепризе в сезон 1903/1904 г. — «Товарищество *новой драмы*» (курсив мой. — А. Г.). В программном «Письме в редакцию» херсонской газеты «Юг» Мейерхольд так определил свою основную творческую задачу: «Не из барышей веду предприятие, не из выгоды, <...> публике <...>, которая чутко прислушивается к слезам и смеху представляемых лиц, к порывам и тоске души. Ей, только этой публике, я покажу театр Шекспира, Метерлинка, Пшибышевского и Стриндберга, и она не пойдет „искать“... искать „развлечений“».¹⁵ Одна из основных тем ремизовских писем к Щеголеву — постоянная забота о поиске и постановке на сцене пьес современных модернистов. Так, 1 октября 1903 г. он писал Щеголеву: «Репертуар, слишком ограниченный в „Дополнениях М<инистерства> В<нутренних> Д<ел>“, надо создавать свой» (письмо 42). Основная работа Ремизова состояла не только в нахождении пьес представителей «новой драмы», в сличении имеющихся переводов, но и, как правило, в «критике» текста и создании своих переводов. Письма к Щеголеву свидетельствуют об интенсивной переводческой деятельности Ремизова, в которую он активно вовлекал С. П. Ремизову-Довгелло. Именно она, как показывают письма, была тем человеком, который открыл Ремизову польских модернистов, прежде всего авторов круга

журнала «Химера». Примечательно, что для Ремизова, будущего знатока древнерусской литературы, как и для книжников XVII в., именно польская литература явилась во многом той «литературой-посредницей», через которую происходила аккумуляция нового эстетического языка. В письмах неоднократно упоминается наиболее значимое для Ремизова той поры имя Ст. Пшибышевского, оказавшего значительное влияние на художественную систему творчества начинающего писателя.

Как известно, наиболее значимым спектаклем сезона 1903/1904 гг., манифестирующим de facto новаторские принципы мейерхольдовской режиссуры стал «Снег» Ст. Пшибышевского, шедший в переводе С. и А. Ремизовых. В письмах к Щеголеву много места уделено судьбе этого спектакля, его значению как в театральном процессе, так и в творческой биографии самого Ремизова. При постановке спектакля Ремизов выступал не только как автор перевода, но и как «настройщик» актеров, т. е. отчасти как помощник режиссера. «На днях начнутся репетиции „Снега“, — писал он Щеголеву 31 октября 1903 г., — Придется очень много с артистами разговаривать. „Пол“ положительно. Затем игру. Везде одни прижимания. Если идет мужчина за женщиной (так в пьесе), так непременно за актом и т. д.» (письмо 45). Перед премьерой «Снега» в газете «Юг» появилась анонимная статья «Городской театр», раскрывающая смысл новой постановки для провинциального зрителя, слабо подготовленного к восприятию «новой драмы». На основе текстологического анализа ее удалось атрибутировать. Далее приводим текст этой статьи, впервые вводимый в научный оборот как неизвестный ранее текст А. Ремизова:

Сегодня на сцене городского театра будет поставлена драма С. Пшибышевского «Снег» в пер. С. и А. Ремизовых. Пшибышевский написал пять драм. Первые четыре: «Для счастья», «Золотое руно», «Мать» и драматический эпилוג «Гости», составляют один цикл под названием «Пляска любви и смерти». Это *la-bas* человечества, юдоль плача. // Новая драма «Снег» открывает второй цикл, противоположный первому, *la-haut*. // «Снег» — лучшая драма Пшибышевского, это какая-то симфоническая поэма; недаром отлилась она во время исполнения VI (Патетической) симфонии Чайковского. // По своему характеру она принадлежит к разряду символических. В современной литературе можно было бы указать, как параллель, на «Строителя Сольнеса» Ибсена. // Символическая драма, как один из главных побегов искусства, стремится к синтезу, к символу (соединению) от отдельного к целому. // В этом и вся идейность такой драмы, но, чтобы ее уловить и заметить, необходима аккомодация (приспособление) духовного зрения: мы так привыкли искать в искусстве воспроизведения жизни, новой ли, старой ли, ее смысла или бессмыслицы, цели и т.д., что попытку разбить стены повседневности и представить бьющуюся душу человеческую легко и проглатывать. А раз это просмотрено, такая драма теряет всякую ценность и смысл, и даже интерес. // Представляем вкратце реальный сюжет «Снега». // Тадеуш, художник, «созидающий», знал когда-то Еву, которая имела над ним огромную власть. То время для него было самым тяжелым, так как с любовью к Еве была неразлучна боль тоски о чем-то новом, о «новых мирах», и только ценою мучительнейшего перелома он освободился из-под этих чар. И тогда в Бронке, лучшей подруге Евы, нашел тихое счастье, и покой, и мир. Во время отлучки Тадеуша Бронка пригласила приехать Еву к ним погостить. Возвращается Тадеуш, видит Еву, и покой в его сердце умирает. Ева зовет его, он борется с ней, борется с собой, но тщетно. // В доме гостит также брат Тадеуша, Казимир, печальный, будто исполненный скорбного знания. Он точно все знает и только заранее старается смягчить последствия надвигающегося несчастья. // И оно грянуло. Бронка идет с Казимиром в прорубь.

Несколько перед этим Ева с Тадеушем уходят из дома, и в доме остается одна старая нянька, Макрина, — смерть... // Под такой внешностью раскинулась буйная, чисто экзотическая символика Пшибышевского. // Творчество, искусство — это великое томление духа, тоска о неведомом, неизведанном, тоска, разряжающаяся в мучительных вспышках созидания. // Ева — это творческая тоска Тадеуша. // Но наряду с таким горним течением в человеке есть и плоскостное, к миру, покою, к счастью. Тадеуш подавил свою тоску, так как захотел «снять боевой шлем и отереть пот с чела», захотел тихой пристани и убежища. // Это он нашел в Бронке. // Но не надолго, конечно. Поднялась «тоска по тоске», сила неудержимая, необоримая. // После страшной, но безуспешной борьбы он отдался ей, и она умчала его из тихой пристани «горы штурмовать, моря покорять, чтобы светом новых миров глаза напоить». // Тоска... // Тоска — это искусство. // Только она подымает к флюгеру башни «Строителя Сольнеса», разверзает глубины «Братьев Карамазовых» и рождает древних пророков. // Тоска — это «страшная красота, что превыше всякой красоты». ¹⁶ // Тоска — все творчество и вся сила Станислава Пшибышевского. // В этой пьесе сегодня выступает в первый раз после болезни В. Э. Мейерхольд». ¹⁷

Херсонская публика не поняла и не приняла модернистских новаций ни драматурга, ни режиссера. Как писал рецензент «Юга» де Линь, «на представлении „Снега“ публика шикала и свистала». ¹⁸ Со временем в письмах Ремизова к Щеголеву на первый план выходят тема утраты надежд на плодотворность сеяния семян нового искусства на провинциальной ниве, и тема все более углубляющегося человеческого разочарования в Мейерхольде. Последняя звучала уже в первых херсонских письмах Ремизова. «Пригласить-то Мейерхольд пригласил меня, — писал он Щеголеву 17 июля 1903 г., — да только в наитии, а когда оно прошло, стало даже неловко. Вы, может, пишет он, еще что-нибудь в виду имеете, так я и проч<ее>» (письмо 37). Одним из постоянных лейтмотивов писем становится тема бедности, недостаточности получаемого денежного вознаграждения, несоизмеримого со взваленной работой. Совокупность материальных и психологических обстоятельств привели Ремизова к решению оставить работу у Мейерхольда и искать каких-то иных путей.

Другой значимой темой переписки остаются так называемые «вологодские хвосты». Сообщения Ремизова Щеголеву о реакции на свою женитьбу, о рождении дочери Наташи, по сути, являются продолжением отстаивания своей жизненной позиции на фоне продолжающегося остракизма со стороны «наших» — понятия, включающего в себя как бывших революционных товарищей, так и семейные кланы Найденовых и Довгелло (в документах Серафимы Павловны фамилия стала писаться «Довгелло»). При этом характерно, что Ремизов продолжал видеть в Щеголеве близкого человека, чьим мнением он дорожил и чьею осуждения желал бы избежать. Подобная позиция разделялась и С. Ремизовой, продолжавшей в своих письмах-приписках сообщать Щеголеву свои сокровенные тревоги и чаяния. Примечательно, что после определенного охлаждения между обоими друзьями (см. вступительную статью к I-ой части переписки), Щеголев все же остался одним из ближайших конфиденентов Ремизова, сообщающего ему о своих не только литературных, но и личных делах.

Естественно, что основной темой писем Ремизова была его творческая деятельность. Теперь Щеголев выступал не только как советчик, первый читатель, редактор целого ряда произведений, но и как неустанный ходатай по литературным делам Ремизова, его полномочный представитель в переговорах с петербургскими и мос-

ковскими издателями. Именно ему Ремизов детально сообщал о текущей литературной работе, посылал все свои публикации в южнорусской периодике.

Из писем к Щеголеву раскрывается один из интересных фактов творческой и человеческой биографии Ремизова. В письме от 16 августа 1903 г. он радостно сообщил о своем «завоевании» местной газеты, первоначально сочувствовавшей труппе Мейерхольда: «Познакомился с газетой „Юг“, у нас издается. Намучился и натерпелся; все, что ни скажу — „декадентство и декадентство“. Посылаю напечатанное. Редакция кое-что исправила, применительно по вкусу своему. Русских выражений не понимают. Каждое слово по Далю, да Акад<емическому> Словарю сверяют. Над „Тоской“ Пшибыш<евского> хохотали... Одно хорошо — тон у всех приподнялся. Номер повеселел, подтянулись» (письмо 39). Однако после нескольких публикаций, произведения Ремизова исчезают со страниц этого периодического издания, с которым, казалось бы, у него установилась тесная деловая связь. Но зато почти в каждом номере газеты появляются публикации текстов Казимира Тышки (1875—1902, 21 марта) — молодого ссыльного, знакомого С. Довгелло по Сольвычегодску, влюбленного в нее и покончившего жизнь самоубийством. Серафима помогала ему в творческой работе над стихотворениями в прозе, ряд из которых был навеян ее образом. Это — характерные «декадентские» произведения, стилистически близкие Ст. Пшибышевскому. Они пронизаны мотивами скорби, тоски по невозможному счастью. Так в стихотворении в прозе «Осеннее» образ увядающего сада с облетающими листьями оборачивается символической метафорой — отражением лирического «я» автора: «Вы, верно, тоже видели, как оторвавшись от родимой ветки, летит кнзуча, кружась, в воздухе, медля и будто противясь, лист-одиночка? // Вы, может быть, когда все было тихо, даже смогли различить тихий звук, когда, долетев до земли, он, измученный, шлепнулся в грудку таких же листьев. // И, может быть, вы — нежный, добрый человек — вдруг ощутили себя родным природе, и вам стало грустно? // Я не прошусь в вашу душу, я лишь гляжу в свою...».¹⁹ В миниатюре «Requiem» лирический герой, как бы предчувствуя ранний конец земного существования, обращался к любимой: «Прости мне нищету души моей... // Ибо любовь твоя есть чайние света. Я сам создал ее, я сам собрал все искры моей мысли, всю теплоту моих чувств, я вдохнул в них всю мою волю. Но я скрыл, что больше у меня нет ничего, что я нищий. А ты поверила, что этот жалкий огонек есть занимающееся вечное пламя. // Прости: я обманул тебя. // Прости меня: я сам боюсь потемок моей души».²⁰ После самоубийства Тышки тетрадь с его произведениями осталась у Серафимы. Сохранение памяти о погибшем стало одной из констант духовной жизни не только ее, но и ее мужа. Издание сочинений Тышки отдельной книгой — одна из важных тем ремизовских писем Щеголеву (см. письмо 41). Этот замысел не осуществился, но Ремизов литературно отредактировал и напечатал почти все стихотворения Тышки в газете «Юг»,²¹ отодвинув на второй план публикацию собственных произведений, отказавшись от гонорара. См. его свидетельство в письме к Щеголеву: «Гонорара не получал, хотя алкал сильно (свидетельствует С<ерафима> П<авловна> — зубы трещали по вечерам)» (письмо 47). Для него это было не только выполнением некоего нравственного долга, но и одним из деяний, которые как бы подводили черту под «вологодскими хвостами».

Другим итогом начатого в Вологде было завершение работы над романом «Пруд» и борьба за его публикацию. Письма Щеголеву — важный источник для исследования творческой работы над романом. В данном случае корреспондент Ремизова выступал в роли заинтересованного свидетеля творческого процесса, литературного консультанта, редактора, критика и даже цензора создаваемого произведения. Особого внимания заслуживает отражение в письмах работы Ремизова над второй частью «Пруда», где автор обратился к изображению мира ссыльных. Касаясь этой, еще большой для себя темы, он прямо просил у Щеголева своеобразной «дру-

жеской цензуры»: «Во второй части мир ссыльных описываю. Впрочем, об этом не стоит, напишу, тогда..» (письмо 47); «Пруд II часть заканчиваю, пришло после 15 янв<аря> „Со страхом и трепетом“» (письмо 50); «Если найдете нетактичными какие-нибудь выражения в главе о ссыльных, вычеркните сами» (письмо 52); «Как 2-ая часть Вам пришлась?» (письмо 55); «очень благодарен, получил <...> письмо. Думаю, думаю и думаю, как переделать 2 ч<асть>» (письмо 59), «II ч<асть> „Пруда“ обдумываю, а которая у Вас отложите» (письмо 60); «А главу, где ссыльные описываются, думаю частью заменить многооточиями, — совсем уничтожить было бы нестройно и несправедливо» (письмо 63) и т. д.

Окончание работы над «Прудом» стало как бы претворенным в искусство концом «вологодской истории», очевидцем и участником которой был и Щеголев. Из анализа писем Ремизова можно также сделать вывод о том, что роман был не только выражением определенной мировоззренческой и эстетической концепции автора, но и своеобразным дневником писателя. Значительная работа над произведением велась в период службы Ремизова в «Товариществе новой драмы». В связи с этим в роман вошли теоретические размышления писателя над будущим театра,²² а в истории одного из его героев — ставшего актером Петра Огорельшева — в эстетически преображенном и «искривленном» виде преломились перипетии взаимоотношений Ремизова и Мейерхольда. Так, намеки на разочарование писателя в пригласившем его режиссере улавливаются в рассказанном Петром эпизоде из своей актерской жизни: «Я давно по театрам таскаюсь, скоро себе все нутро надорву, и везде одно и то же: вот в прошлом году поступил к приятелю, милей он милого, а то, что ты жрать хочешь и, не жрамши, играть не можешь, этого он никогда не поймет... не заметит, некогда ему, понимаешь... И сидишь так ночью после спектакля и думаешь, как это он там у себя ест, непременно почему-то думаешь, что ест, и кишки у тебя все переворачиваются, а от холода и тупой злобы дрожь трясет...»²³ Своеобразный «реальный комментарий» к этому рассказу можно найти в письмах Ремизова Щеголеву: «достать бы денег, да выписать Вас в Херсон недели на две. С „хозяйном“ поговорю, его еще нет, а скоро будет. Ждут его тут, как вельможу» (письмо 39); «Если удастся, нельзя ли схватить чего-нибудь, нуждаемся ужас» (письмо 43); «8 февраля получаю в конторе театра несчастные 20 целковых — после забору всего только осталось — и... А до сентября надо на что-нибудь жить» (письмо 53); «Живем — перебиваемся» (письмо 59); «С Мейерхольдом — темное дело. Если бы знать, что в Тифлисе не будет, само собой, в Петербург бы добились, а то вот и сиди тут» (письмо 66) и т. д.

Письма Ремизова к Щеголеву отражают процесс изменения его первоначальных представлений о своей роли в мейерхольдовском проекте по созданию нового театра. Херсонский сезон 1903/1904 г. остался единственным, который Ремизов прослужил у Мейерхольда. В Тифлис, на сезон 1904/1905 г., он с театром уже не поехал, сохранив некоторые обязательства по переводу пьес для будущих постановок «Товарищества». Настроения Ремизова подогревались письмами его приятеля, актера А. П. Зонова, который сообщал ему о состоянии дел мейерхольдовской антрепризы в разгар тифлисского сезона (середина ноября 1904 г.): «Если бы была хоть малейшая возможность, бросил бы с удовольствием пресловутую „Новую Драму“. Дело истухло, огня священного не видно, одна земля только чадиг и душно становится! Быть у Мейерхольда неприятно из личных целей. Надо, при моем характере, что-то случайное, что пробило бы брешь в этом „общем взгляде“. Если будет хоть малейшая возможность, уйду, жертвуя чем хочешь. <...> „Новая драма“ совсем не прививается».²⁴

Как известно, итогом ремизовского стремления концептуально обосновать намерения Мейерхольда создать театр нового типа была его статья «Товарищество новой драмы. Письмо из Херсона» (1904). В ней он дал аналитический обзор истории «Товарищества новой драмы», теоретических принципов его организаторов и

их реализации. При этом Ремизов особо остановился на постановке «Снега» Пшибышевского. Оценка сезона, который прошел на его глазах и при его непосредственном участии, была объективно-пессимистичной: «Театр — не забава и развлечение, театр не копия человеческого убожества, а театр — культ, обедня, в таинствах которой сокрыто, быть может, Искупление... О таком театре мечтает „Новая Драма“. <...> Сезон 1903—4 г. слишком бледно иллюстрирует начинания „Новой Драмы“. Болезнь Вс. Э. Мейерхольда и очень талантливого артиста с разноцветно-богатой душой А. П. Нелидова заставила на время отложить намеченные пьесы».²⁵ Для Ремизова херсонский эксперимент завершился, с одной стороны, вполне объяснимым разочарованием, но с другой, дал ему значительный опыт, который в дальнейшем был использован литератором в собственной драматургической практике — написании мистерий;²⁶ в создании новой, синтетической по жанровой природе, прозы; а также в театрализации своего бытия — в столь характерном для него жизнетворчестве, основанном на игре и смене разнообразных масок.²⁷

По нарастающей развертывается в письмах тема необходимости выбраться из провинции, где Ремизову не представлялось возможным найти литературный заработок. Несколько писем из Киева глухо свидетельствуют об одном из самых тяжелых моментов в его жизни. Их отзвук слышится в опубликованном ремизовском «Письме из Киева. Киевский художественно-промышленный и научный музей»: «Когда проходишь мимо знаменитых святынь города, испытываешь какое-то особенное чувство <...> с трепетом осматриваешься вокруг и стоишь бесконечно, обращенный к Началу и Первому... И вдруг проваливаешься в действительность. И бежал бы от нее, да не убежишь никуда».²⁸ Угнетенное психологическое состояние Ремизова той поры отразилось в романе «Часы», о работе над которым он сообщал Щеголеву в киевских посланиях. В это время Ремизов настойчиво искал пути для переезда в Петербург. Этой темой и завершается второй этап переписки. «В октябре, — сообщал Ремизов Щеголеву 8 ноября 1904 г., — подал прошение в Д<епартамент> П<олиции> о разрешении жить в Петербурге. Ответа еще нет <...> В Петербург не поеду — нет совсем денег, и нет надежды, чтобы они пришли» (письмо 67). Как известно, благодаря знакомым, и прежде всего, Н. А. Бердяеву, Ремизов получил место технического сотрудника в редакции петербургского журнала «Вопросы жизни» — продолжения журнала «Новый путь». Об этой представившейся возможности ему сообщил Г. Чулков в письме от 8 декабря 1904 г.: «Дорогой Алексей Михайлович! Ничего определенного в смысле заработка, кажется, не предвидится, но мне думается, что так или иначе рублей 40—50 можно будет заработать около „Нового пути“. Сейчас, на этих днях, нужен человек для экспедиции — это все-таки заработок: приезжайте поскорее в Петербург, а потом постараемся провести Ваш роман: вот уже на несколько месяцев материальная поддержка в размере 50—75 руб<лей> в месяц».²⁹ Ремизов откликнулся на это предложение, и с 1905 г. жил в Петербурге, где, несмотря на полную возможность личных контактов, продолжил эпистолярное общение со Щеголевым.

Подводя итоги этапу переписки 1903—1904 гг., можно сделать вывод о том, что Щеголев продолжал оставаться для Ремизова уникальным литературным авторитетом. Он, одновременно, был полностью компетентен в вопросах современной, и конкретно, модернистской литературы, и, в то же время, сохранял знания, память и живые связи с революционным «прошлым», которое еще играло значительную роль в мировосприятии Ремизова. Благодаря соединению столь разнородных факторов так велика роль Щеголева в начальном этапе литературного становления писателя.

Весь корпус писем Ремизова к Щеголеву состоит из 133 писем, охватывающих 1902—1921 гг. и хранящихся в фонде П. Е. Щеголева (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 1479—1610. 223 л.). Письма второго этапа переписки (л. 53—104) публикуются по автографам с сохранением индивидуальной авторской орфографии и пунктуации.

В отличие от предшествующих, они отличаются значительным разнообразием типов почерка и подписей автора. Последующие письма будут опубликованы в очередном выпуске «Ежегодника Рукописного отдела».

¹ Продолжение. Начало публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 121—177.

² Российская национальная библиотека, ф. 634, № 249, л. 11 (далее: РНБ).

³ Там же, л. 55.

⁴ См.: Емельянов Ю. Н. П. Е. Щеголев — историк русского революционного движения. М., 1990. С. 16—17.

⁵ Этой теме посвящена публикация монтажа отрывков из опубликованных и неопубликованных писем к Ремизову и самого Ремизова. См.: А. М. Ремизов и «Товарищество новой драмы». Из переписки А. М. Ремизова с В. Я. Брюсовым, О. Маделунгом, Вяч. И. Ивановым, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Г. И. Чулковым, А. П. Зоновым, М. А. Михайловым. 1903—1906 / Подгот. фрагментов писем Н. Панфиловой и Е. Обатиной; Сост. и коммент. Н. Панфиловой и О. Фельдмана // Театр. 1994. № 2. С. 104—117.

⁶ В архиве Щеголева сохранился один из ранних литературных опытов Мейерхольда — рассказ «Молчаливая ночь» — автограф, датированный «Декабрь, 1901. Москва» и подписанный инициалами — «Вс. М. (Всеволод Мейерхольд [раскрытие инициалов — рукой Ремизова. — А. Г.]»: «Они шли втроем. // Она — иззящая, как лань, задумчивая, как море в штиль, — и влюбленная. // С ней два влюбленных в нее юноши, один с надеждой на взаимность, другой влюбленный безнадежно... // Город вдали утопал в пыли и шуме колес, с каждой секундой стихавшем, и залитый светом луны был угрюм и казался не тем, чем он был. // Они шли втроем и молчали. // Она хотела быть с одним из них вдвоем, наедине, и поэтому чаще обращалась с коротким вопросом к другому. // Тогда молчанье прерывалось, но это было еще томительней для всех. // Потом они ложились на траву и любовались лунным светом, а на земле были пятна, белые, черные, белые, черные... Свет и тень... // Взаимно влюбленные лежали на темных пятнах, а тот, влюбленный безнадежно, был ярко освещен луной. // Возвращались они так же втроем, шли так же рядом, все в ряд, и так же молчали. И ей хотелось быть с одним из них вдвоем, наедине. // Потом они наткнулись на умиравшего котенка. И все остановилось. И никто не решился захватить его домой, потому что он был мокрый и голодный. // Когда они вернулись домой, то скоро, очень скоро юноши ушли, и тот, и другой. // Тогда она села на окно, долго смотрела вдаль и... тосковала. // Ей было жаль, что она не могла остаться с одним из них наедине, и умиравшего котенка стало жаль» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 20, л. 1—2).

⁷ Ремизов А. Иверень. Berkeley, 1986. С. 125.

⁸ Письма Ремизова к Ю. Б. Елагину // Елагин Ю. Темный гений. (Всеволод Мейерхольд). 2-е, доп. изд. London, 1982. С. 417.

⁹ Подробнее о совместном участии Ремизова и Мейерхольда в революционном движении см.: Волков Н. Д. Мейерхольд. Л.; М., 1929. Т. 1. С. 73—74; Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица. Биографический альманах. М.: СПб., 1993. Вып. 3. С. 430—431; Фельдман О. М., Панфилова Н. Н. Комментарий к тексту: Мейерхольд В. Биографические данные. 1921 // В. Э. Мейерхольд. Наследие. М., 1998. Т. 1. С. 55—58.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 69.

¹¹ Ремизов А. Крашенные рыла. Берлин, 1922. С. 22—23.

¹² Письма Ремизова к Ю. Б. Елагину // Елагин Ю. Темный гений. (Всеволод Мейерхольд). С. 417.

¹³ См.: Волков Н. Мейерхольд. Т. 1. С. 169; Елагин Ю. Темный гений. (Всеволод Мейерхольд). С. 86; Рудницкий К. Режиссер Мейерхольд. М., 1969. С. 35. При анализе этих исследований следует помнить, что два исследователя находились в живом контакте с обоими участниками образовавшегося союза (Волков — с Мейерхольдом, а Елагин — с Ремизовым), а третий во многом компилятивно повторил своих предшественников.

¹⁴ Юг. Херсон, 1903. 5 сент., № 1576. С. 1.

¹⁵ Юг. Херсон, 1903. 31 окт., № 1619. С. 3.

¹⁶ В это время Ремизов перерабатывал осуществленный И. Каляевым перевод стихотворения в прозе Ст. Пшибышевского «Тоска» (см. упоминания об этом в его

письме к Щеголеву № 39 и прим. 8 к данному письму). О своей работе над исправлением перевода он писал О. Маделунгу 9 сентября 1903 г.: «Изменил: вместо «великая, высочайшая» — «что превыше всякой красоты», затем «Сильнее ближе, страшнее».) После такого отзыва (Пшибышевского. — А. Г.) <...> я не решаюсь и <z>менять по переводу Ивана Платоновича» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисловие и прим. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976. С. 15). В архиве Маделунга сохранился первоначальный, до последних исправлений Ремизова, текст стихотворения «Тоска», заканчивающийся фразой: «Ты — страшная красота, великая, высочайшая — Тоска Ты» (Там же. Приложение 2. С. 80). Таким образом, в текст статьи была введена цитата из каляевского перевода «Тоски» в окончательной редакции Ремизова, что позволяет точно установить автора анонимной публикации в «Юге».

¹⁷ <Без подписи>. Городской театр // Юг. Херсон, 1903. 19 окт., № 1657. С. 2—3.

¹⁸ *Де Лиль*. Силуэты // Юг. Херсон, 1904. 18 янв., № 1678. С. 3.

¹⁹ *Казимир Т<ышка>*. Осеннее... // Юг. Херсон, 1903. 27 авг., № 1570. С. 3.

²⁰ *Казимир Т<ышка>*. Requiem // Юг. Херсон, 1903. 10 сент., № 1579. С. 2.

²¹ *Казимир Тышка*. Осеннее... // Юг. Херсон, 1903. 27 авг., № 1570. С. 2—3;

Идеал // Там же. 5 сент., № 1576. С. 2; Старик // Там же. 7 сент., № 1578. С. 2; Requiem // Там же. 10 сент., № 1579. С. 2; Синий огонек // Там же. 12 сент., № 1581. С. 2; Моя подруга // Там же. 14 сент., № 1583. С. 2; Сторожевые посты // Там же. 16 сент., № 1584. С. 3; Сердце // Там же. 20 сент., № 1588. С. 2; Червяк // Там же. 21 сент., № 1589. С. 3; Последнее слово // Там же. 26 сент., № 1593. С. 2—3; Шахматы // Там же. 28 сент., № 1594. С. 5; Lasciate speranza // Там же. 30 сент., № 1595. С. 2; Мгновенья // Там же. 4 окт., № 1598. С. 2; Затычка // Там же. 5 окт., № 1599. С. 2—3.

²² Ср. размышления героя романа «Пруд» Петра о назначении театра (Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 20—21) и текст статьи Ремизова «Товарищество новой драмы». Письмо из Херсона» (Весы. 1904. № 4. С. 36—37).

²³ *Ремизов А.* Пруд // Вопросы жизни. 1905. № 10—11. С. 24.

²⁴ РНБ, ф. 634, № 249, л. 86.

²⁵ Весы. 1904. № 4. С. 37.

²⁶ См. оценку его драматических опытов В. Мейерхольдом в статье «Русские драматурги» (1911): «Зачинатели Нового Театра пытаются прежде всего возродить ту или иную особенность одного из театров подлинно-театральных эпох. <...> *Алексей Ремизов* дает начало современной мистерии по образцу мистерий раннего средневековья» (*Мейерхольд В.* О театре. СПб., Б. д. С. 115).

²⁷ См., например: *Сиявский А.* Литературная маска Алексея Ремизова // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by Greta N. Slobin.* Columbus, 1987. P. 25—40; *Обатнина Е. Р.* «Обезьянья Великая и Вольная Палата» А. М. Ремизова: история литературной игры. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1998.

²⁸ Весы. 1905. № 2. С. 41.

²⁹ РНБ, ф. 634, № 249, л. 88.

36

18 июня (1 июля) 1903 г. Одесса

18 июня 1903.

Одесса.

Дорогой Павел Елисеевич!

Так к Вам, в Питер и не пришлось. Крутился по ковчегам,¹ а теперь вот в пути за каким-нибудь углом. Деньги выходят, а не приходят. Из Москвы больше выдавать отказались.² А эта еще не-жизненность моя: ухитряюсь тратить там, где всякий другой ни копейки не кинул бы.

У Брюсова — Брюсова не застал, разговаривал с m<adam>e. Отдал вновь переработанную «Sansar'yu».³ Послал в «Гриф» стихо-

творения в прозе: «Кровь», «Набат»,⁴ и др. Из «Нов<ого> Пути» прислали обратно «Лето белое», просят «пореальнее»⁵ чего-нибудь. А «По весне северной», видно, не напечатает «Сев<ерный> Край».⁶

Полагался на «Науч<ное> Обозрен<ие>», а теперь и не знаю, что с моим злосчастным Jerusalem'ом⁷ станет?

И Мейерхольд, как в воду канул.⁸

Так все под гору катится.

Даже пиджак подменили с короткими рукавами, жульнический.

Как устрою где, напишу.

Всего Вам хорошего.

А. Ремизов.

¹ Ковчег — ремизовское название квартир московских родственников. См. авторскую атрибуцию места написания в письмах № 11—24.

² Речь идет о прекращении выдачи небольшого денежного пособия, получаемого Ремизовым от родственников в период ссылки. См. комментарий Ремизова к своим, относящимся к тому времени, письмам жене: «Не было со стороны никакой помощи. <...> о себе скажу: 18 ноября 1897 г. — роковой для меня день. <...> Я был, как вычеркнут, а имя мое произносилось, как позорное. Я сохранил связь с матерью и братьями. Но старший брат, когда-то из всех привязанный ко мне, был на стороне старших. Обращаться к нему за помощью было бесполезно» (А. Ремизов. На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. Д'Амелия // *Europa orientalis*. 1987. № 6. С. 238—239. Далее цитируется в тексте: *А. Ремизов. На вечерней заре. II*, с указанием страницы).

³ О попытках О. Маделунга и А. Ремизова опубликовать рассказ «Сансара» см.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста и прим. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976. С. 14. Текст рассказа опубликован там же: Приложение 1. С. 72—78.

⁴ В альманахах «Гриф» указанные произведения Ремизова опубликованы не были.

⁵ См. прим. 2 к п. 34.

⁶ *Ремизов А.* По весне северной // Северный край. 1903. 17 сент., № 244. С. 2—3.

⁷ См. прим. 2 к п. 26.

⁸ См. письмо Ремизова к С. П. Довгелло от 19 июня 1903 г. о своем приезде в Херсон: «Приезжаю в „Лондонскую“, спрашиваю, где Мейерхольд? Оказывается в Москву уехал [В Херсоне театр Мейерхольда «Товарищество Новой Драмы», я и выбрал Херсон поступить в театр]» (На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. Антонеллы Д'Амелия // *Europa orientalis*. 1985. № 4. С. 172. Здесь и далее в квадратных скобках помещен поздний автокомментарий Ремизова. В дальнейшем цитируется: *А. Ремизов. На вечерней заре. I*, с указанием страницы).

37

17 (30) июля 1903 г. Херсон

17 июля 1903.

Херсон.

Гостиница Лондонская.

Дорогой Павел Елисеевич!

Думал, думал написать Вам, и давно уж, да останавливался... Даже на Петра и Павла не вспомнил явно как-нибудь. Еще в Вологде, в самые последние дни, изобразил Некролог¹ Вам, но по-

слать не решился: чего-то ждал и очень себя мучил. Как только начнется театральная жизнь, пришло. В качестве «заведующего репертуаром»² жалование буду получать очень маленькое, и досадно, что «Н<аучное> О<бозрение>» это лопнуло. А почему маленькое? Понимаете ли, пригласить-то Мейерхольд пригласил меня, да только в наитии, а когда оно прошло, стало даже неловко. Вы, может, пишет он, еще что-нибудь в виду имеете, так я и проч<ее>. Вроде «Малки»³ история. Уж месяц, как живу в гостинице. Перебираюсь из одного номера в другой: сначала поместился в хорошем с балконом в олеандрах и видом на Днепр, потом акация заменила олеандры, теперь перед глазами конюшня.

Вот театр придет, утешаю себя, и все поправится.

А какое над головой небо, какие тут красивые люди, какие душистые фрукты, думаешь иногда: взял бы вот...

А что «вот», и сам не знаешь. То же и песни, и эта толкучая жизнь, под вечер выпадающая на улицы, и нежная луна из глубокой сини ночи, как обнаженное тело женщины из бархата, и самый воздух...

А там, думаешь, синие сумерки и желтые листья и взор красоты холодной, там осень идет.

И так вдруг полюбишь ту осень, зажмуришься и ждешь...

Пообделал I часть «Отродья»,⁴ собираюсь прислать Вам, как перепишу. А Вы тогда скажете: может, можно печатать и самостоятельно от второй.

И кавычки, и стручки, опять же и яйца не войдут.

Написал ряд картинок: «Сотворение мира», «Кикимора», «Бубыля», «Икёта», «Заклинание Ветра» под общим названием «Мир зырянский».⁵ Пришло раньше, а куда их, пообсудите, написаны неразмеренным стихом.

Павел Елисевич, только давайте по совести. Не знаю, как и выразаться, когда задумаюсь о том, что часто-часто без слов думаю.

А. Ремизов.

¹ См. свидетельства работы над шуточным «некрологом» в письмах Ремизова к С. П. Довгелло от 28 июня 1903 г.: «Напала на меня тревога. Начал уж переписывать „некролог“ П. Е. Щеголеву [мои шуточные „некрологи“ в Вологде отъезжающим]» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 176) и от 29 июня того же года: «Переделал и переписал „некролог“ П. Е. Щеголеву (Там же. С. 177). Текст „некролога“ (беловой автограф — РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 3. № 270) опубли. Е. Р. Обатниной: Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 186—191.

² Ср. письмо Ремизова С. П. Довгелло от 28 июня 1903 г.: «Получил открытку от Мейерхольда: обещает написать подробно. Мне в голову пришло: мое предположавшееся „заведование репертуаром“ не мимолетная ли это вспышка доброго желания? Пожалуй, так оно и будет» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 176).

³ Возможно, Ремизов имеет в виду сюжетные коллизии популярной на юге и юго-западе России комедии Габриэли Запольской «Малка Шварценкопф», героине которой — бедной образованной девушке Малке — делаются различные обманчивые предложения. Ср. также изложение содержания письма Мейерхольда Ремизову в его письме С. П. Довгелло от 7 июля 1903 г.: «Письмо от Вс<еволода> Мейерхольда. Придет в середине августа. Все письмо около фразы: „Хоть вы и будете не удовлетворены материально, но раз вам все равно, где жить, более одухотворенной работы не найдете“. I) Участие мое в театре: заведывать репертуаром и художествен-

ной стороной его; II) „Я боюсь, что поехав в Херсон, вы ждете большей обеспеченности в материальном отношении“ и т. д. очень много на этот счет. <...> В письме очень много приветливости, что стоит не дорого» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 183—184).

⁴ Имеется в виду роман «Пруд».

⁵ Ср. «хронику» хода работы над циклом в письмах Ремизова С. П. Довгелло от 23 июня 1903 г.: «Написал: „Омель и Ен“, „Бубыля“. Все это под общим „Зырянский мир“. Если все будет по-хорошему, напишу „Кикимора“ и „Икёта“» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 173—174), от 24 июня: «Закончил „Зырянский мир“. Получилась раскладная картина: 1) Омель и Ен, 2) Полезница, 3) Бубыля, 4) Икёта, 5) Кикимора, 6) Кутья-войсы (исправлено), 7) Закливание ветра, 8) Ошья-моска (исправлено)» (Там же. С. 174) и в письме от 25 июня: «Целый день переписывал „Зырянский мир“, ждет вас, чтобы поехать к Брюсову» (Там же. С. 175).

38

27 июля (9 августа) 1903 г. Херсон

1903, 27 июль, Херсон.

С 4 августа адрес:

Ганибаловская ул.,
Новый дом Бенович,
кв. Гескис

Дорогой Павел Елисеевич!

- 1) «Мир зырянский», найдете его годным, предложите куда-нибудь; в «Н<овый> П<уть>» попробуйте.¹
- 2) из «Н<аучного> О<бозрения>» прислали уведомление:² «не можем ничего сказать о переводе». Возьмите его себе вместе с книгой, может, найдется кто-нибудь и напечатает.
- 3) от Богдановича получил письмо:³ пишет, не надо присылать «В плену» — вымучено и т. д. (я ему послал объяснения с ссылкой на Горького).
- 4) Посылаю листки из Черныш<евского> примечаний к Милю и фельетон из «Юга» очень еврейский.⁴
- 5) Наконец Некролог.

Фразу «Ремизов — Свин — чали»⁵ считаю сомнителн<ой>. Если Вы и говорили так, правду говорю Вам: есть у меня что-то к Вам Такое..., и это и все гораздо большее, если б сделали, тонет.

Всего хорошего, пишете,
Не забывайте

А. Ремизов.

¹ Публикация цикла в «Новом Пути» не состоялась. «Омель и Ен», «Полезница», «Кутья-Войса», «Икёта», «Кикимора» опубл. в альм. «Северные цветы» (М., 1905, № 4).

² Речь идет о ремизовском переводе книги В. Иерузалема «Функция суждения». См. также прим. 2 к п. 26 и прим. 8 к п. 48.

³ См. письмо А. Богдановича Ремизову от 8 июля 1903 г.: «Милостивый государь. Алексей Михайлович! Я хорошо помню Вашу повесть „В плену“, и не думаю, чтобы ее можно было переделать. Для нас она не подходит. Н. А. Бердяев верно передал мое мнение. Может быть, я ошибаюсь, но то, что Вы хотели передать, не вышло, а то, что получилось, именно производит впечатление приподня-

тости и неясности, чего-то истеричного, отрывистого и надуманного, деланного. Поэтому едва ли нужно пересылать рукопись еще раз. Примите уверения в совершенном уважении. А. Богданович» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 24—24 об.). Ср. также письмо Ремизова С. П. Довгелло от 30 июня 1903 г.: «Опять ничего не писал. Впрочем, письмо к Ангелу Ив<ановичу> Богдановичу [„Мир Божий“] мое объяснение на его отзыв о „Плене“. Взбрело же написать [„В плену“ напечатан в сборн<ике> „Проталины“, СПб. 1907])» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 178). Ср. также письмо Ремизова к ней же от 13 июля: «Письмо от Ан<гела> И<вановича> Богдановича, „Мир Божий“, пишет, присылать «В плену» не надо; он понимает, что я хотел выразить, но мне этого не удалось, я не сумел. Получил этот отзыв, я задумался: да не в правду это так? Очень было мучительно сознавать эту правду. И потом с какой-то ненавистью к самому себе — к своему — набросился на бумагу и писал вот до полночи» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 187). Об отзыве М. Горького см. прим. 8 к п. 2 и прим. 1 к п. 3.

⁴ Очевидно, имеются в виду выписки Ремизова из исследования Н. Г. Чернышевского «Очерки политической экономии (по Миллю)» (1861) (Современник. 1861. Т. 87, № 6. С. 477—548). В архиве Щеголева имеется вырезка: *Рабинович Я.* Ночные картинки. Перевод с древнееврейского для «Юга» М. М. // Юг. Херсон, 1903. 29 июня, № 1523. С. 3 (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 67).

⁵ Фраза из шуточного «некролога» Щеголеву. Е. Р. Обатнина считает, что эта фраза связана с трениями, возникшими между Ремизовым и Щеголевым по поводу вологодской истории борьбы за судьбу С. П. Довгелло (см.: Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1995 год. С. 192).

39

16 (29) августа 1903 г. Херсон

16 авгу<ста> 1903 Херсон,
Ганибаловская, Новый дом Бенович,
Фотография Гескис.

Дорогой Павел Елисеевич!

Приснился мне некий сон.

К дому, где живу теперь, подходит поезд. Оказывается, должен уезжать, покидать сплошную декадентскую «открытку» и ехать на Военный форштадт. Выхожу будто уж на платформу, а вагоны битком набиты музыкантами. Заиграли из «Пиков<ой> Дамы», слушаю и разливаю, плачу.

Только в разгар самой горечи вижу по запасным рельсам катит диковинка: величайший темно-зеленый с полосами арбуз, а из него Ваша голова торчит. — Алексей, слышался голос Сергея,¹ глухой и старый, точно миллионы верст прошел он, тьмы веков пронзил.

Ну, вон в руку, — письмо от Вас.² Что-то в нем горькое. Я уж задумался: достать бы денег, да выписать Вас в Херсон недели на две. С «хозяином» поговорю, его еще нет, а скоро будет. Ждут его тут, как вельможа. А Вам бы и польза могла быть: Потемкинский музей³ тут и богатая литература и в рукописях и так имеется. Предполагает Вс<еволод> Эм<ильевич> вечера устраивать: памяти Бодлэра, По, Скитальца (!), Телешёва, Андреева, Метерлинка, Пшибышевского, Горького, Д'Аннунцио, Юшкевича, Брюсова.⁴ Н-ну, а Вы

гастролер. Я ему наговорю, надо мол, дело это на ногу поставить, без специалиста никоим образом невозможно.

Моя работа сведется, кажется, к чтению пьес и к их разборке к постановке. Предчувствую, что скорее буду играть роль свиньи, т. е. всякую дрянь тебе предоставят. Предчувствую, и вознаграждение понизится, дай Бог, до 25 руб.

Поправил перев<од> Мейерх<ольда> «Перед восход<ом> солнца»,⁵ разрешенный драматической цензурой.

Свой перевод «Снега» (Пшибышевского) отошло на неделе в Гл<авное> Упр<авление> по Де<лам> Печати для той же цели.⁶

Познакомился с газетой «Юг», у нас издается. Намучился и на-терпелся; все, что ни скажу — «декадентство и декадентство». По-сылаю напечатанное.⁷ Редакция кое-где исправила, применительно по вкусу своему. Русских выражений не понимают. Каждое слово по Далю, да Акад<емическому> Словарю сверяют. Над «Гоской» Пшибыш<евского> хохотали...⁸ Одно хорошо — тон у всех приподнялся. Нумер повеселел, подтянулся. Не своим лепесткам⁹ приписываю эту перемену, а «великой брани», с которой, не удержавшись, вступил с сотрудниками и редактором.

Научну переписывать I част<ь> «Огорел<ышевского> Отродья». Набросал поэму «Иуда» для «Се<верных> Цвет<ов>».¹⁰ Мелькает еще одно большое.

Пообещал только что, и фантазия разыгралась. Как только начнется сезон, почти уверен, придет на ваше имя депеша и перевод денежный. На первый вечер Э. По постараюсь дос<та>ть музык<альные> пьесы на его произв<едения>, если таковые имеются, написать крит<ико>-биограф<ический> очерк и т. д.

«Зырянский мир» в «Н<овом> П<ути>» не был. Им бы следовало принять — «духовное». А если ничего не выйдет, придется сократить до того «Зырянского сборника»,¹¹ о котором, кажется, писал.

Научила меня С<ерафима> П<авловна> по-польски переводить. Брюсов обещает отдать мне перевод «Стих<отворений> в прозе».¹²

Да, П<авел> Е<лисеевич>, много-много мытарств пришлось пройти за это время. Впереди — темь, сон-то в руку на один пункт, кабы и на другой не сбылся. Не пришлось бы на Военный форштадт перебираться.

Всего Вам хорошего.

А. Р.

¹ Имеется в виду С. М. Ремизов.

² Письмо Щеголева не сохранилось.

³ Имеется в виду Городской музей древностей Херсонского края.

⁴ Устройство вечеров «нового искусства» было одним из проявлений изменения в направлении театральных поисков Мейерхольда. Так, одним из наиболее симптоматичных явлений сезвастопольского сезона стал «Вечер „Нового искусства“» (18 мая 1903 г.), в программу которого вошли показ «Последних масок» А. Шницлера, «Втируши» М. Метерлинка, а также чтение Вс. Мейерхольдом и И. Певцовым стихотворений Э. По и К. Бальмонта (подробнее см.: Мейерхольд В. Э. Наследие / Сост. и коммент. О. М. Фельдмана и др. М., 1998. Т. 1. С. 645, 648—650). Ср. также письмо Ремизова Брюсову от 18 августа 1903 г.: «Поступил к Мейерхольду в театр пьесы подбирать для репертуара. Думает он день в неделю посвящать оди-

ноким: ставить старого Метерлинка, Пшибышевского, устраивать вечера памяти По, Болдэра. Что из этого выйдет — не знаю» (*Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 163). Ср. также ответное августовское письмо Брюсова: «Дело Ваше в Херсоне всеконечно безнадежно. Из По, Болдэра, Метерлинка здесь ничего не выйдет, ибо это уже не Вологда и еще не Париж» (Там же. С. 165).

⁵ *Гауптман Г.* До восхода солнца / Пер. В. Э. Мейерхольда. М., 1903. Рукописный цензурный экземпляр пьесы см.: Петербургская театральная библиотека. № 19693; дозволено: 1903 г. О том, что при работе над своими переводами Мейерхольд неоднократно пользовался подобной «помощью» нуждавшегося Ремизова, см., например, свидетельство в письме последнего жене от 16 июня 1904 г.: «Письмо от Мейерхольда. Предлагает поправить и переписать ему перевод какой-то драмы. Напишу, чтобы прислал мне, тогда и скажу, сколько.<...> Письмо Мейерхольда сохраняю: любопытно» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 260).

⁶ *Пшибышевский С.* Снег / Перевод С. и А. Ремизовых (цензурный экземпляр пьесы: автограф А. Ремизова — Петербургская театральная библиотека, № 19778; дозволено цензурой: 16 апреля 1903 г.). Изд.: *Пшибышевский С.* Снег / Пер. Серафимы Ремизовой и Алексея Ремизова; Издание театральной библиотеки В. А. Соколовой. М., 1903. Премьера пьесы «Снег» состоялась 19 декабря. См. рекламное объявление: «Городской театр. // „Товарищество новой драмы“ // Дирекция Вс. Э. Мейерхольда. II-й год деятельности. // В пятницу, 19 декабря 1903 г., в первый раз на русской сцене новая драма Станислава Пшибышевского, перевод А. и С. Ремизовых. «СНЕГ» в 4 действиях. // Участвуют: Н. А. Будкевич, В. Э. Мейерхорльд, Е. М. Мунт, О. П. Нарбекова, И. Н. Певцов, В. А. Рокотов. Начало в 8 часов вечера» (Юг. Херсон, 1903. 19 дек., № 1657. С. 1). См. вступ. статью к данной публикации, а также: *Мейерхольд В. Э.* Статьи, письма, речи, беседы. М., 1968. Т. 2. С. 595.

⁷ Ремизов имеет в виду свои произведения, опубликованные в газете «Юг»: Памяти Шопена. Стихотворение в прозе С. Пшибышевского / Пер. Алексея Ремизова // Юг. Херсон, 1903. 9 авг., № 1555. С. 2—3; Чайка (Стихотворение в прозе) // Там же. 1903. 12 авг., № 1558. С. 3; Лепесток. Стихотворение в прозе // Там же. 1903. 14 авг., № 1560. С. 3. См. также вступ. статью к данной публикации. Ремизов посылал Щеголеву газетные вырезки публикаций данных произведений (см.: РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 75).

⁸ Речь идет о переработанном Ремизовым переводе И. Каляева — стихотворении Пшибышевского «Тоска» («Teşknota»). Ср. письмо Ремизова В. Брюсову от 6 августа 1903 г.: «Посылаю перевод „Тоски“ (Teşknota), исходивший многие редакции и возвращенный со смехом» (*Брюсов В. А.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 161. О дальнейшей судьбе перевода см. прим. 3 к этому письму). Перевод был известен Пшибышевскому. О его высокой оценке польским литератором см. в письме Ремизова О. Маделунгу от 9 сентября 1903 г.: «Не в похвальбу, а в правду: Пшибышевский<евский> находит перевод моей Тоски таким, о котором он „не мог подумать, не мог погрезить“. Он „ужаснулся родственности“, „Крови, крови“. (Изменил: вместо „великая, высочайшая“ — „что превыше всякой красоты“, затем „Сильнее ближе, страшнее“). После такого отзыва, часть которого переадаю Вам, я не решаюсь и<з>менять по переводу Ивана Платоновича» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 14—15. См. там же упомянутый перевод Каляева в обработке Ремизова, опубликованный по автографу Ремизова из архива Маделунга — Приложение 2. С. 79—80). См. также вступительную статью к данной публикации.

⁹ См. прим. 7 к данному письму.

¹⁰ О начале работы над поэмой «Иуда» см. письмо Ремизова С. Довгелло от 26 июня 1903 г.: «Взялся за „Иуду“ <...> Вчитываюсь в евангелие, чтобы изобразить „рамку“» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 175). О намерении опубликовать ее в альм. «Северные Цветы» см. письмо В. Иванова В. Брюсову от 26/13 ноября 1904 г.: «Отчего ты не упомянул в объявлении о „Северных цветах“ поэмы Ремизова („Иуда“)? Он мне читал ее; вещь оказалась замечательной. Жаль, если отвергнута» (*Брюсов В. Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 466). Поэма Ремизова была опубликована в альм. «Воздетые руки» (М., 1908).

¹¹ «Зырянский сборник» — сборника под таким названием обнаружить не удалось.

¹² Речь идет о переводе «Стихотворений в прозе» Шибишевского по изд.: *Przybyszewski S. Poezye proza. Warszawa, 1902.* Беловой автограф: «Поэмы в прозе». Ст. Шибишевского. Перевод с польского [Ремизова А. М. и Ремизовой С. П.] (Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ), ф. 420, оп. 1, № 42). В письме Щеголеву — отклик Ремизова на послание к нему Брюсова, датированное серединой августа 1903 г.: «Ваш перевод „Тоски“ и „Стихотворений в прозе“ может пойти в нашем издании, но лишь в 3-ем томе, т. е. не скоро» (*Брюсов В.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 162. См. там же письмо 16 и прим. 1 к п. 16).

40

Вторая половина августа 1903 г.¹ Херсон

Перевод С<ерафимы> П<авловны> — первый,² за ним пойдут лучшие. Хочу попытаться по разным ветвям газетным на юге и на севере.

Живет у нас Днипрова Чайка (m<adam>e Василевская),³ стихи про «хмары», да про «хвили» пишет, скоро пойду к ней. А Сергей, что перевод Jerusalem'a опять застрял в бирже, на «будущий год» думает. — — — — —

Дорогой Павел Елисеевич!⁴

Приезжайте к нам в гости, так хочется с Вами повидаться. А фруктов здесь столько — если б Вы знали! А от меня все поотрекались, опозорила своих,⁵ что вместо потомственной дворянки стала личною гражданкой. Столько было ужасов по этому поводу, — трудно даже говорить. Совсем от меня отказались. А, знаете, Павел Елисеевич, Ал<ексей> Мих<айлович> никакой моей индивидуальности не подавляет — это сушая правда.

Ну, всего Вам лучшего, приезжайте! ладно?

С<ерафима>.

Херсон⁶ остался вне круга. Толки одни были. У нас город, надо отдать справедливость, очень глупый. Сужу по гуляньям в потемкинском парке. А как-никак ритм жизни выше Вологодского.

1) Н<иколай> А<лександрович> мне не пишет, знаю, уехал за границу.⁷ Между прочим, читал он в Киеве реферат на какую-то философско-восклицательную тему вроде «Пойдем за каким-то Х<ристом>», и случилось так, что всю его аудиторию переписали. Растолстел, говорят и подурнел. Тотчас поехал учиться.

2) В<ера> Г<ригорьевна>⁸ — само собой —.—.⁹

3) В Херсоне пробуду I сезон, потом, наверно, в Севастополь, потом в Екатерин<ослав>, потом в Одессу на зиму. Одним словом — путешествие с труппой.¹⁰

¹ Датируется по содержанию.

² Данное письмо было сопроводительным при посылке Щеголеву газетной вырезки: *Франко Иван.* Хмельницкий и колдун / Пер. с малороссийского для «Юга» Серафимы Ремизовой // Юг. Херсон, 1903. 10 авг., № 1557. С. 5—6. Текст вырезки см.: РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 76, л. 2.

³ Василевская Людмила Алексеевна (1861—1927) — украинская писательница (псевдоним — «Дніпрова Чайка»). Примечательно точное совпадение ремизовской характеристики тематики ее творчества с текстом его письма В. Брюсову от 18 августа 1903 г.: «Город прежде всего глупый, потом косный. Стихов не любят, даже самых доступных про „хвыло“ и про „хмару“, которые распевают здешняя поэтесса „Дніпрова Чайка“» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 163).

⁴ Далее текст рукой С. П. Ремизовой.

⁵ Отражение многосторонней отрицательной реакции на женитьбу С. П. и А. М. Ремизовых. Семья дворянки Довгелло (Довкгелло) отнеслась к ее браку с купеческим сыном Ремизовым, как к мезальянсу. См. завуалированное отражение подобного отношения в записках внука — Б. Б. Бунич-Ремизова: «...родные Серафимы Павловны относились к Алексею Михайловичу достаточно критически.<...> Семья Довкгелло совершенно не понимала Алексея Михайловича — писателя и человека» (Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 265—266). Ср. запись Ремизова: «Берестовец — весь род и родственники Довгелло — были против замужества С. П. Я представлялся им чем-то — да и допустить нельзя было, чтобы я вошел в их дом» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 239). Отрицательно был воспринят этот брак и другими «своими» — недавними революционными товарищами и прежде всего кругом Б. Савинкова. См.: А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 264.

⁶ Далее текст рукой А. Ремизова.

⁷ Со 2 июня по 25 августа 1903 г. Н. А. Бердяев находился за границей. Сначала он слушал лекции В. Виндельбанда в Гейдельбергском университете, далее был в Швейцарии, где участвовал в политических совещаниях марксистских организаций, и, наконец, в Мюнхене. Подробнее о содержании его летней поездки см.: Александр Вадимов [Цветков А. Р.] Жизнь Бердяева. Россия. Berkeley, 1993. С. 61—63.

⁸ В. Г. Тучапская.

⁹ Имеется в виду: не пишет.

¹⁰ Херсонский сезон 1903—1904 г., в котором Ремизов непосредственно участвовал в работе труппы Мейерхольда, закончился 8 февраля спектаклем по пьесе В. Шекспира «Сон в летнюю ночь». 16—22 февраля 1904 г. «Товарищество» гастролировало в Николаеве. По свидетельству самого Ремизова: «Херсонским сезоном и кончилось мое театральное. В Николаев я ездил, а в Тифлис отказался. И начинается наша одесская страда» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 237).

41

8 (21) сентября 1903 г. Херсон

8 сентябр<я>. 1903.

Херсон.

Дорогой Павел Елисеевич.

Посылаю перевод С<ерафимы> П<авловны> «Смерть».¹ А еще посылаю перевод «Ворона».² Приобщите к истории. Это — не всегда бывает. Н. Ф. Филиппов, напоминающий немного И<вана> Плат<оновича>³ по облику, трудолюбив, как муравейная пчела. Это мой начальник в некотором роде.

Занимаюсь в театре: от 9 ч<асов> ут<ра> до 12 ч<асов> хожу на почту, в банке от 12 ч<асов>—3 ч<аса> сижу в режиссерской, выдаю книги, — читаю «Прав<ительственный> Вест<ник>» о разреш<енных> изданиях; с 3—6 — корреспонденция (в будущем корректура — (ошибок — ошибок сею, как мухи точки)) от 6 ч<асов>—7 «доклад» на дому, от 7—8, так себе, находится дело. Вознаграждение 20-ого, не знаю, сколько.

П<авел> Е<лисеевич>, напишите легенький эскизик об Эдгаре По (биография, лицо), отдайте в цензуру, потом пришлите сюда, отправлю Попеч<ителю> Одес<ского> Округ<а>. Размер небольшой. Вышлю Вам 50 руб. — приезжайте. Предполагает<ся> 1 вечер с вами.⁴ Когда все будет готово телеграфом дам знать. Вас будут просить прочитать «Ворона» и «Колоколы».

Между прочим, может херсонцы «потребуяют» биссировать «Ворона» в переводе Филиппова, так это на ваше усмотрение.

Зонов⁶ — в труппе. Играет в «Золотом Руно» «Неизвестного».⁷

А какая есть актриса, вот посмотрите. Не одной нотки без тревоги, точно кипят в горле тьмы криков, прорвутся вот и театр рухнет.

Хрупкая, как бабочка.

Пушок на губе.

А суровая — ужас.

«Зырян<ский> мир» в «Н<овый> П<уть>», а то пришлите мне.

«Огорел<ышевское> отрод<ье>» I ч<асть> кончил, за 5 переписку берусь, очень скоро готово будет — тотчас вышлю.

Всего вам хорош<его>.

А. Ремизов.

Что Вы не пишете, П<авел> Е<лисеевич>? Клянюсь Вам.

П<авел> Е<лисеевич>, вышлите переписанное Тышки,⁸ если Вам нужно оно будет, я вам в скором времени возвращу (приписка Ремизова красными чернилами наискосок справа текста письма. — А. Г.).

¹ Стефаник Василь. Смерть / Пер. с малороссийского для «Юга» Серафимы Ремизовой // Юг. Херсон, 1903. 29 авг., № 1572. С. 2—3. Ремизов послал Щеголеву вырезку с текстом перевода (см.: РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 76, л. 1).

² По Э. Ворон / Пер. для «Юга» Н. Филиппова // Юг. Херсон, 1903. 3 сент., № 1574. С. 2. Вырезка с текстом перевода Филиппова сохранилась в архиве Щеголева (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 66).

³ Имеется в виду И. П. Каляев.

⁴ См. прим. 4 к п. 39. Ср. также письмо Ремизова Брюсову от 25 октября 1903 г.: «Ожидая П. Е. Щеголева на вечер По. Бесподобно он изображает Ворона и Колокола» (*Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым*. С. 168). Вечер, посвященный Э. По, с участием Щеголева, не состоялся.

⁶ Зонов Аркадий Павлович (1875—1922) — актер и режиссер, один из постоянных близких друзей Ремизова. Вместе с Мейерхольдом учился в Музыкально-драматическом училище, играл в Художественном театре, Товариществе новой драмы, Театр-студии и Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской. См. об истории знакомства с ним в книге А. Ремизова «Кукха»: «Давнишнее знакомство и верная дружба связывала нас с Зоновым. Я познакомился с ним, когда он и Мейерхольд учились в Филармонии. Я был выслан в Пензу и тайком приехал в Москву — приютили меня Зонов и Мейерхольд. Мейерхольд — пензенский. На лето он приехал в Пензу и с ним Зонов. Играть в Народном Театре. Народный Театр был центром рабочих собраний. Меня выслали в Усть-Сысольск. Из Усть-Сысольска мне удалось пробраться в Вологду. <...> И в Вологду приезжали ко мне и Мейерхольд и Зонов. А когда кончилась ссылка, я поехал в Херсон и поступил в театр к Мейерхольду. Там же был и Зонов» (*Ремизов А. Кукха*. Берлин, 1923. С. 40—41). Зонов находился в постоянном дружеском контакте и переписке с Ремизовым. См. вступит. статью к данной публикации.

⁷ Премьера пьесы Ст. Пшибышевского «Золотое Руно» состоялась 24 октября 1904 г. Аналитический обзор рецензий на премьеру см.: *Мейерхольд В. Э. Наследие*. I. С. 554.

⁸ Тышка Казимир Людвигович (?—21.03.1902) — ссыльный, знакомый С. Довгелло во время ее пребывания в ссылке в Сольвычегодске, тогда же покончил там жизнь самоубийством. История их взаимоотношений рассказана Ремизовым в книге «В розовом блеске», где оба выведены под псевдонимами (К. Тышка — «Заруцкий», С. Довгелло — «Оля»): «Его я знаю по портретам и рукописям — тетрадь с рассказами. Заруцкий поляк из Ломжи, тонкие черты — печать духа и культуры. Учился в Дерпте. По-польски начал писать еще студентом, стало быть, с тюрьмой лет пять и с год по-русски — для Оли. Почерк мелкий убористый — латинский без усов. Литерическая проза <...> И для Заруцкого и для Оводова Оля — все. Это были два ее рыцаря, которым Оля могла все доверить и быть уверенной в их любви. Только Оля это не так понимала, как ее рыцари. <...> Заруцкий отравился <...> Смерть Заруцкого потрясла душу: Оля обвиняла себя <...> Но в чем она могла упрекнуть себя, и все-таки все произошло из-за нее» (Ремизов А. В розовом блеске. М., 1990. С. 635). После смерти К. Тышки его творческие рукописи остались у С. Довгелло, и впоследствии осуществление их публикации стало нравственным долгом Ремизова. Подробнее см. вступительную статью к данной публикации. См. также позднюю запись Ремизова: «Казимир Людвигович Тышка (похоронен в Сольвычегодске). О нем особенная память: человек тончайшей души и одаренный; моя мечта: то немногое, что осталось, — „рассказы“ — издать отдельной книгой с портретом; какое прекрасное лицо!» (Ремизов А. Иверень. Berkeley, 1986. С. 248). Примечательно, что Ремизов, не будучи лично знаком с Тышкой, тем не менее, включил его в длинный список своих реальных друзей и знакомых по ссылке (Ремизов А. «Иверень», глава «Имена»). Альбом переписанных произведений и фотографий Тышки входил в состав наиболее важной части личного архива С. и А. Ремизовых, — тех немногочисленных документов, которые были ими вывезены из России в 1921 г. Ныне хранится в Париже в собрании Резниковых.

42

1 (14) октября 1903 г. Херсон

1 октября 1903.

Дорогой Павел Елисеевич!

Не слышно о Вас ничего. Переписал еще раз I часть «Пруда» («Огорел<ышевское> отродье») и готов послать Вам,¹ но подожду Вашего согласия и адреса теперешнего.

Жизнь установилась. Всякую «рассылку» и беготню с меня сняли. Составили Г<лавное> У<правление> по Д<елам> П<ечати> и Р<усское> Т<еатральное> О<бщество>. Получаю 40 р.

Теперь можно и о репертуаре подумать. На днях идет «Строитель Сольнес», потом «Кредиторы», а скоро и «Смерть Тантажиля»² (так! — А. Г.).

Репертуар, слишком ограниченный в «Дополнениях М<инистерства> В<нутренних> Д<ел>», надо создавать свой. Но это осуществимо не сразу. Те пьесы, которые одиноки, не разрешены, потому что никто никогда о них не запрашивал.

На очер<ед>и «Жизнь есть сон» и «Брант» с «Свыше нашей силы».³ Через месяц придется переправиться в Николаев. Сборы хорошие, но интриги жидовские. Легче Вам попасть тогда будет. Устройте, что просил, о Эд<гаре> По. Вам ведь это ничего не стоит.

Мучаюсь за фразу в одном из писем к Вам. Хорошо понимаю, что переводы не заполняют души С<ерафимы> П<авловны>, для

меня, как и для нее — «на досуге». А то выходит из моей фразы, Бог знает, что.

Кланяется Вс<еволод> Э<мильевич>, А<ркадий> П<авлович> Зонов, С<ерафима> П<авловна>.

Вчера закапывал муху и блоху.

Джинжеру тут нет.

Хочу Вас снова попросить: не отдадите ли «Мир зырянск<ий> в «Н<овый> П<уть>».

Послал в «Правду» стихотворен<ие> «В старом доме»,¹ отказали.

Пришлите рукописи Тышки, если надо вам, возвращу обратно.

П<авел> Е<лисеевич>, пришлите налож<енным> платеж<ом> на

Херсон, театр,

Вс. Э. Мейерхольду

бутылку Джинжера.

¹ Ср. продолжение сюжета с отсылкой в письме Ремизова О. Маделунгу от 12 октября 1903 г.: «„Пруд“ (Отролье) 1 часть отослал в Питер» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 16).

² Рассуждения Ремизова о репертуаре «Товарищества новой драмы» отражают скорее теоретические планы пропагандистов «новой драмы», чем реальные будни существования антрепризы Мейерхольда. Так, согласно данным ежедневной рекламы спектаклей «Товарищества новой драмы» в газете «Юг», в октябре 1903 г. ни пьесы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892), ни «Кредитор» А. Стриндберга (1889) не было в составе текущего репертуара труппы. Не были они поставлены и до конца Херсонского сезона 1903—1904 гг. Аналогично вышесказанному, и постановка драмы М. Метерлинка «Смерть Тентажиля» (1894) в переводе А. Ремизова не была осуществлена в 1903 г. Сохранился цензурный экземпляр пьесы — автограф Ремизова (Петербургская театральная библиотека, № 20116; дозволено: 1904). О дальнейшей сценической судьбе перевода Ремизова см.: *Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. Прим. 6 к п. 20.

³ Пьесы Кальдерона де ла Барка «Жизнь есть сон» (1631—1632, изд. 1636), Г. Ибсена «Брант» (1866), Б. Бьерсона «Свыше нашей силы» (1883) не вошли в репертуар херсонского сезона 1903—1904 г.

⁴ Публикация не состоялась. См. письмо В. Кожевникова Ремизову от 19 сентября 1903 г.: «Из перечисленных Вами иностранных произведений Вы едва ли выбрали самое удачное для перевода. Что касается Вашего стихотворения „В старом доме“, то я не думаю его печатать. Дать Вам ответ принципиальный на основании Вами присланного я затрудняюсь. Просил бы продолжать присылать материалы для просмотра и суждения о Вашей пригодности для моего журнала. „Снег“ для меня уже переводят в Петербурге, раньше Вашего письма» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 31).

43

17 (30) октября—21 октября (4 ноября) 1903 г. Херсон

Херсон, 17 окт<ября> 1903.

Дорогой Павел Елисеевич!

пошлю I ч<асть> «Пруда»; II-ую не раньше, как в феврале. Сейчас «Иудой» занимаюсь, потом отделаю рассказ «Пожар»¹ для «С<еверных> Ц<ветов>».

Относительно Э. По:

Вам надо написать очерк (нарисовать лицо и указать место в литературе). Очерк краткий на 1/2 часа чтения. Послать цензору (может, есть какие ходы, чтобы поскорее разрешил). Потом очерк разрешенный пришлите в Херсон. Он пойдет в Одессу. Там он пролежит всего несколько дней. Как только придет, шлю Вам телеграмму, можете ли приехать. Положим, отвечаете да. Тогда высылаю денег на дорогу (2 класс с водкой).

По всей вероятности, в одну из суббот появляется афиша

ПАМЯТИ
ЭДГАРА ПО

Вы входите на эстраду и читаете этот самый очерк, потом Вы читаете «Колок<олы>» и, конечно, «Ворона» и 2—3 рассказа. В заключение пьем джиджер и вдребезги пьяные разносимся по домам. Павел Елисеевич, не знаете ли, нет ли какой-нибудь музыки на По. Если узнаете, присылайте наложенным платежом на театр.

С очерком хорошо бы поскорей. Больно хочется вашего хохота послушать.

Кланяется Серафима Павловна.
(Переводы, которые получили,
исправлены редактором «Юга»,
малороссом.)

А. Ремизов.

21 октября.

Со страхом и трепетом посылаю.

Если найдете возможным предложить напечатать одну I-ую часть, хотелось бы, чтобы не обозначали цифрами главы, а начинали каждую главу с новой страницы с 1/3 (в начале каждой главы красным крестиком обозначено место страницы, с которой желал бы видеть начало, в скобках ставлю цифрами главы).

Все эти линии и цифры — нехорошо, безжизненно, несмотря на видимую жизнь.

Со страхом и трепетом посылаю.

2-ая часть — в тюрьме, в ссылке и опять в Москве.

Пруд засыпают, дом разрушают (флигель).

2 образа женских.

Кланяются А. П. Зонов и Мейерхольд очень ждут вас.

Вышлите наложенным платежом издание экспедиции заготовления Государственных бумаг «Песнь о вещем Олеге» на театр.

Если удастся, нельзя ли схватить чего-нибудь, нуждаемся ужас — жить не умеем.

¹ Публикация рассказа «Пожар» в «Северных Цветах» не состоялась. Опубл.: Золотое Руно. 1906. № 4.

² Приписка Ремизова справа на полях письма.

³ Пушкин А. С. Песнь о вещем Олеге / Рисунки, заставки и заглавные буквы В. М. Васнецова; Изд. исполнено в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Пб., [1899]. 6 с.

25 октября (7 ноября) 1903 г. Херсон

Херсон, 25 ок<тябрь> 1903.

Дорогой Павел Елисеевич!

Посылаю «Иуду».¹

Послал его в «С<еверные> Ц<веты> (Брюсову).² Если найдете нетвердым его, можно и назад взять.

Ну, прежде всего, идет пари: приедете ли Вы или нет. Я с головой утверждаю, что да. Скажите по правде, прав я? Кажется мне, что 60 верст в случае остановки Днепра Вы легко сделаете на паре гнедых.

Деньги на дорогу исходатайствую тогда, не медля. Стало быть, дело за очерком об Э. По. И вообще хорошо бы навеять програм-му вечера.

Из «Труда» получилось в теат<ральной> библиот<еке> на 50 руб. книг, теперь поступило мне указание «приостановить».

А библиотека будет хорошая. Ничего путного не поставили еще. Палками бить надо.

Из цензуры разрешили: «Жизнь есть сон», «Тайна души».³

Ожидаю «Гостей» (пришлось переводить самому с указаниями С<ерафимы> П<авловны>,⁴ перевод в «Н<?>. В<?>» и «В<?>. Т<?>» как помнится — бледная немочь⁵), «Снега», «Смерть Тантажиля», «Бранта». П<авел> Е<лисеевич>, что же вы Джинже-ру не высылаете.

Не пил с Вологды.

Объявился Соля,⁶ сегодня письмо получил. Хронику не забыл, она у меня в кусочках.⁷

Аминь.

А. Ремизов.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

¹ В архиве Щеголева сохранился ремизовский автограф поэмы «Иуда» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 70, 21 л.). Оpubл. в кн.: Ремизов А. Чортов лог и полуношное солнце. СПб., 1908. С. 295—312. О начале работы Ремизова над поэмой см. его письмо к О. Маделунгу от 12 октября 1903 г.: «За „Иуду“ принимаюсь» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 16).

² См. письмо Ремизова Брюсову от 25 октября 1903 г.: «Посылаю „Иуду“. Найдете его достойным „Сев<ерных> Цвет<ов>“, — очень рад буду» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 167).

³ В Петербургской театральной библиотеке имеются цензурные экземпляры: Метерлинк М. Тайна души / Пер. и предисл. А. С. Суворина. СПб., [1895]. 39 с. (Дешевая библиотека; № 20) — (№ 23835, 89937). Цензурного экземпляра пьесы Кальдерона де ла Барка «Жизнь есть сон» (пер. с исп. К. Бальмонта) выявить не удалось.

⁴ Пишбышевский С. Гости. Драматический эпилог в 1 акте / Пер. С. и А. Ремизовых. Автограф Ремизова — цензурный экземпляр (Петербургская театральная библиотека, № 52332; дозволено: 1903 г.).

⁵ Названия периодических изданий указаны неточно, что затрудняет поиск указанных переводов. См.: Пишбышевский С. Гости / Пер. А. Даманской // Вестник иностранной литературы. 1901. Кн. 10. С. 77—88.

⁶ Имеется в виду получение от С. Л. Сегалю ответа на письмо Ремизова от 5 октября 1903 г.: «Здравствуйте, дорогой Соломон Леонтьевич, здравствуйте! // Экая, ведь напасть на вас: хватя, и лошади разбили. // Женился, совершенно верно. С<ерафима> П<авловна> Вам и А<нна> Я<ковлевне> и Кате и Кане и Исе и И<осифу> Я<ковлевичу> и В<ере> Я<ковлевне> и Рахили и Моисею и Я<кову> М. — всем, как и я, низко кланяется. С 20 августа состою при театре. Занятия мои сводятся к „сношениям“ с авторами, „Рус<ским> Т<еатральным> Общ<еством>“. В 12 ч<асов> прихожу, в 1 ухожу в кухмистерскую, в 2 прихожу и 1/2 3 иду домой. // Получаю 40 рублей серебром. // Кроме того, на мне лежит разговор по поводу пьес и неперменное присутствие в совете режиссеров. // Из назначенного в Проспекте репертуара вы увидите, что есть пьесы, в которых (смею думать) без [1 слово нрзб.] моего носа немислимы на сцене. Кроме написанных там, готовятся: „Бранд“ (Ибсена), „Жизнь есть сон“ (Кальдерона), „Кредиторы“, „Маргит“, „Вне закона“ (Стриндберга). А эти пьески ой-ой-ой! // „Снег“ и „Гости“ (Шибышевс<кого>) пойдут в переводе Серафимы Ремизовой и Алек<сея> Ремиз<ова>. // По всей вероятности, скоро передем в Николаев. 8 февраля я выхожу из „режиссерской“ и живу в Севастополе, а в мае в Италию. Вот и план жизни. А на будущий год в Ростове буду. // В 6-ой раз переписал „Пруд“ („Огорельшевск<ое> отродье“). 1 часть я намерен на днях отослать в Питер. Для „С<еверных> Ц<ветов>“ готовлю „Иуду“ (поэма), в Грифе печатают „Неизгладимое“, „Молитву“ (стихи), и „Пожар“ (расказ). // Скоро выйдет преинтересная книга с моим „предисловием“, которую немедленно вышлю Вам с некоторой просьбой. // Посылаю, что удостоено печати в здешнем „Юге“. Не признают. // Ну, Соломон Леонтьевич, наболтал я вам, Бог весть, сколько. Простите старого грешника. Куда и что? А. Ремизов (Государственный литературный музей (далее: ГЛМ), ф. 156, ОФ 6453/1—14, л. 2—3).

⁷ Имеется в виду роман «Часы». Опубл.: Ремизов А. Часы: Роман. СПб., 1908.

45

31 октября (13 ноября) 1903 г. Херсон

31 окт<ября> 1903.

Херсон.

Дорогой Павел Елисеевич!

можно и так: напишите и пришлите, а мы тут к «попечителю» в Одессу перешлем.

Есть в театре актриса Н. Г. Егорова; Егорова по сцене, а в действительности Ее Превосходительство г-жа Кожевникова (жена умерш<его> доктора), сын коей В. А. Кожевников¹ задумал издавать в Москве «Правду».

Я к Егоровой: так и так мол. Хорошо, говорят, напишу. Написала. Послал я в «Правду» «Госку», пер<евод> из С. Шибышевского, и свое стихотворение «В старом доме». Пришли обратно. Пишет,² рассказов надо.

Вот и все мое знакомство с «Правдой».

Прочитал Брюсова:³ мучает меня одна вещь в современных писателях «не глыбко мыряют» (так! — А. Г.), за плечами ничего, ровно ничего не чувствуешь. Не знаю, совпадает ли это с Вашими взглядами, но хорошо бы в критике отметить: мало могил, над которыми бы душа плакала, — мучительных отрицаний когда-то любимого. Если плачут, будто веселятся. В слезах беспросветности не чувствуешь. Легкость, легкость, легкость. Все ищешь, на чем бы остановиться и запомнить, как запоминается «Ворон», «Неизглади-

мое», «Тоска» (Шибишевского). Только у Бальмонта,⁴ единственного в к<нигоиздательств>е «Скорпион» звучит долгая страшная нота из корней сердца, а остальные «играют в игры любовные».

На днях начнутся репетиции «Снега».

Придется очень много с артистами разговаривать. «Пол» положительно. Затем игру. Везде одни прижимания. Если идет мужчина за женщиной (так в пьесе), так непременно за актом и т. д.

«Принцессу Малэн» едва ли успеют поставить. Намечены: «Втируша», «Смерть Тантажиля», «Тайна души».⁵

Драму писать, Павел Елисеевич, ...нападает на меня такой часто рефлекс, так издеваюсь над собой, что, пожалуй, куда уж драму, письма не напишу.

С<ерафима> П<авловна> посылает Вам поклон, ждет Вас с нетерпением. У нее пьянино есть. «Одного не доставало», как и у вас тпр. тпр....

Есть у меня один проект, о котором напишу пообдумав. Потом, знаете, П<авел> Е<лисеевич>, (не обижайтесь), когда Вы будете в Херсоне можно будет ухватить малую толику у жены Мейерхольда,⁶ — «антрепренерша» — «Яга», ну, все, что хотите. Понимаете, ухватим и кончено. Больно охота ее за нос крутнуть.

Павел⁷ Елисеевич, приезжайте, ждем Вас крепко. Тут не хорошо, вот увидите, т<ак> к<ак> кругом, хуже Вологды.

Обрацил⁸ «Джинжер» в одной гостинице, стоит он тут 6 руб. бутылка и называется «Кинжир».

Вс<еволод> Э<мильевич> нагрел. С А. П. Зоновым попили.

Замечаете⁹ Вы, что Ал<ексей> Мих<айлович> без ошибок пишет?

¹ Кожевников Владимир Александрович (1867—1931) — инженер путей сообщения. На собственные средства издавал литературно-художественный и общественный журнал «Правда» (М., 1904—1906).

² См. письмо В. А. Кожевникова Ремизову от 26 октября 1903 г., полученное в ответ на присланные переводы: «Предлагаемые Вами сочинения Шибишевского „Гости“ и „Synowie ziemi“ могут, несомненно, иметь известный интерес для читателей „Правды“. Но несравненно интересней была бы Ваша оригинальная беллетристика, в коей, как я слышал, Вы уже далеко не начинающий. Почему Вы не присылаете мне Ваших рассказов? Если „Гости“ могут быть присланы на просмотр, то не откажите это сделать. Согласно желания Вашего возвращаю Вам „Тоску“ и „Стар<ый> дом“» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 32).

³ Имеется в виду: Брюсов В. Urbi et Orbi. М., 1903. Об отношении Ремизова к этой книге см.: Переписка В. Я. Брюсова с А. М. Ремизовым. С. 169 (прим. 3 к п. 22).

⁴ Высокая оценка Ремизова относится к книге К. Бальмонта «Только любовь. Семиветник» (М., 1903). Литературный контекст данного письма Ремизова к Щеголеву поясняет и дополняет его письмо к С. Л. Сегалю от 2 ноября 1903 г.: «Дорогой Соломон Леонтьевич! <...> Обещанное немного задержится, отказываются, к<урицыны> дети, отказываются, говорят, работы много, придется Иверскую поднимать, за П<авла> Е<лисеевича> хвататься. Вышли интересные книги: В<а>л. Брюсов „Urbi et orbi“, К. Бальмонт „Только любовь“. Хотя я и не парикмахер, но должность моя голоштанная. Устроил бы стачку, да с самим собой невозможно. Пьесы, написанные в проспекте, пойдут все, кроме них с каждым днем прибывает вновь по капельке. Ганзен прислал мне свой перевод др<амы> Стриндберга „Отец“. „Снег“, теперь разрешен драм<атической> цензурой, пойдет на той неделе, затем будет издан М. А. Соколовой, прошу ее поторопиться. „Гости“ напечатают в журнале „Правда“, кроме них в „Правде“ же пойдет новый роман С. Шибишевского

„Дети Земли“ в пер<евод> Серафимы Ремизовой» (ГЛМ, ф. 156, ОФ 6453/1—14, л. 4). Об интересе Щеголева к творчеству Бальмонта свидетельствует его рецензия на книгу К. Д. Бальмонта «Горные вершины. Сб. статей» (М., 1904. Кн. 1). См.: Исторический вестник. 1904. № 9. С. 1035—1036; подпись: Щ.

⁵ В период херсонского сезона пьесы М. Метерлинка «Принцесса Мален» и «Втируша» (1890) не входили в состав репертуара «Товарищества новой драмы». Сохранилось издание «Втируши» (Артист. 1893. № 28) — экземпляр дирекции С. Кошеверова и Вс. Мейерхольда (Херсон, 1902) с пометами Мейерхольда (Частное собрание) — экспонировалось на выставке (см. № 74 в каталоге: «Всеволод Эмильевич Мейерхольд. Юбилейная выставка к столетию со дня рождения. 1874—1974. Каталог. М., 1976. С. 26). «Втируша» была переведена Ремизовым для Херсонского сезона (см. цензурный экземпляр — Петербургская театральная библиотека, № 22798; дозволено: 28 декабря 1904 г.). См. также прим. 2 к п. 42 и прим. 3 к п. 44.

⁶ Имеется в виду О. М. Мейерхольд. См. прим. 9 к п. 8.

⁷ Приписка рукой С. П. Ремизовой.

⁸ Далее текст рукой А. М. Ремизова.

⁹ Приписка рукой С. П. Ремизовой.

46

6 (19) ноября 1903 г. Херсон

6 ноября 1903.

Херсон.

Витовская ул.,
д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.¹

Дорогой Павел Елисеевич!

оказывается, у Одесского попечителя может рукопись пролежать долго.

Нет ли у Вас ходов к нему через академию?

Очень хотелось бы поскорее, до остановки Днепра.

А тут заготавливается встреча, ревностное участие принимает Тотеш,² Ваш знакомый по Пет<ербургскому> университету, высланный в один и тот же год с Вами. У его дяди винный погреб, есть отменно выдержанные, старые вина. Тотеш стоит во главе одной из самых важных херсонских торговых фирм. Затевается ряд мистификаций.

Лично мне очень, очень надо встретиться с Вами.

Есть ряд проектов, в которых Вы — большой голос.

Не буду расписывать, одним словом чем скорее приедете, тем лучше. Постараюсь с антрепренера содрать побольше на дорогу Вам, а потом и еще ухватим.

Кланяется Тот<еш>, С<ерафима> Павловна.

А. Ремизов.

¹ Квартира семьи художника, поэта, одного из теоретиков русского футуризма Д. Д. Бурлюка (1882—1967). См. позднее упоминание Ремизова: «С Бурлюками знакомство у нас старинное: мы жили с ними под одним кровом, и Людмилой Д. Бурлюк-Кузнецовой у С. П. многолетняя дружба» (Ремизов А. Кукха. С. 77).

² Тотеш Илья Аронович — сын херсонского коммерсанта, один из приятелей Ремизова, принимавший активное участие в его розыгрышах и мистификациях. Об

обстоятельствах их знакомства см. в книге Ремизова «Встречи»: «После Вологды я поступил в театр к Мейерхольду, и жили мы в Херсоне. Тотеш — херсонский, первый суконный магазин, отец его, если не голова, то во всяком случае, один из столпов города, имя известное. В провинции театр приманка. Так мы познакомились с Тотешем, и он часто бывал у нас» (Ремизов А. Встречи. Paris. [1981]. С. 199). Знакомство продолжалось до революции 1917 г. (см.: письма И. А. Тотеша к А. М. Ремизову: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 209. 3 лл.). К 1917 г. относится одна из последних мистификаций обоих друзей — ремизовское представление Тотеша петербургским литературным кругам под именем не говорящего по-русски «турецкого поэта Фуад Намыки» (см.: Ремизов А. М. Встречи. С. 199—202). См. также самооценку Ремизова своей тяги к мистификациям в письме к жене от 27 июня 1904 г.: «Вычерпан переводами. Сидел бы с тобой и разговаривал: так на мелькающее в голове или рассказывал бы — „сочинял“, а ты — я вдруг увидал бы — лукаво улыбнулась, клычек показала, что означает, я далеко зашел — в „невероятность“. [Я всегда любил сочинять самые неправдоподобные истории, к сожалению, это так мало отразилось в написанном мною: в моих рассказах „боль и скорбь“, а не эта всеелость — изустная]» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 273). Склонность Ремизова к розыгрышам неоднократно отмечалась писавшими о нем мемуаристами, хотя оценка подобной черты природы была далеко не однозначна. См., например, воспоминания хорошо знавшего Ремизова Г. Чулкова: «А. М. Ремизов вечно кого-нибудь мистифицировал, вечно выдумывал невероятные истории, интриговал ради интриги, шутил и ловко умел извлекать из людей и обстоятельств все, что ему нужно, прикидываясь иногда казанскою сиротой. Хитрец порою любил пошалить, как школьник, — любил подшутить над простецом. <...> Но должен признаться, что я не очень верил в веселость этого лукавого чудака. И от всех его шуток веяло на меня тоскою. <...> И я никогда не ждал добра от этого надрывного подпольного смеха» (Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 170—171).

47

8 (21) ноября 1903 г. Херсон

8 ноября 1903.

Херсон.

Витовская,

д. Бунцельмана,

кв. Бурлюк.

Дорогой Павел Елисеевич!

получил отзывы о «Пруде» и «Иуде».¹ Спасибо за внимание.

Как думаете, если собрать стихи² и объединить их под заголовком «Опьяняющая жажда»? В этот сборник шли бы: «В плену», «Демон», «Иуда», «Полунощное солнце» (Мир зырянский); откроет эпиграф из Бодлера³ на франц<узском> языке<е>.

Скажи, волшебница, отверженцев ты любишь?

Винной совести страшат тебя черты?

Неизгладимое простить способна ль ты?

Скажи, волшебница, отверженцев ты любишь?

и «Колыбельная песня», напечатанная с «Бebкой». Занимаюсь 2-ой частью и вот этим объединением. Или сами увидите здесь (а выписать, предполагаю, можно вас и без По, буду подзуживать Мейерхольда) или, когда закончу Вам вышлю. А Вы не смейтесь, пусть это пока мечты.

Теперь насчет Requiem,⁴ который у Вас на столе.

Напечатаны были в «Юге» за подписью Казимир Т. (редактор «Юга» побоялся выставить полностью фамилию), в конце ставлю № «Юга» в случае для цензора. Гонорара не получал, хотя алкал сильно (свидетельствует С<ерафима> П<авловна> — зубы трещали по вечерам).

Отрывки объединены по музыкальному принципу «Трио» Чайковского (памяти великого артиста), так мне представлялось, когда в памяти звучит эта музыка.

Requiem отрываю от А. Ремизова, — хорошо бы Вам это написать или лицу с равным авторитетом, чтобы не обвинили меня Бог знает в чем.⁵

Рукописи у Вас имеются, — слышал, увидите, что некоторые сильно переделаны, некоторые из намека целиком написаны «Сторож<евые> посты». Может, можно напечатать в «М<ире> Б<ожем>» в таком порядке.

Может, отдать «Грифу», портрет вышлю, у Вас там и в Моск<в>е сделают, позабыл это слово, сцинкографируют, кажется. Из рукописей у Вас не имеется № 13 (Requiem) и «Сердца»,⁶ хранились у С<ерафимы> П<авловны>. С ними возни много было.

«Мгновенья» составил из кусочков.

Если остановитесь на «Грифе», уведомьте; тогда Вы пошлете туда Requiem с своим письмом, а я в свою очередь напишу. Хорошо бы предварительно напечатать в «М<ире> Б<ожем>». П<авел> Е<лисеевич>, гонорар берите. Думаю нет вины взять его; может, для журнала об этом не следует говорить.

Во⁷ 2-ой части мир ссыльных описываю. Впрочем, об этом не стоит, напишу, тогда... Да, П<авел> Е<лисеевич>, как правильнее:

Lasciate speranza или

Lasciate ogni speranza!⁸

Как у Данте?

Ну, все это Вам расписал, а одного не знаю, возможно ли (допустимо ли) вообще такое обращение с рукописями другого, как Вы находите весь этот Requiem!

Жду ответа.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

Спросите у Батюшкова, не пригодятся ли переводы из Василия Стефаника («Синяя книга»)⁹. Очень интересные есть поэмы в прозе. Могу прислать «Мое слово».

Белыми губами буду вам рассказывать о себе.

Ни скорби, ни тоски, ни радости в слове не послушайте!

Ушел я от матери в белой сорочке, сам белый,

Над белой сорочкой смеялись. Издевались надо мной
и наносили мне раны...

и т. д.

Не надо ли стихи Каспровича¹⁰ — неразмеренные (пришлю на пример).

И Стефаника и Каспровича переведем с С<ерафимой> П<авловной>.

Кланяется Тотеш, ждет он вас с великим нетерпением, вспоминает с любовью.

А. П. Зонов — «Я имени ее не знаю» ждет.

Алек<сей> Ремизов.

Просил В. Б. выслать франц<узских> книг — ответа нет. Хотелось бы познакомиться с Верхареном, С. Пеладаном (театр).¹¹

¹ Не ясно, о каких отзывах о еще не опубликованных «Пруде» и «Иуде» идет речь. Вероятно, в несохранившемся письме Щеголева были изложены мнения издателей, которым предлагались произведения Ремизова.

² Замысел Ремизова не был осуществлен. О попытках издать задуманную книгу см. письмо Ремизова В. Брюсову от 18 февраля 1904 г.: «Можно ли мне напечатать в Скорпионе книжку, куда бы вошли: „В плену“, „Полунощное солнце“, „Демон“, „Иуда“ и стихи под названием „Опьяняющая жажда“» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 175). О дальнейшей судьбе несостоявшейся книги см. письмо Ремизова Брюсову от 24 августа 1904 г. и прим. 1 к данному письму (Там же. С. 179, 180).

³ Речь идет об отрывке из стихотворения Ш. Бодлера «L'Irréparable» из книги «Le fleurs du mal» (1857): «Adorable sorcière. aimes-tu les damnés? // Dis, connais-tu l'irrémissible? // Connais-tu le Remords, aux traits empoisonnés, // A qui notre coeur sert de cible? // Adorable sorcière. aimes-tu les damnés» (Baudelaire Charles. Le fleurs du mal. Paris, 1901. P. 169).

⁴ *Казимир Т<ышка>*. Requiem // Юг. Херсон, 1903. 10 сент., № 1579. С. 2.

⁵ В опубликованных произведениях Тышки ощутима значительная стилистическая правка Ремизова. Данное письмо свидетельствует о изначально присущем писателю методе работы «по материалу». При этом источник подвергался, как правило, столь сильной творческой переработке, что, по сути, становился произведением Ремизова. Примечательно, что в этом послании писатель как бы «предчувствовал» последствия непонимания такого метода своей работы. В 1907 г. это проявилось в скандале, разыгравшемся по поводу его переработок русских народных сказок. В ходе его оппоненты обвиняли писателя в плагиате. См.: Ремизов А. Плагиатор // Ремизов А. Встречи. С. 26—30.

⁶ «Сердца», «Мгновенья» — названия произведений К. Тышки. См. вступительную статью к данной публикации.

⁷ На л. 72 об. фразу Ремизова об изображении мира ссыльных предваряют 9 верхних зачеркнутых строк. Составляющие их отдельные слова превращены в рисунки — изображения фантастических извивающихся змей.

⁸ *Lasciate speranza* — Оставьте надежду (итал.). *Lasciate ogni speranza* — Оставьте всякую надежду (итал.). — Вторая цитата соответствует части надписи над воротами Ада в «Божественной Комедии» Данте Алигиери (1307—1321). Ср. точный перевод Б. Зайцева: «Оставьте всякую надежду вы, входящие!» (Данте Алигиери. Божественная Комедия. Ад / Пер. Бориса Зайцева. Париж, 1961. С. 50.) Усеченная цитата из Данте — название одного из произведений К. Тышки. См.: Юг. Херсон, 1903. 30 сент., № 1595. С. 2.

⁹ Вероятно, в Херсоне Ремизов изначально наметил круг польских и украинских писателей-модернистов, с которыми следовало познакомиться русской читательскую аудиторию и которые должны были стать объектами переводческой деятельности С. Ремизовой. См. его письмо жене от 22 июня 1903 г.: «Прочитываю „Юг“, хочу понять здешние „вкусы“. Кажется мне, что такие, как „Мое слово“, могут быть приняты. В художественном крайняя бедность. Вот бы оживить!» (А. Ремизов. На вечерней заре. I. С. 173). В число интересовавших Ремизова представителей нового искусства входил и Василь Стефаник (1871—1936) — украинский писатель и общественный деятель, чье ранее творчество находилось под влиянием декаданса. Стефаник был близок польским писателям-символистам группы «Молодая Польша», печатался в журнале «Химера». Широкую известность получил его сборник рассказов о жизни западно-украинского крестьянства «Синяя книга» (1899). Ремизов неоднократно пытался опубликовать переводы С. Ремизовой, выполненные из этой книги В. Стефаника. См., например, ответ писателю из редакции журнала «Южные записки» от 24 декабря 1903 г.: «К сожалению, присланный Вами перевод „Моего слова“ В. Стефаника не может пойти в нашем журнале и рукопись, по получении от Вас почтовых расходов, мы вышлем Вам обратно» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 54). Позднее

в переводах С. Ремизовой были опубликованы произведения В. Стефаника «Смерть», «Дорога», «Мое слово» (Вопросы жизни. 1905. № 4—5. С. 50—58); «Дедушка» (Новый путь. 1904. № 9. С. 171—172).

¹⁰ Каспрович Ян (1860—1926) — польский поэт. См. письмо Ремизова В. Брюсову от 13 января 1904 г.: «А недавно с Каспровичем познакомился и страшно привязался к нему» (*Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым*. С. 173). См. сведения о ремизовских переводах польского поэта в его письме О. Маделунгу от 8 августа 1904 г.: «перевел стихами — vers libre — Каспровича (поэмы): 1) Моя вечерняя песня // 2) Святой Боже, святой крепкий // 3) Dies irae // 4) Саломея // 5) Гимн св. Франциска Асизского // 6) Salve Regina // и драматическую» поэму „На взгорье Смерти“» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 30). Перечисленные переводы не были опубликованы, и ныне их местонахождение не известно.

¹¹ Брюсов откликнулся на просьбу Ремизова рекомендовать пьесы современных иностранных авторов для репертуара «Товарищества новой драмы» в октябрьском письме 1903 г.: «Трудно что-либо посоветовать Вам. Драм „новых“ поэтов я знаю много, но все они либо „несценичны“, либо очень трудны к постановке. Таковы драмы Эм. Верхарна, Самэна, С. Пеладана» (*Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым*. С. 166. См. также прим. 1 к данному письму — там же).

48

4 (17) декабря 1903 г. Херсон

4 декабря 1903.

Херсон.

Витовская, д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.

Дорогой Павел Елисеевич!

Решили, затопила Нева.

Не достанете ли книжку:

Храневич¹

Очерки новейшей польской литературы

Сп. 1904, 1.20.

Если можно, пришлите.

Потом стихотворения немецкого модерниста: Момберта.²

Нет ли где в Петербурге гравюр Гойо и Ропса с первым знаком по Ис<тории> Ис<кусств> Мутера, а второго видел в «М<ире> Ис<кусства>».³ Если есть в продаже, сколько стоят, мог бы для театра выписать.

От Брюсова насчет «Иуды» — ни слова.⁴

В «Гриффе» печатают (январь) несколько стихков.⁵

П. П. Перцов спрашивает рассказ.⁶

Не знаю возможна ли такая комбинация: ко 2-ой части «Пруда» у меня есть этюды, если какой этюд подмазать да послать? Или не стоит. Правый голос говорит не стоит.

Последнее время под каким-то обухом от прочтения писем Толстого (в «Русской Мысли» 11).⁷

Схватился за перевод.

Попытаю в «Правду». Не переведете ли или у кого спросите польскую загадку, в которой слова какие-то чудные:

«nascit roch epiro gazes egemi zrij».⁸

Дальше по пьесе тот, кто предложил, переводит:

«На немного пирога с сыром и жри!»

Что Вы скажете, если бы взять перевод Иерузалема вместе с книгой и послать Горькому?⁹

7 февраля ввиду хворости Вс<еволода> Э<мильевича> распускается труппа до сентября.

Обратите внимание на «рыбки». Рольмопс¹⁰ — 40 к.

Очень хорошо с холодной водкой.

С<ерафима> П<авловна> кланяется.

А. Ремизов.

¹ Имеется в виду: *Храниевич К. И.* Очерки новейшей польской литературы. СПб., 1904. 210 с.

² *Момберт Альфред* (1872—1942) — немецкий писатель-модернист, в произведениях которого значительное место занимали философские и мистические темы и мотивы.

³ См. прим. 1 к п. 18.

⁴ См. письмо В. Брюсова Ремизову, датированное А. В. Лавровым временем около 7—10 января 1904 г.: «О „Иуде“ я Вам писал дважды (точно). Раз спрашивал об отношении Вашей поэмы к поэме Каспровича. Второй раз сообщал, что Ваша поэма *будет* напечатана в „С<еверных> Цв<етах>“, если только Вы не участвуете в альманахе „Грифа“. Сотрудники двух альманахов этого года *должны* быть различные» (*Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 171). Об отношении Ремизова к конфликту В. Брюсова и С. Соколова и о несостоявшейся в связи с этим публикации „Иуды“ в „Северных Цветах“ см. прим. 2 к данному письму Брюсова — там же. Ср. также реакцию Ремизова на ультиматум Брюсова в его письме к О. Маделунгу от 27 января 1904 г.: «„Иуду“ моего приняли в „С. Ц.“, но появится ли он в печати, вопрос. Почему-то надо мое неучастие в „Гриффе“, а там в скором времени появятся несколько стихов» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 17).

⁵ *Ремизов А.* Молитва. Последний час. Иван-Купал // Альм. «Гриф». М., 1904. № 2.

⁶ См. письмо П. Перцова Ремизову от 20 ноября 1903 г.: «Ждем, пришлете же нам что-нибудь „беллетристическое“ — и чем скорее, тем лучше» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 18).

⁷ См.: *Тищенко Ф. Ф.* Как учит писать Л. Н. Толстой (По письмам Л. Н. Толстого) // Русская мысль. 1903. № 11. С. 58—73.

⁸ Вероятно, Ремизов переводил пьесу Пшибышевского с рукописи, содержащей описки переписчика, не достаточно знающего польский язык. Характер вопроса ставит под сомнение и глубину знаний его «сопероводницы» с польского — С. П. Ремизовой. Правильный текст: «Naści trochę pieroga ze serem i żryj!».

⁹ О судьбе ремизовского перевода труда В. Иерузалема «Функция суждения» см.: письмо 3, прим. 3; письмо 26, прим. 2; письмо 32. После долгих попыток опубликовать его в разных изданиях текст был утрачен. Об усилиях, предпринятых Ремизовым по розыску своего перевода, см. его письмо жене 25 мая 1904 г.: «В „Правде“ <...> Как быть, я предложил Иерузалема, *Суждения*, а взят ли он художницей [?] — не напишешь ли Вале, узнай, где рукопись. Может, в Одессе?» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 241).

¹⁰ Рольмопс — холодная закуска, состоящая из завернутого в рулет маринованного филе сельди с добавлением соленого огурца, нашинкованного лука и зерен горчицы.

9 (22) декабря 1903 г. Херсон

9 дек<абря> 1903.

Херсон,
Витовская,
д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.

Дорогой Павел Елисеевич!

от отдельного цензора из Одессы получил «Requiem» (Тышки) с разрешением печатать. Зачеркнуты только мои вирши. Ну, это, Бог с ними!

Редактор «Юга» предлагает издать книжкой. Напишите мне, пожалуйста, Ваше мнение: давать ли согласие или нет.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

Алексей Ремизов.

5 (18) января 1904 г. Херсон

5 янв<аря> 1904.
Херсон. Витовская,
д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.

С новым годом,
Павел Елисеевич!

Посылаю Вам банку рольмопса.

I. «Пруд». II ч<асть> заканчиваю,
пришлю после 15 янв<аря>.¹

«Со страхом и трепетом».

II. Отдайте переписчику I часть, а то у меня нет точного черновика, хотелось бы для себя, как память, сохранить без урезок, какие, в случае печатания, сделает цензура.
Деньги, сколько стоит, вышлю без замедления.

III. Пришлите с И<льей> А<роновичем>² Храневича.

IV. Сделал попытку: послал «В плену» к Философову.³

V. Дайте Иерузалема с книжкой И<лье> А<роновичу>. Хочу послать к Горькому.

Если рукопись не у Вас, дайте ему адрес, он пройдет прогуляется. Илья Аронович расскажет Вам, как живем тут.

С<ерафима> П<авловна> поздравляет.

А. Ремизов.

¹ См. письмо Ремизова В. Брюсову от 13 января 1904 г.: «Посылаю сейчас П. Е. Щеголеву, передаст П. П. Перцову, „Пруд“ — мучился какой-то итог подвести этой будничной жизни, в которой мы, гордые люди, будто знаем что и, слепые, мним зрячими. А боюсь, что в будничности хватил через край, и „князь мира сего“, с прожженным страд<a>ниями и преступающим сердцем загородился этими перего-родками» (*Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 173*).

² Имеется в виду И. А. Тотеш.

³ См. письмо Ремизова В. Брюсову от 13 января 1904: «„В плену“ (переработал) послал в „М<ир> Ис<кусства>“ (к Д. В. Философову), что будет, не знаю» (*Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 173*. См. также прим. 6 к данному письму). О судьбе посланного произведения см. письмо Д. Философова Ремизову от 7 мая 1904 г.: «1) „В плену“ Вам возвращаю, ибо номер <...> по разным причинам вряд ли появится в свет. 2) Благодарю за присылку „Снега“. 3) Прочел первую часть Вашего романа, и очень им заинтересовался. Слышал, что Перцов Вам его вернул. Я бы его напечатал, и если мне пришлось бы стать официальным редактором „Нов<ого> Пути“ я бы так или иначе его провел. В романе Вашем много пренебрежения пластикой. редакции пришлось при напечатании выправлять. Но именно это несовершенство формы меня прельщает, потому что оно свидетельствует о процессе, а не об академическом завершении. <...> Первая часть Вашего романа — кошмар жизни, из которого другого выхода, как религиозного, быть не может. Иначе безумие. Первая часть глубоко анархистична (sic! — А. Г.). Анархизм теоретический — преддверие религиозного. Здесь роль декаденства. Социалисты это не понимают. Они никогда не избегают упрека человека из подполья, который покажет им кукиш. Надо преодолеть, оформить хаос самодовлеющих индивидуалистов, а не стадо реформируемого человечества, т. е. какого-то *choiǵá* самого прогресса. Как Вы решаете этот вопрос в Вашем романе — меня страшно интересует, и я убедительно прошу Вас, буде возможно, прислать мне вторую часть, просто как знакомому. Теперь же на всякий случай, хотел бы знать вопрос о гонораре. „Новый Путь“ так беден, что мы вынуждены были отклонить роман Сологуба только потому, что он требовал грошовый гонорар. Роман Мережковского печатается безвозмездно. Просил бы на всякий случай сообщить частным образом, тот минимум гонорара, за который Вы нашли бы возможным уступить роман» (РНБ, ф. 634. № 249, л. 63—63 об.).

51

7 (20) января 1904 г. Херсон

7 янв<аря> 1904.

Херсон,
Витовская,
д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.

Дорогой Павел Елисеевич!

очень попрошу Вас закажите переписку I часть «Пруда» — нет у меня точного черновика, а хотелось бы иметь полным, без тех купюр, какие предполагаете в случае печатания.

Деньги за переписку тотчас же вышлю, как получу рукопись, могу и раньше, напишите сколько.

А потом, если согласятся печатать, не забудьте сказать, чтобы каждую главу начинали с 1/3 страницы, как увидите во II <части>, которую очень, очень скоро пришлю.

За вторую часть боюсь: много есть рискованных мест.

Сезон кончается, не знаю куда и ехать, и безденежье ужасное.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

В приложениях к «Звезде» вышел том Метерлинка,¹ где напечатали мои только некоторые переводы, а я не могу посмотреть, не высылают.

Так жду.

А. Ремизов.

Посылаю вырезку об Адаме Дианисовиче.²

Прислал мне Логач.³

(«Попов» — умер).

Вторую неделю Весна!

¹ См. прим. 2 к п. 29.

² *Рабчевский Адам Дианисович* (?—1907) — социал-демократ, участник киевского революционного кружка, товарищ А. В. Луначарского, знакомый Ремизовых по Вологодской ссылке. В середине декабря 1903 г. в Киеве широкий общественный резонанс получила драматическая история его конфликта с портным Поповым, у которого Рабчевский снимал комнату. Не вынеся постоянных оскорблений со стороны мещан-хозяев, от словесных оскорблений перешедших к рукоприкладству, жилец тремя выстрелами в упор застрелил Попова. Этот инцидент обсуждался в киевской прессе и, в частности, Н. А. Бердяев выступил в защиту старого товарища с письмом в редакцию «Киевской газеты», озаглавленным «Вопрос чести» (Киевская газета. 1904. 6 янв., № 6. С. 4). См. отражение этой «истории», воспринятой через публикацию Бердяева, в письме Ремизова жене от 15—16 июня 1904 г.: «Заклеил письмо. Забыл написать: Адама Дианисовича Рабчевского [ссылочный из Киева, прис<яжный> пов<еренный> — арестован в Киеве за убийство — „из чести“ застрелил оскорбившего даму, а скоро и помер от чахотки] выпущен на поруки, живет в Киеве. Так мне говорили тут» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 258—259). О Рабчевском см. также: *Иверень*. С. 244—246.

³ *Логащ* — рабочий-шорник, товарищ Ремизова по Усть-Сысольской ссылке (см. о нем: *Иверень*. С. 247), в 1904—1905 гг. жил в Киеве, где продолжал знакомство с Ремизовыми (см. упоминание о нем в письме Ремизова жене от 25—26 января 1905 г.: «Заяви, что бросаем квартиру. Логащу <...> надо сказать, чтобы он отправил вещи до 1 февр.» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 278).

52

16 (29) января 1904 г. Херсон

Херсон, Витовская,
д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.
16 янв<аря> 1904.

Дорогой Павел Елисеевич!

посылаю II часть «Пруда».

Если найдете нетактичными какие-либо выражения в главе о ссылочных, вычеркните сами.

Меня вообще тяготит кропанье житейской, слишком человеческой обстановки и не чувствую любви, когда пишу.

Впрочем, не мне судить.

От Философова о «В плену» не получаю ответа.

«Пруд» отдайте хоть в «Новый путь».¹

Может, зашибить что можно, а то жутко.

Из Херсона на лето переезжаем, наверно, в Одессу.

Зиму наверно в Тифлисе.

«Иуда» будет напечатан, если я не участвую в «Гриф», а я в «Гриф» послал стихи и ответ уж получил о принятии.²

«Requiem» послал Саблину.³

Был ли у вас старик Тотеш и каково было испытание?

Знаете какой у нас теперь репертуар: «Строит<ель> Сольн<ес>», «Росмерсхол<ьм>», «Привидения», «Виновные — невиновные» (Стриндберга), «Отец» (Стриндбе<рга>»), «Гости» (пер<евод> А. и С. Рем<изовых>) и «Мать» С. Пшибыш<евского> (наш перев<од>) и «Вторж<ение> смерти».⁴

За лето переведем пьес⁵ 12 для Тифлиса самых новейш<их> Сара Паладана, Верхарна, де Лиль Адана, Гофмансталя.*

Всего Вам хорошего, старуха моя

Вам кланяется.

А. Ремизов.

Если удастся напеча<та>ть попросите, ради Бога, форму сохранить такую, как во П<части>: начинать каждую главу с 1/3 страницы, не обозначая цифрой.

¹ См. прим. 1 к п. 50.

² См. прим. 3 к п. 48.

³ О Саблине см. прим. 3 к п. 4. Публикация книги произведений К. Тышки в издательстве В. М. Саблина не состоялась.

⁴ Речь идет о планируемом репертуаре «Товарищества новой драмы»: Г. Ибсен «Строитель Сольнес» (1892), «Росмерсхольм» (1886), «Привидения» (1881); А. Стриндберг «Виновны-невиновны» (1892) и «Отец» (1887). Ст. Пшибышевский «Гости» (1901) и «Мать» (1902), М. Метерлинк «Вторжение смерти» (1890). Из перечисленных пьес в херсонском сезоне 1903—1904 г. были поставлены только «Привидения» (первое представление — 20 января, второе — 27 января 1904 г.).

⁵ Задачей Ремизова было подготовить репертуарную базу, состоящую из произведений новой драмы, для предстоящего тифлисского сезона. См. его письмо О. Маделунгу от того же 27 января 1904 г.: «Драм переводим уйму: всего Пшибыш<евского>, Гофмансталя, Арно Holz'a, Dehmel'a, Verhaeren'a, Сара Пеладана. // Все будут поставлены в театре Мейерхольда на будущий год. <...> Хочу попросить Вас, Агей Андреевич, выбрать на датском языке модернистическую драму. перевести ее начерно на русский, я бы отделал и послал в цензуру, а потом бы ее сыграли. // Нет ли такой драмы у Якобсена? // Если будет у Вас время и терпение. выступили бы вместе в качестве драматических переводчиков» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 18). См. аналогичные предложения о совместных переводческих проектах в письме Ремизова В. Г. Тучапской от 4 февраля 1904 г.: «Хочу предложить Вам, не пожелаете ли участвовать со мной в переводах — „сепереводчицей“. К следующему сезону я мечтаю внести в репертуар несколько самых красивых и странных пьес. Вам предложил бы сделать черновики, моя будет отделка и украшения. Если согласитесь, пришлю. как только получу из Парижа кого-нибудь из французов: Samain'a или Verhaeren'a и самого Пеладана. // Подробности, если получу Ваше согласие. <...> // С<ерафима> П<авловна> научила меня польскому. Упиваюсь Chimer'ой. Из моих произведений до сих пор ничего не напечатано. Может, в „Северных> Ц<ветах>“ будет „Иуда“, а в „Н<овом> П<ути>“ „Пруд“ — наверное не знаю» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 79, л. 8). В сезоне 1904—1905 г. шли две пьесы в переводе Ремизова «Снег» Пшибышевского и «Женщина в окне» Г. Гофмансталя.

* Если найдете какую пьесу, сообщите или пришлите.

27 января (9 февраля) 1904 г. Херсон

Херсон, Витовская,
д. Бунцельман,
кв. Бурлюк.
27 янв<аря> 1904.

Дорогой Павел Елисеевич!¹

1. отослал Вам заказ<ную> бан<дероль> Храневича. Накануне пришла уж эта книжка для Театра. Неважная — борзистая. Меня интересовало письмо С. Пшибыш<евского> о театре.²

Большое спасибо, что не забыли прислать.

2. П<авел> Е<лисеевич>, не знаете ли адрес Ивана Платоновича³ и не разузнаете ли: взял он несколько книг, хочется их получить, а он, как вьюн выскользнул.

3. Прислал письмо Философов:⁴ еще решение не вышло о «В плену», где печатать.

4. Соглашаюсь на «Н<овый> П<уть>», пускай «Пруд» печатают.

8 февраля получаю в конторе театра несчастные 20 целковых — после забору всего только осталось — и...

А до сентября надо на что-нибудь жить. 100 целковых, которые получим со всех спектаклей «Снега», 100 це<лковых> не велики деньги.

Сидим оба переводим; послал Брюсову «Иуду» Каспровича,⁵ чтобы передал «Н<овому> П<ути>».

Перевожу «Иуду» Конисского,⁶ С<ерафима> П<авловна> и Днипрова Чайка помогают, пишу в «Правду». А недурна «Правда» с внешности: шрифтик ничего.

Переедем в середине февраля в Одессу, хочу попытать счастье в «Юж<ных> Записках» — тоненький еженедельный журнальчик — переводами из польской «Chimer'y».⁷

А все ведь это гадательно. Вот почему и прошу этот «Пруд» в «Н<овый> П<уть>» сбыть — жрать не на что будет. Вновь не пишу.

Только когда встану, еще не ошеломленный польской-немец<кой>-франц<узской> речью, и иду к киоску за «Одес<скими> Нов<остями>» — заинтересовал меня театр военных действий — вдруг ясно-ясно часы послышатся.

«Часы»

и видится сведенный и пришибленный эпилепсией Мося,⁸ лезет он на колокольню собора часы проверять... Часы проверять. Животный прорывался у него смех, потому что часы поставит по наитию, а люди внизу будут жить по ним.

Будут жить по ним.

В Киеве (т<еатр> Соловцова) «Снег» ставил сам Пшибышевский, послал ему наши программы и запрос, как перевод нашел. «Снег» «идет» в Одессе (Сибирякова), Киеве (Соловцова), Киеве

(Бородил<?>), Харьк<ове> (Дюковой); Москва (Ковалев)⁹ — 1 спек<такль> и провалился. Будет играть Коммиссаржев<ская>, но по переводу Бравича. И. А. Тотеш, наверно, рассказывал: даром «Снег» отдали.

Ну, это так. А. Ремизов.

Устройте что-нибудь!

О 2-ой части еще Ваш<его> отзыва не получил.¹⁰

Кл<аняется> С<ерафима> П<авловна>.

¹ Тематика письма перекликается с содержанием написанного в тот же день письма Ремизова О. Маделунгу (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 17—18).

² *Пишбышевский С.* Письмо о театре // Хранезич К. И. Очерки новейшей польской литературы. СПб., 1904. С. 184—186.

³ Имеется в виду И. П. Каляев.

⁴ См. письмо Д. Философова Ремизову от 22 января 1904 г.: «Многоуважаемый Алексей Михайлович! Стихи Ваши получил и очень за них благодарен. Передал их на прочтение в „Новый Путь“. Пойдут ли они туда или к нам, и что именно пойдет — сообщу впоследствии. Журнал я с удовольствием буду высылать, но прошу сообщить Ваш Московский адрес. Я его затерял. Преданный Вам Д. Философов. Простите за долгое молчание. Много уж очень дела» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 59).

⁵ Перевод Ремизова не был опубликован, и текст его утрачен. См. письмо Ремизова В. Брюсову от 23 января 1904 г. (*Брюсов В. Я.* Переписка с А. М. Ремизовым. С. 174) и прим. 1 к этому письму (Там же. С. 174—175).

⁶ *Копицкий Александр Яковлевич* (1836—1900) — украинский писатель. Публ.: *Копицкий-Перебенди О.* Иуда / Пер. с малороссийского С. Ремизовой // Правда. 1904. Апрель. С. 2—10.

⁷ «Chimera» (Warsawa, 1901—1907) — журнал, центральный печатный орган польских модернистов.

⁸ Мося — герой романа Ремизова «Часы».

⁹ В письме Ремизова перечислены: Драматический театр А. И. Сибирякова (Одесса); театр «Соловцов», дирекция М. М. Глебовой (Киев); Драматический театр. дирекция А. Н. Дюковой (Харьков). «Бородил» — возможно, искаженное «Бородай». В 1904 г. в Киеве работал Городской театр русской оперы под управлением М. М. Бородая, в котором шли только оперные спектакли. Ср. также в письме Ремизова О. Маделунгу от 27 января 1904 г.: «Вот „Снег“ идет у нас, в Одессе, в двух театрах Киева, в Харькове и с провалом в Москве. // Если бы была хоть на эту (йоту. — А. Г.) практичность, пришли бы к нам огромные деньги» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 18)

¹⁰ Приписка Ремизова под текстом справа на полях.

1 (14) февраля 1904 г. Херсон

1904 г. 1-е февраля.¹

Дорогой Павел Елисеевич!

Обращаюсь к Вам с такой громадной просьбой, что прямо ужас. Мы с Алексеем Михайловичем надумали, что хорошо было бы поступить мне на медицинские курсы; так хочется мне, что и сказать не умею. А тут еще вот что: дела очень плохи, придется опять жить в Тифлисе; там у Ал<ексея> Мих<айловича> хоть

какая-нибудь жизнь без денег, а у меня совсем никакой, точно в ссылке. Ну, словом всего не перескажешь, но так хочется на медицинские курсы, сплю и думаю. Только дело в том, что нельзя жить в Петербурге. Посоветуйте, Павел Елисеевич, как сделать, чтобы разрешили жить в Петербурге для того чтобы учиться на медицинских курсах.² Может, надо подать прошение министру? Если да, то напишите форму прошения, мы ведь ничего не знаем, а Вы все на этот счет знаете. Когда подавать, как и вообще всякие подробности напишите. Буду Вам бесконечно, бесконечно благодарна. Всего Вам наилучшего.

Очень жду ответа

С<ерафима>.

Павел Елисеевич, устройте, думал и присматривался, та жизнь, которой я по моему положению живу, может всю душу убить. Какого черта С<ерафиме> П<авловне> до театра. Я люблю театр, но не он один заполняет меня, а ей приходится присутствовать при неглавном и внешнем. Думал я, и вот решили попытать счастье: ей учиться, братъ что-нибудь, не жить только воспоминанием.

На медицин<ские> курсы ее примут, однажды уже приняли.

Устройте, прошу Вас.

На второй неделе переезжаем в Одессу, но если письмо случится написать, пишите на Херсон, подам заявление.

Форму напишите, а может есть лазейка какая.

А. Ремизов.

¹ Письмо написано А. М. и С. П. Ремизовыми.

² В Следственном деле С. П. Довгелло сохранилось написанное рукой Ремизова прошение на имя директора Департамента полиции о снятии для С. П. Ремизовой ограничений на проживание в столицах в связи с Манифестом 1 августа 1904 г. по случаю рождения Государя Наследника и желания ее «поступить в Женский Медицинский Институт» (Государственный архив Российской Федерации, ф. 102 (ДП) III. 1894, № 801, л. 49). Прошение было удовлетворено.

55

18 февраля (3 марта) 1904 г. Херсон

18 фев<раля> 1904.

Херсон.

Дорогой Павел Елисеевич!

Завтра уезжаем в Одессу. Адрес пока: Одесса до востребования.

Напишите, что «Н<овый> П<уть>» сказал о «Пруде», есть ли надежда напечатать где, как 2-ая часть Вам пришла? П<авел> Е<лисеевич>, очень прошу, пошлите Тышки «Requiem» на имя Сергея Москва, Ильинка, Биржа.

«Юг» напечатать отказался по случаю военных действий,¹ у Саблина лежит цензурованный.

В Москву приедет Вс. Мейерхольд, возьмет «Requiem», который пришлете Вы, и пойдет по Скирмунту² и друг<им> своим знакомым — так пришлите, П<авел> Е<лисеевич>!

Получен циркуляр о высылке с окраин быв<ших> поднадз<орных>. Едем в Одессу на волю Божью.

Почему бы Вам не написать чего-нибудь в «Весы»?

В «Гриф» напечатали «Молитву» (вошла в «Пруд» в I ч<асть>), «Последний час» (стих<отворная> проз<а>), «Иван-Купала».³

Всего Вам хорошего.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

А. Р.

¹ В ночь на 27 января 1904 г. началась русско-японская война.

² См. прим. 4 к письму 3.

³ Ремизов А. Молитва. Последний час. Иван-Купал // Альманах «Гриф». 1904. № 2. См. оценку этой публикации в письме Ремизова В. Г. Тучапской от 4 марта 1904 г.: «Очень хотел бы прислать Вам „Гриф“ (альманах за 1904), но денег нет совсем, а оттисков не прислали. Там напечатаны старые и пережитые давно и наскучившие листки. Посылаю Вам „Serres Chaudes“, но в таком ужасном виде; так безвкусно издать... и нарушить столько пауз — горько и досадно. Может, Саблин издаст лучше, ему послал семь стихов. Много переводим, нигде не принимают. Единственная надежда — театр, куда можно пристроить» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 79, л. 9—9 об.).

56

25 февраля (10 марта) 1904 г. Одесса

1904.

25 февр<аля>.

Одесса,

Раскидайловская, 5, 10.

Дорогой Павел Елисеевич!

Наконец-то «докатился до Черного моря».¹ Устройте что-нибудь с «Прудом». Лежит он камнем у меня.

Приехали сюда, толкнулся в редакции: услышал всезнающие речи, плюнул и ушел.

Как птицы небесные пока.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

АР.

П<авел> Е<лисеевич>, видели в «Весах» из Дании «А. Madelung».²

¹ Ср. написанное в тот же день письмо А. Ремизова О. Маделунгу: «Дошел до Черного моря. <...> Только сегодня водворился: нашел приют себе, а то все в дороге — в двух городах побывали, в Николаеве и Елизаветграде, а потом в гостинице застряли. Много было приключений, ибо и я и С. П. в жизни малый толк знаем» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 21).

6 (19) марта 1904 г. Одесса

1904, 6 марта.¹

Одесса,

Раскидайловская 5, 10.

Дорогой Павел Елисеевич!

живем на Молдаванке в удивительно построенном доме: ход через балкон. Чем свет на ноги, беру С<ерафиму> П<авловну> и идем к морю.

Заинтересовал меня Волынский «Книга великого гнева».² Хочу попросить Вас, пришлите мне *о Волынском* ту самую<ю> книгу,³ какую в Вологде у Вас видел, когда приезжали из Питера за вещами.

Ждем Вас к себе. Остановитесь в нашей комнате, положим Вас на шубу, и к морю ходить будем днем и ночью... У моря ночью темно и страшно...

[наклеен текст вырезки:]

Из Киева: Передайте редакции «Русского Богатства», что бывшие разногласия не могут помешать моему глубокому огорчению и сочувствию по поводу постигшей ее тяжелой утраты. Лучшая часть русского общества должна единодушно сознавать всю тяжесть утраты Николая Константиновича, самого крупного русского публициста, неизменного борца за правду, родного нам в лучших и заветных наших стремлениях. Николай Бердяев.

7 мар<та> 1904.

Одес<ские> Новости.⁴

П<авел> Е<лисеевич>, пришлите мне «Театр» Метерлинка. Возвращу осенью.

Очень мне не нравятся переводы Вилькиной и Саблина.⁵

Некоторые драмы для театра думаю перевести самостоятельно.⁶

[роспись]

¹ Слева над текстом письма наклеена вырезка из неустановленной газеты: «Стороннее сообщение. Дайте пожалуйста адрес, где купить мне хорошую шляпу? — Идите в шляпный магазин Л. Кравца».

² *Волынский А.* «Книга великого гнева». Критические статьи. Заметки. Полемика. Пб., 1904.

³ Возможно, речь идет о кн.: *Молоствов Н. Г.* Борец за идеализм. (Слово правды об А. Л. Волынском). Рига, 1902.

⁴ Вырезка из публикации «К кончине Н. К. Михайловского <Подборка телеграмм, полученных семьей Михайловского в редакции журнала „Русское богатство“>» // *Одесские новости*. 1904. 7 марта, № 6245. С. 3. Дата — автограф Ремизова.

⁵ См. прим. 3 к п.44 и прим. 12 к п. 14.

⁶ Сохранились цензурные экземпляры ремизовских переводов следующих драм М. Метерлинка : «Втируша» — автограф рукой Ремизова (Петербургская театраль-

ная библиотека, № 22796); «Внутри» (Там же, № 20123); «Слепые» (Там же, № 20794); «Смерть Тентажиля» (Там же, № 20116) — разрешены к представлению 28 декабря 1904 г.; «В стенах» [«Сестра Беатриса»] — автограф рукой С. Ремизовой-Довгелло (Там же, № 30675) — запрещено 10 февраля 1905 г.; «Аглавена и Селизета» — автограф рукой А. Ремизова (Там же, № 30291) — дозволено 15 марта 1905 г. См.: *Грачева А.* Неизвестные театральные переводы А. Ремизова // *Europa orientalis*. 1994. № 1. С. 207—215. Публ. текста драмы «Втируша» (Там же. С. 217—231); См. также: *Метерлик М.* Слепые / Перевод с французского Алексея Ремизова; Публ. А. Грачевой // *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*. С. 196—213.

58

19 марта (1 апреля) 1904 г. Одесса

1904, 19 марта.

Одесса,

Раскидайловская № 5, кв. 10.

Дорогой Павел Елисеевич!

- 1) пришлите Иерузалема с книжкой, хочу попытаться к Чарушникову,¹ хочу предложить хоть за 5 руб. лист. Деньги так нужны, отдал бы за грош.
- 2) или укажите, как достать мне рукопись.
- 3) получили ли несчастную 2-ую часть «Пруда»?
- 4) Леклера Жуковский издал,² я еще не получил экземпляры.

С Пасхой, кланяется С<ерафима> П<авловна>.

А. Ремизов.

¹ См. прим. 9 к п. 48.

² См. прим. 11 к п. 30.

59

29 марта (11 апреля) 1904 г. Одесса

29 марта 1904.

Одесса,

Раскидайловская, 5, 10.

Дорогой Павел Елисеевич!

очень благодарен, получил оттиски и письмо.¹ Думаю, думаю и думаю, как переделать 2 <часть>. Посланная Вам рукопись — вторая редакция. Хотелось обойти внешние описания и связующие подробности. Сейчас не знаю, за что схватиться. Должно быть, придется снова все перестраивать, вычеркнув большую половину.

Все это время корпели над переводами, ни строчки своей.

За «хронику» не брался.

Не разберусь в себе, какой-то хаос. Думаю, думаю и думаю...

Умер Мося² от воспал<ения> легких. Аг<гей> Анд<реевич> написал: «Цветок познания».³ Вновь переработан<ая> «Samsara» появится на датск<ом> языке. Покровительствует Гамсун, с которым Аг<гей> Ан<дреевич> познакомился.

Соля с утра до вечера в магазине.

Ося ушел.⁴

В<ера> Я<ковлевна>⁵ вышла замуж, получил от нее свадебный билет (в Ярославль).

С<ерафиме> П<авловне> на курсы поступить можно, главное — можно ли жить в Петербурге.

Нынешний год зиму пробудем в Тифлисе, а вот на 1905.

Ограничение и у меня и у С<ерафимы> П<авловны> на 5 лет.

Живем — перебиваемся. Аванс Мейерхольда прожили. Схватились за перевод, а Бог-то и покарал: не разберусь в себе.

Урвите время, напишите строго-академическую статью о Бальмонте.⁶

А то его или ругают или пишут «винно-каменные» оды.

Интересно бы Вас почитать в «Весах».

Сергей⁷ первый раз поедет с оперой летом в провинцию с оставлением в бирже. Н. А. Б<ердяев> стал уж знаменитостью, живет в Киеве (см. на обороте),⁸ боюсь, не вступил бы на «славный пост».

Кланяется В. В., по-прежнему живет в Париже.

Всего Вам хорош<его>.

С<ерафима> П<авловна> кланяется и ждет Вас, как и я, море посмотреть.

А. Ремизов.

¹ Контекст ремизовского письма — отклика на долгое, по его мнению, молчание Щеголева — раскрывает его письмо к Кате и С. Л. Сегалю от 25 марта 1904 г.: « [Кате] // С тех пор, как переселился в № 13, много прошло, а вот теперь, когда уж из Херсона уехал и вдоль и поперек исходил по Одессе и поселился, наконец, на Молдаванке, где нет ни одного дома без клопов, тараканов, прусаков, мокриц, мышей и крыс, закурил будто-бы турецкий табак и сел за письмо тебе, Катя. // Ну, целыми днями до глубокой ночи сидим с Серафимой Павловной и переводим, а потом, ошеломленные этим проклятым переводом, на сон. // Переводим драмы, рассказы и с недавних пор всего Пшибышевского. // Нашелся издатель, как издаст, пришлем маме, папе и тебе на память. // Самостоятельно не пишу, очень раздражаюсь и поношу тебя, а не пишу. // А что за это время написал, лежит где-то в Петербурге без вестей. // Не знаю еще своего предназначения. // Может, вся жизнь моя должна быть только одним ожиданием, да и больше ничем. // Не пою, и когда петь буду, не знаю. // На зиму поеду в Тифлис. // Опять буду служить у Мейерхольда в театре. // Но теперь, кажется, в новом чине „секретаря“, а жалованье останется все то же по числу моих передних и задних ног, помноженных на 10. // Как поживает Берта Петровна? // От меня и Серафимы Павловны поклон маме, папе, тете Вере, Рахили и Кане с Исей // А. Ремизов // (На том же развороте бумаги. — А. Г.) 26 марта 1904 Одесса, Раскидайловская № 5, кв. 10 // Дорогой Соломон Леонтьевич! // Отрежьте предыдущий лоскуток и дайте Кате. // „Сынов земли“ вчера получил. // Скажите, где Вл<адимир> Анат<ольевич>? // И серьезно спрашиваю, не раз узнаете ли, где и что с Пав<лом> Елис<еевичем>. // Третий месяц от него нет вестей, а он мне очень нужен. // Больно мне Одесса нравится, в будущем выберу себе на жительство. Жду Вашей и Ваших фотографий. Соломон Леонтьевич, у меня есть негатив в листе писчей бумаги (портрет Пшибышевского), скажите не устроили бы мне несколько карточек (на матовой бумаге и с наклейкой на картон). // Если можно, уведомьте открыткой. // Пока до свидания. А. Ремизов. // Кланяется С<ерафима> П<авловна> Вам и Анне Яковлевне» (ГЛМ, ф. 156, ОФ 6453/1—14, л. 7—8).

² Вологодский знакомый Ремизова.

³ «Цвет познания» Маделунга опубл.: Северные Цветы. М., 1905. Вып. 4. См. письмо Ремизова О. Маделунгу от 28 марта 1904 г.: «Поправляю „Цветок“ <...> Знаки препинания исправлены С. П., которая спорила на этот счет с „самим“ П. Е. Скажите, где он и что. 3-ий месяц я ровно ничего не слышу о нем» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 24). См. также письмо О. Маделунгу от 2 апреля 1904 г.: «Писал <...> П. Е. <...> о Вашем „Цветке“» (Там же. С. 26).

⁴ Речь идет о семье С. Л. Сегалья.

⁵ Имеется в виду родственница С. Л. Сегалья — Вера Яковлевна. См. о ней прим. 6 к п. 44.

⁶ См. прим. 4 к п. 45.

⁷ Имеется в виду С. М. Ремизов.

⁸ На обороте письма (л. 93 об.) вырезка из неустановленной киевской газеты о состоявшейся в Киеве 21 марта защите докторской диссертации экстраординарного профессора Г. И. Челпанова на тему «Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности». В тексте вырезки Ремизов подчеркнул два слова во фразе: «Третьим оппонентом выступил известный публицист, один из авторов „Проблем идеализма“ — Н. С. (sic! — А. Г.) Бердяев». Под текстом вырезки — приписка Ремизова: «Понимаете, П<авел> Е<лисеевич>, как иногда выпить хочется». О Георгии Ивановиче Челпанове (1862—1936) — философе-неокантианце, психологе, профессоре Киевского университета, в дальнейшем основателе Московского психологического института см. воспоминания Бердяева: «Из представителей академической профессорской философии я еще на первом курсе университета имел близкое общение с Г. И. Челпановым, популярным профессором философии, который с большим успехом читал курс по критике материализма <...> Политически мы расходились, но это было неважно. <...> Но он был очень живой человек, всем интересовавшийся, он был для того времени новым типом профессора» (Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 126).

60

2 (15) апреля 1904 г. Одесса

1904.

2 апреля.

Одесса, Раскидайловская № 5, кв. 10.

Дорогой

Павел Елисеевич!

был проездом Саблин.¹

Получил от Н. А. Бердяева письмо.² Издавать собираются журнал: «Вопросы жизни» в СПб. (с октября).³

Булгаков, Бердяев, Новгородцев и т. д. Редактором отдела поэзии — Саблин. Н. А. Бердяев переселится в Петербург.>.

Вам наверно будет почетное приглашен<ие>.⁴

Если «Пруд (I ч<асть>» к «Н<о>вому» П<ути>» не подойдет, не пустить ли его туда.⁵

беллетрис<тика> 40.000 бук<в> — 100 р.

научн<ая> — 70

перев<од> — 20

а стихи — не знаю.

Между прочим, если решите «Пруд» I ч<асть> в этот журнал, то его надо будет отправить к Саблину.

(Саблин тоже переезжает в Петерб<ург>).

Писал Вам, послал в «М<ир> Ис<кусства>» в январе 4 ред<акцию> «В плену». Лежит у Философова. Будет у Вас охота, спросите, как и что.

Походатайствуйте за «Sansar'у» и «Цветок познания» в этот новый журнал.

(И ч<асть> «Пруда» обдумываю, а которая у Вас отложите).

Пришлите на время, когда выйдет, «К Свету».⁶

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

А. Ремизов.

¹ См. запись Ремизова в дневниках С. П. Ремизовой-Довгелло: «...весна 1904 г. Акации в первый раз видел, как цветет улица (Дерибасовская). Рождение Наташи. Тут была и самая настоящая нищета. Жутко вспомнить. Приезжал Вл. М. Саблин, дал 100 руб. (Издатель)» (Книга записей С. П. Ремизовой-Довгелло. III. С. 43 — Собрание Резниковых (Париж)).

² Письмо Бердяева не сохранилось. В письме 60 Ремизов пересказывает Щеголеву его содержание, что подтверждается текстом послания Ремизова О. Маделунгу, датированного тем же днем — 2 апреля: «Ну, нашел книгу, куда можно помещать Ваши произведения. С октября в Спб. будет издаваться новый журнал, во главе которого будет стоять Н. А. Бердяев, кн. Трубецкой с одной стороны и Бальмонт, Брюсов с другой. Журнал назовется „Вопросы Жизни“. Для большой публики все это пока секрет <...> П. Е. <...> будет тоже участвовать в журнале» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова О. Маделунгу. С. 25—26).

³ «Вопросы жизни» (СПб., 1905) — ежемесячный журнал, продолжение журнала «Новый Путь». Редакторы: С. Булгаков, Н. Бердяев, Д. Жуковский, Н. Лосский. См.: *Корещкая И. В.* «Новый Путь». «Вопросы Жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 231—233. О работе Ремизова в редакции журнала «Вопросы жизни» см.: *Ремизов А.* Встречи. С. 150—151; *он же.* О понимании / Публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 226—228.

⁴ См. письмо-приглашение Н. А. Бердяева к Щеголеву от октября 1904 г. (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 4, № 286, л. 1).

⁵ Пруд // Вопросы жизни. 1905. № 4/5, 6/9, 10/11.

⁶ К свету. Научно-литературный сборник / Ред. Е. П. Леткова, Ф. Д. Батюшкова. СПб., 1904. В нем была опубликована статья Щеголева «О „Русских женщинах“ Некрасова в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов» (С. 489—529). Щеголев не откликнулся на просьбу прислать книгу, о чем свидетельствует письмо Ремизова жене от 24 мая 1904 г. из Москвы: «Зашел в „Труд“. <...> Взял за счет Мейерхольда „К свету“» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 240).

61

4 (17) апреля 1904 г. Одесса

С.-Петербург,

9-ая Рождественская,

д. № 10—12, кв. 9.

Павлу Елисеевичу Щеголеву.

4 апреля 1904.¹

Дорогой Павел Елисеевич!

Пришлите, если не затруднит, II часть «Пруда», буду переделывать. Походатайствуйте при случае о высылке мне бесплатно «Н<ового> П<ути>» и «М<ира> Б<ожьего>».

С<ерафима> П<авловна> кланяется.

А. Ремизов.

Еще² зимой послал Брюсову³ перевод «Иуды» Каспровича, просил передать в «Н<овый> П<уть>». Писал об этом Перцову. Ответа не получил. Если бы узнать. Простите, П<авел> Е<лисеевич> за такие мелочи просьбы.

А. Р.

Если⁴ «Н<овый> П<уть>» «Пруд» принял, пускай; очень деньги нужны теперь.

¹ Открытка с фотографией Одесского порта.

² Надпись на лицевой стороне открытки над фотографией.

³ См. письмо Ремизова В. Брюсову от 23 января 1904 г.: «Посылаю „Иуду“ Каспровича. Если найдете перевод хорошим, предложите П. П. Перцову напечатать в пасхальной книжке „Н<ового> П<ути>“» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 174). Перевод Ремизова не был опубликован и не сохранился. О его судьбе см.: Там же. Прим. 1 к п. 29. С. 174—175.

⁴ Надпись на лицевой стороне слева вдоль края открытки.

62

11 (24) апреля 1904 г. Одесса

Одесса,
Раскидайловская 5, 10.
11 апр<еля> 1904.

Дорогой
Павел Елисеевич!

Посылаю «Снег». Может, черкнете в «И<сторический> В<естник>». ¹ Защитите от нападок. Коммиссаржевская вон говорит, что будто меня больше там слышится, чем Пшибышевского.*

Сличал переводы:²

Бравича («Правда», № 1),
Ал. Вознесенского («Вопр<осы> общ<ественной> жизни», № 1, 2, 3),
Эфроса [будет в изд<ании> Саблина],

играет по нем Коммиссарже<вская>;
видел везде или потуги на художественность или переводческое рукомесло или пошлость.

Не примите за заносчивость, хотел взять душу автора и своей оплодотворить.

Как же иначе переводить?

Жду П «Пруда».

В «Ис<торическом> Вест<нике>» ход у Вас есть, пришлите мне тот № (1902 или 1), где Ваша рецензия о Роде (изд<ание> Саблина).³

* а другие толкуют об отсутствии простоты.⁴

Р. S. Обратите внимание: очень хороша закуска щучьей икрой.

¹ Рецензия П. Е. Щеголевым не была написана.

² Переводы «Снега»:

1) пер. К. Бравича // Правда. 1904. № 1. С. 48—107.

2) В Библиографических указателях журнала «Вопросы общественной жизни» не указан. Имеется изд.: *Пишибышевский С. Снег* / Пер. с польского Ал. Вознесенского. Одесса, 1904.

3) *Пишибышевский С. Снег. Драма* / Пер. В. Тучапской, А. С., В. В. и Н. Эфроса // *Пишибышевский С. Полн. собр. соч.* М.: Изд. В. М. Саблина, 1905. Т. 4. С. 233—306.

³ Рец. см.: *Щ. Dr. phil.* Альберт Родз. Гауптман и Нитцше: К объяснению «Потонувшего колокола» / Пер. с нем. Вс. Мейерхольда, А. Ремизова // *Исторический вестник.* 1902. № 7. С. 293.

⁴ Вероятно, намек на рец.: *Еицбоев С. (С. Поляков).* Станислав Пишибышевский. Снег. 1) Драма в пяти действиях. К-во М. С. Козмана. Одесса, 1904. Ц. 20 к. 2) Драма в четырех актах, пер. С. Маниной. К-во Д. Сегон. Одесса, 1904. Ц. 15 к. 3) Пер. Серафимы Ремизовой и Алексея Ремизова. Издание театральной библиотеки М. А. Соколовой. Москва, 1903. Ц. 1 руб. 4) К. Бравича. № 1 журнала «Правда». 1904. Цена отдельного номера 1 р. // *Весы.* 1904. № 5. С. 55—56. Автор рецензии, остановившись на переводе Ремизовых — единственном, дозволенном к представлению и шедшем в Херсоне, отметил, что «эти переводчики знают польский язык совершенно по особенному: они почему-то убеждены, что каждое польское слово, похожее по звукам на какое-нибудь русское, и по значению ему соответствует» (с. 56). Однако после сравнения всех вариантов «Снега» Поляков пришел к выводу, что «вместе со всем тем это единственный стильный перевод, но нервный, ломанный стиль г-на А. Ремизова, успешно применяемый им в его оригинальных рассказах и стихотворениях, совершенно не подходит к плавному ритму „Снега“. Мне не удалось видеть драмы Пишибышевского на сцене, но полагаю, что перевод в значительной степени способствовал затемнению многих мест пьесы и вполне оправдывает недоумение публики» (там же).

63

23 апреля (6 мая) 1904 г. Одесса

23 апр<еля> 1904 г.

Одесса,

Раскидайловская 5, 10.

Наипокорнейше прошу Вас, дорогой Павел Елисеевич, внять моему прошению и прислать злосчастную 2 часть.

В мыслях все приготовлено — изменяю и прибавляю и несвязности связываю.

А главу, где ссыльные описываются, думаю частью заменить многоточиями, — совсем уничтожить было бы нестройно и несправедливо, тоже и отцов Гнид и пр<очее> надлежало бы похерить. Ведь так?

Поздравляем Вас с прошедшим днем рождения, желаем всяческих пружеспаний.

А хотелось бы с «Прудом» покончить и начать «Часы».

А не кончив «Пруда», не могу ими жить.

Скажите, следует ли сохранять еврейскую семью или [русскую] — обрусить образы?

Наверное к Вам пойдет барышня, которая поедет в Одессу.

Укажите ей, как достать адрес Филиппова, чтобы взять Иерузалема.

Кланяется Вам С<ерафима> П<авловна> и пятидневная девочка¹ — Наталия Алексеевна, так и говорит — дяде, который долго-предолго ответов не присылает.

А. Р.

¹ Наталья Алексеевна Ремизова родилась в Одессе 18 апреля 1904 г.

64

16—17 (29—30) июля 1904 г. Киев

1904, 16—17 июля.¹

Киев, Зверинец,
Церковная, 24.

Дорогой Павел Елисеевич!

Если не передали «Пруд» I, пришлите его мне.²

Хотел обойтись без чистого экземпляра, пробовал по черновику переписывать, не вышло ничего.

Пришлите, пожалуйста.

Вы своей безответностью доводите до того, что от бессилия теряюсь.

А переписать мне надо потому, что я написал II ч<асть> и хочу иметь у себя обе части. Кроме того, кое-какие поправки сделаю. II ч<асть> старой редакции, почему Вы не присылаете. Зачем она Вам. Я пришлю Вам марок. Впрочем, ведь это, конечно, не то. Очень «потерялся» и потому пишу так нескладно. Прошу извинить.

Скоро приедет из-за границы Ник<олай> Алек<сандрович>³ и поговорю с ним. В крайнем случае можно издать в «Скорпионе». Переписать «Пруд» время у меня сейчас будет.

А то в конце августа ехать в Тифлис надо.⁴

Всего Вам хорошего.

А. Р.

¹ Мнительный Ремизов связывал почти трехмесячный перерыв в переписке со Щеголевым с отрицательным отношением последнего к сообщенному факту о рождении дочери. См. его июньское письмо жене, дополненное позднейшей оценкой ситуации: «Вспомнил, Маделунг говорит, что „там“ [Б. В. Савинков] убеждены, что я умышленно допустил рождение ребенка, чтобы окончательно тебе отрезать путь к возвращению в лоно старых интересов и „жизни“ [т. е., к революционной деятельности]. Вот почему, должно быть, П. Е. Щеголев не ответил на письмо и вообще замолчал. Одна у меня забота: выручить I ч<асть> „Пруда“. Восстановить по

черновику почти что невозможно. Пришлось бы писать некоторые главы заново. Досадую, что не осталось точной копии. [Тут я ошибаюсь: П. Е. Щеголев ничего против меня. „Пруд“ он показывал Куприну и Аничкову, как потом узнал я. Подозрение это — воображение Маделунга] (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 264—265). В архиве Щеголева сохранились гранки V главы «Пруда» в издании «Вопросов жизни» (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 71—73, л. 102—105), а также оттиски отдельных глав романа в том же издании (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 71—73, л. 1—101, 106—155).

² В конце мая — начале июня 1904 г. Ремизов нелегально был в Москве и Петербурге. Одной из основных задач его посещения столицы было свидание со Щеголевым. При этом, как свидетельствуют многочисленные письма Ремизова к жене, главной целью было — забрать у Щеголева рукопись «Пруда». См., например, его письмо жене от 6 июня 1904 г.: «Собираюсь в Терюки к П. Е. Щеголеву <...> О П. Е. Щеголеве: он будто бы порвал отношения с „Миром Искусства“ из боязни скомпрометировать себя таким обществом перед столами „Русского Богатства“. А любопытно было бы повидать его. <...> Одно у меня желание: достать у П. Е. Щеголева I часть „Пруда“ и сохранить у себя. А то у него пропадет. Хочу обманным путем попробовать. [Не помню, как и через кого]. (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 250—251). Встреча в Петербурге не состоялась. См. также его письмо жене от 13 июня 1904 г.: «Подъезжаю: „давно съехали“. Эта моя судьба: из-под рук, как в Петербурге со Щеголевым» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 257).

³ Имеется в виду Н. А. Бердяев. См. письмо Ремизова О. Маделунгу от 13 сентября 1904 г.: «Виделся с Бердяевым (кланяется Вам), говорит, что очень скоро решится, будут ли они издавать новый журнал „Вопросы жизни“ или возьмут „Н. П.“. Обещает помешать мои произведения, равно, как и Ваши. Но ни моих, ни Ваших он не знает» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 31). О решении Бердяева войти в редакцию «Нового Пути» подробнее см. в кн.: *Александр Вадимов*. [Цветков А. Р.] Жизнь Бердяева. С. 70—73.

⁴ О намерениях ехать в дальнейшие гастроли вместе с «Товариществом новой драмы» свидетельствует письмо Ремизова жене от 10 июня 1904 г.: «А в Тифлис [Театр] вместе поедем. Я тоже думаю. А то без тебя там завяну» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 255). То же настроение еще присутствует в его письме В. Г. Тучапской, написанном из Берестовца 30 июля 1904 г.: «В 20-х числах уезжаем в Тифлис на сезон 1904—5, т. е. до марта <...> Уведомьте, если знаете что, о „Вопросах Жизни“. Будет ли журнал издаваться, когда. Хотел через Николая Александровича послать туда „В плену“ — несчастное» (РГАЛИ, ф. 420, оп. 1, № 79, л. 10). После колебаний, продолжавшихся в июне-августе, Ремизов принял решение не участвовать в тифлисском сезоне «Товарищества новой драмы» 1904—1905 гг., который открылся 26 сентября пьесой «Три сестры» А. Чехова (см.: *Волков Н. Мейерхольд*. М.; Л., 1929. Т. 1: 1879—1908. С. 184).

65

25 июля (7 августа) 1904 г. Киев

25 июля 1904.

Киев, Зверинец, Церковная, 24.

Дорогой Павел Елисеевич!

Получил Ваше письмо и установился. Одно меня забеспокоило: Вам бы II часть прямо на Зверинец послать. Мне не хочется, чтобы и смотрели и читали. В новой редакции описание «Суда»¹ я пунктирую, а если сохранию что из описаний, то не так резко и одно-сторонне, скорее резче и в ту и в другую сторону, опуская неваж-

ные маленькие подробности. Вот почему чтение посторонними меня волнует.

Ну, что же решат они, наконец, печатать или нет. Я должен был видеться с Гиппиусом,² но дело разошлось.

Приготовил рукопись в 336 ст<раниц> мелк<ого> почерка. Хочу издать в «Скорпионе», если не обижу своим материалом, не знаю, как назвать.

Содержание такое

1) В плену (I. II. III ч<асти>)	ст. 1—86
2) Полунощное солнце	ст. 86—126
3) Над колыбелькой	ст. 126—159
4) Прелюдии	ст. 159—166
5) Вереницы дней	ст. 166—271
6) Далекое	ст. 271—280
7) После зноя желаний	ст. 280—292
8) Иуда (стилистическая редакция)	ст. 292—312
9) Под кровом ночи	ст. 312—325
10) В старом доме	ст. 325—337

(1900—1903)

Не могу отнестись жестоко, наверно, много-много есть такого, что можно было бы опустить совсем.

Пошлю Брюсову,³ узнаю сначала, согласится ли напечатать.

Из проектов: Эпилог к «Пруду» «Eviva teror!»⁴ и повесть «Часы».

Завтра покидаю Киев, недели на 2 еду в Берестовец⁵ (Черниговск<ая> губ<ерния>) (адрес: Борзна, (Черниговск<ая> губ<ерния>, село Берестовец, дом Довгелло, мне).

А в 20-х числах в путь на Тифлис. Мечтаю на будущ<ий> год в Петербург. Чулков⁶ составил мне прошение, но я его не послал. Надо придумать что-нибудь для С<ерафимы> П<авловны>.

В Тифлисе достать можно св<идетельство> о благонадеж<ности> и подать прошение о разрешении жить в Петербурге, где С<ерафима> П<авловна> может поступить в Мед<ицинский> институт, куда она была принята, и где находятся все ее бумаги.

Я к вам с просьбой, устройте пожалуй<ста>. Пришлите мне: на француз<ском> «Théâtre» Метерлинка. Я переведу несколько пьес для «Новой Драмы» и бережно Вам возвращу. Потом на некоторое время книгу А. Веселовского: «В. А. Жуковский» СП., 1903 р<у>б. Очень мне хочется почитать ее, а нет никакой возможности купить.

Квартиру пока оставляю за собой.

Павлуше⁷ кланяется ручонками Наташа.

Клан<ается> С<ерафима> П<авловна>.

А. Ремизов.

¹ Речь идет об одном из эпизодов 2-ой части романа «Пруд» — сцене «товарищеского суда» над главным героем — Николаем Огорельпневым (Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 34—35). Она появилась в печати в виде начальной и конечной сцен,

предварявших и завершавших «суд», само изображение которого было опущено, т. е. обозначено строками многоточий.

² Имеется в виду З. Н. Гиппиус, с которой писатель должен был встретиться в Петербурге, чтобы добиться ее согласия на публикацию романа «Пруд» в «Новом Пути». См. письмо Ремизова жене из Петербурга от 6 июня 1904 г.: «В „Н<овом> Пути“ и так и сяк. Не хочет З. Н. Гиппиус, говорит, что это декадентство [и „Пруд“ и „В плену“]. Философов видит единственный исход: мой личный разговор с ней» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 251). См. также прим. 2 к п. 31.

³ См. письмо Ремизова В. Брюсову от 24 августа 1904 г.: «Посылаю книгу без имени. Не назвать ли ее „В плену“ по первой поэме? Прошу Вас, уделите ей от Ваших часов. А потом известите, найдет ли она приют себе в „Скорпионе“. Хотелось бы издать ее теперь, осенью» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 179). Издание книги не состоялось. О ее судьбе см. также прим. 1 к цитированному письму Ремизова Брюсову (Там же. С. 180).

⁴ Неточное написание Ремизовым лозунга: *È viva terrore!* (итал.) — Да здравствует террор!

⁵ Село Берестовец Борзенского уезда Черниговской губернии — имение родственников С. П. Ремизовой-Довгелло, где она находилась с дочерью летом 1904 г. О эмоциональном настрое Ремизова по отношению к поездкам в Берестовец см. его письмо жене от 10 июня 1904 г.: «Не даром мое было предчувствие: помнишь, как не хотел я к вашим (в Берестовец) ехать. И что бы вышло, если бы поехал? Мне страшно, что хоть день ты там пробудешь, а до моего приезда в Киев, подумать жутко» (А. Ремизов. На вечерней заре. II. С. 255).

⁶ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — прозаик, поэт, критик. Один из наиболее объективных и чутких рецензентов произведений Ремизова. Именно Чулкову С. А. Венгеров поручил написать статью о Ремизове для так и не вышедшего из печати очередного тома «Русской литературы XX века». (Написанная для этого издания статья опублик.: Чулков Г. Сны в подполье // Чулков Г. Наши спутники. М., 1922. С. 7—37). С 1904 г. — секретарь журнала «Новый путь», с 1905 г. — секретарь журнала «Вопросы жизни». Чулков был активным сторонником публикации романа «Пруд» в «Новом Пути». См. его письмо к Ремизову от 12 августа 1904 г.: «Относительно „Пруда“ вот какая просьба: оставьте еще мне его недели на две для переречения: лично я очень был бы рад его напечатать, но иные не хотят! Подождите немного: есть надежда на обновление состава сотрудников и редакции: быть может, тогда повезет и роману Вашему» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 68 об.—69). Ремизов уже не надеялся на публикацию «Пруда» в «Новом Пути», о чем свидетельствует его письмо Чулкову от 9 сентября 1904 г.: «Дорогой Георгий Иванович! Прошу Вас соберите все отвергнутое редакцией („Нового пути“. — А. Г.) и пришлите мне. (Также и очерк Реми де Гурмона о Рашильде — был вместе с „Продавцом солнца“). И „Пруд“, если не занят Вами. Хочу попытать счастья в здешних газетах» (РГАЛИ, ф. 548, оп. 3, № 15, л. 1). В ответном письме от 27 сентября 1904 г. Чулков писал: «Я думаю, что со вступлением Бердяева к нам в редакцию Ваши дела будут лучше обстоять: одному мне трудно бороться с равнодушием к искусству Зинаиды Николаевны Гиппиус, тем более, что — вы знаете — приходится все силы и внимание направлять на политику, дабы чего-нибудь не прошло несуразного <...> Р. С. Торопите Бердяева: чем скорее он придет, тем лучше» (РНБ, ф. 634, № 249, л. 71). Ср. его воспоминание о роли Бердяева в редакционной позиции журнала по литературным вопросам: «Н. А. Бердяев, который поселился в Петербурге, оказался менее ржиде, чем его собрат по философии (С. Н. Булгаков. — А. Г.). У него даже была склонность покочетничать своим эстетическим вольномыслием. Он любил Верлена, Гюисманса, Вилье де Лиль Ада и все, что полагалось по декадентскому канону» (Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний. С. 61). См. там же его воспоминания о Ремизове человеке и писателе (Там же. С. 167—171). В данном письме Ремизова к Щеголеву речь, вероятно, идет о составлении прошения в Департамент полиции о снятии ограничения на проживание в столичных городах. Об отношении Чулкова к раннему творчеству Ремизова см. также прим. 2 к п. 31.

⁷ Имеется в виду сын Щеголева — Павел Павлович. О нем см. прим. 1 к п. 27.

3 (16) октября 1904 г. Киев

3 октября 1904.

Киев,
Безаковская № 20, кв. 17.

Дорогой Павел Елисеевич!

Придется этот год в Киеве сидеть. Квартиру сняли до июня месяца. А главное не квартира, главное — С<ерафима> П<авловна> взяла два урока,¹ которыми питаемся и греемся.

С Мейерхольдом — темное дело. Если бы знать, что в Тифлисе не будем, само собой, в Петербург бы добились, а то вот и сиди тут.

Делаю попытку сплавить переводы, но, кажется, удачи ждать нельзя.

Хотел сделаться учителем чистописания — не вышло дело. Теперь обещают урок аглицкого языка, чтобы начать с начала, это могу и жду.

Метерлинка достаю понемногу и перевожу, хотя переводить страшно не хочется. Все лето этим занимался и опротивело. Много тревог житейских перечувствовали и чувствуем, душа так не покойна, едва слышу, как «Часы» бьют. Только минутами ясно.

О «Плене» посылаю к Брюсову,² у которого лежит сборник, о котором писал Вам.

По его ответе извещу Вас.

Было бы весьма хорошо, если бы Вы Пирожкова³ поразговаривали. Его адрес: Васильевский Остров, 2 линия, 13. А то он мне не отвечает, а Иерузалема послал ему давным-давно.

Так как Вам некогда, попрошу Вас извещать меня открытками о таких делах. От 10—15 окт<ября> выезжает Ник<олай> Алекс<андрович> в Петербург.⁴

Я приеду в 20-х числах прямо в редакцию. Привезу Вам интересную штуку на рассмотрение для «Ист<орического> Вестн<ника>».⁵

Не знаю, как прошение писать, может, в Петербурге Вы мне продиктуете, а то я чего лишнего и ненужного махну.

Наташа все понимает, только говорить не может, а какие-то звуки испускает, как «Медведюшка».

Н. М. Ионов⁶ две карточки вчера снял, не знаю, как вышли.

Живем в двух шагах от вокзала по стародавнему обычаю наших поселений, так что вчера с Н<иколаем> А<лександровичем> на вокзале были и рислинг пили.

Познакомился с Булгаковым⁷ и Шестовым,⁸ но ничего не разговаривал, а как всегда в первые встречи — единственные слова были глупыми с пропуском букв в словах.

Всего Вам хорошего.

Кланяются С<ерафима> П<авловна> и Наташа.

А. Р.

¹ О житейской ситуации Ремизовых этого периода см. в послании писателя к О. Маделунгу от 13 сентября 1904 г.: «С. П. поступила в гимназию учительницей за 30 р. в месяц. И пока выручает. Мечтал одно время поступить учителем чистописания за 10 р. в мес., но дело не выгорело. Вот Вам настоящие заботы. Даже неловко писать, слишком уж прозаично. С Мейерхольдом связей не разорвал. Отработка аванса (взятого весной) и получение вновь нескольких рублей в месяц всецело зависят от мо<ей> переводильной способности. Я должен переводить драмы к сроку. За это получаю сверх авторских прибавку от Мейерхольда в 1—2 руб. за акт. Я начал этюды к повести „Часы“» (Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. С. 31).

² См. письмо Ремизова Брюсову от того же 3 октября: «Простите меня за надоедливые приставания к Вам. Хорошо понимаю Ваше „некогда“ и прошу об одном известить меня самым кратким манером, *будет ли издан в Скорпионе тот сборник, который послал Вам, и если да, то когда*» (Брюсов В. Я. Переписка с А. М. Ремизовым. С. 181).

³ *Пирожков Михаил Васильевич* (1867—1926 или 1927) — издатель, глава «Издательства М. В. Пирожкова» (Петербург).

⁴ Имеется в виду Н. А. Бердяев.

⁵ О какой книге или публикации идет речь, установить не удалось.

⁶ *Ионов Николай Михайлович* — статистик, знакомый Ремизова со времени Вологодской ссылки. «Н. М. Ионов известен был, как изобретатель конспиративных прятков: в летний вологодский зной он появлялся в непромокаемом плаще, а это означало — какая-нибудь конспиративная сигнализация; или, и не рыболов вовсе, а ходит по улицам с удочками, и никак не поймешь, чего эта удочка, а он себе знает и, конечно, тот, кому нужно смекнет» (А. Ремизов. Иверень. С. 248). См. также шуточный «некролог» Ремизова, посвященный отъезду Ионова из ссылки (Там же. С. 257—258). Фотографии Наташи ныне хранятся в РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 88. 22 лл.). Они частично опубл.: Алексей Ремизов. Материалы и исследования. См. вклейку).

⁷ *Булгаков Сергей Николаевич* (1871—1944) — философ, богослов, экономист, публицист, общественный деятель. С 1905 г. — один из редакторов журнала «Вопросы жизни».

⁸ *Шестов Лев (Шварцман Лев Исаакович)* (1866—1938) — философ, один из ближайших друзей А. Ремизова, постоянно оказывавший ему всестороннюю помощь, а в годы эмиграции и материальную поддержку. Ремизов написал первую положительную рец. на кн. Шестова «Апофеоз беспочвенности» (СПб., 1905). См.: *Ремизов А.* По поводу книги Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности» // Вопросы жизни. 1905. № 7. См. также некролог: *Ремизов А.* Памяти Льва Шестова // Последние новости. Париж, 1938, 24 ноября, № 6451. Подробнее о взаимоотношениях Ремизова и Шестова см.: *Данилевский А. А.* Ремизов и Лев Шестов (статья первая) // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. 1990. Вып. 883. С. 139—156; см. также: Переписка А. М. Ремизова и Льва Шестова / Вступ. статья и коммент. А. Данилевского и И. Даниловой // Русская литература. 1992. № 2, 3, 4; 1993. № 1, 3, 4; 1994. № 1, 2.

67

8 (21) ноября 1904 г. Киев

1904, 8 ноября.¹
Киев, Безаковская 20, 17.

Я Вам пришлю «В плену»,² но ту редакцию, которую посылал в «Скорпион» (на днях я получу и скоро перепишу).

Вы писали издать можно. Так вот для этого и пришлю Вам.

Виделись ли Вы с Пирожковым, а если увидите, походатайтесь об авансе.

Есть ли надежды на «Пруд», или замерз окончательно? Тогда тоже надо предпринимать что-нибудь.

В октябре подал прошение в Д<епартамент> П<олиции>³ о разрешении жить в Петербурге. Ответа еще нет.

Всего Вам хорошего.

Кланяется С<ерафима> П<авловна>.

А. Ремизов.

В Петербург не поеду — нет совсем денег, и нет надежды, чтобы они пришли.

Павел Елисеевич, по просьбе Вс. Э. Мейерхольда зайдет к Вам его брат технолог Борис Эм<ильевич> Устинов,⁴ не посодействуете ли ему в приискании уроков. Он очень нуждается.

¹ Открытое письмо. На обороте адрес: «С. Петербург. Пушкинская, 5. Павлу Елисеевичу Щеголеву».

² В архиве Щеголева сохранился автограф рукописи А. Ремизова «В плену» (1896—1903) (РО ИРЛИ, ф. 627, оп. 2, № 68. 45 лл.).

³ См. прим. 5 к п. 65.

⁴ *Устинов Борис Эмильевич* (1884—1942) — в 1904 г. студент-технолог, сводный брат Вс. Э. Мейерхольда, знакомый Ремизова с пензенских времен. См. записки Вс. Мейерхольда «Биографические данные» (1921): «Будь у меня обыск в связи с делом А. Ремизова (имеется в виду Пензенское дело. — А. Г.), я был бы, конечно, арестован и „поплатился“ бы. Пензенская жандармерия, однако, в Пензе тщательно следила за мной, и это тотчас же косвенно отразилось на брате моем Борисе Устинове (сын моего отца от другой жены), которого, когда он был в последнем классе реального училища, арестовали» (см.: *Мейерхольд В. Э. Наследие*. Т. 1. С. 47). В 1903 г. Устинов привлекался к полицейскому дознанию «по делу о преступном сообществе лиц, распространявших в ночь с 17 на 18 апреля революционные издания» (Там же. С. 58).

ПИСЬМА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА К А. А. ШАХМАТОВУ

Публикация Т. Г. Ивановой

В Рукописном отделе Института русской литературы хранятся 45 писем великого князя Константина Константиновича (1858—1915) к академику Алексею Александровичу Шахматову (1864—1920) за период с 1904 по 1915 г. (ф. 137, № 79—81). Великого князя и А. А. Шахматова связывали прежде всего служебные отношения. В мае 1889 г. высочайшим указом Александра III Константин Константинович был назначен одиннадцатым по счету президентом императорской Академии Наук. Видный специалист по древнерусскому языку и литературе, А. А. Шахматов в 1894 г. стал адъюнктом Академии, в 1897 г. — он уже экстраординарный академик, в 1898 г. — ординарный академик, а в 1906 г. — председательствующий в Отделении русского языка и словесности. Таким образом, взаимоотношения К. Р. и А. А. Шахматова были, прежде всего, отношениями начальника и подчиненного.

Однако публикуемые ниже письма обнаруживают более глубокие связи выдающегося филолога и одного из представителей династии Романовых. Первоначально переписка К. Р. и А. А. Шахматова не выходит за официальные служебные рамки, о чем свидетельствует и формальное обращение «многоуважаемый Алексей Александрович» в письмах августейшего президента Академии Наук. Но постепенно отношения между корреспондентами становятся теплее: письма 1913 г. уже начинаются словами «милый Алексей Александрович». Правда, Константин Константинович, по-видимому, никогда не проявлял к А. А. Шахматову той степени душевной открытости, которая чувствуется в его письмах к другому академику — А. Ф. Кони (см.: *К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы к публикации* подготовлены Э. Матониной. М., 1998. С. 401—446). Тем не менее письма К. Р. к А. А. Шахматову представляют важный источник информации.

В письмах звучит несколько тем, небезынтересных для истории русской культуры. Во-первых, это тема Пушкинских премий. К. Р. регулярно участвовал в работе Комиссии по присуждению премий имени А. С. Пушкина и охотно брал на себя рецензирование присланных трудов. Привлекали его, что вполне естественно, прежде всего поэтические произведения. Со временем сухая информация Константина Константиновича А. А. Шахматову о том, что он подготовил отзыв на стихи того или иного автора, перерастает в его откровенные оценки литературных процессов начала XX столетия. Так, в двух письмах от 26 марта и 7 мая 1913 г. звучит резкая критика творчества В. Я. Брюсова. Мы еще только начинаем осознавать вклад великого

князя в развитие Академии Наук (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993) и в русскую поэзию (см.: *Кузьмина Л. И.* Августейший поэт. СПб., 1996). Письма К. Р. к А. А. Шахматову помогают понять еще одну грань его творческой личности — как литературного критика.

Письма свидетельствуют, что А. А. Шахматов в глазах К. Р. был непререкаемым авторитетом в области истории русского языка и древнерусской письменности. Всеми своими сомнениями, вызванными прочтением книг, касающихся этих сторон русской культуры, великий князь спешит поделиться с А. А. Шахматовым, ища у него разъяснений (см. письма от 23 февраля и 26 марта 1913 г. о мнении епископа Кириона по поводу «Повести временных лет» или письмо от 16 марта 1915 г. о словаре тюркских наречий В. В. Радлова).

В 1880-е—1890-е гг. у К. Р. были литературные наставники, которых он высоко ценил и к мнению которых почти безоговорочно прислушивался, — это И. А. Гончаров, А. А. Фет, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Н. Н. Страхов (с каждым из перечисленных литераторов великий князь находился в переписке). Однако неумолимое время лишило К. Р. его учителей: все они к началу XX столетия ушли из жизни. Без сомнения, А. А. Шахматов, который был на шесть лет моложе Константина Константиновича, не мог заменить ему А. А. Фета или тонкого и опытного критика Н. Н. Страхова. Тем не менее А. А. Шахматов оказался среди немногих, кого уже зрелый поэт К. Р. допускал в свое поэтическое «я». Так, 13 сентября 1912 г. он посылал возможным послать А. А. Шахматову для ознакомления рукопись самого дорогого своего произведения — драму «Царь Иудейский». Судя по следующему письму, от 17 сентября 1912 г., ответ А. А. Шахматова был неформальным, и замечания, высказанные им, заинтересовали К. Р. и были восприняты им с благодарностью. Неслучайно, из своего заграничного путешествия 1913 г. именно А. А. Шахматову Константин Константинович считает необходимым послать только что написанное им стихотворение «Закат над Нилом» (см. письмо от 26 марта 1913 г.).

Наконец, публикуемые письма приоткрывают некоторые детали жизни и деятельности Академии Наук в 1900-е—1910-е гг. При К. Р. и А. А. Шахматове в Академии произошли важные структурные изменения. По уставу 1836 г. (с дополнениями 1841 г.) Академия Наук делилась на три отделения: 1) Физико-математическое 2) Русского языка и словесности (ОРЯС) 3) Историко-филологическое. В 1899 г. в рамках празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина в память о поэте при ОРЯС был учрежден Разряд изящной словесности, в который избирались действительные и почетные академики — писатели, поэты, переводчики, исследователи литературы. Данный акт явился возрождением давней академической традиции Российской Академии, существовавшей наряду с императорской Академией Наук и примерно аналогичной по своим задачам ОРЯС, когда членами Российской Академии были Фонвизин, Княжнин, Хемницер, Богданович, Капнист, Державин, Вяземский, Крылов, Карамзин, Жуковский, Дмитриев, Гнедич, Загоскин и Пушкин (с 1833 г.) (см.: *Арсеньев К. К.* Российская Академия и Разряд изящной словесности. СПб., 1901 (Сб. ОРЯС; Т. 70, N 4)).

Указ Николая II об учреждении Разряда изящной словесности был подписан 29 апреля 1899 г. (см.: Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии Наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 г. СПб., 1907. С. 66—67). 8 января 1900 г. состоялись первые выборы в почетные академики по Разряду изящной словесности. Были избраны Л. Н. Толстой, А. А. Потехин, А. Ф. Кони, А. М. Жемчужников, А. А. Голенищев-Кутузов, В. С. Соловьев, А. П. Чехов, В. Г. Короленко и сам К. Р. 9 марта 1900 г. в Мраморном дворце, принадлежавшем К. Р., состоялось первое соединенное заседание ОРЯС и Разряда изящной словесности. Великий князь Константин Константинович выступил с речью. Об-

ращаясь к вновь избранным почетным академикам, К. Р. сказал: «Ваш круг может и должен расти; но да будет этот рост постепенен и правилен, чтобы служить не в ущерб Разряду изящной словесности, а к вящему его укреплению. От души выражаю пожелание, чтобы доблестный круг ваш расширился не по веянию партийного духа, нередко свойственного печати и общественным толкам, не по личным пристрастиям и сочувствиям, а под влиянием строгой и осмотрительной разборчивости, в силу уважения к нравственному облику избираемого и всегда согласно с чуткой художественной совестью» (см.: *Соболев В. С. Августейший президент.* СПб., 1993. С. 115—116).

Обсуждение положения о Разряде изящной словесности — предмет трех писем К. Р., хранящихся в РО ИРЛИ. В переписке Константина Константиновича с А. А. Шахматовым поднимались и другие вопросы, связанные с деятельностью Академии: помощь со стороны Академии Саратовской ученой архивной комиссии, обеспечение сохранности архивов, оказавшихся во время Первой мировой войны близ районов боевых действий, двойное гражданство академика императорской Академии Наук В. Ягича и др.

Ниже публикуется 25 писем К. Р. к А. А. Шахматову.

1

3 (16) января 1904 г. Петербург (?)

3 января 1904.

Разряд изящной словесности составляет одно нераздельное целое с Отделением русск<ого> яз<ыка> и словесности и избираемые на шесть утвержденных 29 апреля 1899 г. должностей ординарные академики суть действительные члены Отделения, хотя бы были избраны из писателей-художников.

Понятие разряда определяет отдел занятий академиков по их специальности, как разряды наук математических, физических и биологических в I-м Отделении и разряды наук историко-политических и восточной словесности в III-м Отделении, но не обозначает особого отделения в Отделении.

Почетные академики — привходящие члены разряда — не участвуют в Отделении, а только в заседаниях разряда, посвященных изящной словесности.

Выборы почетных академиков должны производиться таким же порядком, каким избираются действительные члены Академии, но так как почетные академики в академических собраниях участвовать не могут, то или они в выборах не подают голоса, или подают его особым порядком, в запечатанных конвертах или как-либо иначе. — Нельзя допустить, чтобы почетные академики получали преобладающее значение, в выборах своих членов: такой порядок не мог бы обеспечить беспристрастие и правильность избрания. — Если для избрания действ<ительного> члена Академии кандидат комиссии, при участии представителей разряда, которым он избирается, проходит через выборы в Отделении, а затем в Общем собрании Академии, то почему же почетные академики, которых судят не специалисты, а читатели, могут сами избирать в свои сочлены? § 8, 9 и 10 дают почетным академикам преобладание в выборах.

Может быть, почетные академики могут быть избираемы всем составом Отделения, хотя корреспонденты избираются академическим собранием.

Председательство (§ 12) может быть передаваемо только действительному члену Академии.

§ 13. Если в Петербурге будет, напр<имер>, 8 почетн<ых> академиков из 12, то заседание действительно только при 4 почетных, а при 3-х, хотя бы пришли на него все 6 ординарных академиков, оно не состоится. Нельзя ставить заседание в некую зависимость от вольных художников.

§ 16. Почетные академики не могут состоять всенепременными членами Комиссий: из 12-ти следовало бы избирать в члены комиссии определенное число.

§ 20. Нельзя употреблять остатки от мест, а от содержания на 6 академических мест.

Константин.

2

8 (21) января 1904 г. Петербург (?)

8 янв<аря> 1904.

Редакцию § 6-го считаю необходимым слегка изменить и несколько дополнить во избежание недоразумений. Если оставить слова «тем порядком», как было напечатано в корректуре, без оговорки, то могла бы возникнуть мысль о необходимости избрания в Общем собрании, предусмотренного упоминаемым порядком. Хотя ниже в § 9 и говорится об окончательности избрания в Разряд, но внесенное мною дополнение исключает возможность неправильного толкования.¹

Константин.

¹ Письма 1 и 2 отражают один из этапов работы над постановлением о Разряде изящной словесности. Постановление было утверждено 15 января 1904 г. См.: Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до имп. Академии Наук и подведомственных ей учреждений. Исправлен по 1 мая 1907 г. СПб., 1907. С. 68—72.

3

26 января (8 февраля) 1907 г. Павловск

Павловск. 26 янв<аря> 1907.

Искренно благодарю вас за предупреждение и нерасположение Ф. Е. Корша¹ в пользу присуждения В. Шуфу почетного отзыва Академии за сонеты под заглавием «В край иной».²

Крупные недостатки г. Шуфа замечены и мною и в этом отношении я согласен с Федором Евгеньевичем. Но помимо погрешностей есть в сонетах и положительные достоинства, на которые нельзя закрывать глаз ради недочетов. Весьма возможно, что завтра я окажусь в положении Н. А. Котляревского,³ несколько лет назад представлявшего к полной награде Пушкинской премии⁴ стихотворения покойного К. К. Случевского (отца),⁵ которые тем не менее не были удостоены премии.

Во всяком случае завтрашнее заседание обещает быть оживленным и занимательным. Мой доклад потребует немного более часа времени.

Искренне вам благодарный
Константин.

¹ *Корш Федор Евгеньевич* (1843—1915) — филолог, лингвист, специалист по античной литературе; академик (с 1900 г.).

² *Шуф Владимир Александрович* (псевд.: Борей, Зефир) (1864—1913) — поэт и прозаик, журналист. Печатался с 1884 г. В юности у В. А. Шуфа врачи заподозрили туберкулез легких, что заставило его около десяти лет прожить в Крыму. Крымские впечатления отразились во многих его произведениях (см.: Крымские стихотворения. М., 1890; Могила Азиса. Крымские легенды и рассказы. 2-е изд. СПб., 1895). В 1897 г. в качестве корреспондента от газеты «Петербургский листок» он побывал на греко-турецкой войне (см.: На востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне. СПб., 1897). В. А. Шуф был свидетелем землетрясения в Шемахе (см.: Гибель Шемахи (Сальфа). СПб., 1902). Корреспондентом той же газеты он сопровождал германского императора Вильгельма во время его поездки в Палестину, Сирию и Египет. Как военный корреспондент «Нового времени» отражал события русско-японской войны. Впечатления о перечисленных поездках отразились в сонетах В. А. Шуфа «В край иной» (СПб., 1906).

В Пушкинском Доме хранится библиографическая картотека А. Д. Алексеева, отражающая содержание большинства литературных журналов начала XX в. Картотека фиксирует значительное число публикаций В. Шуфа и рецензий на него, что свидетельствует об определенной популярности этого поэта. В январе 1909 г. состоялось чествование В. А. Шуфа по поводу двадцатипятилетия его литературной деятельности (см.: 25-летний юбилей В. А. Шуфа // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 850—851). Откликнулась пресса и на его смерть (см.: Исторический вестник. 1913. № 12. С. 1212—1213; Русская мысль. 1913. № 12, отд. 3. С. 55).

Рецензия К. Р. на сборник В. Шуфа «В край иной... Сонеты» (СПб., 1906) помечена 29 декабря 1906 г. Согласно постановлению о Разряде изящной словесности, почетные академики имели право ходатайствовать о награждении писателей и поэтов золотой Пушкинской медалью и почетным отзывом. По-видимому, отзыв К. Р. о сонетах В. Шуфа писался в рамках реализации данного права, принадлежавшего Константину Константиновичу как почетному академику. Рецензия опубликована: К. Р. Критический разбор книги В. Шуфа «В край иной...». СПб., 1907; перепечатано: Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года. Отчеты и рецензии. СПб., 1911. С. 89—125 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 89; № 6); К. Р. Критические отзывы. СПб., 1915. С. 98—135 (Далее: Критические отзывы).

К. Р. не принял сатирической направленности некоторых произведений В. Шуфа, например, его выпадов против В. В. Стасова («Вот другой — мудрее ста сов / И в премудрости сугуб / Громогласный критик С<тасо>в / Он велик, — велик как дуб») в романе в стихах «Сварогов» (СПб., 1898). Тем не менее в целом критик достаточно высоко оценил поэтическое дарование В. Шуфа: «...около четверти книжки „В край иной“ содержит в себе изящные и по мысли, и по изложению поэтические создания» (Критические отзывы. С. 98). В поэзии В. Шуфа рецензента привлекло отсутствие декадентского настроения. Так, цикл сонетов о русско-японской войне критик противопоставил знаменитому рассказу Л. Андреева «Красный смех»: «Надо поставить в заслугу поэту, что изображая „ужасы войны“, описывая раны, кровь и смерть, он не переступает грани художественности, не превращает поэзии

в анатомический театр, как это сделал, напр., Леонид Андреев в „Красном смехе“. а, между тем, наш поэт не отступает от правды, которая становится тем правдивее, тем ближе к жизни, чем лучше умеет поэт вовремя умолчать об иных подробностях. Художественное, поэтическое чутье подсказало г. Шуфу истинную меру» (Там же. С. 125).

Привлекает К. Р. в поэзии В. Шуфа и поиски автором истинной веры: «Мы видим, что безверие постепенно сменяется если еще не верой, то стремлением к ней. Душа поэта не выносит собственной пустоты и пламенно желает найти смутно угадываемое, но еще неведомое сокровище, которое заполнило бы эту пустоту» (Там же. С. 130).

Отзыв К. Р. о книге сонетов В. Шуфа был заслушан 27 января 1907 г. на заседании Разряда изящной словесности, в котором участвовали обычные академики А. А. Шахматов (председательствующий), Ф. Ф. Фортунатов, Ф. Е. Корш, Н. П. Кондаков и почетные академики К. К. Арсеньев, Н. А. Котляревский. Протокол свидетельствует: «Почетный академик К. Р. сделал сообщение о литературной деятельности Владимира Шуфа и представил критический разбор только что вышедшего сборника последнего „В край иной...: Сонеты“ (СПб., 1906). Почетным академиком К. Р. были подробно разобраны все сонеты г. Шуфа и указаны как их недостатки, так и достоинства. Сообщение это вызвало среди членов Разряда оживленный обмен мнений. Присуждение г. Шуфу почетного отзыва Разряда изящной словесности отклонено закрытой баллотировкой (четырьмя голосами против трех). Собрание выразило желание, чтобы отзыв поч^етного акад^емика К. Р. был напечатан отдельной брошюрой, с указанием на обложке, что отзыв извлечен из трудов Разряда изящной словесности» (Императорская Академия наук: Отделение русского языка и словесности: Разряд изящной словесности: В заседании 27-го января 1907 года. [Протоколы]. [СПб., 1908]. — Без указания страниц).

Через два года, в 1909 г., сборник В. Шуфа «В край иной», по всей вероятности благодаря К. Р., был представлен на присуждение премии им. А. С. Пушкина и на этот раз получил почетный отзыв.

Журнальные же отклики на сборник «В край иной» были в высшей степени неблагоприятными для автора. Анонимный рецензент «Русского богатства» отказывал В. Шуфу в поэтическом даровании и упрекал его в отсутствии патриотизма, намекая на немецкие корни поэта (см.: Новые книги // Русское богатство. 1906. № 11, отд. 2. С. 146—147). Столь же уничтожающей выглядит и рецензия Василия Григорьева, наглядно показавшего беспомощность поэта в области рифмы: одни и те же слова (например, «золотая — Китая — мечтая») рифмуются у В. Шуфа на пяти близлежащих страницах (см.: Григорьев В. [Рец.] // Весы. 1906. № 10. С. 52—55).

³ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — филолог; академик (с 1909 г.). Первый директор Пушкинского Дома (1910—1925).

⁴ Премия имени А. С. Пушкина при Академии Наук была учреждена в 1881 г.; первое присуждение состоялось в 1882 г. Премиями и почетными отзывами отмечались художественные произведения, переводы, книги по истории литературы, труды по изданию классиков. См.: Роспись отчетам о присуждении наград и премий имп. Академии Наук, присужденных на основании конкурсов при ней по 1908 г. СПб., 1911, а также упоминаемые ниже в комментариях отчеты комиссии по присуждению Пушкинских премий.

⁵ Случевский Константин Константинович (1837—1904) — поэт и прозаик. Поэзия Случевского во многом близка лирике Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, которых особенно ценил великий князь. Случевский получал Пушкинскую премию дважды: в 1895 г. за сборник «Исторические картинки: Разные рассказы» (СПб., 1894) (рецензент В. С. Соловьев) и в 1899 г. за шеститомное издание «Сочинений» (СПб., 1898) (рецензент Н. А. Котляревский) (см.: Роспись отчетам о присуждении наград и премий имп. Академии Наук, присужденных с основания конкурсов при ней по 1908 г. СПб., 1911. С. 177). Вероятно, с присуждением второй награды были какие-то сложности.

24 февраля (9 марта) 1908 г. Петербург

Мраморный дворец.
24 февраля 1908.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

предупреждаю, что эти строки ранее чем быть посланными, подвергнутся тщательному обеззараживанию, так что вам отнюдь не грозят дифтерийные палочки, которые все еще находятся у меня в зеве и носу.

Очень польщен вниманием Разряда изящной словесности и благодарен за поручение рассмотреть три сочинения, представленные на XVIII-ое соискание Пушкинских премий. В числе их упомянуто «Полное собрание стихотворений» Д. Ратгауза,¹ между тем вы прислали мне только II-й их том. Мне помнится, всего этих томов — три. Прошу разъяснения, давать ли отзыв о всех трех томах или только о втором?

Разбор последних стихотворений А. Семенова² мною исполнен, переписывается и вскоре будет вам доставлен.

Очень прошу вас меня уведомить, были ли посланы Семенову сочинения некоторых наших классиков. Был бы вам очень благодарен, если бы вы сочли возможным разузнать о возрасте Семенова, его общественном и имущественном положении, степени его образования и начитанности и пр. Мне бы весьма хотелось иметь более подробные сведения об этом несомненно даровитом, если и не вполне уравновешенном поэте.

Искренно ваш
Константин.

¹ *Ратгауз Даниил Максимович* (1868—1937) — поэт. Родился в Харькове, окончил юридический факультет Киевского университета. Начал печататься с 1889 г. Творчество Д. М. Ратгауза высоко ценили П. И. Чайковский, Я. П. Полонский, Л. Н. Толстой. На его стихи было написано около 200 романсов (Чайковский, Гречанинов, Аренский, Рахманинов, Кюи). См. в РО ИРЛИ письма Д. М. Ратгауза к С. А. Венгеру и вырезки из разных изданий с положительными откликами на его поэзию — ф. 377, оп. 7, № 3036, а также: *Нечаев В. П. Ратгауз Даниил Максимович // Литературная энциклопедия русского зарубежья*. 1918—1940: Писатели русского зарубежья. М., 1997. С. 329. Библиографические сведения о журнальных публикациях Д. М. Ратгауза и откликах на его произведения см. в картотеке А. Д. Алексеева.

К. Р. давал отзыв на издание: *Ратгауз Д.* Полн. собр. соч. СПб.; М., 1906. Т. 1—2. Рецензия была закончена 25 октября 1908 г. Опубликовано: Три критических отзыва. 1. Лирическая тоска. Стих. Д. Ратгауза. 2. Вечерний свет. Стих. Т. Ардова. 3. Сон жизни. Стих. Марии Закревской-Рейх. СПб., 1909; перепечатано: Критические отзывы. С. 233—259.

К. Р. весьма скептически, и даже язвительно, отнесся к творчеству Д. Ратгауза, причем объектом осмеяния в произведениях поэта явились мотивы тоски: «Слово тоска встречается у г. Ратгауза бесчисленное множество раз. Стихотворений, посвященных тоске, в сборнике, по крайней мере, с полсотни. Тоскою пропитано не менее 1/6 этих двух томов, содержащих 294 стихотворений <...> При известном уже нам тоскливом настроении г. Ратгауза мы, конечно, не можем требовать от него веселых

песен, но можем желать, чтобы он умерил свою тоску и, по крайней мере, не надоедал ее на читателей.

Тоска, воспеваемая нашим автором, настолько беспричинна и так мало имеет всяких оснований, что нельзя не заподозрить его в неискренности. Я склонен предположить, что г. Ратгауз рисуется своей пресловутой тоской, охотно драпируясь в ризу разочарования и становясь в живописную позу человека, пережившего свои желанья, разлюбившего свои мечты. Г. Ратгаузу нравится этот траурный наряд, и, воображая себя в нем, он сам собою любит» (Критические отзывы. С. 246—248). Заключение К. Р. весьма жестко и категорично: «Отсутствие в его стихах ярких образов и хотя правильно и, пожалуй, искусно подобранные слова, но большую частью представляющие собою лишь общее место, не дают нашему автору права именовать себя поэтом» (Там же. С. 259).

Оценка, которую К. Р. дал стихам Д. Ратгауза, во многом совпадает с мнением В. Брюсова. В рецензии на «Полн. собр. соч.» он не менее язвительно назвал это издание «полным собранием стихотворных банальностей»: «Здесь собраны примеры и образцы всех избитых, трафаретных выражений, всех истасканных эпитетов, всех пошлых сентенций — на любые рифмы (конечно, обиходные) и в любых размерах (конечно, употребительных)» (Брюсов В. [Рец.] // Весы. 1906. № 5. С. 68). Как и К. Р., В. Брюсов насмешливо отнесся к пессимистическим мотивам в поэзии Д. Ратгауза. Отмечает он и прямые заимствования образов и отдельных строк из Фета, Полонского, Лохвицкой, Минского. См. также: *Аврелий*. [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Песни любви и печали. СПб., 1902] // Дело и отдых. 1902. № 11. С. 166—167. — Авт.: В. Брюсов; *Аврелий*. [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Новые стихотворения. М., 1904] // Весы. 1904. № 3. С. 61. — Авт.: В. Брюсов; *Ходасевич В.* [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Лирическое безпричинной тоски. Полн. собр. соч. СПб., 1906. Т. 1—2] // Золотое руно. 1906. № 4. С. 112—113; *Гуллиев Н.* [Рец. на кн.: Ратгауз Д. Тоска бытия. Стихотворения. СПб., 1910] // Аполлон. 1910. № 7, хроника. С. 61.

² Имя Аркадия Семенова в картотеке А. Д. Алексеева отсутствует. Вероятнее всего, этот поэт никогда не печатался. К. Р. трижды в разное время выступал рецензентом стихов А. Семенова, каждый раз присланных в Отделение русского языка и словесности в рукописном виде. По-видимому, все отзывы писались вне рамок присуждения той или иной премии Академии Наук. В первом отзыве 1907 г. К. Р. признал, что автор «не только стихотворец, но и поэт» (см.: К. Р. Отзыв о стихотворениях А. А. Семенова. СПб., 1907; перепечатано: Критические отзывы. С. 148). В 1908 г., принимаясь за вторую рецензию, озаглавленную «Еще о стихотворениях А. А. Семенова», К. Р. специально оговаривал, что хочет посредством своего отзыва «прийти на помощь А. А. Семенову и еще раз дать ему случай увидеть свои стихи в печати» и поэтому включает в свой отзыв лучшие стихи поэта полностью (см.: К. Р. Еще раз о стихотворениях А. А. Семенова. СПб., 1908; перепечатано: Критические отзывы. С. 177). О третьей рецензии см. письмо 11.

5

14 (27) сентября 1908 г. Павловск

Павловск.
14 сентября.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

мне хотелось бы представить Разряду изящной словесности стихотворения П. С. Соловьевой (*Allegro*)¹ и Веры Рудич² для увенчания их похвальным отзывом Академии. Но последний сборник г-жи Соловьевой, сестры нашего покойного сочлена, помечен 1905 годом. Помнится, что трехлетняя давность появления книги лишает права испрашивать ей увенчание. И, хоть г-жа Рудич пожалуй еще более даровита — «Новые стихотворения» ее поистине превосходны — не хотелось бы обходить Поликсену Сергеевну, достоинства поэзии

которой для меня несомненны. Не откажите сообщить мне, что вы думаете о поднимаемом мною вопросе.

Прилагаю письмо Л. К. Гётца.³ Вероятно, вы тоже получили третий том его произведений. Не будете ли вы добры очень поблагодарить его от меня за любезное доставление этого труда. — Не знаю, удастся ли мне явиться в заседание 20 сентября: кончив лечение в Вильдунгене⁴ 9 числа, я по требованию врача должен по-реже ездить в город и продолжать отдых.

Искренно ваш
Константин.

¹ *Соловьева Поликсена Сергеевна* (псевд.: Allegro) (1867—1924) — поэтесса, дочь историка С. М. Соловьева, сестра поэта и философа Владимира Соловьева и исторического романиста Всеволода Соловьева. Систематически печаталась с 1895 г., преимущественно в символистских изданиях. Лучшие стихи о природе написаны под влиянием поэзии А. А. Фета.

К. Р. дал отзыв о сборнике П. С. Соловьевой «Иней. Рассказы и стихи» (СПб., 1905), закончив его в сентябре 1908 г. Опубликовано: *К. Р. Стихотворения П. С. Соловьевой. Критический отзыв*. СПб., 1911; перепечатано: *Критические отзывы*. С. 207—221. Критик высоко оценивает поэзию П. С. Соловьевой: «Г-жа Соловьева прекрасно умеет, пользуясь картинами природы, находить сравнения с различными движениями души. В этой области, особенно свойственной лирической поэзии, она может похвалиться большим искусством» (Критические отзывы. С. 214). Немаловажным фактором, способствовавшим высокой оценке Константином Константиновичем поэзии П. С. Соловьевой, является общий тон ее стихов, который он рассматривает как бодрый, в противоположность многим читателям, отмечавшим в произведениях поэтессы меланхолические настроения: «Настроение Поликсены Сергеевны всегда бодрое, жизнедающее; даже в минуты печали грусть ее кротка и покорна; отчаяние чуждо ее сердцу. Даже и в мрачной обстановке она умеет находить отрадные, примиряющие оттенки» (Там же. С. 215).

О глубоком интересе К. Р. к творчеству П. С. Соловьевой свидетельствует тот факт, что в апрельские дни 1909 г., когда отмечалась его «серебряная свадьба» с принцессой Саксен-Альтенбургской Елизаветой Маврикиевной (1865—1927), в Павловском дворце, принадлежавшем его семье, ставилась пьеса П. С. Соловьевой «Свадьба солнца и весны». Роль Весны исполнила дочь Константина Константиновича Татьяна. Солнце — его сын Константин, Весенний Дождь — сын Олег, Зимний Вечер — сын Игорь. Названная пьеса вдохновила К. Р. на стихотворение, посвященное поэтессе — «П. С. Соловьевой: На ее пьесу „Свадьба солнца и весны“» (8 марта 1909 г.) (см.: *К. Р. Стихотворения*. 1879—1912. СПб., 1913. Т. 1. С. 85—86).

² *Рудич Вера Ивановна* (1872—?) — поэтесса. Родилась в Петербурге в дворянской семье. В 1889 г. закончила гимназию; в 1896 г. — курсы сестер милосердия. Начала печататься с 1896 г. (в газете «Новое время», журналах «Мир Божий», «Стрекоза», «Народное дело» и др.). Сборники стихов — «Стихотворения» (1902); «Новые стихотворения» (1908); «В осенний полдень» (1910); «Четвертый сборник стихов» (1912). См.: Автобиография, присланная в 1913 г. С. А. Венгеру — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3110. Библиографические сведения о журнальных публикациях В. Рудич и рецензиях на ее произведения см. в картотеке А. Д. Алексеева.

К. Р. дал отзыв на сборники В. Рудич «Стихотворения» (СПб., 1902) и «Новые стихотворения» (СПб., 1908), закончив его 2 октября 1908 г. Опубликовано: *Восемнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1909 года: Отчеты и рецензии*. СПб., 1911. С. 55—65 (Сб. Отд.-ный рус. яз. и словесности; Т. 89, № 6); перепечатано: *Критические отзывы*. С. 222—232. Критик дает очень высокую оценку ее творчества: «Эти две книжки по богатству и глубине содержания и по безупречности и изяществу внешности стоят многих томов» (Критические отзывы. С. 222). Он признает за автором самоубийственность и способность увидеть поэтическое начало в самых прозаических повседневных предметах. Привлекает рецензента в поэзии В. Рудич и «необыкновенная в наши дни скромность, полное смирение и совершенное отсутствие горделивых вождлений» (Там же. С. 229). В заключение своего отзыва К. Р. просил увенчать сборник В. Рудич «Новые стихотворения» Пушкинской премией

или почетным отзывом. В 1909 г. стихи В. Рудич были удостоены почетного отзыва, причем, как следует из названной выше автобиографии В. И. Рудич, присуждение почетного отзыва было для нее неожиданностью. Очевидно, что инициатором представления стихов В. Рудич к премии был сам великий князь, а не автор, как это бывало обыкновенно. О глубоком впечатлении, которое произвело на К. Р. поэтическое дарование В. Рудич, говорит тот факт, что он посвятил ей свои стихи — «Вере Рудич» (26 февраля 1911) (см.: К. Р. Стихотворения. Т. 1. С. 87).

Высокую оценку творчества В. Рудич разделяют с К. Р. и другие критики. Так, В. О-ский откликнулся на сборник 1902 г. «Стихотворения» следующим образом: «Ничего надуманного, вымученного, вычурного; никакой претензии на якобы глубокие мысли, облеченные в туманную символику; но каждая строка лишена здоровой мысли или определенного настроения, всегда меланхолического, но без болезненного нытья или слащавой сентиментальности» (*О-ский В.* [Рец.] // Мир Божий. 1902. № 3, отд. 2. С. 73). Такого же рода отзыв дает и Н. Надеждин на сборники «Новые стихотворения» (СПб., 1908) и «Четвертый сборник стихов» (СПб., 1912) (см.: *Надеждин Н.* Костер погашенный // Известия книжного магазина Вольфа. 1912. № 12. Стб. 326—328). См. также: *К-т М.* [Рец. на кн.: Рудич В. Четвертый сборник стихов. СПб., 1912] // Исторический вестник. 1912. № 4. С. 295—298.

³ Вероятно, речь идет о немецком слависте Гётце Леопольде Карле. К. Р. в 1908 г. мог получить от него в подарок книгу: *Goetz L. K.* Staat und Kirche in Alt-russland. Kiever Periode 988—1240. Berlin, 1908.

⁴ Вильдунген — известный курорт в княжестве Вальдек, в Пруссии, славящийся своими водами, применяемыми для лечения болезней почек.

6

19 июня (2 июля) 1910 г. Осташево

Осташево,¹ Моск<овской> губ.
19 июня 1910.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

должен повиниться перед вами: покидая Павловск, чтобы ехать в деревню, я разбирал накопившиеся у меня бумаги и среди них попал на рукопись В. С. Чернявского,² которую вы вручили мне почти полгода назад. Я совершенно позабыл о ней. Очень стыжусь своей неисправности. По счастью, стихотворения г. Чернявского обличают в их авторе несомненное, даже недюженное дарование и дали мне возможность написать разбор благоприятный, так что я хоть бы этим могу искупить свою медлительность или, вернее, оплошность, а неведомому поэту дать вознаграждение за долгое ожидание.

Возвращаю вам рукопись Чернявского, прилагая к ней свою рецензию.

Посылаю также письмо некоего Алянчикова,³ довольно неосновательное. Его доводы в пользу упрощения правописания нельзя признать сильными: он опускает главные трудности правописания, действительно требующие устранения, и останавливается на мелочах, совсем не существенных. Ссылка на войска напрасна, так как там от солдат не требуют правильного употребления буквы Ъ. Указание на мое расположение к моим питомцам — воспитанникам военно-учебных заведений⁴ — не имеют отношения к упрощению правописания.

Надеюсь, что, подобно мне, вы вполне наслаждаетесь отдыхом в деревенской тишине.

Искренне ваш
Константин.

¹ Осташево — имение великого князя Константина Константиновича в Московской губернии, приобретенное им в начале XX в.

² *Чернявский Владимир Степанович* — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева сведений о журнальных публикациях стихов Чернявского и откликах на его поэзию не содержится. К. Р. дал отзыв на рукопись В. С. Чернявского 17 июня 1910 г. Опубликовано: *К. Р. Отзыв о стихотворениях В. С. Чернявского*. СПб., 1911; перепечатано: *Критические отзывы*. С. 313—323.

Не заявивший о себе в публикациях В. С. Чернявский прислал в Отделение русского языка и словесности 29 стихотворений в рукописи, прося, чтобы Разряд изящной словесности их рассмотрел. Некоторые из стихов Константин Константинович оценивает довольно высоко. Весьма характерны для К. Р. как критика его замечания по поводу стихотворной строки «И песня та всегда тоски была полна»: «Но тут уж критику приходится заступиться как за Музу г. Чернявского, так и за него самого: он положительно несправедлив к ней, а, следовательно, и к себе. По счастью, его поэзия совсем не всегда полна тоски. В его стихах, правда, иногда слышится тихая затаенная грусть, но эта грусть не имеет ничего общего с пресловутой тоской, на которую так падки многие современные стихокропатели, мнящие себя поэтами и самодовольно драпирующиеся якобы в гамлетовский плащ беспричинной печали и необоснованного уныния. Дарование нашего поэта слишком богато, разнообразно и многогранно, и ему не нужно прикрываться напускной тоской, подобно многим другим, тщетно старающимся припрятать и скрасить недостаток таланта» (*Критические отзывы*. С. 313). В шкале ценностей в оценке литературных произведений для К. Р. важным оказывается противопоставление классической поэзии (Пушкин, Фет, А. Майков, Я. Полонский) и декадентства, которое «в погоне за новостью и неопределенностью образов и сравнений» порой «задачивает бессмысленностью, тщетно требующего напрасных комментариев» (с. 317). В. С. Чернявский же не принадлежит к декадентам, что и ставит ему К. Р. в заслугу.

³ 12 апреля 1904 г. при Академии Наук была образована Комиссия по вопросу о русском правописании; председателем ее стал великий князь Константин Константинович. К лету 1912 г. был выработан проект предполагаемых правил правописания. Подробнее см.: *Чернышев В. И.* Упрощение русского правописания. I. Современное состояние русского правописания. II. Исторический очерк вопроса об его упрощении. СПб., 1912. С. 53—91. Работа Комиссии широко обсуждалась на страницах периодической печати. Н. Алянчиков, инженер, был один из тех, кто откликнулся на эту проблему. См.: *Алянчиков Н.* Открытое письмо «Тверской газете» и поборникам «грамматности» // *Тверская газета*. 1911. № 304. В своем письме Н. Алянчиков приветствовал почин газеты, которая печаталась без употребления буквы Ъ в конце слов, и поддерживал идею реформы орфографии. По-видимому, в письме Н. Алянчикова к К. Р. излагались эти же идеи.

⁴ В марте 1900 г. высочайшим приказом по Военному ведомству вел. кн. Константин Константинович был назначен Главным начальником военно-учебных заведений России (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 176).

7

13 (26) сентября 1910 г. Павловск

Павловск. 13.IX.10.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

возвращаю исправленную корректуру: заменил в ней одну только точку двоеточием и приписал заключение. Надеюсь, что оно соот-

ветствует действительности и не встретит возражений. Если же память мне изменила и г-же Соловьевой не было присуждено почетного отзыва согласно § 15-му Постановлений, то будьте добры восстановить факты.

Пожалуйста, не откажите мне в вашем посредстве для представления Разряду четырех прилагаемых работ моих:

1) Разбор рукописи г. Вл. Жуковского¹ (Рукопись по минованию надобности очень прошу мне возвратить для отсылки автору).

2) Критический разбор стихотворений С. Д. Дрожжина.²

3) и 4) Рецензии сочинений, представленных на соискание Пушкинских премий. Им обоим, то есть рецензиям суждено ждать будущего года.³

В виду того, что г. Жуковский когда-то и по моему представлению получил почетный отзыв за переводы из Эредиа,⁴ я не ограничиваюсь сообщением ему разбора его нового труда, но представляю этот разбор и Разряду.

Разбор Дрожжина написан мною по просьбе Н. А. Котляревского. Его следовало бы заслушать в заседании. Но не сочтете ли вы более удобным и менее стеснительным для гг. академиков послать мою работу каждому из них по очереди для прочтения на дому. А потом можно было бы собраться в заседание для постановления решения. Мне было бы очень совестно отнимать время у своих сочленов, утруждая их продолжительным чтением вслух довольно пространной рукописи и наводя на них скуку. Если вы согласны с моим предложением, то может быть, рассылая мой разбор Дрожжина, заодно разошлете и разбор рукописи Жуковского.

Надеюсь, что до вас дошла моя рецензия о Чернявском.

Искренно жму вам руку.

Константин.

¹ Жуковский Владимир Григорьевич (1871—1922) — поэт, переводчик. Служил в министерстве иностранных дел; долгое время находился на дипломатической службе в разных странах мира. Публиковался с 1893 г. См.: *Кеда А. А. Жуковский Владимир Григорьевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 287.

К. Р. в августе 1906 г. написал отзыв на сборник В. Г. Жуковского «Стихотворения. 1893—1904» (СПб., 1905). Опубликовано: Семнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1907 года: Отчет и рецензии. СПб., 1908. С. 114—163 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 84, № 5); перепечатано: К. Р. Отзыв о стихотворениях Владимира Жуковского. СПб., 1908; Критические отзывы. С. 45—97. Константин Константинович довольно сдержанно оценил поэтическое дарование В. Жуковского, признав удачными лишь одну седьмую из всего количества его оригинальных стихотворений: «Один из главных недостатков г. Жуковского — это деланность и искусственность» (Критические отзывы. С. 56). Тем не менее К. Р. оказались близки религиозные мотивы в творчестве В. Жуковского. Не упускает критик возможности еще раз заявить о своем сочувствии «здравому мирозерцанию», которое он обнаруживает в поэзии В. Жуковского: «Отраднo встретить в произведениях г. Жуковского трезвое и здоровое мирозерцание, полное жизнерадостности и чуждое напускной тоски, беспричинного нытья и мрачного лomanья, к которым так склонны некоторые современные писатели и стихотворцы. Г. Жуковский не приходит в отчаяние при мысли о смерти, не льет безутешных и, во всяком случае, бесцельных слез при виде пожелтевшего листа или увядшего цветка и не повергается в глубокое уныние, припоминая неизбежно минувшие годы» (Там же. С. 66).

Рукопись В. Жуковского, о которой идет речь в данном письме, остается неизвестной, равно как и рецензия К. Р. на нее (в РО ИРЛИ отсутствует).

² Дрожжин Спиридон Дмитриевич (1848—1930) — поэт-самоучка; из семьи крепостного. Публиковался с 1873 г. Большой популярностью пользовалась его автобиография «Поэт-крестьянин С. Дрожжин в его воспоминаниях», опубликованная первоначально в журнале «Русская старина» (1884) и неоднократно переизданная со значительными дополнениями и изменениями. В конце XIX—начале XX вв. было опубликовано около десятка сборников его стихов. См.: Иванова Л. Н. Дрожжин Спиридон Дмитриевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 186—187.

Отзыв К. Р., написанный 30 июня 1910 г., был посвящен сборникам С. Д. Дрожжина: Стихотворения. 1866—1888. 3-е изд. М., 1907; Заветные песни. Стихотворения 1904—1906. М., 1907; Новые русские песни. М., 1909; Баян. М., 1909. Опубликовано: К. Р. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина. СПб., 1912; перепечатано: К. Р. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук. V. Отчеты за 1910 год. Пг., 1915. С. 167—195; Критические отзывы. С. 324—354. В 1910 г. С. Д. Дрожжину была присуждена премия имени М. Н. Ахматова. Как следует из отчета, инициатором выдвижения стихотворений С. Д. Дрожжина на премию был сам К. Р. (см.: Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых имп. Академиею наук. С. 113).

Поэт-самоучка, крестьянин С. Д. Дрожжин не мог не импонировать К. Р., который остро осознал свой долг перед народом. Критик отнесся к творчеству С. Д. Дрожжина в высшей степени доброжелательно и достаточно высоко оценил его произведения: «Они искренни и чистосердечны» (Критические отзывы. С. 340). В этом отзыве еще раз звучит очень важный для К. Р. критерий положительной оценки творчества любого поэта: «Жизнерадостное настроение в авторе, о бесчисленных невзгодах которого мы <...> знаем, производит в высшей степени отрадное, светлое впечатление; эта бодрость духа должна бы многим воображающим себя поэтами, но умеющим только ныть без всякого на то права, послужить высоким примером для подражания» (Там же. С. 341). К. Р. ценит в поэзии С. Д. Дрожжина «добрые, светлые» мысли, его стремление поддержать и утешить ближнего. Ходатайствуя о присуждении С. Д. Дрожжину одной из премий Отделения русского языка и словесности, К. Р. заключал свой отзыв следующими словами: «Самобытный, своеобразный, неподпадающий под чужие влияния, не заражающийся модными течениями, не увлекающийся подражанием современному декадентству, автор почти неизменно остается верен себе и поет от души, просто, искренно и часто взволновано».

Мне скажут может быть, что многие его вещи навеяны Кольцовым и Никитиным. Я отвечаю на это, что оба названные поэта подражали народной песне, или вернее, воспринимали ее. Итак, она, а не они прообраз его подражаний или восприниманий.

Нельзя не признать за г. Дрожжиным весьма почтенной заслуги перед нашей литературой» (Там же. С. 353).

³ Присуждение Пушкинских премий происходило раз в два года. В 1911 г. должно было состояться Девятнадцатое присуждение. К. Р. к этому присуждению рецензировал следующие поэтические сборники: Гальковский Н. Стихотворения (Лебедин, 1909); Желчужников М. Стихотворения (СПб., 1909); Трубецкая М. По дороге. Стихотворения (Полтава, 1909). См.: Императорская Академия Наук. Отделение русского языка и словесности. Разряд изящной словесности. [Протоколы. СПб., 1912] (протокол заседания от 21 марта 1911 г.). О названных авторах см. прим. 1—3 к письму 20.

⁴ Имеется в виду следующее издание: Эредиа Хосе Мария. Сонеты / В пер. В. Жуковского. СПб., 1899. Оригинал: Les Trophées par José-Maria de Heredia. Paris, 1893. Сонеты Эредиа (1842—1905), выходя из испано-кубинской семьи, получившего образование во Франции и натурализовавшегося там, последователя парнасской школы французской поэзии, были очень популярны в России в конце XIX—начале XX вв. К. Р. в отзыве на творчество В. Жуковского, о котором говорилось в прим. 1, достаточно высоко оценил сделанные им переводы из Эредиа: «Насколько сборник стихотворений г. Жуковского не заслуживает, по нашему мнению, ни полной, ни даже половинной Пушкинской премии, ни просто почетного отзыва, настолько сонеты стоят того, чтобы Отделение русского языка и словесности обратило на них благосклонное внимание» (Критические отзывы. С. 95). В. Жуковскому за переводы сонетов Эредиа был присужден почетный отзыв (см.: Семнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1907 года: Отчет и рецензии. СПб., 1908).

В литературных кругах переводы В. Жуковского вызвали самые противоречивые отклики. Анонимный рецензент журнала «Мир Божий» отказывал переводчику в мас-

терстве, упрекая его в «поэтическом бессилии» (Мир Божий. 1899. № 7, отд. 2. С. 79). Говоря о тех сонетах Эредиа, которые В. Жуковский перевел с соблюдением формы этого жанра (часть сонетов переведена без соблюдения данной формы), рецензент отмечал: «Почти всюду, где он пытается написать сонет, не только не выигрывает Эредиа, но исчезает и сама поэзия» (Там же. С. 78). В. Буренин, напротив, назвал В. Жуковского «истинным поэтом»: «Если бы меня спросили, кого из наших молодых стихотворцев, выступивших в 90-х годах, я признаю за наиболее выдающегося, наиболее достойного титула поэта — я бы не обинуясь назвал г. Жуковского» (*Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1899. 16 апр.*). Современные исследователи переводам В. Жуковского дают довольно жесткую оценку: «В переводах Жуковского отточенные сонеты теряли немало энергии и чеканности, становились описательными, иногда выпренными, искусственность элегических интонаций подчеркивалась обилием многозначительных многоточий. А главное, язык их был языком привычных поэтических клише» (*Эредиа Жозе Мария де. Сонеты: В переводах русских поэтов / Сост., подгот. текста, послесл. и прим. Б. Романова. М., 1994. С. 270*).

8

11 (24) февраля 1911 г. Петербург

11 февраля 1911.
Мраморный.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

ваше предложение доставить не позже 1 марта рецензию на сочинение М. Жемчужникова «Стихотворения» (1909)¹ меня смутило, так как я не знал или забыл, что она мне поручена, а самой книги у меня нет. Впрочем, поищу в Павловске. Не сохранилось ли у вас отпуска с поручения мне означенной рецензии?

Искренно ваш
Константин.

¹ Жемчужников Михаил — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева учтено только три журнальные публикации М. Жемчужникова; отклики на его произведения не зафиксированы.

К. Р. давал отзыв на сборник М. Жемчужникова «Стихотворения» (СПб., 1909) на заседании Разряда изящной словесности 21 марта 1911 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 386—393. Оценка критика в высшей степени отрицательная. Перечислив многочисленные погрешности в области рифмы и поэтического языка, К. Р. заключал: «Но главным недостатком стихов разбираемой книги нужно признать недостаток поэзии. Ее отсутствие налагает на всю книгу печать бесцветности, пресноты и отсюда — скуки» (Критические отзывы. С. 393).

9

13 (26) сентября 1912 г. Павловск

Павловск.
13 сентября 1912.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

извиняюсь, что нездоровье, вынудившее меня провести два дня в кровати и еще не совсем прошедшее, задержало ответ на ваше письмо.

Я с большим удовольствием постараюсь быть полезным Саратовской ученой комиссии и вполне согласен с вашим предложением.¹ Будьте добры распорядиться изготовлением рескриптов кому следует.

Посылаю порученные мне 3 рецензии: одну положительную («Сонеты» Ротштейна)² и две отрицательные («Огни и отражения» Хвостова³ и «Сказка любви» Андрусона⁴). Прилагаю еще рукопись последнего своего произведения⁵ в надежде, что вы не откажетесь его пробежать и написать мне ваше о нем мнение. По миновении надобности очень прошу возвратить рукопись.

Искренно ваш.

Константин.

¹ Данное письмо К. Р. является ответом на письмо А. А. Шахматова от 8 сентября 1912 г., в котором тот сообщал: «На днях я был в Саратове и осматривал местную ученую архивную комиссию <...> В экстренном заседании, в котором я присутствовал, обсуждались неотложные нужды комиссии. Новое помещение ее вызывает значительные расходы; нужны деньги для печатания трудов и исследований, в особенности описаний коллекций и архива; необходимо, хотя бы и незначительное вознаграждение для постоянных работников; неизбежно расширение помещения архива, часть которого хранится в деревянном сарае. Между тем, средства комиссии ничтожны: членские взносы поступают неаккуратно; единственной доходной статьей являются суммы, крайне ничтожные, ассигнуемые земством <...> Правление комиссии решило обратиться к Вашему императорскому Высочеству с просьбой поддержать его ходатайство об отпуске некоторой ежегодной субсидии из казны на нужды комиссии. Я беру на себя смелость просить Вас, разрешите ли Вы комиссии представить соответствующее ходатайство через Вас как своего Августейшего покровителя» (см.: *Соболев В. С. Августейший президент. СПб., 1993. С. 149—150*).

² *Ротштейн Александр* — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева учтен ряд его журнальных публикаций; отклики не зафиксированы.

К. Р. давал отзыв на сборник Ротштейна «Сонеты» (СПб., 1910); рецензия помечена 6 июля 1912 г. Опубликовано: К. Р. Разбор сочинения А. Ротштейна «Сонеты». Пг., 1914; перепечатано: Критические отзывы. С. 397—419.

Без сомнения, К. Р. в отзыве на сонеты А. Ротштейна был пристрастен: автор стихов был бывшим офицером Измайловского полка, в котором великий князь с 1884 по 1891 г. командовал ротой. Подкупило в Ротштейне критика и то, что тот обратился к любимой Константином Константиновичем форме сонета. Отмечает К. Р. в поэзии Ротштейна и печать «человека с разносторонним образованием, знакомого с литературой и искусством Запада, умеющего ценить великих поэтов и художников» (Критические отзывы. С. 406). Особо останавливается рецензент на шекспировских и гетевских мотивах в сонетах автора. Заканчивается отзыв К. Р. ходатайством о присуждении Ротштейну почетного отзыва.

Однако рецензия К. Р. одновременно и строга. Критик упрекает поэта в манерности: «Нашему автору надо бы пожелать побольше простоты и поменьше „жеманных манер“» (Там же. С. 399). Весьма характерен следующий пассаж, свидетельствующий о неприятии Константином Константиновичем тенденций, связанных с символистским искусством: «Не могу похвалить г. Ротштейна за подражание г. Бальмонту в измышлении слов, хотя и правильных грамматически, но не существующих на нашем языке, как: *вечерность, напевность, песчаность, вздыблиность*» (Там же. С. 400).

В противоположность К. Р., Н. Гумилев не находит в сонетах А. Ротштейна никаких достоинств: «Суровый сонетист не писал бы сонетов анапестом или только мужскими рифмами, не рифмовал бы подряд четыре прилагательных или три депричастия, не повторял бы два раза одну и ту же строчку... А смелый новатор нашел бы нужные слова вместо клише дешевого эстетизма, к которому сводятся все мысли и образы в книге Александра Ротштейна» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 8. С. 61*).

³ *Хвостов Николай Борисович* (1849—?) — поэт. Родился в Петербурге в семье сенатора. Образование получил в Училище правоведения (1862—1870). Служил по ведомству Министерства юстиции. Стихи писал еще в Училище, но публиковаться начал лишь в 1875 г. Автор сборников «Собрание стихотворений» (1900. Т. 1—2), «Под осень» (1905), «Огни и отражения» (1912) (см.: Автобиография, присланная в 1913 г. С. А. Венгеру — ф. 377, оп. 7, № 3750). Журнальные публикации Н. Б. Хвостова и отклики на его произведения см. в картотеке А. Д. Алексеева.

В первый раз в качестве рецензента произведений Н. Б. Хвостова К. Р. выступал в 1907 г., когда он давал отзыв на сборник поэта «Под осень. Стихотворения 1901—1904 гг.» (СПб., 1905). Тогда, отметив ряд существенных погрешностей против поэтического искусства и в целом дав весьма сдержанную оценку творчества Н. Б. Хвостова, критик тем не менее считал возможным просить Разряд изящной словесности удостоить автора почетного отзыва, каковой и был ему присужден. Отзыв К. Р. 1907 г. опубликован: Семнадцатое присуждение премий имени А. С. Пушкина 1907 года: Отчеты и рецензии. СПб., 1908. С. 164—179 (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности; Т. 84, № 5); перепечатано: К. Р. Отзыв о стихотворениях Н. Б. Хвостова. СПб., 1908; Критические отзывы. С. 161—176. Весьма характерны критерии, согласно которым К. Р. считает возможным дать произведениям Н. Б. Хвостова положительную оценку. Все они связаны с неприятием Константином Константиновичем декадентского искусства: «Одним из главных достоинств сборника г. Хвостова следует признать всякое в нем отсутствие подражания модному направлению стихотворства, которое в поисках новых путей переступает грани, поставленные здравым смыслом, и стремится огорошить читателя всевозможными вычурностями и несообразностями. Ничего подобного не найти у г. Хвостова. Миросозерцание его вполне трезвое, ясное и спокойное. У него нет склонности развенчивать старые, вечные идеалы или возводить в добродетель то, что донею признавалось злом <...> Наш писатель смотрит на жизнь не уныло, без ненависти, как водится у многих современных псевдопоэтов, а весело, здраво, с надеждой» (Критические отзывы. С. 164, 166).

Второй отзыв К. Р. на стихи Н. Б. Хвостова — на сборник «Огни и отражения: Четвертая книга стихов. 1905—1911» (СПб., 1912) — был представлен на заседании Разряда изящной словесности 12 марта 1913 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 420—424. На этот раз рецензия была отрицательной.

Творчество Н. Б. Хвостова привлекало внимание и журнальных кругов. Сборник «Под осень» был замечен критиком S.v.S., который, давая положительную оценку поэзии Н. Б. Хвостова, точно так же, как и К. Р., противопоставил его творчество декадентскому направлению в искусстве: «Цветущую осень своих вдохновенных переживает г. Хвостов и нам грустно, что имя его, как поэта, незаслуженно мало известно нашей читающей публике, тогда как произведения современных литературных „сверхчеловеков“ пользуются шумным успехом скандала» (см.: S.v.S. [Рец.] // Живописное обозрение. 1905. № 4. С. 100). Другой критик, А. Фаресов, в противоположность К. Р., достаточно высоко оценивает и его сборник «Огни и отражения» (см.: Фаресов А. [Рец.] // Исторический вестник. 1912. № 5. С. 660).

⁴ *Андрусон Леонид Иванович* (1875—1930) — поэт, переводчик. Печатался с 1899 г. В 1908 г. вышел в свет первый сборник его стихов и переводов «Сказка любви», на котором лежит отпечаток преклонения Л. И. Андрусона перед Верлем. Для его стихов характерны мотивы одиночества поэта в урбанистическом обществе, эстетизация богемного полунищенского существования. См.: *Рейт-блат А. И. Андрусон Леонид Иванович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*. М., 1989. Т. 1. С. 74—75.

К. Р. представил отзыв на сборник «Сказка любви» на заседании Разряда изящной словесности 12 марта 1913 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 425—433. Рецензия была отрицательной. Критик не принял экспериментаторских исканий поэта в области стихотворных размеров. Смелое сочетание в одном стихотворении амфибрахия, дактиля, анапеста К. Р. воспринял как «полный беспорядок в применении разнообразных размеров» (Критические отзывы. С. 426). Резкую отповедь вызвали у критика и стихи «Каменщик», «Ткачи», «Песня швей», «Узники», с их открыто демократической позицией. Не поверив в искренность сочувствия Л. Андрусона трудовому народу, К. Р. писал: «Подумаешь, какой выискался печальник страждущего человечества, с его цепями, машинами, трудом, с морем слез и позором земли!» (Там же. С. 431).

Совершенно иначе творчество Л. И. Андрусона было воспринято другими кругами. Н. Я. Абрамович свою рецензию на сборник «Сказка любви» начинал следующими

словами: «Эта книжка, несмотря на бедность мотивов и красок, побеждает. Искренность ее так велика, что здесь как-то не рискнешь завести речь о приемах профессионального мастерства. Ну, да — Андрусон не мастер. Но захватывает не только тот, кто победоносно владеет стилем и образом. Охваченный своим душевным трепетом, человек вплотную подходит к вашему лицу и завладевает вами не только своим словом, но болью и страстью, вложенной в слово» (*Абрамович Н. Я. [Рец.] // Образование. 1908. № 1, отд. 3. С. 139*). Раскритикованные Константином Константиновичем стихи, посвященные трудовому люду, у Н. Я. Абрамовича вызвали сочувствие: «Мне нравятся <...> сжатостью и сосредоточенностью „Каменщик“ и „В городе“. Мотив „Швей“ многие найдут банальным, но никто не откажет поэту в праве откликаться на то, что режет его впечатлительность, лишь бы звучала правда впечатления» (Там же. С. 140). Вторит Н. Я. Абрамовичу и Е. Тарасов (см.: *Тарасов Е. [Рец.] // Современный мир. 1908. № 2, отд. 2. С. 99—100*).

⁵ Судя по следующему письму, К. Р. послал А. А. Шахматову для ознакомления свою драму «Царь Иудейский».

10

17 (30) сентября 1912 г. Павловск

Павловск. 17.9.12.

Душевно благодарю вас за лестный отзыв о моем труде и за ценные замечания, особенно за глашатая. Не подумав, я допустил непростительную ошибку. Не правда ли глашатай склоняется: ая, ому, ая, аем, а не ого, ому, ого, ым, ом?

За Иоанну заступлюсь: близко принимая к сердцу судьбу Леи и Александра и встречая отца последнего, Симона, она не может не поделиться с ним радостною вестью об освобождении его сына из рабства.

«Мир» звезд я заменяю словом «сонм».¹

«Не минул день» я вам не уступлю.

Соглашаясь с вами, указанную вами неловкость исправлю так:

Лишь этих двух примет не доставало
Для исполнения вещей прорицаний,
Что (вместо И) ныне все сошлись на Иисусе.²

О «жеребенке», заменившем «молодого осла» у прор<ока> Захари, подумаю.

Сердечно вам благодарный
Константин.

¹ Данное изменение было реализовано в опубликованном тексте: «Напоминают в небесах <...> Их светлый сонм непостижим и чужд» (см.: К. Р. Царь Иудейский. СПб., 1914. С. 25; монолог Иосифа).

² В публикации:

Лишь этих двух примет не доставало
Для исполнения вещей прорицаний,
И ныне все сошлись на Иисусе
(Там же. С. 171; монолог Никодима).

13 (26) октября 1912 г. Павловск

Павловск.
13 октября 1912.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

посылаю вам письма и стихи Аркадия Семенова,¹ полученные в прошлом году и на этих днях. Мною сделаны на полях отметки, с которыми, быть может, следовало бы ознакомиться. Не послать ли ему подлинную рукопись?

16-го еду в Египет.² Хочется на прощанье хотя мысленно крепко пожать вашу руку.

Константин.

¹ См. прим. 2 к п. 4. Отзыв К. Р. 1912 г. на стихи А. А. Семенова неизвестен.

² Судя по письмам Константина Константиновича к А. Ф. Кони, за границу К. Р. уехал в конце ноября. Его маршрут был следующим: Хелуан — Ассуан — Луксор — Афины — Вильдунген (см. письма от 1/14 декабря 1912 — 13 июня 1913 г.: К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма / Материалы к публ. подготовлены Э. Матониной. М., 1998. С. 428—435).

23 февраля (8 марта) 1913 г. Ассуан

23 февраля 1913.¹

Милый и сердечно уважаемый Алексей Александрович, ваше письмо от 30 января дошло до меня 14 февраля. Я запоздал ответом по причинам получения большого числа писем, требовавших немедленного отзыва, и очень извиняюсь, что заставил вас долго ждать. Хорошо понимаю вашу радость после встречи с крестьянином-плотником, в котором вы заметили интерес к языку и тонкую наблюдательность: по личному опыту знаю, как отраднo находить среди простых людей личности, одаренные и недюженные.

Пожалуйста, разузнайте у г. Гурлянда,² каким образом помочь Саратовской Ученой Архивн<ой> Комиссии.

Занимаясь историей, географией, этнографией и археологией Грузинского царства для одной предполагаемой литературной работы, прочел я между прочим: «Культурную роль Иверии в истории России» епископа Кириона.³ В этой книге автор не раз ссылается на вас, что и дает мне повод побеседовать с вами о ней. Хотелось бы узнать, вправе ли автор утверждать, что составитель Повести временных лет находился под несомненным влиянием грузинской летописи Картлис Цховреба? Кирион не дает объяснения, каким образом этот составитель мог узнать по грузински. Многие страницы книги делают неприятное впечатление, напр<имер>, от-

рицание правдивости Пов<ести> врем<енных> лет; разрушение легенды об Иване Сусанине, которая если не ошибаюсь, после Костомарова⁴ в последнее время признана исторической былью; задорный тон, по крайней мере излишний для ученого исследователя, по отношению к академику Марру⁵ и армянским ученым. Так бы хотелось мне познакомиться с вашим мнением об ученой ценности епископа Кириона и его выводов. В одном нельзя не согласиться с ним, что весьма желательно усилить и ускорить изучение архивов грузинских рукописей.

Представил ли на соискание Пушкинской премии свои стихи Ник. Петр. Мезько?⁶ Кому будет поручена рецензия о них? Они изданы с моим предисловием. Покойный гр. Голенищев-Кутузов,⁷ один из наиболее строгих и тонких ценителей поэтических произведений, очень лестно отозвался в письмах ко мне о стихотворениях Мезько, с которыми я ознакомил графа. Не знаю, удобно ли мне, автору предисловия, выступать с разбором. Подумайте об этом. Вот и еще новое пустующее место в Пушкинском разряде!⁸ — Если бы меня спросили, кого избрать на место выбывших, я бы, не задумываясь, назвал после Поликс. Серг. Соловьевой Веру Рудич, три или четыре книжки стихов которой несомненно составляют отрядный вклад в нашу поэтическую литературу.

Крепко жму вашу руку. Сердечно вас любящий

Константин.

¹ Письмо прислано из Египта. Написано на бумаге для писем отеля г. Ассуан «Luxor Winter Palace».

² Гурлянд — лицо неустановленное.

³ Имеется в виду труд епископа Кириона (Г. И. Садзагеллова) «Культурная роль Иверии в истории Руси» (Тифлис, 1910).

⁴ Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — историк, этнограф, писатель.

⁵ Марр Николай Яковлевич (1864/1865—1934) — востоковед, лингвист; академик (с 1912 г.). Основной вклад внес в области армяно-грузинской филологии. Инициатор создания серии «Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии» (1900—1913. Вып. 1—13).

⁶ Мезько Николай Петрович (1881—?) — поэт. Родился в семье педагога в г. Козелец Черниговской губ. В 1907 г. закончил Киевский университет св. Владимира; одновременно был вольнослушателем Киевской духовной академии. В 1905 г. познакомился с К. Р., чье руководство в поэтическом ремесле очень ценил (см.: Автобиография, написанная в 1913 г. для С. А. Венгерова — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2361). Библиографию журнальных публикаций Н. П. Мезько см. в картотеке А. Д. Алексеева; отклики на произведения поэта здесь не зафиксированы. В 1911 г. вышли в свет «Стихотворения», предисловие к которым написано Константином Константиновичем. В письме к А. Ф. Кони от 13 августа 1911 г. К. Р. замечал: «На днях я написал предисловие к „Стихотворениям“ начинающего, впервые печатающегося автора Мезька, за которым признаю истинное поэтическое дарование» (К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники. С. 422).

В литературных приложениях к «Ниве» (см.: Нива. Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения. 1912. № 3. С. 555) в разделе «Библиография» есть доброжелательный анонс сборника Н. П. Мезько «Стихотворения» (СПб., 1911), вызванный скорее всего фактом наличия предисловия К. Р. в данном издании. Предисловие К. Р. к сборнику Н. П. Мезько перепечатано: Критические отзывы. С. 394—396. Критик очень высоко оценил творчество начинающего поэта, отметив, что его стихотворения «не только певучи, они полны и смысла, и содержательности, и поэзии» (Критические отзывы. С. 395).

⁷ Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт, государственный служащий. С 1889 г. занял пост управляющего Государственным дворянским земель-

ным и Крестьянским поземельным банками; в 1895 г. возглавил личную канцелярию императрицы Марии Федоровны. Печатался с 1869 г. Ориентирами для поэзии А. А. Голенищева-Кутузова служили А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. Н. Майков, А. А. Фет. Прочным был творческий союз поэта с М. П. Мусоргским, который на его стихи написал вокальные циклы «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875—1877) и другие произведения. В 1894 г. А. А. Голенищев-Кутузов получил Пушкинскую премию. В 1900 г., одновременно с К. Р., был избран почетным академиком по Разряду изящной словесности. Ему часто поручали отзывы на поэтические произведения, представленные на Пушкинскую премию. К. Р. высоко ценил дарование А. А. Голенищева-Кутузова и доверял его критическим оценкам.

⁸ Это восклицание связано с полученным Константином Константиновичем известием о кончине почетного академика по Разряду изящной словесности А. А. Голенищева-Кутузова, последовавшей 28 января (10 февраля) 1913 г.

13

26 марта (8 апреля) 1913 г. Афины

Афины.
26 марта 1913.

Милый Алексей Александрович,

во-первых, вас благодарю за сочувствие нашему семейному горю, приведшему меня вместо Сицилии, куда я собрался, в Афины к овдовевшей сестре.¹

Сообщив отзыв о книге епископа Кириона, вы дали мне вдохнуть с облегчением. Слишком было бы обидно заставить себя уверовать в его положения. Но вы признаете его книгу не научною, а его выводы — бредом. В приводимом им перечне русских слов, будто бы заимствованных от грузин, есть, напр<имер>, бутон. Думаю, что это слово перешло к нам от французов без всякого посредства грузинского языка. — Как отрадно слышать от такого ученого, как вы, признание Нестора составителем Повести вр<еменных> лет!

В вашем упоминании о предположении почтить память гр. Голенищева-Кутузова публичным заседанием я с некоторым испугом прочитал, что «В(алерий?) Я. Брюсов² выразил согласие выступить с докладом». Значит, это дело решенное. Опасаюсь, что предложил его, как чтеца, Н. А. Котляревский, снисходительность которого к современным горе-поэтам меня поражает настолько же, насколько высоко я ставлю его оценку наших классических писателей. В писаниях Брюсова есть места, за которые может и должна краснеть не одна Академия. Такого мнения, несомненно, держался и покойный поэт, которого собираются чествовать, и слово о нем, произнесенное В. Брюсовым, представляется мне злою насмешкой, а след<овательно> будет весьма и весьма неуместно, чтобы не сказать неприлично. — Еще при жизни графа меня подмывало написать статью о последнем выпуске его стихотворений,³ который остался незамеченным. Но это намерение, подобно другим, а ими как известно, вымощен ад, осталось невыполненным. — Посоветуйте: не приняться ли мне за оценку графа Голенищева-Кутузова и его

творчества? Если да, я попросил бы вас вооружить меня биографическими и библиографическими сведениями о покойном. Выступить публично с речью я не могу, не обладая красноречием, но мог бы прочесть свой доклад, конечно, только в том случае, если заседание состоится не ранее осени.⁴

Прошу вас разрешить мое недоумение по поводу одного слова в недавно написанном мною след<ующем> стихотворении:

ЗАКАТ НАД НИЛОМ5

Солнце село. Но ночная
Тьма не сразу наступает,
Чтоб закат успел, пылая,
Отразиться в глади вод;

Чтобы небо на прощанье
Рдело сказочной красой,
И волшебное сиянье
Разгоралось над землей.

Словно радужным виденьем
Мир земной заморожен.
Как топазовым цветеньем
Млеет желтый небосклон.

В дымке розово-лиловой
Тает запад золотой
И малиново-багровой
Заливается зарей.

Мои сомнения вызывает прилагательное топазовый. Правильно ли оно? Ухо подсказывает, что правильно. Но в памяти возникают слова: алмаз, раз, производными которых будут: алмазный, разный. Быть может вернее было бы: топазный. Придите, пожалуйста, мне на помощь. Адрес мой до 10 апреля: Grèce, Athenes, Grand Duc Constantin.

Сердечно вас уважающий

Константин.

¹ Сестра вел. кн. Константина Константиновича Ольга (1851—1926) была замужем за королем Греции Георгием (1845—1913). Овдовела 18 марта (по н. ст.) 1913 г.

² Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед. С начала 1890-х гг. один из идеологов символизма — литературного направления. чуждого К. Р. Константин Константинович не принимал эротических мотивов в поэзии В. Я. Брюсова.

³ Имеется в виду издание: *Голенищев-Кутузов А. А.* На закате. СПб., 1912.

⁴ 27 октября 1913 г. на публичном заседании Разряда изящной словесности К. Р. произнес речь «Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова». Опубликовано: Изв. отд-ния рус. яз. и словесности. 1913. Т. 18, кн. 4. С. 1—15; перепечатано: К. Р. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. СПб., 1913; Критические отзывы. С. 434—448. В своей речи К. Р. вступил в полемику с В. С. Соловьевым. Возражение у Константина Константиновича вызвал следующий тезис В. С. Соловьева: «У Пушкина тон бодрый, радостный и уверенный; при самых языческих, мирских и даже греховных сюжетах настроение его все-таки христианское, — это поэзия жизни и воскресения. У гр. Кутузова, напротив, тон минорный, настроение безнадежное; он —

поэт смерти и Нирваны, хотя это последнее столь ныне злоупотребляемое слово и не встречается в его стихах» (см.: *Соловьев В. С.* Буддийское настроение в поэзии // *Вестник Европы.* 1894. № 5. С. 330). К. Р. совсем иначе воспринимал поэзию А. А. Голенищева-Кутузова: «...его религия есть именно религия воскресения, а не смерти» (Критические отзывы. С. 441). В противоположность В. С. Соловьеву, слышавшему в стихах А. А. Голенищева-Кутузова «минорный тон», К. Р. чувствовал в его поэзии «тон мажорный и настроение, чуждое всякой безнадежности» (Там же. С. 442).

Любопытно, что К. Р. и В. Я. Брюсов, столь несхожие в своих литературных вкусах и убеждениях, во взглядах на творчество А. А. Голенищева-Кутузова сошлись. В. Я. Брюсов, высоко ценивший поэтическое мастерство А. А. Голенищева-Кутузова, как и Константин Константинович, полемизирует с В. С. Соловьевым: «И вся поэзия Голенищева-Кутузова, в ее целом, говорит нам, что поэт вовсе не отрицал мира, что он любил красоту земли и жизни» (*Брюсов В.* Граф А. А. Голенищев-Кутузов (28 января 1913 г.) // *Русская мысль.* 1913. № 2, отд. 2. С. 150).

⁵ Стихотворение опубликовано без изменений с посвящением Р. Ю. Минкельде и с датой 14 марта 1913 г.: *К. Р.* В Египте. Стихотворения // *Нива.* 1913. № 36. С. 706.

14

7 (20) мая 1913 г. Альтенбург

Альтенбург.¹
7 мая 1913.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

ваше письмо от 14 апреля застало меня в Венеции 28-го, а список биографических и библиографических указаний, относящихся к графу А. А. Голенищеву-Кутузову, я получил 3 мая в Людвигсбурге. И за то, и за другое очень вас благодарю. Уже выписал по списку наиболее мне пригодное.

Меня окончательно успокоило ваше сообщение, что предположенное Разрядом заседание с участием Валерия Брюсова встречено сочувственно семьей поэта. И все-таки я невольно отношусь с недоверием к названному писателю, не умея понять, как одна и та же почва может приносить и крапиву, и пшеницу. Что некоторые из произведений Брюсова могут быть несомненно уподоблены крапиве, известно всем.

От покровительствуемого мною Н. П. Мезько я получил известие, что его стихотворения не увенчаны Пушкинской наградой. Очень вас прошу, не признаете ли вы возможным доставить мне отзыв рецензента, высказавшегося об этих стихотворениях. По возвращении в Россию я мог бы сообщить вам письмо покойного графа Арсения Аркадьевича, в котором он с большою похвалой отнесся к стихам г. Мезько. — Мой адрес до первых чисел июня: Bad-Wildungen.

Искренно вас любящий
Константин.

¹ Альтенбург — столица Саксен-Альтенбургского княжества, правителями которого были родители жены Константина Константиновича великой княгини Елизаветы Маврикиевны, урожденной принцессы Саксен-Альтенбургской.

5 (18) ноября 1913 г. Петербург

5 ноября 1913.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

что скажете вы по поводу прилагаемого письма Э. Л. Радлова,¹ которое прошу мне возвратить?

С моей стороны препятствий к исполнению желания Радлова не встретится. Дело за вами. Если и вы будете согласны на помещение моего доклада о гр. Голенищеве-Кутузове также в «Журнале министерства народного просвещения»,² то не будете ли вы добры послать копию с моего доклада в редакцию упомянутого журнала, так как у меня нет другого списка.

Искренно ваш
Константин.

¹ Радлов Эрнест Львович — редактор «Журнала министерства народного просвещения».

² См.: К. Р. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова // Журн. м-ва нар. просвещения. 1914. № 1, отд. 3. С. 1—11.

27 декабря 1913 г. (9 января 1914 г.). Павловск

Павловск.
27 декабря 1913.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович,

желая включить в 3-ий том¹ печатаемых моих сочинений написанное прозой, очень просил бы вас, чтобы мне сообщили заглавия тех моих статей, кои помещались в Известиях русск<ого языка> и словесности, начиная с 1905 года.² Был бы очень благодарен за доставление мне на время тех статей, которые в печати не появлялись. Надеюсь, что просьба эта не слишком нескромна и исполнима без особого затруднения.

Искренно ваш
Константин.

¹ Вероятно, первоначально в свое трехтомное издание «Стихотворения» (СПб., 1913—1915. Т. 1—3) К. Р. хотел включить и написанные им в разные годы критические отзывы. В дальнейшем рецензии составили отдельное издание: К. Р. Критические отзывы. Пг., 1915.

² Под «Известиями русского языка и словесности» Константин Константинович, по-видимому, разумеет не журнал «Известия Отделения русского языка и словесности», а все издания ОРЯС, в которых когда-либо печатались его труды.

29 декабря 1913 г. (11 января 1914 г.) Павловск

Павловск.
29 декабря 1913.

Милый Алексей Александрович,

очень вас благодарю за столь быстрое исполнение моей просьбы.

В списке напечатанных Академией моих трудов пропущены следующие:

1. В. Рудич. Стихотворения (Отдельный оттиск из Сборника Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук т. LXXXIX).¹

2. Отзыв о сочинениях С. Д. Дрожжина (оттиск из Сборника отчетов о премиях и наградах за 1910 г. (Премия имени М. Н. Ахматова))² и наконец

3. Только что полученный мною оттиск моего доклада: Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова (Отдельный оттиск из Известий Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. XVIII (1913 г.), кн. 4).³

В виду этого пропуска, быть может, найдутся и еще какие-нибудь статьи или рецензии; если бы таковые оказались, будьте добры распорядиться, чтобы мне доставили их заглавия.

Сердечно ваш
Константин.

¹ См. прим. 2 к п. 5.

² См. прим. 2 к п. 7.

³ См. прим. 4 к п. 13.

29 июля (11 августа) 1914 г. Павловск

Павловск.
29 июля 1914.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

получив ваше письмо от 21 июля, я немедленно послал его генерал-адъютанту Сухомлинову,¹ запросив, как взглянет он с точки зрения Военного министра на предполагаемую вами опасность, грозящую некоторым нашим архивам и древлехранилищам.² С ответом министра я согласен и полагаю, что перевезение ценных собраний в места, удаленные от границы, представило бы тогда опасность в смысле утраты кое-чего, порчи и пр.

Душевно сочувствую благородному порыву, побуждающему вас просить меня вызвать вас, если нужно, в Петербург, но думаю, что вам переезжать и лишать себя отдыха пока бесполезно.³

Искренно ваш
Константин.

¹ *Сухомлинов Владимир Александрович* (1848—1926) — русский военный деятель, военный министр (с марта 1909 г.). После военных неудач 1915 г. под давлением общественного мнения в июне был снят с должности, а в марте 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене (в связи с осуждением за шпионаж некоторых лиц из его окружения). Суд состоялся в августе-сентябре 1917 г. Обвинения в измене не подтвердились, но Сухомлинов был признан виновным в недостаточной подготовке армии к войне. Приговорен к каторге. Освобожден по амнистии. В 1918 г. эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию.

² Письмо К. Р. является ответом на беспокойство о судьбе архивохранилищ, высказанное А. А. Шахматовым в связи с объявлением Германией войны России. В частности, А. А. Шахматов писал: «Не признаете ли Вы, Ваше Императорское Высочество, необходимым испросить Высочайшее повеление о переведении в безопасные места между прочим следующих книжных и рукописных собраний:

1. Почаевского монастырского архива и библиотеки.
2. Волынского епархиального древлехранилища в Житомире.
3. Архива и библиотеки Луцкого католического собора.
4. Музея Свято-Богородицкого Холмского братства.
5. Соборного Свято-Симеоновского архива в Бресте.

Сильно должна тревожить судьба наших книгоохранилищ в С.-Петербурге и Вильне» (см.: *Соболев В. С.* Августейший президент. СПб., 1993. С. 159). Как показал ход военных событий, обеспокоенность А. А. Шахматова была обоснованной.

³ Объявление войны застало А. А. Шахматова на отдыхе в Саратовской губ. В письме от 21 июля 1914 г. к вел. кн. Константину Константиновичу он высказал готовность по первому требованию президента Академии Наук выехать в Петербург.

19

2 (15) августа 1914 г. Павловск

Павловск.
2 августа 1914.

Милый Алексей Александрович,

вчера меня оч^{чень} обрадовали и тронули ваши добрые строки. Сердечно вас благодарю за сочувствие.

Только что проводили пятого уже сына¹ в действующую армию.

П. В. Никитина² и академика Перетца³ война застигла за границей. Отсюда стараются помочь им и облегчить возвращение на родину. Немцы изумляют мир своим варварством. Я лично был поражен их грубостью, но чем далее, тем более разгорались их страсти и грубость превратилась в зверскую жестокость.⁴

Ужасную, но в то же время и великую годину переживаем мы. Не суждено ли нам увидеть объединение славянства? Не будем ли свидетелями распада Австрии? Полагаю, что вас порадовало обращение Верховного Главнокомандующего⁵ к полякам.

Искренно ваш
Константин.

¹ У великого князя Константина Константиновича и его жены Елизаветы Маркиевны, принцессы Саксен-Альтенбургской, было шесть сыновей и трое дочерей. На фронтах Первой мировой войны воевали: Иоанн (1886—1918; погиб в Алапаевской шахте); Гавриил (1887—1939; автор воспоминаний: Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.: Дюссельдорф, 1993); Константин (1890—1918; погиб в Алапаевске); Олег (1892—1914; погиб на фронте); Игорь (1894—1918; погиб в Алапаевске). В дневнике Константина Константиновича есть следующая запись: «Суббота, 2 августа. Вечером простились с Костей, последним из пятерых сыновей, отправившихся на войну. Он отбыл на другой день» (К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники... С. 346). О пребывании Константиновичей на фронте, смерти от ранения Олега и гибели князя Константина Багратиона, мужа Татьяны Константиновны (1890—1970), см.: *Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце. С. 163—199.

² *Никитин Петр Васильевич* (1849—1916) — филолог-классик, археолог; академик (с 1898 г.), вице-президент Академии Наук (с 1900 г.).

³ *Перетц Владимир Николаевич* (1870—1935) — историк литературы; академик (с 8 февраля 1914 г.).

⁴ Война застала за границей и самого К. Р. с женой. В дневнике Константина Константиновича есть следующая запись о переходе им русско-германского фронта: «Понедельник. 21 июля. К 5-ти утра все были на ногах... Наш вагон прицепили к паровозу и повезли на следующую станцию Сталупяны, отстоящую от нашей границы в 10 верстах. Тут мы вышли из вагона. Миллер более чем учтиво предупредил нас не выглядывать из окон автомобилей, чтобы нас не застрелили. Все мы, я с женой и двумя детьми ... с ручным багажом тронулись на станцию; впереди, с боков и сзади шли солдаты с ружьями, бывшие тут немцы смотрели на нас враждебно. Было приготовлено три мотора. На козлы переднего, где поместились мы с женой и детьми, сел обер-лейтенант с пропуском в руках. Дорогой остановил нас сторожевой пост, но не задержал. Далее, когда мы проехали с 1/4 часа от станции, один поселянин закричал обер-лейтенанту, что близко русские разъезды. Остановились. Миллер не слишком вежливо приказал выходить из автомобиля и объявил, что дальше не поедет (хотя автомобиль был под белым флагом). Более двух часов пробыли мы здесь посреди большой дороги и за это время никаких разъездов, не только что войск, не показалось <...> Вот вдали, в стороне Эйткунена, показались отдельные всадники. Нельзя еще было разобрать, немцы это или русские. Но вот всадники приблизились; трое из них проехали мимо нас по дороге к Сталупянам. Мы в них узнали Смоленских улан... С особо восторженным чувством перекрестился я на пограничном мосту <...>» (К. Р., великий князь Константин Романов. Дневники... С. 342—343).

В воспоминаниях великого князя Гавриила Константиновича, сына К. Р., этот эпизод из жизни Константина Константиновича раскрывается более подробно: «Наконец, слава Богу, мои родители благополучно приехали из Германии, где застала их война. Отец перед самой войной был в Бад-Вильдунген, где лечил почки, а матушка с братом Георгием и сестрой Верой — сперва в Бюкебурге, у своей старшей сестры, а затем у своей матери. Отец сперва не хотел верить в возможность войны и не уехал вовремя, а потом был вынужден срочно выехать на автомобиле, который ему предоставил светлейший князь Ливен. Отец затем где-то встретился с матушкой и они выехали в Россию. Но в это время была объявлена война.

Поезд, в котором находились мои родители, остановили недалеко от русско-немецкой границы и поставили возле него часовых. Чуть ли не в коридоре вагона родителей стоял немецкий часовой, причем двери купе приказано было не закрывать. Таким образом родители провели ночь. На следующий день их всех посадили на автомобили с опущенными занавесками и перевезли через границу. Их предупредили, что если они будут высовываться, то в них будут стрелять. По дороге, уже в России, их высадили из автомобилей и предоставили дальше идти пешком. Должно быть, немцы считали, что им самим ехать дальше небезопасно.

И так, пешком, мои родители, брат Георгий одиннадцати лет, сестра Вера восьми лет, фрейлина матушки бар^{онесса} С. Н. Корф, кн^{язь} Шаховской, воспитатель Георгия француз Бальи-Конт, Верина англичанка и прислуга пошли по шоссе, на восток <...> Бедные родители и все бывшие с ними шли пешком, пока не встретились с разъездом уланского Смоленского полка. Начальник разъезда штаб-ротмистр Бычко узнал моего отца и помог всем добраться до ближайшей станции железной дороги. Родители затем уже благополучно прибыли в Павловск» (*Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце. С. 158—159).

⁵ Верховным Главнокомандующим русской армии в начале Первой мировой войны был вел. кн. Николай Николаевич (Младший) (1856—1929).

20

25 октября (7 ноября) 1914 г. Павловск

Павловск.
25 октября 1914.

Многоуважаемый Алексей Александрович,

задумав напечатать сборник различных моих статей, очень вас прошу, если только это не противоречит установившимся обычаям, прислать мне на пересмотр следующие мои отзывы и рецензии, не появлявшиеся в печати: упоянутые в протоколе заседания Разряда изящ<ной> словесности 21 марта 1911 г. мои отзывы о стихотворениях Н. Гальковского,¹ Мих. Жемчужникова² и кн. М. Трубецкой,³ а также значащуюся в протоколе 12 марта 1913 г. мою рецензию о «Сказке любви» Л. И. Андрусона.⁴

Охотно заступлюсь за доктора Гальма.⁵ Во исполнение этого намерения предоставляю на ваш выбор подписание мною обращения к М<инистр>у Вн<утренних> Дел⁶ или личные ваши с ним переговоры. Думаю, что добьемся успеха, ибо подбные же мои ходатайства достигали цели.

Относительно пленного Музатоли прошу вас заготовить мне на подпись письмо к Военному м<инистр>у⁷ с просьбою водворить итальянца в Одессе в виду ее более мягкого климата.

Искренно ваш
Константин.

¹ Гальковский Николай Михайлович (1868—?) — историк, славист, этнограф, поэт. Родился в семье священника в Ельнинском у. Смоленской губ.; закончил Московскую духовную академию (1895). Печататься начал в газете «Смоленский вестник» и в «Смоленских епархиальных ведомостях» с 1888 г., еще учась в духовной семинарии. Служил учителем, инспектором, директором гимназии в разных городах Харьковской губ. Опубликовал в «Филологических записках» ряд статей о сербской народной словесности. Автор книг «Сербский народный эпос / Вступ. статья и пер. Н. Гальковского» (Сумы, 1897); «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (Харьков; М., 1913—1916. Т. 1—2). О Н. М. Гальковском см.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 114—115; Автобиография, составленная им в 1913 г. для С. А. Венгерова — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 994.

В картотеке А. Д. Алексеева учтена всего одна журнальная публикация Н. М. Гальковского; отклики на его стихотворные произведения не зафиксированы. Отзыв К. Р. на сборник Н. Гальковского «Стихотворения» (Лебедин, 1909) был написан в июле 1910 г. и заслушан на заседании Разряда изящной словесности 12 марта 1913 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 370—385. Рецензент отнесся к стихам Н. Гальковского весьма критически, упрекая автора в «рисовке», в «избитых, громких словах» (Критические отзывы. С. 375), в изречении с глубокомысленным видом банальных истин и т. д.

² См. прим. 1 к п. 8.

³ Трубецкая Мария Г. — поэтесса. В картотеке А. Д. Алексеева учтен ряд ее журнальных публикаций; отклики на произведения не зафиксированы. Отзыв К. Р.

на сборник М.Трубецкой «По дороге» (Полтава, 1909) прозвучал на заседании Разряда изящной словесности 21 марта 1911 г. Опубликовано: Критические отзывы. С. 355—369.

К. Р. отнесся к поэтическим опытам М.Трубецкой весьма скептически: «Большая часть стихотворений кн. Трубецкой бесцветна, бессодержательна и бледна. Неловких, неуместных в стихах слов и выражений встречается очень много» (Критические отзывы. С. 368).

⁴ См. прим. 4 к п. 9.

⁵ Доктор Гальм — лицо неустановленное. Речь идет, вероятно, о немецком подданном, на которого распространялся ряд мер русского правительства, связанных с пресечением возможных шпионских действий в условиях войны.

⁶ Министром внутренних дел в это время был А. Н. Хвостов.

⁷ Военным министром в это время был Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920).

21

2 (15) ноября 1914 г. Павловск

Многоуважаемый Алексей Александрович,

в 1907 г. на XVII соискание премий Пушкина мною был представлен разбор сочинений М. К. (М. Веселкова-Кильштет): Стихи и пьесы (СПб., 1906).¹ Если моя рукопись сохранилась, не будете ли вы добры прислать мне ее на время.

Искренно ваш
Константин.

Павловск. 2 ноября 1914.

¹ *Веселкова-Кильштет (Кильштет) Мария Григорьевна* (1861—1931) — поэтесса, прозаик. Публиковалась с 1900 г. См.: Азадовский К. М. Веселкова-Кильштет Мария Григорьевна // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 433—434.

К. Р. 16 сентября 1906 г. написал отзыв о сборнике: М. К. Стихи и пьесы. СПб., 1906. Опубликовано: Критические отзывы. С. 150—160. Рецензия отрицательная. Ср. отзыв Н. Гумилева на сборник М. Г. Веселковой-Кильштет «Песни забытой усадьбы» (СПб., 1911): «...в книге неприятно поражает отсутствие чисто литературных задач, сколько-нибудь интересных художественных приемов. И печать дилетантизма, пусть умного, пусть талантливого, неизгладимо легла на ней» (*Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 1. С. 72).

22

28 февраля (13 марта) 1915 г. Павловск

Павловск.
28 февр. 15.

Милый Алексей Александрович,

завтра истекает срок представления рецензий сочинений, доставленных на соискание Пушкинских премий. Задержанный болезнью, я опоздал. Не будет ли допущена отсрочка, и какой продолжитель-

ности? Со вчерашнего числа мне позволено вставать с кровати на несколько часов в день, но я еще порядочно слаб. Это впрочем мне не мешает работать.

Искренно ваш
Константин.

23

16 (29 марта) 1915 г. Павловск

Павловск.
16 марта 1915.

Милый Алексей Александрович,

на обложке экземпляра присланной на соискание Пушкинских премий книжки стихов Н. В. Сарандинаки «Тени прошлого»¹ есть заметка мелким шрифтом: «Написаны в имп<ераторском> Училище правовередения в 1849—1851».

Подлежат ли стихотворения, написанные более полувека назад соисканию премий? Как бы ни было, они из рук вон плохи и ни в каком случае не могут заслужить одобрительного отзыва.

Вас, вероятно, не менее моего смущают приведенные в «Но<вом> времени» выдержки из словаря тюркских наречий В. В. Радлова.² Если автор статьи, смешавший двух Радловых, — Василия Васильевича и Эрнеста Львовича, — верно привел эти выдержки, что (так! — *Т. И.*) возникает вопрос, как оградить академическое издание от вопиющего искажения правильности нашего родного языка?

Искренно ваш
Константин.

¹ Сарандинаки Николай Васильевич (?—1898) — поэт. В картотеке А. Д. Алексеева журнальные публикации Н. В. Сарандинаки и отзывы на его произведения не зафиксированы. Рецензия К. Р. на сборник Н. В. Сарандинаки «Тени прошлого. Собрание стихотворений. Написаны в Училище правовередения в 1849—1851» (СПб., 1912), написанная 28 марта 1915 г., была опубликована уже после смерти великого князя, наступившей 2 (15) июня 1915 г. (см.: К. Р. Два критических отзыва. 1. К свету. Соч. А. Ф. Радченко. 2. Тени прошлого. Соч. Н. В. Сарандинаки. Пг., 1915). Отзыв отрицательный: книга, по мнению рецензента, наводит «тоску и зевоту». Указывая на то, что стихотворения написаны еще в 1849—1851 г., когда автор их еще учился в Училище правовередения, К. Р. заметил: «Едва ли он еще жив. Можно думать, что „Тени прошлого“ напечатаны его потомками. В таком случае нельзя не признаться, что они оказали плохую услугу своему предку, предав гласности шалости его юного пера» (Там же. С. 9).

² Радлов Василий Васильевич (Фридрих Вильгельмович) (1837—1918) — востоковед-тюрколог; академик (с 1884 г.). Родом из Германии; переселился в Россию в 1858 г. Автор фундаментального словаря тюркских языков «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1888—1905. Т. 1—4). В письме К. Р. идет речь о статье: *Изуменный*. Поругание государственного языка в русской Академии наук // Новое время. 1915. 14 марта, № 14011. Статья вызвана антинемецкими настроениями, вспыхнувшими в русском обществе во время Первой мировой войны. Объектом нападок со

стороны прессы стала и Академия Наук, в которой несправедливо видели рассадник немецкого влияния.

24

1 (14) апреля 1915 г. Павловск

Павловск. 1.IV.15.

Дорогой Алексей Александрович,

доктор ни под каким видом не пускает меня в город, считая такую поездку слишком рискованной после перенесенных мною за 3 м<еся>ц<а> болезненных явлений. Я вынужден просить вас взять на себя труд прочесть вместо меня мой отзыв о сочинениях Мазуркевича,¹ который прилагаю. Отзывы о книгах Радченко² и Сарандинаки еще не переписаны; они оба безусловно отрицательные и я надеюсь, что Разряд поверит мне в этом на слово, не выслушавшая многочисленных моих доводов против этих авторов. — Я тоже теряюсь в догадках, когда наступит время Ф. И. Успенскому³ тронуться в путь. О дне отправления десанта нам, конечно, не скажут. — В виду предположенного отправления А. А. Половцова,⁴ не следовало ли бы так или иначе поставить Министра иностранных дел⁵ в известность о достигнутом Академией соглашении с Верх<овным> Главнокомандующим, во избежание могущих возникнуть столкновений. Лучше бы всего вам побывать у Сазонова и от моего имени по секрету с ним поговорить.

Искренно ваш

Константин.

¹ Мазуркевич Владимир Александрович (1871—1942) — поэт, прозаик, драматург. Печатался с 1885 г. См.: Тахо-Годи Е. А., Равинский Д. К. Мазуркевич Владимир Александрович // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 452—453.

К. Р. в 1915 г. дал отзыв на следующие сборники В. А. Мазуркевича: Стихотворения. СПб., 1900; Монологи и поэмы. СПб., 1903; Старые боги. СПб., 1913, а также на перевод с венгерского поэмы И. Мадача (1823—1864) «Трагедия человека». Отзыв сохранился в РО ИРЛИ (ф. 137, № 46). Критик, указав на многочисленные погрешности против поэтического мастерства, в целом склонен к положительной оценке творчества В. А. Мазуркевича, впрочем, отказывая тому в звании поэта: «Г. Мазуркевич нигде не пускается в погоню за модным декадентством или футуризмом. Мысль выражена у него ясно, определенно и притом изящным языком. Стихом автор владеет искусно. Нельзя ставить в упрек стихослагателю, что он не поэт, ибо сделаться можно лишь стихослагателем, а не поэтом, которым нужно родиться» (РО ИРЛИ, ф. 137, № 46, л. не пронумерованы).

19 октября 1915 г., уже после кончины великого князя, В. А. Мазуркевич получил почетный отзыв Пушкинской комиссии (см.: Двадцать первое присуждение премий имени А. С. Пушкина. Отчет, читанный в публичном заседании имп. Академии Наук 19 октября 1915 г. [СПб., 1916]. С. 5).

² Радченко Александр Федорович (1858—?) — поэт. Родился в семье военного, близкого по своим убеждениям декабристам. Закончил Константиновское военное училище; в 1879 г. произведен в офицеры. Окончил Академию генерального штаба. В 1909 г. вышел в отставку в чине полковника, после чего поступил учиться в Археологический институт. Начал печататься с 1885 г., хотя писал стихи с детства. В

1894 и 1895 г. напечатал два небольших сборника стихов не для продажи. Другие сборники: «Стихотворения» (1901); «На распутьи» (1905); «Из прошлого» (1908). См.: Автобиография, присланная С. А. Венгеру — РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 3023. В картотеке А. Д. Алексеева учтен целый пласт журнальных публикаций А. Ф. Радченко и отзывов на его творчество.

Отзыв К. Р. на сборник А. Ф. Радченко «К свету: Стихи (1908—1913)» (Киев, 1914) опубликован уже после смерти великого князя (см.: К. Р. Два критических отзыва. 1. К свету. Соч. А. Ф. Радченко. 2. Тени прошлого. Соч. Н. В. Сарандинаки. Пг., 1915). Рецензия, в высшей степени отрицательная, начинается следующими словами: «В сборнике г. Радченко значительно меньше достоинств, чем недостатков, причем последних приходится особенно много на конец книжки, в котором помещены пьесы, относящиеся к последним годам. Признак прискорбный, свидетельствующий о том, что дарование автора не нарастает с годами и владение стихом не совершенствуется» (Там же. С. 1).

Столь же отрицательны отзывы и других критиков. См.: В-ий Л. [Рец. на кн.: Радченко А. Ф. На распутьи. Стихотворения (1901—1904). СПб., 1905] // Мир Божий. 1905. № 10, отд. 2. С. 90—91; Ш. [Рец. на то же изд.] // Живописное обозрение. 1905. № 4. С. 99.

³ Успенский Федор Иванович (1845—1928) — историк, византолог и славяновед, академик (с 1900 г.). В 1894—1914 гг. — директор основанного им при активной поддержке К. Р. Русского археологического института в Константинополе. (Подробнее см.: Соболев В. С. Августейший президент. СПб., 1993. С. 20—22). С началом Первой мировой войны Академия обеспокоилась сохранением памятников культуры в районах боевых действий. К. Р., как президент Академии, обратился к Верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу (Младшему) с просьбой разрешить Ф. И. Успенскому командировку на Кавказский фронт, целью которой было — эвакуация памятников культуры. Командировка прошла успешно (Там же. С. 58—59). В данном письме, по-видимому, речь идет о готовящейся наступательной операции русских войск на Кавказе. Такая операция состоялась, но не в 1915 г., а в 1916 г., когда в апреле этого года русские войска овладели Трапезундом. Академия Наук в ходе военных действий вывезла часть коллекций редких рукописных памятников Востока (Там же. С. 21).

⁴ А. А. Половцов — лицо неустановленное.

⁵ Министром иностранных дел в это время был Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927).

25

4 (17) мая 1915 г. Павловск

Павловск.
4 мая 1915.

Дорогой Алексей Александрович,

ничего не имею против помещения моей рецензии о Мазуркевиче в Отчете о присуждении Пушкинской премии и отзыве о Радченко и Сарандинаки в трудах Разряда изящ<ой> словесности;¹ впрочем на напечатании двух последних, как работ весьма незначительных, не настаиваю.

Подобно вам верю в искренность И. В. Ягича² и очень желал бы защитить его от некрасивых нападок «Нов<ого> времени». Но трудно оправдать двойное подданство. Каково окажется положение Ягича по окончании войны?

Видел вчера Ф. И. Успенского. Как и его, очень меня заботит отношение нашего правительства к Вселенскому Патриарху в случае овладения Царьградом. Этот вопрос весьма трудно разрешим,

а между тем чрезвычайно важен. Кажется, те, которых он наиболее касается, относятся к нему чрезвычайно легкомысленно, не будучи вовсе подготовлены к его решению.

Искренно ваш
Константин.

¹ См. прим. 1—2 к п. 24.

² *Ягич Ватрослав* (Игнатий Викентьевич) (1838—1923) — филолог-славист. Хорват по национальности, подданный Австро-Венгрии. С ноября 1870 по 1886 г. жил в России. Академик императорской Академии Наук с 1880 г. В 1886 г. переехал в Вену, но не порывал связи с Петербургом, приезжая сюда почти ежегодно для участия в заседаниях Академии.

ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА К АЛЕКСАНДРЕ ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

Публикация А. В. Лаврова

Говоря о том, насколько значимой была роль Вячеслава Иванова в жизни высшего культурного слоя предреволюционной России, Федор Степун в очерке о нем особо подчеркивал, что этот поэт и мыслитель был «подлинным перипатетиком», одним из создателей «единой безуставной вольно-философской академии»: «В его петербургской, а позднее московской квартире всегда собиралось великое число самого разнообразного народа и бесконечно длилась, сквозь дни и ночи, постоянно менявшая свой предмет, но никогда не покидавшая своей верховной темы беседа. Более симпозионального человека, чем Вячеслав Иванов довоенной эпохи, мне никогда уже больше не приходилось встречать».¹ «Симпозиональное» начало в личности Иванова выделяли, как самую приметную и замечательную черту, и другие его современники. С. А. Аскольдов, например, считал, что Вячеслав Иванов, наряду с Андреем Белым, единственный гениальный писатель после Достоевского, но, в отличие от Белого, «мало раскрыл свою гениальность, она больше чувствовалась в личных беседах с ним»,² — а Е. В. Аничков, завсегда давая «симпосионов» на ивановской «башне», утверждал: «Едва ли можно назвать другого поэта, которого все существование, вся личная жизнь в такой мере поднялась бы до постоянного, превратившегося в какое-то основное занятие или служение, экстаза, прерываемого лишь несколькими беглыми и короткими часами обыденной жизни».³ Почти в унисон с ними говорил об Иванове и Н. А. Бердяев: «Это был самый замечательный, самый артистический козёр, какого я в жизни встречал, и настоящий шармёр. Он принадлежал к людям, которые имеют эстетическую потребность быть в гармонии и соответствии со средой и окружающими людьми», — и добавлял слова, весьма существенные для развертывания нашего локального сюжета: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. <...> Его отношение к людям было деспотическое, иногда даже вапирическое, но внимательное, широко благожелательное».⁴

«Симпозиональность», безусловно, была одной из частных жизненных форм воплощения универсальной «соборной» устремленности Иванова и в то же время одной из форм синтетического творческого самовыражения, в которой, на манер афинской школы, возможно было сочетать отвлеченное умозрение, теоретическую

мысль с импровизированной свободой живых человеческих контактов. Выражалась эта особенность и в конкретных повседневных проявлениях, ярче всего — в специфическом игровом быту, сложившемся в петербургской квартире Иванова, на знаменитой «башне».⁵ О. Дешарт составила краткую хронику ее заселения:⁶ немногим более года обитателями квартиры были только Иванов и его жена, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, но в окружении множества гостей, в начале 1907 г. там ненадолго обособились Волошин с женою, затем — Константин Шварсалон, сын Зиновьевой-Аннибал от первого брака, и Лидия, дочь ее и Иванова (территория «башни» разрасталась — была занята соседняя квартира и соединена с основной); позже присоединились новые постоянные обитатели — А. Р. Минцлова, М. А. Кузмин, в 1908 г. 14 недель прожил Иоганнес фон Гюнтер, время от времени обретался Ю. Н. Верховский, подолгу наездами останавливались В. Ф. Эрн, Ф. А. Степун, Андрей Белый; постоянно бывали и многочисленные визитеры, приходившие к Иванову для «аудиенциальных» бесед.

Становище на «башне» — зримое воплощение той атмосферы, которая царилла вокруг Вячеслава Иванова постоянно. Самоочевидно, что в одиночестве поддерживать ее Иванов был бы не в силах: «симпозиональность» требовала и определенных внешних организационных усилий по ее поддержанию, и внутренней энергии участников этого спонтанного интеллектуального хора. Бердяев справедливо подметил, что в своем умении овладевать душами людей Иванов особенно неотразимо действовал на женщин. Женщины исполняли исключительно значимую роль в деле сохранения вокруг Иванова «хорового», «соборного» ореола. Одни из них принадлежали к типу мудрой Диотимы («башенное» второе имя Зиновьевой-Аннибал), участницы духовного пиршества, или евангельской Марии, молитвенно внимающей речам-откровениям, были взыскующими и благодарными собеседницами — как, например, Евгения Герцык, sorella — сестра Иванова, по его собственному определению. Другие, как трудолюбивая и рачительная Марфа, заботились о внешней, организационно-материальной стороне, обеспечивающей духовный «симпосион», — как многолетняя домоправительница семьи Ивановых Мария Михайловна Замятина. Александра Николаевна Чеботаревская, другой ближайший друг ивановской семьи, сочетала в своем отношении к Иванову черты «небесной» Марии и «земной» Марфы, она «заботилась и суежилась о многом» и вместе с тем «избрала благу часть, которая не отнимется у нее» (Лк X, 42).

Александра Чеботаревская — Кассандра, как прозвали ее в родной семье,⁷ — была одновременно и духовной ученицей Иванова, восприимницей его философско-эстетических построений, и почти членом его семьи, помощницей в житейских делах. Вспоминая в позднейшей дневниковой записи о М. М. Замятиной, М. Кузмин отметил, что Иванов и Зиновьев-Аннибал «умели пробуждать бескорыстную и полнейшую к себе преданность в людях честных, великодушных и несколько или бесплодно романтических, или наивных»;⁸ это же наблюдение с полным правом можно переадресовать и к Чеботаревской. Старшая сестра более известной в символистской литературной среде Анастасии Чеботаревской, жены Ф. Сологуба, Александра, по характеристике Д. Е. Максимова, «была человеком аскетического склада, глубоким и отзывчивым»; знавшая многих крупных писателей, жившая интересами и ценностями «новой» поэзии, русского и западноевропейского символизма, она особенно сблизилась с Вячеславом Ивановым, с которым «поддерживала многолетнюю, страстную и, в последний период ее жизни, очень мучительную для нее дружбу».⁹

Александра Николаевна Чеботаревская родилась 12 апреля 1869 г. в Новом Осколе (город в Курской губернии). Отец, Николай Николаевич Чеботаревский, был в Курске адвокатом, с 1880 г. в Москве; мать, Анастасия Николаевна (урожденная

Берлизова, выросла в помещичьей семье в Курской губернии),¹⁰ когда Александре еще не исполнилось 9-ти лет, заболела психическим расстройством, быстро развившимся и приведшим к смерти в 29-летнем возрасте (материнская наследственность, безусловно, сказалась в предрасположенности к душевным недугам и у Александры, и у Анастасии Чеботаревской). Александра осталась старшей в семье из 7 детей, обосновавшейся в Москве. Младшая сестра Александры, О. Н. Черновитова, сообщает в биографической справке о ней: «Дети вскоре получили махеху, семья все росла, жизнь становилась все труднее и в моральном, и в материальном отношении, т<ак> к<ак> заработки отца упали в новом городе, где его никто не знал как адвоката. Вся тяжесть и сложность этой жизни падала на хрупкие плечи десятилетнего ребенка Сани уже в силу того, что она являлась старшей в семье, к тому же девочка была не по летам серьезная и вдумчивая; неурядицы, нужда, болезни детей — все это как бы ловилось ее горячим сердцем: всех она любила без конца и края, по мере сил облегчала и скрашивала существование. Такой эта девочка и осталась на всю жизнь: из узких рамок своей незадачливой семьи она перенесла эту любовь на все, что ее окружало: людей, природу, родину, искусство, науки и больше всего на литературу. Это хорошо знают все, ее встречавшие на жизненных путях. Ал<ександра> Ник<олаевна> получила среднее образование в московской, тогда лучшей по составу научных сил, гимназии С. А. Арсеньевой, но вся ее дальнейшая жизнь, рядом с неустанной творческой работой, была накоплением знаний. Еще в гимназические годы она прекрасно изучила иностр<анные> языки, немецкий, фр<анцузский> и англ<ийский>, а в зрелые годы еще итальянский и начала изучать испанский: читала всегда иностр<анную> литературу в подлинниках. Seriously занималась историей живописи и сама была прекрасной рисовальщицей. В Москве, наряду с работой, слушала лекции по истории и литературе, а впоследствии во время проживания в Париже вся уходила в научную работу, посещая публичную библиотеку, Сорбонну, Collège de France, Высшую школу общественных наук, как французскую, так и русскую, открытую группой опальных профессоров во главе с М. М. Ковалевским <...>».¹¹

Еще в последних классах гимназии, по свидетельству О. Н. Черновитовой, Александра Чеботаревская начала литературную деятельность: ее первые переводческие опыты печатались в «Русских ведомостях», затем в серии «Научно-популярная библиотека „Русской мысли“» (вып. VII) была издана в ее переводе монография о крупнейшем французском историке-медиевисте — «Фюстель-де-Куланж» проф. П. Гиро (М., 1898). Позднее переводы, выполненные Чеботаревской (подписанные полным именем или инициалами), регулярно появлялись в журнале «Русская мысль», среди них — «Комическая история. Роман из театрального мира» Анатоля Франса (1908. № 4—6; новейший перевод — под заглавием «Театральная история») и его новеллы (1907. № 4), «сказочки» Франсиса Жамма (1918. № 1/2) и отрывки из дневника Катюля Мендеса «Семьдесят три дня Коммуны» (1918. № 1/2, 3/6), романы «Дингли» братьев Жерома и Жана Таро (1907. № 6) и «Изаиль» Геннинга Бергера (1907. № 10—12), цикл рассказов Генриха Манна «Злые» (1908. № 8), статья Гуго фон Гофманстала «Жизнь в произведениях Гюго» (1902. № 5) и т. д. Отдельными изданиями в переводах Чеботаревской увидели свет «Проповедник» Арне Гарборга (М., б. г.), «Исповедь простого человека (Воспоминания фермера)» Эмиля Гильоме-на (СПб., 1906), «Монна Ванна» Мориса Метерлинка (СПб., 1903; в соавторстве с Анастасией Чеботаревской), «Лики дьявола» Ж.-А. Барбе д'Оревильи (СПб., 1908), «Повести, сказки, легенды» Мультигули (СПб., 1907; с большой вступительной статьей) и его же «Рассказы» (СПб., 1919), «Ночи революции» Ретифа де ла Бретона (М.; Л., 1924),¹² ряд других книг; некоторые выполненные ею переводы (сказки братьев Grimm, «Михаэль Кольхаас» Генриха фон Клейста, «Ган Исландец» и «Труже-

ники моря» Виктора Гюго, «Крестьянин» Вильгельма фон Поленца, «Искусство и его деятели в период Великой французской революции (1789—1795)» М. Дриберюса и др.) остались неопубликованными.

Менее интенсивно, но достаточно регулярно Чеботаревская выступала в периодике со своими статьями и рецензиями. В частности, в «Русской мысли», где с конца 1890-х гг. началось ее постоянное сотрудничество, были напечатаны ее статьи «Бёклин и его искусство» (1903. № 5), «Художник-друг (Посмертная выставка произведений М. В. Якупчиковой)» (1905. № 4), «Жизнь Мопассана» (1908. № 11). Статьи и рецензии Чеботаревской о новинках литературы, о театре, живописи появлялись в библиографическом отделе «Русских ведомостей», а также в газете «Речь». Литературные занятия постоянно совмещались у нее с другими видами культурно-просветительской деятельности. О. Н. Черновитова свидетельствует: «В молодые годы ее увлекала педагогическая работа, она учила детей, молодежь, рабочих (воскресные курсы) <...>. Для заработка много работала в редакциях в Москве «Русские Ведомости», «Русская Мысль», в Петрограде — «Былое», «Отечество», «Речь» и друг.). Служила несколько лет в московской комиссии по организации домашнего чтения — культурное начинание для помощи самообразованию главным образом в провинции московских профессоров и доцентов (около 200 членов) под председательством профессора Павла Гавриловича Виноградова. Как всегда, и здесь эта работа для заработка отвечала в то же время *идейному* складу Александры Николаевны; только тогда работа была для нее приемлема».¹³

Ко времени знакомства и дружеского сближения с Вячеславом Ивановым Александра Чеботаревская была уже вполне зрелым человеком: в 1903 г. ей исполнилось 34 года. Тем не менее, оказавшись в начале этого года в аудитории Русской высшей школы общественных наук в Париже, организованной М. М. Ковалевским, на курсе лекций Иванова о дионисийстве, она охотно вошла в роль благодарной ученицы. Почва для освоения и принятия многих заветных ивановских идей во многом уже была подготовлена: вполне в унисон с теоретическими построениями и чаяниями Иванова о всенародном, соборном искусстве, идущем на смену индивидуалистическому творчеству, которые будут развиты им в 1904 г. в программных статьях «Поэт и чернь» и «Копье Афины», звучат постулаты, сформулированные Чеботаревской в статье «Бёклин и его искусство»: «Отчуждение между художником и народом в наше время составляет одно из самых больных мест искусства. Но Бёклин не был в числе таких художников. Он принадлежал к тем огромным величинам, которые понятны самому простому уму и дают современной Европе надежду на то, что в будущем удастся, быть может, завоевать вновь утраченное единство, взаимное понимание между художником и народом, их взаимодействие, утерянное человечеством почти с средних веков».¹⁴

Рассказ Чеботаревской о начале знакомства с Ивановым записал М. С. Альтман 5 октября 1921 г.: «Едва мы, группа москвичей, узнали, что в Париж придет В. И. и будет читать лекции по греческой религии („Эллинская религия страдающего бога“), мы записались на эти курсы и с нетерпением стали ожидать приезда В. И., которого никто из нас не знал, но которым все заинтересовались. Мы знали только, что В. И. живет в Швейцарии, где ведет очень уединенный и замкнутый образ жизни. Приехал В. И., и курсы начались. Раз я сижу в Национальной библиотеке и занимаюсь. Проходит В. И. со своими книгами. Так как нам было обратно по дороге ехать omnibusом совместно, я уславливаюсь с В. И. (я уже была с ним знакома, но один раз только до этого имела с ним несущественный разговор), что после занятий позову его. Окончив занятия, я подошла к его столику, он мне подает исписанную бумажку (она до сих пор хранится у меня) с обращением „Кас-

сandre". Это был сонет, впоследствии помещенный под этим именем в „Прозрачности“». ¹⁵ Посвящение я просила снять, ибо стихотворение было очень ответственно. Так, там было написано: «Ты, новая, затеплишь Александра...» Каждый мог меня спросить: «Да что ж Вы такое сделали, оправдали ли Вы пророчество?» Помню, когда я прочла впервые этот сонет, я ничего не поняла, но обращение «Кассандре» меня поразило. Дело в том, что у меня два брата классика, и бывало, еще с детства, желая меня дразнить, <они> становились передо мной, чертили круг и вопили: «Tragoedia, tragoedia — греческий козел!» — и называли меня Кассандрой. <...> Поэтому я была необычайно поражена, когда В. И., меня почти совершенно не знающий, вдруг называет меня Кассандрой». ¹⁶

Обыгрывание Ивановым в сонете «Кассандре» («Пусть говорят: „Святыня — не от Жизни“...») имен *Кассандра* — *Александра* отсылает к ономастическим уподоблениям, зафиксированным еще в эпоху античности: в ряде мест Пелопоннеса указывали могилу и храм троянской пророчицы Кассандры, отождествляемой с местным божеством Александрой (зафиксировано в «Описании Эллады» Павсания), в поэме Ликофрона (IV—III вв. до н. э.) «Александра» безумная дочь Приама, Кассандра, носит имя Александры. Это обстоятельство отмечено Ивановым в эпитафиях, преданных тексту стихотворения в автографах: «Александра — другое имя Кассандры», «Sich des Halben zu entwöhnen... Goethe» («Отвыкать от половинчатости. Гете»). Автограф стихотворения, переданный Ивановым Чеботаревской (под заглавием «А. Н. Ч—ой»), сохранился в его архиве; на обороте листа — ответная записка Чеботаревской: «Вы меня страшно расстроили. Не знаю, верно ли я поняла, кое-что хотелось бы переспросить. В Ваших предположениях для меня чересчур много лестного. Это — совпадение, или Вы знаете, что в семье братья и сестры зовут меня не Ал<ександрой>, а Кассандрой?.. Стихи чудные. А. Ч.» ¹⁷ Еще один автограф стихотворения, с заглавием-посвящением «А. Н. Чеботаревской» — видимо, переданный Чеботаревской Ивановым после возвращения ею первого автографа с ответом — вклеен в альбом, содержащий и другие посвященные ей стихотворения. ¹⁸ С легкой руки Иванова Чеботаревская стала Кассандрой не только для ближайших родственников, но и в более широком кругу лиц.

Автограф другого обращенного к ней стихотворения Иванова, «Осенью», вошедшего в «Прозрачность» с посвящением «Ал. Н. Чеботаревской», также наклеен в ее альбоме. ¹⁹ Датированное 16/3 октября 1903 г. (в печатном тексте датировка отсутствует), это стихотворение отражает следующий этап их дружеского сближения — пребывание Чеботаревской в ивановском доме в Шатлене (Швейцария), а заключительные его строки («Ты повилики закинула тонкие // В чуткие сны тростника») воспроизводят один из эпизодов их совместной жизни, о котором Чеботаревская поведала Альтману: «Я раз гуляла и нарвала массу цветов повилики. Их набрался такой огромный ворох, что я не знала, куда с ними деться, и бросила их в речку, они поплыли, и так как по берегам росли высокие тростники, то они оцепились вокруг них, и получилась очень красивая картина повилик в тростниках. В. И. увидел, как я бросила цветы, и завопил, по своему обыкновению. Но потом, увидев, как повилики застряли в тростниках, остановился, задумчиво любуясь ими. Это было под вечер. А на второе утро В. И. повел нас в беседку <...> и прочел мне и Лидии Дмитриевне написанное им стихотворение». ²⁰ Картина, запечатленная в нем, стала для Иванова настолько неотторжимой от образа Чеботаревской, что третье посвященное ей стихотворение, впервые опубликованное в 1906 г. и вошедшее в раздел «Северное солнце» книги Иванова «Сог Ardens», было озаглавлено «Повилики» и представляло собой развитие того же образного строя: «Повилики белые в тростниках высоких», «А зарей задетые тростники живые // Грезят недопетые сны вечеровые». ²¹ Впрочем, рождение этого стихотворения напрямую было сти-

мулировано, по ее признанию, самой Чеботаревской, хранившей память о прежних поэтических «повиликах»: «...раз, гуляя по берегу Хопра (приток Дона), я увидела, как в прибрежные тростники вплелись повилки, и так высоко, что почти достигали тростниковых верхушек. Я взяла повилки, высушила их и несколько из них вложила в письмо мое к В. И. В. И. прислал мне ответ и в нем две строфы „Повилик“»; Иванов дополнил этот рассказ собственной трактовкой стихотворения и отраженной в нем символики своих отношений с Чеботаревской: «Повилки — символ верности, тростники — символ поэта. Повилки в тростниках — это Ваша связанность с моей судьбой, Ваша верность мне».²²

Стихотворные послания, адресованные Чеботаревской, дополняются обращенными к ней же надписями Иванова на своих публикациях в периодике и на книгах — отражающих то же чувство прочной связанности их судеб.²³ Но наиболее полное документальное воплощение взаимоотношения Иванова и Чеботаревской нашли в их переписке: в московском архиве Иванова хранится около 100 писем Чеботаревской к нему, в фонде Чеботаревской в Пушкинском Доме — 23 письма Иванова. Такая диспропорция объясняется, с одной стороны, тем, что переписка отложилась в архивах Иванова и Чеботаревской не целиком — ее звенья разорваны: часто письма представляют собой ответы на послания, которые утрачены (при этом отсутствуют не только многие письма Иванова, но и значительное число писем Чеботаревской: их общий корпус должен был превышать число сохранившихся писем). С другой стороны, характер эпистолярного поведения корреспондентов был различным: письма Иванова чаще всего — это либо более или менее развернутые приветствия по тому или иному поводу или без конкретного повода, либо выражения благодарности за выполнение тех или иных поручений, либо — реестры просьб делового и бытового содержания. Многие же письма Чеботаревской — это своего рода «агентурные сведения», доставляемые Иванову (из Москвы в Петербург или из Петербурга за границу): подробные отчеты о событиях литературной и околосредовой жизни; в этом отношении они представляют собой ценный документальный источник не только для изучения биографии Иванова, но и для общего представления о том, что происходило в кругу русских символистов.²⁴ Такие письма Чеботаревской не предполагали развернутых ответов, поэтому естественно, что писем Иванова в корпусе переписки значительно меньше, чем писем Чеботаревской. Эти обстоятельства, а также и то, что Иванов и Чеботаревская подолгу жили вблизи друг от друга, т. е. не нуждались в эпистолярном контакте, обусловили отрывочный характер переписки, которая менее всего напоминает письменный диалог. К основному корпусу переписки Иванова и Чеботаревской примыкает переписка Чеботаревской практически со всеми членами ивановской семьи — с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Верой Шварсалон, Лидией Ивановой и малолетним Димитрием Ивановым, М. М. Замятниной. Эти документы также дают дополнительные штрихи к истории взаимоотношений Иванова и Чеботаревской.

Уже самые первые письма Чеботаревской к Иванову исполнены безграничного пиетета перед адресатом. Она признается, отправляя ему оттиск своей статьи «Бёклин и его искусство», напечатанной в «Русской мысли» (26 июня н. ст. 1903 г.): «...посылаю ее Вам, потому что иначе не могу выразить Вам всего моего глубокого к Вам уважения, моего искреннего преклонения перед Вашим талантом, моей в него веры... Это будет памятью о человеке, которому Вы, сами того не подозревая, так много сделали, которому Ваши лекции, Ваши стихи были так необходимы именно в эти минуты, когда он много думал и много мучился над вопросами искусства и жизни и отношений между ними. Когда-нибудь (!) наверное (!) я напишу что-нибудь такое, что доставит Вам хоть самое-самое маленькое удовольствие, — ради этой

цели я буду ждать».²⁵ Она обращается к Иванову за поддержкой и консультациями в своих литературных опытах, советуется с ним — как назвать статью о Гюставе Море, «как назвать очерк о Бальм<онте> — „Б<альмонт> и его лирика“?»²⁶ Многим обогащенная в ходе общения с Ивановым, Чеботаревская, со своей стороны, сыграла в его жизни весьма заметную роль; эта роль выражалась и в постоянной деловой помощи (так, уже в первый год их знакомства, находясь в Шатлене, Чеботаревская, по ее собственному признанию, вместе с Ивановым трудилась над подготовкой к печати его книги стихов «Прозрачность»: «...она была мне и продиктована, и мною переписана, и вообще эта книга обязана и мне своим возникновением»²⁷), и в расширении круга ивановских знакомых и друзей: например, в содействии сближению Иванова с М. О. Гершензоном, с которым она была дружна еще до встречи с Ивановым (Гершензон помогал ей в получении литературных и переводческих заказов).²⁸

В 1905—1906 гг., после переезда Иванова в Петербург и начала многолюдных собраний в его квартире на знаменитой «башне», происходит некоторое отдаление между ним и Чеботаревской (сказавшееся и в оскудении переписки), явно ее уязвлявшее: «Приятно бывает иногда хоть из газет узнать, что „друзья“ живы и здоровы, что они живут на старом месте, что у них собираются по средам и т. д. и т. д. ...», — писала она Иванову из Москвы 8 января 1906 г.²⁹ Чеботаревская бывала наездами на ивановской «башне»,³⁰ но определенно не оказывалась там в центре внимания. Контакты ее с Ивановым и его семьей заметно активизировались после безвременной смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, последовавшей 17 октября 1907 г. в Загорье Могилевской губернии.³¹

1 октября 1908 г. Е. К. Герцык отметила в записной книжке: «Вокруг Вяч. его женщины».³² Подразумевалась в первую очередь оккультистка А. Р. Минцлова, оказывавшая тогда на Иванова, после смерти жены, в течение довольно длительного времени исключительно сильное духовное влияние,³³ но, безусловно, обозначенная совокупность ивановских «женщин» включала в себя не на последнем месте и Александру Чеботаревскую. Сохранилось 15 ее писем к Иванову за 1909 год — значительно больше, чем за какой-либо из предшествовавших годов их знакомства; и личное их общение в том же году чрезвычайно интенсивно.³⁴ Примечательное сообщение содержится в недатированном письме (предположительно февраль 1909 г.) С. И. Дымищ-Толстой, жены А. Н. Толстого, к М. А. Волошину: «Алехан просит тебе передать слух, что Вячеслав Иван<ов> женится на Александре Чеботаревской».³⁵ Слух этот, видимо, не был совершенно беспочвенным, он указывал на какой-то сдвиг, на какое-то новое содержание во взаимоотношениях Иванова и Кассандры, тайное или достаточно явное, которое определилось после смерти Зиновьевой-Аннибал. В сознании Чеботаревской, во всяком случае, на рубеже 1900-х—1910-х гг. — до поры, когда еще не стал реальностью союз Иванова с Верой Шварсалон, — эти новые мотивы и психологические подтексты выдвинулись на первый план, представляя собой сплетение противоречивых переживаний и устремлений.

Одно из ее писем к Иванову этой поры, от 9 января 1909 г., начинается обращением, контрастирующим с обращениями в письмах предшествовавших и последующих: «Милый, дорогой, любимый».³⁶ Другое письмо Чеботаревской к Иванову, недатированное, черновое и неотправленное, вбирает в себя сложную гамму чувств, вызванных воспоминанием о давнем разговоре, относящемся к 1906 году, между ним и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал в ее присутствии:

«Л<идия> не б<ыла> больна еще, это б<ыло> вскоре после ее возвращения> из-за границы. Но в этот день с утра она б<ыла> горько-тревожна.

<...> мы пили чай за мал<еньким> столом. Вы курили и ходили по комнате. Вдруг: „Вяч<еслав>, Вяч<еслав>, я думаю: когда я умру, на ком ты женишься?“ И через неск<олько> незнач<ительных> фраз: „Женись на К<ассандре>, она честная и не сд<елает> тебя несчастным. Слышишь?“ Вы что-то мычите в ответ. Я не выдержала. Мне показ<алось> (м<ожет> б<ыть>, с интелл<игентской> точки зрения), что меня обидели, что на меня посм<отрели>, как на вещь. Мне б<ыло> очень больно. Я, опустив глаза в стакан, сказала: „Я бы предпочла, чтобы такие вещи говорились не в моем присутствии“. Тогда она сказала: „Глупая, глупая, глупая“. Потом спешно встала, обошла вокруг стола и охватила мою шею голой рукой из-под красного рукава, твердя: „Глупая, глупая. Ведь я всегда страшно рада, покойна, счастлива, когда вы около него. Вот выдумала. Обиделась“ — и еще к<акие>-то незначительные слова в этом роде. Тогда я поняла, что я действительно глупая, но эти слова я запомнила. Мне надо было иметь как<ую>-нибудь опору, когда Вы отталкивали меня и смеялись, особ<енно> над м<оей> честностью. Я про себя тогда как заговор повторяла: „Ж<енись> на К<ассандре>, она честная“ — и это меня успокаивало. Тогда я считала, что я около вас не лишняя. Так было до сих пор. <...>

А все-таки было бы хорошо, если бы Вы ж<енились>. Надо понимать это очень серьезно. Л<идия> не думала иначе. Она только хотела, чтобы это не было источником *несчастья*. Счастья, она знала, что без нее никто тоже не даст.

Моя песня уже спета. Как бы вы теперь ни отнеслись ко мне, какой бы вдруг неожид<анный> переворот себе ни представить, — на пути важное препятствие — израсход<овано> чересчур много сил. Молодости, *необход<имой>* для этого, даже *вы* мне даже при всех невозможных условиях мне *не* вернете. Она ушла. <...>

Вот видите, все это говорить вам побуждает меня все та же глупая моя и неудобная *честность*.

Вот какие дела.

Вы грезите, а мы *живем*». ³⁷

Скрытые упреки в невнимании и душевном эгоизме, звучащие в подтексте этого письма, выступают наружу в другом письме Чеботаревской к Иванову, также датированном и неотправленном черновике, в котором запечатлена та же внутренняя борьба, сказывается то же сочетание неизбежного тяготения к Иванову и оскорбленности его холодностью и безучастностью:

«Сегодня я вспоминала мое последнее преб<ывание> у Вас, и оно показалось мне сплошь каким-то чудов<ишным> недоразумением. Как чиста я в своей вечной любовной и дружеской преданности Вам и в<ашей> семье и как черны и грязны были подозрения, кот<орые> мне пришлось выслушать, не знаю за что, благодаря чему или кому. Только с высоты моего бескорыстного отн<ошения>, в кот<ором> совершенно нет ничего личного, и моего вечного страдания за Вас могу я смотреть на эти несправедливые речи и даже кары, кот<орые> постигли меня и на кот<орые> я не могла ни отвечать, ни возражать, благодаря моей разбитости. Не ведаете Вы, что творите. Бог с Вами и да хранит он Вас. Я слишком устала бороться с постоянными подозрениями, которые на 8-м году нашего знакомства в боль<шей> силе, чем были в первые времена. Чем больше я буду бескорыстна и добра, тем, разумеется, Вы больше будете подозревать меня в каких-нибудь черных или грязных замыслах, ибо вся жизнь моя — чудачество и своевольное осуществление какой-то чужой, не моей воли. Поэтому многим непонятная». ³⁸

Все эти переживания, безусловно, скрывали под собой глубокое чувство, утаенное, неразделенное и доставлявшее немало страданий; чувство, дополнительно усугубленное и отягощенное особенностями индивидуального психического строя Чеботаревской, часто принимавшего обостренные и даже болезненные формы. Иногда оно прорывалось наружу — как в одной из ее исповедальных записей, относящейся, по всей вероятности, к тому же времени:

«Тот, кого я люблю, далек, и его письма не оживляют меня. Я вижу его окруженным множеством других артистов, художников, женщин... Тупая боль и безнадежность давят душу. Сегодня я думала о нем непрестанно, и думала дурно. Вспоминала все его главные недостатки, его ошибки, промахи, его самовлюбленность художника, его презрение к чужой душе, его бесчувственность. Счастье или несчастье было встретить такого человека. Разумеется, несчастье. Вечная тревога, вечное опасение за каждый миг. Холодный, жестокий, влюбленный в себя, расчетливый, брр... брр. Как могла я, горячая, страстная, самозабывающаяся, как могла я отдать ему свою жизнь, ничего за нее не получая. Я вспомнила все свои муки и заплакала. Как оградиться от него? Навсегда! Уйти совсем, совсем, не думать, не знать, не видеться. Забыть, забыть! Довольно он пил мою кровь. Одни разлуки, одни слезы, одни опасенья... У других жизнь складывается иначе. Порвать, порвать. Гордо отойти, ни слова не сказав. Терпение истощилось. Всему конец. Я заплакала еще сильнее безудержно, безнадежно, когда представила себе, что мне останется, когда я лишу его.

Милый! без конца, без края, без меры моя любовь к тебе! Вечная, неизбывная, огромная как море. Радость! я пройду всю землю и припаду к твоим ногам. Звук голоса твоего для меня — счастье мира...»³⁹

Остроту этих душевных волнений, видимо, приглушила кардинальная перемена в жизни Иванова в 1912 г., окончательно убедившая Чеботаревскую в не востребованности ее чувства, — его отъезд за границу с падчерицей, Верой Константиновной Шварсалон, рождение их сына и последовавший брачный союз. В этой ситуации, долгое время утаивавшейся даже от близких Иванову людей, но тем не менее обросшей кривотолками и даже скандальными конфликтами, Чеботаревская встала на защиту моральной репутации Иванова; в письмах к нему она в подробностях излагала обстоятельства, едва не приведшие к дуэли между М. А. Кузминым и братом Веры С. К. Шварсалонем, вступившимся за честь своей сестры.⁴⁰ Когда положение дел окончательно разъяснилось и для самой Чеботаревской, она красноречиво и недвусмысленно высказалась в письме к Вере, отправленном из Петербурга в Рим 5 декабря 1912 г.: «...только 2-го ноября, после многих бесплодных попыток, я узнала то, что мне так нужно и так дорого было знать. Узнала от одной доброй женской души, отнесшейся ко мне по-сестрински и по-человечески ответившей на мои многочисленные вопросы. Узнала все светлое, все радостное, чего я так жаждала и что было для меня все еще под спудом. Верушка, какую радость внесло в мою жизнь рождение тобою сына! Каждый день с тех пор мысленно благословляю его, и в нем — тебя и Вячеслава, и люблю его, и вас всех люблю по-новому <...>».⁴¹ В изменившихся обстоятельствах связь Чеботаревской с семьей Иванова даже упрочилась: лето 1913 г. она провела в Силламягах вместе с Лидией, старшей дочерью Иванова; тесная дружба продолжилась, когда Ивановы возвратились в Россию и обосновались в Москве.

Свое понимание творчества Вячеслава Иванова и преклонение перед ним Чеботаревская пыталась передать в форме аналитической статьи-лекции. Статья, однако, написана не была, сохранились лишь самые предварительные и хаотические черновые наброски (6 рукописных листов), представляющие собой некий ворох из отдель-

ных наблюдений, размышлений и фиксаций тем, требующих развернутой интерпретации. Из этих набросков, относящихся к началу 1910-х гг., приведем лишь несколько — те, в которых более или менее внятно проступает авторская мысль:

«Кормчие Звезды. Сам<ым> ярким блеском горит у В. И. свет Бога. В. И. пост<оаянно> предст<авляет> истинную тайну дионисианства <...> В царство <?> недр — тайн спустился Ницше, туда же снизошел В. И. Ницше для него только пример, а не образец. Он пон<ял> Д<иониса> <...> не как голос миров<ой> воли, а как сплетение между смертью и ж<изнью>. 2-я кормчая звезда — это Гераклит. Идея изначального огня, всепоглощающего и рождающего, и эта идея сплелась с идеей Д<иониса>. Обе эти идеи оплодотворили душу нашего „пламенника“, и он созд<ал> св<ои> лучшие вещи».

«Как кончил Ницше, так приблизительно кончил и Тантал. Это сам<ое> близкое по мысли воплощение немец<кого> философа».

«Вот 3 кормчие звезды, но этих кормчих звезд гораздо больше. Тут вы найдете и Гете, и Новалиса, и [Бод<лера>] „ботаника зла“... Хочется упомянуть еще 1 звезду, это народность. Верный сын края долготерпения нашел эту черту, мало выдвинутую цветущим эллинизмом. <...> Конечно, Д<ионис> — огонь, но тут Дионису подает руку древ<няя> русск<ая> мифология (Заря-заряница); эта славянск<ая> нота нашла отзвук в первом ученике В. И. Сергее Городецком, и дионисиазм свил себе прочное гнездо в нашей поэзии. Символ — это сверхполнота представления. Символ<ическая> речь прилив<ает> к вам волнами. Отливая, она оставл<ает> осадок, и этот осадок — символ».

«Этот дионисийский экстаз, в кот<ором> живет наш поэт, отразился и на его языке. Предмет изумления для его поклонников и предм<ет> нападков для его врагов. Что сделалось с язык<ом> в руках этого кудесника. Мы словно присутств<уем> при юности это<го> языка. <...> Если бы бы<ло> принято для совр<еменных> поэтов сост<авлять> словари, то вряд ли кто-либо из поэтов оказ<ался> бы богаче нашего. И при этом вечное алкание. И поэт берет снова свой молот и кует, кует, пока не выкует, что ему нужно. Националь<но?> строгое единство, строгая цельность его языка. <Нет> тех галлицизмов, кот<орыми> пестрят произв<едения> н<ыне> покойн<ого> И. Ф. Анненского, остр<ых?> облич<ающих> его фр<анцузскую> натуру. Конечно, не всегда> хорошо. Не нрав<ятся> мне малый<ий>, рыцес<кий> (для нимф, наяд), но неуд<ачных> слов мало <...> В общ<ем> можно преклониться перед этою творческой силой наш<его> поэта. Но откуда же словотворческая сила нашего поэта? Только греч<еский> яз<ык> достиг<ает> словотворч<еской> силы. Корень в дионисийстве, дифирамбе греч<еском> <...> Из поэт<ов> недифирамбистов только Эсхил сравнился с ним. В. И. перенес на русск<ий> язык ту свободу, кот<орую> он видел у греч<еского> дион<исийского> Возрождения. Так новатор во всех областях д<олжен> б<ыть> новатором и в обл<асти> стихосложения. Но в этом у него только нормальное богатство. Я не подсчит<ывала>, но думаю, что Бальмонт превзошел его».

«Счастл<ивое> сочет<ание> филолога и поэта. <...> Все указ<анные> свойства намечают его как буд<ущего> перевод<чика> Эсхила, и он уклоняться не может. Кто может, тот должен».⁴²

Непосредственному творческому содружеству Чеботаревской и Иванова суждено было осуществиться на стезе художественного перевода. С годами для Чеботаревской переводческая деятельность стала основным литературным занятием, дававшим ей материальный достаток и определенное профессиональное удовлетворение. Самым масштабным ее трудом в этой области стал перевод романов и

новелл Ги де Мопассана: в Полном собрании сочинений французского писателя, начатом в 1909 г. петербургским издательством «Пантеон» и завершеном в 1912 г. издательством «Шиповник», из 30 томов, составивших это издание, ею полностью переведены 14 (тома 3, 6—8, 10, 16, 20, 21, 24, 25, 27—30);⁴³ выполненные Чеботаревской переводы Мопассана неоднократно переиздавались и в позднее время.⁴⁴ Первой совместной переводческой инициативой Чеботаревской и Иванова стал мистический «сведенборгианский» роман Оноре де Бальзака «Серафита» («Séraphita», 1835), ранее на русском языке не появлявшийся,⁴⁵ книга планировалась для выхода в свет в серии «Орфей» московского символистского издательства «Мусагет». В объявлении о готовящихся изданиях, помещенном в конце книги Андрея Белого «Символизм», значилось: «Бальзака. Серафита. Пер. Ал. Чеботаревской. Вступительная статья Вячеслава Иванова. (Выйдет в августе 1910 г.);»⁴⁶ указанный срок соответствовал предварительным договоренностям,⁴⁷ однако работа над переводом не была завершена — возможно, отчасти и потому, что руководителю «Мусагета» Э. К. Метнеру роман Бальзака не показался интересным и в силу этого продвижение перевода со стороны издательства не было стимулировано.⁴⁸ В архиве Чеботаревской перевод «Серафиты» представлен лишь начальными страницами чернового текста.⁴⁹

До благополучного завершения, однако, было доведено другое совместное переводческое начинание Иванова и Чеботаревской — «Госпожа Бовари» («Madame Bovary», 1857) Гюстава Флобера. Идея перевода на русский язык произведений великого французского мастера овладевала Ивановым и ранее,⁵⁰ поэтому он охотно откликнулся на предложение З. И. Гржебина, руководителя издательства «Шиповник», взявшегося за подготовку Полного собрания сочинений Флобера в новых переводах, с комментариями и приложениями.⁵¹ Предполагалось, что Чеботаревская переведет роман, а Иванов осуществит сквозную редактуру представленного ею текста. Чеботаревская завершила свою работу в конце 1910 г.⁵² и передала перевод Иванову, который, со своей стороны, сумел спутать все предварительно намечавшиеся издательские планы, трудясь сообразно со своими привычными навыками, о которых позже напишет: «...у меня, старца, другой темп: что у Вас месяц, у меня год».⁵³ Его дочь вспоминает в связи с работой над «Госпожой Бовари»: «Когда дело шло о редакции перевода, Вячеслав обыкновенно спокойно, не желая думать о сроках, назначенных издателем, брал сначала текст оригинала, с любовью в него вчитывался, затем брал поданный ему перевод и начинал не торопясь его перечитывать, переделывать, перерабатывать во всех тонкостях, так что от первоначального текста не оставалось камня на камне. Это обычно вызывало бурные реакции переводчика и нередко кончалось серьезной ссорой. Вячеслав не обращал на это внимания: ему прежде всего важно было спасти художественное произведение».⁵⁴ Чеботаревская, в ходе совместной работы над текстом энергично возражавшая Иванову, в конце концов признала правомерность его редакторских решений (см. п. 10).⁵⁵ У нас нет возможности сравнить первоначальный вариант перевода, выполненный Чеботаревской (он, видимо, не сохранился), с окончательной его версией, возникшей в результате редактуры Иванова, однако, вчитываясь в опубликованный текст, нельзя не заметить в нем специфически ивановских «следов» — характерных для него стиливого рисунка, фразеологии, словоупотребления, синтаксических построений (возможно, впрочем, что какие-то кажущиеся нам «ивановскими» особенности возникли не в результате его редакторской правки, а присутствовали изначально в тексте Чеботаревской, которая могла испытывать в ходе переводческой работы силовое воздействие ярко индивидуальной стилиевой системы Иванова). В нескольких, почти

наугад выбранных фрагментах текста перевода «ивановские», как нам представляется, приметы выделены курсивом:

«Воспоминание о виконте неотвязчиво волновало ее при чтении. Она сближала его с лицами вымысла. Но круг, которого он был центром, мало-помалу, расширился, и его сияющий шлейф, отделяясь от его лица, распространялся все дальше и озарял другие мечты» (ч. 1, гл. IX).⁵⁶

«Ее плоть, облегченная, казалось, утратила свой вес, начиналась другая жизнь <...> Окропили святою водою простыни ее постели; священник вынул из дарохранительницы белую облатку Агнца; изнемогая от небесной радости, протянула она губы, чтобы принять тело Спасителя, ей преданное. Полог ее алькова мягкими волнами надувается, как облако, а лучи от двух свечей, горевших на комод, мшились ей венцами слепительной славы» (ч. 2, гл. XIV).⁵⁷

«Она медленно повернула голову и, видимо, обрадовалась, увидя фиолетовую эпитрахиль, — переживая, быть может, среди осенявшей ее глубокой внутренней тишины утраченную сладость своих первых листических восторгов <...> она вытянула шею, как жаждущий, которому дают пить, и прильнула губами к телу Богочеловека, изо всех своих слабеющих сил напечатлела на нем самый страстный поцелуй любви, какой когда-либо дарила в жизни. Потом священник <...> помазал очи, ненасытно искавшие земных прелестей; потом ноздри, жадные до благоухающих дуновений и лобострастных запахов <...> и наконец ступни ног, некогда столь быстрых и проворных, чтобы бежать на зов желаний <...>» (ч. 3, гл. VIII).⁵⁸

После выхода в свет перевода «Госпожи Бовари» новых совместных работ Чеботаревской и Иванова не затевалось. С годами их взаимоотношения все более и более развивались преимущественно в сфере быта, ставшего предметом особых хлопот и волнений в годы пореволюционной разрухи, а после двух смертей, осиротивших ивановскую семью, — М. М. Замятниной, домоправительницы (7 апреля 1919 г.), и Веры, жены Иванова и матери его сына (8 августа 1920 г.), — Чеботаревской пришлось взять на себя значительную часть забот по хозяйству. На протяжении трех с половиной лет (1920—1924), проведенных Ивановым, в должности университетского профессора классической филологии, вместе с детьми в Баку, на попечении Чеботаревской оставалась его московская квартира в Большом Афанасьевском переулке — имущество, библиотека, рукописи (часть ивановских книг она, живя тогда в Петрограде, передала на сохранение другим писателям).⁵⁹ Когда ранней осенью 1921 г. дочь Иванова Лидия заболела брюшным тифом, Чеботаревская приехала в Баку на помощь семье, там же ей пришлось обихаживать и его самого, заболевшего желтухой.⁶⁰ «Александра Николаевна, которая была нашею отрадой и помощью целый год, покидает нас», — сообщал Иванов Ф. Сологубу в письме из Баку от 31 августа 1922 г.⁶¹ Планировавшийся повторный приезд Чеботаревской в Баку не состоялся, взаимоотношения поддерживались перепиской — уже не только с Вячеславом и Лидией, но и с десятилетним Димитрием,⁶² — вплоть до возвращения Иванова в Москву летом 1924 г.

Отъезд в граничную командировку, о которой Иванов безуспешно хлопотал еще в 1920 г.,⁶³ на этот раз удалось осуществить: 28 августа 1924 г. Иванов с семьей выехал из Москвы в Италию. Чеботаревская проводила их на вокзале. На протяжении ряда лет Иванов продолжал держаться как лояльный по отношению к советским властям командированный, но уже 4 мая 1925 г. вполне недвусмысленно признался в письме к Э. К. Метнеру: «В Россию же решил не возвращаться».⁶⁴

Распроставшись — как оказалось, навсегда — с Кассандрой в августе 1924 г., Иванов оставил в ее распоряжении значительную часть своего имущества, а также библиотеку и почти весь свой рукописный архив⁶⁵ (ныне эти материалы рассредо-

точены по различным фундам в архивохранилищах Москвы и Петербурга). После их расставания Чеботаревской суждено было прожить всего полгода.

10 марта 1925 г. поэтесса М. М. Шкапская оповестила М. А. Волошина: «...две недели тому назад утопилась в Москве-реке сестра Анастасии Николаевны — Александра Николаевна Чеботаревская, ее спасли, но она умерла через 3 часа от слабости сердца».⁶⁶ Произошло это трагическое событие 22 февраля 1925 г., в день похорон близкого друга Чеботаревской М. О. Гершензона. «Вы угадываете, чего стоило мне пережить страшную весть», — написал Иванов из Рима 27 июля 1925 г. О. А. Шор (О. Дешарт).⁶⁷ Последняя сообщала позднее о смерти Чеботаревской: «...всегда нервно беспокойная, она страдала припадками мучительной тоски, грозно свидетельствующими о гнездящейся в ней наследственной душевной болезни. <...> Часто стала она забегать к М. О. Гершензону; в его светлом духовном мире она искала утешение. Неожиданно Гершензон умер <...> В большом зале Гос. Академии Художественных Наук, 22 февраля состоялось отпевание <...>. Вдруг к месту, близ гроба, откуда произносились речи, ринулась Чеботаревская; указывая простертой рукой на умершего, она закричала: „Вот он! Он открывает нам единственно возможный путь освобождения от всего этого ужаса! За ним! За ним!“ И она стремглав, дико убежала. Бросились ее догонять друзья; среди них Ю. Н. Верховский, Н. К. Гудзий. В течение нескольких часов они за нею гонялись по улицам, подворотням, лестницам. Наконец, хитростью безумия ей удалось от них скрыться. В тот же день вечером нашли ее мертвое тело в Москве-реке. (Несмотря на зимнюю пору, была оттепель, и река оказалась частично незамерзеной)».⁶⁸ Потрясенные друзья и родственники Чеботаревской хотели подготовить и выпустить в свет книгу ее памяти, но ничего из этого намерения не получилось.⁶⁹

Разумеется, гибель Александры Чеботаревской заключала в себе психиатрическую, наследственную составляющую — повторяла обстоятельства самоубийства в 1921 г. Анастасии Чеботаревской, бросившейся в воду с дамбы петроградского Тучкова моста. Однако у любой болезни, и у психической в частности, могут быть разные внешние условия протекания — способствующие преодолению недуга или, наоборот, этот недуг обостряющие. Условия, которые предлагала общественная ситуация в России в 1925 г., для людей того круга и того типа мышления и чувствования, к которому принадлежала Чеботаревская, безусловно, являли собой именно второй случай. И в этом отношении скромное литературное имя Александры Чеботаревской оказывается по праву принадлежащим к тому бесконечному мартирологу загубленных деятелей русской культуры, отсчет которому был задан в октябре 1917 года.

Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской печатаются по автографам, хранящимся в ее архиве в Рукописном отделе Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 189, № 92).⁷⁰ В публикацию не вошли две кратких недатированных записки Иванова, а также тексты его телеграмм.

За помощь в подготовке публикации и за предоставление использованных материалов выражаем глубокую благодарность Роберту Бёрду, Д. В. Иванову, Н. В. Котрелеву, Джону Мальмстаду, М. М. Павловой, А. Б. Шишкину.

¹ Степун Ф. Встречи. Мюнхен, 1962. С. 143.

² Аскольдов С. А. Письма к родным / Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1991. Вып. 11. С. 319. (Письмо к сестре от 7 июля 1934 г.)

³ Аишчиков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С. 43.

⁴ Бердяев Н. Собр. соч. Т. 1. Самопознание (опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С. 176—177, 178.

⁵ См.: *Shishkin A.* Le banquet platonicien et soufi à la «Tour» pétersbourgeoise: Berdjajev et Vjačeslav Ivanov // *Cahiers du Monde russe.* 1994. Vol. 35. (1—2). Т. 2. (Un maître de sagesse au XXe siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps). P. 15—79; *Шишкин А.* Симпозион на петербургской Башне в 1905—1906 гг. // *Русские пиры.* СПб., 1998. С. 273—352 (Альманах «Канун»; Вып. 3); *Богомолов Н. А.* Петербургские газифиты // *Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: статьи и материалы.* М., 1995. С. 67—98.

⁶ *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 823—825.

⁷ Под таким домашним именем она, в частности, упоминается в письмах Ан. Н. Чеботаревской к О. Н. Черносвитовой за 1897 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 8).

⁸ *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред. со вступ. статьей и прим. Глеба Морева. СПб., 1998. С. 68.

⁹ Письма и дарственные надписи Блока Александре Чеботаревской / Публ. Д. Е. Максимова // *Блокковский сборник.* Тарту, 1964. С. 549. Сведения об Александре Чеботаревской в связи с ее взаимоотношениями с Вяч. Ивановым см. также в комментариях О. Дешарт (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 724—726) и К. Ю. Лаппо-Данилевского (*Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., <1995>. С. 125—127).

¹⁰ См. черновые наброски к биографии Ал. Н. Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 1, л. 6).

¹¹ Российская национальная библиотека, ф. 1136, № 63, л. 1—2. Далее: РНБ. В архиве Чеботаревской сохранилось свидетельство о полученном ею звании домашней учительницы французского языка от 28 мая 1887 г. (РО ИРЛИ, ф. 189, № 223).

¹² Современный исследователь, отмечая в этом переводе «досадные отклонения» от оригинала, признает его «живость, разговорность, непосредственность», а также указывает, что переводчица «местами несколько архаизирует текст, стремясь создать колорит русского языка конца XVIII в.» (*Буачиозе Г. С.* Ретиф де ла Бретон в России // *Ретиф де ла Бретон Н.-Э. Свращенный поселянин. Жизнь отца моего.* М., 1972. С. 633).

¹³ РНБ, ф. 1136, № 63, л. 3.

¹⁴ Русская мысль. 1903. № 5. Отд. II. С. 137.

¹⁵ См.: *Иванов Вячеслав.* Прозрачность. Вторая книга лирики. М., 1904. С. 116.

¹⁶ *Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского; Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., <1995>. С. 98—99.

¹⁷ Российская государственная библиотека, ф. 109, карт. 2, № 43. Далее: РГБ. Текст записки приведен в примечаниях Р. Е. Помирного в кн.: *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 2. С. 292 («Новая Библиотека поэта»). В автографе стихотворения предварительные варианты строк — ст. 6: «Ковчег сжигая, мнят, что жгут в нем Бога, —»; ст. 8: «Но ты блюда елей твой у чертога».

¹⁸ РО ИРЛИ, ф. 189, № 202, л. 1.

¹⁹ Там же, л. 2; *Иванов Вяч.* Прозрачность. С. 75.

²⁰ *Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 99—100.

²¹ *Иванов Вяч.* Сог Argdens. М., 1911. Ч. 1. С. 133. Автограф стихотворения (без заглавия и посвящения) — в альбоме Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 202, л. 3).

²² *Альман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 100.

²³ В архиве Чеботаревской сохранились отгиски публикаций Иванова с надписями: «Дорогой Александре Николаевне от неизменно преданного автора» (Эллинская религия страдающего бога. Введение, гл. 1 // *Новый Путь.* 1904. № 1), «Дорогому другу Кассандре Вяч. Ив.» (Стихотворения // *Вопросы жизни.* 1905. № 2), «Сибилле Кассандре Вяч. Ив.» (Из Бодлэра // *Вопросы жизни.* 1905. № 3), «Другу Кассандре Николаевне на память об Октябре 1905. СПб. 21. X Вяч. Ив.» (Кризис индивидуализма // *Вопросы жизни.* 1905. № 9), «Дорогому другу Кассандре во имя общих заветов и *Лидии Вяч. Иванов*» (Речь, произнесенная на чествовании памяти В. Ф. Комиссаржевской 7 марта 1910 г. // *Ежегодник императорских театров.* 1910. Вып. 2), «Кассандре — о нас — с нашей любовью. Вяч. Ив.» (Венок сонетов. Из книги «Любовь и Смерть» // *Аполлон.* 1910. № 5), «Кассандре, сердечному другу Вяч. Иванов» (О границах искусства // *Труды и дни.* 1914. № 7), «Кассандре мистической В. И.» (Мой дом. Мистический цикл // *Русская Мысль.* 1916. № 9) (РО ИРЛИ, ф. 189, № 244), «Дорогой Александре Николаевне Чеботаревской Вяч. Иванов» (Чурлянис и проблема синтеза искусств // *Аполлон.* 1914. № 3) (Там же. № 235); в собрании

М. С. Лесмана — книга Иванова «Родное и Вселенское. Статьи (1914—1916)» (М., 1917) с надписью: «Дорогой Александре Николаевне Чеботаревской в радостный день нового свидания. С любовью Вяч. Иванов. 14/27.III.18» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 102).

²⁴ Фрагменты из этих писем Чеботаревской к Иванову вошли, в частности, в подборку «Блок в незадуманной переписке и дневниках современников (1898—1921)» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 409—410, 417—418, 427—429).

²⁵ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20.

²⁶ Письмо к Иванову от 5 января 1904 г. (Там же). Рукопись статьи Чеботаревской «Поэт настроений (По поводу сборников стихотворений К. Д. Бальмонта)» хранится в ее архиве (РО ИРЛИ, ф. 189, № 9).

²⁷ *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 100.

²⁸ Первые письма М. О. Гершензона к Чеботаревской относятся к 1902 г. (РО ИРЛИ, ф. 189, № 79). См. характеристику Чеботаревской в воспоминаниях дочери Гершензона (*Гершензон-Чегодаева Н. М.* Первые шаги жизненного пути. М., 2000. С. 24—25).

²⁹ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20.

³⁰ См., например, дневниковые записи Иванова от 15 и 17 августа 1906 г. (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 752, 754).

³¹ 24 октября 1907 г. Чеботаревская отправила Иванову телеграмму соболезнования: «Всеми мыслями, всею душою с вами в общем ужасном горе. Чеботаревская»; из телеграммы к нему же от 5 ноября выясняется, что Чеботаревская предлагала Иванову после похорон пожить со всей семьей у нее в Москве: «Еду сегодня, понедельник, в шесть часов тридцать, намереваясь увезти вас всех к себе. Чеботаревская» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20).

³² *Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 210.

³³ См.: *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 53—109.

³⁴ Следы этих встреч зафиксированы в дневниковых записях Иванова — например, в записи от 7 сентября 1909 г., в которой упоминаются его неосуществленные творческие замыслы: «Болтал с Кассандрой. Рассказал ей и проект комедии, и проект романа, из чего увидел, что этот новорожденный проект в самом деле и строен, и осуществим» (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 803).

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1186. Алехан — А. Н. Толстой.

³⁶ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20.

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 189, № 48. Значительная часть знаков препинания, отсутствующих в автографе, восстановлена нами по смыслу.

³⁸ Там же.

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 189, № 2, л. 21.

⁴⁰ См.: *Богомолов Н. А.* К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 166—169; *Азадовский К.* Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 123—129.

⁴¹ РГБ, ф. 109, карт. 36, № 29. Ср. признание Чеботаревской в письме к М. О. Гершензону от 6 февраля 1913 г. об Иванове: «Мое отношение к последнему, после всей боли, в кот<орой> я дошла до конца, и ввиду новых некоторых открывшихся тут обстоятельств как-то стало совсем спокойным и уверенным» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

⁴² РО ИРЛИ, ф. 189, № 13. Вероятно, последние приведенные здесь фразы Чеботаревская записала, уже зная об ивановском намерении перевести на русский язык трагедии Эсхила и о его конкретной договоренности об этом в 1911 г. с издательством М. и С. Сабашниковых (см.: *Котрелев Н. В.* Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. научных трудов. М., 1990. С. 133—137; *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 497—502).

⁴³ В библиотеке ИРЛИ (шифр: 106 4/31) сохранился один из томов этого издания (Т. 21. «Хорля» и другие рассказы) с зачеркнутой надписью: «Вячеславу Ивановичу Иванову с чувством неизменной преданности Кассандра. 1911 г. Каннука».

⁴⁴ См., например: *Monassan G. de.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1954. Т. 2; *Monassan G. de.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1958. Т. 2 (в переводе Чебота-

ревской — роман «Жизнь» и сборники новелл «Мадемуазель Фифи», «Рассказы вальдшнепа»).

⁴⁵ Выбор произведения был, видимо, сделан Ивановым, ранее цитировавшим «Серафиту» и другую «мистико-романтическую», по его определению, повесть Бальзака «Луи Ламбер» в статье «Две стихии в современном символизме» (1908). См.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 2. С. 548. В рассказе Г. И. Чулкова «Полунощный свет» (1909) «книжка в зеленой обложке — „Séraphita“ Бальзака» лежит на столе у писателя Сергея Савинова, прообразом которого послужил Иванов (см.: *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1999. С. 451).

⁴⁶ *Андрей Белый.* Символизм: Книга статей. М.: Мусажет, 1910. С. 640. Объявления о «Серафите» появились и в других книгах «Мусажета» и издательства «Альциона».

⁴⁷ Среди писем Чеботаревской к Иванову сохранился следующий документ: «Заявляю Вячеславу Ивановичу Иванову, что для томов Бальзака, издаваемых под его редакцией, обязуюсь перевести поэму „Серафита“, часть которой представлю к 15 июля, а остальное к 15 августа 1910 года. Александра Чеботаревская. Июня 19-го» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 21). Работа над переводом, однако, затянулась; в письме к Иванову от 30 августа 1910 г., отправленном в Рим, Чеботаревская извещала о встрече с секретарем «Мусажета» А. М. Кожебаткиным: «Он согласен, чтобы я представила перевод Бальзака в октябре после Вашего возвращения» (Там же). Ср. дневниковую запись Чеботаревской от 6 июля (видимо, 1910 г.): «Вечером читала [„Séraphita“] „Философские поэмы“ Бальзака. Какая красота!» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 2, л. 7).

⁴⁸ 17 августа 1910 г. Э. К. Метнер писал А. М. Кожебаткину: «Узнайте, начала ли переводить „Серафиту“ Чеботаревская. Если она ответит, что *еще не* начала, то напишите ей, что мы откладываем печатание этой вещи и чтобы она пока не принималась за работу; если же она начала, то пусть продолжает. Дело в том, что я, познакомясь с этой вещью, рекомендованной В. Ивановым, *очень* разочарован. — Я бы не желал ее» (РГБ, ф. 167, карт. 24, № 13). Последнее по времени упоминание об этой работе — в письме Чеботаревской к Иванову от 27 января 1912 г.: «Прошу Вас *не считать за лию* ту часть работы по переводу для „Орфея“ книги Бальзака, которая за мною числилась, и располагать ею по Вашему усмотрению» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 22).

⁴⁹ РО ИРЛИ, ф. 189, № 27. 41 лл. В архиве Чеботаревской хранится также выполненный ею перевод (машинопись с рукописными вставками и правкой) пьесы французского драматурга Мигеля Замакоиса (Zamaçois; 1866—1939) «Шуты» («Les bouffons», 1907) — стихотворной историко-романтической комедии в традиции Э. Ростана (РО ИРЛИ, ф. 189, № 243. 425 лл.). Согласно исходному архивному описанию этого текста, перевод был подготовлен Чеботаревской совместно с Вяч. Ивановым; однако в нем ни одна автографическая вставка и ни одно исправление не сделаны рукой Иванова, что позволяет усомниться в правильности такой атрибуции. Перевод не был опубликован, возможно, потому, что ко времени его завершения пьеса Замакоиса «Шуты» уже была известна в двух русских переводах — А. Фронти (М., 1908) и Lolo (Л. Г. Мунштейна) (М.: Чайка, 1908).

⁵⁰ Один из unrealized замыслов Иванова — перевод романа Флобера «Саламбо»; его он предложил осуществить (в письме к М. Горькому от 16 января 1906 г.) для издательского товарищества «Знание»: «...за „Саламбо“, например, взялся бы охотно; смотрю на такой перевод, как на привлекательный, хотя и трудный подвиг в области *стиля* <...>» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1999. Т. 5. С. 408. Комментарий Н. В. Котрелева). Горький к этой идее отнесся сочувственно (см.: Там же. С. 136—137; *Корецкая И. В.* Горький и Вячеслав Иванов // Горький и его эпоха: Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 171).

⁵¹ Об этом издательском проекте (в 1913—1915 гг. вышло в свет пять томов, издание осталось незаконченным) см. в мемуарном очерке Б. К. Зайцева «Флобер в Москве» (*Зайцев Б. К.* Соч.: В 3 т. М., 1993. Т. 2. С. 401).

⁵² 16 февраля 1910 г. Чеботаревская сообщила М. О. Гершензону: «...меня впрягли в новую срочную работу — 1-й том полного собр<ания> сочин<ений> Флобера („Госпожа Бовари“), кот<орый> я должна кончить к началу *марта* <...>»; первоначально определенный срок завершения работы оказался нереальным, и год спустя (22 февраля 1911 г.) Чеботаревская вновь коснулась той же темы в письме к Гершензону: «„Бовари“ перевожу с восторгом. Уж очень хорошо, и переводить ее приятнее даже, чем читать, — лучше вникаешь. <...> „Бовари“ обещается просмотр<еть>, если буд<ет> время (изд<атели> торопят страшно), В<ячеслав>

Ив<анович>. Думаю, что это будет на пользу переводу» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23). 30 августа 1910 г. Чеботаревская писала Иванову: «Гржебин меня замучил — хочет печатать „Бовари“ *totчас же*. <...> Я так втянулась в Флобера, что теперь ничего после него не могу переводить: все кажется пошлым после его трагического стиля. Когда я перечитывала недавно конец, то форменно расплакалась... Поистине это *единственный* роман, и больше нет...». 2 октября того же года Чеботаревская известила Иванова, что Гржебин выплатил ей гонорар за перевод (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 21).

⁵⁵ Приписка на письме Л. В. Ивановой к В. А. Мануйлову от 12 ноября 1925 г. (Частное собрание). Ср. признание Чеботаревской в письме к Гершензону от 16 декабря 1911 г.: «Грустно еще, что моя „Бовари“ (в которой осталось только проредактировать по рукописи 80 стр.!) так и застыла с лета; боюсь, что издатели совсем не станут ее издавать...» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

⁵⁴ *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Джона Мальмстада. Paris, 1990. С. 49—50. О своей работе над «цельным трудом» Чеботаревской Иванов писал З. И. Гржебину 7 января 1911 г.: «...редактор более интенсивно, более сосредоточенно проделал *художественную* часть труда, не видящую непосредственно и во всем объеме в задачу переводчицы» (Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 225, оп. 1, № 30. Далее: РГАЛИ).

⁵⁵ Ср. письмо Чеботаревской к Иванову от 14 декабря 1913 г.: «Вчера „Госпожа Бовари“ <...> появилась, наконец, в свет <...> В тексте же самого романа, свято и ненарушимо прокорректированного мною *4 раза*, согласно рукописи, — нет ни одной опечатки. Вообще, слава Богу, текст русской Бовари, кажется, безусловно образцовый, по отзывам всех, видевших его!» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 23).

⁵⁶ *Флобер Г.* Полн. собр. соч. Новые переводы с последнего (юбилейного) издания. Т. 1. Госпожа Бовари / Пер. Александры Чеботаревской под редакцией Вячеслава Иванова. СПб: Шиповник, <1913>. С. 69.

⁵⁷ Там же. С. 243—244.

⁵⁸ Там же. С. 368.

⁵⁹ См.: *Обатини Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 29—31. Эта работа, а также осуществленная Г. В. Обатиным публикация неизвестных стихотворений Иванова (Наше наследие. 1992. № 25. С. 79—81), включает новонайденные ивановские тексты, сохраненные Чеботаревской. Ср. свидетельство в письме Чеботаревской к А. С. Яценко от 17 марта 1924 г.: «...в прошлом году, когда в Москве была ликвидирована квартира Вячеслава Ивановича, то кроме вещей, оставленных в Москве, прислала и мне в Питер, с просьбою похранить до его приезда, часть его библиотеки и кое-какие из вещей» (*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921—1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 295). См. также работу Л. Н. Ивановой в наст. изд.

⁶⁰ См.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 98—99. Об отъезде Чеботаревской к Иванову в Баку «несколько дней назад» Гершензон сообщил В. А. Меркурьевой 27 июля 1921 г. (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 45). Ср. сведения об Иванове в письме Чеботаревской из Баку к Гершензону от 15 декабря 1921 г.: «...оправился от своих болезней <...> К концу ноября он начал читать лекции. <...> Он читает 14 часов лекций и имеет 2 семинария, выступая и публично в вечерах, посвященных памяти А. Блока, Некрасова и др. В общем живет ему здесь не худо. Его любят и в городе и в университетском кругу» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

⁶¹ Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 149. Необходимо, однако, отметить, что отношения Иванова с Чеботаревской во время ее бакинского пребывания зачастую принимали конфликтный характер. Е. А. Миллиор, в частности, вспоминает: «Характер у В. Ив. был тяжелый, с „Кассандрой“ он бывал порой резок и чуть ли не груб, и даже при нас, студентах. Она — всегда терпелива и заботлива и с ним и с детьми. Говорили, что она любила В. Ив-ча» (Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 22). Аналогичные свидетельства — в дневниковых записях М. С. Альтмана от 9 января и 7 июля 1922 г. (*Альтман М.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 240, 256).

⁶² Среди писем Д. В. Иванова к Чеботаревской сохранились его первые стихотворные опыты — в частности, стихотворение (датированное 24 июля 1923 г.), написанное, как вспоминает автор, под впечатлением подслушанной тайком в Бакинском университете лекции профессора Е. И. Байкова о Французской революции и казни

Людовика XVI (см.: *Иванов Д. В. Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 41—42*); вместе с собственным текстом Д. В. Иванов привел и поэтический отклик отца на него (РО ИРЛИ, ф. 189, № 93, л. 14—14 об.):

Фантазия, сочиненная на «Площ<ади> Своб<оды>»

Рукой взмахнул
И все сокрылось.
Вдвоем они остались
К нему тихонько прислонилась
Перед мужчиной женщина склонилась
И с уст его чуть слышное
Прости... слетело
И оба вышли
Рука с платком уже склонилась
И тихо гильотина опустилась.
В молчанье гробовом.

Папин ответ.

Какою страшною картиной
Воображенье увлеклось!
Да, много жертв под гильотиной
На площадях Свободы мнимой
Во гроб кровавый улеглось.

24. VII.

В. И.

⁶³ См.: *Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929): Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 306—313; Неизвестное письмо Вяч. Ив. Иванова академику С. Ф. Ольденбургу / Публ. Г. Бонгард-Левина // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 253—256; Бонгард-Левин Г. «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть»: Из переписки Вячеслава Иванова // Русская мысль. 2000. № 4301, 20—26 января. С. 18.*

⁶⁴ Вопросы литературы. 1994. Вып. 3. С. 301. Публикация В. Сапова.

⁶⁵ См.: *Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 122; Из дарственных надписей В. И. Иванова / Публ. И. В. Корецкой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 149. С заботами об этом связано одно из последних писем Чеботаревской к Иванову (от 26 июля 1924 г.): «...я получила письма, призывающие меня в Петроград, а с другой стороны получила — вчера — приглашение вывезти 14 ящиков Вашей библиотеки и архива из дома в Афанасьевском пер. — ввиду ремонта подвального этажа. В связи с последним убедительно прошу Вас возвратить П. С. Когану и получить от него разрешение <...> на помещение — временное — Ваших книг в одном из складочных или подвальных мест (только не сыром) Академии Художественных наук <...> Я слышала, что это возможно устроить. Перевозка близкая и не обойдется дорого. Если Вы не будете говорить сами, то дайте разрешение мне или М. О. Гершензону обратиться с этой просьбой к П. С. Когану» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 47. П. С. Коган с 1921 г. был президентом Гос. Академии Художественных Наук). Согласно другим документам, библиотека Иванова (о ее дальнейшей судьбе достоверных сведений нет) была передана в Гос. Театральный музей имени А. А. Бахрушина (*Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть. С. 327*).*

⁶⁶ РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1303.

⁶⁷ Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Вып. 3. (В печати).

⁶⁸ Примечания О. Дешарт в кн.: *Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. С. 725—726. Несколько иную картину происшедшего дает («со слов советского писателя») В. Ф. Ходасевич в книге «Некрополь» (*Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 184*).*

⁶⁹ Инициатором этого замысла был Г. И. Чулков. 25 мая 1925 г. сестра покойной, Татьяна Чеботаревская, сообщила Ф. Сологубу: «Была на днях у меня Н. Г. Чулкова. Относительно книжки в память Сани пока движения никакого нет, и Георгий Иванович, которому принадлежит эта мысль, кажется, никаких шагов не предпринимает» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 727).

⁷⁰ Письмо 8 хранится в этом архиве в подборке писем В. К. Шварсалон к Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 94, л. 6).

8 (21) июля 1903 г. Париж¹

Вторник

Дорогая Александра Николаевна, радуемся Вашему *Да* и, конечно, рады Вас видеть у нас в любое время, сожалеем только, что Вы теряете время и силы в Париже совсем понапрасну. Видно, что Вам еще долго нужно думать на тему: *das Ich und sein Eigenthum*.² Не знаете Вы ни обязательств, налагаемых нашим *Я*, ни его прав. А, впрочем, мы не управлялись с делами вовремя и, не желая устать, отложили отъезд *на завтра*...³ Жмем Вашу руку, спасибо за обещание навестить нас наверно — и до свидания.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Датируется по почтовому штемпелю: Paris. 21 juil 03. 21 июля н. ст. — вторник. Секретка; направлена по парижскому адресу Чеботаревской: 7, rue Campagne Première. Обратный адрес: Rue de la Tour, 89.

² Я и его собственность (*нем.*). Обыгрывается заглавие философского трактата Макса Штирнера «*Der Einzige und sein Eigentum*» («Единственный и его собственность», 1845).

³ Имеется в виду возвращение Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал на виллу Жава, где они тогда постоянно проживали (Шатлен, близ Женевы).

17 (30) июля 1903 г. Шатлен¹

Дорогая Александра Николаевна,

Нарочно беру *carte postale*, да еще с картиной, чтобы не иметь места сказать Вам все упреки, которые накапливаются в душе...

Ваш В. И.

30, уже 30.VII.

¹ Открытка с видом долины Шамони и Монблана. Почтовый штемпель: Châtelaine. 30. VII. 03. Отправлено по парижскому адресу Чеботаревской.

31 августа (13 сентября) 1903 г. Женева¹

Спасибо, дорогая Кассандра Николаевна, за милый привет и изображение горного перевала,² которое позволите символисту считать символическим. Скоро ли, наконец, увидимся?!

Вяч. Ив. 13. IX. 03.

¹ Открытка; почтовые штемпели: Genève. 14. IX. 03; N-te Savoie. 14 sept. 03. Отправлено по адресу m-me Mullat: Bonnaz. Pont des Fillinges. Haute Savoie.

² Эта открытка Чеботаревской в архиве Иванова не сохранилась.

4

16 (29) декабря 1903 г. Шатлен

29/16. XII.

Уважаемая и дорогая Александра Николаевна,

Благодарю Вас за маленькое «с пути» и за четыре странички парижской эпикей.¹ Так как долг платежом красен, я должен был бы ответить также эпикей; но нахожусь в области безмолвствующей (пока) трагики — разумею «Тантала»...² Еще <?> не знаю, выйдет ли что-нибудь: так и написал вчера Вам.³ Лид<ии?> написал также и о Ваших статьях — о Моро и Якунчиковой.⁴ Вопрос о поездке в Москву — которая, и в том случае, если состоится, только *задержит*, на месяц вероятно, мои парижские курсы,⁵ предназначавшиеся вначале именно на конец февраля, — остается также нерешенным. Вообще, все влажно и сумеречно-мглисто. Нота *дня* — мглистое, но не мрачное впечатление от новой рецензии о Кормчих Звездах в Хронике Мира Искусства, где я представлен трудолюбиво бездарностью. Что придает комический (если хотите, маскарадный) оттенок этой анафеме, — это постоянно повторяющийся *Leitmotiv* моих зоиллов: будто я «перевожу» на язык Екатерининской эпохи какие-то неведомые плоды моей великой начитанности в чьих-то великих произведениях.⁶ Из моих мыслей и замыслов — ничто не приписывается моей собственной догадливости. Пока до свидания.

Ваш сердечно Вяч. Ив.

Всего доброго — и пишите пожалуйста!⁷

Простите пачкотню известных Вам перьев. В «Правде»* все наши друзья: Котлярев<ский?>, Ивановский и, как уже известно, Поярко.⁸

¹ Ни то, ни другое письмо Чеботаревской в архиве Иванова не сохранились.

² Речь идет о работе над трагедией «Тантал», предназначавшейся для опубликования в 4-м альманахе издательства «Скорпион» «Северные Цветы Ассирийские» (М., 1905. С. 199—245). 1/14 ноября 1903 г. Иванов писал В. Я. Брюсову: «Что до „Северных цветов“, — желанна ли вам первая часть моей задуманной трилогии — „Тантал“?» Трагедия займет не менее трех листов. Я хочу за нее приняться и, если Музы будут благосклонны, написать ее до Рождества» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 439).

³ Это письмо Иванова нам неизвестно.

⁴ В сохранившихся письмах Иванова к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал за 1903 год (РГБ, ф. 109, карт. 10, № 2) эта тема не возникает. Имеются в виду статьи о французском художнике-символисте Гюставе Моро (1826—1898) и русской художнице

* Кожевникова! (Примечание Иванова).

Мариин Васильевне Якунчиковой (в замужестве Вебер; 1870—1902) — «Царство мифа (Гюстав Моро)» и «Художник-друг». 5 января (н. ст.) 1904 г. Чеботаревская отвечала: «Спасибо за то, что написали о Моро, — скоро примусь за него, хотя не знаю еще, когда кончу. Посоветуйте, как назвать ее. Можно как-нибудь вроде „В царстве мифа“ или же просто „Гюстав Моро“» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20). Иванов пытался содействовать опубликованию этой статьи Чеботаревской; 15/28 декабря 1903 г. он писал Брюсову: «Нужна ли для „Весов“ статья (популярная и сочувственная) о Гюставе Моро? Такой этюд, преимущественно описательный (очень изобразительный обзор его произведений по эпохам творчества) и, на мой взгляд, весьма живой и интересный, желала бы дать в „Весы“ моя хорошая знакомая — парижская приятельница — Александра Николаевна Чеботаревская» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 443). В «Весях», однако, эта статья не появилась: беловая рукопись ее с карандашной правкой — в четырех вариантах текста (один без окончания), с вариантами заглавий: «Царство мифа (Гюстав Моро)», «В царстве сказки и мифа (Гюстав Моро)», «В царстве мифа» — сохранилась в архиве Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 16). Статья Чеботаревской «Художник-друг (Посмертная выставка произведений М. В. Якунчиковой)» была напечатана в «Русской мысли» (1905. № 4. Отд. П. С. 169—172).

⁵ Имеется в виду курс о римской магистратуре, который Иванов предполагал прочесть в парижской Русской высшей школе общественных наук, начиная с января 1904 г.: от чтения курса Иванов отказался. См.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 439, 446.

⁶ Имеется в виду рецензия на книгу стихов Иванова «Кормчие звезды» (подписанная криптонимом: П. Н.), в которой, в частности, говорилось: «...г. Иванов выделяется очень искренней любовью к поэзии, вполне серьезным отношением к делу, отсутствием всякого преднамеренного кривлянья. Это поэт — педант, чрезвычайно образованный, начитанный, сжившийся с обществом великих гениев прошлого. <...> Его чувства и настроения навеяны великими образцами, но некоторые новые для русского языка удачные выражения, некоторые яркие, образные эпитеты подобраны им самим. Они выделяются, как блестящие посреди темной руды его непонятного тяжелого слога. Несомненная заслуга г. Иванова, что он первый пытается произвести над русским языком те эксперименты, которыми занимался Маллармэ. <...> Он пишет архаическим языком; его произведения производят впечатление переводов (может даже великих произведений), сделанных русским пиитой времен Екатерины. И надо отдать справедливость г. Иванову, его архаический слог — тяжел, косолап, не художествен, но он не тривиален, иногда даже благороден и возвышен. Не отличаясь талантливостью, поэзия г. Иванова не имеет в себе ничего плебейского, шарлатанского» (Хроника журнала «Мир искусства». 1903. № 14. С. 154).

⁷ 5 января (н. ст.) 1904 г. Чеботаревская писала Иванову: «Простите, что долго не отвечала Вам. Париж, с его огромными концами, по обыкновению, так пожирает время, что совершенно не знаешь, куда оно девается. <...> сразу Ваш почерк воскресил во мне те хорошие дни, одни из лучших в моей жизни, которыми я обязана Вам и Лидии Дмитриевне. <...> я много думала о Вашем таланте, в который я глубоко верю и который считаю очень-очень большим. Какое он примет направление, во что он выльется... Это так страшно, потому что Вам так много дано... Впрочем, „дорога Ваша“ иначе не может быть как полной, светлой и „огненной“» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20).

⁸ «Правда» — ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни, выходивший в Москве с января 1904 г. по февраль 1906 г.; его редактор-издатель — инженер и драматург Валентин Алексеевич Кожевников (1867—1931). В политическом плане журнал придерживался социал-демократической ориентации. В перечне предполагаемых участников издания на 4-й странице обложки январского номера за 1904 г. значились профессор Нестор Александрович Котляревский (1863—1925), историк литературы, критик, публицист, и приват-доцент Сергей Андреевич Котляревский (1873—1940), историк, земский деятель, впоследствии член ЦК конституционно-демократической партии, а также приват-доцент Владимир Николаевич Ивановский (1867—1931) — историк философии, приват-доцент Казанского университета, дружил с Ивановым и бывал у него в Шатлене в 1903—1904 гг. (см. примечания О. Дешарт в кн.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 863—864); Ивановский дружески общался с Чеботаревской, дважды — согласно ее свидетельству — предлагал ей замужество (см.: *Альцман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 99, 205—206 — комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского); в январском номере «Правды» за 1904 г. была начата печатанием статья Ивановского

«Что такое „позитивизм“ и „идеализм“» (С. 140—150). Поэт и критик Николай Ефимович Поярков (1877—1918) в первых номерах «Правды» не участвовал и в числе предполагаемых сотрудников журнала назван не был.

5

13 (26) октября 1904 г. Шатлен

Дорогая Кассандра Николаевна,

Хотя два словечка, *наконец*, привет и благодарности и уверения в неизменной <?> дружбе. Спасибо за священную веточку. Слова казались излишними, чтобы сказать ужас и скорбь после трагической вести о Вашем брате.¹ Здесь также стоял гроб.²

Увижу ль Вас, если дано увидиться вскоре, — воскресшей? Восприньте.

Ваш Вяч. Ив.

Что Вы сокрушаетесь о Мэтерлинке: я уже не могу сочувствовать его торжеству. См. Весы.³

26/13. X. 04.

¹ Речь идет о смерти Льва Чеботаревского, последовавшей 25 июня 1904 г. В. Н. Ивановский спрашивал Чеботаревскую в письме от 21 июля/3 августа 1904 г.: «Что такое случилось с Вашим братом студентом? самоубийство, случайность? От болезней не полагается погибать в этом возрасте. О его смерти я узнал из случайно попавшегося мне № Русских Ведомостей» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 96). Имеется в виду следующее газетное оповещение (Русские Ведомости. 1904. 4 июля, № 184. С. 1): «В воскресенье, 4-го июля, в девятый день по кончине студента 2-го курса Московского университета Льва Николаевича Чеботаревского, имеют быть заупокойная литургия и панихида в церкви Воскресения на Ваганькове, о чем мать, сестры и братья покойного извещают друзей и знакомых».

² Имеется в виду кончина Дмитрия Васильевича Зиновьева (1822—1904), отца Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. 15/28 сентября 1904 г. Иванов информировал Брюсова: «...вчера вечером скончался отец Лидии Дмитриевны» (РГБ, ф. 386, карт. 87, № 1).

³ Подразумевается, вероятно, анонимная заметка «Мэтерлинка на сцене Художественного театра», в которой была подвергнута критике постановка в Московском Художественном театре (преьера — 2 октября 1904 г.) трех одноактных пьес Мориса Метерлинка («Слепые», «Непрощенная», «Там — внутри»): «Нельзя играть Мэтерлинка актерам с психологией чеховских героев!» (Весы. 1904. № 10. С. 81—82).

6

20 марта (2 апреля) 1908 г. Петербург

20. III. 08.

Дорогая Кассандра,

посылаю Вам, дорогая, программу лекции 25 марта, опасаясь, что письмо мое к П. К. Иванову может не дойти до ней вовремя: прилагаемый листок — дубликат.¹

До утра понедельника у Вас, как условлено!

Ваш душою Вяч.

¹ *Иванов Петр Константинович* — журналист, секретарь Московского Литературно-Художественного кружка (см. о нем: *Муролицева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью.* М., 1989. С. 264—265); вместе с упомянутым письмом к нему Вяч. Иванов отправил для опубликования текст с планом лекции. 25 марта 1908 г. Иванов выступил в Московском Литературно-Художественном кружке с лекцией «Две стихии в современном символизме»; во время того же пребывания в Москве он прочел также лекцию «Символизм и религиозное творчество» на XVIII публичном заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, состоявшемся 30 марта (см.: *Русские ведомости.* 1908. 23 марта, № 70, С. 2, 6).

7

1 (14) декабря 1908 г. Петербург

1. XII. 08.

Дорогая Кассандра,

Башенцы радуются и ждут Вас с нетерпением, которого Вы, к сожалению, не учитываете вовсе в распределении Вашего времени, что очень *стыдно*, — выражаясь умеренно..... За радостную весть и дивный благоуханный привет благодарю Вас всем сердцем.¹ Вера целует.

Вяч. Иванов.

И благодарю за вести из Москвы. Горжусь, вследствие Ваших успехов, Вашей дружбой! — которую Вы, по-видимому, желаете отрицать своим коварным образом действий. Привет душевный предпочтенным Вами, без зависти!

В. И.

¹ В письме от 24 ноября 1908 г. к Иванову и его падчерице Вере Константиновне Шварсалон (1890—1920) Чеботаревская подробно описала свое двухдневное пребывание в Москве — участие в публичных заседаниях, беседы с А. Р. Минцловой, М. О. Гершензоном, Г. Э. Тастевеном и др. (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 20).

8

Сентябрь 1910 г. Рим¹

Дорогой друг, Александра Николаевна! Сердечно благодарю Вас.² Очень озабочен тем, что Вы, по-видимому, слишком великодушно исполнили мою просьбу: мое ходатайство за Моравскую не имело вовсе целью побудить Вас делиться с ней заработком и взять ее на жалованье!³ Меня пугает мысль, что я сбыл ее Вам на плечи.

Если бы Вы знали, как я занят, какая спешная работа и забота...
Courage.^a Благословляйте солнце.

До свидания.

В. И.

¹ Написано на обороте письма В. К. Шварсалон к Чеботаревской.

² В письме к Иванову из Петербурга от 30 августа 1910 г. (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 21) Чеботаревская сообщала о новостях российской литературной жизни.

³ *Моравская Мария (Мария Магдалина Франческа) Людвиговна* (1889—1947) — поэтесса, прозаик, критик; в конце 1909 г. приобщилась к среде столичных литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Аполлон». В упомянутом письме Чеботаревская сообщала Иванову о встрече с Моравской: «...я предложила ей помогать мне (читать вместе корректуры, писать под диктовку и пр.) *два часа* в день за *двадцать* рублей вознаграждения в месяц. Она согласилась и очень старается, работая у меня». О бедственном материальном положении Моравской летом 1910 г. см. также письмо М. А. Волошина к А. М. Петровой от 18 июля 1910 г. (Максимилан Волошин. Из литературного наследия. I. СПб., 1991. С. 210. Публикация В. П. Купченко). В письме к Волошину от 28 июля 1910 г. Моравская сообщала: «...я была у Вяч. Иванова и просила его достать мне работу. Он отнесся ко мне исключительно хорошо и обещал помочь. При его содействии я получила от Аполлона маленькую работу — мне поручили перевести с чешского яз. хронику о живописи»; ему же Моравская писала 17 сентября 1910 г. о своих постоянных встречах с Чеботаревской: «Ал<ександра> Николаевна старается помочь мне поместить мои переводы: она порекомендовала меня книгоизд<ательству> Антика, затем в маленький журнальчик „Жизнь для всех“ <...>» (цит. по: *Попов В. В.* Мария Людвиговна Моравская (попытка портрета) // *Русская литература*. 1998. № 3. С. 186).

9

9 (22) апреля 1911 г. Петербург¹

Вел<икая> Суббота.

Дорогая Александра Николаевна,
Приходите, пожалуйста, разговляться вместе.

В. И.

¹ Датируется на основании карандашной пометы: «1911». Пасха в 1911 г. — 10 апреля.

10

22 августа (4 сентября) 1912 г. Лозанна¹

4 сент. / 22 авг.

Дорогая Александра Николаевна,

Я Вам благодарен от всей души за Ваши весточки, за *Вас самое*, — за суд о редакции перевода также, ибо меня чрезвычайно обрадовало Ваше одобрение, когда я уже отчаявался в дельности

^a Смелость, мужество, храбрость (*франц.*).

долгой и кажущейся бесплодной работы!² Теперь мне опять интересна «Бовари». Спасибо за недостававшие листы, Вы их скоро получите обратно. С Вашим желанием я вполне согласен, — т. е. первую корректуру предоставляю *Вам*, но следующую требую себе непременно, и варварам скажите, что *без одной корректуры* я у них сотрудничать не согласен.³ Вижу, что Вы сама ясно видите, до какой степени это требование справедливо, и нарушение его — вандализм.⁴ — О себе пока ничего, кроме одного: все хорошо и радостно, и благодарю Бога.

Друзьям приветы от всего сердца.

Преданный Вам всею душой

Вяч. Иванов.

Не могли ли бы Вы замолвить за мои законные интересы словечка у Вашего окаянного друга Грузинского? — кой* успокоился на *status quo*.⁵

¹ Отправлено из Лозанны (почт. штемпель: 5. IX. 12) в Силламяги (Эстляндия), Тюрсель, дача Пяртель (почт. штемпель получения: 27. 8. 12), отсюда переадресовано в Петербург (Греческий пр., 11, кв. 4).

² Речь идет о выполненном Чеботаревской и отредактированном Ивановым русском переводе романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» («*Madame Bovary*», 1857). В недатированном летнем письме 1912 г., отправленном из Рима, В. Шварсалон сообщала Чеботаревской об Иванове: «Над *M-me Bovary* он работает, и у него известная часть уже готова, но он находит, что мало, и хочет послать только через несколько дней»; об отсылке перевода в исправленном виде она же извещала Чеботаревскую в письме из Лозанны от 2/15 июля 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 189, № 94). 17/30 июля 1912 г. М. М. Замятнина писала Чеботаревской (из Лозанны в Силламяги, Эстляндия): «Вячеслав и Вера очень беспокоятся об участи рукописи „Бовари“. Вера отправила ее на Ваше имя посылкой <...>» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 90). О ходе работы над подготовкой перевода к печати Чеботаревская сообщала Иванову в письмах от 10, 12, 19 июля и 11 августа 1912 г.; 12 июля она, в частности, писала: «...я перечла перевод „Г-жи Бовари“. Сколько счастливых находок в Вашей редакции, какая меткость и четкость, какое истинно Флоберовское изящество придано всей вещи! Откуда такой реализм в речах крестьянина Руо и других, откуда столько красоты и вместе точности... С благоговением закрыла эту чудную книгу» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 22).

³ Подразумевается предстоявший следующий этап подготовки к печати перевода «Госпожи Бовари» в издательстве «Шиповник» — правка корректур. 11 августа 1912 г. Чеботаревская сообщила Иванову, что через 4 дня придет из-за границы руководитель издательства З. И. Гржебин: «Уже увидя в рукописи такое большое количество поправок, он должен понять, что *авторская*, т. е. Ваша, корректура *совершенно необходима*» (Там же).

⁴ Чеботаревская отвечала Иванову из Петербурга 6 сентября 1912 г.: «Письмо Ваше получила, и оно было мне так отрадно и дорого, что я с него и запяньствовала (духовно). <...> Ради Бога, высылайте мне первые листы: *без них сдать в печать Бовари нельзя*. Шиповник без конца благодарит Вас и исполнит все В<аши> желания». На следующий день, 7 сентября, Чеботаревская описала Иванову свой разговор с заведующим конторой «Шиповника» Д. Л. Вайсом: «Он так искренно радовался получению от Вас „Бовари“, что забыл все свои былые упреки. Увидя, насколько Ваш труд отличается от того, что обычно принято называть в издательствах „редактированием“ перевода, он совершенно растаял, и когда я ему кое-что еще объяснила и кое на что указала, он сказал: „Да, да, я все это понимаю, это работа из ряда вон! Мы уж так благодарны Вячеславу Ивановичу! Уж если он за что-нибудь возьмется, то уж действительно сделает на славу!“ — и многое другое в

* Форма презрения (*Примечание Иванова*).

этом же роде. На другой день я встретила там уже Гржебина. Он тоже ликовал и только кричал и умолял просить Вас относительно корректуру» (Там же).

⁵ *Грузинский Алексей Евгеньевич* (1858—1930) — филолог, переводчик, педагог; председатель Общества любителей российской словесности в 1909—1922 гг. (см. письмо Иванова к Грузинскому от 24 апреля 1915 г. — согласие на баллотировку в члены этого Общества: *Котрелев Н. Иванов* — член Общества Любителей Российской Словесности (Вячеслав Иванов и советская цензура) // *Europa Orientalis*. 1993. Т. 12, № 1. С. 328—329). Во исполнение просьбы Иванова Чеботаревская обратилась к Грузинскому в недатированном письме (конец августа—начало сентября 1912 г.): «Получила еще письмо от Вячеслава Ивановича. Он просит 1) напомнить Вам Ваше обещание (пересмотреть вопрос о его гонораре после выхода книги Гомера и, если возможно, добиться некоторого увеличения его) и 2) спрашивает, неужели автору полагается всего только *одни* бесплат<ый> экз<емпляр>, да и *тот еще с подписью С. А. Венгерову*» (РГАЛИ, ф. 126, оп. 1, № 301). Содержание ответа Грузинского выясняется из письма Чеботаревской к Иванову от 21 января 1913 г.: «А. Е. Грузинскому я еще в сентябре писала об его обещании доплаты за Гомера. Он ответил письмом, в кот<ором> писал, что как только окупятся расходы по изданию и книга начнет давать чистый доход, гонорар будет выслан» (РГБ, ф. 109, карт. 36, № 23). Речь идет о работе Иванова «Эпос Гомера. Вступительный очерк» для издания под редакцией А. Е. Грузинского (в серии «Библиотека всемирной литературы. Европейские классики») «Поэмы Гомера в переводах Гнедича и Жуковского» (<М.>: Окто, <1912>. С. I—LXVII). По получении рукописи статьи Грузинский писал Иванову (25 сентября 1911 г.): «Статья мне в целом очень понравилась. Она страшно сжата и содержательна; очень хорош прием одновременно вести нити различных сторон вопроса: данные о месте и времени сложения Эпоса сплетаются с мотивами культа и быта и т. п., так что ткань получается сложная и многоцветная», — и отмечал также нелегкость статьи для чтения и неровности в изложении; в следующем письме к Иванову, от 1 октября 1911 г., Грузинский просил сделать сокращения в статье (РГБ, ф. 109, карт. 17, № 29). В ходе печатания статьи Иванова Чеботаревская не раз выступала посредницей между ним и Грузинским: так, 26 октября 1911 г. она писала Грузинскому: «Вчера видела Вяч<еслава> Иван<овича>. Он очень просит Вас прислать ему еще 1 корректуру Гомера в верстке. боится, как бы не проскользнула какая-ниб<удь> ошибка»: 10 декабря 1911 г. — ему же: «Видела вчера Вяч<еслава> Ив<ановича>. Он все хворал. Просит меня, чтобы я поддержала перед Вами целый ряд его просьб, которые он написал Вам недавно. Я, конечно, поддерживаю всячески, так как сам В. И. очень добрый и всегда все делает, что его ни попросишь» (РГАЛИ, ф. 126, оп. 1, № 301).

11

14 (27) февраля 1917 г. Сочи¹

Глубокоуважаемая Александра Николаевна.

Отвечая на Ваш запрос о моем согласии на переиздание у М. и С. Сабашниковых в Москве сделанного Вами при моем сотрудничестве перевода романа «Госпожа Бовари» (Гюстава Флобера),² настоящим заявляю, что я, с своей стороны, на это переиздание согласен при условии, что имя мое не будет значиться на обложке и в заглавии книги (хотя упоминанию о моем *частичном* содействии переводу в предисловии переводчицы, если Вы непременно этого желаете, не препятствую); согласно с вышеизложенным условием, в установлении Вами с Издательством гонорарной оплаты второго и следующих изданий я не участвую и от своих прав на долю в этой оплате отказываюсь, признавая Вас единственной собственницей Вашего перевода.

В случае же, если бы Вы и Издательство непременно желали объявить о моем сотрудничестве на заглавном листе книги, я требую предоставления мне права внести в корректуру все представляющиеся мне в художественном отношении желательными изменения наличного текста (численно, впрочем, по-видимому, немногие). Ибо, как Вам известно, произвол издательства «Шиповник» лишил меня возможности довести до конца то дело, ответственность за которое я взял на себя, согласившись, чтобы на обложке книги были выставлены слова: «под редакцией Вяч. Иванова», — и внести в окончательную корректуру заготовленный для ее правки материал. — Если же будет признано желательным довершить то, что осталось недоделанным в «Шиповнике», то я, с своей стороны, предоставляя всецело Вам определить по соглашению с московским Издательством размеры гонорара за второе издание перевода, не отказываюсь ни от упоминования о моем участии на заглавном листе, ни от некоторой доли в оплате перевода, заранее давая согласие на Ваше и Издательства решение по этому последнему вопросу, и обязуюсь, в свою очередь, употреблять на правку одного печатного листа отнюдь не более трех дней.

Прибавлю, что лично я никак не заинтересован в том, который из двух путей переиздания Вы изберете, и с равным сочувствием отношусь к упрочивающемуся успеху Вашего превосходного труда.

С истинным уважением
неизменно Вам преданный

Вячеслав Иванов.

Сочи, Черномор<ской> губ<ернии>, дача «Светлана».³
14 февраля 1917 г.

¹ Отправлено в Петроград по адресу: Песочная 31а, кв. 3.

² Переиздание «Госпожи Бовари» Г. Флобера в переводе Чеботаревской под редакцией И. Иванова в издательстве М. и С. Сабашниковых не состоялось. 14 октября 1916 г. М. О. Гершензон, имевший ближайшее отношение к деятельности этого издательства, писал Чеботаревской: «В контору Сабашниковых Вы не ответили, ответьте мне. Дело о том, свободны ли для переиздания Ваши переводы Мопассана и Флобера. Выясните это и ответьте. Саб<ашников> склонен их переиздать» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 79). В ответном письме Гершензону от 30 октября 1916 г. Чеботаревская сообщала, что из 2000 экземпляров тиража «Госпожи Бовари» разошлось 1100: «...я могу располагать этою книгою, но по условию могу выпустить в свет новое издание не ранее как эти остающиеся экз<емпляры> будут распроданы» (РГБ, ф. 746, карт. 43, № 23).

³ В пансионе «Светлана» в Сочи Иванов провел всю зиму 1916—1917 гг. и оставался там до ранней осени 1917 г. (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 67; *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 36; *Субботин С. И.* «...Мои встречи с Вами нетленны...»: Вячеслав Иванов в дневниках, записных книжках и письмах П. А. Журова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 209—226). Ср. сообщение в письме Л. В. Ивановой к Чеботаревской от 14 ноября 1916 г.: «Лето мы провели очень хорошо, на Кавказе в Красной Поляне, это 80 в<ерст> от Сочи, в горах. Туда нас увлекли Эрны, кот<орые> обожают это место <...> В середине сентября мы разлучились, они поехали в Сочи: Вячеслав, Вера и Дима, а я с Эрнами в Москву <...>» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 95).

15 (28) февраля 1917 г. Сочи

Сочи, Черномор<ской> губ<ернии>, «Светлана».
15 февр. 1917.

Дорогая Кассандра.

С оказией, наспех, пишу и высылаю официальное заявление, составленное, простите, *по-своему!*¹

Не могу сказать, как мы по Вас соскучились. Я дорого бы дал, чтобы побеседовать с Вами — хотя бы даже только опять побраниться из-за «Бовари»...²

Вы знаете меня — знаете, как мне нужен Юг. Каждый день у меня праздник и торжество свидания с морем. Вы меня находили к природе невнимательным, — мало ли сколько несправедливостей я от Вас натерпелся? — но уверяю Вас, что каждый цветочек меня веселит, каждая ветка; а ведь тут в декабре была малина; фиалки все время; только что отцвели мимозы; только что цвел и миндаль, и азалии; а ныне мы занесены вдруг снегом...

Приветствую Вас со всею тоской по личному общению, приветствую горячо Аскольдовых, Скалдина, Франку же пишу сам по делу.³

Ваш старый неизменный друг Вяч. Ив.⁴

¹ См. п. 11.

² Подразумеваются споры, возникавшие между Ивановым и Чеботаревской по ходу редактирования перевода «Госпожи Бовари» (см. п. 10). Л. В. Иванова свидетельствует об их совместной работе над текстом перевода в Эвиане в июне 1912 г.: «...дело шло о стиле Флобера. Они с Александрой Николаевной засели работать вдвоем на многие часы; потом стали слышаться отчаянные крики, рыдания; из окна наверху стали вылетать какие-то предметы. Переводчица была в ярости, и ссора разразилась, но, слава Богу, не на всю жизнь» (Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 50).

³ Аскольдов Сергей Алексеевич (наст. фам. Алексеев; 1871—1945) — философ, критик, публицист; его жена — Елизавета Михайловна Алексеева (урожд. Голдобина; 1880—1955). Скалдин Алексей Дмитриевич (1889—1943) — поэт, прозаик; в 1910-е гг. — близкий друг и ученик Иванова (см.: Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 10. С. 121—141). Франк Семен Людвигович (1877—1950) — философ. Письма Иванова к нему этого времени нам неизвестны; среди писем Франка к Иванову (РГБ, ф. 109, карт. 35, № 79) послания за 1917 г. отсутствуют.

⁴ На письме — приписка В. К. Ивановой-Шварсалон: «Давно писала „в душе“ тебе, дорогая Кассандрина, нежно целую. В»

29 августа 1920 г.¹

Воскресенье, 29/16 августа 1920.

Дорогая Александра Николаевна, приближаемся к Харькову, путешествуя до сих пор с величайшим удобством, — и гадаем, что

дальше будет.² Как облегчение, наверное, почувствовали наши неслыханно и невиданно добрые и любвеобильные друзья, пережив наконец наш отъезд (ведь Дегтяревские³ ухитрились проникнуть даже на платформу и помахать нам шляпою и платком вслед, а Денике⁴ ожидал нас на вокзале, но на перрон, конечно, попасть не мог)! В самом деле, какого утомления стоила им всем полная мобилизация всех дружественных нам физических и моральных сил! А Вы, милая, бедная, верная, близкая, родная, как Вы замучились! Лучше уж и не думать о том, как много приходится нам требовать и брать, и как мало давать...

В нашем уютном купе, с двумя кушетками и одним мягким стулом у столика, мы сами почувствовали себя прежде всего колоссально утомленными. Отдыхаем в дороге. Ах, если бы только этот отдых был продолжителен!.. Разумеется, не досчитываемся того, сего, неизбежно, закономерно забытого в безумной спешке. Ведь и то сказать: за 20 дней пришлось ликвидировать дело о заграничной поездке, устроить кавказскую командировку, проведя ее через все инстанции, реализовать ее, приняв все меры к отъезду, и пройти через все мытарства выезда и тут же собраться в путь, приняв в расчет все новые условия непредвиденного ближайшего и даже более отдаленного будущего, — и всё это в эпоху плача и похорон... Конечно, мы выехали с ненормальной для совокупности этих условий скоростью, гонимые нравственно невозможностью оставаться долее ни на один лишний день в Москве и к тому же угрозою перерыва пути, которая и в настоящую минуту тяготеет над нами.

Припоминаю то, другое, забытое и прошу Вас прислать, — быть может, с Георгием Федоровичем Кнорре.⁵

1) Перламутровый ножичек для разрезывания книг, с кот<орым> я не расstaюсь, забытый мною, думается, в Здравнице,⁶ где я разрезал им бумагу, на которой писал Вам доверенность.⁷

2) Нарочно принес я из Здравницы (кажется, в портфеле, — кстати, и мои портфели черный, с надписью «Стасюлевич», и желтый не взятые, а они очень нужны) кипу напечатанных, как рукопись, лекций Штейнера — три курса,⁸ нарочно принес — чтобы взять с собой на Кавказ.

3) Забыты зонтик и, б<ыть> м<ожет>, моя фетровая шляпа, ибо я сам-друг с своей панамой, а время дождливое.

4) Димины⁹ старые башмаки, особенно — бурка! И он еще причитает: «напиши мой поклон, и что я забыл свои деньги, в кошелечке, кошелечек в белом мешочке, мешочек висит на среднем стуле у моей кровати». Претендует, что накопил больше 200 рублей мелочью! Неожиданная для меня черта его характера.

5) Калоши мои, новые, так и не открытые, они в шкапчиках бюро или под кроватью...

Нет у нас далее никакой посуды, ни самовара. И еще напомним, что нужно послать в Голубое за остальным добром (расписку прилагаю; деньги 54 000 р. уплатите по нашему долгу). За неисполнение по приказу Наркомпроса (от З. Г. Гринберга¹⁰ через тов. Решетникова, Ал<ексан>др<а> Антоновича) возможно взять от Нар-

компроса неустойку, в размере потраченной суммы, 10 000 р. — следует упомянуть об этом Захарию Григорьевичу.

Пока всё. Простите непрекращающуюся прозу сборов. Целую Ваши руки.

Ваш Вяч. Иванов.

Last not least! ^a

Вижу, что забыл несколько важных рекомендательных писем. Они должны найтись в бумагах, принесенных из Здравницы Дмитрием Ивановичем.¹¹

К расчету с Дм<итрием> Ив<ановичем>. Он взял с меня на вокзале 25 000 р. в добавление к прежним 10 000 р. Все это прекрасно. Но дело в том, что он получил 8 фунтов пшена, и притом вовсе не в подарок. Подарок — платье. Это обстоятельство необходимо ему напомнить и принять обязательно в расчет при сведении с ним счетов за дальнейшие услуги, в кот<орых>, конечно, будет часто нужда. О пшене на вокзале он мне ничего не сказал, а дарить ему пшено, повторяю, я не намерен.

¹ Отправлено из Харькова (почтовый штемпель: 30. 8. 20) по московскому адресу Иванова: Москва, Арбат, Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3. Почтовый штемпель получения: 9. 9. 20.

² 28 августа 1920 г., 20 дней спустя после смерти жены, В. К. Ивановой, скончавшейся 8 августа в клинике Московского университета, Иванов отправился на юг — согласно постановлению Коллегии Наркомпроса от 12 августа 1920 г., распорядившейся «командировать В. И. Иванова на Северный Кавказ для ведения культурной работы по указанию местных Отделов научного образования и для содействия в деле организации Кубанского университета (<...> просить Народного комиссара здравоохранения поместить В. И. Иванова и больших членов его семьи в один из благоустроенных санаториев на Северном Кавказе (по возможности в Кисловодске) на срок по определению врачей» (приведено Робертом Бёрдом в его статье «Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929). Неизвестные материалы», см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 313). Л. В. Иванова свидетельствует об отце: «Чтобы дать ему отдохнуть, его послали пока что вместе с семьей (Дима и я) на шесть недель в санаторий в Кисловодск и даже устроили ему удобное путешествие в первом классе какого-то привилегированного поезда. <...> Я уложила какие-то вещи (по неопытности много лишнего) и мы оставили Москву, покидая навсегда все остальное: библиотеку, рукописи, письма» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 87). Вяч. Иванов вспоминает в этой связи в позднейшем письме к С. Л. Франку (3 июня 1947 г.): «В 1920 году, не выпущенный на волю, хоть имя мое и стояло на очереди заграничных командировок, поехал я на Кавказ с фиктивной командировкой дать отчет об университетском преподавании на Северном Кавказе и самовольно явился в Баку» (Мосты. 1963. Кн. 10. С. 363. Публикация В. С. Франка). Путешествие Ивановых из Москвы в Кисловодск описано также Д. В. Ивановым (Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 37).

³ Иван Моисеевич Дегтеревский (Дегтяревский; см. его письма к Ал. Н. Чеботаревской в публикации Л. Н. Ивановой в наст. изд.) активно помогал Иванову в общественных и бытовых заботах в первые пореволюционные годы. Вспоминая о жизни в Москве в 1919—1920 гг., Л. В. Иванова свидетельствует: «В это время Вячеслав завел большую дружбу с Дегтеревским, который ему организовал целый курс лекций по Достоевскому, а затем и по Пушкину» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 83). В архиве Иванова сохранилась подборка стихотворений Дегтеревского; среди них — цикл «Портреты» (РО ИРЛИ, ф. 607, № 292, л. 1—3) с посвя-

^a Что не менее важно! (*англ.*).

щением «дорогому и горячо любимому Учителю Вячеславу Иванову», а также обращенное к Иванову стихотворение (28 февраля 1919 г. — Там же, л. 6):

Мудрец

Посвящается Вячеславу Ивановичу Иванову

В минуты выбора меж жизнью
И поглощающим концом
На Вас смотрю и вижу дальше,
Там за мерцающим лицом

Давно вдали веков ушедших
Среди волхвов Вы шли туда,
Где замерла на южном небе
Лучисто яркая звезда.

Седые волосы ложились
В блестевших нитках серебра.
На темносинем фоне неба
Вы мерно шли искать Добра.

Новорожденному Ребенку
И всем грядущим вслед за Ним
Несли сосуды Тайн великих,
Открытых Вами перед сим.

И вот теперь опять Вы в мире,
Младенца верный ученик,
И прежних Тайн не позабыли
Извечно-сумрачный язык.

Своим перстом худым и вещим
Над бездной Вы светите путь,
Вы не даете нам забиться,
Вы не даете нам уснуть.

⁴ Денике Юрий Петрович (1887—1964) — публицист, социолог, историк; в 1920 г. преподавал на кафедре исторической социологии Московского университета (см.: Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лапто-Данилевский К. Ю. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г. Русская литература в изгнании. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж; Москва, 1996. С. 306), читал также лекции (с мая 1920 г.) в Литературной студии Академического подотдела Лито Наркомпроса, которым заведовал Иванов (см.: Художественное слово. Временник Литературного отдела Н. К. П. М., 1920. Кн. 1. С. 62). Ср. текст протокола заседания Общества любителей российской словесности от 16 мая 1920 г. с записью выступления о Вяч. Иванове «г-на Дейнеке», обратившегося «от лица семинария по изучению Пушкина» (Еуропа Orientalis. 1993. Т. 12, № 1. С. 334—335. Публикация Н. Котрелева).

⁵ Кнорре Георгий Федорович (1891—1962) — сын инженера-мостостроителя Ф. Ф. Кнорре и брат писателя Ф. Ф. Кнорре; ближайший друг руководителя издательства «Алконост» С. М. Алянского, помогавший в его организационно-издательских делах; беллетрист, опубликовавший (под псевдонимом Алексей Кириллов) повесть «Записки Всеволода Николаевича» (Пб.: Алконост, 1918) и подготовивший к печати «книгу рассказов из детской жизни» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 37); в 1920-е гг. работал в Ленинградском Технологическом институте, с 1931 г. — профессор, заведующий кафедрой (см.: Георгий Федорович Кнорре — инженер, ученый, человек. М., 1991). Иванов общался с Кнорре в связи с печатанием в «Алконосте» поэмы «Младенчество», трагедии «Прометей» и книги рассказов Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Нет!» (в письме к Иванову от 17 августа 1918 г. (РГБ, ф. 109, карт. 27, № 38) Кнорре сообщает о печатании «Младенчества» в Военной типографии; С. М. Алянский в письме к Иванову от 24 августа 1918 г. (РГБ, ф. 109, карт. 11, № 27) просит передать Кнорре исправленную корректуру «Младенчества»; в архиве Иванова сохранилось также письмо к нему Кнорре от 1 ноября 1919 г. (РО ИРЛИ, ф. 607, № 392), относящееся ко времени пребывания Кнорре в Москве).

⁶ В «Здравнице для работников науки и литературы» (Москва, 3-й Неопалимовский пер., 5) Иванов жил в июне—июле 1920 г. в одной комнате с М. О. Гершензоном; там была написана ими «Переписка из двух углов» (Пб.: Алконост, 1921). Этот городской санаторий описан В. Ф. Ходасевичем в очерке «Здравница. Из московских воспоминаний» (1929); см.: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 266—272. По свидетельству М. О. Гершензона (в письме к Л. Шестову от 26 июня 1922 г.), «здравница» «была тесная, грязная, без малейшего комфорта и с плохой едой (однако много лучше домашней, которая тогда была — голод)» (Минувшее. Исторический альманах. Paris, 1988. Вып. 6. С. 263. Публикация А. Д'Амелия и В. Аллоя).

⁷ Этот предмет, видимо, отыскался: Д. В. Иванов свидетельствует, что на рабочем столе Иванова в Риме (в середине 1920-х гг.) лежал «маленький старый перламутровый перочинный ножик» (*Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 61).

⁸ Курсы лекций Рудольфа Штейнера (1861—1925) — религиозного философа и оккультиста, основателя и руководителя Антропософского общества — распространились тогда его последователями в машинописных перепечатках.

⁹ *Иванов Дмитрий Вячеславович* (род. 1912) — сын Иванова и В. К. Ивановой-Шварсалон.

¹⁰ *Гришберг Захар (Захарий, Зорак) Григорьевич* (1889—1949) — партийный и государственный деятель; с февраля 1920 г. — член коллегии Наркомпроса РСФСР, заведующий его Организационным центром.

¹¹ Неустановленное лицо.

14

29 сентября 1920 г. Кисловодск¹

29. IX. 1920.

Дорогая, родная Александра Николаевна!

Пишу Вам третье письмецо (первое с дороги,² второе было послано с отъезжающей, которая однако вернулась назад). Прилагаю письмецо И. М. Дегтяревскому,³ кот<орое> прошу прочесть, п<отому> ч<то> в нем есть кое-что, что не хочется повторять. Только что мы получили от Валентины Аароновны Гурлянд, т. е. из Лит<ературного> Отдела,⁴ через Центропечат, посылку — мануфактуру, но — увы — только ее (15 аршин материи, что очень ценно): денег не высылают, а между тем жизнь дорога, из санатории скоро, пожалуй, придется выйти, мы можем быть временно отрезаны и т. д. — страшно за будущее. Прошусь опять у Луначарского в Грузию:⁵ не увидите ли с ним? Как бы то ни было, пока живем благополучно и отчасти даже приятно, ибо осень здесь благодатная, желтых листьев мало, солнце греет и золотит все вокруг так, как это и приличествует на широте Венеции, на балконе и террасе нашей почти роскошной (но без воды и прочих удобств, вследствие общей разрухи) дачи можно предаваться царственной лени (в ожидании обязательного постановления о немедленной погрузке в санаторный поезд), пушки за горами⁶ давали великолепное эхо, — на «Красных Камнях», под которыми мы живем, зарезали двух женщин и одного мужчину, парк упоителен, и «Храм Воздуха» на высотах над парком, поистине, храм горного эфира.⁷ Дима, оправившись от кровавого поноса, которым переболел тотчас по при-

бытии сюда, берет с Лидией⁸ солнечные ванны, играет в крокет, читает, лежа, во время ее музыкальных упражнений, учится сольфеджио у нее и разным наукам вообще. Я, в качестве серьезного больного (myocarditis sclerotica), эмфизема, и другое, связанное с дыхательными путями, посещаю ингалаторий, беру смешанные с нарзаном ванны, пью воды etc. Меня дружно лечат профессора, заинтересованные в учреждении здесь медиц<инского> факультета, в чем я их перед Наркомпросом поддерживаю. Бывал на ряде заседаний. Читаю скоро публичную лекцию.⁹ Ничего не делаю — только читаю все, что попадет под руку: *Aglaophamus*¹⁰ (скажите это Дегтяревскому и Денике), Платона, ученые книжки и французские романы. О деловом кое-что в письме Дегтяревскому, — о распределении материала я много не думал. Тревожусь без писем, не знаю, что с Вами и что на нашей квартире. Горячо приветствуйте Гершензонов.¹¹ Кланяйтесь Бутягиным.¹² Пишите и пришлите, что можно — и пока можно.

Целую Ваши руки. Вяч. Иванов.

¹ Отправлено с оказией; на конверте надпись: «По возможности лично. Александре Николаевне Чеботаревской. Москва, Арбат. Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3. (Тел. 5-26-36). От Вяч. Иванова. Кисловодск, 1-ый Советский Санаторий, Ребровская улица, д. 4, кв. 8».

² См. п. 13.

³ Ни «второе» письмо к Чеботаревской, ни указанное письмо к Дегтеревскому нам не известны.

⁴ Служащая Литературного отдела Наркомпроса.

⁵ Об этом идет речь в единственном выявленном письме Иванова к А. В. Луначарскому, отправленном из Кисловодска (2 октября 1920 г.): «Я писал Вам, как серьезны опасения, вызываемые во мне состоянием здоровья дочери и маленького сына. Нам настоятельно нужно было бы переехать на зиму в Грузию. Поэтому, несмотря на временное успокоение и затишье в Кисловодске, я повторяю мою просьбу: не откажите сделать возможное для Вас, чтобы мне был разрешен этот выезд — из центра ли или от крайних властей» (опубликовано Робертом Бёрдом, см.: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 315).

⁶ В это время вблизи Кисловодска велись боевые действия против отрядов «зеленых». См.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 87—88.

⁷ Упомянуты достопримечательности Кисловодска — излюбленные места для прогулок: Новый парк с группой скал из красного песчаника (Красные камни), павильон на горе (Храм воздуха).

⁸ *Иванова Лидия Вячеславовна* (1896—1985) — дочь Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал; выпускница Московской консерватории, пианистка, впоследствии композитор. См. о ней некрологический очерк в кн.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 704—712.

⁹ Ср. сообщение об этом в цитированном письме Иванова к А. В. Луначарскому: «Назначил публ. лекцию (от Внешкольного отдела нар. обр.) на тему: „Зачем мы ходим в театр?“» (Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 315).

¹⁰ Исследование филолога-классика, профессора Кёнигсбергского университета Христиана-Августа Лобека (1781—1860) об орфических мистериях и стихотворениях — «*Aglaophamus seu de theologiae mysticae Graecorum causis*» (Vd. 1—2. Königsberg, 1829). Аглаофам (Ἀγλαόφομος) — легендарный учитель Пифагора, предстоятель орфических мистерий. Отсылки к этому труду Лобека имеются в исследовании Иванова «Дионис и прадионисийство», где он характеризуется как «настоящая книга ревнителей эллинских сага агсапа <священных таинств>» (*Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1923. С. 255; ср.: *Эсхил.* Трагедии в переводе Вячеслава Иванова. М., 1989. С. 423, 580 — комментарий Г. Ч. Гусейнова).

¹¹ Историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) и его жена Мария Борисовна Гершензон (урожд. Гольденвейзер; 1873—1940).

¹² Вероятно, имеются в виду вдова и падчерица В. В. Розанова — Варвара Дмитриевна Бутягина-Розанова (урожд. Руднева; ок. 1864—1923) и Александра Михайловна Бутягина (ок. 1882—1920). В круг знакомых Иванова входила, возможно, и московская поэтесса и драматург Варвара Александровна Бутягина (род. в 1901 г.); см. о ней: Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь. Т. 2 / Книга подготовлена к изданию Н. А. Богомоловым. М., 1995. С. 51—52.

15

27 октября 1920 г. Кисловодск¹

Кисловодск, Ребровая 4 (1-ый Санаторий).
27 октября 20.

Дорогая Кассандра! Благодарить Вас — нельзя. Смешно и неприлично. Но знайте все же, что я *знаю*, во всей полноте и отчетливости знаю, сколь многого потребовал от Вашего великодушия, от беспредельной Вашей сердечности. А Вы делаете, кажется, еще больше, чем сколько я вынужден был потребовать! Со всем, что Вы пишете, я согласен. Ожидаю от Анатолия Васильевича, которому писал несколько раз откровенно о своих затруднениях, окончательных указаний.² Здешний Народ<ный> Унив<ерситет>, где я уже читал несколько лекций, хотел бы также удержать меня в Кисловодске. По его ходатайству мне предоставляют здесь две комнаты и академ<ический> паек. Думаю, что нам удастся кое-как устроиться. Но здесь наступили холода; вопрос об отоплении, при топливном кризисе, не выяснен; жизнь непомерно дорожает. Природа Кисловодска переменилась. Грозит повсюду простуда. У Лидии обострение верхушечного процесса. У меня сухой плеврит, от которого все же лежу (лежа пишу) с банками на боку. Баку (что за нелепо-каламбурное сопоставление!) манит теплом и пугает всем остальным (дороговизной, неопределенностью общего положения, болезнями, буйными ветрами etc.). Доживаем последние дни в закрывающемся с 1-го ноября санатории (адрес действителен и дольше для писем и посылок). Подыскиваем помещение. Если нужно будет, приедем в Москву.³ Это возможно, поскольку позволит здоровье и холод. То, что Вы рассказываете о московской квартире, более чем просто мирит меня с нею. О, дорогой, любимый, добрый, добрый, себя не жалеющий и как бы не помнящий друг!.. Товарищ из Центропечати оставил для ответа кратчайшее время, поэтому и я так краток на сей раз. Но через Центропечать возможны вполне сносные и довольно прямые сношения. Известие о смерти Володи Чулкова потрясло меня до глубины души; поэтому прибавляю несколько строк Георгию Ивановичу.⁴ Спасибо за деньги (30.000)!⁵ Что Лит<ературный> Отдел?⁶ Какова его жизнь, участие в ней друзей, его студия и его платежеспособность? Дегтяревских целую и благодарю.

Ваш Вяч. Ив.

271

Мне нужны мои портфели — и многое, что в них находилось. Я уже отмечал кое-что.

Нужны цветные тетради со стихами для составления сборника, кот<орого> я не выслал.⁷

Лидии нет дома, она готовится к концерту. Ей не будет физически вре<мени> написать словечко.

¹ Отправлено с оказией; на конверте надпись рукой Иванова: «Гражданке Александре Николаевне Чеботаревской. Москва. Арбат, Большой Афанасьевский пер., д. 4, кв. 3. Телеф. 5-24-36». Ответ на неизвестное нам письмо Чеботаревской.

² О содействии А. В. Луначарского, возглавлявшего Народный комиссариат по просвещению (Наркомпрос), в устройстве дел Иванова в это время см.: *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919—1929). Неизвестные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 313—315.

³ Ср. свидетельства Л. В. Ивановой о пребывании в Кисловодске: «Вскоре нам объявили, что кисловодский санаторий ликвидируется. Всем больным было предложено написать, куда они желают быть отправленными. Выбор был между Москвой, двумя городами центральной России и Баку. <...> Вячеслав неустрасимо выбрал Баку. Юг, да и граница близка. Кто знает, не удастся ли перебраться через нее, а потом окольным путем в Италию?» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 88).

⁴ *Чулков Георгий Иванович* (1879—1939) — прозаик, поэт, критик; теоретик «мистического анархизма», поддержанного в 1906—1907 гг. Ивановым. Откликаясь на кончину Чулкова, Иванов признавался в письме к Б. К. Зайцеву (28 марта 1939 г.): «...я его очень любил, горько, бывало, обижаясь на его обидчиков и клеветников <...> Я знал его слабости, но умел ценить и его душу, и его духовное горение, и его порою ярко вспыхивавший литературный талант. <...> Мне был он верным и прекрасным другом» (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 290. Публикация Ж. Шерона). Текст упоминаемого письма Иванова к Чулкову нам неизвестен. Умерший в 1920 г. от менингита единственный сын Г. И. и Н. Г. Чулковых Володя родился 1 января 1916 г. (Институт мировой литературы, ф. 36, оп. 3, № 27, л. 10).

⁵ К письму приложена расписка: «Пересланные мне через Центропечать деньги — тридцать тысяч (30 000) рублей — получил. 27 октября 1920. Кисловодск. Вячеслав Иванов».

⁶ Подразумевается Литературный отдел Наркомпроса. Иванов был членом его Центральной коллегии с декабря 1919 г. до августа 1920 г.

⁷ Замысел сборника новых стихотворений Иванова тогда не был реализован.

16

20 февраля 1921 г. Баку¹

Баку, Госуд<арственный> Университет
(Меркурьевская улица).²
20/7 февраля 1921.

Трудно, дорогая Кассандра, кричать в безвидное и глухонемое пространство: единственная весть из Москвы, достигшая до нас после отъезда нашего из Кисловодска, — письмецо моей милой Оли Мочаловой, полученное по почте на днях.³ Если она знает, как нам писать, то знает это предположительно через Вас: следовательно, дошли же до Вас наши послания? А между тем ни слуху, ни духу из Москвы... Мы живем в университете в одной, но поместительной, светлой и высокой комнате, разделяющейся (при помощи шкапов и ковров) на спальню и салон-столовую-кабинет, где помещается и полученный Лидией, в качестве преподавательницы консер-

ватории, рояль-Бехштейн.⁴ Работать по невозможности уединиться весьма трудно, но я ухитряюсь (хотя стихов писать уже по изложенной причине не могу). Готовится все на тут же стоящей керосинке; академический паек — главная основа, но он для нас троих недостаточен. Профессорское жалование 58.000; я взял еще лекции на Рабочем факультете и уроки на стороне (в 8-м классе Коммерч<еского> Училища); сидим теперь без денег вовсе, не на что купить табаку. Дима тревожит повышениями температуры, наблюдаемыми в некоторые периоды. Их причина — бронхиальные железы; за ним следят коллеги-медики и рекомендуют летнее пребывание на берегу моря — здесь есть хорошие для этой цели дачные места с пляжем. Климат Баку в общем хорош. В декабре и январе была чудесная весна, а теперь хуже. Снег выпадал с осени не раз, но не надолго, и солнце греет великолепно. Порой неприятный сильный ветер, но большой беды от него нет. О том, что воздух в Баку заражен нефтью, сказки рассказывают. Баку самое теплое место на Кавказе, теплее Тифлиса, и климат для легких несколько не вреден. Университетом я вполне доволен, он и по числу слушателей, и по качеству научных сил, и по полноте факультетских программ вполне на высоте *хорошего* провинциального университета и лучше, напр<имер>, чем современный Казанский. Судите по следующим данным о моих курсах:

1) Греческая трагедия (2 часа), курс весьма специальный — слушателей постоянных человек 20—30 (но класс<ическая> филология возбуждает наименее интереса, и знание древних языков среди студентов очень слабо).

2) Курс о Данте (2 часа) — слушателей больше, и все же мало, человек 30—40.

3) Курс о Достоевском (2 часа) — слушателей очень много; пишутся серьезные рефераты, и обсуждение одного из них было целым событием в университетской жизни.

4) Итальянский язык (2 часа) — человек 20 или больше.

5) Гораций, *Arg Poetica*, семинарий — 4 участника.

6) Эсхил, семинарий — 3 участника.⁵

Кроме того, организован «рабочий факультет», где я стал читать рабочим и студентам вместе «О художественном слове» (поэтика — 2 часа). Слушателей множество, и аудитория образцовая по заинтересованности. Пишу спешно 3 печатных листа (*maximum*) для Ученых Записок университета, которые будут печататься.⁶ — Живем культурным оазисом, и нас уважают. — Люди в университете вообще хорошие, некоторые же очень симпатичны; есть и прямо интересные...

Персидский язык временно я бросил — некогда, но санскритом занимаюсь. Среди молодежи есть группа, весьма мне приверженная.

Лидия счастлива полученным инструментом, занимается контрапунктом, изредка выступает исполнительницей на вечерах, написала одну композицию.

Дима учится дома (со мной занимается по-французски, с Лидией — другим и особенно музыкой), сочиняет стихи, комедии, очаровательно развивается и пользуется постоянным обществом живущих в унив<ерситете> детей (профессорских).

Это письмо направляется к Вам с Сибором, который здесь имеет большой успех.⁷ Сахновский пользуется гораздо меньшим.⁸ Мысль о Вас соединена для меня всякий раз с какою-то жуткою тревогой. Воображение рисует всякие страхи... Приветствуйте друзей и, в частности, Гершензонов, о которых думаю: почему их здесь нет? Если бы М. О. мог отказаться временно от того, что дает Москва для его текущих работ,⁹ ему и семье было бы здесь, быть может, хорошо. Правда, квартирный вопрос здесь вопрос роковой, и благо тем, кого вовремя приютит университет, — да и то, пожалуй, выселят из здания. А для унив<ерситета> был бы он великим приобретением, для меня же утешением. Если Вы имеете на меня деньги из Лит<ературного> О<тдела> и вырученные от продаж, — о, как было бы это кстати! Только нужна оказия — ужели нет таковой в Центропечати и Наркомпросе?

Удивительно, что Луначарский нас игнорирует. Я посылал ему и из Баку отчет, запрашивал о книгах для университета, вместе с проф. Томашевским, заместителем наркома просв<ещения>.¹⁰ Ответа не было. — Чего бы я желал, это возобновления дела о моей заграничной командировке. Здешний унив<ерситет> и Наркомпрос командировали бы меня, а Москва дала бы нужные деньги, — вот о чем следовало бы попросить и похлопотать для меня, иначе отсюда ничего не добьешься, а в Москву самому ехать крайне затруднительно.

Покуда, до свидания, моя радость и надежда, добрая, милая, любимая Александра Николаевна — до *свидания идеального*, хочу я сказать, через письма, что ли, а о реальном и мечтать нельзя.

Ваш всегда и всегда Вам бесконечно благодарный

Вяч. Иванов.

До крайности нуждаюсь в одном по крайней мере экземпляре «Родного и Вселенского», не имея книги с собой и принужденный говорить на память о том, что там есть (хотя бы по поводу Достоевского).¹¹ М<ожет> б<ыть>, возможно один экземпляр поручить почте?

В. И.

¹ Отправлено с оказией по тому же адресу, что и п. 14, 15.

² Иванов с семьей выехал из Кисловодска в Баку в начале ноября 1920 г. С 17 ноября 1920 г. Иванов — профессор по кафедре классической филологии историко-филологического факультета Бакинского государственного университета (см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // *Труды по русской и славянской филологии. XI. Литературоведение.* Тарту, 1968. С. 326—327 (Ученые записки Тартуского гос. ун-та; Вып. 209).

³ *Мочалова Ольга Алексеевна* (1898—1978) — поэтесса, участница «Кружка поэзии», работавшего в Москве в феврале—августе 1920 г. под руководством Иванова; автор мемуарного очерка «О Вячеславе Иванове» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1978. Кн. 130. С. 150—158; *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 361—366) и книги воспоминаний «Литературные встречи» (фрагменты опубликованы А. Л. Евстигнеевой со вступительной статьей об авторе и комментариями, см.: Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 44—61). Упомянутое письмо нам не известно; в архиве Иванова сохранились лишь два письма Мочаловой к нему (РГБ, ф. 109, карт. 31, № 35; РО ИРЛИ, ф. 607, № 258).

⁴ Ср. свидетельства о первых месяцах пребывания Иванова в Баку в «Беседах философских и не философских» Е. А. Миллиор: «В. И-чу дали небольшую комнату в самом университете и даже выходящую непосредственно прямо в университетский коридор. Т. е. он, можно сказать, не имел своего угла в это время. Комната была слишком мала для 3-х. Обстановка была скромная. Налево от дверей был протянут полог — параллельно левой стене до противоположной от двери стены, за которой помещалась кровать В. Ив. Правей стоял рояль. На столе, всюду в беспорядке лежали книги, ноты, вещи. Беспорядок до хаоса и теснота, полнейшая неуютность — вот впечатление от комнаты, где В. Ив. прожил первое тяжелое время в Баку» (Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 22. Публикация А. Кобринского и К. Левиной). См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 92; *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 38).

⁵ Приступив к исполнению профессорских обязанностей, Иванов 23 ноября 1920 г. доложил историко-филологическому факультету о намеченных им курсах и семинариях на текущий академический год: «История греческой трагедии» (2 часа в неделю), курс «Данте и Петрарка» (2 часа), курс о Достоевском (2 часа), греческий автор (Эсхил, 2 часа), «*Ars poetica*» Горация (2 часа); предполагались также курсы «Греческая религия», «„Энеида“ Вергилия», «История греческой поэзии» (*Комплев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 326). Курс итальянского языка для начинающих был поручен Иванову по его почину после заседания факультета 11 декабря 1920 г. (Там же. С. 327).

⁶ Проект этого издания тогда не был реализован.

⁷ *Сибор Борис Осипович* (1880—1961) — скрипач, профессор Московской консерватории (с 1921 г.), артист оркестра московского Большого театра (с 1905 г.).

⁸ *Сахлювский Василий Григорьевич* (1886—1945) — режиссер, драматург, театровед.

⁹ М. О. Гершензон был связан со многими столичными официальными инстанциями: состоял в бюро Академического подотдела Литературного отдела Наркомпроса, заведовал литературной секцией Российской Академии Художественных Наук (Государственной Академии художественных наук), был членом коллегии 4-й историко-культурной секции Главархива, одним из редакторов Книгоиздательства Писателей в Москве и т. д.

¹⁰ *Толмашевский Всеволод Брониславович* (1891—1927) — профессор-санскритолог, один из организаторов Бакинского университета, заместитель комиссара народного просвещения Азербайджанской ССР (с 1920 г.); с весны 1926 г. — ректор Ленинградского университета; по свидетельству Л. В. Ивановой, «очаровательный человек, добряк, коммунист старинного романтического стиля <...>, но, к сожалению, безнадежный алкоголик» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 98).

¹¹ В книгу Иванова «Родное и Вселенское. Статьи (1914—1916)» (М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917), посвященную «вечной памяти Федора Михайловича Достоевского», включена статья «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского» (С. 125—169).

17

14 января 1923 г. Баку

14/1 янв. 1923.

Дорогая К... и Цаца. С новым годом. Что же Вы не едете? И ответа на телеграмму не даете? ¹ Благодарю за милые большие основательные письма. (Кстати, одно мое, посланное с оказией, не дошло).² А, впрочем, удивляюсь, читая их, что нет в них — сколько ни ишу — ни следа сконфуженности. Vive l'aplomb!...^a Ну, а подумайте, хорош бы я был, если бы, не применив к Вам, мой нежный

^a Да здравствует самоуверность!.. (франц.).

провокатор, достодожной осторожности и критики, послушался бы Вас и не ограничился взятием командировки на всякий случай и дальнейшим телеграфическим запросом, а прямо с детьми махнул бы в Вашу отвратительную Москву, где бы и возобновил славную эпоху своего культурного служения за 1918—1920 годы. Вам-то это на руку, Вы хотите меня определить на службу:

«— пускай его послужит
Изрядно сказано: пускай его потужит».³

Зато это будет в столицах!! среди друзей!! etc. etc. Ну, довольно. Но согласитесь, досадно было вместо подтверждения первого сообщения и окончательного точного обещания (я ведь телеграфировал: «можно ли окончательно *положиться?*») — получать сообщения по телеграфу о погоде, пользе шуб, отоплении квартиры и т. д., — пока, наконец, я не услышал «речь не мальчика, но мужа»⁴ — что, дескать, не извольте беспокоиться приезжать, *единственная* цель Вашего приезда есть цель недостижимая. А если бы Вы знали, что было у нас, в моем милом хорошем Бак<инском> Университете (он, воистину, милый и хороший, и знаю я это ныне с полной точностью, из подробных и обстоятельных отчетов Лёли,⁵ сообщенных ею расписаний, из ее записей лекций, из перечня московских «профессоров» и т. д.), — итак, что было у нас из-за Вашей телеграммы: какие объяснения в Совете, какой моральный бойкот моей командировки, ибо ныне на своей кафедре (по смерти Лопатинского)⁶ я один, и обслуживаю еще и преподавание других обязательных предметов, так что с моим отъездом словесное отделение (Багрий⁷ все время тяжело болен) оказалось бы в середине учебного года совсем почти пустым.⁸ Мало того: наркомпрос Кулиев⁹ с негодованием объявил ректору, что он меня не пустит, несмотря на магическое слово Вашей телеграммы, что Москва им не указ и пр. Ах, Вы опрометчивая, легкомысленная, упрямая Коза!.. Видите ли, я Вас побраниваю и высмеиваю, хотя и по-доброму, упрочившемуся между нами, почтенному обычаю, но вполне справедливо: только этой вскрываемой мною стороны дела Вы как-то доселе не заметили («слона-то я не приметил»);¹⁰ а впрочем, я Вас обожаю, хотя в качестве Евы, предлагающей яблоко, Вы и заслуживаете репрессалий. И кроме того, у меня температура высокая, грипп, и Леля, высланная попечительными родственниками на день раньше предположенного, должна сейчас же, утром в день старого нового года, забрать эти письмеца, и потому, так как обо всем остальном Вы вообще осведомлены, кончаю сии с трудом выводимые строки в почтенном уверении в моей безграничной преданности, нежности, любви и злости, и выражением негодования моего за Ваше бессрочное и ничем не оправдываемое дезертирство.

Ваш Вяч. Иванов.

Я решил было поехать весной — один или, лучше, с Вами вдвоем — в Москву, pour tater la terrain^a (понятно, насчет заграничной

^a Чтобы прошупать почву (франц.).

командировки), но теперешние вести о войне исполняют меня благодарностью к Промыслу. Думаю о Гершензонах, не вернутся ли они тотчас?

Больше не могу, болит голова болью.*

Сейчас съездил *все же* на лекцию («зачем нужна высшая школа») по случаю дня пролет<арского> студенчества на обувную фабрику. Очень люблю говорить с рабочими!¹¹ Лидия лежит больная и потому не успевает написать, целует крепко. От Димы идет самостоятельное письмо, дополняющее мое.¹² Извините мою общую бестолковость и беспорядочность, милая, милая, милая Кассандра.

В. И.

¹ Текст этой телеграммы неизвестен; вероятно, она была связана с предполагавшимся и несостоявшимся тогда повторным приездом Чеботаревской в Баку и поездкой Иванова в Москву. Предыстория этих проектов выясняется из дневниковой записи М. С. Альтмана от 19 октября 1922 г.: «Позавчера ночью В. <Вяч. Иванов> мне неожиданно сообщил, что получил телеграмму из Москвы от Александры Николаевны Чеботаревской, что Луначарский советует ему приехать в Москву. Это значит, что письмо В. к Луначарскому с просьбой содействовать отправке его за границу возымело действие; и вот через две недели В. собирается в Москву, чтоб оттуда выехать в Германию» (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 262). В дальнейшем, видимо, стало понятно, что приглашения и советы, исходившие от Луначарского, напрямую с предоставлением Иванову заграничной командировки не связаны.

² Упоминаемые письма не выявлены.

³ Неточно цитируются (первая строка в оригинале: «Того не надобно, пусть в армии послужит») строки из комедии Я. Б. Княжнина «Хвастун» (1784 или 1785; действие III, явление 6-е), взятые эпиграфом к гл. I «Капитанской дочки» Пушкина. См.: Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Л., 1977. С. 64—67.

⁴ Слова Марины в «Борисе Годунове» Пушкина (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»).

⁵ Самойлова Леонида Иосифовна (в замужестве Фейнберг; 1907—1945) — начинающая поэтесса. Иванов очень рекомендовал ее, переехавшую из Баку в Москву, своим литературным знакомым, в частности — Б. А. Грифцову письмом от 28 июня 1924 г. (РГАЛИ, ф. 2171, оп. 2, № 5). См. справку о ней Н. В. Котрелева (Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 50), а также: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 100.

⁶ Лопатинский Лев Григорьевич (1841—1922) — лингвист, этнограф; профессор Бакинского университета по кафедре классической филологии с 25 ноября 1919 г. по 21 августа 1922 г. (<Маковельский А.> Азербайджанский государственный университет имени Ленина. Первое десятилетие. 1919—1929. Баку, 1930. С. 99). О его смерти см. дневниковую запись М. С. Альтмана от 24 августа 1922 г. (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 259—260, 345 — комментарий К. Ю. Лаппо-Данилевского).

⁷ Базрий Александр Васильевич (1891—1949) — профессор Бакинского университета, специалист по древнерусской, новой русской и украинской литературе. Отношения между ним и Ивановым были неприязненными (см.: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов. СПб., 1999. С. 95—96).

⁸ Ср. свидетельства о работе Иванова в Бакинском университете в письме Л. В. Ивановой к Чеботаревской от 3 февраля 1923 г.: «Судари (т. е. Иванов. — А. Л.) занимаются лекциями в университете». Греч<еская> литер<атура>, Римск<ая> литер<атура>, поэтика, — семинарии: Тацит, Платон, Гете, поэтика, по желанию одной группы гимн Деметры с комментариями по истории греч<еской> религии, затем еще читает по разу в неделю в 2-х других учрежд<ениях>: Педагогич<еском> институте и еще при Наркомпросе» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 95).

* Далее — более поздняя приписка чернилами (остальной текст — карандашом).

⁹ Кулиев Мустафа (1893—1938) — народный комиссар просвещения Азербайджанской ССР в 1922—1928 гг.

¹⁰ Заключительная строка басни И. А. Крылова «Любопытный» (Басни, кн. 4, XV).

¹¹ О культурно-просветительской деятельности Иванова в Баку, осуществлявшейся за пределами университета, см.: *Котрелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 334—335.

¹² Это письмо Д. В. Иванова (от 13 января 1923 г.) сохранилось в архиве Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 189, № 93).

18

7 июня 1923 г. Баку

7 июня 1923.

Дорогая, любимая Александра Николаевна.

Согласен, что в высшей степени странно по существу дела (не говоря уже о том, сколь морально предосудительно и просто бездушно, противно!) — не отвечать на простые и ясные и нужные вопросы, когда притом требуемые ответы заранее оплачены на телеграфе. Но чего я не умею, того так стихийно не умею, что когда от меня требуют этого умения, я впадаю в род каталепсии. А умею я, кажется, все, чего хочу; а чего не хочу, не умею уметь. Если же так, то ответ на вопрос о летних планах и о приезде в Москву был для меня невозможен потому, что никакой воли ни к каким планам и ни к каким поездкам нет у меня ни в сознании, ни, тем менее, в сфере сублиминальной — что особенно печально для судьбы «планов». Говоря толковее, деловитее, — единственное желание мое, также весьма относительное, составляет поездка за границу, — скажем, на худой конец, в Германию. Со времени французской оккупации я решительно усмотрел несвоевременность таковой поездки, которая грозила бы поставить нас в неожиданно тяжкие условия. Тогда я решил спокойно продолжать свою разумно найденную и соответствующую моим вкусам линию поведения, т. е. бакинское сидение. Поехать в Москву нам всем было бы, как мы нашли с Лидией, во-первых, весьма не по карману, во-вторых, едва ли полезно для здоровья младших членов семьи: утомителен и опасен переезд, изнурительно пребывание в городе, необходимое на несколько недель, дача проблематична или не по нашим средствам, все вместе едва ли дало бы в итоге плюс для здоровья. Лидия могла бы, правда, показать свою работу московским музыкантам,¹ но — говорит она — время не уйдет, была бы работа. Видно, в отца пошла, который столь же мало заинтересован в том, помнят ли его читающие круги или забывают, лучше бы вовсе забыли, — свежее было бы впечатление встречи в менее оголтелые и зарпортовавшиеся времена. Могла бы Лидия достать кое-что нужное из вещей, доселе хранившихся, благодаря, главным образом, Вашему заступничеству; но Вы сами ведь соберетесь же к нам, рано или поздно, и привезете, что нужно. Другое дело — моя личная поездка в Москву на недолгое время: она была бы для меня крайне уо-

мительна и даже мучительна, но в некоторых отношениях прямо полезна. И я ожидал просто благоприятной в этом направлении комбинации в Наркомпросе, где ныне состою ответственным работником по заведыванию художественными школами и председателем Художественной Секции, почему по горло увяз в сложном деле здешней консерватории, которую стремлюсь избавить от тирани ректора, облеченного диктатурой, разогнавшего кучу порядочных и даже очень хороших музыкантов и царящего в пустыне.² Мы (с Наркомом)³ отыскивали подходящее на его место лицо, телеграфировали Гнесину⁴ (кстати, если он вернулся из Берлина, *телеграфируйте*), я писал Гольденвейзеру,⁵ прося людей (но не получил ответа), и серьезно думал о Гречанинове⁶ (поклонитесь Александру Тихоновичу) и Марию Григорьевне⁷ и *выспросите*, не согласен ли был бы он — в Баку; если да, *тотчас спешно* телеграфируйте, ибо выбор, кажется, уже сделан, но дело может сорваться, и его согласие и теперь важно: поймите, речь идет о ректорстве, а иметь его просто профессором всячески желанно).⁸ Так вот, и ждал я, что потребуется моя поездка, почему и не знал, как Вам ответить: еду или нет. Но дело иначе устраивается. А для своих целей я бы использовал пребывание в Москве двойкою: 1) отобрал бы книги, мне *абсолютно* нужные, и как-нибудь привез бы их в Баку, 2) позаботился бы о том, о чем Вы, несмотря на все мои настояния, упорно забываете: сдал бы в печать в любое издательство (конечно, поговорив раньше с Эфросом, как представителем нерожденной «Полярной Звезды» или «Гесперид») свой очерк «Эллинская религия страдающего бога»,⁹ который должен быть в печати потому, что я ссылаюсь на него, как на полезное введение, в новой книге «Дионис»,¹⁰ экземпляр коей — так как обладаю всего четырьмя! — посылаю «достойнейшему», а именно Фаддею Францевичу,¹¹ через Ваше дружеское посредство: но помните, что каждый экземпляр ценится буквально на вес золота и пропажу его возместить не могу. 3) Сдал бы я, *быть* может, также в печать и сборник стихов, но это меня так мало волнует!...¹² Как бы то ни было, факт тот, что в Москву я не еду. Передаст Вам сие знакомый Вам милый мой сотрудник, секретарь Художественной Секции, Андрей Павлович Бородин, который кое-что Вам скажет о здешнем житье-бытье, хотя о нашей семейной жизни ничего не знает. Жизнь наша: две уютных солнечных комнатки с окнами на замкнутый решеткою университетский двор, за решеткою видна католическая церковь.¹³ Настя с нами сжилась очень дружно и тепло, она только что потеряла мать.¹⁴ Живет с нами Сергей Витальевич, всегда светло-гармоничный.¹⁵ Лидия написала сонату, по моему очень значительную, которую музыканты весьма хвалят и уважают. Она окончила «формы».¹⁶ Сделайте для меня вот что:

1) *lancez mon livre*^a — Эллинская религия страдающего бога. Переговорив с А. М. Эфросом. Если бы по несчастию экземпляр (единственный печатный) был утерян, перепечатывать со ста-

^a Дайте ход моей книге (*франц.*).

тей в Нов<ом> Пути и Вопр<осах> Жизни без изме<не>ний. О корректурах сговоримся.

2) Пришлите мне класс<ическую> филологию и даже запад<ную> литературу из моей биб<лиотеки> всю, но не знаю, как Вы это сделаете! Посылки пропадают. *Нужен верный путь.* Нужен проводник. О деньгах, если не отпустят в Москве, буду хлопотать здесь после Вашего уведомления о сумме и порядке посылки.

Обнимаю Вас, как люблю.

Ваш Вяч. Иванов.¹⁷

¹ Имеются в виду фортепьянные пьесы и романсы, написанные Л. В. Ивановой в Баку (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 112—113).

² Имеется в виду Илья Семенович Айзберг (1868—1942) — пианист, композитор, педагог; в 1923—1928 гг. ректор консерватории в Баку. О «междоусобной войне музыкантов» в Баку см.: Там же. С. 114.

³ Нарком просвещения М. Кулиев.

⁴ *Гнесин Михаил Фабиянович* (1883—1957) — композитор, педагог, музыкальный деятель; посещал собрания на «башне» Иванова (см.: *Гнесин М. Ф.* Статьи. Воспоминания. Материалы. М., 1961. С. 140, 149), написал музыку к ряду стихотворений Иванова. К 1915 г. относится неосуществленный совместный замысел Иванова и Гнесина — музыкальная драма «Миндальное дерево» (см.: *Обатини Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 50).

⁵ *Гольденвейзер Александр Борисович* (1875—1961) — пианист, композитор, педагог; профессор Московской консерватории по классу фортепьяно.

⁶ *Гречанинов Александр Тихонович* (1864—1956) — композитор; автор музыкальных произведений на стихи Иванова. Гречанинову посвящено стихотворение Иванова «Твоя душа, вся звон и строй...» (1919) (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4, С. 83).

⁷ *Гречанинова Мария Григорьевна* (1870-е гг.—1947) — жена А. Т. Гречанинова; в первом браке — жена художника А. В. Средина.

⁸ Все эти проекты реформирования Бакинской консерватории не осуществились.

⁹ *Эфрос Абрам Маркович* (1888—1954) — искусствовед, художественный критик, поэт, переводчик; в 1919—1927 гг. заведовал учетом и охраной памятников искусства в Музейном отделе Наркомпроса, занимался художественно-административной деятельностью и в других учреждениях. В московское издательство «Полярная Звезда», одним из учредителей которого был Эфрос, Иванов передал наборный экземпляр (в корректурных листах) своей книги «Эллинская религия страдающего бога», отдельное издание которой, готовившееся в петербургской типографии «Сириус», не состоялось (см.: *Котрелев Н. В.* Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова // *Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение.* М.; Судак, 1997. С. 190—191, 193—194). Впервые «Эллинская религия страдающего бога» была напечатана в журнале «Новый Путь» (1904. № 1—3, 5, 8, 9), окончание ее (под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния») — в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 6, 7). Хлопоты Иванова об издании «Эллинской религии...» успехом не увенчались. Экземпляр наборного текста книги сохранился у Эфроса; вероятно, именно он ныне передан в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки; другой экземпляр хранится в римском архиве Иванова.

¹⁰ В Предисловии к этой книге Иванов сообщает: «Первины моих изучений и размышлений об этом предмете <...> изложил я, уже много лет тому назад, в опыте общей характеристики дионисийства. Этот опыт, в виде серии статей, был напечатан в ежемесячнике „Новый Путь“ за 1904 г., под заглавием „Эллинская религия страдающего бога“, и в сменившем его ежемесячнике „Вопросы Жизни“ за 1905 г., под заглавием „Религия Диониса“. Отдельное издание погубло перед выходом в свет на складе; кажется, оно будет возобновлено» (*Иванов Вяч.* Дионис и праднионисийство. Баку, 1923. С. V).

¹¹ *Зелинский Фаддей Францевич* (1859—1944) — филолог-классик, поэт-переводчик, историк культуры; профессор Петербургского университета по кафедре клас-

сической филологии (до 1922 г.). Возможно, Иванов еще не знал о том, что Зелинский в 1922 г. не вернулся в Россию из заграничной командировки и обосновался в Польше, возглавив кафедру классической филологии в Варшавском университете.

¹² Неосуществленный замысел. Во время пребывания в Баку Иванов почти не писал стихов и неоднократно обращал внимание других на это обстоятельство; ср. его замечания в письмах к Ф. Сологубу от 31 августа 1922 г.: «Не выпускайте из рук Вашей дивной лиры. Моя разбита» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 149); к В. А. Меркурьевой от 17 июля 1921 г.: «Я старый, немецкого типа, педант-профессор, *только* профессор <...> Много работаю, исключительно в филологии (о стихах и тому подобном и помину нет)» (РГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, № 35. Опубликовано К. Г. Петровым: Русская литература. 1991. № 1. С. 178); к И. М. Гревсу от 12 мая 1922 г.: «Муза, говорю я, меня покинула — навсегда ли, также не знаю» (Русская мысль. 2000. 20—26 января, № 4301. С. 18. Публикация Г. Бонгард-Левина); к Г. И. Чулкову от 14 января 1923 г.: «От меня же ничего больше не ждите, моя песенка оказалась спетой» (РГБ, ф. 371, карт. 3, № 45).

¹³ О новом жилье Чеботаревскую известил ранее Д. В. Иванов (в письме от 13 января 1923 г.): «...мы вот уже месяца 2—3 как переехали в квартиру Н. Н. и Л. А. Вознесенских, которые в свою очередь переселились в здание раб. фака. Жили мы счастливо месяц или более с семьей Кабановых (они занимали две большие комнаты, а мы — две маленькие)» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 93). 3 февраля 1923 г. Л. В. Иванова писала Чеботаревской: «Итак, живем мы в бывшей летней канцелярии (кв<артира> Вознесенских) на новом месте. У нас здесь 2 маленькие комнаты, бывшая ректорская и рядом с ней, выходящие на юг в тот же двор, как и прежде, только с другой стороны, прямо напротив бывш<его> студ<енческого> кооператива <...>. У нас есть кухня и ванна <...> Таким образом, жизнь наладилась и, как видите, не без вас» (Там же, № 95). См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 109; *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека. С. 87.

¹⁴ Настя Косырева, домработница Ивановых, девушка из Саратовской губернии, из крестьянской семьи старообрядцев-бесполоповцев. Л. В. Иванова характеризует ее в «Воспоминаниях» (С. 109—110), а также в цитированном письме к Чеботаревской от 3 февраля 1923 г.: «...нам прислали с Зыха (предместье Баку. — *А. Л.*) очень славную девушку Настю, кот<орая> сейчас и живет у нас, стиряет, убирает, ходит на базар и стирает все белье, кроме простынь и скатертей».

¹⁵ *Троцкий Сергей Витальевич* (1880—1942) — литератор-дилетант, знакомый Иванова с середины 1900-х гг. См.: *Троцкий С. В.* Воспоминания / Публ. А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 41—87; *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 177—181 (комментарий К. Ю. Лаппо-Данилевского); Письма С. В. Троцкого к Е. А. Миллиор / Предисловие А. В. Лаврова, подготовка текста и примечания Г. В. Мосалевой и Д. И. Черашней // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 31—27. В цитированном выше письме к Чеботаревской от 3 февраля 1923 г. Л. В. Иванова сообщала: «Да, ты не знаешь еще самого главного. Сергей Витальевич Троцкий, бывший в Сухуме, приехал к нам и теперь, пока не сыщет работы, живет у нас. Он очень славный, хороший и уютный, уютный. От него пахнуло стариной, и Сударь (Иванов. — *А. Л.*) очень счастлив им и дружит». О пребывании Троцкого в Баку у Ивановых см. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 110—111; *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 42—43.

¹⁶ Подробнее о ходе своих занятий музыкальной композицией рассказала Чеботаревской Л. В. Иванова в том же, цитированном, письме: «То обстоятельство, что я летом так усердно занималась, меня очень подвинуло. За исключением маленьких дополнений, я фугу прошла и занимаюсь сейчас формами. Пишу рондо 4-го вида сейчас, и затем у меня остается рондо 5-го вида и соната, т. е. конец форм. Два раза выступала на ученич<еском> вечере и в 1-ый раз произвела большущее впечатление своей огромной фужищей с прелюдией. Впечатление в среде музыкантов, потому что публика ничего не поняла, конечно. Была даже очень хорошая для 1-го раза рецензия в газете. 2-ой раз было не так серьезно и не столь важно. Играла свое скерцо полшуточное. Прошло ничего».

¹⁷ Далее — приписка Л. В. Ивановой; в ней, в частности, сообщается: «Завтра играю на акте свою сонату и освобождаюсь от занятий зимнего сезона. Летом буду продолжать, чтобы ускорить окончание. Перешла на своб<одное> сочинение».

3 июля 1923 г. Баку

3. VII. 1923

Дорогая и любимая Кассандра,

Не знаю, что Вы предприняли вместе с Бородиным в целях снабжения меня и университета книгами по филологии из моей библиотеки. Пользуюсь настоящею okazjiей, чтобы переслать Вам это письмецо куда случится — то ли в Москву, то ли в Петроград, — и повторить свою просьбу о филологических книжках. Если бы существовала уверенность в надежности транспорта, — уверенность полная, безусловная, — то следовало бы, чего бы это ни стоило, отправить в Баку, если не все мои книги, то по крайней мере целый ящик книг по моей кафедре. Если библиотека уложена и в ящики заколочена, придется опять открыть их и выбрать. Ежели обо всем этом мечтать нельзя, то по крайней мере несколько книг нужно было бы послать, вверив их хотя бы на руки подателю сей записки.

Нам нужны «до зареза»:

Cauer, Grundfragen der Homer-Kritik.

Cagnat, Cours de l'épigraphie romaine.

Pindari Opera, ed. Deussen (или Carmina) с комментарием (переплетенный экземпляр).¹

Перечислять все нужные книги по филологии едва ли целесообразно, да и трудно всё вспомнить. Во всяком случае запрашиваю, по крайней мере, кроме упомянутого:

I) издания моих собств<енных> книг, очень нужные здесь (со включением латинской моей диссертации,² оттисков статей, статей об Эллин<ской> религи<ии> страд<ающего> бога;³ особенно важны оттиски о Гомере и о Гете⁴),

II) 1) коллекция книг в пергаменных переплетах по истории греч<еской> литературы (К. О. Müller, Bernhardy, Blass, <1 нрзб> Müller — Etrusk<er?>,⁵

2) издания класс<ических> авторов (париж<ские> издания в большом формате по-греч<ески> и латыни: Эврипида, Геродота, Ксенофонта, Полибия, Аристофана, Плавта и друг<ие>),

3) мелкие издания текстов греч<еских> и латин<ских> авторов, между прочими книжечки, как

Bruns. Fontes Juris Romani,

Mommsen. Monumentum An<ti>qui<ssimor>um⁶

и всю мелочь, но боясь рвани.

3) * Mommsen. Römisches Staatsrecht в 5 тт. без переплета,

Mommsen. Abriss des röm<ischen> Staatsrechts,

Lange. Röm<ische> Alterthümer,

Curtius. Griech<ische> Geschichte,

Mommsen. Röm<ische> Geschichte⁷

* Так в автографе.

и т. д. и т. д. и т. д.

Желательны: *Burckhardt. Kultur der Renaissance*,⁸

Juvenal<is> в пергам<енном> переплете,

Илиада и *Одиссея*, изд. Bekker в пергам<енном> переплете.

Кстати, отберите *непрерывно*, наконец, у Ульянова⁹ редкие книжки в старинных переплетах, занесенные к нему, когда он писал мой портрет, для обстановки.

Всего припомнить и все назвать, конечно, не сумею. Все, одним словом, имеющее отношение к класс<ической> филологии, а также отчасти и к запад<ной> лит<ературе> (вроде книги Котляревск<ого> «Мировая Скорбь»,* англ<ийских> изданий Байрона и Шелли и т. п.), нужно; чтобы отобрать *без всякого сомнения* относящееся к *классической* филологии, — думаю, большой учености не требуется!

Весь вопрос в том, как переслать эти книги, нужные нам, как воздух, — не подвергая их никакому риску, ибо их ценность необыкновенна по нашим временам.

Если бы я знал, когда вы будете в Москве, Альтман из Киева заехал бы к Вам ради книг. Он ныне мой научный сотрудник, по блестящем окончании университета,¹¹ и всё бы сделал, чтобы получить книги.

Пока, до свидания, моя радость Александра Николаевна, —

Ваш Вяч. Иванов.

Вчера получил длинное стихотворное послание от Алексея Дмитр<иевича> Скалдина с пометой «Саратов. Тюрьма»¹² и уже писал дважды Луначарскому и один раз Каменеву.¹³ Помогите лицу, передававшему Вам эти строки, доставить мое письмо обоим (другое письмо Луначарскому послано через Наркомпрос) и похлопочите сама о нашем Алеше.

Что это? ошибка? недоразумение? или он восстал, б<ыть> м<ожет>, за религию? Недоумеваю. Из поэтич<еского> послания ничего не видно, кроме того, что он присужден к принудительным работам, что его камера в 6 шагов длины...

Адрес его:

Саратов, Нижняя ул., 91, кв. 1. Александру Матвеевичу Кожевникову — для передачи,

или:

Петербург, Плуталова ул., 2, кв. 1. Эльсбет Конст<антиновне> Скалдиной.¹⁴

Чудное издание Гофмана «Двойники», но, увы, значительно подпорченное опечатками, с благодарностью получил.¹⁵

* *Между строк* приписка карандашом (не рукой Иванова): Литер<атура> XIX в<ека> под ред<акцией> Батюшкова, Новейшая Русск<ая> Лит<ература> Венгерова.¹⁰

Лидия имела успехи, в газетах похвалили ее «большое дарование» — за новую сонату, которую она играла.¹⁶ Теперь пишет концерт для рояля с оркестром и изучает оркестр на репетициях симфонических вечеров, почему не рвется из Баку, а скорее, напротив, рада была бы остаться, потому что лето для ее работы очень важно. Возможно, однако, что решится поехать месяца на 1 1/2 во Владикавказ; куда зовут читать лекции и где дадут помещение, а доктора говорят, что Владикавказ прекрасная дача. — В эту минуту, когда спешу запечатывать письма, не могу доискаться написанного Вам Лидией письма, а ее самой дома нет, а дело спешное. Знаю только, что никаких указаний о вещах Эрнов дать не могла. Книжки Володи напрасно возвращаете, — разумеется, философские. Довольно бы только *Vita Nuova* Жени и другое.¹⁷ Эти книги лучше бы переслать с моими в наш университет, где они нужны, а так — они все равно что уничтожаются. В книгах я как бы коммунист. Есть фотографии в рамках Эрновы, они висели в столовой.

Ну, да все равно, всего не напишешь и не припомнишь. Тоскую о дорогих вещах своих.

Вячеслав.

Нам здесь очень нужны фотографии — снимки с шедевров искусства, итальянские коллекции и пр. И вообще все мои книги и издания по искусству. Нужен Пушкин Венгерова,¹⁸ нужен Куно Фишер (История философии),¹⁹ нужны диссертации разные филологические и философские.²⁰

¹ Среди бумаг Чеботаревской сохранилась датированная 24-м июля 1923 г. «расписка Ивана Андреевича Катагощина о получении от Ал. Н. Чеботаревской четырех книг для передачи проф. Вяч. Иванову: 1) *Caver Paul. Grundfragen der Homerkritik. Leipzig, 1909*, в переплете; 2) *Cagnat René. Cours d'épigraphie latine. Paris, 1890*, в переплете; 3) и 4) *Pindari Carmina et fragmenta Graece, t. I и II без переплетов. Lipsiae, MDCCCXI*» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 24, л. 31). Перечень изданий, необходимых для работы в Бакинском университете, Иванов приводит также в письме к С. Ф. Ольденбургу от 6 июля 1922 г. (Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 254. Публикация Г. Бонгард-Левина).

² Диссертация Иванова на латинском языке «Общества государственных откупов в римской республике», завершенная им в конце 1895 г. (см.: *Wachtel M. Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35 (1—2). P. 353—376. (Un maître de sagesse au XX siècle. Vjačeslav Ivanov et son temps)*), была опубликована как приложение к тому 6 «Записок Классического отделения Императорского Археологического общества» (СПб., 1910): «*De societatibus vectigalium publicorum populi romani*» (*Ex actis Societatis Archaeologicae, vol. VI. Petropoli, 1910*).

³ См. прим. 9 к п. 18.

⁴ Статьи Иванова «Эпос Гомера» (см. прим. 5 к п. 10) и «Гете на рубеже двух столетий» (в кн.: *История западной литературы (1800—1910) / Под ред. Ф. Д. Батюшкова. М., 1912. Т. 1. С. 112—156*).

⁵ Имеются в виду книги: *Müller Karl Otfried. Geschichte der griechischen Literatur bis auf das Zeitalter Alexanders. Bd. 1—2. Breslau, 1857, 3 Aufl. — Stuttgart, 1875; Bernhardt Gottfried. Grundriss der griechischen Litteratur. Halle, 1836, 5 Aufl. — Halle, 1892*; вероятно, также: *Müller Karl Otfried. Die Etrusker. Stuttgart, 1877*. Какое именно из многочисленных исследований немецкого филолога Фридриха Вильгельма Бласса (Blass; 1843—1907) здесь подразумевается, неясно.

⁶ *Bruns Karl Georg. Fontes juris Romani antiqui. Tubingae, 1860; Chronica minora saec. IV. V. VI. VII / Ed. Theodorus Mommsen. Berolini, 1892—1898. 3 vol. (Monu-*

menta Germaniae historica... edidit Societas aperiendis fontibus rerum germanicum medii aevi. Auctorum antiquissimorum tomus 9, 11, 13).

⁷ *Mommsen Theodor. Römisches Staatsrecht. 3 Aufl. — 1887; Mommsen Theodor. Abriss des römischen Staatsrechts. Leipzig, 1907; Lange Christian Conrad Ludvig. Römische Alterthümer. Bd. 1—3. Berlin, 1856—1871; 3 Aufl., Bd. 1—3. Berlin; Leipzig, 1876—1879; Curtius Ernst. Griechische Geschichte. Bd. 1—3. Berlin, 1857—1867; 3 Aufl. — 1868—1874; Mommsen Theodor. Römische Geschichte. Bd. 1—3. Berlin, 1856—1857; 8 Aufl. — Bd. 1—5. Berlin, 1888—1894.*

⁸ *Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien. 1860; 2 Aufl. — 1869.*

⁹ *Ульянов Николай Павлович (1875—1949) — живописец и график; в 1920 г. написал портрет Иванова, известный также в предвзятых карандашных вариантах (см.: Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 2. Илл. 14 («Новая Библиотека поэта»); Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 391; Из дарственных надписей В. И. Иванова / Публ. И. В. Корецкой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 145—147).*

¹⁰ Имеются в виду издания: исследование Н. А. Котляревского «Мировая скорбь в конце прошлого и в начале нашего века. Ее основные этические и социальные мотивы и их отражение в художественном творчестве» (СПб., 1898; 3-е изд. — СПб., 1914), «История западной литературы» (Т. 1—4. М., 1912—1917) под редакцией Федора Дмитриевича Батюшкова (1857—1920), «Русская литература XX века (1890—1910)» (т. 1—3 (Вып. 1—8). М., 1914—1918) под редакцией Семена Афанасьевича Венгерова (1855—1920).

¹¹ *Альтман Моисей Семенович (1896—1986) — филолог-классик, литературовед, поэт; ученик Иванова по Бакинскому университету, оставивший развернутые записки бесед с ним (см.: Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Составление и подготовка текстов В. А. Дымшица и К. Ю. Лаппо-Данилевского: Статья и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995). 16 июня 1924 г. Иванов писал о нем в рекомендательном письме к В. М. Жирмунскому: «М. С. Альтман блестяще окончил курс словесного отделения в 1923 г. и защищал в установленном colloquium'e работу «Дремлющие мифы в „Илиаде“ Гомера» <...>. Исследование было самостоятельно, остроумно, талантливо и основано на хорошем знании Гомера. Оставлен при университете был он по моему предложению и при моей кафедре, хотя, собственно говоря, он не классик по своей специальности, а желал бы специально сосредоточиться на поэтике» (Там же. С. 284).*

¹² Текст этого послания не выявлен. А. Д. Скалдин, занимавший в Саратовском государственном университете, связанных с культурно-охранительной и культурно-организационной деятельностью, был арестован после опубликования 12 ноября 1922 г. в «Саратовских известиях» направленной против него статьи «Скалдиновщина». Подробнее см.: *Царькова Т. С. «Скалдиновщина» (Саратовский период жизни А. Д. Скалдина) // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5. С. 460—486.*

¹³ *Камелев Лев Борисович (наст. фам. Розенфельд; 1883—1936); с 1922 г. занимал пост заместителя председателя Совета Народных Комиссаров.*

¹⁴ В результате хлопот и благодаря вмешательству Луначарского Скалдин, приговоренный к 3 годам изоляции, был освобожден 27 августа 1923 г. (см.: *Царькова Т. С. «Скалдиновщина»*. С. 468).

¹⁵ Имеется в виду издание: *Гофман Эрст Теодор Амедей. Двойники / Перевод Вячеслава Иванова; Рисунки А. Я. Головина. <Пг.>: Петрополис, 1922. Вышло в свет к 100-летию со дня смерти Гофмана.*

¹⁶ См. п. 18, прим. 16, 17.

¹⁷ Речь идет о книгах, принадлежавших покойному ближайшему другу Иванова, философу и публицисту Владимиру Францевичу Эрну (1881—1917) и его жене, пианистке Евгении Давыдовне Эрн (урожд. Векиловой; 1886—1972). «Vita Nuova» — издание в итальянском подлиннике «Новой Жизни» Данте.

¹⁸ Собрание сочинений Пушкина / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Изд. Брокгауз—Ефрон, 1907—1915. Т. 1—6; в серии «Библиотека великих писателей».

¹⁹ *Фишер Кун (Fischer; 1824—1907) — немецкий историк философии, гегельянец; автор многотомной «Истории новой философии» (1852—1877), изданной в русском переводе (Т. 1—8. СПб., 1901—1909).*

²⁰ Возможно, Чеботаревской также была адресована недатированная записка Иванова, сохранившаяся среди его бумаг (РО ИРЛИ, ф. 607, № 223, л. 652—652 об.); в ней перечислялись требующиеся ему книги и рукописные материалы, не-

которые — с указанием предполагаемого местонахождения в шкафах и на полках библиотеки: «рукописи *Сель против Фив* и *Умоляющие*» (выполненные Ивановым переводы трагедий Эсхила), издание Эсхила, «Греческая литература» Круазе (*Croiset Alfred. Histoire de la littérature grecque. Paris, 1887—1899. Т. 1—5*), журнал «Московский телеграф» 1830-х гг., книги В. Ф. Эрнэ «Розмини и его теория знания» (М., 1914) и «Философия Джоберти» (М., 1916) и ряд других изданий.

20

21 октября 1924 г. Рим

Roma, 172 via Quattro Fontane, 3° p. (presso Placidi).¹
21/X. 1924.

Дорогая Александра Николаевна.

Вот, наконец, долгая переходная пора пришла к концу, и жизнь приняла устойчивые формы повседневности: можно очертить наш новый «быт».² Пишу в своей комнатке у окна, глядя на золотое солнце, заходящее за башней Монте-Читорио. Рядом комнатка Лидии и Димы: он в этот час во французской школе (Lycée Chateaubriand),³ точнее — в пансионе при школе, ибо, записанный как *demi-pensionnaire*,⁴ он, во внеурочные часы, от 12 до 2 1/2 и от 4 до 7, завтракает, играет и готовит *ses devoirs*⁵ в *Convitto Chateaubriand*, и лишь после 7 ч. воссоединяется с нами. Школа вполне *laïque*,⁶ субсидируется франц<узским> правительством, и бакалавреаты сдаются при ней под наблюдением Гренобльского университета; в то же время ее директор — *Monseigneur Dumaz*,⁴ и *sous la tutèle des Frères de S-t Gabriel*.⁷ Последний находится подле дивного парка виллы Боргезе, под пиниями которого ученики бегают, играют в футбол и в солдаты, тогда как воспитатели мирно за ними наблюдают. Что касается Лидии, она бряцает в третьей, передней нашей комнатке, через которую проходишь в две прежде названные, на привезенном сегодня довольно стареньком рояле, но все же рояле, согласно ее желанию, а не пианино. У нас очень тесно, но, как нам кажется, и очень уютно. Лидия имела решительный успех у *maestro Respighi* (кстати сказать, говорящего немного по-русски, в качестве ученика Римского-Корсакова).⁵ Этот композитор (на которого нам еще в Москве указывали и Гольденвейзер, и Гнесин, и Сабанеев⁶) слушал все ее композиции, хвалил особенно ее сонату и «Похоронную Песню», признал все ее сочинения очень интересными и дарование несомненным, — прибавляя, что «гордиться (*essere superba*) еще не следует, а нужно работать», и принял ее без экзамена (даже по фуге, который вообще обязателен и строго производится в двухдневном заключении под стражей) на класс квартета в Академию св. Цецилии (гос<ударственная> консерватория), ректором коей он состоит.⁷ Что, наконец, до меня, я уже

¹ полупансионер; получающий половинный пансион (*франц.*).

² свои задания (*франц.*).

³ светская (*франц.*).

⁴ под покровительством братьев св. Гавриила (*франц.*).

устроился по обычаю в Германском Археологическом Институте и в sala riservata^a Национальной библиотеки, где есть все, что мне нужно, и откуда можно брать книги и на дом.⁸ Впрочем, заботы об устройстве жизни, переписка, визиты в посольство и направляемые через него отчеты в НКП,⁹ а также столь знакомое и родное, но опять для меня новое великолепие Рима еще не позволяли мне до сих пор окончательно вработаться в свою любимую работу. Все было бы хорошо, если бы темные заботы о материальном обеспечении не проходили по душе теньями и под этим весенним (в октябре) римским небом. Жду обещанного из НКП¹⁰ и должного из Баку. Думаю, что получу что-нибудь и за проданную мебель. Но, быть может, Вы не получили до сих пор ничего из Баку, и большая часть выручки пошла на покрытие моего долга? Плохо, что приемлемые для меня берлинские издательства закрылись. Максим Горький, который пишет мне милые письма из Сорренто, взял для «Беседы» мои стихи,¹¹ но от оперетки отказался.* «Мне кажется», пишет он, «что я не плохо понимаю вашу роль в ист<ории> рус<ской> поэзии и литературы, — роль мастера, учителя, вождя. Способствуя опубликованию этой вашей шутки, я окажу Вам плохую услугу. В эти мрачные дни, когда все так зло оскалили зубы и рычат друг на друга, некоторые из литераторов не преминут броситься на Вас со всею силой своего злорадства. Вот соображения, которые понудили меня отказаться от оперетки. Возможно, разумеется, что они неуместны: Вы слишком крупное имя и отвечаете сам за себя. Так, — но все-таки мне что-то мешало, и это „что-то“, мне кажется, не должно обидеть Вас, ибо оно возникло из пиетета к Вам...»¹³

Вчера из частного письма узнал я о смерти Валерия. Известие было для меня совершенно неожиданно, я не предвидел скорого конца, — и потрясло меня глубоко.¹⁴

Как живете Вы, дорогая, что имеете в виду? Напишите скорее по точному адресу. Спасибо Вам от всего сердца за Ваши последние московские подвижничества. Привет Федору Кузьмичу, если он еще не в Батуме,¹⁵ милому Алеше Скалдину, Лидии Александровне,¹⁶ коли она опять у вас. Пишите. Писать буду, обещаюсь и обяжусь. Неизменно близкий Вам

Вяч. Иванов.

Живем мы на живописнейшей и самой коренной римской улице, где Квиринал склоняется, чтобы тотчас образовать подъем на Монте-Пинчио, в самом старозаветном римском доме, в старозаветных комнатах, ничем не защищаемых от зимы, кроме как свободно входящим в них солнцем, у некоей вдовы адвоката Plácidí, исконной римлянки, с юным и хороше́ншим сыном, состоящим в почетной гвардии у Муссолини.¹⁷ Последний обитает в соседнем «palazzo» (т. е. большом доме). Вдова нам готовит римскую кухню. Дима принарядился, причесался и подтянулся. Его правая рука обтянута перчаткой.¹⁸ С увлечением осматривает и изучает руины и музеи. Очень по-

^a отдельном зале (итал.).

* Далее зачеркнуто: «из пиетета» ко мне, как он выражается.¹²

чувствовал Венецию, — меньше Флоренцию. Рим предпочитает всему увиденному. Говорит на чужих языках так, как пушкинский гусь учится ходить по льду...¹⁹ Посольство удерживает меня от сношений с видными итальянцами, желая наладить их само... Сажу у моря и жду погоды... Увлекаюсь римскими фонтанами, и мы живем сами близ фонтана Тритона и на улице четырех фонтанов.

Ваш В. И.

¹ Иванов с дочерью и сыном выехал из Москвы в Италию 28 августа 1924 г.; маршрут проходил через Ригу, Берлин, Мюнхен, Венецию, Флоренцию. По сообщению Л. В. Ивановой (в письме к Е. А. Эрн от 24 октября 1924 г.), они прибыли в Рим «14 сент-ября» после трехнедельного путешествия и после трехмесячных хлопот» (цит. по: *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа» // *Euroora orientalis*. 1995. Vol. 14 (2). С. 183). По приезде в Рим Ивановы сначала остановились в пансионе Рубекс, по указанному адресу поселились несколько дней спустя.

² Ср. подробные описания жизни в квартире синьоры Плачиди в «Воспоминаниях» Л. Ивановой (с. 132—138). 8 октября 1924 г. Л. В. Иванова писала Чеботаревской: «Дом наш стоит в хорошей центральной местности уже не знаю сколько веков, только он весь старый, престарый, лестница в нем узкая и, как здесь полагают, мраморная, ступеньки по крутизне и величине отдаленно напоминают ступени Хеопсовой пирамиды, квартира на 4 1/2 этаже, окна нашей комнаты выходят на двор, на который выходят также напротив нас окна кухни Муссолини, т<ак> что мы имеем честь наблюдать за ихним поваром, мебель в нашей квартире такая, что если чуть попереться, то ломается (город здесь древний и все в нем древнее), по квартире ходит огромный белый кот по имени „Чип“ и понимает исключительно только итальянскую речь» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 95).

³ Л. Иванова сообщила Чеботаревской в цитированном письме: «Диму записали во французскую гимназию Lycée Chateaubriand. Занятия еще не начались там (с 15 окт-ября>). Сегодня ведем его представить только что приехавшему с дачи директору, и у него, Димы, душа в пятках по этому случаю, еще со вчерашнего дня».

⁴ О государственном французском лицее имени Шатобриана в Риме и о его директоре, французском прелате монсеньоре Шарле Дюма см. в воспоминаниях Д. В. Ивановой (Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 50—53), а также: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999. С. 60—61.

⁵ *Рестиги Отторино* (1879—1936) — итальянский композитор; профессор Национальной академии Санта Чечилия в Риме. «Он ездил два раза в Петербург, учился у Римского-Корсакова и одновременно работал в императорском оперном театре, где получил по конкурсу место альт-солиста» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 142).

⁶ *Сабанеев Леонид Леонидович* (1881—1968) — музыкальный критик и композитор.

⁷ В цитированном письме к Чеботаревской Л. В. Иванова извещала: «Вчера решила также и моя судьба окончательно — это было мое вторичное свидание с Respighi — директором консерватории при академии св. Цецилии в Риме, тот самый композитор, которого мне рекомендовали столь многие музыканты различных направлений в Москве. При первом свидании я ему отдала свои композиции для осмотра. Вчера я их получила обратно, играла ему, он пустил очень лестные отзывы об них и сказал, что так как он заинтересован иметь меня своей ученицей, то постарается избавить меня от всех экзаменов при вступлении <...> на основании свидетельства бакинской консерватории, что я эти экзамены уже сдала <...>. Это сделать ему удалось, и я принята на предпоследний курс на т<ак> называемый <квартет>, т. е. как раз что мне нужно. <...> Занятия начнутся только в ноябре. А что самое замечательное, что я в качестве иностранки избавлена совершенно от платы — таково правило во всех высших итальянских уч<ебных> заведениях, в целях распространения итальянской культуры». См. также: *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 142—148.

⁸ В том же письме Л. В. Иванова сообщала Чеботаревской: «Пуфи (Иванов. — А. Л.) начал свои библиотечные занятия, даже ходит 2 раза в день: утром в Нац-

ональную библиотеку», а вечером в немецкий археологический институт». 21 октября 1924 г. Иванов писал П. С. Когану: «...я сию, тишайшим образом, в нанятых мною меблированных комнатах, посещаю для своих научных целей Германский Археологический Институт и Biblioteca Nazionale и, ничем не заявляя о своем скромном существовании, наслаждаюсь втихомолку солнцем, кипарисами, фонтанами и всем великолепием вечного города <...>» (опубликовано Робертом Бёрдом: Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 319).

⁹ Народный Комиссариат по Просвещению. Отчеты были связаны с неосуществленным проектом основания в Риме Русской академии — Института археологии, истории и искусствования; руководителем этого учреждения должен был стать Иванов. См.: *Шишкин А.* Вячеслав Иванов и Италия // Русско-итальянский архив / Составители Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Trento, 1997. С. 517—520. Там же (с. 549—557) опубликованы три докладные записки Иванова А. В. Луначарскому (от 22 сентября, 29 сентября и 6 октября 1924 г.) и письмо Луначарского Иванову (от 13 февраля 1925 г.), связанные с проектом Русской академии.

¹⁰ Подразумеваются денежные субсидии, связанные с основанием Русской академии. В цитированном письме к Чеботаревской Л. В. Иванова сообщала об Иванове: «Вопрос о его институте подвигается плохо, здесь встречаются масса препон, впрочем, все зависит, конечно, от Москвы, а оттуда еще не было ответа на его послания к Анатолію Васильевичу. По этому случаю наши финансы висят между небом и землей, что значительно отравляет существование и грозит необходимостью возвращаться, не прожив данного нам срока годового».

¹¹ В журнале «Беседа», издававшемся в Берлине в 1923—1925 гг. при ближайшем участии М. Горького, стихи Вяч. Иванова не появились. Для публикации был представлен цикл сонетов «De profundis amavi»; 19 октября 1924 г. Горький сообщил Иванову: «Стихи Ваши получил, отправляю в редакцию: 6-я книга „Беседы“ набирается» (*Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа». С. 191), — однако в следующем письме к Иванову, от 2 ноября 1924 г., просил заменить их другими, памятуя о том, что в Советской России (где он надеялся распространять «Беседу») «одиозно относятся <...> к Богу и религии» (Там же). После этого Иванов выслал Горькому для «Беседы» «Римские сонеты» (под первоначальным заглавием «Ave Roma»), цикл был высоко оценен Горьким и принят к публикации, но не мог быть включен в уже сверстанную книгу журнала, которая оказалась последней. См. также комментарий Джона Малмстада в его публикации «Из переписки В. Ф. Ходасевича (1925—1938)» (Инувшеве. Исторический альманах. Paris, 1987. Вып. 3. С. 266—268).

¹² Имеется в виду оперетта (или, по определению автора, «музыкальная трагикомедия») в трех актах «Любовь мираж?», написанная Ивановым в Баку на сюжет драмы А. И. Косоротова «Мечта любви» (1912). Об обстоятельствах ее написания сообщает Л. В. Иванов, она же приводит и отдельные фрагменты по рукописи (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 114—119). Текст произведения хранится в Москве (РГАЛИ, ф. 130, оп. 1, № 100) и в Римском архиве Иванова. Ария из оперетты опубликована в кн.: *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х—1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 195—196. Для публикации в «Беседе» Иванов предложил оперетту в письме к Горькому от 25 сентября 1924 г. и, получив предварительное согласие, выслал ему текст в начале октября. Подробнее см.: *Котрелев Н.* Из переписки Вяч. Иванова с Максимом Горьким. К истории журнала «Беседа». С. 186—194.

¹³ Фрагменты из письма к Иванову от 19 октября 1924 г.; в полном объеме опубликовано Н. Котрелевым (Там же. С. 190—191). «Быть может, правы были Вы и в своем нежелании напечатать оперетку, — отвечал Иванов Горькому 25 ноября 1924 г. — Вам многое виднее, чем мне. Я лично смотрю на нее другими глазами и, в частности, весьма доволен ее стихом. Но появление ее в печати, в самом деле, могло бы вызвать кривые толки и злобное шипенье. То, что Вы писали, предостерегая меня, глубоко меня тронуло: это был голос истинного доброжелательства. А указанные Вами мотивы Вашей особенной взыскательности и, признаюсь, неожиданное для меня общее суждение о моей литературной деятельности — во много раз для меня ценнее, чем устройство моей пьесы-шутки в Вашем журнале» (Там же. С. 193). О взаимоотношениях Горького и Иванова в 1920-е гг., во время их пребывания в Италии, см. также: *Корецкая И. В.* Горький и Вячеслав Иванов // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 178—182; *Корецкая И.* Вячеслав Иванов и Максим Горький // Vjačeslav Ivanov: Russischer Dichter —

europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV. Internationalen Vjačeslav-Ivanov-Symposiums / Hrsg. von Wilfried Potthoff. Heidelberg, 1993. S. 256—260.

¹⁴ Валерий Яковлевич Брюсов скончался в Москве 9 октября 1924 г. Известие об этом Иванов получил из письма О. А. Шор от 9 октября 1924 г.: «„Брюсов умер“. — Сейчас сообщили. Скончался сегодня в 10 ч. утра. Разрушенные легкие не выдержали крупозного воспаления... Как хорошо, что перед смертью он вновь встретился с прежними друзьями. Ведь Вы посетили его в этот Ваш приезд; а с Белым он вместе в Крыму прожил последние недели. Странно: в прошлом году на своем юбилее Вал<ерий> Як<овлевич> возмущенно и грустно протестовал — „Что Вы говорите со мною, как с умершим? Я был когда-то символюстом, теперь я коммунист; я не умер, а перешел к новым формам реальной жизни“. — Кто-то это услышал тогда; теперь — символически ухмыльнулся...» (Римский архив Вяч. Иванова). Иванов откликнулся на весть о смерти письмом к вдове, И. М. Брюсовой, от 19 октября 1924 г., а 30 ноября, в ответ на полученный от нее «грустный рассказ», — восьмистишием памяти Брюсова, «современной молитвой» (см.: Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 544—545); то же восьмистишие Иванов занес 1 декабря 1924 г. в дневниковую запись, добавив к ней: «...Доломался, долгался, додурманился бедняга до макабрной пошлости „гражданских похорон“, с кварталом, казенными речами и почетной стражей „ответственных работников“...» (Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 851). Последнюю встречу Иванова с Брюсовым в его московской квартире в июне 1924 г., в ходе которой Иванов выразил свое резкое неприятие творчества и литературной позиции Брюсова советского времени, описал ее свидетель В. А. Мануйлов (см.: Мануйлов В. А. Записки счастливого человека. С. 99—100); несколькими месяцами ранее, однако, в связи с 50-летием со дня рождения Брюсова, Иванов напечатал приуроченный к юбилею очерк «Валерий Брюсов» в газете «Бакинский рабочий» (1923. № 292, 25 декабря; републикован Феликсом Балоновым, см.: Русская мысль. 1999. 28 января—3 февраля, № 4255. С. 12; 4—10 февраля, № 4256. С. 12).

¹⁵ Имеется в виду Ф. Сологуб; о его взаимоотношениях с Ивановым см. в нашей публикации писем Иванова к Сологубу и Анастасии Чеботаревской (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 136—150). Предполагавшаяся (как видно из текста письма) поездка Сологуба в Батум не состоялась.

¹⁶ Гуляева Лидия Александровна — дочь профессора (впоследствии — ректора) Бакинского университета, философа и историка-классика Александра Дмитриевича Гуляева. В Баку семья Гуляевых жила по соседству с Ивановыми, они постоянно дружески общались. Л. А. Гуляева переехала в Ленинград еще до отъезда Иванова из Баку (см.: Миллиор Е. А. Беседы философские и не философские // Вестник Удмуртского университета. 1995. Специальный выпуск. С. 13).

¹⁷ Марио Плачиди входил в число «мушкетеров» Муссолини — 50-ти юношей-добровольцев, составлявших его личную гвардию. См.: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. С. 136.

¹⁸ Последствие травмы, перенесенной в Баку. См. дневниковую запись М. С. Альтмана от 5 июня 1922 г. (Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 256), а также «Из воспоминаний» Д. В. Иванова (Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. С. 40—41).

¹⁹ Подразумеваются строки из «Евгения Онегина» (гл. 4, строфа XLII):

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает <...>

21

27 января 1925 г. Рим¹

Рим, 27 янв. 1925.

Ах, как стыдно нам, дорогая и любимая Кассандра, что все добрые и даже деловые намерения наши остались одними намере-

ниями и написать никто не удосужился ни тотчас по получении денег,² ни к новому году. Если глубокое раскаяние беспутных Вас трогает и грех отпущен долготерпением Вашим, примите, прежде всего, запоздалые новогодние пожелания лучшего здоровья и большей радости и всех желанных благ души и тела, а потом и глубокую благодарность за то, что выручили нуждающихся в утеснении и туге велией, выслав мебельные деньги, сто рублей. Вы сделали даже больше, пробудив в их сердцах некие надежды, — подобно Прометею, который ставит себе во всяком случае в заслугу пробуждение в сердце людей даже слепых и обманчивых надежд, отгоняющих уныние и питающих бодрость стремлений. В самом деле, Вы сделали кому-то какие-то «предложения» и ждете каких-то «ответов», и «вышлите, быть может, еще сто, полтора ста рублей»...?!...³ И в другом письме указываете Вы, что высылать разрешается не больше 100 р. в момент...⁴ Да если бы возможно было воспользоваться таким разрешением, мы были бы самыми веселыми и довольными из всех невинных детей Божьего мира... Но все это кажется нам Прометеевым утешением. Ближе к делу! «Если я получу еще Ваших денег, выслать ли Вам?» — Ну, еще бы! Sancta simplicitas!^a Вопрос капиталиста: не желает ли пролетарий отказаться от заработной платы на предмет непосредственной передачи таковой в сберегательную кассу!.. Далее: «Слышала из каких-то книжных сфер, что вы списались и условились относительно перевода Данта»!⁵ О, если бы так! Действительно, писал я Перельману, напоминая ему о подписанном мною и изд<ательс>твом Брокгауз—Эфрон в 1920 г. договоре о Данте и о взятом мною авансе и предлагая высылать регулярно песнь за песнью Бож<ественной> Комедии с тем, чтобы плата мне также регулярно высылалась, — но на это мое письмо не получил я никакого ответа.⁶ Между тем мне было бы крайне желательно вести эту очаровательную и важную работу здесь и создать себе тем правильнейший заработок; но видно, теперь в России нет возможности приняться за это дело и оно по нашим временам не на очереди спроса. Это очень жаль.⁷ Здесь познакомился я со многими итальянскими литераторами, обо мне думают, что я *перевел* «Чистилище», и я должен опровергать это мнение, возникшее, м<ожет> б<ыть>, из неверного сообщения в новой «Geschichte der russischen Litteratur» Лутера.⁸ Не нашли ли бы Вы возможности двинуть это дело (впрочем, безнадежное), поговорив лично с Перельманом и другими издателями? Не испугался ли Перельман мо<е>й просьбы оплачивать перевод по 50 к. за стих и не взыскивать покамест уплаченного не очень большого аванса? Я бы пошел на уступки, чтобы гарантировать себе этот заказ, который был для дела как раз вовремя, ибо здесь все располагает к нему и стихи писать я хочу, доказательством чему служат 9 сонетов о Риме, данные в «Беседу» Горького — увы, по 30 к. за строку, потому что здесь больше не платят.⁹ — Далее, совет Ваш перевести какой-нибудь социаль<ны>й роман¹⁰ немедленно был принят нами к исполнению, из чего Вы видите, как деньги нужны.

^a Святая простота! (лат.).

А именно, я просил известного Преццолини (из знаменитой плеяды *La Voce*),¹¹ с коим дружу, указать мне соответствующую книжку, и он тотчас и без колебаний передал мне роман *Mario Sobrero* под заглавием «*Pietro e Paolo*»,¹² как работу если и не высоко-художественную, то во всяком случае художественно вполне удовлетворительную, и весьма живо, драматично и правдиво изображающую италийских рабочих-коммунистов и их революционную попытку, задушенную фашизмом. Лидия незамедлительно прочла книжку, которая кажется написанной приверженцем коммунизма (хотя автор хочет быть только объективным и нейтральным) — столь страстен ее тон; кажется, что Преццолини совершенно прав, и книга как раз должна удовлетворить требования русских издательств. Я начал переводить ее (Лидия совершенно некогда, она занята по горло, да и прихварывает), только труд этот мне непривычен и не привлекателен. Если бы я знал наверное, что перевод возьмут, тем не менее дело было бы сделано. Пишется перевод довольно быстро; флорентинской кропотливости я при этом не проявляю. Конечно, нужно было бы тотчас выслать книжку на просмотр, но она не моя, покупать экземпляр не хочется, и времени возьмет эта высылка много. Поэтому не лучше ли условиться заочно? Я прибавил бы несколько строк введения, где указал бы на историческую подлинность рассказа: это страница из недавнего прошлого Италии, которое остается ее настоящим, ибо рабочее движение очень живо. Если бы нужно было в конце книги что-нибудь устранить и изменить, сделать это возможно. Итак, справьтесь, пожалуйста, и запишите книгу на меня и спешно уведомяте, чтобы я мог спокойно работать, без риска, что трачу время и труд попусту. А своих сил и часов мне жалко.

Получил я приглашение прочесть в почетном месте по-итальянски лекцию о греческой трагедии и ее значении для современности, в марте месяце, и согласился; но такие выступления здесь денежно не оправдываются. — Скоро должна выйти в Германии моя книжечка «*Dostoyewsky als tragischer Dichter*» (второй и исправленный перевод статьи «Д<остоевский> и роман-трагедия»),¹³ за которую приходится мне 100 марок; м<ожет> б<ыть>, будет и продолжение. — В университете читать можно, но в качестве иностранца — без вознаграждения от государства (нештатно), а студенческий гонорар ничтожен. Я об этом не думаю. — Зелинский пишет о моей книге «Дионис и прадионисийство» латинский (!) отчет, но, увы, для варшавского филологического журнала «*Eos*», который мало распространен.¹⁴ Ожидаются отчеты о книге и здесь. На перевод ее пока видов нет. Все интеллигенты на всем западе умирают с голода. Издательства ничего не платят, толстые журналы (специальные и неспециальные, иностранные) также, или почти ничего. За перевод книги платят так мало, что никто не берется за работу. — Впрочем, я как-то ослабел практической волей, и мало пишу и хлопочу, — руки отымаются. — В Баку, должно быть, не вернусь,¹⁵ потому что детям необходимо продолжать их дело здесь, — ведь это очевидно как для Лидии, так и для Димы, который учится привольно и плодотворно, — а покинуть их и одному читать лекции в Баку, коих, после реорганизации факультета в педфак, будет мало,

не расчет.* Окончательные решения однако не приняты. Все надеюсь на то, что денежный вопрос как-нибудь решится в благоприятном смысле. — Только что видел рецензию на «Pietro e Paolo» в журнале «Leonardo». Книга имеет успех; рецензент рассматривает ее как «историческую хронику» так называемого «большевистского (bolscévico)» движения в Италии.

От Алеши имел я письмо из Сибири.¹⁶ Велите Альтману написать мне.¹⁷ Лидия Александровне передайте мой нежный дружеский привет. — Лидия хорошо работает. Сегодня как раз ее maestro опять очень хвалил ее новую музыку. С меня офортист Бренсон делает портрет.^{18**}

Прерван, и должен или откладывать письмо, или кончать. Поэтому спешно обнимаю вас от всего сердца и благодарю — от себя и своих.

Ваш Вяч. Иванов.

Простите небрежность, неразборчивость и описки этого послания.

Будем писать друг другу чаще!

Если сама признаете, что здоровье зависит существенно от Вас самой,¹⁹ — будьте же здоровы (как императив!). —

¹ Ответ на письма Чеботаревской из Ленинграда от 4 ноября 1924 г. и 4 января 1925 г., хранящиеся в Римском архиве Вяч. Иванова.

² Подразумеваются денежные суммы, вырученные Чеботаревской от продажи мебели, принадлежавшей Иванову.

³ Обыгрываются фразы письма Чеботаревской от 4 ноября 1924 г.: «Узнав из письма Лилиньки (Л. В. Иванова. — А. Л.), что ваши финансы висят в воздухе, я еще кое-кому написала разные вопросы и предложения (не беспокойтесь, ничего неблагоприятного и неосторожного не сделаю!) и жду на них ответов. По получении уведомялю подробно. И вышло еще, б<ыть> м<ожет>, сто, полтора руб.»

⁴ Ср. в письме Чеботаревской от 4 января 1925 г.: «Беспокоит меня вопрос о финансах ваших. Удалось ли как-нибудь его урегулировать? Если я получу еще Ваших денег, выслать ли Вам? По правилам Госбанка на одно лицо и на один адрес можно посылать из России за границу до ста руб. в месяц — это норма». В архиве Чеботаревской сохранились копии ее заявлений в Госбанк от 5 и 12 ноября 1924 г. с ходатайством о денежном переводе Иванову в Рим (РО ИРЛИ, ф. 189, № 25).

⁵ Цитата из письма Чеботаревской от 4 января 1925 г.; опущена заключающая эту тему фраза Чеботаревской: «Вот будет-то праздник, когда вы его переведете!»

⁶ *Перельман Арон Филиппович* — заведующий издательством Брокгауз—Ефрон, действовавшим в Петербурге—Ленинграде в 1889—1930 гг. Предложение участвовать в новом переводе «Божественной Комедии» для этого издательства Иванов получил от С. А. Венгерова (письмо от 3 сентября 1919 г.; опубликовано О. А. Кузнецовой в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 99—100); согласно подписанному Ивановым 14 мая 1920 г. договору с издательством Брокгауз—Ефрон, он должен был к концу 1923 г. представить перевод «Божественной Комедии» в двух вариантах, прозаическом и стихотворном. См.:

* Если бы я был профессором в Петербурге, стоило бы еще приехать одному, но кто поручится, что весной смогу поехать опять на Запад — да и заработок ничтожен. (*Примечание Иванова*).

** *Далее в автографе — зигзагообразные линии.*

Davidson Pamela. The poetic imagination of Vyacheslav Ivanov: a Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge University Press, 1989. P. 262—263. Из письма С. А. Венгерова к Брюсову от 5 июля 1920 г. следует, что перевод «Божественной Комедии» для задуманного издания предполагалось разделить между Брюсовым и Ивановым (Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 814 — комментарий С. И. Гиндина).

⁷ Ср. свидетельство И. Н. Голенищева-Кутузова: «Как мне говорил Вячеслав Иванов во время наших бесед в Риме, между поэтами-символистами в начале XX в. было договорено, что „Божественную Комедию“ они переведут коллективно: Брюсов — „Ад“, а Иванов — „Чистилище“ и „Рай“. План этот оказался не до конца осуществленным. От Брюсова осталась только I песнь „Ада“, впервые увидевшая свет лишь в 1955 г., и начало III песни. Автору настоящей монографии довелось слышать в чтении Вячеслава Иванова одну из песен „Рая“, переведенную со свойственным метру русского символизма торжественностью, архаичностью и поэтической силой. <...> К сожалению, дантовские переводы В. Иванова до сих пор остаются в рукописи» (*Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 467—468). Л. В. Иванова также сообщает: «Долгое время шли разговоры о проекте, крайне привлекавшем Вячеслава, о переводе всей „Божественной Комедии“. Но из этого ничего не вышло» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 161). Подробнее о работе Иванова над переводом «Божественной Комедии», а также публикацию сохранившегося фрагмента перевода см. в указанной монографии Памелы Дэвидсон (Р. 261—273).

⁸ *Лютер Артур (Артур Федорович)* (Luther, 1876—1955) — немецкий историк, переводчик и издатель русской литературы, родом из России (см. о нем: *Дудкин В. В.* Блок в Германии // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 283). Имеется в виду его «История русской литературы с древнейших времен до наших дней» (*Geschichte der russischen Literatur von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*. Leipzig, 1924); в ней кратко характеризуется творчество Иванова (С. 424—426), однако о работе поэта над переводом Данте ничего не сообщается.

⁹ См. примеч. 11 к п. 20. Вопросы о гонорарных ставках в «Беседе» Иванов касается в письме к В. Ф. Ходасевичу от 12 января 1925 г.: «...за 9 сонетов, т. е. 126 стихов по расцету, следовательно, 25—28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошом, я был приведен этим обстоятельством полностью в уныние» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. 62. С. 287).

¹⁰ В письме от 4 ноября 1924 г. Чеботаревская касалась вопроса о переводе Ивановым на русский язык какой-либо книги для отечественного издательства — ради заработка: «Послезавтра у меня условлено свидание с одним издателем (частным), который хочет предложить вам перевод не одной, а нескольких книг, что может вас заинтересовать и материально. Книга в 10 лист<ов>, при ежедневной работе по 2 часа, переводится в 3 недели, а оплачивается все-таки суммою руб. в 250—300. Спрашивала я и Госиздат относительно итальянских классиков, но сейчас ничего не придет. Заведующий иностранным отделом, милый и образованный человек, говорит, что Госиздат возьмет от вас с радостью перевод как<ого>-нибудь романа из текущей итальянско<ой> беллетристики, но с условием: всего желательнее картины из жизни масс (не надо тенденции), из жизни трудящихся, можно роман-утопию, если он не пустой совсем, что-нибудь из произведений молодых итальянских талантливых и по возможности демократически настроенных писателей (или, по крайней мере, с социальным уклоном). Я думаю, что Лилинка могла бы урвать у своей ревнивой музы полтора-два часа в день и посвятить их литературе, в виде пока переводной. Тогда вы могли бы проредактировать ее труд и скорее всего прислать заказною бандеролью на адрес (частные адреса недействительны) Госиздата: *заведующему иностранным отделом Ленинградского Госуд<арственно-го> Издательства Александру Николаевичу Горлину*. (Он дал разрешение и просил сообщить вам его адрес). <...> Лучше, конечно, прежде чем приступать к работе, ввиду того, что для Госиздата приемлемы романы только определенного *указанного типа*, — выбрав и купив книжку, прислать ее тому же Алек<сандру> Ник<олаевичу> Горлину и получить от него определенный на нее заказ (письменный) договор). Так он, по крайней мере, говорит. <...> Я Ал<ександру> Ник<олаевичу> Горлину переводила две книги и знаю, что деловые сношения с ним иметь приятно. Вы, наверное, теперь увидите с итальянскими историками литературы, которые могут вас познакомить с современными „новыми“ писателями. Д'Аннунцио, на-

пример», был бы для этой цели безнадежен, а свежая хорошенькая книжка с рассказами из жизни рыбаков — была бы весьма желательна».

¹¹ *Прециolini Джузеппе* (Prezzolini; 1882—1982) — итальянский литературный критик, журналист, издатель (совместно с Джованни Папини) философско-литературного журнала «Leonardo» и основатель (в 1908 г.) журнала «Voce» («Голос»), объединившего писателей самых различных направлений.

¹² *Собреро Марио* (Sobrero; 1883—1948) — итальянский прозаик; его роман «Pietro e Paolo» (Milano: Fratelli Treves, 1924) на русский язык переведен не был.

¹³ Сведениями об этом издании мы не располагаем (ср.: *Davidson Pamela*. Viacheslav Ivanov: a reference guide. New York, 1996. P. XXXVIII); ему предшествовало издание статьи Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (Русская мысль. 1911. № 5, 6; *Иванов Вяч.* Борозды и Межи. Опыт эстетические и критические. М., 1916. С. 3—60) в переводе на немецкий Дмитрия Уманского: Dostojewsky und die Romantragödie. Leipzig, Wien: Verlag der Wiener Graphischen Werkstätte, 1922.

¹⁴ Рецензия Ф. Ф. Зелинского (Tadeusz Zieliński) на книгу Иванова «Дионис и прадионисийство» появилась в львовском журнале «Eos» в 1926 г. (Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum. Leopoli. Vol. 29. Str. 208—209).

¹⁵ С 1 февраля 1925 г. Бакинский университет считал Иванова находящимся «в отпуску без содержания». Официально Иванов числился профессором Бакинского университета до 1 июля 1925 г. (*Компелев Н. В.* Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета. С. 335).

¹⁶ Имеется в виду А. Д. Скалдин, ездивший в это время по стране в качестве книготоргового агента. В письме к Иванову от 4 ноября 1924 г. Чеботаревская сообщила: «К сожалению, Алексей Дмитриевич, по-видимому, вынужден взять место, сопряженное с далекими и долгими отлучками — поездками по Сибири и Кавказу по книжным делам, т. е. как> что через неделю мы его лишимся, вероятно, надолго. Семья остается здесь».

¹⁷ Переживания разлуки с Ивановым отразились в дневниковой записи М. С. Альтмана от 21 сентября 1924 г. (*Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 279).

¹⁸ *Бренсон Теодоро* (Brenson; 1893—1959) — художник-график; родом из Риги, в Италии — член «Gruppo Romano Incisori Artisti», с 1941 г. — в США. Л. В. Иванова сообщает, что Иванов познакомился с ним через П. П. Муратова, поселившегося в Риме в конце 1923 г.: «Ходил к Муратову и художник Бренсон, латыш. Он выгравировал портрет Вячеслава, сидящего почему-то посреди площади дель Пополо, закутанного в большой черный плащ, а в небе — другой сюрприз — летит дирижабль» (*Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце. С. 153).

¹⁹ В письме от 4 января 1925 г. Чеботаревская сообщила: «Болезни мои, как и в прошлый раз, три года тому назад, хотя и имеют вид физических, но скорее исходят из другой области. Сейчас все они кончились, осталось только небольшое расширение сердца, которое я путем лечения и покоя скоро введу в рамки. Пришлось мне опять с уроном времени (целый год) и здоровья, снова вернуться к той тихой и внутренней жизни и работе, к которой я уже пришла в прошлом году».

Л. Н. Иванова

РИМСКИЙ АРХИВ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Судьба рукописного наследия каждой творческой личности всегда представляет немалый интерес для исследователей. Причем порой важна информация не только о составе личных фондов того или иного писателя в различных известных нам архивохранилищах, но и пути, источники формирования каждого комплекса материалов. История архивного наследия одного из самых ярких представителей культуры XX в. — Вячеслава Иванова — еще не написана, она лишь, подобно мозаике, постепенно складывается из мельчайших сведений: воспоминаний, упоминаний в статьях, комментариев к публикациям и др. Так, в статье Г. В. Обатнина об архивных материалах Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома приводятся документы, существенно дополняющие и детализирующие уже имеющуюся информацию.¹

Но если личные фонды Иванова в государственных архивных учреждениях разобраны, имеют описи и потому открыты для исследования, то обширный комплекс материалов, находящийся в частных руках, продолжает быть малодоступным. Речь идет об уникальном собрании историко-литературных документов конца XIX—XX веков — архиве Вячеслава Иванова в Риме. Нынешний владелец архива — сын поэта, журналист и писатель Дмитрий Вячеславович Иванов (литературный псевдоним — Жан Невсель),² является президентом Международной ассоциации по изучению наследия Вяч. Иванова «Конвивиум», благодаря самому деятельному участию которого в Брюсселе издается Собрание сочинений Иванова (вышло 4 тома; 1971—1987), проводятся международные ивановские симпозиумы, выходят сборники, статьи и публикации. Все это — в большей или меньшей степени — основано на материалах Римского архива Иванова. Однако использование документов значительно затруднено, а порой и вовсе невозможно, так как они не только не описаны, но и, в большинстве своем, не разобраны (то есть не атрибутированы, не систематизированы и т. д.). Начало работы по выявлению и описанию рукописей положено ученым секретарем «Конвивиума» А. Б. Шишкиным, составившим в июне 1996 г. первый выпуск описи, озаглавленной: «Архив Вячеслава Иванова в Риме. Поэтические сочинения и переводы Вячеслава Иванова». Однако упомянутая опись, которая несомненно станет важным подспорьем для всех исследователей творчества Иванова,³ представляет собой не архивное, а текстологическое описание его поэтических произведений и к тому же является далеко не полным (исчерпывающим). К сожалению, всего лишь предварительная разборка архива стала причиной того, что множество поэтических текстов осталось вне поля зрения составителей не только данной описи,

но и Собрания сочинений поэта. Совершенно очевидно, что для дальнейшего использования архивных документов и, что не менее важно, для их сохранности необходима гораздо более полная (объемная) информация в виде описи. Именно поэтому по инициативе «Конвивиума» в 1998 г. автором настоящей публикации начата научная обработка Римского архива Вячеслава Иванова, основанная на опыте работы Рукописного отдела Пушкинского Дома.

Уже первоначальное знакомство с материалами показало, что мы имеем дело с богатейшим и разнообразным по составу архивом, включающим в себя не только материалы, относящиеся непосредственно к Вячеславу Иванову (творческие рукописи, биографические документы, обширная переписка, фотографии и др.), но и немало других, различных по составу и объему групп документов. Речь идет, прежде всего, об архивах второй жены Иванова Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал и его многолетнего друга и помощницы Ольги Александровны Шор,⁴ а также его друзей, учеников, таких как Ф. А. Степун, К. Д. Бальмонт, О. Синьорелли, Е. А. Миллиор, В. А. Мануйлов и др. Эта многосоставность расширяет рамки обычного личного фонда, приближая его к категории архивных собраний.

Невозможно с точностью определить хронологические рамки материалов: несомненно, что по мере обработки архива они будут расширяться. Пока это — конец XIX в.—1990-е годы. Столь отдаленная от даты кончины Иванова (16 июля 1949 г.) нижняя граница объясняется наличием в архиве материалов по подготовке различных изданий (в первую очередь, Брюссельского Собрания сочинений), международных ивановских симпозиумов и др.

Понимая, что завершение работы над архивом еще далеко впереди, и не обладая полнотой необходимых сведений о нем, считаем возможным начать публикацию описи небольшой его разобранной части (о незавершенности свидетельствует и отсутствие указания объема ряда материалов, включенных в опись). Разумеется, составленная на начальном этапе обработки, опись не может считаться окончательной: дальнейший подробный просмотр документов, оставшихся пока вне поля зрения, скорее всего, позволит внести дополнения и уточнения.

Основным содержанием описи (и научной обработки) стали литературоведческие исследования и статьи Иванова; неопубликованные при жизни автора «Повесть о Светомире царевиче» и драмы «Любовь мираж» и «Наль и Дамаянти», а также не вошедшие в первый выпуск описи, подготовленный А. Б. Шишкиным, крупные поэтические произведения: мелопея «Человек» и переводы (переложения), составившие «Лиру Новалиса».

Многие из вошедших в опись произведений написаны Ивановым не только по-русски, но и по-немецки, по-итальянски, по-французски, некоторые из них являются автопереводами с русского и итальянского на немецкий, с русского на итальянский; переводами на русский с немецкого и итальянского; имеются и переводы произведений Иванова другими лицами: на итальянский, немецкий, английский языки.

Одна из ценнейших особенностей Римского архива Вячеслава Иванова состоит в том, что большинство его произведений представлены всеми творческими этапами: заметками, зарисовками, черновыми и беловыми автографами, несколькими редакциями, машинописью с правкой, корректурами и верстками, публикациями с новой правкой и т. д. Таким образом, наличие в архиве уже опубликованных вещей не может снизить интереса к ним будущих исследователей.

Если попытаться сравнить Римский архив Иванова и его личный фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 607), то можно обнаружить как сходства, так и различия между ними.

Даже на столь ранней стадии обработки Римского архива можно говорить о том, что он значительно превосходит пушкинодомский фонд по объему и составу.

Даты документов обоих архивов берут свое начало в конце XIX в., но если в фонде Пушкинского Дома они заканчиваются 1920 г. (не считая позднейших поступлений, относящихся к 1900-м—1970-м гг.), то в римском собрании они охватывают более столетия: с конца XIX до конца XX вв.

Не менее важно отметить не только то, что разделяет эти два архивные собрания, но и то, что их сближает (помимо, разумеется, личности самого Вячеслава Иванова). Прежде всего, это произведения, представленные как в том, так и в другом архиве. Наряду со множеством отдельных стихотворений, это также и статьи о Скрябине, о Дионисе, о символизме, «О границах искусства», «Духовный лик славянства», мелопея «Человек», трагедия «Ниобея» и др. В Римском архиве, например, находится большой комплекс материалов, относящийся к «Повести о Светомире царевиче», — произведению, над которым Иванов работал на протяжении многих лет: как ранее считалось — с 1928 г. до последних дней жизни. В архиве же Пушкинского Дома отложились записи первоначального замысла этого «художественного завещания поэта», датированные 1894 г.⁵

* * *

В приложении к описи приводятся фрагменты из переписки (главным образом, самого Иванова и О. А. Шор), в которых идет речь об оставленном при отъезде из Москвы имуществе, включающем библиотеку и архив, а также о могилах близких людей.

«Мы уезжаем из Москвы, — пишет Д. В. Иванов, вспоминая кончину матери, Веры Константиновны Шварсалон (1890—1920), и тяжелое состояние отца. — Отец не хочет, не может, душа не пережила бы — оставаться в Москве. <...> мы уезжаем с почти что пустыми руками. Вячеслав забрал из покинутой нежилой квартиры на Зубовском несколько рукописей, стихов, вырванных из тетрадки страниц дневников, несколько любимых писем, портрет Лидии Дмитриевны, написанный Маргаритой Сабашниковой».⁶

Помимо Ольги Александровны Шор, одним из главных доверенных лиц Иванова в период его пребывания в Кисловодске и Баку (1920—1924) и командировки в Италию, начавшейся в августе 1924 г., была Александра Николаевна Чеботаревская (или, как ее звали в доме, — Кассандра).⁷ Дочь поэта, Лидия Вячеславовна Иванова (1896—1985), вспоминала: «Это были и бесконечные бюрократические формальности для выезжающих за границу. <...> Нужно было получить столько разных разрешений из разных учреждений <...> Мы взяли три сундука, некоторые рукописи (главным образом, моей мамы), кое-какие книги и одежду. Остальное осталось в Москве на попечении Кассандры».⁸

Александра Николаевна было доверено сохранение имущества не только столь близкого человека, как Вячеслав Иванов. См., например, ее письмо от 17 марта 1924 г. к А. С. Яценко, оставившему при отъезде из Ленинграда на ее попечение свою квартиру в доме № 3 по набережной реки Ждановки:⁹ «Несмотря на тяжкие годы, несмотря на вынужденные мои выезды из Питера, как-то прямо Бог помог сохранить в целости все, чем Вы особенно дорожите. Помогла еще и сестра моя, которая в мое отсутствие брала на себя попечение о моей половине квартиры. Книги Ваши я до сих пор не выпускаю из своей комнаты, и м<ожет> б<ыть> этим удалось сохранить их. Мебель и вещи тоже все целы <...> У Сологуба своя обстановка и, как у писателя, много книг. У меня сохранился и полный список Ваших вещей, составленный мною после Вашего отъезда в Пермь <...> Я занимаю по-прежнему угловую комнату — ваш бывший кабинет, всю заставленную сейчас и вещами, и сундуками, и ящиками с книгами, и по которой приходится пробираться, как по

лабиринту. Это объясняется тем, что в прошлом году, когда в Москве была ликвидирована квартира Вячеслава Ивановича, то кроме вещей, оставленных в Москве, прислали и мне в Питер, с просьбой похранить до его приезда, часть его библиотеки и кое-какие из вещей».¹⁰ Подобные проблемы обсуждались также в переписке Ал. Чеботаревской с Вячеславом Ивановым.¹¹

Учитывая не только важную роль Чеботаревской в деле сохранения имущества, но и близость к семье Ивановых, считаем также уместной публикацию фрагментов писем, в которых говорится о ее трагическом конце.

Не случайны в этой подборке письма «верного оруженосца поэта»¹² Ивана Моисеевича Дегтеревского: он также принимал участие в сохранении библиотеки. В Римском архиве Вяч. Иванова находятся составленные для него списки книг.¹³ Свидетельством преданности Иванову может служить хранящаяся в Пушкинском Доме подборка стихотворений Дегтеревского 1919—1920 гг., обращенных к любимому поэту: «Посвящается дорогому и горячо любимому Учителю Вячеславу Иванову».¹⁴

Письма и документы публикуются по автографам. Приведенные после некоторых из них архивные шифры указывают на принадлежность Рукописному отделу Пушкинского Дома, остальные хранятся в неразобранной части Римского архива Вячеслава Иванова (пользуюсь случаем поблагодарить Д. В. Иванова за предоставленные ксерокопии).

¹ *Обатнин Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 29—51.

² Наиболее полные сведения о Дмитрии Вячеславовиче Иванове (род. в 1912), а также его воспоминания об отце, о семье, о собственной богатой событиями, встречами и яркими впечатлениями жизни см.: *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым / С предисл. Ж. Нива; Пер. с франц. Е. Баевской и М. Яснова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1999.

³ В настоящее время часть описи подготовлена к изданию в сборнике Пушкинского Дома под редакцией О. А. Кузнецовой: *Русский модернизм: Проблемы текстологии.* СПб.: Алетейя, 2000.

⁴ Об Ольге Александровне Шор (псевд. О. Дешарт, O. Deschartes; 1894—1978) см.: *Д. И. [Иванов Д. В.].* О. А. Шор — О. Дешарт // Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 688—693; *Филитов Б.* Памяти О. А. Шор // Новое русское слово. 1982. 28 нояб.; *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. М.: РИК «Культура», 1992. С. 121—124, 185—194, 211—214, 222—232 и др.; *Сегал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор (По материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // *Cahiers du Monde russe.* 1994. Janvier-Juin. Vol. XXXV (1—2). P. 331—352.

⁵ См.: *Обатнин Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 32—34.

⁶ *Иванов Д. В.* Из воспоминаний // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М.: Наследие, 1996. С. 37. Упомянутый портрет и сейчас украшает гостиную в римской квартире Д. В. Иванова.

⁷ Об Александре Николаевне Чеботаревской (1869—1925), сестре жены Ф. Сологуба Анастасии Николаевны Чеботаревской, см.: *Альтман М. С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: Инапресс, 1995. С. 98—100, 125—127.

⁸ *Иванова Л.* Воспоминания. С. 122. В комментарии Д. Мальмстада говорится: «Рукописи В. Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, оставленные в Москве, позднее были переданы (не проданы) в рукописный отдел Гос. библиотеки им. Ленина на хранение, где и остаются до сих пор (Ф. 109, 1256 ед. хр. 1880-е гг.—1921)» (там же).

⁹ В этой же квартире (№ 22) жила в 1922—1927 гг. семья Федора Сологуба.

¹⁰ *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин: 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском Институте. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С. 294—295. См. негативную оценку «охранной деятельности»

Ал. Н. Чеботаревской в письмах к А. С. Яценко 1922—1929 гг. ее соседа по дому, художника В. П. Белкина: Там же. С. 262—292.

¹¹ См.: РО ИРЛИ, ф. 189, № 47, 92.

¹² См.: Мочалова О. О Вячеславе Иванове: Из воспоминаний // *Иванова Л.* Воспоминания. С. 361.

¹³ См. № 207 в публикуемой ниже описи.

¹⁴ РО ИРЛИ, ф. 607, № 292, л. 1. По воспоминаниям О. А. Мочаловой: «В Староконюшенном пер., д. 4 Ив<ан> Моис<еевич> Дегтеревский организовал Пушкинский семинар под руководством Вячеслава Ивановича в 1919 году. Заседания происходили по средам. В то время городской транспорт действовал слабо, зима была лютая и снежная, но среды посещались дружно» (Мочалова О. А. «Литературные встречи». Вячеслав Иванов». Авторизов. маш. с правкой и вставками автора из Римского архива Вяч. Иванова).

ОПИСЬ РИМСКОГО АРХИВА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Повесть о Светомире царевиче»

1. [1928, сент. 28]*—1929, июня 16. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга первая. Главы I—XXI. [Книга вторая]. Главы I—XXV. (По первоначальной авторской нумерации: Книга первая. Главы I—XLV). 71 л.

Беловой автограф с правкой и вставками чернилами и карандашом. Тетрадь в картонном переплете, обтянутом лидеринном. На обороте л. 1 наклеено изображение герба Московского царства с подписью В. И. Иванова: «Святой Егорий, русской державы покровитель»; на л. 2 об.: «Содержание первой книги»; на л. 71: «Павия, 16 июня 1929»; на л. 2 записи рукой О. А. Шор: «31-ого марта 1929 г. Светлое Христово Воскресение Рим»; «Пуфи начал записывать „Песнь о Стреле“ 28 сентября 1928 г.».

2. 1934, ноября 21. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга первая. Главы I—[XXI]. [Книга вторая. Главы I—XXV]. 82 л. (18 чист.).

Копия с автографа В. И. Иванова рукой О. А. Шор. Тетрадь в картонном переплете, обтянутом лидеринном.

3. 1930—1932; [1936—1939]; 1945, янв. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга третья. Главы I—IX, XI. 34 л. (2 чист.).

Беловой автограф со значит. правкой чернилами и карандашом и клейками; черновой автограф. На л. 2 об.: оглавление всех книг. Авторские датировки: перед гл. I: «1930—31» (л. 4); перед гл. IV: «январь 1932» (л. 8); перед гл. XIV: «январь 45» (л. 24 об.); перед гл. XI рукой О. А. Шор: «Закончено на Monte Taereo 1936—39» (л. 21). Тетрадь в лидериновой облож-

* Квадратные скобки здесь и далее используются для обозначения дат, заглавий и частей произведений, «восстановленных» составителем данной описи.

ке. Вырезанные листы (с остатками текста): 7 л. между гл. IX—XI; 2 л. в гл. XIII, между строфами 9—10; 4 л. в гл. XIV, между строфами 1—2; 1 л. между гл. XIV—XV; 1 л. после гл. XVII.

4. 1945, февр.—дек. 31. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга четвертая. Главы I—XVI. 68 л. (7 чист.).

Беловой автограф со значительной правкой чернилами и карандашом. На л. 2 об.: оглавление. Авторские датировки: на тит. листе: «Февраль 1945» (л. 2); после гл. XII: «28 Сентября 1945» (л. 52); после гл. XIII: «31.XII.45» (л. 56). Тетрадь в бумажной обложке, с воспроизв. картины А. Mantegna «San. Giorgi». Вырезанные листы (с остатками текста): 1 л. между гл. XI—XII; 1 л. между гл. XII—XIII (чистый). Обложка повреждена: в бурых пятнах; порвана в нескольких местах, оторван правый нижний угол (л. 1).

5. 1948, авг. 28—сент. 22. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга пятая. «Послание Иоанна Пресвитера Владарю царю тайное». Гл. I—IX. «Послания часть вторая». Гл. X—XVI. 58 л. (14 чист.).

Черновой автограф; часть глав в двух и более редакциях. Тетрадь без обложки, расшитая. В конце тетради: а) Стихотворения: «Гармония сфер». Беловой автограф с правкой (л. 55 об.); «Утренние чары». Беловой автограф с правкой (л. 56); «Лепечет жизнь, как живая волна...» (дата: «22.IX.48»). Черновой автограф (л. 58 об.); б) «Перевод с лат[инского]». Черновой автограф (л. 58 об.); в) Краткий набросок словаря — примечания к повести (л. 57); г) Рисунки церквей (л. 56 об., 57 об.). Авторские датировки: в гл. IX, после 14-й строфы: «§§ 12—15 28 августа 1948» (л. 18 об.); перед гл. [X]: «31 августа 48» (л. 20); перед 5 строфой: «1 сентября» (л. 20 об.); перед 11 строфой: «2 сентября» (л. 21); перед гл. [XI]: «3 сентября» (л. 22); перед гл. [XII] (1-я ред.): «4 сент.» (л. 24); после гл. XVI: «15 сентября» (л. 32). Вырезанные листы (с остатками текста): 1 л. перед гл. I; 1 л. между гл. I—II; 1 л. в гл. II; 1 л. между гл. II—III; 1 л. в гл. III; 3 л. между гл. V—VI; 2 л. между гл. VI—VII; 1 л. между двумя ред. гл. XIV [XII].

6. [1948, сент.]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга пятая. «Послание Иоанна Пресвитера». Главы I—VIII. 26 л. (16 чист.).

Беловой автограф (с учетом правки предыдущей ред.: см. № 5), с незначит. правкой. Карандаш. Тетрадь в бумажной обложке (надорвана в нескольких местах).

7. [1928]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга первая. Главы [I—XX] (по авторской нумерации: 1—18). Ранняя редакция; без деления на строфы. 52 л.

Черновой автограф. Карандаш. Блокнот, без обложки. Л. 1—3 оторваны и приложены.

8. [1928]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». [Книга первая]. Глава [XX] (по авторской нумерации: 18). Ранняя редакция; без разделения на строфы. Начало главы в пяти редакциях. 5 л.
Черновой автограф. Карандаш. Рисунки: голова кошки, женщина (л. 1 об.); епископ (л. 3 об.). Разрозненные листы из блокнота. Л. 1 оборван по правому полю (с утратой текста).
9. [1928—1929]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». [Книга вторая]. Главы I—II (по авторской нумерации: 20—21). 2 л.
Черновой автограф. Л. 1 поврежден: надорван и поеден жучком (?) (с утратой текста).
10. [1915, янв. 10]. «ВО ТЕМНОМ СЫРОМ БОРУ...». Стихотворение. Позднее вошло в «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» как песня Отрады (Книга вторая. Глава XVIII. Строфы 14—17). 2 л.
Беловой автограф. На обороте листа запись ребенка. Здесь же: копия рукой О. А. Шор с незначит. расхождениями и правкой В. И. Иванова (?) карандашом.
11. [1928—1929]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». Книга третья. Глава I. Ранняя редакция. 1 л.
Черновой автограф. Карандаш. Лист поврежден: измят; нижний правый угол оторван.
12. [1936—1939]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». [Книга третья]. Главы XI (начало)—[XII—XIII] (фрагменты). 2 л.
Беловой автограф с правкой. Текст перечеркнут. Листы вырезаны из тетради (см. № 3, между л. 20—21).
13. [1936—1939]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». [Книга третья. Главы XI (без начала)—XII (без окончания)]. 1 л.
Черновой автограф. Текст перечеркнут. Лист вырван из тетради (см. № 3, между л. 22—23).
14. [1936—1939]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ» [Книга третья]. Главы XI, [XII, XIII]. Ранние редакции, наброски. 2 л.
Черновой автограф. Карандаш. Текст перечеркнут. Листы вырезаны из тетради (см. № 3, между л. 20—21).
15. [1936—1939]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». [Книга третья. Главы XIII (без начала)—XIV] (по авторской нумерации: XIII; без окончания). Ранняя редакция. 2 л.
Беловой и черновой автографы. Чернила, карандаш. Листы вырваны и вырезаны из тетради (см. № 3, между л. 20—21, 23—24).
16. [1945, февр.]; 1949. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». 1) Книга четвертая. Главы II—XII, [XIII—XVI] (по авторской нумерации: Книга пятая. Главы I—IV).
Черновой автограф, наброски. Карандаш. Часть глав в 2-х и более редакциях (большинство из них — неполные). Здесь же:

а) «Проф[ессору] Уго Паоли» («Postscriptum: узнаю я вдруг...»). Стихотворение. Черновой и белой автографы. Карандаш (л. 7 об.); б) [«О Дневниках Т. Л. Сухотиной»]. Начало статьи. Черновой автограф. Карандаш (л. 27—27 об.).

2) Книга пятая. Главы [I—VI] (по авторской нумерации: V, VI). Черновой автограф, наброски. Карандаш. Часть глав в 2-х и более редакциях (большинство из них — неполные). Здесь же: а) Черновые записи исторического характера (л. 46); б) «О плоть, меня сжигающий хитон...». Стихотворение (вариант сонета № 3 из цикла «De profundis amavi»). Начало (1-я строфа и начало 2-й) (л. 47); в) «О Дневниках Т. Л. Сухотиной». Фрагмент статьи. Черновой набросок. Карандаш (л. 47).

Блокнот большого формата, без верхней обложки. 48 л. (1 чист.). Часть листов повреждена: надорваны по краям, имеются проколы, углы помяты; л. 1 оторван и приложен, нижняя половина отсутствует (с утратой текста); л. 9, 28, 47 — нижние половины отсутствуют; л. 41 — вырван правый верхний угол (с утратой текста).

17. [1916, 1929]. «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». [Книга девятая. Глава X]. Ранняя редакция песни Светомира: «Ты, Гора ль моя, Гора...»; прозаический фрагмент: «Острая Гора»; наброски; рисунки: «Острая Гора» и др. 3 л. большого формата.

Черновой автограф. Карандаш. Листы повреждены: измяты и надорваны (в т. ч. по тексту).

18. 1916, окт. «СВЕТОМИР (ТОПЧЕТ ВИНОГРАД)». Стихотворение. Позднее, с добавлением строф 6—7, вошло в «ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ». (Книга девятая. Глава X; имеются небольшие расхождения в текстах). 3 л.

Копия рукой В. К. Шварсалон (?). В конце дата: «Сочи, октябрь 1916 г.». Здесь же: маш. копия, без конца 4 и без 5 строф.

19. 1916, окт.; [1929, осень]. «СВЕТОМИР (ТОПЧЕТ ВИНОГРАД)». Стихотворение. Фрагмент, с добавлением строф 6—7 (см.: «Повесть о Светомире царевиче». Книга девятая. Глава X). 1 л.

Маш. копия; строфы 6—7 — автограф, карандаш.

20. [1928—1929]. [«ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ»]. Фрагмент неустановленной книги. Ранняя редакция. 1 л.

Беловой автограф.

21. [1930-е]. «SWATOMIR'S HEILIGENLEBEN. BUCH 1: WOLO-DAR» («ПОВЕСТЬ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ»). Книга 1. Главы I—XIII. Автоперевод на нем. яз. 44 л.

Беловой автограф с правкой; черновой автограф; наброски; гл. VIII — рукой Д. В. Иванова (л. 38—39). Чернила, карандаш. Здесь же: фрагменты в переводе неустановл. лица. Маш. с правкой В. И. Иванова карандашом (л. 40—44).

«Человек»

22. [1915—1919]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Фрагменты, варианты, наброски.
Беловые и черновые автографы. Чернила, карандаш. Тетради и разрозненные листы.
23. [1915—1919]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Копия рукой О. А. Шор с правками и вставками латинских цитат автора.
Беловой автограф. Тетрадь в картонном переплете и разрозненные листы.
24. [1915—1919]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея.
Маш. копии, в т. ч. с правкой и вставками автора.
25. [1915]. «ГОРЯТ ПОД ПРАХОМ, ПЕПЛОМ, МОРЕМ, ЛЬДОМ...». Сонет из мелопеи «ЧЕЛОВЕК». (Часть третья. XV).
Здесь же: автоперевод на лат. яз.
Черновой автограф. Карандаш.
26. [1916—1917]. «ЧЕЛОВЕК! ЕЩЕ ТЫ БОЛЕН...». Стихотворение из мелопеи «ЧЕЛОВЕК» (Часть четвертая. «Ephymnion»).
Копия рукой Л. В. Ивановой. Беловой автограф.
27. [1918—1919]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. [Примечания].
Беловой и черновой автографы.
28. [1918—1919]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Примечания. Несколько редакций, в т. ч. неполных.
Черновые автографы В. И. Иванова и О. А. Шор.
29. 1915—1920. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Первые публикации: «Два града» (Русская мысль. 1916. № 1. С. 179—186); «Последние времена» («Потерпи еще немного...») (Русское слово. 1915. 25 дек.); «Гимны Эросу» (сб. «Мы». 1920).
Печатное, с пометой В. И. Иванова.
30. Б. д. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Часть третья. «Два града».
Корректурa неустановл. издания с правкой автора.
31. [1930-е]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Проекты обложки для парижского издания (1939) художника Сергея Петровича Иванова.
Здесь же: письмо С. П. Иванова к В. И. Иванову (1940).
32. 1939, февр. 8. ИВАНОВ Вячеслав Иванович. Письмо к ИВАНОВУ Димитрию Вячеславовичу (в т. ч. о парижском издании мелопеи «Человек»).
Здесь же: письмо Л. В. Ивановой к Д. В. Иванову.
33. [1930-е]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Фрагменты. Автопереводы на нем. яз.
Черновой автограф.

34. [1930-е]. «ЧЕЛОВЕК». Мелопея. Фрагменты. Автоперевод на нем. яз.
Копии рукой О. А. Шор. Беловой автограф с правкой В. И. Иванова.
35. [Нач. 1940-х]. «L'ОМО» («ЧЕЛОВЕК»). Мелопея. Перевод на итал. яз. Р. Кюфферле (R. Kufferle).
Маш. со значительной правкой и вариантами переводов В. И. Иванова.
36. [Нач. 1940-х]. «L'ОМО» («ЧЕЛОВЕК»). Мелопея. Перевод на итал. яз. Р. Кюфферле и варианты В. И. Иванова.
Беловые и черновые автографы Р. Кюфферле и В. И. Иванова.
37. [Нач. 1940-х]. «L'ОМО» («ЧЕЛОВЕК»). Мелопея. Фрагменты. Варианты В. И. Иванова переводов на итал. яз. Р. Кюфферле.
Беловые и черновые автографы В. И. Иванова.
38. [Нач. 1940-х]. «L'ОМО» («ЧЕЛОВЕК»). Мелопея. Фрагменты. Варианты В. И. Иванова переводов на итал. яз. Р. Кюфферле.
Маш. с незначительной правкой В. И. Иванова.
39. [Нач. 1940-х]. «L'ОМО» («ЧЕЛОВЕК»). Мелопея. Перевод на итал. яз. Р. Кюфферле.
Маш. с правкой Р. Кюфферле и правкой и вставками В. И. Иванова.
40. [Нач. 1940-х]. «L'ОМО» («ЧЕЛОВЕК»). Мелопея. Неполный текст. Перевод на итал. яз. Р. Кюфферле.
Маш. с правкой В. И. Иванова и Р. Кюфферле.
41. 1940-е. Переписка В. И. ИВАНОВА и Р. КЮФФЕРЛЕ о работе над переводами мелопеи «ЧЕЛОВЕК».
Письма В. И. Иванова: черновики и 2-е экз.

Пьесы, драматические отрывки

42. [1924]. «ЛЮБОВЬ МИРАЖ?». Трагикомедия в трех действиях.
Маш. с правкой и вставками автора на рус., франц. и англ. яз. Тит. лист — автограф. Листы (изрядно потрепанные) большого формата.
43. 1924, июля 10 и б. д. ИВАНОВ Вячеслав Иванович. Заявление в Гублит с просьбой о разрешении чтения пьесы «Любовь мираж» в зале Академии Художественных наук (ГАХН).
Здесь же: отзывы слушателей пьесы, прочтенной О. А. Шор. 3 л.
44. 1924, окт. 1. «ЛЮБОВЬ — МИРАЖ? или ФИЛАНТРОПИЧЕСКИЕ ПОХОЖДЕНИЯ ДЯДИ РОКА». Музыкальная трагико-

медия в трех действиях. Начало: тит. лист, перечень действующих лиц, предисловие, «Авио-пролог». 2 л. большого формата. Беловой автограф.

45. [1934—1935]. «НАЛЬ И ДАМАЯНТИ». Драма. Первое действие. Беловой автограф. Тетрадь.
46. [1934—1935]. «НАЛЬ И ДАМАЯНТИ». Драма. Фрагменты. Наброски. Автоперевод на итал. яз. Черновой автограф.
47. [1934—1935]. ИВАНОВА Лидия Вячеславовна. «„NALA“ — DRAMA INDIANO». Оперное либретто. На итал. яз. Маш. с правкой, вставками и пометами автора (часть помет по-русски). Сшитые листы.

**Стихотворения Вячеслава Иванова,
его автопереводы и переводы других лиц**

48. 1934, окт. 9. «TESCHENKS — WIDMUNG». Стихотворная дарственная надпись В. И. ИВАНОВА на нем. яз., обращенная к О. А. ШОР, на шмуцтитуле издания: Goethe. Faust. Leipzig, Insel—Verlag. Беловой автограф.
49. [1927]; 1930; 1946, июня 27. «LA CUPOLA», «RECINA VIARUM», «SONETTI INVERNALI». I («РИМСКИЙ СОНЕТ». X; «РИМСКИЙ СОНЕТ». I; «ЗИМНИЙ СОНЕТ». I и др.). Стихотворения. Автоперевод на итал. яз. Маш. копия; на л. 1 — запись даты рукой В. И. Иванова. Здесь же: листы из газеты «Il Frontespizio» (1930, № 9) с публикацией переводов стихотворений В. И. Иванова на итал. яз.
50. 1922. «LE FIACCOLE» («ОГНЕНОСЦЫ. (Дифирамб)»). Перевод и предисловие на итал. яз. Е. Дамиани. Авторизов. маш. с незначительной правкой.
51. [1924]. «LA POESIA» («ПОЭЗИЯ»). Стихотворение. Перевод на итал. яз. Р. Н. Олкиеницкой (R. N. Olkienzikaja). Маш. копия.
52. Б. д. «IL CORNO ALPINO», «LA VIA D'EMMAUS», «LA MENADE»... («АЛЬПИЙСКИЙ РОГ», «ПУТЬ В ЭММАУС», «МЭНАДА» и др.). Стихотворения. Перевод на итал. яз. Р. Кюфферле (R. Kufferle). Маш. копия, с эпиграфами на греч. яз. рукой В. И. Иванова.
53. Б. д. «REGINA VIARUM» («РИМСКИЙ СОНЕТ». I). Стихотворение. Перевод на итал. яз. Г. Ло Гатто (E. Lo Gatto) и В. И. Иванова. Маш. копия.

54. [1940-е]. «REGINA VIARUM» («РИМСКИЙ СОНЕТ». I). Стихотворение. Перевод на нем. яз. В. Витковского.
Маш. копия.
55. [1950-е]. «ROMISCHEN TAGEBUCH VON 1944. November. VIA APPIA» («РИМСКИЙ ДНЕВНИК (1944). Ноябрь. 6. VIA APPIA»); «PINDAR, DER SCHWAN, SANG...» («РИМСКИЙ СОНЕТ». II). Стихотворения. Перевод на нем. яз. Е. Ф. Зоммера (E. F. Sommer).
Маш. копия.
56. Б. д. «LIEBE UND TOD» («ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ. Венок сонетов»: «Cog Ardens». Часть 2. Книга 4). Перевод на нем. яз. В. Е. Грёгера (W. E. Groger). Некоторые переводы в 2-х редакциях.
Маш. копия, ксерокопия.

Переводы и переложения Вячеслава Иванова с русского и на русский

57. Б. д. ПЕРЕВОДЫ СТИХОТВОРЕНИЙ А. С. Пушкина на итал. и нем. яз. и свободное переложение на итал. яз. стихотворения Т. Вечорки «Ну, что же, счастье, может, в том...», сделанные по просьбе Лидии Вячеславовны Ивановой для ее музыкальных произведений.
Беловой автограф с незначительной правкой.
58. [1930-е]. ПЕРЕВОДЫ на итал. язык ЦИТАТ из поэтических произведений Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева, А. С. Пушкина, А. А. Фета, М. Ю. Лермонтова и др. для статьи Джинны Ганчиковой (жены друга Ивановых — Леонида Яковлевича Ганчикова).
Беловой и черновой автографы; маш. с правкой автора; маш. копия.
59. [1932]. БОРАТЫНСКИЙ Евгений Абрамович. «НА СМЕРТЬ ГЕТЕ». Стихотворение.
Копия рукой В. И. ИВАНОВА для последующего перевода на нем. яз. и работы над статьей «Zwei Russische Gedichte auf den Tod Goethes» (Corona. 1933/34. Т. 6). Беловой автограф.
На обороте: фрагмент статьи «Lermontov» (на итал. яз.; маш. с незначительной правкой автора).

«Ли́ра Нова́лиса»

60. [1909]. «ЛИ́РА НОВА́ЛИСА. ГИМНЫ К НОЧИ». Переводы («переложения») с нем. В. И. Иванова.
Беловые и черновые автографы. Чернила, карандаш.

61. [1909]. «ЛИРА НОВАЛИСА. ДУХОВНЫЕ СТИХИ». Переводы («переложения») с нем. В. И. Иванова.
Беловые и черновые автографы. Чернила, карандаш.
62. [1909]. «ЛИРА НОВАЛИСА. ПЕСНИ И СТАНСЫ ИЗ РОМАНА „ГЕНРИХ ФОН ОФФТЕРДИНГЕН“». Переводы («переложения») с нем. В. И. Иванова.
Беловые и черновые автографы. Чернила, карандаш.
63. [1909]. «ЛИРА НОВАЛИСА. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ». Переводы («переложения») с нем. В. И. Иванова.
Беловые и черновые автографы. Чернила, карандаш.
64. [1909]. «ЛИРА НОВАЛИСА». Стихотворения из разных циклов. Переводы («переложения») с нем. В. И. Иванова.
Черновые автографы, наброски.
65. 1910. «ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ИЗ НОВАЛИСА ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА». Листы из журнала «Аполлон» (1910. № 7. С. 44—50), несколько экз., два из них — с пометами В. И. Иванова.

* * *

66. [1920]. ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. «БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»: «Чистилище. Часть первая». Начало и др. фрагменты. Переводы с итал. яз. В. И. ИВАНОВА. 10 л.
Беловые и черновые автографы. Чернила, карандаш.
67. [1930-е]. ШИЛЛЕР ФРИДРИХ. «ГЕРО И ЛЕАНДР». Баллада. Прозаический перевод с нем. яз. (и примечания к нему), сделанный В. И. Ивановым для Лидии Вячеславовны Ивановой, ищущей сюжеты для опер. Вслед за текстом — письмо к Л. В. Ивановой. 4 л.
Беловой автограф.
68. [1929]. ГЕТЕ И. В. «„ПРОМЕТЕЙ“». Драматический отрывок». Первый, второй и начало третьего акта. Перевод с нем. яз. В. И. ИВАНОВА.
Беловой автограф.
69. [1929]. ГЕТЕ И. В. [«„ПРОМЕТЕЙ“». Драматический отрывок»]. Перевод с нем. яз. В. И. ИВАНОВА. Черновой автограф; наброски.
Блокнот (без обложки).

II. СТАТЬИ, ЛЕКЦИИ, РЕЧИ, ЗАМЕТКИ ПО ТЕМАМ

«Лев Толстой и культура»

70. [1910—1911]. «ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КУЛЬТУРА». Статья. Ранняя, неполная редакция. 5 л.

Черновой автограф. Карандаш. Л. 2 поврежден: надорван по правому полю и прожжен в верхнем правом углу (с частичной утратой текста).

71. [1910—1911]. «ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КУЛЬТУРА». Статья. Ранняя, неполная редакция. 3 л.

Черновой автограф. Чернила, карандаш. Л. 1—2 повреждены: измяты и надорваны по нижнему полю.

72. [1910—1911]. «ЛЕВ ТОЛСТОЙ». Ранняя, неполная редакция статьи «Лев Толстой и культура». 6 л.

Маш. с правкой и вставками автора чернилами и карандашом. Л. 6 сильно измят.

73. [1910—1911]. «ЛЕВ ТОЛСТОЙ». Ранняя, неполная редакция статьи «Лев Толстой и культура». 7 л.

Маш. со значительной правкой и вставками автора чернилами и карандашом. Листы повреждены: измяты и надорваны по краям; л. 1 — оторваны верхний левый и нижний правый углы.

74. [1910—1911]. «ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КУЛЬТУРА». Статья. Ранняя редакция. Фрагмент. 2 л.

Маш. со значительной правкой и вставками автора чернилами и карандашом. Листы повреждены: надорваны по нижнему полю.

75. [1910—1911]. «ЛЕВ ТОЛСТОЙ И КУЛЬТУРА». Статья. 2 л. (1 чист.).

Черновой набросок. Карандаш. Л. 2 поврежден: оторвана верхняя половина.

76. 1928, сент. 9. «TOLSTOI UND DIE KULTUR». Статья (сокращенный вариант). На нем. яз. 1 л.

Газета: Neue Zürcher Zeitung. 1928. 9 sept., № 1621. S. 3.

«О Новалисе»

77. [1913]. «О НОВАЛИСЕ». Статья. Части 1—2. 22 л.

Черновой (ч. 1) и белой автограф с правкой (ч. 2). Карандаш, чернила. Листы из тетради.

78. [1913]. «О НОВАЛИСЕ». Статья. Часть II. Ранняя (?) редакция. Начало. 2 л.

Беловой автограф с правкой. Листы из тетради.

79. [После 1913]. «О НОВАЛИСЕ». Статья. Ч. III. 2 л.

Беловой автограф (с учетом правки текста, продиктованного М. М. Замятниной: см. № 80).

80. [После 1913]. «О НОВАЛИСЕ». Статья. Части III, V—IX. 77 л.

Беловой автограф рукой М. М. Замятиной со значительной правкой и вставками В. И. Иванова; л. 18, 19 — его же автограф. Чернила, карандаш.

81. [1913]. [«О НОВАЛИСЕ»]. Статья. набросок. 1 л.
Черновой автограф. На обороте листа в верхнем правом углу рисунок: мужская голова [Э. Т. А. Гофман?]. Лист поврежден: надорван (в т. ч. по тексту) в 4-х местах.
82. [1909]. «ГОЛУБОЙ ЦВЕТOK». Конспект лекции о Новалисе, прочитанной 23 ноября 1909 г. в Петербурге. 9 л.
Беловой автограф рукой В. К. Шварсалон, с правкой. Листы из тетради, скрепленные в левом верхнем углу.
83. [После 1917]. [«О НОВАЛИСЕ»]. Конспект лекции (?). Здесь же: записи и выписки библиографического характера на нем. яз. (л. 2—2 об.). 2 л.
Черновой автограф. Карандаш, чернила.

«„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана»

84. [1920-е]. «„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА». Статья (неполный текст).
Беловой, переходящий в черновой, автограф.
85. [1920-е]. «„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА». Статья (неполный текст).
Черновой автограф.
86. [1982]. «GOGOL' ET ARISTOPHANE» («„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА»). Статья. Перевод на франц. яз. Д. В. Иванова.
Маш. со значительной правкой. Здесь же: оттиск из «Revue des etudes slaves» (1982. Т. 65, № 1—2).
87. Б. д. «GOGOL ED ARISTOFANE» («„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА»). Статья. Перевод на итал. яз. неустановл. лица.
Маш. с незначительной правкой.
88. [Нач. 1930-х]. «GOGOL UND ARISTOFANES» («„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА»). Статья. Перевод на нем. яз. Б. Лессена.
Оттиск из журнала «Сокопа» (1932/1933. Т. 5).

О Пушкине

89. [1925, март—апр.]. «К ПРОБЛЕМЕ ЗВУКООБРАЗА У ПУШКИНА». Статья. 7 л.
Беловой автограф со значительной правкой. Л. 2 надорван по правому полю.

90. [1937]. «О ПУШКИНЕ. I. РОМАН В СТИХАХ». Статья. Без окончания. 7 л.
Маш. со значительной правкой автора карандашом (правка учтена при публ.: Современные записки. 1937. № 63).
91. [1937]. «О ПУШКИНЕ. I. РОМАН В СТИХАХ. ДВА МАЯКА». Статья. Окончательный вариант. 32 л.
Маш. с незначительной правкой автора карандашом.
92. [1937]. «О ПУШКИНЕ. II. ДВА МАЯКА». Статья. Без начала. 18 л.
Маш. со значительной правкой автора карандашом (правка учтена при публ.: Современные записки. 1937. № 63). Л. 3 поврежден: надорван в нескольких местах; оторван верхний правый угол (с утратой текста).
93. [1925, март—апр.]. «К ПРОБЛЕМЕ ЗВУКООБРАЗА У ПУШКИНА». Статья. Фрагменты. Часть III — в 2-х редакциях. 5 л.
Черновой автограф. Здесь же: набросок статьи о Пушкине на нем. яз. (л. 5 об.). Листы повреждены: л. 1 — измят; л. 2 измят и надорван по нижнему полю (по тексту); у л. 3—5 — оторваны нижние половины.
94. [1925, март—апр.]. «К ПРОБЛЕМЕ ЗВУКООБРАЗА У ПУШКИНА». Статья. Ранняя редакция. Без начала и окончания. 3 л.
Беловой автограф со значительной правкой. Листы повреждены: надорваны по нижнему и правому полям.
95. [1925, март—апр.]. «К ПРОБЛЕМЕ ЗВУКООБРАЗА У ПУШКИНА». Статья. Ранняя редакция. Начало. 1 л.
Беловой автограф с правкой. Лист поврежден: надорван по нижнему полю.
96. [1925, март—апр.]. «К ПРОБЛЕМЕ ЗВУКООБРАЗА У ПУШКИНА». Статья. Ранняя редакция. Начало. 2 л.
Беловой автограф с правкой.
97. 1936, окт. «„EUGENIO ONEGIN“. INTRODUZIONE» [«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН». ПРЕДИСЛОВИЕ]. На итал. яз. 10 л.
Маш. с незначительной правкой неустановл. лица.
98. [1936]. [ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ Э. ЛО ГАТТО РОМАНА В СТИХАХ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»]. Начало. 2 л.
Черновой автограф, карандаш; маш. Л. 1 поврежден: сильно измят и надорван по нижнему и правому полям.
99. 1937, февр. 9. «NEL PRIMO CENTENARIO DELLA MORTE DI PUSKIN (1837—1937)». Приглашительный билет на заседание «L'Istituto per l'Europa Orientale in Roma» с участием В. И. Иванова и Е. Lo Gatto. На итал. яз. 2 л.

100. Б. д. [О ПУШКИНЕ]. [Фрагмент статьи]. На нем. яз. 2 л.
Черновой автограф. Карандаш. Листы повреждены: измяты; л. 1 — надорван по левому полю; л. 2 — нижняя треть оторвана.
101. Б. д. [О ПУШКИНЕ]. [Фрагмент статьи; набросок]. На нем. и рус. яз. 3 л.
Черновой автограф. Листы повреждены: измяты и надорваны по нижнему полю.
102. [1937]. «GLI ASPETTI DEL BELLO E DEL BENE NELLA POESIA DI PUSKIN» («АСПЕКТЫ КРАСОТЫ И ДОБРА В ПОЭЗИИ ПУШКИНА»). Речь на торжественном собрании по поводу 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина. На итал. яз.
Корректурa (4 экз.) со значительной правкой автора.

«Anima»

103. [Нач. 1930-х]. «ANIMA». Статья. На нем. яз.
Беловой автограф с правкой. Здесь же: свободное переложение В. И. Иванова собственного стихотворения «Тихая мстительница» для статьи «Anima». Черновой автограф.
104. [Нач. 1930-х]. «ANIMA». Статья. На нем. яз.
Маш. с незначительной правкой.
105. [Нач. 1930-х]. «ANIMA». Статья. Неполный текст. На нем. яз.
Маш. с незначительной правкой неустановл. лица.
106. [1935]. «ANIMA». Статья. На нем. яз.
Оттиск из журнала «Согора» (1933/35. Т. 4) с правкой автора.
107. [1935]. «ANIMA». Статья. (Неполная: части I—IV). Перевод на итал. яз. неустановл. лица.
Маш. с правкой В. И. Иванова.
108. 1985. «ANIMA». Статья. Перевод на итал. яз. М. Дош (M. Dosh).
109. 1926. CLAUDEL PAUL. «ANIMUS ET ANIMA». На франц. яз.
Копия рукой В. И. ИВАНОВА. Беловой автограф. В тетради. Здесь же: маш. копия.
110. [1930-е]. «DU IST» («ТЫ ЕСТЬ»). Статья. Перевод на нем. яз. [Е. Д. Шора].
Маш. с правкой В. И. Иванова и Е. Д. Шора.

«Переписка из двух углов»

111. [1931—1932]. «ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ». Предисловие О. А. Шор к переводу О. И. Резневич-Синьорелли на итал. яз. Фрагмент (начало). На итал. яз.
Беловой автограф. Опубл.: R. Carraba, Lanciano, 1932.

112. [1940-е]. «ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ». Свободные переложения В. И. Иванова на нем. яз. собственных стихотворений и автоцитат для издания: «Briefwechsel». Herder. Wien, 1949. (Некоторые тексты в 2-х—3-х редакциях).
Черновые автографы. Карандаш.
113. [1948—1949]. «ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ». Послесловие Димитрия Вячеславовича Иванова к переводу Н. Бубнова на нем. яз., переработанное и переписанное В. И. Ивановым (неполный текст). На нем. яз.
Черновой автограф. Опубл. под псевд. Jean Neuvécelle (Herder. Wien, 1949).
114. [1948—1949]. «ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ». Послесловие Димитрия Вячеславовича Иванова к переводу Н. Бубнова на нем. яз. На нем. яз.
Маш. со значительной правкой Д. В. и В. И. Ивановых.
115. [1948—1949]. «ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ УГЛОВ». Послесловие Димитрия Вячеславовича Иванова к переводу Н. Бубнова на нем. яз. На нем. яз.
Маш. (2 разл. экз.) с незначительной правкой Д. В. и В. И. Ивановых.

«Кручи. (Кризис гуманизма)»

116. [1930-е]. «KLUFTE. ÜBER DIE KRISIS DES HUMANISMUS» («КРУЧИ. (КРИЗИС ГУМАНИЗМА)»). Статья. Перевод на нем. яз. В. Е. Грёгера (W. E. Groeger).
Маш. с правкой В. И. Иванова.
117. [1930-е]. «KLUFTE. ÜBER DIE KRISIS DES HUMANISMUS» («КРУЧИ. (КРИЗИС ГУМАНИЗМА)»). Статья. Перевод на нем. яз. В. Е. Грёгера.
Маш. с правкой В. И. Иванова.
118. [1930-е]. «KLUFTE. ÜBER DIE KRISIS DES HUMANISMUS» («КРУЧИ. (КРИЗИС ГУМАНИЗМА)»). Статья. Перевод на нем. яз. В. Е. Грёгера. 1-я часть отсутствует.
Маш. с правкой В. И. Иванова.
119. [1930-е]. «KLUFTE. ÜBER DIE KRISIS DES HUMANISMUS» («КРУЧИ. (КРИЗИС ГУМАНИЗМА)»). Статья. Перевод на нем. яз. В. Е. Грёгера.
Маш. копия (2 экз.), с частично учтенной правкой предыдущих экз.
120. Б. д. «SULLA CRISI DELL' UMANESIMO» («КРУЧИ. (КРИЗИС ГУМАНИЗМА)»). Статья. Перевод на итал. яз. А. Каффи (A. Caffi) или Ж. Шузвила (J. Chuzewille) (?).
Беловой автограф с правкой.

121. Б. д. «SULLA CRISI DELL' UMANESIMO» («КРУЧИ. (КРИЗИС ГУМАНИЗМА)»). Статья. Перевод на итал. яз. А. Каффи или Ж. Шузвилля (?).
Маш. копия.

«Достоевский»

122. [1930-е, нач.]. «DOSTOJEVSKI. TRAGEDIA — MITO — MISTICA» («ДОСТОЕВСКИЙ. ТРАГЕДИЯ — МИФ — МИСТИКА»). Книга. Перевод с нем. на итал. яз. Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto).
Маш. копия с правкой и вставкой переводчика.
123. [1930-е, нач.]. «DOSTOJEVSKI. TRAGEDIA — MITO — MISTICA» («ДОСТОЕВСКИЙ. ТРАГЕДИЯ — МИФ — МИСТИКА»). Книга. Перевод с нем. на итал. яз. Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto).
Маш. копия с незначительной правкой переводчика.
124. 1931, дек. «DOSTOJEVSKI. TRAGEDIA — MITO — MISTICA» («ДОСТОЕВСКИЙ. ТРАГЕДИЯ — МИФ — МИСТИКА»). Книга. Предисловие. Часть первая. «Трагодумена» (начало). Перевод с нем. на итал. яз. Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto). 15 л. (3 чист.).
Беловой автограф переводчика с его же правкой.
125. 1931, дек. «DOSTOIEVSKY». Книга. Оглавление. Предисловие. Часть 1. Главы 1—2 (без окончания). Перевод с нем. на англ. яз. Нормана Камерона (Norman Cameron). 10 л.
Маш. копия со значительной правкой неустановл. лица.
126. [Конец 1940-х—нач. 1950-х]. [«ДОСТОЕВСКИЙ. ТРАГЕДИЯ — МИФ — МИСТИКА»]. Книга. Первая часть. Перевод с нем. на франц. яз. Ж. Шузвилля (J. Chuzewille) (?).
Маш. копия с правкой и вставками неустановл. лица и В. И. Иванова (?).
127. [Конец 1940-х—нач. 1950-х]. [«ДОСТОЕВСКИЙ. ТРАГЕДИЯ — МИФ — МИСТИКА»]. Книга. Первая часть. Перевод с нем. на франц. яз. Ж. Шузвилля (J. Chuzewille) (?).
Маш. копия (отпуск) с незначительной правкой неустановл. лица.
128. [1950-е, нач.]. «FREEDOM AND THE TRAGIC LIFE: [A STUDY IN DOSTOEVSKY». Trans. N. Cameron. N.-Y., 1952]. Книга. На англ. яз. 55 л.
Гранки.
129. Б. д. [«ДОСТОЕВСКИЙ»]. Подготовительные материалы к различным работам о Ф. М. Достоевском. На русском и нем. яз. Наброски, выписки рукой В. И. Иванова и О. А. Шор. В тетради и на отд. листах.

130. [1930-е], марта 11—апр. 18. «ДОСТОЕВСКИЙ». Лекции (2). 4 л.
Автограф (карандаш) Л. В. Ивановой. На л. 2 рисунок: князь Мышкин (?). Листы помяты, надорваны по краям.
131. 1930, сент. 6, 8. «ÜBER „RASKOLNIKOV“ VON WIATSCHESLAW IWANOV». Статья в газете: Neue Zürcher Zeitung. 1930. 6 и 8 sept., № 1719, 1734. На нем. яз.
Типогр. экз.
132. 1933. SCHOEMANN J. B. «DOSTOJEWSKIJ. TRAGÖDIE — MYTHOS — MISTIK. VON IWANOV WJATSCHESLAW...». Tübingen, 1932. Статья в газете: Stimmen der Zeit. 1933. № 5. 1 л.
Типогр. экз.
133. 1951, ноябрь—1956, ноября 20. «FREEDOM AND THE TRAGIC LIFE: [A STUDY IN DOSTOEVSKY». Trans. N. Cameron. N.-Y., 1952]. Рецензии из различных англ. изданий. на англ. яз.
Маш. копии.
Приложение: Письмо из издательства «The Harvill Press Limited» (Лондон) Д. В. Иванову от 20.11.1956 о посылаемых рецензиях. На англ. яз.

«Мысли о поэзии»

134. [1938; 1940-е]. «МЫСЛИ О ПОЭЗИИ. 1. ПОЭЗИЯ КАК СООБЩЕНИЕ». Статья. Части 1—7. 38 л.
Черновой автограф (имеются разночтения с маш. и опубл. текстами). Листы 1, 6—8, 19 повреждены: надорваны по правому полю; л. 1 — и по верхнему.
135. [1938; 1940-е]. «МЫСЛИ О ПОЭЗИИ. 1. ПОЭЗИЯ КАК СООБЩЕНИЕ». Статья. Части 1—3 (согласно окончат. редакции: часть 3 — пропущена, часть 4 — без начала и конца). 12 л.
Копия рукой О. А. Шор (с частично учтенной правкой автографа: см. № 134), со значительной правкой В. И. Иванова (во многом повторяющей правку автографа). Листы 1, 12 повреждены: надорваны по правому и левому полям.
136. [1938]. «МЫСЛИ О ПОЭЗИИ. 1. ПОЭЗИЯ КАК СООБЩЕНИЕ». Статья. Части 1—7. 34 л.
Авторизов. маш. (1-й экз.) с правкой карандашом и чернилами (имеются разночтения с опубл. текстом). На л. 32 приписка: «Прошу прислать корректуру — вместе с оригиналом — моему сыну: М-г D. Ivanov, professeur au Lycée Marceau, 48 rue S-t Brice, Chartres (E. et L.)». Листы 2, 5, 6 (по авторской нумерации) отсутствуют. Листы повреждены: края и углы измяты, с мелкими и крупными надрывами; л. 36 — оторваны левые верхний (с утратой текста) и нижний углы.

137. [1938; 1940-е]. «ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ В ПОЭЗИИ. МЫСЛИ О ПОЭЗИИ». Статья. 35 л.

Авторизов. маш. (2-й экз.) с правкой автора чернилами и карандашом (правка частично учтена при публикации). Листы 13—14 (по авторской нумерации) отсутствуют. Многие листы повреждены: измяты и надорваны по краям (в т. ч. по тексту); л. 1, 2 — наклеены на другие листы.

138. [1938]. «МЫСЛИ О ПОЭЗИИ. 1. ПОЭЗИЯ КАК СООБЩЕНИЕ». Статья. Фрагмент (окончание 2-й и начало 3-й части).

Маш. (1-й и 2-й экз.) с правкой автора чернилами и карандашом.

«Эхо»

139. 1939, авг. «EIN ECHO» («ЭХО»). Статья. На нем. яз. 2 л.

Авторизов. маш. со значительной правкой.

140. [1939]. «EIN ECHO» («ЭХО»). Статья. Фрагмент. На нем. яз. 1 л.

Маш. со значительной правкой автора.

141. [1939]. «EIN ECHO» («ЭХО»). Статья. На нем. яз. 2 л.

Маш. с незначительной правкой автора.

142. [1939]. «EIN ECHO» («ЭХО»). Статья. Фрагмент (начало). На нем. яз. 1 л.

Маш. копия.

143. [1939]. «EIN ECHO» («ЭХО»). Статья. На нем. яз. 2 л.

Маш. копия (с частичным учетом правок).

О Т. Л. Толстой-Сухотиной

144. [1946]. «ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ ДНЕВНИКОВ Т. Л. ТОЛСТОЙ-СУХОТИНОЙ». 11 л.

Беловой автограф со значительной правкой и вставками чернилами и карандашом. Часть листов надорвана по боковому и нижнему полям.

145. [1946]. «ПРЕДИСЛОВИЕ, НАПИСАННОЕ К ИЗДАНИЮ ДНЕВНИКОВ Т. Л. СУХОТИНОЙ, УРОЖДЕННОЙ ГР. ТОЛСТОЙ». 14 л.

Маш. с незначительной правкой О. А. Шор карандашом.

146. Б. д. [«О ДНЕВНИКАХ Т. Л. СУХОТИНОЙ»]. Статья. Начало (в окончательный текст не вошло). 2 л.

Маш с правкой автора карандашом. Листы сильно повреждены: в бурых разводах; измяты; надорваны в нескольких местах.

147. Б. д. «PREFAZIONE AL DIARII DI TATIANA L. SOUKHOTINE, NATA CONTESSA TOLSTOI». Перевод на итал. яз. неустановл. лица. 14 л.

Маш. со значительной правкой В. И. Иванова чернилами и карандашом.

148. Б. д. «INTRODUCTION TO TATIANA TOLSTOY'S DIARY». Перевод на англ. яз. неустановл. лица. 14 л.
Маш. со значительной правкой неустановл. лица чернилами и карандашом.
149. Б. д. «VIACHESLAV IVANOV'S „INTRODUCTION TO TATIANA TOLSTOY'S DIARY“». Перевод на англ. яз. неустановл. лица. 10 л.
Маш. с незначительной правкой неустановл. лица.
150. Б. д. «NOTES TO IVANOV'S „INTRODUCTION“ (TATIANA TOLSTOY DIARY)». Перевод на англ. яз. неустановл. лица. 5 л.
Маш. с правкой неустановл. лица чернилами и карандашом.
151. Б. д. «NOTES TO IVANOV'S „INTRODUCTION“ (TATIANA TOLSTOY DIARY)». Перевод на англ. яз. неустановл. лица. 4 л.
Маш.
152. Б. д. [«PREFACE AU „JOURNAL INTIME“. DE TATIANA LVOVNA SOUKHOTINE, NEE TOLSTOY»]. Перевод на франц. яз. [Д. В. Иванова]. 9 л.
Маш.
153. Б. д. «PREFACE AU „JOURNAL INTIME“ DE TATIANA LVOVNA SOUKHOTINE, NEE TOLSTOY». Перевод на франц. яз. неустановл. лица. 7 л.
Маш. со значительной правкой, в т. ч. Д. В. Иванова, чернилами и карандашом.
154. 1950, окт. [ИВАНОВ ДИМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ]. Статья по поводу кончины Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ. На франц. яз. 4 л.
Маш.
155. 1946, апр. 17. ТОЛСТАЯ (в замуж. СУХОТИНА) ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА. Письмо ИВАНОВУ ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВИЧУ. 2 л.
Авторизов. маш. Ксерокопия.
156. 1949, июля 31. ДЕШАРТ (ШОР) ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Письмо ТОЛСТОЙ (в замуж. СУХОТИНОЙ) ТАТЬЯНЕ ЛЬВОВНЕ. 2 л. (склеены).
Авторизов. маш.
157. 1950, сент. 23—24. ТОЛСТАЯ (в замуж. СУХОТИНА) ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА. Некрологи и статьи по поводу ее кончины.
Вырезки из газет: «Il Tempo» (23.IX.1950); «La nuova stampa» (23.IX.1950); «Il messaggero di Roma» (24.IX.1950).

«Lermontov»

158. [1947]. «LERMONTOV». Статья. Неполный текст. На итал. яз. 14 л.
Черновой автограф.
159. [1947]. «LERMONTOV». Статья. Неполный текст. На итал. яз. 8 л.
Маш. (1-й экз.) со значительной правкой и вставками автора.
160. [1947]. «LERMONTOV». Статья. Фрагменты. На итал. яз.
Маш. (2-й экз.).
161. [1947]. «LERMONTOV». Статья. На итал. яз. 19 л.
Авторизов. маш. (листы из 1-го и 2-го экз.; с частичным учетом правок предыдущих экз.) с правкой.
162. [1947]. «LERMONTOV». Статья. Фрагменты. На итал. яз. 3 л.
Маш. (2-й экз.) с правкой автора.
163. [1947]. «LERMONTOV». Статья. Фрагменты. На итал. яз. 15 л.
Маш. (1-й экз.). Имеются расхождения со всеми другими редакциями и опубл. текстом.

«Форма зиждущая и форма созижденная»

164. [1940-е]. «FORMA FORMANS E FORMA FORMATA» («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Фрагменты. На итал. яз.
Автограф; маш. со значительной правкой.
165. [1940-е]. «FORMA FORMANS E FORMA FORMATA» («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Фрагменты. На итал. яз.
Авторизов. маш. с правкой и вставкой.
166. [1940-е]. «FORMA FORMANS E FORMA FORMATA» («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Начало (л. 1). На итал. яз.
Маш. с правкой автора. Текст перечеркнут.
167. [1940-е]. «FORMA FORMANS E FORMA FORMATA» («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Фрагменты. На итал. яз.
Авторизов. маш. с незначительной правкой и частичным учетом правки предыдущих экз.
168. [1940-е]. «FORMA FORMANS E FORMA FORMATA» («ФОРМА ЗИЖДУЩАЯ И ФОРМА СОЗИЖДЕННАЯ»). Статья. Фрагменты. На итал. яз.
Маш. копия (без учета правок).

* * *

169. [1940-е]. «DAS SCHICKSAL DES THEATERS» [«СУДЬБА ТЕАТРА»]. [Сборник статей] В. И. Иванова. Оглавление. Предисловие. Глава I. «NIETZSCHE UND DIONYSOS»; Глава III. «WAGNER UND DIE DIONYSISCHE HANDLUNG»; Глава IV. «AHNUNGEN UND ZEICHEN»; Глава V. «DIE ÄSTHETISCHE NORM DES THEATERS»; Послесловие. Перевод на нем. яз. Е. Д. Шора.
Маш. со значительной правкой Е. Д. Шора; Глава I — с правкой и вставками В. И. Иванова и незначительной правкой Е. Д. Шора.
170. [1940-е]. «NIETZSCHE UND DIONYSOS». Статья. Начало: ч. I и начало ч. II. Перевод на нем. яз. Е. Д. Шора.
Беловой автограф В. И. Иванова: значительно переработанный перевод Е. Д. Шора.
171. [1940-е]. «NIETZSCHE UND DIONYSOS». Статья. Фрагмент. Перевод на нем. яз. Е. Д. Шора.
Черновой автограф В. И. Иванова: переработанный перевод Е. Д. Шора.
172. [1940-е]. «NIETZSCHE UND DIONYSOS». Статья. Перевод с нем. Е. Д. Шора.
Маш. со значительной правкой В. И. Иванова и Е. Д. Шора.
173. 1926. [«О ДИОНИСЕ»]. Запись лекции в «Unione intelletuale». На итал. яз.
Автографы Д. В. (под диктовку) и В. И. Ивановых.
174. Б. д. [«О ДИОНИСЕ»]. Подготовительные материалы к различным работам по теме. На рус., итал., франц., греч. яз.
Черновые автографы. Тетрадь, блокнот, разрозненные листы.

* * *

175. [1916, сент.]. «ВЗГЛЯД СКРЯБИНА НА ИСКУССТВО». Статья. 14 л.
Корректурa (гранки) неустановл. издания, с правкой автора карандашом и чернилами; большая вставка карандашом по левому полю зачеркнута и почти стерта. На л. 1, 6 — печать типографии В. И. Воронова с датой: «10 сент. 1916». Многие листы повреждены: измяты, имеют надрывы по краям; л. 13—14 — сильно порваны, в т. ч. по тексту, и подклеены; на л. 14 — рукой О. А. Шор воспроизведение утраченного текста.
176. [1918]. ПРЕДИСЛОВИЕ к книге рассказов Л. Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ «НЕТ!». 6 л.
Беловой автограф с правкой и записью, адресованной издательству, о необходимых шрифтах. Опубл.: *Зиновьева-Анни-*

бал Л. Д. Нем! Рассказы (Посмертное издание). Под ред. Вячеслава Иванова. Пб.: Алконост, 1918. С. 5—8.

177. [Конец 1920-х]. [«О РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ»]. Подготовительные материалы к лекциям в Павийском университете. На итал. яз. 3 л.
Черновой автограф. Карандаш.
178. Б. д. [«О РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ»]. Заметки, наброски по теме. На рус. и франц. яз. 5 л.
Черновой автограф.
179. [1920—1921]. [«ДАНТЕ»]. Подготовительные материалы к лекциям в Бакинском университете. 4 л.
Черновой автограф. Чернила, карандаш. Разрозненные листы.
180. [1921]. «ДАНТЕ», «ДОСТОЕВСКИЙ». Записи Лидии Вячеславовны Ивановой лекций, прочитанных В. И. ИВАНОВЫМ в Бакинском университете.
Автограф. Карандаш. Школьные тетради (2).
181. [1930-е]. «DIE GRENZEN DER KUNST» («О ГРАНИЦАХ ИСКУССТВА»). Статья. Перевод на нем. яз. неустановл. лица.
Маш. со значительной правкой В. И. Иванова, Е. Д. Шора и неустановл. лица.
182. Б. д. «I LIMITI DELL' ARTE» («О ГРАНИЦАХ ИСКУССТВА»). Статья. Начало (1-й лист в 2-х ред.). Перевод на итал. яз. неустановл. лица.
Беловой и черновой автографы В. И. Иванова.
183. [1932]. «IL LAURO NELLA POESIA PETRARCA» («ЛАВР В ПОЭЗИИ ПЕТРАРКИ»). Подготовительные материалы к статье.
Автограф Дмитрия Вячеславовича Иванова; несколько страниц — рукой В. И. Иванова.
184. 1932, янв. 31. «ACADEMIA PETRARCA». Письмо (за подписью директора) ИВАНОВУ ВЯЧЕСЛВУ ИВАНОВИЧУ о статье «Лавр в поэзии Петрарки». На итал. яз.
185. [1932—1949]. [«О ХРИСТИАНСТВЕ И ЦЕРКВИ»]. Записи на темы, обсуждаемые в переписке В. И. ИВАНОВА с Е. Р. Куртисом. Фрагменты; разрозненные листы. На нем. яз.
Черновые автографы.
186. Б. д. «LA CHIESA RUSSA». Заметки о христианстве, эллинизме, Ф. Нитцше. На рус. и нем. яз.
Черновой автограф. Карандаш, чернила. Тетрадь и разрозненные листы.

187. Б. д. «СЛАВЯНОФИЛЫ». Выписки, заметки, фрагменты по теме. На рус. и итал. яз.
Черновой автограф (карандаш, чернила); маш. с правкой автора. Тетрадь и разрозненные листы.
188. Б. д. «IDEA RUSSA» («О РУССКОЙ ИДЕЕ»). Статья. Перевод на итал. яз. А. Каффи (?) или Ж. Шузвилья (?) с нем. перевода Е. Д. Шора («Die Russische Idee». Tübingen, 1930).
Беловой автограф с правкой.
189. Б. д. «IDEA RUSSA» («О РУССКОЙ ИДЕЕ»). Статья. Перевод на итал. яз. А. Каффи (?) или Ж. Шузвилья (?) с нем. перевода Е. Д. Шора («Die Russische Idee». Tübingen, 1930).
Маш. копия.
190. [1933]. «DISCORSO SUGLI ORIENTAMENTI DELLO SPIRITO MODERNO» («РЕЧЬ ОБ ОСНОВНЫХ УСТАНОВКАХ СОВРЕМЕННОГО ДУХА»). Текст речи. Фрагмент. На нем. яз. 1 л.
Беловой автограф с незначительной правкой.
191. [1933]. «DISCORSO SUGLI ORIENTAMENTI DELLO SPIRITO MODERNO» («РЕЧЬ ОБ ОСНОВНЫХ УСТАНОВКАХ СОВРЕМЕННОГО ДУХА»). Текст речи. Перевод с итал. оригинала на нем. яз. неустановл. лица.
Маш. с правкой В. И. Иванова.
192. [1933]. «DISCORSO SUGLI ORIENTAMENTI DELLO SPIRITO MODERNO» («РЕЧЬ ОБ ОСНОВНЫХ УСТАНОВКАХ СОВРЕМЕННОГО ДУХА»). Текст речи. Перевод с итал. оригинала на нем. яз. неустановл. лица.
Маш. с правкой Г. Штейнера.
193. [1934, февр.]. «A PELLEGRINI» [«LETTERA AD ALESSANDRO PELLEGRINI SOPRA LA „DOCTA PIETAS“» («ПИСЬМО К АЛЕКСАНДРУ ПЕЛЛЕГРИНИ О „DOCTA PIETAS“»)]. Фрагмент. На итал. яз. 1 л.
Черновой автограф.
194. [1930-е]. «ПИСЬМО К АЛЕКСАНДРУ ПЕЛЛЕГРИНИ О „DOCTA PIETAS“». Автоперевод с итал. на нем. яз.
Беловой автограф с правкой.
195. [1935]. «TERROR ANTIQUUS» («ДРЕВНИЙ УЖАС»). Статья. Начало. Перевод на нем. яз. Н. Бубнова.
Маш. копия.
196. [1930-е]. «TERROR ANTIQUUS» («ДРЕВНИЙ УЖАС»). Статья. Перевод на итал. яз. неустановл. лица.
Маш. с правкой В. И. Иванова.

197. [1930-е]. «DALLA CANZONE DI IGOR» («СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»). Статья. Перевод с нем. оригинала «Vom Igorlied» (Corona. 1936/37. Т. 6) на итал. яз. неустановл. лица.
Маш. с незначительной правкой В. И. Иванова.
198. [1936]. «SIMBOLISMO». Статья для «Enciclopeida Italiana. Istituto Giovanni Treccani». Фрагменты; наброски; подготовительные материалы. На итал. яз.
Черновой автограф. Здесь же: листы со статьей из «Энциклопедии» (с. 793—795).
199. [1936]. [«REALISMO»]. Статья для «Enciclopeida Italiana. Istituto Giovanni Treccani». Фрагмент. На итал. яз.
Маш. копия.
200. [1946—1947]. «IL CORO AVENIRE» [«ХОР БУДУЩЕГО»]. Статья. На итал. яз.
Маш. (3 различ. экз.) с незначительной правкой автора; 3-й экз. — только начало. Опубл. в кн.: L'Estetica e la Poetica in Russia (Firenze, 1947. P. 477—481) под загл. «Il Simbolismo e la grande Arte».
201. Б. д. ЗАМЕТКА О СУФИЗМЕ.
Беловой автограф.
202. Б. д. [«О ПСИХОЛОГИИ. ЮНГ»]. Наброски по теме.
Черновой автограф. Карандаш.

III. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

203. 1909, июня 25—1910, апр. 14; 1928, марта 23. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ.
Беловой автограф. Части тетрадей и разрозненные листы.
204. 1924, дек. 1—5. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ.
Беловой автограф. Тетрадь в картонном переплете (заполнено всего 5 л.).
205. 1932, дек. 23. «ПИСЬМО К САМОМУ СЕБЕ». 2 л.
Беловой автограф.
206. 1918, сент. 3; авг. 18. ЗАПИСИ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА. На франц. яз. 2 л. (1 чист.).
Беловой автограф.
207. [1920]. СПИСКИ КНИГ ИЗ ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В. И. ИВАНОВА, составленные для И. М. Дегтеревского перед отъездом из Москвы в Баку. На рус., франц., англ., нем., итал. яз.
Автограф. Карандаш.
208. 1920, мая 14. ДОГОВОР В. И. ИВАНОВА с акционерным обществом «Брокгауз—Ефрон» на составление книги «Эллинская

религия» (серия руководств для высшей школы, под общей ред. И. М. Гревса).

Копия.

209. 1920, мая 14. ДОГОВОР В. И. ИВАНОВА с акционерным обществом «Издательское дело бывшее Брокгауз—Ефрон» о переводе «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ А.
Заверенная маш. копия.
210. 1947, марта 11—1948, июня 28. ДОГОВОР В. И. ИВАНОВА с издательством «The Harvill Press Limited» (Лондон). На англ. яз. 3 л.
Подлинник.
211. 1949, апр. 22. ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ. Письмо к Harari Manya (Харари Маня), главе издательства «The Harvill Press Limited» (Лондон), о том, что посылает свое предисловие к «Дневникам» Т. Л. Сухотиной-Толстой и внимательно читает английский перевод «Достоевского». На англ. яз. 1 л.
212. 1989. IVANOV D. V. «DIONISO ED I CULTI PREDIONISIACI DI VIACESLAV IVANOV». Статья для сборника «Dalla forma allo spirito», посвященного юбилею Н. Каухчишвили (Milan, 1989. P. 219—225). На итал. яз.
Маш. (компьютер) с правкой автора.

К ИСТОРИИ АРХИВА И БИБЛИОТЕКИ ВЯЧ. ИВАНОВА

1

И. М. Дегтеревский — Ал. Н. Чеботаревской

Конец (после 30 ноября) 1921—начало (до 2 мая) 1922 г.¹ Москва

Дорогая Александра Николаевна!

Большое и сердечное Вам спасибо за Ваше хорошее и обстоятельное письмо. Из письма к Вячеславу Ивановичу Вы узнаете о нашем житье-бытье.² Все Ваши распоряжения относительно квартиры исполню. Был у Нат<альи> Вас<ильевны>³ и она просила сообщить, что теперь в Вашем доме образовался кооператив, который берет дом в свое управление. От своей квартиры она подала тоже заявление о вступлении туда членами, причем поместят и Вас. Приблизительно через месяц Вам придется внести 125.000 р<у>б<лей> — 25.000 р<у>б<лей> вносятся безвозвратно, а сто выдаются при выходе. Затем будет установлена плата за пользование помещением, но размер еще не выяснен. Нат<альи> Вас<ильевна>

очень обрадовалась, что сундуки будут внесены в комнату, что же касается до замка, то он уже давно висит на дровах, и, по ее словам, все находится в целости. Одним словом, насчет квартиры не беспокойтесь. Вашу телеграмму о болезни Вяч<еслава> Ивановича показывал в свое время Гершензону,⁴ Бердяеву⁵ и Чулкову.⁶ Дорогая Александра Николаевна, уговорите Вяч<еслава> Ивановича приехать в Москву, здесь ему теперь так много дела, воскресает издательство,⁷ он сможет многое продать из своих изданий (из старых одних рукописей наберется сколько сборников), и, наконец, отсюда его скорее отпустят за границу и снабдят деньгами. Уехал же Белый и преблагополучно проживает в Берлине, где уже успел открыть свою «Вольфилу» (Вольную Философскую Ассоциацию).⁸ Он, между прочим, открыл ее и в Москве, и на первом заседании говорил о «Преступлении и наказании» Достоевского.⁹ Итак, уговаривайте Вячеслава Ивановича! В Москве сейчас начинает закипать жизнь, а в Петербурге, кажется, еще сильнее. Жду ответов с оказией до отъезда Бархудова.¹⁰ Попросите Вяч<еслава> Ив<ановича> прислать что-нибудь в журнал Язвицкого.¹¹

Крепко жму Вашу руку.

С глубоким уважением

Ив. Дегтеревский.

Притиска под чертой в конце 1-й страницы: Относительно Ан<астасии> Ник<олаевны> ничего сообщить Вам не могу, так как до сих пор ничего определенного неизвестно. Фед<ор> Кузм<ич> продолжает ее искать и вывешивать объявления.¹²

(РО ИРЛИ, ф. 189, № 87).

¹ Датируется по фактам, приводимым в прим. 8 и 12. Письмо адресовано в Баку, где в это время находилась Ал. Н. Чеботаревская.

² Письмо пока не обнаружено.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк культуры, философ и задушевный друг Вяч. Иванова. Их письменный философский диалог «Переписка из двух углов» (Пб.: Алконост, 1921) стал событием в культурной жизни России. Об истории «Переписки» и биографические сведения о Гершензоне см. в статье-примечаниях О. А. Шор: Дешарт О. Парерга и Паралипомена // Иванов В. И. Собр. соч. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 807—818. См. также предисловие Т. А. Макагоновой к первому отечественному переизданию «Переписки» (Наше наследие. 1989. № 3 (9). С. 120—122), ее статью «Дни и труды М. О. Гершензона. (По материалам архива)» (Российская Государственная библиотека. Записки отдела рукописей. М., 1995. Вып. 50. С. 5—103) и монографию В. Проскуриной «Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф» (СПб., 1998).

⁵ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ и религиозный деятель, высланный в 1922 г. из России. Бердяев был одним из создателей и «несменяемым председателем» знаменитых собраний на «башне» у Вяч. Иванова (Петербург, 1905—1907). См.: Бердяев Н. Ивановские среды // Иванова Л. Воспоминания. С. 319—323. В своей философской автобиографии Бердяев называл Иванова «центральной фигурой того времени». Их связывали «долгие дружеские отношения, но было и немало драматических столкновений» (Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. С. 153).

⁶ Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, беллетрист. См. его воспоминания о знакомстве (1904), дружеском сближении и встречах в Риме (1907) с Вяч. Ивановым, которого он называл «глубоким мыслителем и счастливым угадчи-

ком древних тайн»: Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930. С. 77—80; 241—243. В письме к А. С. Яценко от 25 августа 1924 г. Чулков посетовал: «Завтра Вяч. Иванов уезжает в Италию. С ним я сблизился чрезвычайно за эти последние недели. Его отсутствие будет большим ущербом для нашего дома на Смоленском бульваре» (Русский Берлин: 1921—1923. С. 245).

⁷ Возможно, имеется в виду «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912—1923).

⁸ Андрей Белый осенью 1921 г. уехал в Берлин, где 30 ноября начал работу филиал Вольной Философской Ассоциации. См.: *Обатиниа Е. Р., Белоус В. Г.* Берлинская Вольфила (1921—1922): Хроника // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 141—155. См. также в письме из Москвы Ал. Чеботаревской к сестре Анастасии от 1 апреля 1920 г.: «О выезде за границу я слышала, что здесь хлопотали и получили разрешение выехать А. Белый (первый по счету) <...> (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка / Публ., вступит. статья и коммент. А. В. Лаврова и Д. Мальмстада; Подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Д. Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 211).

⁹ См. хронологическую канву жизни и творчества Андрея Белого, составленную А. В. Лавровым на основании архивных и опубликованных источников, раздел «1921 г.»: «6 сентября. Отъезд в Москву. Сентябрь <...> Участвует в организации московского отделения „Вольфила“. <...> 15 октября. „Преступление и наказание“ Достоевского», доклад на публичном заседании московского отделения „Вольфила“ (Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 318—319). См. также: *Белоус В. Г.* Андрей Белый — председатель Вольной философской ассоциации (Вольфила) // Вопросы философии. 1996. № 10. С. 113—122.

¹⁰ О ком идет речь, установить не удалось.

¹¹ *Язвицкий Владимир Илюевич* (1884—1957) — литератор. Возможно, речь идет о предполагаемом возобновлении издания — «Жизнь: Ежемесячный литературно-художественный и научно-популярный журнал / Под ред. В. И. Язвицкого» (М.: 16-я тип. МСНХ, 1922. № 1). См. также письма Язвицкого к Федору Сологубу 1916 г. в качестве редактора книгоиздательства «Чайка», газеты «Утро России», с приглашениями в сборники «нового книгоиздательства „Северные цветы“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 792).

¹² Речь идет о жене Федора Сологуба Анастасии Николаевне Чеботаревской (1876—1921). В период обострения душевной болезни, 23 сентября 1921 г., она ушла из дома, тело ее было обнаружено в реке Ждановке лишь 2 мая 1922 г. См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступит. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М.: Наука, 1997. С. 299—301.

2

В. И. Иванов

19 августа 1922 г. Баку

Доверяю Александре Николаевне Чеботаревской полное распоряжение моим имуществом, находящимся на бывшей моей, ныне же ее, квартире в Москве, Б. Афанасьевский пер. 4, кв. 3.

Профессор Бакинского Государственного Университета

Вячеслав Иванов.

Баку,
19 августа 1922 г.

<Печать и заверка>.

(РО ИРЛИ, ф. 189, № 92, л. 63).

И. М. Дегтеревский — Ал. Н. Чеботаревской

До 9 октября 1924 г. Москва¹

Дорогая Александра Николаевна!

До Вашего письма мы все поджидали Вас в Москву, сами же не поехали в Ленинград, потому, что уж очень была мала и криклива наша Наташа. Теперь она выросла, сегодня как раз ей 3 месяца, и все требования ее приняли какой-то более планомерный и, главное, понятный для нас характер.

У Бахрушина² я не был, так как все время поджидал Вас самих. От Вячеслава Ивановича писем не имел, но приходила Ольга Александровна³ и рассказывала, что он писал ей и просил выслать какое-то издание Эсхила, подаренное ему Нилендером⁴ и забытое перед отъездом в комнате Цекубу.⁵ Так как Вы мне такой книги не передавали, то я посоветовал ей написать Вам письмо.

Думаю, что лучше всего поручить хлопоты об охранной грамоте на вещи В<ячеслава> И<вановича> Ольге Александровне, так как при ее обширном знакомстве это гораздо легче можно сделать.

Живем мы тихо и мирно, мало где бываем. На днях выйдет моя книжка «Ленин в художественной литературе».⁶ Работы последнее время довольно много.

Черкните: нет ли известий о В<ячеславе> Ив<ановиче>. Не хворайте, меньше работайте и вспоминайте иногда москвичей, которые Вас всегда помнят и ждут. М. И.⁷ Вас целует.

Ваш И. Дегтеревский.

Р. С. К. О. А. Шор зайду на днях.

(РО ИРЛИ, ф. 189, № 87).

¹ Датируется по письму О. А. Шор к Вяч. Иванову от 9 октября 1924 г. (см. п. 4).

² Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929) — директор и основатель Государственного Центрального Театрального музея в Москве. См. прим. 2 к п. 11.

³ Имеется в виду Ольга Александровна Шор. См. п. 4.

⁴ Нилендер Владимир Оттолович (1883—1965) — поэт и переводчик древних авторов, составитель хрестоматии «Греческая литература в избранных переводах» (М., 1939), включающей переводы Вяч. Иванова. О сотрудничестве Иванова и Нилендера в неосуществленном проекте антологии греческой лирики в русских переводах (1912—1913 гг.) см.: Котрелев Н. В. Материалы к истории серии «Памятников мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эсхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сборник научных трудов. М., 1990. С. 137—143.

⁵ Приглашенный из Баку в Москву для участия в праздновании 125-летия со дня рождения А. С. Пушкина (1924), Иванов до самого отъезда в Италию (28 августа 1924 г.) жил в Доме ученых ЦЕКУБУ (Центральная Комиссия по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР (1921—1931)).

⁶ Сведений о выходе этой книги обнаружить не удалось.

⁷ М. И. — возможно, жена И. М. Дегтеревского.

О. А. Шор — В. И. Иванову

9 октября 1924 г. Москва

9 октября 1924 г. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович,

<...> грустно стало от забот и тревог, которыми новый быт уже на Вас наступает. Денег за мебель Александра Николаевна мне пообещала, но не передала. Я ей послала запрос о них в Петроград, куда она внезапно уехала; как только их получу, сейчас же Вам вышлю. Если «Aeschylī Tragoediae»¹ запоздало теперь не обнаружилось в Вашем багаже, то, надеюсь, Вам недолго придется оплакивать эту потерю. Уж как-нибудь мы Эсхила Вам раздобудем. Не важно же для Вас, чтобы это была физически та же книга. В Москве ее нет. (К сожалению, и я ее забыла). К Дегтеревскому она не попала, хотя именно ему Алекс<андра> Ник<олаевна> передала все оставшиеся, чужие книги. Остается сделать мало правдоподобное предположение, что Ал<ександра> Ник<олаевна> увезла ее с собою в Петроград. Одновременно с этим письмом, посылаю письмо А<лександре> Н<иколаевне> с просьбой прислать мне книгу, быть может, ею спасенную. Если книга будет у меня, то она будет у Вас. Не беспокойтесь: на почте она не пропадет. Одновременно же с этим письмом посылаю письмо двоюродному брату² во Фрейбург с просьбой во что бы то ни стало раздобыть «Aeschylī Tragoediae, ed Al. Kirchhoff» и спешно Вам книгу переслать. Юша свел короткое знакомство с большим магазином, и в моей практике еще не было случая, чтобы он требуемую книгу не достал. Буду очень рада, если мне удастся подарить Вам книжку, без которой Вы не можете работать. <...>

Вашу библиотеку мы пока не тормозили. С Иваном Моис<еевичем> сговорились ее толком переписать и сделать карточный каталог; тогда только ее можно будет расценить.³ Впрочем, мечтаю, что продавать Вам ее не придется и она в том надежном месте, где находится, спокойно дождетя Вашего возвращения. А пророс надежных мест: Зелинский на время своей заграничной поездки поместил свою библиотеку в полуподвальный этаж Академии наук. Во время ленинградского наводнения (о кот<ором> Вы, вероятно, читали) она вся погибла...⁴ Только, ради Бога, не поймите мое à proros в том смысле, будто я Вам советую как можно скорее библиотеку ликвидировать; наоборот, я за ее сохранность совершенно спокойна и меньше всего хотела бы ее продавать. <...>

Буду ждать Ваших поручений и приказаний <...>

Примите сердечный привет Вам и Вашим от душевно, целостно Вам преданной

О. Шор.

¹ Имеется в виду издание: *Aeschylus. Tragoedie* / Ed. A. Kirrhoff. Berlin: Weidmann, 1880 (Перед загл.: Aeschili).

В. Иванов много лет работал над переводом трагедий Эсхила. Именно этот труд стал одной из официальных версий его отъезда из России. В автобиографии 1926 г. он писал: «С осени 1924 научная заграничная командировка для работы по греческой религии и Эсхилу в Италии» (*Иванов Вяч. Евангельский смысл слова «Земля»: Письма: Автобиография* (1926) / Публ., вступит. статья и коммент. Г. В. Обатнина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 167). В заявлении от 1 мая 1926 г. на имя А. В. Луначарского с просьбой о продлении научной командировки в Риме Иванов подчеркивал: «Центром моих незаконченных изысканий служит по-прежнему Эсхил» (Из Римского архива Вячеслава Иванова / Публ. А. Б. Шишкина // Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рици и А. Шишкин. Trento, 1997. С. 558). Об истории ивановского перевода Эсхила и, в том числе, об участии О. А. Шор (чтение корректур, посредничество с издательством) см.: *Котрелев Н. В.* Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила // Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова. М.: Наука, 1989. С. 497—522.

² Речь идет о двоюродном брате Ольги Александровны — Евсее (Иегошуа; домашнее имя — Юша) Давидовиче Шоре (1891—1974), сыне известного пианиста Д. С. Шора. С 1922 г. жил в Германии: Фрейбург, Берлин, Дрезден, позднее переехал в Палестину. Е. Д. Шор переводил произведения В. Иванова на немецкий язык и оказывал существенную помощь в ведении переговоров с издательствами. В Римском архиве Иванова и Иерусалимском архиве семьи Шор сохранилась обширная переписка Иванова и Е. Д. Шора. Фрагменты из нее см.: *Иванов В. И.* Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 760—770; *Сезал Д.* Вячеслав Иванов и семья Шор. (По материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме) // *Cahiers du Monde russe*. 1994. Vol. XXXV (1—2). Janvier-Juin. P. 334—340, 342—352.

³ Сохранилось несколько списков библиотеки Вяч. Иванова. По некоторым из них, составленным самим владельцем и Ал. Чеботаревской, подготовлена публикация Г. В. Обатнина «Библиотека Вяч. Иванова». Списки, составленные Ивановым, с надписью «Для Дегтеревского» находятся в Римском архиве. (См.: *Опись Римского архива Вячеслава Иванова*, № 207). Карточный каталог, о котором идет речь, пока не обнаружен.

⁴ *Зелинский Фаддей Францевич* (1859—1944) — филолог-классик, профессор Петербургского университета, ближайший друг Вяч. Иванова. Уезжая в 1921 г. в Польшу, оставил свой архив и библиотеку Петербургскому отделению Архива Академии Наук. Некоторая часть архивных материалов отложилась также в Римском архиве Вяч. Иванова.

5

М. Б. Гершензон¹ — В. И. Иванову

27 марта 1925 г. Москва

Москва. 27 марта 1925 г.

<...> Еще горе у нас было с Александрой Николаевной,² Вам писали уже об этом. Мы хоронили ее, бедную, через две недели после М<ихаила> О<сиповича>, и лежит она от него в двух минутах ходьбы на Ваганьковском кладбище. <...>

¹ *Гершензон (урожд. Гольденвейзер) Мария Борисовна* (1873—1940) — жена М. О. Гершензона и сестра известного пианиста и композитора Александра Борисовича Гольденвейзера (1875—1961).

² Имеется в виду самоубийство Ал. Н. Чеботаревской 22 февраля 1925 г., случившееся после ее участия в этот день в похоронах скоропостижно скончавшегося М. О. Гершензона (19 февраля). О. А. Шор вспоминала, что «отъезд В. И. глубоко

огорчил Александру Николаевну; она знала, что расстались они навсегда». Дружба с Гершензоном служила поддержкой Александре Николаевне, страдавшей «припадками мучительной тоски, грозно свидетельствующими о гнездящейся в ней наследственной душевной болезни». См. об этом и об обстоятельствах трагического конца Ал. Чеботаревской в комментариях О. А. Шор ко второму тому брюссельского Собрания сочинений Вяч. Иванова (С. 725—726). Это событие поразило многих современников и нашло отражение в их мемуарах и переписке. См., например, мартовское письмо 1925 г. Андрея Белого к Иванову-Разумнику с подробным рассказом о похоронах Гершензона: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 311—312; 320—321.

6

В. М. Зуммер¹ — В. И. Иванову

5 апреля (23 марта) 1925 г. Баку²

Леля Самойлова³ писала, что застрелилась Александра Николаевна Чеботаревская; и другое подобное же известие получено в Баку. Кажется, было об этом и в газетах, так что, по-видимому, сомневаться в этом нельзя.

¹ Зуммер Всеволод Михайлович (1885—1970) — искусствовед, археолог, профессор Бакинского университета. Был знаком с Ал. Н. Чеботаревской, прожившей год в Баку: Вяч. Иванов вызвал ее осенью 1921 г. для помощи своей семье, на которую обрушились тяжелые болезни. См.: *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Д. Мальмстада. М., 1992. С. 98—99. В феврале 1925 г. Зуммер составил и послал В. Иванову список его книг, оставшихся в Баку. Один из разделов списка с надписью: «Сии книги принадлежат Ал. Н. Чеботаревской. Просьба сохранить». В конце приписка Зуммера: «Настоящий список будет положен мною в основание доклада в Нео-Филологическом Обществе: „Библиотека Вяч. Иванова“» (Римский архив Вяч. Иванова).

² Почтовая открытка датируется по почтовому штемпелю.

³ Речь идет о Леле Самойловой, входившей в основанный Ивановым в Баку поэтический кружок «Чаша» (см.: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 100).

7

В. И. Иванов

12 июня 1925 г. Рим

Поручаю Ольге Александровне Шор принимать от моего лица все нужные меры для перерегистрации могил Новодевичьего монастыря, для охранения могил моей семьи (Веры Константиновны Ивановой¹ и Марии Михайловны Замятниной²). Равным образом передаю заботу об охранении могилы моего друга Вл<адимира> Францевича Эрнэ,³ порученную мне его женою, живущею в Тифлисе, Ольге Александровне Шор.

Вячеслав Иванов,
командированный с научной целью за границу.

Рим, 12 июня 1925.

¹ *Иванова (урожд.Шварсалон) Вера Константиновна* (1890—1920) — дочь Л. Д. Зиновьевой-Аннибал (1866—1907) от первого брака, а после ее кончины — жена Вяч. Иванова (с 1911 г.), мать Д. В. Иванова. Скончалась от скоротечного туберкулеза 8 августа 1920 г. «в клинике Московского университета. 6 августа ей минуло тридцать лет. Она была похоронена рядом с Марусей и близко от Эрна на кладбище Новодевичьего монастыря» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 86). Маруся — М. М. Замятнина. О ней и о В. Ф. Эрне см. прим. 2 и 3.

² *Замятнина Мария Михайловна* (1865—1919) — «подруга Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, домоправительница Ивановых, „домашний гений“ их семьи. Ей посвящено множество стихотворений В. И.» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 409). Один из современников поэта вспоминал, что внезапная кончина Лидии Дмитриевны (17 октября 1907 г.) могла «обернуться почти катастрофой для уклада жизни на башне, ибо Вячеслав был самый непрактичный человек на свете. Но хозяйство стала вести Мария Михайловна Замятнина, художавая, энергичная, расторопная и неглупая женщина» (Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Статья, публ., примеч. и пер. К. М. Азадковского // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1993. С. 351 (Лит. наследство; Т. 92. Кн. 5)). В архиве Иванова сохранились его стихи, переписанные Замятниной, а также денежно-хозяйственные документы семьи за 1901—1918 гг., которые вела Мария Михайловна: РО ИРЛИ, ф. 607, № 367, 382.

Описывая послереволюционные годы и тяжелые испытания, не миновавшие и семью Ивановых, Лидия Вячеславовна вспоминала: «Маруся стала слабеть, тело ее опухло; от слабости предметы падали у нее из рук. По совету доктора ее поместили в больницу, где было тепло и кормили более сносно. <...> К ранней весне 1919 года она заразилась там сыпным тифом (была сильнейшая эпидемия) и умерла. Мы похоронили ее на Новодевичьем кладбище, близко от Эрна» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 78).

³ С философом Владимиром Францевичем Эрном (1882—1917) Вяч. Иванова связывали общие научные интересы и теснейшие дружеские отношения. Были близки и их семьи. Л. В. Иванова вспоминала: «<...> я провела зимний сезон 1916—1917 с Эрнами, которые жили у нас на Зубовском бульваре и как бы совсем вошли в нашу семью» (*Иванова Л.* Воспоминания. С. 52). Вскоре Эрн заболевает: «Его хронический нефрит принимает неожиданно острую форму, и после недолгой, но очень мучительной болезни, он умирает. Перед смертью к нему приезжал Флоренский. Похоронная процессия благообразно проводила гроб в Новодевичий монастырь под пение „Христос Воскресе“» (Там же. С. 72). Вдова В. Ф. Эрна Евгения Давидовна Эрн (урожд. Векилова; 1886—1972) писала: «<...> жизнь В. Ф. оборвалась как раз в тот момент, когда он освободился от всех академических обязательств, получил свободу для писания того, к чему стремился все последние годы. Умер В. Ф. за два дня до защиты своей докторской диссертации. Похоронен в Ново-Девичьем монастыре...» (Из письма вдовы В. Ф. Эрна // Вестник Русского Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1983. № 138. С. 97). В Римском архиве Вяч. Иванова хранится переписка вдовы В. Ф. Эрна и их дочери Ирины Владимировны Эрн-Кашниковой (1909—1991) с Лидией и Димитрием Ивановыми.

8

В. И. Иванов — О. А. Шор

13 июня 1925 г.

13.VI.25.

Дорогая Ольга Александровна!

Сейчас — только несколько строк. Ибо я сильно испуган угрозой родным могилам. Кого же и просить мне о заступничестве, как не Вас? Вы не только самый надежный и деятельный помощник мой, не только самоотверженный друг мой, — Вы

стали еще и глубоко близким мне человеком. Ваша душевная чуткость, тонкость и прозорливость таковы, что с Вами могу и хочу я говорить о самом внутреннем и заветном, уверенный в музыкальной верности Вашего сердечного слуха: вот почему, кстати сказать, готов я отвечать и на все Ваши вопросы о моей жизни и душе и однажды навсегда прошу Вас говорить мне и спрашивать меня обо всем с последнею прямою, отстранив всякие (слишком, до преувеличения, свойственные Вам) опасения d'être indiscrete^a и тому подобные условности, разделяющие людей. Я Вам глубоко благодарен за предупреждение и умоляю Вас сделать все возможное для охранения нетронутыми наших двух могил в новой части кладбища Новодевичьего монастыря, находящихся по правую сторону от Скрябинской¹ аллеи, ближе к стене, — а именно могилы Веры Константиновны (+8 августа 1920 г.) и Марии Михайловны Замятниной (+25 марта 1919), отмеченных крестами. За обе могилы были внесены покупные деньги; наблюдение за обеими было поручено покойной Ал<ександре> Ник<олаевне> Чеботаревской. Третья дорогая нам могила — там же: Владимира Францевича Эрн. Его жена и дочь в Тифлисе; кто в Москве наблюдает за могилой, не знаю; необходимо позаботиться и о ней. Искал я в своих бумагах выписку о кончине Веры Конст<антиновны>, взятую из полиции, и не нашел,² но к чему она? Возможно, что я ее уничтожил, отправляясь за границу, как устарелый и ненужный документ; если все же найду, вышлю. Тратьте на могилы из моих денег, выдаваемых ЦЕКУБУ, сколько нужно. И, если придется, прибегните к чьему-нибудь покровительству, чтобы они были за мною и закреплены. <...>

Мои Вас целуют. Дима благодарен за марки.

Приветы Вам и Вашим, и благодарность от всего сердца.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ Композитор Александр Николаевич Скрябин (1871—1915) — также близкий друг Вяч. Иванова. Ему посвящены стихотворения «Воспоминания о А. Н. Скрябине», цикл из 2-х стихотворений «Памяти Скрябина» (*Иванов В. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 531—532; 565*) и статьи (см.: *Мыльщикова И. А. Статьи Вяч. Иванова о Скрябине // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 88—119*). «Было что-то жуткое в его совсем неожиданной смерти, после немногих дней болезни, от случайного заражения крови. Он умер весной 1915 года. Ясное солнечное утро. Торжественная церковная похоронная процессия медленно двигалась, сопровождаемая толпой народа, от его дома до кладбища Новодевичьего монастыря» (*Иванова Л. Воспоминания. С. 59*). 1 мая 1915 г., вскоре после кончины композитора (14 апреля 1915 г.), Иванов писал В. Г. Каратыгину о планах комитета, «выбранного у гроба Скрябина из среды близких и приверженных ему лиц для устройства дел, связанных с культом его памяти». (Текст письма и другие сведения об участии Иванова в Петроградском Скрябинском обществе см.: *Письма Вячеслава Иванова / Публ. А. В. Лаврова // Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог: Публикации. М., 1989. С. 357—359*).

² Свидетельство о кончине В. К. Шварсалон находится в Римском архиве Вяч. Иванова.

^a Быть бестактной (*франц.*).

О. А. Шор — В. И. Иванову

3 июля 1925 г. Москва

3.VII.25. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой
Вячеслав Иванович!

Сегодня получила Ваше письмо. Не благодарю Вас за него потому, что чувство, вызванное им, совсем не похоже на те душевные реакции, кот<орые> можно было бы назвать этим словом.

Но о благодарности и обо всем остальном в другой раз. Сейчас спешу лишь опровергнуть неточные полученные Вами сведения — или предположения Ваши! — насчет пропажи Ваших вещей. Что касается рояля, то он еще осенью прошлого года был не Алекс<андрой> Ник<олаевной>, а мною сдан на хранение. Мне хотелось сдать его в наем (что было бы Вам выгоднее), но Татьяна Ник<олаевна>¹ — (ее, как всех в Москве, тогда уплотняли) — требовала, чтобы я его забрала в самом срочном порядке, и при той спешке я смогла лишь найти верные руки, кот<орые> оплатили доставку и гарантировали абсолютную сохранность инструмента. Итак, рояль Ваш спокойно стоит на М. Никитской 19, в квартире сестры Федора Авг<устовича>,² милой Марии Августовны Поповой. Мне казалось, что я Вам об этом писала. Вероятно, забыла за вереницей смертей.

Сейчас же по получении Вашего запроса, переговорила с Татьяной Николаевной. Ваше бюро она сама видела в Петрогр<аде>, знает, что там же находится какая-то Ваша мебель, но она не помнит, какая именно. К субботе она обещала мне все выяснить, т. к. до тех пор увидится с Ольгой Николаевной.³ До субботы я еще зайду к Дегтеревскому; быть может, и ему что-нибудь известно. Надеюсь, что ничего или очень мало что пропало. Как только узнаю, подробно напишу. Целую Лидию Вяч<еславовну> и Димочку. Вам самый нежный и благоговейный привет от глубоко преданной
О<льги> Ш<ор>.

¹ Имеется в виду *Чеботаревская Татьяна Николаевна* (1880(?)—1968), сестра Ал. Н. Чеботаревской.

² *Степун Федор Августович* (1884—1965) — один из видных писателей и философов, высланных в 1922 г. из России. Друг Вяч. Иванова, автор статьи к его 70-летию «Вячеслав Иванов» (1936) (перепечатано: *Иванова Л.* Воспоминания. С. 373—389).

³ Речь идет о Черносивитовой (урожд. Чеботаревской) Ольге Николаевне (1872—1943), еще одной сестре Ал. Н. Чеботаревской. Биографические данные о сестрах Чеботаревских см.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступит. статья, публ. и коммент М. М. Павловой // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 221—226.

В. И. Иванов — О. А. Шор

27 июля 1925 г. Рим

Рим. 27 июля 1925.

Дорогой друг, Ольга Александровна!

<...> Каждое письмо к Вам, дорогой друг мой, прежде всего, долг благодарения! Что было бы с нами, если бы Вас не было для спасения и успокоения нашего?.. Какая тяжесть отлегла у меня от сердца при первых строках Вашего последнего письма, в которых Вы возвещаете мне, что я могу быть спокойным за судьбу дорогих могил! Я знаю, что это успокоение стоит Вам немалых трудов и забот. Спасибо Вам, незаменимый, бдительный страж, добрый мой гений! И опять прошу Вас взять из посылаемых мне денег, сколько нужно, на поддержание могил. Последнюю посылку Вашу от 27 июня своевременно, с благодарностью, получил. Без академического обеспечения ЦЕКУБУ дело было бы совсем плохо.

Ни слова не писал я Вам до сих пор о бедной Александре Николаевне.¹ Вы угадываете, чего стоило мне пережить страшную весть. Осведомлен я и об обстоятельствах издавна грозившей, и так все же неожиданно, — несмотря на все предчувствия и предвестия, — так беспощадно рухнувшей катастрофы. Образ гибели ее, бросившейся с моста, долго преследовал меня, как ужасное, раздирающее душу видение. Нужно Вам сказать, что незадолго она написала из Петербурга письмо, почти деловое и внешне <и> по содержанию, но столь безумное внутренне, что между строк его я прочел с ужасом близость какого-то трагического конца. Ее мысль была смятена и помрачена, душа ее была глубоко и (как мне показалось) окончательно больна; я сказал Лидии, что наша Кассандра накануне или безумия, или смерти.² В этом смысле ее самоубийство и не самоубийство даже. Роковая предначинанность к нему сказывалась, во всяком случае, и в судьбе ее матери, и в судьбе ее сестры. Сама же она, как я знаю из ее признаний, героически боролась с «Аластором»,³ и религией умела его побеждать — до поры...

Я очень тронут заботою Ф. К. Сологуба о наших вещах, и напишу ему и Татьяне Николаевне. Но достояние наше со смертью Кассандры, повидимому, все же — в значительной, по крайней мере, части, — пропало. Она отдала наш рояль в наем какой-то знакомой, но адрес последней мне неизвестен. Не знаю я также, у кого поставила она мое бюро и другую ценную, особенно по воспоминаниям, мебель нашу (кресла и стулья, сделанные по рисункам Якунчиковой,⁴ старинные стулья петровского времени и пр. и пр.). Быть может, знает обо всем этом Татьяна Николаевна? Не позволите ли ей об этом в досужий день? <...>

Целую Ваши деятельные, дружеские, верные, милые руки.

Ваш Вяч. Иванов.

¹ См. примеч. 2 к п. 5.

² Очевидно, имеется в виду хранящееся в Римском архиве письмо Ал. Н. Чеботаревской к Вяч. Иванову из Ленинграда 4 января 1925 г. Письмо наполнено тоской, желанием по-прежнему жить интересами и проблемами семьи Ивановых. Сообщая о своем самочувствии, Чеботаревская писала: «Болезни мои, как и в прошлый раз, три года тому назад, хотя и имеют вид физических, но скорее исходят из другой области».

³ Аластор (Ἄλαστωρ) — «в греческой мифологии дух мщения. Представление об Аласторе, возникшее в народном веровании, особенно развито трагиками. У Эсхила Аластор являлся демоном-искусителем <...> один первичный грех порождает целый ряд преступлений. <...> У Софокла и Еврипида Аластор иногда не дух-мститель за преступление, уже совершенное, а просто злой дух, толкающий к преступлению, а затем и вообще дух зла и гибели» (Энциклопедический словарь / Под ред. И. Е. Андреевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1890. Т. 1. С. 356). Блестящий знаток и переводчик античной литературы, Иванов, очевидно, обсуждал некоторые темы и сюжеты с Ал. Чеботаревской.

Возможен и иной «источник», объясняющий фразу Иванов: поэма Шелли «Аластор, или Дух одиночества» (1815). В центре ее — образ юноши, пылкого фантазера, потрясенного красотой мира, в одиночестве вообразившего любимое существо. Не найдя его в реальности, он поспешил навстречу Смерти, которая «манила властью чар» в «рай таинственный» (Шелли. Избранные стихотворения / Пер. с англ. В. Д. Меркурьевой. М.: Худож. литература, 1937. С. 24, 22).

⁴ Якунчиковая Мария Васильевна (1870—1902) — художница. Ал. Чеботаревской принадлежит статья о ее произведениях, содержащая и биографические сведения: Художник-друг. (Посмертная выставка произведений М. В. Якунчиковой) // Русская мысль. 1905. № 4. С. 169—172.

11

О. А. Шор — В. И. Иванову

12 августа 1925 г. Москва

12ого августа <19>25 г. Москва.

Глубокоуважаемый, дорогой Вячеслав Иванович!

При обращении к Вам с души срывается такой стремительный поток дум и воспоминаний, что я, боясь как бы он не затопил необходимые спешные вопросы и сообщения, решительно останавливаю его преградой: дела, дела, дела...

На днях снова была в Новодевичьем. Могилы все три окончательно зарегистрированы. Хлопот у меня с ними никаких не было. Что касается денег, о кот<орых> Вы повторно спрашиваете, то я точно еще не знаю, сколько это будет стоить, но во всяком случае какие-то совершенные пустяки. Сочтемся.

Теперь вот какой у меня к Вам вопрос: перерегистрация обеспечивает сохранность могил в смысле их неприкосновенности при предполагающейся перепланировке кладбища, но естественно ни в какой мере не касается их сохранности в смысле нарядности их облика. А надо сознаться, что вид запустения они до некоторой степени все же являют. Особенно нехороша могила Веры Константиновны. Окружающие ее запущенные холмы срослись с нею в одну сплошную травяную массу. Могилу необходимо заново обложить. Для этой цели я свела дружбу с монахиней Грушею,

кот<орая> с холмиками обращается, как с любимыми детьми, и долго водила меня по кладбищу, показывая те, за которыми она ухаживает. Могилы Замят<н>иной и Эрна выглядят лучше. С ними можно пока обождать. Переделывать сразу все три могилы Вам будет трудно; да в этом и нет нужды. Очень бы хотелось знать, что Вы обо всем этом думаете.

Звонил мне как-то Кожебаткин,¹ спрашивал, не изменили ли Вы своего решения расстаться с библиотекой; предлагал взять ее на комиссию и продавать книги поодиночке. Я ему обещала Вас об этом запросить. Полагаю, что делать этого не следует. При ликвидации библиотеки частями деньги будут очень редко капать и Вы их не увидите. Если уж продавать, то только целиком, или отдельно автографы на особых условиях. Кожебаткин хотел прийти ко мне «вплотную» поговорить. Что мне ему сказать? Буду ждать Ваших приказаний. К стати о книгах: давно хотела Вас спросить. У Бахрушина я два раза о них справлялась. Предлагала ему охранную грамоту, от которой он отказался; оставила свой телефон, чтоб он мог позвонить в случае каких-нибудь недоразумений. Он не звонил. Говорил он, что все в порядке. Досадно, что я совсем не представляю себе, каково это «все». Не знаете ли Вы точно, сколько ящиков и корзин ему было отдано?² По списку Дегтеревского проверить ничего нельзя, т. к. Александра Николаевна дала три противоречивые справки: что наличность книг соответствует списку, что в музее имеются книги, кот<орых> в списке нет, и что некоторые из внесенных в список книг находятся у нее на квартире. Конечно, Вячеслав Иванович, я очень виновата перед Вами, что в свое время не добилась от нее четкого ответа, но Вы понимаете, почему я не посмела этого сделать... Хотите, чтобы я принялась за выяснение состава Вашей библиотеки, или Вы считаете, что это все равно ничего не изменит, что не следует ее тормошить? Обязательно напишите мне об этом.

По поводу вещей Ваших разговаривала не только с Татьяной Ник<олаевной>, но и с Ольгой Ник<олаевной>, кот<орая> случайно оказалась в Москве и сама мне позвонила. Она мне сообщила, что у них в Петрограде, кроме бюро Вашего, стоит еще какая-то «старая, причудливая мебель». Точнее она ее описать не умела, количества вещей тоже не помнила, но утверждала, их довольно много: стол, стулья (очевидно, столовые и еще какие-то), ночной столик, всякая мелочь и несколько корзинок. Вам просила передать привет и обещание скоро написать. Далее я выяснять уж ничего не могла: Ольга Ник<олаевна> (с кот<орой> мы общались в первый раз в жизни) вдруг заговорила об Александре Николаевне, сказала прерывающимся голосом, что это ужасно, что до сих пор с этим справиться не может и, громко разрыдавшись, бросила трубку...³

Что касается другой Вашей мебели, то я вспомнила, как Михаил Осипович,⁴ описывая однажды Вашу внезапную страстную привязанность к вещам и такую же внезапную небрежность по отношению к ним, упомянул, между прочим, что какие-то Ваши любимые стулья стоят у одной из Ваших учениц. Вспомнив это, я обратилась за сведениями к Марии Борисовне.⁵ Она сказала, что у

Самойловой⁶ действительно стояла и, может быть, стоит Ваша мебель. Самойлову она обещалась направить ко мне, лишь только та приедет в Москву. Случится это поздней осенью. Спрашивала я про Самойлову и у Чулкова. Он затерял ее адрес. Обидно, что ни он, ни М<ария> Б<орисовна> не помнят ее фамилию по мужу. Не знаете ли ее случайно Вы? Как мужа зовут? Где он служит? Тогда его найти будет легко. Заходила я и к Дегтеревскому. Он уехал отдыхать. Вернется через месяц. Мать его просила Вам кланяться и передать, что крестница⁷ Ваша Вас по бюсту⁸ прекрасно знает и нежно дергает за нос. (Впрочем, последнего она не просила Вам передавать.) Рассказывала она про А<лександр> Н<иколаевну>, что все предшествующее кончине время покойная была страшно обеспокоена тем, что не так распорядилась Вашими вещами, как надо. Все перевозила их с места на место. «Привезет, бывало, оставит часа на 3—4 и опять куда-то заберет их. Совсем безумная была».

Как странно, Вячеслав Иванович, ведь все видели, что «совсем безумная» она была, и все же никто не решился ее выспрашивать даже тогда, когда это было бы необходимо. Вот и к Чулковой⁹ часто приходила А<лександра> Н<иколаевна>, все пыталась покаяться в «смертном грехе». А Над<ежда> Григ<орьевна> (праведно от имени своего религиозного сознания, но совершенно неправильно от медицински) отвечала ей, что «смертных грехов» выслушивать не может, и отсылала больную в церковь. Старого духовника Ал<ександры> Ник<олаевны> там не было и ей пришлось обратиться к его преемнику — (сыну, кажется. Вы его не знаете?). Этот же священник ее и отпевал. Во время его речи становилось до ужаса очевидным, что неспособен он был утешить больную душу, изнывавшую под тяжестью мнимого преступления. Если уж он счел своим долгом что-то говорить и в чем-то оправдываться, то он, естественно, должен был и мог сказать лишь то, что знаете Вы, чувствовалось всеми нами, напрашивалось само собою, — что поступок покойной — припадок безумия — был такой же болезнью, как всякая другая смертельная болезнь, кот<орую> нельзя считать грехом... Нет, он сообщил, что решился отпевать ее после долгих колебаний лишь потому, что она подвергалась самому страшному из всех соблазнов и искушений. Она жила и душа ее гнила в мерзкой среде писателей и так называемых литературных критиков, котор<ые> копаются в своей и чужой порче. Ей можно простить, что она не выдержала такого испытания и погибла...

Слова — самоубийство — он не произнес. Говорил он без конца. Внешне и внутренне немощно звучал его неприятно-напевный дискант после огненных слов Службы. В храме было страшно тесно. Все чужие люди, задержавшиеся после Великопостной обедни. По ним проходило недоумение, порой скверное любопытство. Некоторые подползали с вопросами. Какая-то старуха: «Скажите, что она — убийца что ли?»... Какой-то мальчик: «Да разве она самоубийством покончила?»... Я стояла близ покойной, не могла оторваться от ее лица. Оно было совершенно, благогостно спокойно. Но странно: кожа казалась влажной и чрез нее жутко проступали капли воды, точно глубокие, с трудом проли-

вающиеся слезы. (Потом я решила, что то было воображением, но Мар<ия> Борис<овна> вдруг спросила меня: «А Вы не заметили, что лицо у Ал<ександры> Ник<олаевны> было мокрым?»). Напоминание о последней муке и выражение блаженной тишины заставляли фальшью звучать извиненья и проклятья, оглашавшие церковь. Сердце мучительно сжималось от анафемы поэзии и поэтам, а в голове пронеслись и душу спасительно волновали боговдохновенные ритмы стихов — Пушкинских, Гетевских, Рильковских, Ваших...

Конечно, Вы до конца правы: «ее самоубийство — не самоубийство даже». Больше того: образ ее гибели, Вас долго преследовавший, — в действительности, по-видимому, ничему не соответствует. Судя по всему, Ал<ександра> Ник<олаевна> с моста вовсе не бросалась. Она подошла близко к реке; в воду ее непреодолимо тянуло, и она в нее — бросилась или упала?.. Умерла, вероятно, моментально от разрыва сердца. Во всяком случае матрос, А<лександр> Н<иколаевн>у сейчас же вытащивший, нашел ее уже мертвой. Не только в высшем духовном, но и в самом прямом, эмпирическом смысле, смерть ее, пожалуй, не была самоубийством. А все же не думаете ли Вы, что не в форме...

17.VIII.25 г.

Прервали меня. И довольно основательно. За всей суетой сует никак не могла дорваться до письма. Но я хорошо помню, о чем хотела Вас спросить, потому что давно уже хотела Вас об этом спросить, и потому что вопрос этот молча поставлен темами Вашего письма. Что увело А<лександр> Н<иколаевну> из жизни? Я не о «роковой предначеченности» говорю, сказавшейся «и в судьбе ее матери, и в судьбе ее сестры». Я спрашиваю: что означает смерть «Кассандры» в плане не ее, а Вашей жизни? Есть что-то роковое в дерзании приблизиться к Вам. Ведь А<ександра> Н<иколаевна> — не первая. Пусть даже они, Вас любившие, умершие — погибали внутренне и внешне необходимо, от Вас независимо, следуя своему собственному непреложному закону. Но почему именно они, обреченные, к Вам влекутся? Почему Вы именно их выбираете?..¹⁰ Вам, как никому из людей нашего века, было дано испытать, изжить, узнать трагическую судьбу, трагическую вину, темную душу Рока. Не потому ли Вы теперь так больно, остро, подлинно видите во всем поставленность перед последним выбором? Но Вам не только испытать, Вам сказать дано и Вы не умеете молчать, хотя бы и чувствовали, как при «взрыве всех смыслов» «немеет лира». Вы говорите, что писали бы «большую, важную, оригинальную поэму о России, если бы»...¹¹ Но разве для того, чтобы петь о России, Вам нужно (хотя бы внутренне) — ее видеть и называть? Для этого Вам надо лишь доверчиво всматриваться в свою глубину. Разве все последние вопросы о судьбах страны не решаются, в конце концов, в одиноких, отрешенных душах ее значительных Сынов?.. <...>

Буду бесконечно благодарна, если черкнете хоть несколько слов о себе и своих. <...>

Вам самый сердчный привет от Вашей, безгранично преданной, — везде, всегда

О. Шор.

¹ *Кожбаткин Александр Мелетьевич* (1884—1942) — московский литератор, издатель и библиофил. В 1911—1912 г. был секретарем издательства «Мусагет».

² Речь идет об имуществе, оставленном Ивановым перед отъездом в Италию в Государственном Центральном Театральном музее им. А. А. Бахрушина. Сам Бахрушин называл его «Литературно-театральным» и пополнял свою обширную коллекцию театральных реликвий книгами и автографами произведений и писем писателей. См. заявление Иванова на имя директора музея с просьбой принять на хранение «библиотеку, рукописи, музыкальные инструменты, мебель и сундуки с вещами» (*Обаттин Г. В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 30—31). Однако, в настоящее время «следов» пребывания библиотеки Иванова в Театральном музее обнаружить не удалось.

³ См. прим. 2 к п. 5.

⁴ См. прим. 4 к п. 1.

⁵ См. прим. 1 к п. 5.

⁶ В архиве Ал. Н. Чеботаревской среди расписок лиц, получивших на хранение вещи и книги Вяч. Иванова, имеется и расписка Евгении Львовны Самойловой, датированная 25 июлем 1923 г. «Вещи эти приняты мною на хранение впредь до требования их Вячеславом Ивановичем Ивановым», — заверяет она (РО ИРЛИ, ф. 189, № 24, л. 34).

⁷ Вероятно, имеется в виду дочь И. М. Дегтеревского Наташа: см. п. 3.

⁸ У И. М. Дегтеревского, помимо книг, предметов мебели, принадлежавших семье Ивановых, хранились картины, скульптуры, барельефы: см. в архиве Ал. Н. Чеботаревской составленные им списки (РО ИРЛИ, ф. 189, № 24, л. 35, 41). В данном письме речь идет, скорее всего, о бюсте Вяч. Иванова работы известного скульптора Анны Семеновны Голубкиной (1864—1927). Их знакомство состоялось в Москве, в 1914 г., тогда же начата работа над бюстом. Голубкиной посвящено стихотворение Иванова «Утренняя в гробу» (1914). Их последняя встреча состоялась в Москве, перед отъездом семьи Ивановых в Италию. Весной 1924 г., сообщая сестре о московских знакомых, Голубкина писала: «В. Иванов командирован за границу. Приехал в Москву теперь» (*Голубкина А. С.* Письма. Несколько слов о ремесле скульптора. Воспоминания современников. М.: Советский художник, 1983. С. 96—97). Нынешнее местонахождение бюста Вяч. Иванова — Государственный музей-мастерская скульптора А. С. Голубкиной в Москве.

⁹ *Чулкова Надежда Григорьевна* (1874—1961) — жена Г. И. Чулкова. О сердечных взаимоотношениях свидетельствуют письма Чулкова к Ал. Чеботаревской. В последнем из них, от 1 (13) января 1925 г., Надежда Григорьевна писала: «Говорят, что Вы все страдаете мигренями? Очень это мучительно. Бедная Вы моя! Не жалеете своего здоровья, — живете не по силам» (РО ИРЛИ, ф. 189, № 182, л. 10). См. также ее воспоминания «Вячеслав Иванов», существенно дополняющие книгу мужа, из неопубликованной рукописи «Моя жизнь с Г. И. Чулковым и встречи с замечательными людьми»: *Чулкова Н. Г.* «Ты — память смолкнувшего слова...»: Из воспоминаний о Георгии Чулкове / Публ. и предисл. Л. Ильюниной // *Вестник Русского Христианского Движения*. Париж; Нью-Йорк; Москва, 1989. № 157. С. 125—149. Полный текст книги см.: РО ИРЛИ, Р. 1, оп. 35, № 192, а также: РГБ, ф. 371, карт. 5, № 43; карт. 6, № 1.

¹⁰ Ср. суждение Н. А. Бердяева об этой особенности личности Иванова в философской автобиографии: «В. Иванов был виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо. Но, в конце концов, люди от него уходили. Его отношение к людям было деспотическое, иногда даже вампирическое, но внимательное, широкоблагожелательное» (*Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 154).

¹¹ О. А. Шор откликается на фразу в письме Вяч. Иванова от 27 июля 1925 г.: «Дорогая Ольга Александровна, я писал бы большую важную оригинальную поэму о России, как я ее прежде видел, — если бы я видел в духе России и теперь; но это зрение у меня отнято...» (хранится в Римском архиве Вяч. Иванова). Возможно, здесь говорится о будущей «Повести о Светомире царевиче».

В. И. Иванов—О. А. Шор

18 сентября 1925 г. Рим

Рим, 18 сент<ября> 1925.

Я бесконечно виноват перед Вами, дорогой друг мой, Ольга Александровна: мое чрезмерно долгое молчание непростительно.

<...> очень сожалею, что не написал Вам в ответ своевременно, как благодарен за Вашу заботу о могиле Веры, и что прошу Вас исправить ее из денег, мне присылаемых.

Далее, по вопросу о моих вещах должен я был давно просить Вас — и прошу ныне — выяснить следующий таинственный факт. В августе была у меня Мария Григорьевна Гречанинова¹ и передала мне сорок рублей, полученных ею от Татьяны Николаевны Чеботаревской за продажу какой-то моей мебели. Что же это за мебель, проданная за 40 р.? Как ни нужны деньги, я все же испытал больше тревоги, чем удовольствия. <...>

¹ Имеется в виду жена композитора Александра Тихоновича Гречанинова (1864—1956), автора музыки на стихи Вяч. Иванова.

О. А. Шор — В. И. Иванову

29—30 октября 1925 г. Москва

<...> 30 окт<ября>.

На целые сутки меня прервали. За это время я смогла выяснить вопрос о 40 р. Татьяна Ник<олаевна>, как я и думала, возвратила Вам старый долг Алекс<андры> Ник<олаевны>. Давно еще — Вы, вероятно, знаете от самой А<лександры> Н<иколаевны> — был продан какой-то стол и какой-то шкаф, за кот<орый> А<лександра> Н<иколаевна> Вам не доплатила 4-х червонцев. Вот эти-то деньги Тат<ьяна> Н<иколаевна> и передала Гречаниновой, сказав, что это — за «мебель».

На все затронутые Вами деловые вопросы ответила. К сожалению, Вы ничего не написали мне о своей библиотеке. Впрочем, никто больше по поводу нее со мной не разговаривал. Но мне все же хотелось бы знать Ваши желания на ее счет. <...>

Целую Ваших. Вам самый сердечный привет.

Ваша О. Шор.

В. И. Иванов—О. А. Шор

19 июня 1929 г. Павия—Рим

19.VI.29.

<...> Вздохнул я о славном Бахрушине;¹ вопрос же о книгах те rend tout a fait perplexe.² Прежде всего, никакой расписки из Музея я не брал. Далее, куда мне девать книги, кто их возьмет? Академия? Думаю продать их Академии, — сколько Шпетт² предлагал? Все равно их в глаза не увидишь. Не в Баку же их пересылать к Зуммеру³ или Харьков (Музей)? Издержки большие! Придумайте что-нибудь для меня.

¹ А. А. Бахрушин скончался 7 июня 1929 г.

² Друг Вяч. Иванова философ Густав Густавович Шпет (Шпетт) (1879—1940?) в 1923—1929 гг. возглавлял ГАХН.

³ См. п. 6.

В. И. Иванов — О. А. Шор

8 июля 1929 г. Павия

8 июля 29.

<...> по вопросу о книгах должен иметь Ваши соображения и директивы. Я бы охотно продал Академии эти книги, пользоваться коими мне, по-видимому, в жизни не суждено. Оградить же их — даже и без распыления музеям — разве уж так необыкновенно трудно? Какое прошение подала Мария Борисовна, добрая, в Союз Пис<ателей>? Чтобы они защитили и взяли к себе книги? Есть ведь и еще кое-что, отданное на хранение Сологубу, и, м<ожет> б<ыть>, это знает только Татьяна Николаевна Чеботаревская? Но что я могу сделать отсюда без Ваших советов? <...>

^a Меня совсем озадачил (франц.).

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА ПЕТРОГРАДА НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ

(Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры)

Публикация Т. А. Кукушкиной

Пожалуй, ни в одном из литературных объединений 1920-х гг. не бывало такое многообразие «домашней», кружковой литературы, неперменного атрибута привычного и исчезающего уклада дореволюционной литературной жизни, как в созданном М. Горьким издательстве «Всемирная литература» (1918—1924).¹ Известно несколько шуточных текстов, зафиксировавших сцены из жизни издательства: «Краткая история „Всемирной литературы“ от основания и до сего дня», сочиненная Е. И. Замятиным, пьесы «Ежегодник „Всемирной литературы“: Издание неофициальное» В. А. Зоргенфрея, «Рука Всевышнего издательство спасла: Драма в одном действии. Перевод с зулусского Макса и Морица» М. Н. Рыжкиной и А. И. Оношкович-Яцны,² «Сцена из исторической картины „Всемирная литература“» А. А. Блока,³ а также записи, собранные в альбомах К. И. Чуковского («Чукоккала») и заведующего хозяйственной частью издательства Давида Самойловича Левина.⁴ К кружковой литературе издательства относятся и публикуемые ниже альбомы с автографами сотрудников «Всемирной литературы», принадлежавшие секретарю издательства Вере Александровне Сутугиной и буфетчице Розе (Розалии) Васильевне Руре. В инскриптах А. А. Ахматовой, В. М. Алексеева, А. А. Блока, Н. С. Гумилева, М. Горького, Е. И. Замятина, В. А. Зоргенфрея, Г. В. Иванова, И. Ю. Крачковского, Н. А. Оцупа, Вс. А. Рождественского, Ф. Сологуба запечатлены многие подлинные сюжеты и факты, обозначены ежедневные ситуации и, как следствие, характеристики сотрудников и их взаимоотношения. В общем контексте альбомных записей воссоздаются реалии двух контрастных миров, в которых существовала «Всемирная литература» — мира творческой увлеченности, искренней дружбы и взаимоподдержки, царившей в издательстве, и конкретной бытовой среды Петрограда времен военного коммунизма. Характерная для публикуемых альбомов В. А. Сутугиной и Р. В. Руры разговорная интонация, обмен репликами авторов записей с хозяйками альбомов и друг с другом, создают иллюзию некой пьесы, из мельчайших деталей которой, словно из мозаики, складывается сложная картина бытования петроградских литераторов.

Издательство, учрежденное в сентябре 1918 г.⁵ (с отделением в Москве, а с 1923 г. — и в Берлине) при Наркомпросе на автономных началах, предполагало оз-

накомить русского читателя со всей мировой культурой, выпустив книги в новых переводах. В состав руководящей литературно-издательской группы, возглавляемой Горьким, входили З. И. Гржебин, И. П. Ладыжников, А. Н. Тихонов (заведующий издательством), в Коллегию экспертов, руководившую научной работой — К. И. Чуковский, Е. И. Замятин (заведовали изданием англо-американской литературы), Н. С. Гумилев и А. Я. Левинсон (французской), А. А. Блок, Ф. Д. Батюшков и Ф. А. Браун (немецкой), А. Л. Вольтинский (итальянской), Г. Л. Лозинский (португальской). В организованном в 1919 г. Восточном отделе Коллегии переводами с арабского языка руководил академик И. Ю. Крачковский, с индийского — академик С. Ф. Ольденбург, с монгольского — академик Б. Я. Владимирцов, с китайского — академик В. М. Алексеев. О грандиозных замыслах «Всемирной литературы» свидетельствуют Каталоги западной и восточной литературы, намеченной к выпуску.⁶ Изданный на четырех языках Каталог западной литературы включал около 1200 авторов. Фактически вся творческая интеллигенция Петрограда участвовала в работе издательства. Уже к началу 1919 г. его штат насчитывал 350 человек.

Впервые в истории переводческой практики в издательстве был введен штат профессиональных редакторов, выработан научный подход к подготовке переводов, издана брошюра «Принципы художественного перевода» (Пг., 1919), для обучения молодых переводчиков открыта Студия художественного перевода, трансформировавшаяся затем в Литературную студию. Книги выпускались в нескольких сериях: «Основной», со вступительными статьями, содержащими биографию автора, очерк эпохи, и комментариями историко-литературного характера; «Народной» — с облегченными предисловиями; «Новости иностранной литературы»; «Детская иностранная литература»; «Мемуары Французской революции». В «Основной» серии планировалось издать 1500 книг, в «Народной» — 2500 при тираже 10—20 тысяч экземпляров. В 1919 и 1920 гг. вышли в свет два сборника «Литература Востока» со статьями об индийской, китайской, арабской, японской, маньчжурской, монгольской, абиссинской, финикийской, коптской литературе. С 1922 г. издавались журналы «Современный Запад» и «Восток». В результате кропотлившей работы с 1918 по 1922 г. было подготовлено около 900 названий книг,⁷ издано же всего 59.⁸ Только в 1923 г. Западный отдел издательства подготовил к печати 272 произведения, Восточный — 167.⁹ С середины 1919 г. руководители издательства намеревались выпускать и произведения русских писателей XIX—XX вв. Тогда же «Всемирной литературе» были переданы издательские планы Союза деятелей художественной литературы.¹⁰ Среди малоизвестных начинаний Русского отдела — подготовка книг по истории искусства, естествознания, педагогики, настольных энциклопедических словарей, современной политической литературы.¹¹ В подготовке задуманного отделом журнала «Человек и природа» в 1920 г. участвовали ученые-естествоведы А. С. Догель, О. Д. Хвольсон, Н. А. Холодковский.¹² По замыслу Горького сосредоточение издания всей русской и иностранной литературы во «Всемирной литературе» позволило бы превратить ее в центр, координирующий всю издательскую деятельность страны.

Собранная издательством уникальная библиотека в апреле 1923 г. насчитывала 80 тысяч томов и была «самым полным в России собранием иностранных книг, <...> одним из крупнейших, посвященных этому предмету книгохранилищ Европы».¹³ Издательство имело книжный магазин,¹⁴ устраивало книжные выставки.¹⁵ «Это предприятие, — вспоминал К. Л. Зелинский, — не было издательством в обычном смысле слова. Это было что угодно — великое мечтание о победе книги над хаосом, артель поэтического труда, крестовый поход культуры, план дворца из лучших поэтических слов всех времен и народов, — но только это не было канцелярией с ее промфинпланом и точным подсчетом ресурсов».¹⁶

Издательство с такими универсальными, самостоятельными планами, успешно осуществляемыми сплоченным коллективом профессионалов, к тому же, оппозиционно настроенных к советской власти, постепенно становилось серьезным конкурентом созданному в мае 1919 г. Государственному издательству. Заведующий Петроградским Госиздатом Илья Ионович Ионов (наст. фам. Бернштейн; 1887—1942; умер в заключении) неоднократно пытался присоединить издательство к отделу иностранной художественной литературы ГИЗа, полностью лишив его самостоятельности. С декабря 1920 г. «Всемирная литература», сохраняя определенную автономию, уже входила в состав Госиздата. После отъезда Горького за границу (в октябре 1921 г.) издательство претерпело ряд реорганизаций, ограничивших его самостоятельность и 13 декабря 1924 г. по приказу Ионова, назначенного на должность заведующего Госиздатом РСФСР, было закрыто. Издательские планы в силу различных причин (отсутствие денег, бумаги, покупательского спроса в условиях гражданской войны, эмиграция многих переводчиков и членов коллегии) были осуществлены лишь в незначительной степени. Подготовленные «Всемирной литературой» книги нередко выходили в других издательствах: «Госиздат», «Мысль», «Петрополис», «Academia», где с начала 1931 г. работал А. Н. Тихонов. Большая часть работ осталась неизданной.

Значение «Всемирной литературы» не исчерпывается ее научно-литературной и издательской деятельностью. В условиях незначительных издательских возможностей и безработицы среди творческой интеллигенции, недостатка продовольствия и топлива, издательство в течение четырех трагических лет (1918—1921) было одним из центров Петрограда, оказывавших литераторам существенную поддержку в их повседневной борьбе за физическое выживание.¹⁷ Положение, в котором оказалась творческая интеллигенция Петрограда, причисленная к буржуазии, отчасти было обусловлено объективными причинами послевоенного и послереволюционного времени, в большей же степени — искусственно создано государственной политикой и руководством города, приложившим немало усилий для насильственной «перековки» оппозиционной интеллигенции.¹⁸ Противостояние, в той или иной степени продолжавшееся вплоть до переломного 1929 г., наиболее сильно проявилось в первые годы существования советской власти.¹⁹ Подавлением инакомыслия был пронизан весь уклад новой жизни, начиная от вторжения в быт,²⁰ до возможности иметь работу и питание. Политика всеобщей национализации, «хлебной монополии», запрета свободной торговли оказалась мощным рычагом воздействия на все слои населения, в особенности же — на защищенную интеллигенцию. Разрушение прежнего аппарата продовольственного снабжения уже в первые послеоктябрьские месяцы привело к резкому сокращению подвоза продуктов к Петрограду и уменьшению нормы выдачи по введенным еще во время войны карточкам. Основываясь на сведениях, почерпнутых из газет и архивных документов, попытаемся реконструировать условия существования петроградской интеллигенции в 1918—1921 гг.

«12 января в некоторых продовольственных лавках совершенно не оказалось хлеба; стоявшие в хвостах женщины пытались разгромить лавки, заявляя, что все равно „приходится подыхать с голоду“».²¹

«27 января в Петрограде вновь понижается хлебный паек до 3/8 фунта».²²

«Уменьшение хлебного пайка все тяжелее переносится населением Петрограда. Недоразумения на почве недостатка хлеба участились. <...> В Рождественском районе было два случая нападения толпы на проезжавших по улицам ломовых извозчиков с мукой».²³

«Жизнь в Петрограде становится невыносимой, продовольственные организации покидают столицу, и хотя карточная система действует, но продуктов очень мало: хлеб дается по 1/8 фунта в день, и притом это не хлеб, а какая-то мякина; на улицах можно достать хлеб с трудом, по 5 рублей за фунт. <...> Судя по регистрации детской смертности, количество умирающих детей сильно увеличивается».²⁴

Экономическая ситуация обострилась после переезда Советского правительства в марте 1918 г. в Москву, введения декрета об аннулировании всех государственных процентных бумаг (что означало крах всех культурно-просветительских организаций) и постановления по борьбе со спекуляцией, почти полностью запрещающего гражданскому населению ввоз в город продуктов. Описывая голод, грязь, запустение в блокированном Петрограде, корреспондент газеты «Вечерние огни» Ивич ²⁵ размышлял:

«Такая картина в Петрограде. В Москве уже совершенно иное. Хотя и дорого, но почти все есть и почти всего вдоволь. <...> Можно подумать, что Москва где-то на Северном полюсе и что из Москвы нет сообщения с Петроградом, иначе чем можно объяснить, что из Москвы нет никакого подвоза к Петрограду. Не надо и в Москву ездить: под носом у нас — в Твери и Любани живут совсем по-человечески. В лавках колбаса, сыр, масло, на рынках мясо, картошка, творог. Благодать, а не жизнь. Рукой подать, Любань, а вот подите, не везут и везти не велят. Пешком куль картошки на спине можете принести, а в поезде не разрешается. Петроград кругом огородили заставы и таможни: ни самому выехать, ни закупить не позволяют. Можно было бы оправдать, если строгости относились бы к торговцам и так называемым „спекулянтам“, но когда у голодных людей, которые тратят 30 рублей на дорогу, чтобы привезти 10 фунтов масла, это масло отбирают на десятой версте от Твери, тут уже идет не борьба с мародерством, а травля и без того загнанных людей. <...> Петроград терпит и не отказывается терпеть. Он сделал революцию, когда давали по фунту хлеба на человека, а теперь мирится с тремя восьмыми, смешанными с соломой, он отказывается понять, почему на всех путях <...> поставлены рогатки, а у рогаatok досмотрщики, и почему город сам себе создал осадное положение».²⁶

«С продовольствием день ото дня хуже. <...> Петроград становится пустым, покинутым и вымирающим городом, к которому закрыты все ходы и выходы. На железных дорогах и на больших шоссе устроены засады и досмотры, и ни одного пуда не то что для торговли, но и для себя не пропускают ни под каким видом. <...> Из-под полы все можно достать: муку по восемь, по десять рублей, масло по двадцать, сахар, хотя и с трудом, но тоже находится».²⁷

В конце весны 1918 г. последовала новая мощная волна экономического давления на интеллигенцию (буржуазию), вызванная антибольшевистскими выступлениями в печати партии правых эсэров.²⁸ 18 мая на чрезвычайном собрании Петроградского Совета его председатель Г. Е. Зиновьев в обвинительной речи в адрес буржуазии произнес приговор, определивший дальнейшую политику городских властей: «<...> нечего греха таить, господа меньшевики и эсеры не только угрожали и писали, они и сделали все возможное, чтобы <...> нарушить транспорт, чтобы посеять вражду против нас, чтобы подорвать Советскую власть саботажем. <...> Это изменники и злейшие враги рабочего класса».²⁹ Принятое тогда же Петроградским Советом постановление об увеличении пайка рабочим за счет нетрудящегося населения

положило начало планомерной реорганизации всего дела распределения продовольствия и предметов первой необходимости. Все слои населения разделялись по классовому принципу на категории для получения продовольственного пайка и прочих бытовых льгот. Творческая интеллигенция, как «элемент нетрудящийся», была отнесена к последней категории. С этого момента голод, от которого страдало все население Петрограда, стал особой «привилегией» деятелей русской культуры. Число категорий менялось, но принцип отнесения интеллигенции к самой низкой из них оставался неизменным в течение нескольких лет. С 21 июня 1918 г. введен в действие декрет Совета комиссаров трудовых коммун Северной области «О продовольственных карточках по 4-м категориям»,³⁰ с декабря 1918 г. вновь введена трехступенчатая система классового разделения, согласно которой в последнюю категорию зачислялись «лица свободных профессий (юристы, врачи, литераторы и пр.)».³¹ В декрете «О продовольственном вопросе», принятом вторым съездом Советов трудовых коммун Северной области, констатировалось, что вина за голод, «от которого страдает исключительно рабочий класс и беднейшее крестьянство, падает всецело на буржуазию», мерами борьбы с голодом объявлялась последовательная монополизация продуктов питания, установление в городе твердых цен, развитие общественного питания.³² По постановлению Петроградского Комитета продовольствия с 16 октября 1918 г. закрыты все частные рестораны, столовые, чайные, закусовые, запланировано расширение сети государственных столовых, обеды в которых отпускались по тем же категорийным карточкам.³³ С 1 октября 1918 г. третьей категории граждан (лица свободных профессий) отказано в прикреплении к столовым.³⁴ По свидетельству А. Е. Бадаева (1883—1951), председателя Петроградской продовольственной управы и комиссара продовольствия Петроградской трудовой коммуны и Северной области, к июлю 1919 г. в городе было создано более 200 столовых и все население переведено на коммунальное питание.³⁵ Приведем выборочно данные о движении нормы выдачи по хлебным карточкам, публиковавшиеся в «Петроградской правде».

Норма выдачи на 9 июля 1918 г.: «По 1-й категории — $\frac{1}{4}$ фунта хлеба, 1 фунт рыбы; по 2-й категории — $\frac{1}{8}$ фунта хлеба, $\frac{1}{2}$ фунта рыбы; по 3-й категории — $\frac{1}{8}$ фунта хлеба, 5 штук сельдей; по 4-й категории — $\frac{1}{16}$ фунта хлеба, 3 штуки сельдей».
(1918. 9 июля. С. 3).

Норма выдачи на 2 дня, 12 и 13 августа 1918 г.: «вследствие неприбытия и полного истощения хлебных грузов, <...> на два дня по хлебным категориям будут выданы следующие продукты: по 1-й категории — 2 яйца, $\frac{1}{4}$ фунта шпика и 2 фунта рыбы; по 2-й категории — $\frac{1}{8}$ фунта шпика, 2 фунта рыбы; по 3-й категории — 1 фунт рыбы и 5 штук сельдей; по 4-й категории — 5 штук сельдей».
(1918. 11 августа. С. 1).

Норма выдачи на 24 и 25 августа 1918 г.: «По 1-й категории — $\frac{1}{2}$ фунта жаровара или хлопкожара, 5 сельдей; по 2-й категории — $\frac{1}{8}$ фунта растительного масла, 5 сельдей; по 3-й категории — 5 сельдей; по 4-й категории — 3 сельди».
(1918. 23 августа. С. 3).

Норма выдачи на 2 дня, 9 и 10 сентября 1918 г.: «По 1-й категории — $\frac{1}{4}$ фунта хлеба и 3 сельди; по 2-й категории — 4 сельди; по 3-й категории — 2 сельди».
(1918. 10 сентября. С. 3).

Норма выдачи на 2 дня, 15 и 16 сентября 1918 г.: «По 1-й категории — 1/2 фунта рыбы и 5 сельдей; по 2-й категории — 4 сельди. Вследствие истощения запасов продовольствие по 3-й и 4-й категории выдаваться не будет». (1918. 15 сентября. С. 5).

Норма выдачи на три дня, 31 декабря 1918 г., 1 и 2 января 1919 г.: «Вследствие исключительно тяжелых обстоятельств, переживаемых Петроградской трудовой коммуной в области продовольствия, вызванных недостатком транспортных средств и снежными заносами, Комитет продовольствия вынужден снова выдачу хлеба заменить в значительной части овсом, а посею на вторник 31 декабря, среду и четверг 1 и 2 января 1919 г. будет выдано населению на 3 дня: по 1-й категории — 3 фунта овса и 1/2 фунта хлеба; по 2-й категории — 1 1/2 фунта овса и 1/4 фунта хлеба; по 3-й категории — 3/4 фунта овса».

(1918. 31 декабря. С. 4).³⁶

Одновременно «Петроградская правда» из номера в номер помещала информацию о прибытии в город продовольствия, особенно в урожайные месяцы август-сентябрь. Сравним, к примеру, сообщение о норме выдачи на 12 и 13 августа (см. выше) с опубликованным в том же номере газеты сообщением:

«За 9 августа Комитету продовольствия прибыло 6 вагонов хлебных грузов, в том числе 3 вагона овса, 26 вагонов муки и 1 вагон пшеницы. <...> Кроме того прибыло: 1 вагон картофеля, 4.110 п<удов> растительного масла, 1 вагон соли, 1 вагон крупного рогатого скота».³⁷

По введенным в июне 1918 г. особым карточкам рабочему населению дополнительно к повышенному хлебному пайку дважды в неделю выдавались ненормированные продукты по сниженным ценам (рыба, огурцы, мед и пр.).³⁸ Пайковая система распределения продуктов по категориям существовала вплоть до введения НЭПа. По установленной с января 1921 г. системе дополнительной бесплатной выдачи продуктов по карточкам «ударной» категории, прикрепленным к столовым, в феврале 1921 г. выдавалось 250 штук папирос, 1 фунт сахарного песка, 1 фунт соли; по карточкам той же категории, прикрепленным на сухой паек, дополнительно — по 3 фунта мяса и 2 фунта крупы; по карточкам категории «А» — 125 штук папирос, 1/2 фунта сахарного песка, 1/2 фунта соли; для категории «В» — 1/2 фунта сахарного песка, 1/2 фунта соли.³⁹ В мае 1921 г. «ударной» категории на день выдавался 1 фунт хлеба, категории «А» — 1/2 фунта, категории «Б» — 1/4 фунта.⁴⁰ «Нетрудовая» интеллигенция в новую систему бесплатного распределения не была включена.⁴¹

По классовому принципу «нетруждающимся» литераторам и журналистам отказывалось и в регистрации литературных объединений в Центральном совете профсоюзов, что лишало их права на разрешенную профсоюзным организациям с августа 1918 г. организацию продовольственных отрядов для закупки ненормированного продовольствия в других губерниях.⁴² К осени 1918 г. с введением жесткой цензуры, конфискацией многих издательств и типографий, закрытием большинства газет,⁴³ литераторы и журналисты полностью потеряли не только возможность творческой работы, но и единственную возможность заработка. Положение усугублялось и катастрофическим ростом цен. Приведем сравнительную таблицу роста цен на основные продукты питания и предметы первой необходимости с 1914 г. по 1918 г., опубликованную в газете «Вечерние огни»:

	1914		1917		%	1918		%
	руб.	коп.	руб.	коп.		вздорж.	руб.	
Хлеб		3		7	130		28	930
Мясо		22		48	118	4		1800
Свинина		25	3		1200	7		2800
Телятина		25		90	360	5		2000
Масло		40	2	40	600	12		3000
Молоко		10		20	100	3		3000
Яйца		30	1		330	2	50	2600
Сыр		30	1	80	600	12		4000
Сельди		5		20	400		80	1400
Сахар		15		15	—	1	50	1000
Чай		2	2		50	10		500

Цены на предметы первой необходимости

Ситец		10	1	20	1200	2	40	2400
Сукно	2		40		2000	60		3000
Ботинки	8		32		400	100		1250
Сапоги	12		50		420	300		2500
Галоши	2		8		400	15		750
Спички		8		60	750	1	80	2200
Керосин		4		10	250		25	625
Дрова	8	50	50		600	150		1750 ⁴⁴

К весне 1919 г. цена за фунт хлеба из-под полы составляла 30 рублей (75 за килограмм), весной 1920 г. — уже 300 рублей. К январю 1920 г. покупательная способность рубля упала в 5000 раз. Литературный Петроград, лишенный элементарных прав, предоставляемых лицам других профессий, на несколько лет погрузился в голод.

В первое трехлетие после Октября деятельность всех литературных объединений Петрограда, дореволюционных и вновь созданных, была сосредоточена на защите юридических и экономических прав творческой интеллигенции. Посильную материальную поддержку в виде единовременных денежных пособий оказывало и Общество взаимопомощи литераторов и ученых, руководимое А. Е. Кауфманом, и дореволюционный Петроградский союз профессиональных журналистов,⁴⁵ открывший в сентябре 1918 г. с разрешения Наркомпроса столовую для литераторов и журналистов. Аналогичные цели были и у Союза деятелей художественной литературы. Деятельность Дома Литераторов, открытого 1 декабря 1918 г., в первые полтора года почти всецело была направлена на облегчение условий жизни литераторов и журналистов. Поддерживал литераторов и Дом Искусств, возникший через год, 19 декабря 1919 г. Петроградское отделение Всероссийского Союза писателей, созданное в июле 1920 г., в августе уже обращалось в Совнарком с ходатайством об улучшении быта писателей: «Организовавшийся в Петрограде Отдел Всероссийского профессионального союза писателей, поставивший себе целью улучшение быта профессиональных работников литературы, обращается в Совнарком с ходатайством о скорейшем оказании писателям продовольственной поддержки в виде постоянно выдаваемых пайков в размере существующего ныне ученого пайка. Прошлую зиму петроградские литераторы провели в бытовых условиях, почти парализовавших возможность работы. Смертность среди литераторов, как неоднократно указывалось высшим властям представителями литературных организаций, достигла небывалого процента. Пагубная для государства убыль литературных сил увеличивается еще и тем, что тяжелые

условия жизни вынуждали и вынуждают деятелей литературы покидать свою профессию. <...> Мы уверены, что Правительство поспешит предоставить и проживающим в Петрограде писателям в лице Петроградского отдела Всероссийского союза писателей 700 пайков, причем распределение этих пайков берет на себя Правление означенного Союза в следующем составе: А. Л. Вольтский, Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, Макс<им> Горький, Л. Я. Гуревич, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов и К. И. Чуковский». ⁴⁶

Но в первый послереволюционный год лишь «Всемирной литературе», первоначально активно поддерживаемой Наркомпросом и, в значительной степени, заместителем комиссара народного просвещения в Петрограде З. Г. Гринбергом, ⁴⁷ удалось стать единственным прибежищем литературной и научной интеллигенции, символом дореволюционной жизни с кругом прежних друзей и знакомых, привычной творческой работой и выплатой гонораров. Организованный в издательстве закупочный отдел снабжал сотрудников привезенными неномированными продуктами, ⁴⁸ в качестве платы за работу выдавались трудовые пайки, ⁴⁹ неумолимый захват издательства Д. С. Левин, вошедший в историю литературы как «дровяник» Левин, всеми правдами и неправдами пытался раздобыть для сотрудников дрова. ⁵⁰ На страницах его альбома развернулась целая поэма о дровах, авторами которой были Блок, Гумилев, М. А. Кузмин, Чуковский, Оцуп.

Альбомы сотрудников «Всемирной литературы» — явление необычное для жесткого послереволюционного времени, но вполне органичное для замкнутого коллектива издательства с его особым микроклиматом взаимного уважения, дружбы и взаимоподдержки, — сохранили типовые черты литературно-бытового альбома XIX в. и продолжили традиционный ряд кружковой литературы дореволюционных писательских объединений. ⁵¹ Записи в публикуемых альбомах В. А. Сутугиной и Р. В. Руры, а также в известных альбомах Д. С. Левина и К. И. Чуковского («Чукоккала»), корреспондируя друг с другом, в совокупности представляют собой целостный текст, позволяющий реконструировать и внутреннюю творческую атмосферу издательства, и многие бытовые реалии.

* * *

Любимица издательства Вера Александровна Сутугина (в замужестве Кюнер; 1892—1969) родилась в семье географа, преподавателя Санкт-Петербургского университета Александра Петровича Сутугина, окончила Высшие Бестужевские курсы и Археологический институт по специальности «Древняя Греция» и «Рим». С началом Первой мировой войны добровольно пошла на курсы медсестер и до 1918 г. работала в санитарном поезде и военном лазарете. С 1918 г. служила в издательстве «Всемирная литература» секретарем Коллегии экспертов, редколлегии журналов «Восток» и «Современный Запад», личным секретарем заведующего издательством А. Н. Тихонова, некоторое время — Горького. Ум, образованность, талант человеческого общения, необычайная душевная щедрость и даже жертвенность снижали ей любовь и уважение всех сотрудников. Здесь завязалась искренняя дружба В. А. Сутугиной с такими разными людьми, как А. Л. Вольтский, В. А. Зоргенфрей, И. Ю. Крачковский, сложились доверительные отношения с Ахматовой, А. Ф. Кони, Сологубом, Тихоновым, Чуковским, сохранившиеся на многие годы. Через тридцать с лишним лет, вспоминая о совместной работе в издательстве, Чуковский писал ей: «Помню, что все мы, „всемирные литераторы“, относились с глубочайшим почтением к Вашей квалифицированной, умной работе, к Вашим энциклопедическим знаниям, что Вас — Вашу своеобразную духовную личность любили и академик Крачковский, и академик Ольденбург, и акад<емик> Алексеев, и Лозин-

ский, и Замятин, и Тихонов».⁵² Она обладала редкой способностью вызывать дружескую симпатию и расположение несмотря на прямолинейные, порой нелестные характеристики окружающих. В одном из поздних писем Крачковскому Сутугина вспоминала, как однажды «сказала Сологубу, что его сбор<ник> „Благовест“ — плохой (за что он меня чуть не побил и назвал зеленой ослицей), Замятину, что его язык искусно вывихнутый, Лозинскому, что его стихи скучны, не говоря уже о Фроше (прозвище Зоргенфрея. — Т. К.), который меня звал строгим другом и нежным врагом».⁵³ И называли ее в издательстве по домашнему — Вива.

Особая дружба сложилась у В. А. Сутугиной с «восточниками», вместе с которыми она самоотверженно работала над выпусками журнала «Восток». В память о ее участии в создании этого журнала В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов оставили трогательные надписи на двух номерах журнала (1922. Кн. 1; 1925. Кн. 5):

«Верному знаменосцу „Востока“, твердо державшему знамя с первого № и не выпустившему его до пятого. И. Крачковский. 26/111 <19>25»;

«Душе „Востока“, самой верной и преданной из его адептов Вере Александровне Сутугиной — с искренней любовью и благодарностью. А. Тихонов. <19>25»;

«Дорогой и искренне уважаемой Вере Александровне Сутугиной, с которой пришлось так хорошо и дружно работать. Уверен, что поработаем еще вместе и над „Востоком“. Искренне преданный Сергей Ольденбург. 26.111.1925».⁵⁴

«Хранительница очага» и строгая домоправительница издательства, Вера Александровна не раз изображалась в «домашней литературе» издательства. В «Краткой истории „Всемирной литературы“...» выведена в образе «Фидеи», что значит «верная». Фигурирует она и в «Ежегоднике...»: «К нему (Тихонову. — Т. К.), как не приходишь, а он на кресла и кричит, развалился: „Лишь мы работники Всемирной!“ И даже к себе не пускает, а гонит к секретарю, из дворовых девок, Верка. А секретарь, тот курит и разъясняет все не к пользе трудящихся. При такой теории относительности и дело идет не по-пролетарски».⁵⁵ В пьесе «Рука Всевышнего издательство спасла» Коллегия, обсуждая пути спасения секретаря, которого намеревается отобрать Госиздат, задумывает либо спрятать ее в Доме Литераторов, либо «перевести» на иностранные языки, и в конце концов принимает дерзкое решение, высказанное Замятиным: «Нет, я утверждаю смело, / Мы вам не выдадим ее! / Погубим собственную шкуру, / Всемирную Литературу- / Все состояние свое...».⁵⁶ Упоминается она и в «Кантате» М. А. Кузмина, сочиненной к Рождеству 1923 г., и в шуточной частушке неустановленного автора, написанной, по-видимому, в конце 1921 г. после отъезда многих членов Коллегии за границу. Как образец «домашней литературы» издательства приведем полностью оба стихотворения:

Кантата

Всемирная литература,
Известно всем, что не халтура,
Здесь переводчиков есть цех,
Что знают дело лучше всех.
От центра до глухих окраин
Известен также и хозяин:
Он добрый малый и не плут,
Все Тишей здесь его зовут.

Есть две еще персоны:
Замутит и Корней;
Стихов блюдут законы
Лозинский, Зоргенфрей.
Классичных па ревнитель
Витийственный Аким,
Из дев на всю обитель
Одну лишь мы храним.
Тем не менее прекрасно
Процветает наш приют,
Пишут, пишут, переводят,
Но авансов не дают.
Изучивши век прошедший,
За двадцатый принялись,
До последних криков моды
Наконец мы добрались.
Символисты, футуристы,
Это, право, ерунда,
Вот теперь экспрессонистов
Предлагаем, господа.
И жива литература,
И всемирна, и славна,
Не напрасно эта фирма
От Максима нам дана.

М. Кузмин,
(1923 г. Январь).³⁷

* * *

Ели мы фасоль с пшеном,
Пищу жирную,
Ну-тка, песенку споем
Про «Всемирную».
Скоро станет вся земля
Горой лысою,
Роза скрылась с корабля
Первой крысою.
Я сижу в углу один
И мяукаю,
Браун кинулся в Берлин
За наукою.
Нехороший снится сон
И сбывается,
За границей Левинсон
Хрипло лается.
Довелось вчера кутнуть —
Похлебали щей,
Горький вздумал отдохнуть
От товарищей.
Нет прекрасных горьких глаз,
Нет таланненького,
Улетел и сам Пегас
С марки Анненкова.

В самоваре медный кран,
 Чайник с носиком,
 Удалился Сильверсван
 С «Евпетросиком».
 Мы в Астории сидим,
 Пьем шампанское,
 Принял подданство Аким
 Итальянское.
 Нет у Розы папирос
 И для Шкловского,
 Ах, остался только нос
 У Чуковского.
 Ходят по полю быки
 Чернопегие,
 Нос повесила с тоски
 Вся коллегия.
 Касса нас берет в тиски,
 Где телятина,
 Жду пожатия руки
 От Замятина.
 Мы готовимся к посту,
 Даже стих не нов,
 Остается на посту
 Только Тихонов.
 Ходит каждый кошкой злой,
 Кошкой серою,
 Мы утешены одной
 Тетей Верою.
 Что же. Будем отвечать
 Всем имуществом,
 Дружно славу пропоем
 Остающимся.⁵⁸

Судьба Веры Александровны сложилась так, что годы работы во «Всемирной литературе» стали самым ярким эпизодом в ее жизни. После закрытия издательства она работала секретарем Ленинградского отделения Госиздата. В 1931 г. была арестована и после нескольких месяцев тюремного заключения выслана в г. Данилов Ярославской области, вернулась в 1932 г. В 1935 г. в ходе кампании «дворянских чисток» вторично арестована и выслана вместе с матерью в Куйбышев. В одном из писем Крачковскому, переданном в Ленинград с оказией, она рассказывала о причине своей высылки: «На мой вопрос, за что и почему, было отвечено, что против меня и матери ничего не имеют, но так как я родилась и выросла при старом режиме, а Ленинград хотят сделать пролетарской крепостью, то они не могут доверять „дворянской психологии“ в случае войны и т<ак> д<алее>. <...> Моя высылка была, так сказать, профилактической».⁵⁹ В Куйбышеве работала машинисткой в различных организациях, затем медстатистом Областной эпидемиологической станции. Намеченное на лето 1941 г. возвращение в Ленинград не состоялось из-за начавшейся войны. В связи с планировавшимся переездом правительства в Куйбышев из города выселили всех переселенцев и уголовников и Сутугина попала в г. Сенгилей (тогда — Куйбышевской, затем Ульяновской области), где и прожила до 1961 г., работая на санэпидемиологической станции.

Единственной радостью Веры Александровны все годы ссылки были письма друзей по «Всемирной литературе» — Крачковского и Чуковского, присылаемые ими книги. Нередко они поддерживали ее и материально. Купив на деньги, присланные

Крачковским, старенькие валенки и дрова, она растроганно благодарила его: «Ощущение дивное — иметь теплые ноги. <...> Все это благодаря далекому, неожиданно вынырнувшему из прошлого другу».⁶⁰ После реабилитации в 1956 г. несколько раз (в 1958—1961 гг.) Сутугина проводила отпуск в гостях у Чуковского в Переделькино. Ее доверительные письма Крачковскому с подробным, почти дневниковым описанием жизни в ссылке на протяжении 15 лет (1935—1950), воспоминаниями об издательстве и дорогах ей людям, содержат порой неожиданные детали и характеристики.⁶¹ Даже свой огород она называла «колхозом имени „Всемирной литературы“».

В течение нескольких лет В. А. Сутугина не могла получить прописку в Ленинграде и была вынуждена остаться в Сенгилее. Лишь в августе 1961 г. по ходатайству К. А. Федина Союз писателей выделил ей комнату в коммунальной квартире на Васильевском острове. Пережив все лишения ссылки, она сохранила иллюзии значительной части своего поколения, продолжая романтически верить, что все, что с нею случилось, «было нужно». «Чуть не с пеленок была революционеркой, читала Маркса и Н. Ленина,⁶² когда еще мало кто их знал, приняла и поняла революцию, всегда, всю жизнь иду активисткой в Советской жизни — и всю жизнь, все правительства меня преследуют. То царское, то советское. Ведь и первую тюрьму и ссылку при Сов<етской> власти я приняла объективно — мол, ошиблись, мода была на „вредительство“ учреждений. И вторую ссылку простила — что ж, м<ожет> б<ыть>, они не могут во всех разобраться, и понятие „дворянин“ все еще так страшно, что на всякий случай, „профилактически“, они выслали всех дворян. Во всяком случае, у меня до сих пор нет озлобления на несправедливости и „ошибки“. <...> В противоположность другим пострадавшим, я Сталина люблю по-прежнему и против него никогда у меня не было того озлобления, как у многих», — записала она в дневнике 1 марта 1958 г.⁶³

Во второй половине 1960-х гг., по совету Чуковского, В. А. Сутугина писала воспоминания об издательстве, оставшиеся незавершенными.⁶⁴ Сохранилось несколько листов с черновыми набросками о Зоргенфрее, Волынском, Чуковском.⁶⁵

Свой альбом, прозванный Чуковским «Сутучоккалой», как одну из самых дорогих реликвий, она хранила все долгие годы ссылки. В литературных кругах он стал известен после ее возвращения. Тогда же здесь оставили автографы А. А. Ахматова, Л. И. Борисов,⁶⁶ Л. М. Варковицкая,⁶⁷ Е. М. Тагер. В альбоме, представляющем собой общую ученическую тетрадь в коленкоровом переплете (16,0 × 19,5 см), пронумеровано 60 листов, включая нижнюю обложку с записью владелицы. Часть листов не заполнена. Альбом охватывает период с января 1920 г. по сентябрь 1967 г., последняя запись, относящаяся ко времени функционирования «Всемирной литературы», сделана Ф. Сологубом и датирована В. А. Сутугиной 30 сентября 1923 г. Некоторые стихотворные посвящения, преподносившиеся, по-видимому, отдельно, вклеены в альбом владелицей (л. 21, 24, 29—31, 49). Наряду с дружескими посланиями и мадригалами в жанре традиционного альбомного экспромта, вписывавшимися в день именин Веры Александровны (17/30 сентября) и в канун Нового года либо Рождества, альбом содержит собственно стихи сотрудников издательства и цитаты из переводимых ими произведений, выполняющие роль пожелания, совета, либо реплики на неизвестную нам ситуацию. Альбом был приобретен Пушкинским Домом в 1972 г. в составе архива Сутугиной у ее сводного брата П. А. Тюленева.

* * *

Осенью 1919 г. в издательстве с разрешения Горького был открыт буфет, хозяйка которого — владелица второго альбома Роза Васильевна Рура — сразу стала

одной из достопримечательностей «Всемирной литературы», героиней шуточных эпиграмм и мадригалов, а впоследствии удостоилась красочных описаний мемуаристов.⁶⁸ «Существо неопределенного возраста и необъятных размеров. Закутанная в добрый десяток платков, завязанных толстым узлом на пояснице, седая и краснощекая, торжественно восседала она за небольшим столиком, на котором были соблазнительно разложены папиросы, мелкая галантерея и немудреные сладости той поры», — вспоминал Вс. Рождественский.⁶⁹ «Роза Васильевна стала у нас учреждением — она сидит в верхней прихожей, у кабинета Тихонова — разложив на столе сторублевые коврижки, сторублевые карамельки — и все профессора и поэты здороваются с нею за руку, с каждым у нее своя интонация, свои счеты», — записал в дневнике Чуковский 19 ноября 1919 г.⁷⁰ В шуточной полемике Блока, Гумилева, Чуковского, Оцуа, развернувшейся осенью того же года на страницах альбомов Д. С. Левина и Чуковского,⁷¹ обыгрывается и ее имя. В альбоме Левина упоминается она и в стихотворении М. А. Кузмина:

Без топлива терпел морозы,
Без света был не мыт, не брит,
И даже у почтенной Розы
Имел лишь маленький кредит.⁷²

Возможно, в подражание Левину, в альбоме которого к тому времени уже были автографы многих знаменитых писателей и поэтов, завела свой альбом и Роза Васильевна. Внешний вид этого небольшого альбома (24,0 × 17,0) непримечателен: простой кожаный переплет, грубоватые листы желтой бумаги со следами жирных пятен на многих страницах. Из пронумерованных 29 листов заполнено лишь 15. Открывается он, по-видимому, автографом владелицы, поставившей в верхнем правом углу свою фамилию и дату — 1 ноября 1920 г. Последняя запись в альбоме — 18 января 1921 г. — принадлежит Замятину. Блок, Горький, Чуковский, Гумилев, Г. В. Иванов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский, Сологуб, академики Крачковский, Алексеев вписали сюда «несерьезные стихи» на серьезные темы. Автографы людей известных соседствуют с записями кассира издательства Д. Н. Назарова, курьера М. Я. Зимины. Все стихотворные и прозаические записи мадригального характера объединены одним сюжетом и обыгрывают «сладкую» профессию и удачное имя владелицы. «Роза была требовательна, любила мадригалы галантного стиля», — вспоминал Г. Иванов.⁷³ Завершают альбом четыре рисунка неуставленных авторов, выполненные карандашом. На л. 19 об. — силуэты мужчины и женщины с протянутыми навстречу друг другу руками. На л. 25 об. — оплечный портрет мужчины в профиль, подписанный «А. С.» и датированный 1924 г. На л. 26 — набросок грубоватого мужского лица, внизу — отпечаток стертой шуточной надписи карандашом: «Хорошенькая Рура». На л. 28 об. — набросок мужского лица. В ноябре 1921 г., через год после первых записей, о Р. В. Руре и ее альбоме упоминалось в печати. В примечании к публикации стихотворения Блока «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза...») сообщалось: «Роза — небезызвестная в литературных кругах продавщица папирос и хлеба в одном большом издательстве».⁷⁴ 8 января 1922 г. на традиционном праздновании Рождества во «Всемирной литературе» состоялась дружеская вечеринка: «Чуковский читал из Чукоккалы и из альбома Руры. Е. Замятин — читал стилизованную шуточную историю издательства „Всемирная литература“».⁷⁵ Будучи дамой практичной, будущую материальную ценность своего альбома Роза Васильевна хорошо осознавала: «Что вы думаете, через сто лет мой альбом будет

стоить огромные деньги, — говорила она».⁷⁶ Альбом был приобретен Пушкинским Домом в 1966 г. у ее сына Давида Михайловича Руры.

Записи из альбома Руры публикуются полностью, из альбома Сутугиной — лишь автографы сотрудников «Всемирной литературы» независимо от времени внесения в альбом. За пределами публикации остался шуточный текст предсказания судьбы Сутугиной, напечатанный на отдельном листе, вложенном в альбом, и относящийся к 1910-м гг., автографы М. Э. Козакова⁷⁷ и Л. М. Варковичкой конца 1920-х гг., Л. И. Борисова и Л. М. Варковичкой конца 1950-х и 1960-х гг., знакомых Сутугиной по Сенгилею. Исключение сделано лишь для автографа Е. М. Тагер, ближайшей подруги Сутугиной в 1960-е гг., ретроспективно обращенного к началу 1920-х гг. Сведения о лицах, оставивших автографы в альбомах (за исключением сотрудников издательства, упоминаемых в публикуемых во вступительной статье «Кантате» М. Кузмина и шуточной частушке), перевод записей на иностранных языках с указанием автора перевода, данные о первой публикации некоторых альбомных автографов приводятся в примечаниях к текстам. Сюжеты отдельных записей, предназначавшихся для посвященных, а также некоторые подписи в обоих альбомах не расшифрованы, что каждый раз оговаривается. Сведения о подготовленных в издательстве, но не изданных произведениях (указаны без выходных данных), приводятся по материалам архива «Всемирной литературы» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 46; далее — ЦГАЛИ СПб.). Записи приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Альбом В. А. Сутугиной хранится в Пушкинском Доме под шифром: ф. 720, № 5; альбом Р. В. Руры: Р. 1, оп. 42, № 69.

¹ Подробнее об издательстве см.: *Мясников А. С.* А. М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» (1918—1921 гг.) // Исторический архив. 1958. № 2. С. 67—95; *Зелинский К. Л.* Горький и «Всемирная литература» // На рубеже двух эпох: Литературные встречи. 1917—1920. М., 1962. С. 256—267; *Шолракова И. А.* Книгоиздательство «Всемирная литература» (1918—1924) // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175—193; *Бодрова А. А.* Деятельность Восточной коллегии «Всемирной литературы» под руководством М. Горького // М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968. [Сб.] 1. С. 281—292; *Голубева О. Д.* Горький — издатель. М., 1968; *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 668—703; *Казаков А.* «Петрокоммуна» Максима Горького // В мире книг. 1987. № 8. С. 6—8.

² «Краткая история „Всемирной литературы“», фрагменты новогодних инсценировок «Ежегодник „Всемирной литературы“» и «Рука Всевышнего издательство спасла» опубликованы В. Троицким: Память. М.; Париж, 1981—1982. № 5. С. 287—314. Машинописные копии инсценировок «Ежегодник...» (датирован 7 января 1923 г.) и «Рука Всевышнего издательство спасла» сохранились в архиве В. А. Сутугиной: РО ИРЛИ, ф. 720, № 6.

³ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 206—210.

⁴ *Левин Давид Самойлович* (1891—1929) — заведующий хозяйственной частью «Всемирной литературы», с 1923 г. — руководитель Северо-западного отделения издательства «Гудок». Фрагменты его альбома опубликованы: *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах // Прометей. М., 1967. Т. 4. С. 414—421.

⁵ Датой основания издательства считается 4 сентября 1918 г., когда был подписан договор между М. Горьким — от редакционно-издательской группы — и А. В. Луначарским — от Наркомпроса. Фактически издательство работало уже с марта 1918 г. См. «Книгу расходов по изданию книг» за март-декабрь 1918 г. (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга, ф. 46, № 5; далее — ЦГАЛИ СПб.), «Книгу расчетов с организациями» за апрель-декабрь 1918 г. (Там же, № 6, ч. 1, 2), «Перечень выполненных работ и счета со-

трудников и авторов» за апрель-декабрь 1918 г. (Там же, № 2, ч. 2). Луначарский, первое время покровительствовавший издательству, участвовал и в переводческой работе. Им переведены сочинения К.-Ф. Мейера «Полнота». «Ночные шумы». «Мраморный мальчик». См. «Перечень выполненных работ и счета сотрудников и авторов» за 1918—1920 гг. (Там же, № 1).

⁶ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Пб., 1919; Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению: Литература Востока. Пб., 1919.

⁷ См. «Список рукописей, находящихся в портфеле „Всемирной литературы“ на 1 января 1923 г.» (ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 376—391).

⁸ См.: *Мясников А. С.* А. М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» (1918—1921). С. 93.

⁹ См. «Счета изданий западной литературы» и «Счета изданий восточной литературы» (ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 25—31).

¹⁰ Союз деятелей художественной литературы (март 1918—май 1919; далее — СДХЛ), создан по инициативе Ф. Сологуба, А. Н. Чеботаревской и Н. С. Гумилева. Члены Коллегии экспертов «Всемирной литературы» — Блок, Горький, Гумилев, Замятин, Чуковский — одновременно входили и в состав редакционной коллегии Издательского товарищества СДХЛ, которое Горький надеялся превратить в центр, координирующий издание всей русской литературы. Почти ни одно из начинаний Союза не было осуществлено. Подробнее о СДХЛ см.: *Ширмаков П. П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет Советской власти // Вопросы советской литературы. Л., 1958. Вып. 7. С. 454—475. О передаче издательских планов СДХЛ см. «Письмо издательства „Всемирная литература“ В. Я. Ирешкому с просьбой предоставить договора Союза с авторами» от 28 мая 1919 г. (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 2, № 34) и «Список авторов первой и второй очереди, составленный в СДХЛ и переданный „Всемирной литературе“» (ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 354—355).

¹¹ В частности, в 1920 г. были приняты к печати книги Г. Е. Зиновьева «Война и кризис социализма», «Партия и профессиональные союзы», «Трудовые армии», «Новые задачи нашей партии», «Армия и народ», «Кооперация и коммуна», «Бой за Петроград» и книга З. И. Лилиной «От коммунистической семьи к коммунистическому обществу».

¹² См. «Перечень выполненных работ и счета сотрудников и авторов» за январь-декабрь 1920 (ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 24, л. 23). Журнал выходил в Госиздате.

¹³ Из отчета А. Н. Тихонова редакционной коллегии Госиздата 19 апреля 1923 г. См.: *Мясников А. С.* А. М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» (1918—1921). С. 92.

¹⁴ Магазином издательства заведовал букинист Федор Григорьевич Шилов (1879—1962).

¹⁵ В частности, в марте 1920 г. были устроены выставки «Друзья детства» и «Друзья юности». См. «Перечень выполненных работ и счета сотрудников и авторов» за январь-декабрь 1920 (ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 24, л. 41).

¹⁶ *Зелинский К. Л.* Горький и «Всемирная литература». С. 263.

¹⁷ Ср. с воспоминаниями Г. В. Иванова: «Его значение очень велико — и тем, что добрая сотня русских писателей спасена им от голодной смерти (академические пайки появились много позже, года через полтора)» (*Иванов Г.* Китайские тени // *Иванов Г.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 234).

¹⁸ О настроении интеллигенции в первые годы советской власти см.: *Сегал Д.* Сумерки свободы: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917—1918 гг. // *Минувшее: Исторический альманах.* М., 1991. [Вып. 3]. С. 131—196.

¹⁹ По-видимому, первым выступлением деятелей русской культуры против политики властей был митинг в защиту свободы печати, организованный в Петрограде Союзом русских писателей (март 1917—декабрь 1918) 26 ноября 1917 г. в ответ на принятый 27 октября (9 ноября) Совнаркомом декрет о печати, предусматривающий закрытие органов печати за антибольшевистские выступления (см.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24—25). Тогда же была выпущена однодневная «Газета-протест Союза русских писателей».

²⁰ В январе 1918 г., к примеру, в Петрограде по постановлению Совета комиссаров Союза коммун Северной области и Петроградской трудовой коммуны запрещены домашние библиотеки и рояли, в октябре запрещена «продажа, покупка и передача всем и кому бы то ни было мебели и домашней утвари, а также перевозка ее в р<айон>не г<орода> Петрограда без разрешения жилищных колле-

гий при районных Советах» (Известия Комитета городского хозяйства. 1918. 5 окт. С. 3).

²¹ Наше время. Вечерняя газета. 1918. 13 янв. С. 1.

²² Там же. 27 янв. С. 1.

²³ Там же. 20 (07) февр. С. 2.

²⁴ Там же. 9 марта (24 февр.). С. 1.

²⁵ Возможно, Игнатий Игнатьевич Ивич-Бернштейн (псевд. Александр Ивич; 1900—1979).

²⁶ Вечерние огни. 1918. 10 апр. (28 марта). С. 2.

²⁷ Там же. 1918. 15 (2) апр. С. 1.

²⁸ 18 мая 1918 г. в газете «Дело народа» было опубликовано Постановление VII Совета партии социал-революционеров, призывающее к сплочению всех демократических сил и свержению власти большевиков, приведшей Россию к государственному, национальному и финансовому краху.

²⁹ Петроградская правда. 1918. 23 мая. С. 2. *Зиновьев Григорий Евсеевич* (наст. фам. и имя Радомысльский Овсей (Герш) Аронович; 1883—1936) — с декабря 1917 г. — первый председатель Петроградского Совета, с марта 1919 г. — председатель Исполкома III Коммунистического Интернационала. Имел неограниченную власть в Северной области. В своей речи Зиновьев, по-видимому, повторил определение «враг народа», впервые употребленное Лениным 13 мая 1918 г. в декрете об отношении к лицам, укравшим излишки хлеба (Декреты советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 265) и на несколько десятилетий вошедшее в советский обиход.

³⁰ Петроградская правда. 1918. 23 июня. С. 4.

³¹ Северная коммуна. 1918. 12 нояб. С. 5. 21 декабря 1918 г. делегация представителей различных литературных организаций обратилась к заместителю председателя Наркомпроса З. Г. Гринбергу с протестом против проводимой по отношению к литераторам экономической политики: «Деятели русской литературы, в течение многих десятилетий борющиеся за русскую свободу, оказываются сейчас выброшенными за борт жизни и лишенными тех элементарных прав, которые предоставляются решительно всем. <...> Нам кажется, что по вопросу о праве не умирать с голоду, об этом скромном праве русского литератора — спору быть не может. <...> По отношению к нам совершена сегодня новая жестокая несправедливость. Мы выброшены в 3-ю категорию, которая лишает всяких гражданских прав, и в которую включен только паразитарный элемент, элемент не трудящийся, это мы, которые всю свою жизнь отдавали и отдаем труду. Товарищ Гринберг, мы пришли сказать Вам, что русские литераторы, которые еще до последнего времени считались мозгом русской земли, — умирают с голода» (см. «Протокол общего собрания представителей Петроградского профессионального союза журналистов, Литературного фонда, Союза деятелей художественной литературы и др. по вопросу о бедственном положении литераторов»: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 4, л. 5).

³² Петроградская правда. 1918. 6 авг. С. 1.

³³ Там же. 17 окт. С. 3.

³⁴ См. об этом: Петроградская правда. 1918. 26 сент. С. 3. Ср. с заявлением помощника присяжного поверенного Е. М. Блюменуа в Хозяйственный комитет Дома Литераторов от 2 мая 1919 г.: «Желая иметь гарантированный обед в столовой „Дома Литераторов“, я в то же время лишен возможности сдать свою продуктовую карточку в Контрольной комнате, т<ак> к<ак> столовые карточки существуют только 1 и 2 категории, у меня же продовольственная карточка 3-ей категории. Поэтому я прошу Комитет оказать мне содействие и дать возможность получать обеды в столовой. По профессии я — бывший помощник присяжного поверенного, до сего времени нигде не служу, чем и объясняется, что я имею право на прод<овольственную> карточку 3 кат<егории>» (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 48, л. 49).

³⁵ *Бадаев А. Е.* Продовольственная работа в Петрограде // Хлеб и революция. [Сб.]. М., 1972. С. 50.

³⁶ В этом же номере опубликован «Циркуляр для населения» по обработке овса и приготовления из него пищи.

³⁷ Петроградская правда. 1918. 11 авг. С. 5.

³⁸ Там же. 1 июня. С. 1.

³⁹ Там же. 1921. 11 февр. С. 2.

⁴⁰ Там же. 10 мая. С. 2.

⁴¹ См.: Петроградская правда. 1920. 15 дек. С. 2; Известия Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1921. 25 янв. С. 2.

⁴² По распоряжению наркома продовольствия А. Д. Цюрюпы право на организацию таких отрядов имели профсоюзные организации, насчитывающие не менее 2000 человек, предприятия — не менее 1000 рабочих и служащих. См. об этом: Петроградская правда. 1918. 19 авг. С. 2.

⁴³ С октября по декабрь 1917 г. закрыты 122 газеты, с января по август 1918 г. — 339. Подробнее см. об этом: *Окорочов А. З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. Ср. также со свидетельством современника: «С 4-го августа все без исключения газеты (кроме правительственных) у нас, как и в Москве, закрыты, и мы живем среди назревающих катастрофических событий» (из письма сотрудника «Всемирной литературы» В. П. Коломийцова жене от 9 августа 1918 г.: РО ИРЛИ, ф. 730, № 18, л. 104 об.).

⁴⁴ Вечерние огни. 1918. 22 (9) марта. С. 3.

⁴⁵ В архиве Дома Литераторов сохранилось значительное количество заявлений с просьбой о помощи и положительными резолюциями Союза журналистов. См., в частности: «Жестокая голодовка и состояние здоровья вынуждают меня спешно выехать из Петрограда с семьей. Главное — меня мучит положение моего 5-летнего сынишки: ребенок болеет от постоянного полуголода. Ради Бога, — не откажите в выдаче 400 руб<лей> на выезд из Петрограда. Это — последняя моя просьба к Обществу. Безработный журналист Петр Львович Гольденев». Резолюция Союза журналистов: «15 мая постановлено выдать на отъезд четыреста рублей» (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 1, л. 1—1об.). «Бывший сотрудник „Петроградского листка“ Михаил Яковлевич Брусов, после мучительной и долгой болезни лишившийся возможности работать, умер от истощения 6-го сего июля. Вдова его, Ольга Александровна Брусова, с 3-мя малолетними детьми осталась буквально без всяких средств к существованию. Позволяю себе обратиться к Г<осподину> Председателю Союза журналистов с просьбой принять участие в этой несчастной семье и оказать ей возможную помощь. Артист Александр Иванович Светлов. 13/30 июля 1918». Резолюция председателя Союза Л. М. Клячко: «Выдать 300 р<ублей>» (Там же, л. 39—39 об.).

⁴⁶ РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 288, л. 1.

⁴⁷ *Гринберг Зиновий Григорьевич* (1889—1949) — член коллегии Наркомпроса, заместитель А. В. Луначарского. В 1920 г. переведен в Москву, работал в Институте мировой литературы. Репрессирован в ходе кампании по борьбе с космополитизмом. На прощальном вечере, устроенном в Аничковом дворце и Доме Искусств по случаю отъезда Гринберга в Москву, петроградские литераторы отметили «широкую моральную и материальную поддержку, оказывавшуюся З. Г. Гринбергом всяким полезным начинаниям, его благожелательное отношение ко всем нуждающимся в его помощи и заступничестве» (Вестник литературы. 1920. № 3 (15). С. 13—14).

⁴⁸ «Левину удалось наладить одну очень хорошую операцию. Мы даем Мурманскому Парткуму РКП 50—60 комплектов наших изданий, а они, взамен, выдают пудов 200 сол<еной> рыбы (треска, пикша, сельди). Через неделю — полторы Левин и Юзефсон должны выехать в Мурманск» (из письма секретаря издательства Е. П. Струковой А. Н. Тихонову от 22 июня 1921 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 359). *Юзефсон М. А.* — заведующий хозяйственной частью издательства.

⁴⁹ «Из „Всемирной Литературы“ я получил вчера (<...> 1 пуд (!) великолепной сол<еной> трески по 1 т<ысяче> за фунт (на рынке — свыше 3 т<ысяч>). <...> С огорода „Всемирной Литературы“, стоящего очень дорого, наделся получить — если конец лета и осень будут сухие — в конце сентября пудов 10 <...> картофеля» (из письма В. П. Коломийцова жене от 30 июля 1921 г.: РО ИРЛИ, ф. 730, № 18, л. 109 об.).

⁵⁰ «Скажите Д. С. Левину, чтобы он всю свою энергию направил теперь на доставку дров. На днях мы, кажется, получим наконец библиотечные деньги (7 000 000 рублей). Будем пытаться получить их здесь, в Москве, на руки. Если это удастся, все эти деньги могут пойти на дрова. <...> Поздравляю Вас с рыбой и прочими радостями Петроградского жития» (из письма А. Н. Тихонову секретарю Е. П. Струковой от 23 июля 1921 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 418). Ср. с письмом В. П. Коломийцова жене от 30 июля 1921 г.: «Труднее всего, пожалуй, обстоит дело с дровами, — их просто нельзя достать в сколько-нибудь значит<ель>

ном> кол<ичест>ве; м<ожет> б<ыть>, — хотя шансов мало, — и тут выручит „Всемирная Литература“» (РО ИРЛИ, ф. 730, № 18, л. 110).

⁵¹ Об альбомной культуре XIX в. см.: *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний. М.; Л., 1960. С. 8—16; *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3—56; *Он же.* Из альбомной лирики и литературной полемики (1790—1830-е годы) // Там же. С. 61—78; *Петшиа Л. И.* Художественная природа литературного альбома первой половины XIX века: Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1988; *Вацуро В. Э.* С.Д.П.: Из истории литературного быта Пушкинской поры. М., 1989.

⁵² Из письма от 10 мая 1955 г.: РО ИРЛИ, ф. 720, № 100, л. 8. В архиве Сутугиной сохранились письма Чуковского с 1955 г. по 1968 г.

⁵³ Из письма от 16 июня 1945 г.: Архив Российской Академии наук, ф. 1026, оп. 3, № 513, л. 29 об.; далее — Архив РАН. Двусторонняя переписка Сутугиной и Крачковского с 1935 г. по 1950 г. по 1950 г. хранится в Архиве РАН (Ф. 1026, оп. 3, № 27, 513, 514). Вспоминая о Зоргенфрее, Сутугина цитирует дарительную надпись на шмуцтитуле его книги «Страстная суббота» (Пб.: Время, 1922): «Верё Александровне Сутугиной, нежному врагу и строгому другу, с просьбой о снисходительности. В. Зоргенфрей. 6/111—22» (РО ИРЛИ, ф. 720, № 47). В ее архиве сохранились еще две книги с автографами Зоргенфрея от 11 декабря 1934 г. и 10 августа 1935 г. (роман Т. Манна «Волшебная гора» в переводе Зоргенфрея; *Мани Т.* Собрание сочинений: [В 6 т.]. Л., 1934. Т. 4; 1935. Т. 5).

⁵⁴ РО ИРЛИ, ф. 720, № 24.

⁵⁵ Там же, № 6, л. 10 (машинописная копия).

⁵⁶ Там же, л. 13 об. (машинописная копия).

⁵⁷ Стихотворение М. А. Кузмина публикуется полностью по авторизованной машинописи: Архив РАН, ф. 1026, оп. 2, № 109, л. 18. Фрагмент стихотворения с разночтениями опублик.: *Кузлин М. А.* Собрание стихов / Сост., вступит. ст. и коммент. Дж. Мальмстада и Вл. Маркова. Мюнхен, 1977. Т. 3. С. 491—492. *Тихонова* — заведующий издательством Александр Николаевич Тихонов (1880—1956); *Замутин* — Замятин Евгений Иванович, имевший в Ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палате титул «Епископ Обезьянский смиренный Замутин, в мире князь Евгений Замятин» (его автограф в альбоме Сутугиной см. на л. 7 об., в альбоме Руры — на л. 11); *Корней* — Чуковский Корней Иванович (см. его автограф в альбоме Сутугиной на л. 30 об., в альбоме Руры — на л. 3 об.). Поэты *Михаил Леопольдович Лозинский* и *Вильгельм Александрович Зоргенфрей* (см. их автографы в альбоме Сутугиной на л. 13 и 31 об.; автограф Зоргенфрея в альбоме Руры — на л. 5) входили в Поэтическую коллегию издательства. *Витийственный Аким* — Аким Львович Волынский, автор книги о балете «Книга ликуваний. Азбука классического балета» (Л., 1925), в начале 1920-х гг. — основатель хореографической «Школы русского балета» (его автографы в альбоме Сутугиной — на л. 8 и 29, в альбоме Руры — на л. 2). *Символисты, футуристы... вот теперь экспрессионистов...* — имеются в виду подготовленные в издательстве книги: «Антология французских поэтов. Символисты-эстетсы» в переводе М. Л. Лозинского (рукопись дана в июне 1920 г.; см. «Список рукописей, находящихся в портфеле „Всемирной литературы“ на 1 января 1923 г.» ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 384 об.), «Манифест итальянских футуристов» в переводе В. Г. Шершеневича (в октябре 1920 г.; Там же, л. 386), сборник Дж. Меизфилда «Экспрессионизм» в переводе В. В. Гиппиуса и Н. А. Макшеевой (в июне 1922 г.; Там же, л. 387 об.) и сборник статей «Экспрессионизм» под редакцией Е. М. Браудо и Н. Э. Радлова (Пг.; М., 1923).

⁵⁸ Публикуется по машинописи: Архив РАН, ф. 1026, оп. 2, № 109, л. 4. *Роза* — Р. В. Рура. *Браудн Федор Александрович* (1862—1942) — филолог-германист, профессор Петербургского университета. В Коллегии издательства вместе с Блоком руководил изданием немецкой литературы. В 1920 г. командирован в Германию, с 1923 г. работал в Лейпцигском университете. *Левинсон Андрей Яковлевич* (1887—1933) — художественный и театральный критик, автор работ о балете («Мастера балета». Пг., 1915; «Новый и старый балет». Пг., 1917). В Коллегии экспертов «Всемирной литературы» вместе с Гумилевым возглавлял отдел французской литературы. вел занятия в Студии переводчиков издательства. Под его редакцией в 1919 г. вышли «Избранные сочинения» Г. Флобера, «Избранные сочинения» Ж. и Э. Гон-

кур, с его предисловием — «Братья Земганно» Ж. и Э. Гонкур, «Четыре дьявола» Г. Банга, в 1922 г. — «Атлантида» П. Бенуа. В эмиграции (со второй половины 1921 г.) выступал с антибольшевистских позиций, участвовал в Берлинских изданиях (альманах «Грани», «Сполохи», с № 19/20 1922 г. редактируемый высланными из России В. Я. Ирецким и Б. О. Харитоновом), написал книгу «Современная русская литература. Война. Революция. Изгнание» (Париж, 1928). Его автограф в альбоме Руры см. на л. 9. *Горький вздумал отдохнуть...* — имеется в виду отъезд Горького за границу в октябре 1921 г. *Юрий Павлович Анненков* (1889—1974) — живописец, театральный художник, иллюстратор книг. Автор издательской марки «Всемирной литературы» с изображением мифологического крылатого коня Пегаса, символа поэтического вдохновения. Издания «Всемирной литературы» уже в 1922 г. выходили под маркой Госиздата. Эмигрировал в 1924 г. *Сильверсан Борис Павлович* (1883—1934) — филолог-скандинавист, преподаватель Александровского лицея и Петроградского университета. Во «Всемирной литературе» переводил произведения скандинавских авторов (*Иенсен Иоганнес Вильгельм*. Ледник. Пб., 1922). Эмигрировал в конце 1921 г. вместе с секретарем издательства Евдокией Петровной Струковой (шуточное прозвище «Евлетросик»), работал библиотекарем университетской библиотеки в Гельсингфорсе. Автографы Сильверсана в альбоме Сутугиной см. на л. 3 и 31. в альбоме Руры — на л. 8 об. *Привял подданство Аким...* — по-видимому, имеется в виду присуждение А. Л. Волынскому звания почетного гражданина г. Милана (в 1908) в знак благодарности за его книгу «Леонардо да Винчи» (СПб., 1900). Его автографы в альбоме Сутугиной см. на л. 8, 29, в альбоме Руры — на л. 2. *Шкловский Виктор Борисович* (1893—1984) — писатель, литературовед. В Литературной студии издательства читал курс по теории сюжета. С середины марта 1922 г. и до осени 1923 г. жил в Берлине. Его автограф в альбоме Руры см. на л. 12. *Тетей Герою...* — имеется в виду В. А. Сутугина.

⁵⁹ Из письма от 31 июля 1945 г.: Архив РАН, ф. 1026, оп. 3, № 513, л. 39.

⁶⁰ Из письма от 6 февраля 1945 г.: Там же, л. 16.

⁶¹ См., в частности, одно из описаний В. А. Зоргенфрея: «Фрош („мой паж смиренный“), бывало, мучил меня тем, что велел всегда отыскивать несчастных, кому можно было бы помочь, причем сам никогда не мог понять, кто нуждается и был очень счастлив и сиял, когда я ему рассказывала, как благодарили люди за помощь. Он, на мой вопрос, почему он это делает, отвечал, что во-первых, это приятно, а во-вторых, на том свете ему, может быть, будет легче... Если бы он был жив, то вот удивился бы, если бы среди несчастных вдруг нашел меня (ведь он хотя и давал бедным деньги, а у меня постоянно брал в долг)» (из письма от 6 февраля 1945: Там же).

⁶² Н. Ленин — один из псевдонимов В. И. Ульянова. В газетах первых послереволюционных лет часто упоминался как «Н. Ленин». Так же подписывал некоторые декреты и постановления (см., к примеру, «Постановление об объявлении врагом народа председателя Мурманского Совета»: Декреты советской власти. Т. 2. С. 521).

⁶³ РО ИРЛИ, ф. 720, № 1, л. 41—41 об. Поздний дневник Сутугиной за 1958—1967 гг. содержит и мемуарные воспоминания о «Всемирной литературе». Здесь же — дневниковые записи 1910-х гг. Дневник, который она вела вплоть до 1930 г., сожжен ею перед арестом в 1931 г.

⁶⁴ «Почему бы Вам не написать краткий очерк этого издательства? О Горьком. Блоке, Зоргенфрее, Сологубе — и всех Ваших тогдашних друзей? <...> О Лозинском, Эфросе, Гумилеве, Замятине. Ведь все эти люди любили Вас. О Лернере, о Жирмунском, о мешочнице Розе, о Гржебине, о Тихоновиче = вернее о Тишеньке, об А. А. Смирнове, о Сильверсване...» (из письма Чуковского от 16 сентября 1966 г.: РО ИРЛИ, ф. 720, № 100, л. 110 об).

⁶⁵ РО ИРЛИ, ф. 720, № 4.

⁶⁶ Писатель *Леонид Ильич Борисов* (1897—1972) познакомился с Сутугиной в 1920 г. при вступлении в Союз поэтов, где Сутугина служила техническим секретарем (секретарь Союза в то время — Г. В. Иванов). Встреча их в Ленинграде в 1962 г. описана Сутугиной в дневнике (РО ИРЛИ, ф. 720, № 1, л. 93). В ее архиве сохранились книги с дарительными надписями Борисова 1963—1967 гг. и его письма за 1963—1964 гг.

⁶⁷ *Варковицкая Лидия Моисеевна* (1892—?) — детская писательница, переводчица. В 1920-е гг. работала в литературно-художественном отделе Госиздата. Приятельница Сутугиной в 1960-е гг.

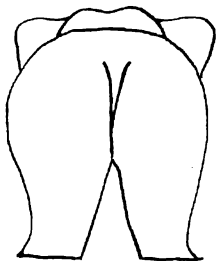
⁶⁸ *Оуэн Н. А.* «Всемирная литература» и *Роза // Оуэн Н. А.* Современники. Париж, 1961. С. 44—48; *Рождественский Вс. А.* Страницы жизни: Из литературных

- воспоминаний. М.; Л., 1962. С. 227—229; Чукоккала. С. 218, 222; *Одоевцева И. Г.* На берегах Невы. М., 1988. С. 134—135; *Иванов Г. В.* Китайские тени. С. 229—230; *Чуковский К. И.* Дневник: 1901—1929. М., 1997. С. 126.
- ⁶⁹ *Рождественский Вс. А.* Страницы жизни. С. 227.
- ⁷⁰ *Чуковский К. И.* Дневник. С. 126.
- ⁷¹ Историю этой полемики см.: Чукоккала. С. 216—222; *Чуковский К. И.* Александр Блок // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 237—239. См. также прим. 9 к альбому Руры.
- ⁷² *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах. С. 420.
- ⁷³ *Иванов Г.* Китайские тени. С. 230.
- ⁷⁴ Летопись Дома Литераторов. 1921. № 2. 15 нояб. С. 6. О стихотворении Блока см. в прим. 9 к альбому Руры.
- ⁷⁵ Там же. 1922. № 1—2 (5—6). 15 янв. С. 6.
- ⁷⁶ *Иванов Г.* Китайские тени. С. 230.
- ⁷⁷ *Козаков Михаил Эммануилович* (1897—1954) — писатель.

ИЗ АЛЬБОМА В. А. СУТУГИНОЙ

Дорогой Вивиньке в день Ангела
от <В.?)И. 17/9. 21.¹

Л. 1

* * *

Этого слона я нарисовал единственно из почтения
к Вере Александровне.

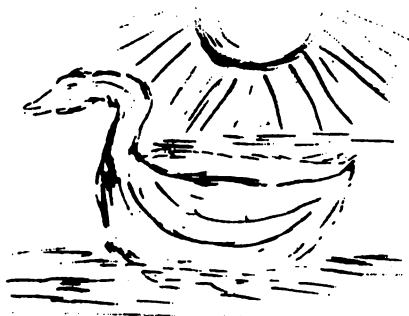
30 сентября 1921. В. Шилейко.²

Л. 2

30 сентября 1921 г. Анна Ахматова.

Л. 2

* * *

Рыцарь Солнца

Благодарный и любящий лебедь

17/30 сент. 921 г.³

Л. 3

* * *

Рисовать ислам запрещает — это во-первых, рисовать не умею — это во-вторых, а поэтому ограничиваюсь пожеланиями и неожиданным автографом

17/30—1X 1921.

Ватрослав Кр.

وما التأنيت لاسم الشمس عيب
وما التذكير فخرٌ لللال
وان تفق الأنام، أنتِ منهم
فإن المسك بعض دم الغزال⁴

Л. 4

* * *

Л. 4

* * *

Рисовать китайцы любят, но не все умеют. Зато «рисовать» иероглифы умеют все грамотные, и не только китайцы, но и китаисты. Потому вооружаюсь пером и рисую: поздравительные к 17-му Сентября иероглифы.

Что означает:

Почтительно поздравляю,
Желаю вечного счастья!
Миллионы счастья да
Приблизятся к Вам!
Долговечностью сравнитесь
С Южной Горой,
(Чжун нань-шань)!

壽	萬	恭
比	福	賀
南	來	永
山	臨	喜

Исчерпав вдохновенье, кланяюсь.

Вас. Алексеев.
17 сент. 1921.⁶

Л. 4 об.

* * *

 Piccolo specialità de maison
 जजासनता, a como casaemas special, mo
 هیچ بینتی یاد ندارم مرد بی ادب ام
 از آن سبب هیچ نتوانم نوشت
 J. J. J. J. J.
 (on all. जजासनति)

* Об этом прошу спросить у fr'ей.⁷

Л. 5

* * *

Это был
 Радостный день
 Белых как иней
 Хризантем
 Когда я услышал
 О белом инее!

白露の
 菊の目出ま
 日有りけり

Старец угрюмый Юлиан Щуцкий
 Начертал сие грамотою японскою
 В лето от Рождества Христова
 1921-ое, в 17-ый день сентября.⁸ Л. 5

* * *

قال البسول لللقب بزملول سلام عليك يا ابنة الخال صاحبة
عيني الغزال و انشد شعرا

قرباننا يا بنت خالي بعيدة
ولا كنت أنسنا البديع قريب
فيا عجباً لا نفضعي من زواليل
والتي لزملول المغارة ذيب

Кузен В. Э.

1921.

Л. 5 об.

Сказал В., прозываемый Зухлулем: «Привет Вам, кузина с газельи-ми глазами» и прочитал стихи:

О кузина, родство наше далекое,
Но новая симпатия между нами близка.
Удивительно, что Вы не боитесь Зухлулей
Ведь я Зухлунь пустыни, волк.⁹

Л. 6.

* * *

Puella* pulcherrima,
Et celeberrima,
Te amo, Ozupus,
Devorat me lupus
Amoris!

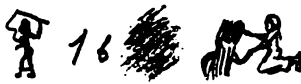
30/X1. 21 г. (Из Катуллы, неизданный отрывок)

* В подлиннике имеется вариант: o Vera!

(Оцуп).¹⁰

Л. 6 об.

* * *

Увы, как превратны все вещи на свете!
Обернусь я — и плохо мне, плохо.

(Шилейко).¹¹

Л. 7

* * *

तत् त्रयसि

9 декабря. Серг. Ольденбург.¹²

Л. 7 об.

* * *

Be not so good: it's allways better.
30-X11—1921. E. Zamjatin.¹³

Л. 7 об.

* * *

Οὐδὲν's μὴ οὐ μὲν οὐδὲν.

(...Посвященный в тайну жизни
не предается печали).

1921. Декабрь.

А. Давыдов¹⁴

Л. 8

* * *

БУРЯ

Бушует вихрь. На небе тучи.
Сверкает молния вдали.
В лесу раздался треск могучий.
На море тонут корабли.
 Как рев могучий водопада
 Шумит, рокочет и гудит...
 Валов пенящихся громада
 Девятый вал разбить спешит...
Протяжно звук сирены стонет
Кружатся чайки над водой.
Челнок рыбацкий не утонет
Рыбак вступил в отважный бой...

П. Я. Заволокин.¹⁵

Л. 8 об.

* * *

Из дневника.

Склонясь под тяжестью мешка,
Бреду, едва переступая.
В душе обида и тоска
О, посмотри, как я страдаю.
Как тонки пальцы слабых рук,
Им только нежить струны лиры,
Чтоб красоту и радость мира
Излить в один прекрасный звук.
Жестокий, грубый человек,
Палач певцов, палач поэтов,
В наш лицемерно-грубый век
Я здесь зову тебя к ответу.
Как розу под ноги слону
Тебе я жизнь мою бросаю,
В последний раз благославляя
Мою несчастную страну.

Наталья Грушко.¹⁶

Л. 9

* * *

Quien no fuma el tabaco y no bebe el vino
Le lleva el diablo por otro camino.

10/X11. 21. Б. Кржевский.¹⁷

Л. 9 об.

* * *

Н. С. Andersen

Min Tankens Tanke ene Du ervorden.
Du er min første, sidste Kjeerlighed,
Jeg elsker Dig, som ingen her paa Jorden,
Jeg elsker Dig i Tig og Evighed!..

14/X11 1921 г.

Anna Hansen.

Царицей чувств и дум моих ты стала,
Тебя я первую, последнюю люблю
Тебя само мне небо указало,
Люблю тебя и век не разлюблю!

Анна Ганзен.¹⁸

Л. 10

* * *

ЭЛЕГИЯ

О, жизнь моя! Под говорливым кленом,
И солнцем проливным, и легким небосклоном,
Быть может, ты сейчас последний раз вздыхаешь,
Быть может, ты сейчас, как облако растаешь...

И стаи комаров над белою сиренью
Ты даже не вспугнешь своей недвижимой тенью,
И в небе ласточка мелькнет, не сожалея,
И не утихнет шмель вокруг цветов шалфея.

О, жизнь! С дыханьем лондонских туманов
Смешался аромат Хайямовских Диванов,
Джюльетта! Ромео! Веронская гробница
В цветах и зелени навеки сохранится.

О, жизнь моя! А что же ты оставишь?
Студенческий трактат о Цизальпинском праве,
Да пару томиков стихов не очень скучных,
Да острую тоску часов благополучных,
Да равнодушие у ветреной и милой,
Да слезы жаркие у верной и постылой,
Да тело тихое под говорливым кленом,
И солнцем проливным и легким небосклоном!

Ник. Оцуп.¹⁹

Л. 10 об.—11

* * *

O, du min älskade, kommer du ej snart?
Det är inte sant, att du har glömt dig krar i höga
kungasalar. I mörka krogar, i eländiga kyffen dräljes
du. Och du nekar att komma. Min ljusa himmel lockar
dig inte.

O, min älskade, kommer du ej snart?

E. Weinbaum.

О возлюбленный мой, неужели ты скоро не придешь?
Неправда, будто ты скрываешься в королевских залах.
Ты пребываешь в темных углах, в жалких хижинах.
И ты отказываешься прийти ко мне, мое светлое небо
не манит тебя.

О возлюбленный мой, неужели ты не скоро придешь?

30 декабря 1921 г.²⁰

Л. 12

* * *

A M-lle Vera Soutouguine

Des élus, dont l'esprit du Beau se rassasie,
Sourd au tonnant courroux du vulgaire intestin,
Belle, vous animez l'harmonieux festin,
De nos lugubres jours radieuse Aspasie.

L'ardent Octavio petille et s'extasie,
L'amour de Pou-Tchi-Fou est sombre et clandestin.
Et tous sont à vos pieds. Tel est l'heureux destin
Des athées d'Europe et des bonzes d'Asie.

Mais de ces grands captifs aucun ne célébra
Votre âme et vos cheveux en un sonnet, Véra,
Dont les quatorze échos de vos regards soient dignes.

A ce mal outrageux au ciel remédia
Michel de Lozinski, humble auteur de ces lignes,
Emule de Ronsard et de Hérédia.

4. I. 1922.²¹

Л. 13

* * *

«Мне время тлеть, тебе цвести...»
Влачась в хандре тупой, инертной,
Дерзну ли в твой альбом внести
Мой вялый стих, почти посмертный?
На избалованных листках,
Среди блистательных соседей
Тебе покажется он — ах! —
Неповоротливей медведей.
Но снисхождения прошу —
Своей не позабыл я меры, —
И если все-таки пишу,
То в доброту лишь веря Веры.
Кто весел так всегда и мил?
Болтаешь с кем, не ставя точек
На i? Кто так исправен был
В подсчитываньи наших строчек?
Так жадно Гейне кто читал,
Храня презренье к хладной прозе?
Кто жалованье все спускал
За карамели толстой Розе?
Кто пошлость ненавидит зло?
Кто прям и не играет роли?
К кому забавные библио
Несут поклонники на столик?
Сонет французский посвятил
Кому второй Трике — Лозинский,
И чувств к кому не изменил
Капризный, как султан, Волинский?
Кто, истину рубя сплеча,
Превосходя свирепством буку,
Порой ругнет вас сгоряча
И первый вам протянет руку?
Кто...

Но скажу здесь «стоп» стихам,
Тебя хвалить перо устанет:
Тобой заслуженным хвалам
Верь, Вера милая, конца нет!

СПб.

Н. Лернер.

7/20 января 1920.²²

Л. 13 об.—14

* * *

Из «Burlador de Sevilla»
(«Севильский оболъстителъ»)

Si ese plazo me convida,
Para que gozaros puedo,
Pues larga vida me quedo, —
Dejad que pase la vida.
Si de mi amor aguardais,
Señora, de aquesta suerte,
El galardón en la muerte,
Que largo me lo fiáis!

Tirso de Molina

По-русски:

Быть моею так нескоро
Вам, прекрасная, придется, —
Ибо жить мне остается
Слишком долго, о синьора!
Если Вы, синьора, ждете,
Чтоб награду дать мне, смерти, —
Вы обоим нам, поверьте,
Слишком долгий срок даете!

В. Пяст.²³

Л. 15

* * *

Quant'è bella giovinezza,
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia:
Di doman non c'è certezza.
(Lorenzo de' Medici, secolo XV).

Negli accenti di questa lirica di PRIMAVERA ITALIANA mi pare ritrovarsi qualche cosa che somiglia al sentimento della nostra epoca: la stessa allegrezza cioè amore della vita mista a una profonda malinconia. Come allora, e più fortemente che allora, ci sta presente l'immagine della Morte —

Tanto Fortuna al mondo è mal costante:
Sola sta ferma e sempre dura Morte,
come ha detto lo stesso Lorenzo —

e però noi ritroviamo sempre la forza di lui opporre il sentimento di gioia della vita, perpetua ed inesauribile. Gli anni sfuggono, ma da noi stessi dipende di guardare in noi sempre fresca e nuova questa gioia di vita, che è la vera giovinezza di spirito, giovinezza di cuore.

A. Smirnov.

1922. 4 Dic<embre>.²⁴

Л. 16—16 об.

בור פילק אבאר זא
 אבארף לעלם צופת.
 אצח בעסם אבא בעסם
 אורל עקולו שארף גארט האזו עס.
 הולק חל פחם אולגס אל צפון
 סוגס סיסז הולק הדרוח
 אול סיוקתו עס הרוח
 כל הנחלים הלכום חל הום
 אהים איתנו טלא,
 חל עקול סיעחליו הלכום
 עס הום סיוז אלנת.
 כל היסורים יקדים לא אילא אום לעסך
 לא תפגד עין לישלח אלא אלא און עמם
 (ועצמי קהלת מן גור טלך ביהאשיות)

בור אוקולגסקי²⁵

20/5/22

* * *

РОМАНС

Не верь, не верь, о дева Вера,
Словам: любовь, свобода, честь —
Всему, что долу, вес и мера
(Увы, метрические!)* есть.

Не верь утехам легким света,
Ни прочности семейных чар,
Ни клятвам верности поэта,
Когда он просит гонорар.

За всякой шалостью Амура
Стоит иное божество:
«Всемирная Литература»,
Расчет — и больше ничего!

Бенедикт Лившиц.

8/111/ 23.

* В день введения метрической системы сочинен сей романс.

Б. Л.²⁶ Л. 18

* * *

Улыбчиво-гостеприимны
В веках поющие листы,
Легко вмещающие гимны
Столь разноликой красоты.

И соглашает все различья,
Равно торжествен и велик,
Священного косноязычья
Единый жреческий язык.

Юрий Верховский.

Петербург.
Осень 1923 г.²⁷

Л. 19

* * *

Он был вождь в Литературе,
А она была при нем,
Сокрушаясь об Амуре,
Каждый день секретарем!

Йонов пакостным манером
Дом закрыл ненастным днем, —
Стал он горным инженером,
А она секретарем.

Федор Сологуб.

17/30/IX. 23 г.²⁸

Л. 20

371

Письмо пусть будет
без конца.

Б. К.³¹

Л. 24

* * *

Как и Вы, я смотрю на вещи изнутри.
Оттого и пластические знаки моих отношений <к>
людям скромны и сдержанны. Это отвечает моим чувствам

А. Волинский.³²

<1920. Апрель>.

Л. 29

* * *

Das Wesen eines Volkes ist wie das Wesen einer einzelnen
Person: Sein Charakter ist sein Schicksal!

(J. Wassermann)
Marchesetti.³³

<1920. Апрель>.

Л. 29

* * *

L'homme doit agir comme s'i<l>
pouvait tout. — et se resign<er>
comme s'il ne pouvait rie<n>.

J. de Maist<re>

С подлинным верн<o>.

А. Ко<ни>.³⁴

<1920. Апрель>.

Л. 29

* * *

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Н. Гумилев.³⁵

<1920. Апрель>.

Л. 29

* * *

De ces biens passagers dont on goûte à demi,
<Le> meilleur qui nous reste est un ancien ami.
<On> se brouille — on se fuit. — Qu' un hasard nous rassemble,
<On s' a>pproche — on sourit — la main serre la main,
<Et> nous souvenons que nous marchions ensemble,
<Qu>e l'âme est immortelle, et qu' hier c'est demai<n>.

A. de Musset.

<?> Вера Александровна, лучше я не придумаю.

Апрель 1920 г.³⁶

Л. 29 об.

* * *

Et diantre! Il faut bien que tout le monde vive!

H. de Balzac
Serge Zaroudny.

2 Av<ril> 1920.
Petersbourg.³⁷

Л. 30

* * *

Верочка! Люблю Вас
безумно. Не верьте
Сильверсвану, он —
интриган!

Ваш Чуковский.³⁸
<1920. Апрель.>

Л. 30 об.

* * *

Все понять — все простить.
А Вы так часто на меня
сердитесь.

В. Инсарская.³⁹
<1920. Апрель.>

Л. 30 об.

* * *

Выше всего в мире — труд.

С. Штрайх.⁴⁰
<1920. Апрель.>

Л. 30 об.

* * *

Вивинька, милая, люблю очень.

Е. Струкова.⁴¹
<1920. Апрель.>

Л. 30 об.

* * *

2 апреля (1 апреля еще не было).
По очаровательной доброте Вера Алек<сандр>овна
Вторая во Всем Мире.

Федор Сологуб.⁴²
<1920. Апрель.>

Л. 31

* * *

Rappelle-toi, quand sous la froide terre
Mon cœur brisé pour toujours dormira.

5/IV-920.
B. Silfversvan.⁴³

Л. 31

* * *

Seul le silence est grand, tout le reste est faiblesse.

5/IV-20 г.

Maggi.⁴⁴

Л. 31

* * *

Un souvenir heureux est peut-être sur terre
Plus vrai que le bonheur.

A. de Musset.

В. И.⁴⁵

<1920. Апрель>.

Л. 31 об.

* * *

Верочка, люблю Вас, когда Вы ласковенькая, а злючку нет.

Мариша. 5/IV-20 г.⁴⁶

Л. 31 об.

* * *

А я всякую — и такую и этакую.
Но все-таки шоколад — больше. Кто знает, где продается шоколад,
пусть напишет здесь.

В. Зорг<ен>фр<ей>.⁴⁷

<1920. Апрель>.

Л. 31 об.

* * *

Что значит жить? В борьбе с судьбою,
С страстями темными сгорать.
Творить? — То значит над собою
Нелицемерный суд держать.

Ибсен.

А. Ганзен.⁴⁸

<1920. Апрель>.

Л. 31 об.

* * *

Не верь мне, дева на скале...

А. Пушкин.

Платона платаны

В. Иванов.

Магнолии, платаны, пальмы, лавры.
С утра до вечера отраден горизонт.
И солнце неизменно бьет в литавры,
И вьется псом у ног Эвксинский понт.

Эллада ль? Тропики ль? Возвращенный влагой
И солнцем, как прекрасен этот мир!
С упорным буйством, с дерзкою отвагой
Невиданный здесь жизнь правит пир.

Между деревьями и меж кустами
Змеєю черной тянется гудрон,
Где, одинокие, блуждают вечерами,
Пока дневную лень не сломит сон...

Но мертв и беден мир многообразный,
Когда он взором девы не согрет,
Когда в беспечности и лени праздной
Незаменимого Эрота нет.

Вотще Платона мудрого платаны
Мне предлагают сень и аромат,
Вотще звенят и птиц крикливых стаи
И хоры субтропических цикад.

Вотще! Из всех богов дано Эроту,
Из всех богинь — тебе одной дана
Власть вещая сгонять с чела заботу,
Растить на прахе жизни семена.

Свой грозный, но желанный лик, Платона
Усердная поклонница, яви,
Мелькни на черной полосе гудрона
И мертвый пир, о Вива, оживи.

Envoi

Какая-то стоит меж нами
Который год
Неумолимая стена —
Когда, и под какими топорами
Падет
Она?

Сочи — Москва.
Сентябрь 1930 г. Д. В.⁴⁹

Л. 38 об.—39 об.

* * *

Смиряться приучает нас природа,
Мать и могила бранных наших тел,
И знаем мы, что в мире нет свободы,
Но есть закон, неволя и предел.

Но вот, — всему, чем наши души живы,
Такое знание — мертвая вода.
И незаконному, бунтарскому призыву
Упорно мы твердим и шепчем «да».

А жизнь шумит. В ее огромной клетке,
Как волк в зоологическом саду,
Что лишь во сне родные видит ветки,
Когда-нибудь я тоже упаду.

Но до тех пор, — ведь Вы со мною рядом,
Но до тех пор, — а впереди года,

Я каждым помышленьем, каждым взглядом
На тот призыв клянусь ответить «да».

19—7/VIII—28.⁵⁰

Л. 42

* * *

(Из подслушанных бесед)

Первый: Как клевета похожа на правду!..

Второй: Да. На правду не похожа только сама правда.

(Подслушала Анна Ахматова).

25 марта 1962.

Ленинград.⁵¹

Л. 43

* * *

Свободная, наглая и неудачная
кража из З. Гиппиус.

Вера.

Маленькая, грустная,
Носом <ноквинойная?>

Милая, славная,

Черноглазая.

Часто ленивая, редко примерная,
Изредка пьяная, буйно-капризная,
Вечно прохладная, лунная, звездная,
Тайная, скрытая и ненасытная.

Как не любить ее, ласково-нежную,
Дивную, тайную, властную, резкую?

М.⁵²

Л. 49

* * *

ياقترای یولدر یانادر
تۆن قارا بولان ساینه ؛
کوللیرنه نه گۆرم تۆمنه
با صتم قارا بولان ساینه
ع. جلوبقای
همودو

Кур<ший?>. ⁵³ Л. 55

Дорогая Вивинька!

Эти стихи — очень давнишние, совсем желторотые. Не стихи, а стишата. Но пусть приютятся в этом блестящем альбоме, среди мудрых и зрелых, — как напоминание о том времени ante lucem, когда мы с Вами только вступали в Литературу: я — в русскую, Вы — во Всемирную. Мне еще не было двадцати лет. А Вам? Лет 25, не больше?

Сказала жизнь: «Несбыточного нет.
Суров закон земли:
Оракул пал, и ложь — его ответ.
Словам людским внемли».

Но не приемлет сердце этот мир
Сомнений и тревог,
И тайно ждет: поверженный кумир,
Быть может, — все же Бог?

(1915) 1962 — с крепким поцелуем — Е. Тагер.⁵⁴
Л. 56

А этим стихам Георгия Маслова даже больше 40 лет от роду. Но, по-моему, они звучат. Мне кажется — прозвучат и для Вас.

АПРЕЛЬ

Уж скоро в воздухе нагретом
Певец рассыплется руладой,
Которой говорит поэтам
О том, как счастье славить надо.

Мне вспомнились иные песни...
Зарывшиеся в книжной пыли,
Они, апрельских дней чудесней,
Тепло на душу низводили.

Пусть рассудительней и суше
С годами мы, подруга, стали,
И наши слившиеся души
Так много приняли печали...

Но в сердце, полном юной дрожи,
Они еще живут в глубинах,
Его, усталое, тревожа
Движеньем крыльев лебединых.

И, может быть, воскресну слаще,
Струей широкой и свободной,
Чем в годы юности кипящей,
Прекрасной, смелой и бесплодной.

(Омск, 1919 г.).

Автору тогда было 24 года.⁵⁵

Л. 56 об.—57

In den Ocean schiff't mit tausend Masten der Jungling.
Still auf gerettetem Boot treibt in den Hafen der Greis.

Так себе — я написала,
но вырвать нельзя — обложка.⁵⁶

Л. 60 (обложка)

¹ Автограф не установленного лица. Вписано карандашом в день именин В. А. Сутугиной (30 сентября). Дата поставлена в старом стиле.

² Рисунок и запись *Владимира Казимировича Шилейко* (1891—1930), ассириолога, исследователя ассирийской и вавилонской культуры, поэта, переводчика. Во «Всемирной литературе» Шилейко работал по приглашению Гумилева, подготовил к изданию книгу переводов «Ассиро-вавилонский эпос», перевод древнейшей эпической поэмы «Гильгамеш» (начало работы над переводом относится к 1914 г.), не появившаяся в печати. «Гильгамеш» в переводе Гумилева с предисловием Шилейко издан в 1919 г. в издательстве З. И. Гржебина (СПб.). Преподавал в Литературной студии издательства. Подробнее о нем см. вступ. статьи Вяч. Вс. Иванова в кн.: *Всходы вечности: Ассиро-вавилонская поэзия в переводах В. К. Шилейко*. М., 1987. С. 129—158; А. Г. Меца и И. Г. Кравцовой в кн.: *Шилейко В.* Паметки на полях. Стихи. СПб., 1999. С. 3—47. Последняя книга — наиболее полное собрание стихотворений Шилейко 1913—1917 гг. Под этим же рисунком подпись А. А. Ахматовой, в то время — жены Шилейко. О взаимоотношениях Ахматовой и Сутугиной см. в статье Р. Д. Тименчика и А. В. Лаврова «Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 72—75). Автографы Шилейко и Ахматовой см. также на л. 7 и л. 43.

³ Рисунок и запись *Бориса Павловича Сильверсвана*, имевшего в издательстве шуточное прозвище «Серебряный лебедь» (в переводе со шведского silver — серебряный, swan — лебедь), под которым он выведен Замятиным в «Краткой истории „Всемирной литературы“». Запись атрибутирована также по почерку (см., к примеру, его записку секретарю Научно-театрального отдела Наркомпроса от 30 июня 1919 г.: РО ИРЛИ, ф. 474, № 529). О Сильверсване см. прим. 58 к вступительной статье. Его автограф в альбоме Сутугиной см. также на л. 31, в альбоме Руры — на л. 8 об.

⁴ Запись *Игнатия Юлиановича Крачковского* (1883—1951), востоковеда, исследователя арабской культуры. На арабском языке вписано посвящение Сутугиной.

«Принадлежность к женскому роду не порочит имени солнца,
А принадлежность к мужскому роду не придает славы месяцу.
Если ты превосходишь всех людей, среди которых находишься,
То ведь мускус составляет часть крови газели».

Перевод А. А. Долининой. *Ватрослав...* — по-видимому, шуточное соединение арабского слова «ватр» (струна) и славянского корня «слав» (славный). Подробнее о Крачковском см.: *Долинина А. А.* Невольник долга. СПб., 1994. Автограф Крачковского в альбоме Руры см. на л. 2.

⁵ Автограф стихотворения на монгольском языке *Бориса Яковлевича Владимирова* (1884—1931), востоковеда, исследователя монгольской культуры. Автор записи указан Сутугиной в ее тетради с копиями автографов из альбома (РО ИРЛИ, ф. 720, № 120, л. 17 об.).

«Прекрасным повелением
Пусть процветает твой.
Немыслимо великим образом
Появляешься, как свет луны.
Счастья и процветания
Прекрасной Верочке.
Балдур пронесит благопожелание из собственных рук».

Подстрочный перевод Е. А. Кузьменкова. *Балдур...* — медоточивый.

⁶ Запись *Василия Михайловича Алексеева* (1881—1951), исследователя китайской культуры, основоположника советской китаистики. Стихотворное посвящение Сутугиной вписано на китайском языке. Слева — авторский перевод. Запись сделана в

день именин В. А. Сутугиной (30 сентября). Дата поставлена в старом стиле. *Чжун пай-шань* — Южно-Китайские горы. В 1919 г. В. М. Алексеев читал курс китайской поэзии в Студии «Всемирной литературы». Его запись в альбоме Руры см. на л. 7 об.
7 Запись *Евгения Эдуардовича Бертельса* (1890—1957), исследователя иранской литературы.

«Specialité de la maison» — «фирменное блюдо» (франц.).

गजासना

— «поза слона» (одна из поз його).

Перевод с санскрита Н. В. Гурова.

«Я не помню ни одного бейта. Я невежда.

Поэтому я ничего не могу написать».

ज्जासननि

Перевод с персидского Е. К. Ивановой.

— «восседающий в позе слона».

Перевод с санскрита Н. В. Гурова.

Beim — двустишие. *Fr'ey* — о ком идет речь, установить не удалось. Шуточные прозвища «Фра 1» и «Фра 2» (финское название египетского бога солнца Ра) были у Ю. К. Щуцкого (см. прим. 8) и В. А. Эбермана (см. прим. 9), «Фрош» — у Зоргенфрея (см. прим. 47). Возможно, имеется в виду филолог-иранист, коллега и сверстник Бертельса и Крачковского *Александр Арнольдович Фрейман* (1879—1968), сотрудничавший во «Всемирной литературе». Его имя упоминается в письмах Крачковского Сутугиной. В 1920-е гг. Бертельс — преподаватель Петербургского университета, Института живых восточных языков, сотрудник Института востоковедения. Во «Всемирной литературе» входил в состав Восточного отдела коллегии экспертов, переводил с персидского и турецкого. Его автограф в альбоме Руры см. на л. 8.

8 Запись *Юлиана Константиновича Щуцкого* (1897—1946), исследователя китайской литературы, ученика В. М. Алексеева. Стихотворение написано на японском языке. Слева — авторский перевод. Запись сделана в день именин В. А. Сутугиной (30 сентября). Дата поставлена в старом стиле. Во «Всемирной литературе» в его переводе, под редакцией и с предисловием В. М. Алексеева издана «Антология китайской лирики У11—IX вв.» (М.; Пб., 1923). Летом 1937 г. Щуцкий защитил докторскую диссертацию, изданную впоследствии в сокращенном варианте: «Китайская классическая „Книга перемен“» (М., 1960). Репрессирован в 1937 г., осужден на 10 лет заключения. Подробнее см. о нем: *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. М., 1982; по именовому указателю, а также вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Грякаловой к ее публикации: Стихотворения Е. И. Васильевой, посвященные Ю. К. Щуцкому // Русская литература. 1988. № 4. С. 200—205.

9 Автограф стихотворения на арабском языке (Л. 5 об.) *Василия Александровича Эбермана* (1899—1937), востоковеда, ученика И. Ю. Крачковского, и авторский перевод (Л. 6). *Зухлудь...* — короткошерстый (так в восточной литературе называли гепарда) — шутивное прозвище Эбермана, под которым он фигурировал на литературных вечерах «Малак» («Малая Академия»), устраиваемых в начале 1920-х гг. сотрудниками Азиатского музея. См. об этом: *Бальцовская М. В.* Малак — литературные вечера востоковедов. 1920-е годы // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 119—126; *Она же.* «Малая Академия» в Азиатском музее // Народы Азии и Африки. 1985. № 3. С. 139—152. *Кузен...* — шуточное прозвище Эбермана в издательстве. Для Восточного отдела «Всемирной литературы» Эберман перевел сказки из «1001 ночи», стихи арабского поэта Ибн-Хамдиси (Восток. 1923. Кн. 3. С. 26—30; см. также его статью «Арабы и персы в русской литературе»: Там же. С. 108—125). Подробнее о нем см.: *Долинина А. А.* Невольник долга. По именовому указателю.

10 Запись *Николая Авдеевича Оуна* (1894—1958), поэта, ученика и биографа Гумилева. Сочиненное им стихотворение на латыни — пародийное подражание стилю древнеримского поэта Катулла, отличающемуся обилием прилагательных в превосходной степени.

«Девушка прекраснейшая
И знаменитейшая,
Я, Оцуп, люблю тебя.
Пожрал меня волк любви!»

Подстрочный перевод Т. А. Кукушкиной. Фамилия в скобках под автографом — карандашная приписка Сутугиной. Оцуп работал над переводами Дж. Байрона («Еврейские мелодии»), Ш. Бодлера, Л. де Лиля, Р. Саути («Дон Жуан Гуальберто», «Испанская армада»), Т. Готье («Луна и солнце», «Рибейра»). В конце августа 1922 г. командирован в Берлинское отделение «Всемирной литературы» для согла-

сования списка книг, предполагаемых к печатанию в Германии, откуда уехал в Париж. Подробнее о нем см.: *Аллен Л.* «С душой и талантом...»: Штрихи к портрету Николая Оцупа // *Оцуп Николай*. Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания о писателях. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 3—24. См. также в прим. 9 к альбому Руры. Его автографы в альбоме Сутугиной см. на л. 10 об.— 11, в альбоме Руры — на л. 2.

¹¹ Рисунки и запись В. К. Шилейко карандашом. Рисунками изображена послыца: «Сама себя раба бьет, коли плохо жнет». Перевод, очевидно, сообщенный Шилейко, указан Сутугиной в ее тетради с копиями автографов из альбома (РО ИРЛИ, ф. 720, № 120, л. 17 об.). Клинописью записаны строки второй таблички «Песни о невинном страдальце» (ассиро-вавилонская поэзия); ниже — перевод Шилейко. Опубликованы с различением: «Увы, как превратны все вещи на свете! / Погляжу я назад — позади меня горе» (*Шилейко В. К.* Через время. Стихи, переводы, мистерия / Сост. Т. И. Шилейко. Предисл. Вяч. Вс. Иванова. М., 1994. С. 72). Фамилия в скобках под автографом — карандашная приписка Сутугиной.

¹² Автограф *Сергея Федоровича Ольденбурга* (1863—1934), исследователя индийской литературы (санскритолога), академика, непрямого секретаря Академии наук (1904—1929). На санскрите вписан один из основных постулатов индийской философии, исходящей из учения о преемственных существованиях души, о ее перевоплощении.

«То — есть ты»; или: «это — ты сам».

Перевод Н. В. Гурова. С 1916 г. Ольденбург — директор Азиатского музея (Институт востоковедения РАН). Председатель Восточного отдела коллегии «Всемирной литературы».

¹³ Запись на английском языке писателя *Евгения Ивановича Замятина* (1884—1937; Париж).

«Не будь такой хорошей: это всегда лучше».

Перевод Т. А. Кукушкиной. Под редакцией Замятина в издательстве готовились переводы произведений Г. Уэллса, Дж. Лондона, Р. Роллана, Э. Синклера, О' Генри, Р. Киплинга. В архиве Сутугиной в РО ИРЛИ хранятся две фотографии Замятина с его дарительными надписями: «Милой Виве — в утверждение старой нашей дружбы. Евг. Замятин. 2/15—11—1925» (Ф. 720, № 9, л. 1); «Дорогой Виве от вечно, котлетно благодарного Евг. Замятина. 21—1У—1925» (Там же, л. 2). В архиве Замятина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее: ОР РНБ) — его книга с дарительной надписью Сутугиной (см.: Рукописные памятники. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. Вып. 3. Ч. 2. С. 526). Замятин был шафером на свадьбе сестры Сутугиной Ирины (в замужестве Фитингоф; 1899—1942). Стихотворение Замятина в альбоме Руры см. на л. 11.

¹⁴ Запись историка и теоретика искусства, литературного и балетного критика *Акима Львовича Вольнского* (наст имя и фам. Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926) на греческом языке и авторский перевод. В греческом тексте допущена ошибка. Второе слово следует читать: «ψυφοδετος» (атрибуция Е. В. Свиясова). Во «Всемирной литературе» Вольнский редактировал сочинения К. Гоцци, К. Гольдони, И.-Г. Гердера («Мысли из области истории человечества»), Г. Мейринга («Голем»), Дж. Папини. О работе в издательстве см. его интервью: Вестник литературы. 1919. № 8. С. 4. О дружбе с Вольнским Сутугина вспоминала с нежностью: «Ну, а лучше всех все же был Акимушка. И никто Вы его не понимали и не ценили. <...> Ни у кого я не видала таких взлетов мысли, от которых, бывало, дрожь пробирает, и на самые разнообразные темы, из самых разных областей. О чем мы только не переговорили — и о Леонардо да Винчи (с него и началась наша дружба), и о Греции, кот<орую> он любил как эллин, и о христианстве и иудействе, и о Шопенгауэре и Канте — всего не перечешь» (из письма Крачковскому от 15 мая 1945 г.: Архив РАН, ф. 1026, оп. 3, № 513, л. 23). В знак дружеского расположения Вольнский подарил ей фотографию с надписью: «Берегите нашу дружбу, милая Вера Александровна. А. Вольнский. Апрель 1919» (РО ИРЛИ, ф. 720, № 13). Его запись в альбоме Сутугиной см. также на л. 29, в альбоме Руры — на л. 2. См. также прим. 57, 58 к вступительной статье.

¹⁵ Автограф стихотворения пролетарского поэта, библиографа *Павла Яковлевича Заволокина* (псевд. Павел Яковлев; 1878—1941). Опубликовано в журнале «Отклики» (Сызрань. 1919. № 6. С. 5), редактируемом К. А. Фединым. Участвовал в литературных сборниках «Рассвет», «Молодые всходы», «Арлекин», сборнике «Поэтов и поэтесс». Единственная книга стихотворений — «Плоды вдохновения» (Режицы,

1897). Составитель справочника «Адрес-календарь железнодорожника» (СПб., 1911—1915. Вып. 1—5), сборника «Современные рабоче-крестьянские поэты в образах и автобиографиях» (Иваново-Вознесенск, 1925). Собирал биобиблиографический материал для сборника «Поэты пролетарской революции», «Словаря русских поэтов и поэтесс от начала русской образованности до наших дней». Служил в петроградском комитете по топливу (1915—1919), работал библиотекарем в Доме Петросовета (1919—1920), издательстве «Всемирная литература» (1920—1922), Коммунистическом университете им. Зиновьева (1922—1931; размещался в Таврическом дворце). В мае 1931 г. выслан из Ленинграда и по май 1934 г. жил в Красноярском крае, работал в столовой г. Ачинска и на Кетском лесозаводе. По возвращении из ссылки служил в Ленинградском областном издательстве. В мае 1935 г. вторично арестован, выслан в Ленинградскую область. Сведения приведены по материалам архива Заволокина (ОР РНБ, ф. 291, № 1).

¹⁶ Автограф стихотворения поэтессы, автора нескольких пьес *Наталии Васильевны Грушко* (в первом браке Марковой, во втором — Островской; 1891—1974). В издательстве подрабатывала переводами. В архиве Сутугиной сохранилась подаренная ей Грушко книга стихов «Ева» (Пг., 1922) с надписью: «Сердцем Верочке Сутугиной от доброй Наташи Грушко. 26 апреля 1922 г. Дикому Вепрю, попирающему виноградник Господа» (РО ИРЛИ, ф. 720, № 42). Поэтические опыты Грушко оценены критикой как «простенькие и непритязательные», демонстрирующие «отсутствие элементарной техники» и «претенциозное глубокомыслие тем» (см. анонимную рец. на сб. «Ева»: Книга и революция. 1922. № 7(19). С. 60). Одобрительную, неопубликованную рецензию Н. А. Павлович см.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 264 (наборная машинопись). В середине 1920-х гг. отошла от литературы.

¹⁷ Запись на испанском языке *Бориса Аполлоновича Кржевского* (1887—1954), филолога, исследователя романских литератур, переводчика.

«Кто не курит табак и не пьет вино,
того дьявол уведет по другой дорожке».

Перевод В. Е. Багно. Во «Всемирной литературе» Кржевский перевел произведения Сервантеса (Вдовый мошенник // Памяти А. Н. Островского: Сб. Пг., 1923; Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / Пер. под ред. и со вступ. ст. Б. Кржевского и А. Смирнова. Пг.: Academia, 1932; Назидательные новеллы. М.; Л.: Academia, 1934); Б.-П. Гальдоса (Очарованный кавальеро. Пг.; М., 1923), А. де Ренья (Героические мечтания Тито Басси. Пг.; М., 1923), редактировал произведения Э. Ларрета, Т. де Молина (см. прим. 23). Автор исследования «Очерки по истории европейского театра» (Пг.: Academia, 1923). Подробнее см. о нем вступительную статью Н. Берковского к сборнику: *Кржевский Б. А. Статьи о зарубежной литературе*. М.; Л., 1960. С. 3—20.

¹⁸ Фрагмент стихотворения Г.-Х. Андерсена «Мелодии сердца», вписанный на датском и русском языке переводчицей со скандинавских языков *Анной Васильевной Ганзен* (1869—1942). Вторая строка текста на датском языке — неточная цитата (см.: *Andersen H. C. Digte, gamle og nye*. Kjobenhavn, 1847. S. 20). Перевод опубликован с различием в последней строке («Люблю тебя, люблю, и в век не разлюблю»); *Андерсен Г.-Х. Собрание сочинений: В 4 т. / Пер. с датского А. и П. Ганзен*. СПб., 1894. Т. 3. С. 486. В 1920-е гг. Ганзен принимала активное участие в деятельности многих литературных организаций Петрограда: секретарь Всероссийского Общества профессиональных переводчиков-литераторов, секретарь Общества взаимопомощи литераторов и ученых (1920—1921), член Комитета Дома Литераторов (1920—1922), полномоченный представитель литературных групп при Комиссии по улучшению быта ученых (1920—1923), член Правления и Президиума Ленинградского отделения Всероссийского Союза редакторов (с июля 1920). Во «Всемирной литературе» занималась переводческой и редакторской работой. В переводе и с предисловием Ганзен вышли рассказы Л. Нордстрема «Обыватели» (1919). Ее запись в альбоме Сутугиной см. также на л. 31 об., в альбоме Рурь — на л. 5 об.

¹⁹ Автограф стихотворения Н. А. Оцуца из его сб. «Град» (Пб.: Цех поэтов, 1921). *О Цизальпинском праве...* — имеется в виду свод законов Цизальпинской республики, образованной Наполеоном Бонапартом в 1797 г. в Северной Италии. См. также записи Оцуца в альбоме Сутугиной на л. 6 об., в альбоме Рурь — на л. 2.

²⁰ Запись на шведском языке и перевод текста *Эриестины Львовны Вейнбаум* (урожд. Биншток; псевд. Э. Львова, W.; 1863 — не ранее 1927), прозаика, переводчицы с французского, немецкого и скандинавских языков. Рассказы и очерки Вейнбаум печатались в журналах «Вестник Европы», «Театр и искусство», «Вестник знания»,

«Всеобщий двухнедельник», «Тропинка», «Кругозор». С 1918 г. — переводчица во «Всемирной литературе», затем — в Госиздате. Для «Всемирной литературы» перевела сочинения Й. В. Йенсена («Последнее путешествие Кирстен»), «Тридцать три года», «Бычок», «Деревенский поэт», «Линдбю — стрелок», «Гиммерландские рассказы»), Г. Онруда («Сидель, длинная рубаха»), И. Дебес («Новые времена»), Р. Амундсена («Новый фронт»), М.-А. Гольдшмидта («Еврей»), «Воспоминание о доме моего дяди»), А. М. Торсен («Страна полуночного солнца»), А. Франса («Боги жаждут»), Р. Роллана («Пьер и Люс»), брошюры К. Цеткин («Коммунисты и мир», «Руки прочь от России»). В 1924 г. вследствие тяжелой болезни отошла от литературы.

²¹ Автограф стихотворения на французском языке *Михаила Леонидовича Лозинского* (1886—1955), поэта, переводчика, автора перевода «Божественной комедии» Данте Алигьери.

«Мадемуазель Вере Сугугиной,
Унылых наших дней лучезарная Аспазия,
Вы, красавица, являетесь душой
Того пира, исполненного гармонией, где сходятся
Избранные, чей ум питается лишь красотой,
Не внемля гневному грохоту низменного чрева.

Пылкий наш Октавио весь сияет и восхищается,
Любовь Пу-Чи-Фу мрачна и скрытна.
И все у Ваших ног. Такова счастливая судьба
Европейских атеистов и азиатских бонз.

Но из этих великих пленников ни один
Не воспел Вашу душу и Ваши волосы в сонете,
Все четырнадцать рифм которого были бы достойны Ваших взглядов.

Этой беде, возмутительной для небес, положил конец
Мишель де Лозински, смиренный автор этих строк,
Соперник Ронсара и Эредиа».

Перевод Франсуазы Лесарж. *Аспазия* — одна из знаменитых женщин древней Греции (род. 470 г. до Р.Х.), жена Перикла. Отличалась незаурядным умом, образованностью и красотой. В ее доме в Афинах собирались политические деятели, ученые, философы. *Октавио* — персонаж комедии испанского драматурга Т. де Молина «Севильский озорник или Каменный гость», перевод которой был подготовлен в издательстве Вл. Пястом (прим. 23). Кто из сотрудников имеется в виду, не установлено. *Пу-Чи-Фу* — намек на В. М. Алексеева, переводившего рассказы китайского писателя XVII века Пу Сун Лина (псевд. Ляо Чжай; *Чжэй Ляо*. Лисьи чары. Пб.: 1922. Т. 1). *Соперник Ронсара и Эредиа...* — шуточный намек на поэтическое состязание с французскими поэтами, мастерами сонета П. Ронсаром и Ж.-М. де Эредиа. В 1921—1924 гг. Лозинский входил в Коллегию экспертов «Всемирной литературы», вел семинар стихотворных переводов в Литературной студии издательства и Дома Искусств. Вместе со студийцами впервые в истории переводческой практики предпринял опыт коллективного перевода отдельных сонетов из сборника Ж.-М. де Эредиа «Трофеи», опубликованный лишь в 1973 г. В его переводе в издательстве подготовлены произведения Д. Аннунцио (Пизанелла или благоуханная смерть. Пг.: Мысль, 1922), К. Гоцци (Зеленая птичка. Пб., 1922), Л. де Лилия (Эринии. Пб.: Петрополис, 1922), Ж. Ромэна (Чья-то смерть. Л.: Academia, 1925). «В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для двадцатого века тем же, чем был Жуковский для века девятнадцатого», — вспоминала Ахматова (*Ахматова А.* Михаил Лозинский // Стихи и проза. Л., 1976. С. 560). См. о нем: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 327—329; а также в прим. 57 к вступительной статье.

²² Автограф стихотворения историка литературы, пушкиниста *Николая Осиповича Лернера* (1877—1934). Запись внесена в альбом в январе 1922 г., ошибочно датирована Лернером 1920 г. В тексте содержится отклик на сонет М. Л. Лозинского, помещенный на предыдущей странице альбома в январе 1922 г. после записи Вейнбаум от 30 декабря 1921 г. «*Мне время тлет, тебе цветсти...*» — цитата из стихотворения А. С. Пушкина 1829 г. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». *Кто весел так всегда и мил...* — здесь и далее поэтика стихотворения ориентирована на поэму Пушкина «Евгений Онегин» (Глава IV, ст. XXII). *Сонет французский...* — имеется в

виду сонет Лозинского на французском языке (л. 13). Трике — комический персонаж поэмы Пушкина «Евгений Онегин», записной поэт. В 1918—1920 гг. Лернер работал в литературном отделе Наркомпроса, с 1920 г. — профессор на кафедре истории литературы Педагогического института им. А. И. Герцена. Во «Всемирной литературе» редактировал произведения П.-Ж. Беранже («Повесть»), А. Додэ (Избранные романы), Э.-Д. Парни и А.-М. Шенье (Избранные стихотворения), Ж. де Сталь («Коринна»), К. Фаррера («Рассказы о моряхах», «Шивилизованные», «Опиум»). См. об этом в его письме в издательство «Всемирная литература» от 25 марта 1919 г.: РО ИРЛИ, р. 1, оп. 27, № 209. Автограф Лернера в альбоме Руры см. на л. 10.

²³ Автограф поэта, переводчика *Владимира Пяста* (наст. имя и фам. Владимир Алексеевич Пестовский; 1866—1940). На испанском языке вписана цитата из комедии испанского драматурга Тирсо де Молина «Севильский озорник или Каменный гость». Здесь же — перевод Пяста. См.: *Молина Тирсо де*. Театр. М.; Л.: Academia. 1935. С. 436. Во «Всемирной литературе» им подготовлен также перевод комедии «Дон Хиль Зеленые Штаны» (Под ред. Б. Кржевского и М. Лозинского; Берлин: Петрополис, 1923).

²⁴ Запись на итальянском языке *Александра Александровича Смирнова* (1883—1962), исследователя западно-европейской культуры, переводчика, шекспиролога.

«Помни, кто во цвете лет,
Юн не будешь бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

(Лоренцо де Медичи, XV век).

В мотивах этой лирики ИТАЛЬЯНСКОЙ ВЕСНЫ, мне кажется, что-то соответствует сознанию нашей эпохи: та же радость, которая есть любовь к жизни, смешанная с глубокой грустью. Как и тогда, и даже больше, чем тогда, присутствует образ Смерти —

Как непостоянно в мире Счастье,
Одна лишь Смерть всегда тверда и сурова,

как то же самое говорил и Лоренцо — однако, мы все же замечаем его силу противопоставить чувство радости жизни, постоянное и неиссякаемое. Годы проходят, но только от нас зависит, сохраним ли мы в себе свежей и обновленной ту радость жизни, которая и есть истинная молодость духа, молодость сердца.

Четверостишие — фрагмент «Вакхической песни» итальянского поэта Лоренцо де Медичи в переводе Е. Солоновича (Итальянская поэзия XIII—XIX вв. в русских переводах / Сост. Р. Дубровин. М., 1992. С. 127). Прозаический текст и двустишие из канцони 59-й Л. де Медичи (*Medici Lorenzo de. Canzoniere. Firenze, 1991. T. 2. С. 462*) приводятся в переводе А. Е. Шашковой. Во «Всемирной литературе» Смирнов редактировал переводы с французского, в частности, «Жизнь в цвету» А. Франса (Пб.; М.: Всемирная литература, 1923). Подробнее о нем см.: *Плавский З. И. А. А. Смирнов, ученый и литератор // Вега Lone de. Новеллы / Пер., предисл. и прим. А. А. Смирнова. М., 1969. С. 283—293.*

²⁵ Запись на древнееврейском языке (неогласованный иврит) *Давида Исааковича Выгодского* (1893—1943; скончался в заключении), поэта, переводчика, литературного критика.

4. «Род проходит, и род приходит,
А земля пребывает веки.
5. Восходит солнце, и заходит солнце,
И спешит к месту своему, где оно восходит.
6. Идет ветер к югу, и переходит к северу,
Кружится, кружится на ходу своем,
И возвращается ветер на круги свои.
7. Все реки текут в море, но море не переполняется:
К тому месту, откуда реки текут,
они возвращаются, чтобы опять течь.
8. Все вещи — в труде: не может человек
Пересказать всего; не насытится око зрением,
Не наполнится ухо слушанием.
(Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме).

Давид Выгодский.

Цитата из Ветхого Завета (Екклесиаст. Ч. 1. Стих 4—8). Текст атрибутирован Д. В. Дмитриевым. «Всемирная литература» планировала выпустить «Антологию еврейских поэтов», в работе над которой принимали участие Д. И. Выгодский, А. М. Эфрос, В. Ф. Ходасевич. По-видимому, для «Антологии» была написана статья Выгодского «Новые еврейские поэты» (Парфенон: Сборник 1/Под ред. А. Л. Вольского. СПб., 1922. С. 92—97). Подготовленные Ходасевичем переводы см.: *Ходасевич В. Из еврейских поэтов*. Берлин: Изд. З. И. Гржебина, 1922; републ.: *Он же. Из еврейских поэтов* / Предисл. Р. Тименчика; Сост., вступ. ст. и коммент. З. Копельмана. М.; Иерусалим, 1998. Отдельные стихи из Ветхого Завета в переводе Эфроса печатались в журнале «Восток» (Пб., 1923. Кн. 2. С. 19—30). Он же готовил перевод одной из книг Ветхого Завета — «Руфь». Подробнее о Выгодском см.: *Фатхуллина Р. Материалы к биографии Давида Выгодского // Лица. М.; СПб., 1992. [Вып.]. С. 78—110. Стихотворение Выгодского в альбоме Сутугиной см. также на л. 38 об. — 39 об.*

²⁶ Автограф стихотворения поэта, переводчика *Бenedикта Константиновича Лившица* (1886—1938; расстрелян). С 1922 г. работал переводчиком во «Всемирной литературе», затем — в иностранном подотделе ГИЗа. Переводил с французского произведения Ж.-М. Карре (Жизнь и приключения Жана-Артура Рембо. Л., 1927), Ж. Расина, П. Корнеля, О. де Бальзака. Впоследствии в его переводе вышли сборники стихотворений французских поэтов «От романтизма до сюрреализма» (Л., 1934), «Французские лирики XIX и XX веков» (Л., 1937).

²⁷ Автограф стихотворения поэта, переводчика, историка литературы *Юрия Николаевича Верховского* (1878—1956). В начале 1920-х гг. — приват-доцент Петроградского университета, сотрудник Исследовательского института при Университете, Высшего педагогического института им. Н. А. Некрасова, Государственного института истории искусств. Во «Всемирной литературе» переводил с итальянского и французского. Впоследствии в его переводе вышел сборник стихотворений итальянских поэтов «Поэты Возрождения» (М., 1948).

²⁸ Автограф стихотворения поэта, писателя, драматурга *Федора Сологуба* (наст. имя и фам. Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927). Написано карандашом на отдельном листе, вклеенном в альбом владелицей. Ее рукой поставлена и дата. Опубликовано: *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 184. Сюжет стихотворения связан с очередной попыткой слияния «Всемирной литературы» с Госиздатом. Проект реорганизации издательства, подготовленный И. И. Ионовым, обсуждался 29 ноября 1923 г. на заседании Петроградского отделения правления Госиздата (см. протокол заседания: ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 23, л. 50—51). *Вождь в Литературе* — заведующий издательством Александр Николаевич Тихонов, по образованию — горный инженер. Изображен Замятиным в «Краткой истории „Всемирной литературы“» под именем Цезаря Тихона, правящего «народами „Всемирной Литературы“». *Сокрушаясь об Амуре...* — намек на симпатию, питаемую Сутугиной к Тихонову. Строка стихотворения Сологуба «дом закрыл ненастным днем» надписана над зачеркнутым вариантом: «их пожрал ненастным днем». Сологуб входил в редакционную коллегию «Всемирной литературы», редактировал переводы Г. Клейста, П. Кюделя. Неверчивый и осторожный в общении, Сологуб в знак расположения к Сутугиной оставил в ее альбоме три автографа (см. на л. 22 и л. 31) и подарил несколько книг с надписями: «Милой Вере Александровне Сутугиной авансом ко дню Веры, а без Веры, Надежды и Любви и премудрой Матери их и свет не стоит. С приветом заместо именнинного посылу — Федор Сологуб. За 5 дней до Верина дня 1922 г.» (Чародейная чаша. Пб.: Эпоха, 1922: РО ИРЛИ, ф. 720, № 62); «Милой Вере Александровне Сутугиной, самосожигающейся в упоении» (Костер дорожный. М.; Пг., 1922: Там же, № 61). Его запись в альбоме Руры см. на л. 4.

²⁹ Автограф стихотворения прозанка, поэтессы, драматурга, переводчицы *Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник* (1874—1952). Написано на отдельном листе, вклеенном в альбом владелицей. Фамилия в скобках — карандашная приписка Сутугиной. Стихотворение относится к периоду работы Сутугиной в Госиздате, размещавшемся на Невском, д. 28, напротив Казанского собора, ныне — Дом книги. *Как на Верроккьевои картине...* — какая из немногих картин итальянского скульптора, живописца, ювелира второй половины XV в. Андреа дель Верроккьо имеется в виду, не установлено. Во «Всемирной литературе» Щепкина-Куперник работала с 1923 г., подготовила перевод комедии Т. де Молина «Благочестивая Марта» (*Молитва Турсо де*. Театр. М.; Л.: Academia, 1935), пьесы Р. Бракко «Веселые и грустные гримассы».

³⁰ Авторизованная машинопись стихотворения Ф. Сологуба; наклеено владелицей на альбомный лист. Опубликовано: Неизданный Федор Сологуб. С. 99. Автографы Сологуба см. также на л. 20, 31, в альбоме Руры — на л. 4.

³¹ Автограф стихотворения поэта, очеркиста, теоретика «левого» искусства *Бориса Анисимовича Кушнера* (1888—1937). Написано карандашом на листке из блокнота, вклеенном в альбом владелицей. Автор записи установлен по криптограммам и почерку (см., к примеру, его письма К. А. Сюннербергу 1918—1919 гг.: РО ИРЛИ, ф. 474, № 170). Сведения о его участии в переводческой работе издательства не выявлены. В 1920 г. «Всемирная литература» готовила к выпуску его книгу «Революция и электрификация» (см. «Перечень выполненных работ и счета сотрудников и авторов» за январь-декабрь 1920 г.: ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 24).

³² Лист 29 с автографом А. Л. Волынского, вклеенный в альбом владелицей, оборван по правому краю. Отсутствующие фрагменты слов восстановлены по смыслу и приводятся в угловых скобках. Датировка одной из записей на этом же листе позволяет отнести недатированные автографы Волынского, В. А. Маркететти, А. Ф. Кони, Н. С. Гумилева к апрелю 1920 г. Даты указаны в угловых скобках. Запись Волынского в альбоме Сутугиной см. также на л. 8, в альбоме Руры — на л. 2.

³³ Запись на немецком языке *Виктора Александровича Маркететти* (1874—1938), переводчика, заведующего библиотекой издательства «Всемирная литература».

«Судьба народа, как и судьба отдельного человека
определяется его характером!»

Перевод Т. А. Кукушкиной. Цитата, возможно неточная, из неустановленного произведения немецкого писателя Якоба Вассермана. Подобные суждения высказывались неоднократно в его публицистических сочинениях. См.: *Wassermann Jakob. Deutscher und Jude: Reden und Schriften*. 1904—1933. Heidelberg, 1984. Маркететти — австриец по происхождению, родился в Вене. С 1886 г. жил в Петербурге, где его отчим служил главным представителем американского страхового общества. В 1894 г. закончил Реформатское училище в Петербурге, затем — Высшие железнодорожные курсы в Вене. Служил в иностранном отделе Русского торгово-промышленного банка в Петербурге (1895—1898), в Австрийском железнодорожном министерстве (1900—1916). Вновь приехал в Россию в декабре 1917 г. в составе Австро-Венгерской миссии по делам военнопленных. Сочувствуя конечным целям РКП(б), остался в России. По предложению Горького с июля 1919 г. работал в секретариате «Всемирной литературы», переводил с немецкого роман Ю. Штинде «Семья Бухгольц», на немецкий язык — статьи З. Г. Зиновьева и Л. Д. Троцкого. Тогда же по поручению Горького занялся организацией библиотеки издательства и в начале 1920 г. стал ее заведующим. После передачи в октябре 1924 г. библиотеки «Всемирной литературы» в Публичную библиотеку остался в должности заведующего. В сентябре 1937 г. арестован вместе с женой Дорой Евгеньевной Лейхтенберг (урожд. вел. кн. Лейхтенбергская; 1881—1937) по обвинению в шпионаже. Расстрелян 15 января 1938 г., посмертно реабилитирован 1 июля 1975 г. Сведения приведены по личному делу Маркететти (Архив РНБ, ф. 1) и копии его судебного дела (Там же, ф. 16). Автограф Маркететти в альбоме Руры см. на л. 7.

³⁴ Запись на французском языке *Анатolia Федоровича Кони* (1844—1927), юриста, писателя, общественного деятеля.

«Человек должен действовать, как будто он может все,
а смириться, как будто он ничего не может».

Цитата из неустановленного сочинения французского публициста, дипломата Ж. де Местра. Перевод Франсуазы Лесарж. Лист, вклеенный в альбом владелицей, оборван по правому краю, отсутствующие фрагменты слов восстановлены по смыслу и приводятся в угловых скобках. Кони участвовал в редакторской работе издательства, в частности, редактировал переводы сочинений Ж. де Местра, написал предисловие к собранию его сочинений (не осуществлено). Письма Сутугиной к А. Ф. Кони 1919—1922 гг. см.: РО ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1662.

³⁵ Нижняя часть альбомного листа с автографом Н. С. Гумилева вырезана владелицей. В альбом вложена фотокопия автографа с припиской на обороте: «Подтверждаю, что оригинал, автограф Н. С. Гумилева получен мною от В. А. Кюнер 3 февраля 1967 г. А. Станюкович. 10.11. <19>67». В 1920—1921 гг. Сутугина была техническим секретарем Союза поэтов, руководимого Гумилевым (секретарь — Г. В. Иванов). В ее архиве сохранилась записка Гумилева, помеченная июнем

1921 г., с просьбой выдать печать и штамп Союза поэтов Д. С. Гумилеву (РО ИРЛИ, ф. 720, № 81) и его книга «Шатер: Стихи. 1918» (Севастополь, 1921) с надписью: «Всегда бесконечно любимой Вере Александровне Суругиной. Н. Гумилев. 22 июня 1921» (Там же, № 43). Стихотворение Гумилева, посвященное Руре, см. в ее альбоме на л. 6.

³⁶ Запись неустановленного лица на французском языке.

«Из быстротечных благ, мелькающих вокруг,
Одно останется всегда — старинный друг.
Мы можем разойтись — но если случай снова
Сведет нас, — мы, смеясь, друг другу руки жмем
И вспоминаем то, что было в нас живого, —
И смерти нет в душе, и снова мы живем».

Фрагмент сонета французского поэта Альфреда де Мюссе «Виктору Гюго» в переводе В. А. Рождественского (*Мюссе А. де. Избранные произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 283*). Текст атрибутирован по подстрочному переводу П. Р. Заборова. Лист, вклеенный в альбом владелицей, оборван по левому краю, отсутствующие фрагменты приводятся в угловых скобках.

³⁷ Запись на французском языке *Сергея Митрофановича Зарудного* (1856—1940), юриста, переводчика.

«Черт возьми! В конце концов всем жить надо!

О. де Бальзак».

Цитата из неустановленного произведения О. де Бальзака. Перевод Франсуазы Лесарж. Лист 30 вклеен в альбом владелицей. Датировка автографа С. М. Зарудного позволяет отнести недатированные записи Чуковского, В. Н. Инсарской, С. Я. Штрайха, Е. П. Струковой к апрелю 1920 г. Даты указаны в угловых скобках. Зарудный работал в издательстве с его основания, переводил сочинения М. Вейо («Богомолки св. Петра», «Аромат Рима», «Записки Парижа»), Ж.-О. Ламетри («Анти-Сенека или о счастье»), Э. Елло («Лики святых», «Золотой телец», «Азия», «Греция», «Рим»), О. де Бальзака («Гранд Бретеш»). В 1920-е гг. — научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

³⁸ Запись К. И. Чуковского карандашом. Его стихотворение в альбоме Руры см. на л. 3 об.; записи Сильверсвана в альбоме Суругиной — на л. 3, 31; в альбоме Руры — на л. 8 об.

³⁹ Автограф В. Н. Инсарской, сотрудницы технического отдела издательства. Вписано карандашом. *Все понять — все простить...* — словосочетание, восходящее к латинскому «*cognoscere ignoscere*», встречающемуся в комедии римского комедиографа Теренция «Самоистязатель».

⁴⁰ Автограф историка литературы *Соломона Яковлевича Штрайха* (1879—1957). Вписано карандашом. В 1921—1922 гг. Штрайх возглавлял издательство «Парфенон», в работе которого принимали участие А. Л. Волынский, Б. Л. Модзалевский, П. Е. Щеголев. Во «Всемирной литературе» заведовал типографией, служил редактором и корректором, составил примечания к роману В. Гюго «Последний день осужденного». Подробнее о нем см.: *Зелинский К. В изменяющемся мире: Портреты, очерки, эссе. М., 1969. С. 410—422*. См. также его запись в альбоме Руры на л. 3.

⁴¹ Запись секретаря издательства Екатерины Петровны Струковой. См. прим. 58 к вступительной статье.

⁴² Запись Ф. Сологуба карандашом. Лист 31 вклеен в альбом владелицей. Датировка записей, размещенных на этом же листе, позволяет отнести недатированные автографы Ф. Сологуба, В. П. Измалковой, В. А. Зоргенфрея и А. В. Ганзен к апрелю 1920 г. Даты указаны в угловых скобках. О Сологубе см. прим. 28. Его автографы в альбоме Суругиной — на л. 20, 22; в альбоме Руры — на л. 4.

⁴³ Запись Б. П. Сильверсвана на французском языке. Вписано карандашом.

«Помни, когда под холодной землей
Мое разбитое сердце будет спать вечным сном».

Перевод Франсуазы Лесарж. О Сильверсване см. прим. 58 к вступительной статье.

⁴⁴ Запись неустановленного лица на французском языке. Вписано карандашом.

«Величие — в одном только безмолвии.
Все остальное — бессилие».

Перевод Франсуазы Лесарж.

⁴⁵ Запись на французском языке *Варвары Петровны Измаковой*, переводчицы (с английского, французского, немецкого) и секретаря издательства.

«И память, может быть, о счастье реальней,
Чем самый счастья миг».

Фрагмент стихотворения А. де Мюссе «Воспоминания» в переводе В. С. Давиденковой (*Мюссе А. de*. Избранные произведения. Т. 1. С. 264). Текст атрибутирован по подстрочному переводу Франсуазы Лесарж. Автор записи установлен по криптонимам и почерку (см. заполненный Измаковой опросный лист Всероссийского Общества профессиональных литераторов-переводчиков: РО ИРЛИ, ф. 702). Под редакцией Измаковой и с ее вступительными статьями в издательстве подготовлены переводы сочинений В. Скотта «Черный карлик», «Легенда о Монтрозе».

⁴⁶ Возможно, запись одной из машинисток издательства — М. А. Сапицкой.

⁴⁷ Запись *Вильгельма Александровича Зоргенфрея* (1882—1938), поэта, переводчика, друга Блока. «В то время все, кто знал А. Блока, — вспоминала Сутугина, — знал и его одного из самых верных друзей — Зоргенфрея. Мы все любили и преклонялись перед Блоком. Но отношение Зоргенфрея к Блоку было исключительным. Как он сам говорил, разговор с Блоком „был как разговор с тем — с тою, может быть, кого любишь“. Он оставался верным этой дружбе и в то тяжелое для Блока время, когда были написаны „Двенадцать“, хотя, м<ожет> б<ыть>, не все в этой поэме было для него приемлемым. Но тем не менее он не отвернулся от него, как это сделал Гумилев, Пяст и мн<огие> другие» («Воспоминания о работе в издательстве „Всемирная литература“»: РО ИРЛИ, ф. 720, № 4, л. 7). Во «Всемирной литературе» Зоргенфрей переводил сочинения Г. Верфеля («Человек из зеркала»), И.-В. Гете («Торквато Тассо»), «Герман и Доротея»), Г. Гейне (Путевые картины / Под ред. А. Блока. Пг., 1920; «Романсы»), И.-Г. Гердера (Сид / Под ред. Н. Гумилева. Пб., 1922), Ф. Грильпарцера (Любуша. Пг.: Всемирная литература, 1919), К. Штернгейма (Новеллы / Пред. Е. Замятина. Пг., 1923). Редактировал сочинения Ф. Новалиса (Генрих фон Офтердинген / Пер. З. А. Венгеровой, В. В. Гиппиуса; Вступ. ст. З. А. Венгеровой. Пб.: Госиздат (Всемирная литература), 1922), Г. Клейста (Собрание сочинений. Т. 1 переведен Б. Л. Пастернаком; Т. 2 — Ф. Сологубом). Подробнее о нем см.: *Чертков Л. Н.* В.А. Зоргенфрей — спутник Блока // Русская филология: Сборник научных студенческих работ. Тарту, 1967. [Вып.] 2. С. 113—139. См. также прим. 53, 57, 61 к вступительной статье. *Где продается шоколад...* — продажа шоколада, как и других сладостей, была запрещена в Петрограде с лета 1918 г.: «Несмотря на резко ощущаемый трудящимся населением голод, в разных местах города, населенных главным образом буржуазией, в ресторанах, кофейнях и т<ому> п<одобых> местах, продаются предметы питания, как то: пирожные, торты, сладкие пирожки и т<ому> п<одобное>. Предписывается районным Советам арестовывать лиц, ведущих таковую торговлю для привлечения к судебной ответственности» (из декрета Совета комиссаров Союза коммун Северной области, подписанного Г. Е. Зиновьевым (председатель Совета комиссаров), М. С. Урицким (комиссар Совета по внутренним делам), Позерном (комиссар Совета по военным делам), С. С. Зориным (комиссар почт и телеграфов): Петроградская правда. 1918. 10 августа. С. 1). Стихотворение Зоргенфрея, посвященное Руре, см. в ее альбоме на л. 5.

⁴⁸ Четверостишие Г. Ибсена, вписанное А. В. Ганзен. См.: *Ибсен Г.* Полное собрание сочинений: В 4 т. / Пер. А. и П. Ганзен. СПб., 1909. Т. 4. С. 206. О Ганзен см. прим. 18. Ее стихотворение в альбоме Руры см. на л. 5 об.

⁴⁹ Автограф стихотворения Д. И. Выгодского. Написано на трех отдельных листках, вклеенных в альбом владелицей. «*He верь мне, дева на скале...*» — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина 1825 г. «Буря». «*Платон платаны...*» — цитата из стихотворения В. И. Иванова «Аттика и Галия» (раздел «Солнце Эммауса» первой части книги «*Сог Argdens*»). *Envoi* — заключительное четверостишие средневековой баллады, подводящее итог ее содержанию. О Выгодском см. прим. 25.

⁵⁰ Автограф стихотворения поэтессы, драматурга, прозаика *Марии Евгеньевны Левберг* (урожд. Купфер, в замужестве Ратькова; 1894—1934). Автор записи указан Сутугиной в ее тетради с копиями стихотворений из альбома (РО ИРЛИ, ф. 720, № 120, л. 25 об.). В альбоме слева от автографа (л. 41 об.) владелицей наклеена газетная вырезка с некрологом Левберг и пометой карандашом: «8/IX-34». Во «Всемирной литературе» Левберг переводила сочинения М. Барреси («Сад Берениссы»), Р. Роллана («Аэрт», «Торжество разума»), редактировала сочинения П. де Кульвена («На ветке», «Ева победительница»), Линденстрема.

⁵¹ Автограф Ахматовой опубликован Р. Д. Тименчиком и А. В. Лавровым в статье «Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома»: Ежегодник Рукописного отдела на 1974 год. С. 74. Встречи с Ахматовой в 1960-е гг. описаны Суругиной в ее дневнике (РО ИРЛИ, ф. 720, № 1).

⁵² Стихотворение неуставленного автора, записанное на листе бумаги с водяными знаками, вклееном в альбом владелицей. Поэтика стихотворения ориентирована на стихи З. Н. Гиппиус «Все бурно и «То бурная, властно-мятежная...» (посвящено С. П. Ремизовой-Довгелло). См.: *Гиппиус З. Н. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. А. В. Лаврова. Пб., 1999. С. 147—148, 299.*

⁵³ Запись неуставленного лица на татарском языке.

«Чем темнее ночь,
Тем светлее горит звезда.
Чем я становлюсь несчастнее,
Тем чаще вспоминаю бога.

Г. Тукай».

Эпиграф к стихотворению татарского поэта Габдуллы Тукая «Осенние ветры», являющийся подстрочным переводом двух последних строк четверостишия Ап. Майкова «Из Аполлодора Гностика» («Чем ночь темнее / Тем ярче звезды, / Чем глубже скорбь — / Тем ближе Бог»), выполненным Тукаем. См.: *Тукай Г. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1963. С. 236* (пер. П. Радимова). Текст атрибутирован по подстрочному переводу А. В. Образцова.

⁵⁴ Автограф стихотворения поэтессы, переводчицы *Елены Михайловны Тагер* (псевд. Анна Регат; 1895—1964), жены поэта *Георгия Владимировича Маслова* (1895—1920). *Ante lucem...* (лат.) — до рассвета, предрассветный. Последние строки — парафраз последних строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Расстались мы; но твой портрет...» («Так храм оставленный — все храм, / Кумир поверженный — все Бог!»). Ко времени написания стихотворения Тагер — участница поэтического кружка «Арион», созданного студентами историко-филологического факультета Петроградского университета Вс. А. Рождественским, Г. В. Масловым, Д. Л. Майзельсом, В. М. Тривусом. Летом 1917 г. уехала с мужем в Симбирск, где жили его родители, занималась литературной деятельностью, служила библиотекарем Симбирской уездной земской управы, в конце 1920 г. вернулась в Петроград, подрабатывала переводами во «Всемирной литературе». В 1921 г. арестована по обвинению в «экономическом шпионаже» (принимала участие в работе Комитета помощи голодающим Поволжья) и выслана в Архангельск. В 1927 г. вернулась в Ленинград. В 1929 г., в период кампании, организованной против Е. И. Замятина, выступала в его защиту. Вторично арестована в 1939 г., 10 лет провела в лагерях Колымы и Магадана, вернулась в Ленинград в 1954 г. В 1960-е гг. была наиболее близкой подругой Суругиной, оставившей о ней записи в дневнике (РО ИРЛИ, ф. 720, № 1). Подробнее о ней см. комментарии Г. П. Струве к публикации ее воспоминаний о О. Э. Мандельштаме: *Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 81. С. 172—174*; статью М. Тагер «Слово о моей матери» (*Распяты: Писатели — жертвы политических репрессий / Автор-составитель З. Дичаров. Пб., 1998. Вып. 3. С. 175—182*).

⁵⁵ Стихотворение *Георгия Владимировича Маслова* вписано рукой Е. М. Тагер. Первая строфа — парафраз строфы 39 главы VIII романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Отступая с белой армией из Омска, Маслов заболел сыпным тифом, скончался в Красноярске. В память о нем друзья издали его поэму «Аврора» с предисловием Ю. Н. Тынянова (Пб.: Картонный домик, 1921), вызвавшую резкий отзыв Лернера, назвавшего поэму «банальной, слащавой и фальшивой» (Книга и революция. 1922. № 7(19). С. 59). Одобрительная рецензия М. К. Клемана, предполагавшаяся к публикации в невывшедшей газете «Ирида» (см. рукопись: РО ИРЛИ, ф. 568, оп. 1, № 125, л. 90—91) и аналогичный отзыв Д. П. Якубовича, соученика Маслова по Пушкинскому семинару С. А. Венгерова, предназначавшийся, по-видимому, для несостоявшегося четвертого номера журнала «Литературные записки» (см. наборную машинопись со штампом журнала: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 274), остались неопубликованными. Очевидно, для этого же номера были подготовлены к публикации стихотворения Маслова с предисловием Вс. А. Рождественского (см. рукопись и наборную машинопись: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 139). «Он — поэт петербургский. — писал Рождественский, — современник Пушкина, Дельвига, Боратынского. Их стихами дышал он всю свою короткую двадцатипятилетнюю жизнь, с пытливой вдумчивостью молодости, с неугасаемой пылкостью поэта» (Там же, л. 25). Не осуществлено и планировавшееся издание сборников его стихотворений «Тростник» (см.

анонс в сб.: Арион. Пг., 1918. Сб. 1) и «Посмертные стихотворения» (см. анонс в кн.: *Итин В.* Солнце сердца. Новониколаевск, 1923). См. об этом в статье: *Тименчик Р.* Bibliotheca promissa. Теневой портрет русской поэзии начала века // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1999. Vol. 20. P. 136. См. также статью сокурсника Маслова Н. В. Яковлева, впоследствии — сотрудника Пушкинского Дома: *Вестник литературы*. 1920. № 7(19). С. 15.

⁵⁶ Поздняя запись В. А. Сутугиной. На немецком языке вписан текст:

«Юноша устремляется в океан на корабле с тысячью мачт.
Старик тихо движется на спасительной лодке в гавань».

Подстрочный перевод Т. А. Кукушкиной. Текст на русском языке вписан карандашом.

АЛЬБОМ Р. В. РУРЫ

Чужих автографов не ценю, свои же собственные заночу
в альбом без удовольствия.

А. Волынский.¹ Л. 2

* * *

إِنَّ الْأَعْمَالَ بُنْيَاتٌ وَلَكُلَّ أَمْرٍ مَا نَفَى صِدْقِ رَسُولِ اللَّهِ الْعَظِيمِ
2. Кривошеина² كتبته منظوماً روسياً

Л. 2

* * *

Побывать во «Всемирной литературе» и не видать
Розы Васильевны — это то же, что быть в Риме
И не видать...папы.

Е. Браудо.³ Л. 2

* * *

Разве чайная роза сравнится с Вами, Роза Васильевна!
Ведь у нее нет не только пирожков с капустой,
у нее даже нет чая в розовой обертке «Попова и К°».

Ник. Оцуп.⁴ Л. 2

* * *

Роза Васильевна — необходимейший сотрудник переводчиков
Всемирной литературы. Она поддерживает их бодрость
душевную и телесную.

Борис Евгеньев (Рапгоф).⁵ Л. 3

* * *

Выше всякого уважения достоин уважения человек трудящийся,
и не только в Советской Республике.

1920. 9/XI.

С. Штрайх.⁶ Л. 3

* * *

Вотще коробки папирос
Венчают цены Совнархоза —
Цветет среди минутных роз
Неувядаемая Роза!

Всеволод Рождественский.
9. X. 20.⁷

Л. 3 об.

* * *

Роза Васильевна,
Дайте мне бесплатно
Десяток папирос!

Сергей Нельдихен.⁸

Л. 3 об.

* * *

Царица благовоний,
О Роза без шипов!
К тебе и Блок, и Кони,
И Лернер, и Гидони,
И я, и Гумилев,
И Горький, и Волынский,
И сладостный Оцуп,
И Ганзен, и Лозинский,
И даже Сологуб, —
Мы все к тебе толпою
Летим, как мотыльки,
Открывши пред тобою
Сердца́ и кошельки.
Твое благоуханье
Кого не приманит!
И кто из заседанья
К тебе не убежит!

К. Чуковский.⁹

Л. 3 об.

* * *

Радость для взора —
Роза в цветах и бутонах.
Роза Васильевна скоро
Будет ходить в миллионах.
Все дорожает.
Виды на будущность хрупки, —
Все же она добывает
Сахарцу, маслица, крупки.
Если случится
В денежных знаках заминка,
В долг отпустить не боится
Не по обычаям рынка.
Скажем: спасибо!
И повторим это часто
Розе Васильевне, ибо
Денег не много у нас-то.

Федор Сологуб.¹⁰

Л. 4

* * *

У меня есть дочка Олечка, которая знает, что
«Всемирная литература» — это милая Роза Васильевна,
у которой — не только пряники и конфеты, но и — доброе сердце.
10/XI. 1920. Б. Эйхенбаум.¹¹ Л. 4 об.

* * *

Сидишь, искушенная в ловле,
И нас завлекаешь в свой плен,
Оазис свободной торговли,
Гроза нормированных цен!

А мы, продовольствия ради,
Слагаем тебе мадригал:
Ты нам и Ландрин и Конради,
Ты нам и Лаферм и Шапшал!

А ежели денег нет в кассе,
И Дмитрий Назарыч сердит,
Ты нашей трудящейся массе —
Готовый Лионский Кредит!

На что нам бывлая свобода,
На что нам Стокгольм и Париж,
Когда ты направо от входа
Насупротив кассы сидишь!

11/XI. 20.

Зоргенфрей.¹²

Л. 5

* * *

La rosa è la regina dei fiori. La nostra Rosa è la regina delle rose.
Eu nunca vi rosa
Em suaves molhos
Que para meus olhos
Fosse mais fermosa.

Camões.

11/XI. 20.

Г. Лозинский.¹³

Л. 5 об.

* * *

Своим стихом доходы Розы
Умножить мне не по плечу,
Но настроенья нет для прозы,
И вот стихами я строчу.
Автограф, долго Розой жданный,
На память ей от

Ганзен Анны.

12/XI. 1920 г.¹⁴

Л. 5 об.

* * *

Роза напоминает нам о теплицах, а что может быть
для нас приятнее и слаще мысли о тепле —
сейчас — в ноябрьскую слякоть!

13/XI. 20.

Дм. Крючков.¹⁵

Л. 6

* * *

«О, дева Роза, я в оковах»,
Я двадцать тысяч задолжал,
О сладость леденцов медовых,
Продуктов, что творит Шапшал.

Но мне ничуть не страшно это,
Твой взор, как прежде, не суров.
И я курю и ем конфеты,
«И не стыжусь моих оков».

Н. Гумилев.¹⁶

Л. 6

* * *

Роза —
Царица цветов
И добрая Абора сотрудников Всемир<ной> литер<атуры>.

13/XI. 20 г.

<Подпись>.¹⁷

Л. 6 об.

* * *

Роза среди цветов
Благоухает.
А Розалия Всемирную литературу
Продуктами снабжает.
Конечно, по своей цене.

Петроград. 12/XI. 20. М. Зинин.¹⁸

Л. 6 об.

* * *

Растет в саду роза
Цветущая. И сидит в углу Роза
Пахучая, т. е. <Розалия>

<Он> же.

Л. 6 об.

* * *

Стихотворства мало, нужна и проза
Во «Всемирной литературе»,
И тут порой неизбежна Роза,
Симпатичная по натуре:
Леденцы, папиросы в долг дает
И даже процентов не берет.

15-XI-1920. В. Коломийцов.¹⁹

Л. 7

* * *

Der Weg zum Herzen — führt durch den Magen...

17-XI-20.

V. Marchesetti.²⁰

Л. 7

* * *

М. Горький.²¹

Л. 7

* * *

За неумением писать стихи
Шлю Розе Васильевне свой прозаический привет.

В. Алексеев.²²

Л. 7 об.

* * *

Розе Васильевне — привет! Всегда Вас первую
Привык встречать во «Всемирной литературе».

Ноябрь 1920.

Ал. Блок.²³

Л. 7 об.

* * *

چرخ دوران از برای مسکنانت افرید
که ~~عزیزان~~ غم و سخت آنجا حواسمت و حواسمت خرد
ای کز پی ناله این بر اثر با بگذرند
کا بنجین کل نزد رود تلخ ما آمد بدید

Е. Бертельс.²⁴

Л. 8

* * *

Мадригал

Печален мир — все суета и проза.
Лишь женщины нас тешат да цветы.
Но двух чудес соединенье ты —
Ты женщина! Ты роза!

Георгий Иванов.²⁵

Л. 8

* * *

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.

Но наша Роза (Васильевна) никогда пусть не увянет,
И никогда не иссякнет у нее источник нектара (чая),
И не истощатся запасы амброзии (пирожков и конфет).

17 ноября 1920 г.

Бор. Сильверсван.²⁶

Л. 8 об.

* * *

Стихи прозаика

Все хвалят Вас, Розалия.

Что нам Вы друг, сознал и я.

И если б мог в журнале я

Вас описать, Розалия!

Декабря, 2-го, 1920.

Андрей Левинсон.²⁷

Л. 9

* * *

Не пишу стихами, ибо пришлось бы воспеть целую поэму
Во славу Розалии Васильевны, демона-искусителя и
Благодатного гения всех членов «всемирно-литературной семьи».

Ю. Данзас.²⁸ Л. 9 об.

* * *

«Есть роза дивная. Она...» и т.д.

Пушкин

Есть роза дивная. Она

С довольно прозаичной целью

Цветет у тусклого окна,

Маня прохожих карамелью.

Конфетный голод пусть грозит!

Нам лишь смешна его угроза,

Покуда у окна блестит

Неувядаемая Роза.

5/18 декабря 1920.

Н. Лернер.²⁹

Л. 10

* * *

Без шипов не бывает роза,
Васильевна — не Васильевна — все равно.
После поэзии — непременно проза, —
Так уж нам видно всем суждено.

Я тут купил намедни фунт чаю.

«Китайский, — говорит, — пью сама».

Прихожу домой — а жена встречает:

«Тридцать тысяч!* Да ты спятил с ума!»

И лежит китайский в шкафу,

А я по-прежнему пью травку сухую.

Подойду, протяну руку... фу!

Тридцать тысяч! А ну его к Богу!

Но, Роза Васильевна, не Вы:

Это — Антанта, все Врангель и Антанта

Виноваты, что на берегах Невы

Рай пурпурный обращен в ад Данта

18-1-1921.

Евг. Замятин.

* Разумеется, прейскурант этот — фикция:
тридцать тысяч — злая клевета на Розу Васильевну,
а жена — клевета — на автора.

Е. Замятин.³⁰ Л. 11

* * *

Виктор Шкловский.³¹ Л. 12

* * *

С удовольствием издам этот альбом, даже гонорар
заплачу Розе Вас<ильевне>, но только пусть сейчас не требует
денег.

З. Гржебин.³² Л. 12

* * *

Роза Васильевна,
Вы не как роза,
Вянете не от моря,
А от жития такого
И питания плохого.

Д. Назаров.³³ Л. 12

¹ Автограф А. Л. Волынского. См. о нем прим. 14 к альбому Сутугиной.

² Запись И. Ю. Крачковского на арабском языке.

«Дела оцениваются по намерениям; каждому человеку
воздастся согласно тому, что он намеревался —
правду сказал посланник Бога Великого.

Писал Гантус ар-Руси
И. Крачковский».

Перевод А. А. Долининой. Изречение из хадисов Пророка Мухаммеда. *Хадис* —
составная часть сунны, предания о жизни и высказываниях Пророка Мухаммеда. О
Крачковском см. прим. 4 к альбому Сутугиной.

³ Автограф критика, музыковеда, переводчика *Евгения Максимовича Браудо*
(1882—1939). Браудо окончил юридический факультет Санкт-Петербургского уни-
верситета, музыкальное образование получил в Рижской музыкальной школе
(Schule der Tonkunst) по классу рояля и теории. В Германии изучал теорию ком-
позиции и историю музыки. В 1922 г. преподавал историю музыки на кафедре
истории западно-европейской музыки в Институте истории искусств (СПб.). С
1924 г. читал лекции в Московском университете. Автор работ о Р. Вагнере,
А. П. Бородине, Э.-Т.-А. Гофмане. Перевел и прокомментировал письма Вагнера,
двухтомную монографию Ф. Вольфрума о И.-С. Бахе, сочинение В. Вундта «Ми-
ровая катастрофа и немецкая философия» (Пг., 1922). Во «Всемирной литературе»
под его редакцией готовились переводы произведений И.-В. Гете («Автобиогра-
фические заметки», «Путешествие по Рейну»), Э.-Т.-А.-Гофмана («Взгляды на
жизнь кота Мура»), В. Гауффа («Еврей Зюс»), Р. Вагнера («Кольцо Нибелунга»).

⁴ Автограф Н. А. Оцуца. См. о нем далее в прим. 9 и прим. 10 к альбому
Сутугиной. «*Попова и К°...*» — имеется в виду «Товарищество Братья К. и С. По-
повы», занимавшееся выращиванием и продажей чая и имевшее магазин на Невском
проспекте (д. 26).

⁵ Запись поэта, переводчика *Бориса Евгеньевича Евгеньева* (наст. фам Рапофф;
1892—1941?). Евгеньев — сын Е. П. Рапоффа, основателя «Высших курсов форте-

пьянной игры», известных как «Музыкальные курсы Е. Рапофа». Автор двух сборников стихов (Ваятель: Стихи. 1910—1914. Пг., 1915; Заря: Вторая книга стихов. 1915—1921. Пг., 1921), исследования «Каролина Павлова: Материалы для изучения жизни и творчества» (Пг., 1916). Предполагавшееся в 1917 г. издание его книги стихов «Ямбы» не осуществлено. Анонс помещен в кн.: *Бамдас М.* Предрассветный ветер. Пг., 1917. См. об этом в статье: *Тименчик П.* Bibliotheca promissa. Теневой портрет русской поэзии начала века // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, 1999. Vol. 20. P. 128. Поэтические опыты Евгеньева были встречены критикой прохладно: «Усердный переводчик, <...> он, несомненно, является дилетантом в сфере оригинального творчества. Для него поэзия не дело жизни, а умная забава, изыщное развлечение. Его стихотворения недурны, но как-то слишком кратки и беглы, напоминают случайные наброски <...> в альбоме» (*Губер Л.* Новые сборники стихов // *Летопись Дома Литераторов*. 1921. № 3. 1 декабря. С. 9). См. также ироничную рецензию Г. Иванова (Цех поэтов. Пг., 1922. Кн. 3. С. 67). Во «Всемирной литературе» Рапоф переводил произведения Г. Вернера («24 февраля»), Г. Клейста («Амфитрион»), «Принц Фридрих Гамбургский»), Т. Манна («Смерть в Венеции»), Л. Уланда, Шеффеля («Песня о Вальтаре», «Эккегард»), Ф. Шиллера («Лагерь Валенштейна»). К замыслам руководителей издательства перевести всю иностранную литературу на русский язык относился сдержанно: «Многие из тех произведений заморских авторов <...> могли бы остаться „за рубежом“. И русская литература не льком шита» (*Вестник литературы*. 1919. № 8. С. 2).

⁷ Запись С. Я. Штрайха. См. о нем прим. 40 к альбому Сутугиной.

⁷ Автограф стихотворения поэта *Всеволода Александровича Рождественского* (1895—1971). Обыгрывается стихотворение А. С. Пушкина 1827 г. «Есть роза дивная...». Запись датирована ошибочно. Следует читать: «9/Х1—20». Атрибутируется на основании даты заведения альбома (1 ноября 1920 г.) и датировке соседних записей. Рождественский совместно с Гумилевым, Г. Ивановым, Г. Адамовичем, А. Пиотровским перевел для издательства «Баллады о Робин Гуде» (в его переводе — семь баллад), вышедшие в 1919 г. под редакцией Гумилева. Подготовил переводы сочинений Р. Саути («Скала любовников»), Дж. Байрона («Еврейские мелодии»), Т. Готье («Всадник, которого преследуют»), Л. де Лиля.

⁸ Запись поэта, критика *Сергея Евгеньевича Нельдихена* (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер; 1891—1942; погиб а заключении). Во «Всемирной литературе» занимался в Литературной студии в семинаре Гумилева. Подробнее о нем см.: *Чертков Л., Никольская Т.* Стихи Сергея Нельдихена // *Neue Russische Literatur Almanach*. [Salzburg]. 1978. S. 99—100; Неизвестные страницы русской поэзии XX века: Сергей Нельдихен. Мария Шкапская // *Сост. и вступ. заметка В. Ю. Бобрецова* // *Русская литература*. 1991. № 3. С. 209—210; *Длштренко А. Л.* О воспоминаниях Сергея Нельдихена // *De Visu*. 1994. № 3/4. С. 69—72.

⁹ Фрагмент стихотворения «О Розе (Васильевне). По прочтении стихов Гумилева и Блока в этом альбоме», вписанного Чуковским в декабре 1919 г. в альбом заведующего хозяйственной частью «Всемирной литературы» Д. С. Левина в ответ на помещенные там же шуточные экспромты Блока и Гумилева. Текст из альбома Левина, имеющий незначительные разночтения с записью в альбоме Руры, полностью опубл.: *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах. С. 417. Первое шуточное послание Чуковского «Мое гражданское негодование при чтении стихов Ал. Блока и Н. Гумилева, посвященных дровянику Давиду Самойловичу Левину», написанное несколькими днями раньше (22 ноября 1919 г.), внесено им в «Чукоккалу» (см. на с. 217). Блок ответил на оба послания стихотворениями «Чуковскому» («Нет, кланусь, довольно Роза...»; см.: Чукоккала. С. 219—220; впервые с разночтениями опубл.: *Летопись Дома Литераторов*. 1921. № 2. 15 января. С. 6) и «Продолжение „Стихов о предметах первой необходимости“ (Стихотворение, приписываемое В. Брюсову)» (Чукоккала. С. 220—222). В заглавии второго стихотворения обыгрывается название созданного в Петрограде в 1918 г. «Отдела распределения предметов первой необходимости Петрогубкоммуны» (см., в частности, письма руководителей Дома Литераторов Отделу с просьбой о выделении бумаги, чернил, мыла, керосина, мебели: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 22, л. 17, 38, 82, 103). Об истории этой шутливой полемики см. в прим. 71 к вступительной статье. *Гидони Григорий Иосифович* (1895—1937; по др. свед. 1942) — драматург, искусствовед, переводчик, художник. Автор работ о Н. К. Рерихе, Б. М. Кустодиеве, Рембрандте, исследования «Кружевница Эрмитажа» (Пг., 1919), пьес «Месть мужика» (Пг., 1920), «Звезда Коммуны» (М., 1923), «Пугачев», книги «Портретно-иконографические книжные знаки. (1916—1933)» (Л., 1934). Выполнил серию пейзажей Ленинграда, Павловска, Петергофа (см.: «Пе-

тергоф. 25 автолитографий». Л., 1931). Во «Всемирной литературе» — художник и переводчик. В его переводе и с его гравюрами вышла книга Т. Петрония Арбитра «Матрона из Эфеса» (под ред. Гумилева; Пг., 1923). В 1920-е гг. занимался разработкой теории искусства света и цвета: составил проект первого светотеатра (1925), разработал аппарат для устройства светодекораций и светомузыки, в 1930-е гг. подготовил для светотеатра несколько пьес по мотивам произведений А. С. Пушкина. Свою теорию изложил в книге «Искусство света и цвета» (Л., 1930). *Сладостный Оцуп...* — по-видимому, ироничный намек на деятельность Оцупа на посту председателя Хозяйственного комитета «Всемирной литературы» и его «продовольственные» вояжи в хлебные края (Могилев, Витебск), откуда он привозил крупы, пряники и прочие лакомства двадцатых годов. По поводу частого отсутствия Оцупа в Петрограде Г. Иванов сочинил известный шуточный экспромт: «Оцуп, Оцуп, где ты был? / Я поэму сочинил, / Съездил в Витебск, в Могилев, / Пусть похвалит Гумилев. / Так уж мной заведено: / То поэма, то пшено, / То свинина, то рассказ, / Съезду я еще не раз!...» (Чукоккала. С. 266). Ср. также с письмом секретаря «Всемирной литературы» Е. П. Струковой А. Н. Тихонову от 22 июня 1921 г.: «Оцуп собирается в Витебск и просит денег. Хочет забрать с собою книги, но, кроме того, и деньги. Как Вы думаете, сколько ему можно было бы дать?» (ЦГАЛИ СПб., ф. 46, № 58, л. 360). «У Оцупа, — вспоминал Г. Иванов, — несмотря на то, что он, как и все остальные, питался картошкой и продуктами Розы, — была от Бога „сытая“ внешность, какая и полагалась настоящему, способному внушить к себе доверие „предхозкому“» (Иванов Г. Мемуары и рассказы. М.; Париж; Нью-Йорк, 1992. С. 188). Чуковскому принадлежит шуточная расшифровка фамилии Оцупа: «Общество целесообразного употребления пищи» (Чукоккала. С. 266).

¹⁰ Автограф стихотворения Ф. Сологуба. См. о нем прим. 28 к альбому Сутугиной.

¹¹ Запись литературоведа, члена литературной группы ОПОЯЗ Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886—1959). Во «Всемирной литературе» — переводчик и редактор. Перевел драму Ф. Шиллера «Пикколомини», под его редакцией и с его предисловием издана пьеса Ф. Шиллера «Разбойники» (1919).

¹² Автограф стихотворения В. А. Зоргенфрея. *Оазис свободной торговли...* — ср. с воспоминаниями Оцупа: «В Петербурге тогдадохнуть нельзя было без разрешения, а тут — захотел и растратил все деньги. Вот чем Роза нас пленяла больше всего. Она и ее лоток были для нас миражом свободы, кутежей, самых смелых дерзаний» (Оцуп Н. Современники. С. 46). *Ландрин и Конради...* — имеются в виду магазин «Конфеты и шоколад», принадлежавший «Товариществу Георг Ландрин» (Б. Сампсониевский, 95) и аналогичные магазины (8; в частности, 3 из них — Невский пр., д. 20, 36, 106) и фабрика по производству шоколада и конфет «М. Конради» (Старо-Петергофский пр., 20; в 1910-е гг. ее владелец — Конради Виктор Маврикиевич), основанная в Петербурге в 1853 г. *Лаферм и Шаншал...* — речь идет о табачных фабриках «Товарищества Лаферм» (Васильевский Остров, 9 линия, д. 40; впоследствии — табачная фабрика им. Урицкого, ныне — 1-я табачная фабрика) и «Товарищества братьев Шаншал» (Херсонская ул. д. 6—13; магазины — Невский, 30; Морская 36). *Дмитрий Назарыч...* — Назаров Дмитрий Назарович, кассир издательства. Его автограф в альбоме см. на л. 12. *Лионский Кредит...* — Петроградское агентство (Невский, 48) французского банка «Лионский кредит», основанного в 1863 г. Последняя строфа стихотворения с незначительными разночтениями опублик.: Оцуп Н. Современники. С. 47; Иванов Г. Китайские тени. С. 229—230; Одоевцева И. На берегах Невы. С. 135. О Зоргенфрее см. прим. 53, 57, 61 к вступительной статье и прим. 47 к альбому Сутугиной.

¹³ Запись переводчика, исследователя итальянской и португальской литературы Григория Леонидовича Лозинского (1889—1942).

«Роза — царица цветов. Наша Роза — царица роз.

Розы по весне
Не встречал нигде я
Краше и милее
И дороже мне».

Первая фраза на итальянском языке приводится в переводе Р. М. Гороховой.

Фрагмент стихотворения португальского поэта Л. де Камозенса «Барбаре — пленнице, любимой мною в Индии» — в переводе М. Квятковской (*Камозенс Л. де Лирика*. М., 1980. С. 50). Лозинский перевел и редактировал произведения Г. Д'Аннунцио (Может быть да, может быть, нет. Берлин, 1923; перевод), Вальдеси,

Д. Дидро, Эса де Кейроша, К. Гоцци («Любовь к трем апельсинам»; перевод), Э. Ларрета, А. Эркулано («Черный епископ»; перевод). В 1919—1920 гг. сотрудничал в Теоретической секции Театрального отдела Наркомпроса (см. авторизованную машинопись его статей «Камойнш (Луиш де)», «Феррейра Антонио» для планировавшейся ТЕО энциклопедии искусств: РО ИРЛИ, ф. 474, № 412). Находясь в эмиграции (с августа 1921 г.), не прерывал отношений с издательством, присылал из Парижа необходимые для перевода книги, устраивал рецензии на издания «Всемирной литературы». «Спасибо за сведения о Вс<мирной> Л<итературе>. Я очень ее люблю и, если могу, находясь здесь, быть ей полезным к<акими>-нибудь справками, <...> то я буду рад это делать» (из письма Лозинского Крачковскому от 4 июля 1922 г.: Архив РАН, ф. 1026, оп. 3, № 556, л. 1—1 об.). В 1924 г. содействовал покупке Академией наук для Пушкинского Дома Парижского музея А. Ф. Отто-Онегина.

¹⁴ Автограф стихотворения А. В. Ганзен. См. о ней прим. 18 к альбому Сутугиной.

¹⁵ Запись поэта, критика, переводчика, певца *Дмитрия Александровича Крючкова* (псевд. Келейник; 1887—1938; расстрелян). До 1911 г. выступал с вокальными концертами, как поэт дебютировал в январе 1912 г., некоторое время примыкал к эго-футуристам (группе И. Северянина). С 1919 г. работал в издательстве «Всемирная литература» над переводами произведений И.-В. Гете (первые два тома Собрания сочинений), Э.-Т.-А. Гофмана («Статьи смешанного содержания», «Музыкальные статьи и рецензии», «Разбойники», «Незавершенные рукописные отрывки», «Тайны», «Стихийный дух», «Серапионовы братья»). В конце 1923 г. арестован, выслан в Сиблаг, где провел 10 лет. В 1933 г. поселился в Ярославле, в 1937 г. повторно арестован.

¹⁶ Автограф стихотворения Н. С. Гумилева. Цитируется (в первой и последней строках) и пародийно обыгрывается стихотворение Пушкина 1824 г. «О дева-роза, я в оковах». Впервые опубли. с разночтениями: *Гумилев Н. Неизданное и несобранное* / Сост., ред. и коммент. М. Баскер и Ш. Греем. Париж, 1986. С. 24; см. также: *Тилленчик Р. Неизвестные экспромты Николая Гумилева* // Даугава. 1987. № 6. С. 115.

¹⁷ Запись неустановленного лица, подпись не прочитывается.

¹⁸ Эта и следующая записи принадлежат курьеру издательства М. Я. Зинину. Имя в угловых скобках в оригинале зачеркнуто.

¹⁹ Автограф стихотворения музыкального критика, переводчика *Виктора Павловича Коломийцова* (1868—1936). Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и одновременно — «Высшие курсы фортепьянной игры» Е. П. Рапгофа. С 1894 г. — юрисконсульт в Министерстве финансов, с 1903 г. — музыкальный критик газет «Русь», «Речь», «День». Автор книг «Рихард Вагнер и музыкальная драма в России» (СПб., 1912), «Кольцо Нибелунга: Рихард Вагнер» (Пг., 1922), «К.М. фон Вебер: Критико-биографический очерк» (Л., 1928), «Ф. Шуберт: К 100-летию со дня смерти» (Л., 1928). Занимался полифонией, разрабатывал теорию «спетого стихотворения» и новый принцип стихотворных переводов — эквиритмичность. Для «Всемирной литературы» подготовил эквиритмический перевод стихотворений Ш. Бодлера («Цветы зла») и цикла «Северное море» из «Книги песен» Г. Гейне, по предложению Блока сделал эквиритмический перевод «Фауста» И.-В. Гете. Подробнее о нем см. вступительную статью В. А. Кремлева в кн.: *Коломийцов В. Статьи и письма* / Сост. и авт. прим. Е. В. Коломийцовой-Томашевской. Л., 1971. С. 3—8.

²⁰ Запись на немецком языке В. А. Маркететти.

«Путь к сердцу идет через желудок».

Перевод Т. А. Кукушкиной. О Маркететти см. прим. 33 к альбому Сутугиной.

²¹ Автограф (подпись) М. Горького.

²² Запись В. М. Алексеева. См. о нем прим. 6 к альбому Сутугиной.

²³ Один из последних альбомных автографов А. А. Блока. Опубли.: *Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 490*. Известны также три записи начала 1921 г.: стихотворение «Пушкинскому Дому» в альбоме библиотекея Пушкинского Дома Е. П. Казанович (1886—1942; см. об этом: Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 170—172); запись того же стихотворения в альбоме «серапионова брата», впоследствии французского писателя В. С. Познера (1905—1992; см.: *Парнис А. «Зачем так опрометчиво я взял твою тетрадь...»: Блок, Маяковский,*

Ходасевич и другие в парижском альбоме // *Опыты*. Пб.; Париж, 1994. № 1. С. 150—176) и в Чукоккале (С. 224). О шуточном экспромте Блока с упоминанием Р. В. Гуры см. в прим. 9.

²⁴ Автограф стихотворения Е. Э. Бертельса на персидском языке.

«Колесо эпохи Творец создал для твоей бедности,
Так как в том мире запрещено продавать и покупать.
О ты, щедрая к недостойным, которые пройдут над Плеядами.
Ведь такая Роза появилась у горькой реки».

Подстрочный перевод Е. К. Ивановой. *Горькая река* — метафорическое обозначение эпохи и аллюзия на М. Горького, организатора издательства. О Бертельсе см. прим. 7 к альбому Сутугиной.

²⁵ Автограф стихотворения *Георгия Владимировича Иванова* (1894—1958), поэта, критика, друга Гумилева. Экспромт Иванова, ошибочно приписанный Чуковским Мандельштаму (Чукоккала. С. 222), опубли.: *Иванов Г.* Китайские тени. С. 230; *Одоевцева И.* На берегах Невы. С. 135. По свидетельству Одоевцевой, автограф Мандельштама («Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч, / Помни, что двадцать одну мог тебе задолжать я») разгневанная владелица вырвала из альбома (Там же). В альбоме между л. 11—12 и л. 22—23 сохранились корешки вырванных листов. Эта же версия зафиксирована в мемуарах Оцуа (*Оцуа Н.* Современники. С. 47—48) и Г. Иванова (с разочтением в стихах; *Иванов Г.* Китайские тени. С. 230). Стихотворение Мандельштама в редакции Г. Иванова («Не сожалей, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч: / Помни, что двадцать одну мог я тебе задолжать») см.: *Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. М. Л. Гаспарова, А. Г. Меца; Сост., подг. текста и прим. А. Г. Меца. СПб., 1995. С. 372. Во «Всемирной литературе» Иванов перевел произведения Ш. Бодлера, О. де Бальзака («Полковник Шабер», «Старик Горнио», «Утраченные иллюзии»), М.-А. Вольтера («Орлеанская девственница»), А. де Мюссе («Исповедь сына века»), Т. Готье, в соавторстве с Гумилевым и Адамовичем — поэму С.-Т. Колбриджа «Кристалль»». В 1922 г. вместе с И. Одоевцевой эмигрировал во Францию.

²⁶ В записи Б. П. Сильверсвана цитируется стихотворение Пушкина 1815 г. «Роза». О Сильверсване см. прим. 58 к вступительной статье.

²⁷ Автограф стихотворения А. Я. Левинсона. См. о нем прим. 58 к вступительной статье.

²⁸ Запись *Юлии Николаевны Данзас* (псевд. Николаев Юрий; 1879—1942), историка философии и религии. Родилась в Афинах, в семье русского дипломата, племянника друга Пушкина, секунданта на его дуэли. С 1917 г. Данзас — профессор Петроградского университета, с 1918 г. — на службе в Публичной библиотеке, заведующая отделом инкунабул (с 1920), одновременно — заведующая петроградским Домом Ученых, преподаватель в III-м Государственном педагогическом институте на кафедре истории Франции и истории Англии. Во «Всемирной литературе» работала над переводом «Воспоминаний детства и юности» Э. Ренана, «Последнему, что и первому» Дж. Рескина, редактировала собрания сочинений Ш.-Л. Монтескье, Г. Зудермана, Кл. Фибих, Марии фон Эбнер-Эшенбах и писала предисловия к ним. Осенью 1923 г. арестована и послана на Соловки. После освобождения в 1932 г. эмигрировала во Францию, где создала советологический центр «Истина». В архиве Данзас в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 451) сохранились неопубликованные статьи по философии, переводческие и редакторские работы, выполненные для «Всемирной литературы». Подробнее о ней см.: *Агурский М. М.* Горький и Ю. Н. Данзас // *Миновшее*. М., 1991. [Вып. 5.]. С. 359—369.

²⁹ Автограф стихотворения Н. О. Лернера. Здесь, как и в записи Вс. А. Рождественского, цитируется и обыгрывается стихотворение А. С. Пушкина «Есть роза дивная...». О Лернере см. прим. 22 к альбому Сутугиной.

³⁰ Автограф стихотворения Е. И. Замятина. *Тридцать тысяч! Да ты снял с ума!*. — государственные цены на продукты, выдаваемых в пайках, в ноябре 1921 г. составляли: 3 тысячи рублей за фунт хлеба, 6 тысяч — за фунт крупы, 10 тысяч — за фунт риса, 40 тысяч — за фунт масла коровьего, 40 тысяч — за фунт сахара рафинада, 12 тысяч — за 1/8 фунта чая китайского (Петроградская правда. 1921. 26 ноября. С. 2). *Ад Данта...* — имеется в виду «Божественная комедия» Данте Алигьери. О Замятине см. прим. 13 к альбому Сутугиной.

³¹ Автограф (подпись) писателя, литературоведа *Виктора Борисовича Шкловско-*го (1893—1984) под вырезанным текстом его записи. См. о нем в прим. 58 к вступительной статье.

³² Запись художника, издателя *Зиновия Исаевича Гржебина* (1868; по др. сведениям 1877—1929). Совладелец издательства «Шиповник» (Пг.; 1906—1918), владелец «Издательства З. И. Гржебина» (Пг.; М.; Берлин; 1919—1923), главой редакционно-го совета которого являлся Горький. Некоторое время Гржебин заведовал издательской частью «Всемирной литературы». Эмигрировал в конце 1921 г. Его издательский талант и влюбленность в свое дело отмечали многие современники. Чуковский, в частности, в марте 1919 г. записал в дневнике: «Вкус у этого толстяка — тонкий, нюх — безошибочный, а энергия — как у маньяка. <...> Сколько я помню его, он всегда влюблялся в какую-н<и>б<удь> одну идею — и отдавал ей всего себя <...>. Теперь он весь охвачен планами издательскими» (*Чуковский К. И. Дневник*. С. 105). А. Н. Бенуа утверждал, что Гржебин принадлежал к числу «удивительно деятельных, предприимчивых, широких и знающих людей», которые «только и искали предложения, чтобы приложить свои средства и свои силы на создание еще и еще превосходнейших русских книг» (*Бенуа А. Н. Памяти Бориса Григорьева // Александр Бенуа размышляет...* М., 1968. С. 249). Подробнее о Гржебине и его издательской деятельности см.: *Хлебников Л. М. Из истории Горьковских издательств*. С. 674—698; *Гржебина Е. З. И. Гржебин — издатель / Републ. и коммент. Г. Ковалевой // Опыт*. 1994. № 1. С. 177—206.

³³ Запись кассира издательства *Дмитрия Назаровича Назарова*. См. упоминание о нем в стихотворении Зоргенфрея в альбоме Руры.

*Памяти
Александры Сергеевны
Алексеевой
(† 1 ноября 1999 г.)*

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО АРХИВА В. С. АЛЕКСЕЕВА (1903—1942)

Публикация А. Л. Дмитренко

Имя поэта Владимира Сергеевича Алексеева (10 (23).1.1903—20.1.1942) попало в поле зрения историков литературы первоначально в силу причин косвенных. Оно было введено в исследовательский оборот, когда стало известно о причастности Алексеева к литературной предыстории кружка «чинарей».¹

Гимназическая дружба В. С. Алексеева с Александром Ивановичем Введенским (1904—1941) и Леонидом Савельевичем Липавским (1904—1941) если и не имела продолжения, то оставила след в виде коллективно сочиненного стихотворения («Мы с тобой по аллеям гуляем...»)² совместного послания к Александру Блоку (январь 1921),³ а также сведений о несохранившейся поэме «Бык Будды», написанной тремя юными поэтами в 1918 (?) году.⁴ Совокупность известных фактов и творческих текстов, относящихся к этому периоду, позволяет сделать вывод, что при некоторой родственности эстетических предпочтений Алексеева, Липавского и Введенского, поэтика последнего, например, формировалась в процессе литературного диалога с Алексеевым, в том числе в процессе полемики с ним.

Алексеев продолжал заниматься литературным творчеством и впоследствии, но его поэтическая практика не имела никаких пересечений с деятельностью кружка «чинарей» (и в частности, с деятельностью обэриутов). Во второй половине 1920-х годов В. Алексеев входил в Ленинградскую Ассоциацию неоклассиков.

В 1995 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома был передан архив В. С. Алексеева (поступление № 25). Он был подарен сестрой поэта — Александрой Сергеевной Алексеевой. Большую часть материалов архива составляют автографы произведений В. С. Алексеева разных лет. На их основе и построена настоящая публикация.

В первой части помещены не публиковавшиеся прежде стихотворения В. Алексеева, относящиеся к «зрелому» периоду его творчества (1923—1941), предваренные вынужденно короткой — в силу скудости доступных биографических сведений — справкой о поэте. Во второй части помещены ранние стихотворения В. Алексеева, материалы, относящиеся к истории гимназического союза Алексеева, Липавского и Введенского, а также воспоминания В. Алексеева о Н. Гумилеве.

Обращаясь к биографии Алексеева, нельзя обойти вниманием его родословную, так как предки Алексеева по отцовской линии весьма примечательны. Биографические сведения о некоторых из них гораздо более обширны, нежели доступные нам сведения о самом поэте. Дед В. Алексева по отцу, философ и публицист Алексей Александрович Козлов (1831—1901), создатель оригинальной метафизической системы панпсихизма, был незаконнорожденным сыном помещика Ивана Алексеевича Пушкина (дальнего родственника А. С. Пушкина) и вольноотпущенной крестьянки.⁵ Трое детей самого Козлова от его гражданского брака с Марией Александровной Челищевой (1840—?) также считались незаконнорожденными, так как он до конца жизни не мог получить развод от первой жены. Мария Александровна Челищева была представительницей старинного дворянского рода, приходилась племянницей сенатору, члену Государственного совета Николаю Александровичу Челищеву (1783—1859).⁶

Младший ребенок в семье Козлова, Сергей Алексеевич Алексеев (1871—1945), отец нашего героя, впоследствии стал известным философом, более известным под литературным псевдонимом Аскольдов.⁷ Философские взгляды Аскольдова сформировались под определяющим воздействием идей Козлова, которого он считал одним из основателей христианской философии в России. В семье С. А. Алексева-Аскольдова было четверо детей — Антонина (умерла в годовалом возрасте около 1901 г.), Владимир, Мария (в замужестве Фельснер, 1907—1973) и Александра (1911—1999). Литературному творчеству посвятил себя только Владимир.

Учился Владимир в Петербургской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, в младшей подготовительный класс которой поступил в августе 1911 г. Известно, что в этой гимназии, отличавшейся социал-демократическими настроениями и славившейся высоким уровнем преподавательского состава, поощрялось литературное творчество учеников.⁸ Первые поэтические опыты Владимира Алексева, относящиеся к 1916 г., отмечены влияниями Блока и Гумилева. Одним из любимых поэтов был также В. С. Соловьев.⁹ В этом отношении В. Алексеев следовал предпочтениям своего отца, который чрезвычайно высоко ценил творчество В. Соловьева. В 1927 г. в письме к старшей сестре Аскольдов вспоминал о своих отношениях с сыном в то время: «Я с годами стал гораздо чувствительнее, чем прежде. И тут кое-чему меня научил мой Вовка. Когда мы жили с ним вдвоем в 1918—1919 годах,¹⁰ он вечно декламировал Блока, Гумилева (его любимый поэт и отчасти учитель), Соловьева и др. И Блока, к которому я раньше был равнодушен, я почувствовал положительно через него. Он прежде недурно читал, теперь стал хуже».¹¹

Многие стихи В. Алексева раннего периода проникнуты религиозными мотивами, что, по-видимому, можно объяснить влиянием семейной атмосферы, равно как и воспринятых через отца идей В. Соловьева. В юности В. Алексеев писал очень много, стихи 1916—1923 годов составляют почти половину его поэтического архива. Однако из этого обширного корпуса стихотворных текстов мы публикуем лишь несколько стихотворений (во второй части нашей работы), представляющих, главным образом, историко-литературный интерес.

В июле 1920 г. В. Алексеев закончил 4 класс II ступени Трудовой школы и был зачислен студентом на историко-филологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета.¹² Некоторое время он находился на военной службе. Сохранилась справка от 4 июля 1921 г. в том, что В. Алексеев находился в госпитале, одержимый тяжелой формой психастении, и был уволен со службы и снят с учета «как неспособный».¹³ С осени 1921 г. он примерно в течение года жил

в пустующей пятикомнатной квартире на Кронверкской, 21 вместе с Александром Введенским. Университет В. Алексеев так и не закончил. Восстановленный в правах студента в 1922 г., в феврале 1925 г. он был исключен «за неявку на проверку в факультетскую комиссию в ноябре 1924 г.». ¹⁴

В июле 1924 г. В. Алексеев был принят в Ленинградское отделение Всесоюзного Союза Поэтов, вошел в группу «Мастерская слова» (Н. Л. Браун, А. Л. Браун, Н. П. Вагнер, М. И. Комиссарова), однако вскоре ее покинул. ¹⁵ О круге общения В. Алексеева в эти годы свидетельствует черновой план «Северного альманаха», составленный, по-видимому, в 1923 г. Листок с этим автографом вложен в тетрадь стихотворений, относящихся к февралю 1923 г.:

«Северный альманах» (Стихи, проза)

- 1) Волков (Курганы) ¹⁶
- 2) Браун А. ¹⁷ (Набег на Орел) (Азия)
- 3) Сорокин ¹⁸ (Время) (Вам, развесившим уши)
- 4) Браун Н. ¹⁹ (Дон-Кихот) (Нет, я не верю) (Я сырой травяной) (Индия)
- 5) Вагнер ²⁰ (Город) (Скрипка) (Библиотека)
- 6) В. Алексеев ([Нрзб.] рукой) (Москва) (Книга) (Война) (Время?) (Театр?)
- 7) Дмитриев ²¹ (Душа человека голенища лаковая)
- 8) Боженко ²² (Разговор с ворами)

57 стр<аниц>

Примерно в 1925 г. В. Алексеев вступил также в Ленинградское отделение Союза Писателей и сблизился с кружком поэтов, именовавших себя неоклассиками (В. В. Смиренский, М. В. Борисоглебский, Л. И. Аверьянова, А. Р. Палей, Н. Ф. Белявский и др.). Неоклассики, объединенные идеей «создать в современной литературе крепкое и значительное ядро неоклассицизма», ²³ первоначально собирались в помещении Союза Писателей (Фонтанка, 50). Почетными членами кружка были избраны Ф. Сологуб, А. Ахматова, М. Кузмин и М. Ватсон. Кружок являлся ленинградским отделением Московской Ассоциации неоклассиков (создана в 1918 г.), ²⁴ полномочным представителем которой в Ленинграде являлся поэт Владимир Викторович Смиренский (1902—1977). О дружеских отношениях В. Смиренского и В. Алексеева свидетельствует стихотворение последнего, датированное 1925 г.:

В. Смиренскому

Я прихожу к тебе мечтать
И в темноте библиотеки
На перемятую тетрадь
Спокойно опускаю веки.

Мне дорог этот странный плен,
Объятый нежностью суровой:
Я думаю об Анне N,
А ты — об Анне Гумилевой. ²⁵

Ленинградские неоклассики по примеру москвичей составили декларацию, которая была «торжественно зачитана и комментирована» А. Р. Палеем 11 июля 1925 г. на заседании Союза Писателей. Из числа неоклассиков, кроме Палея, вы-

ступали также В. Алексеев и В. Смиренский. Присутствовавший на собрании критик писал по этому поводу: «Прения, развернувшиеся вокруг прочитанного, сводились к уличению неоклассиков в подражательности. И лишь к концу вечера в защиту неоклассиков выступил председательствовавший в собрании поэт Ф. Сологуб. „Будет время, — сказал он, — когда придет настоящий разбойник в литературу. Он смело и открыто ограбит всех, и это будет великий русский поэт“. Не знаю почему, м. б., потому, что неоклассики грабят не всех, а только некоторых, причем каждый — какого-нибудь одного поэта, мало надежды на то, что новый Пушкин появится из их среды».²⁶

В ноябре 1925 г. неоклассики обратились к Ф. Сологубу с письмом, где сообщали об избрании его почетным членом Ассоциации и председателем ее инициативной группы.²⁷ С этого времени деятельность Ассоциации проходила под знаком покровительственного внимания Сологуба и была связана с кружком молодых поэтов, с конца 1925 г. собиравшихся по вторникам в его квартире (наб. Ждановки, д. 3, кв. 26). Поэт М. В. Борисоглебский вспоминал: «Я попросил Ф[едора] Кузмиача разрешить устроить у него Литературный кружок: согласился».

Посоветовался с В. П. Калицкой, детской писательницей, женщиной доброй и самоотверженно любящей Ф. К. <...> В. П. согласилась. Пригласили Пумпянского Л. В., историка и теоретика литературы.

В кружок вошли Смиренский В. В., Данько Е., Белявский, Аверьянова Л. и др. Ф. К. настаивал на привлечении в кружок молодежи.

Собрания кружка называли «Вечера на Ждановке». Их было несколько, об них можно написать многое. Но главное для меня в них было то, что Ф. К. с истинно патриаршим спокойствием выявлял всю свою мудрость перед „зеленой молодежью“. Речи его часто превращались в лекции».²⁸

В конце 1925—начале 1926 г. цикл лекций о русском классицизме («Поэты XVIII века») прочитал Л. В. Пумпянский. Другим специальным мероприятием для неоклассиков была лекция Ю. Н. Верховского, известного своими классицистическими предпочтениями еще со времени участия в группе символистов. Эта лекция была также прочитана на квартире Сологуба 16 ноября 1926 г.²⁹ Неоклассики собирались напечатать поэтический альманах,³⁰ однако этим планам не суждено было осуществиться. Последнее известное нам упоминание об Ассоциации неоклассиков содержится в письме В. Смиренского к М. Борисоглебскому от 21 октября 1928 г.: «Вырабатываю новую декларацию неоклассиков, подобрал крепкую группу поэтов, вступил к нам опять Вл. Ленский, и уже 2 раза мы выступали (в школе и в Губсуде), в субботу будем читать у меня в Статотделе, и еще до нового года намечено у нас около 10 выступлений».³¹ Вошел ли в «крепкую группу поэтов» Владимир Алексеев — неизвестно.

Отдельной книгой стихи В. Алексева изданы не были. Первой его публикацией было стихотворение «Левелеры», напечатанное в журнале «Красный студент» (1924. № 4—5. С. 6). Шесть стихотворений были напечатаны в ленинградских альманахах «Собрание стихотворений» (1926), «Ларь» (1927) и «Костер» (1927). Еще несколько стихотворений — в газете «Смена» и в «Красной газете». Критика единожды обратила свое внимание на произведение Алексева: в рецензии на «Ларь» И. А. Оксенов отметил влияние Б. Пастернака на его стихотворения «Сумароков» и «Потемкин».³²

Литературная канва биографии В. Алексева заметно отслаивается от его биографии житейской. В анкете, заполненной 17 октября 1928 г., В. Алексеев указал свою профессию — педагог по специальности «обществоведение», отметил, что служил на Северо-западной железной дороге, в отделе изысканий Волховстроя (1923) и в производственных мастерских 222 школы (1924—1928).³³ В 1926 г. В. Алексеев служил в Ленинградском Губернском Отделе Наробраза. Мы почти ничего не знаем

о деятельности В. Алексеева в 1930-е годы. По словам его сестры, он работал в Московско-Нарвском Доме культуры, читал лекции. Предположительно мы атрибутируем ему несколько книг по вопросам переподготовки кадров, выпущенных в 1930 г. в приложении к журналу «Наука и техника».³⁴

Из других эпизодов его биографии отметим два ареста. Первый (по-видимому, кратковременный) относится ко второй половине 1920-х годов. О нем известно из недатированного письма В. Смиренского к М. Борисоглебскому: «Из новостей могу сообщить тебе одну невеселую: на днях арестован Вл. Алексеев, у которого, между прочим, при обыске отобраны и мои рукописи. Так что я ожидаю к себе ночных гостей».³⁵ Документальных подтверждений этому факту из архива ФСБ мы не получили. Однако, в ответ на наш запрос пришло следующее сообщение: Алексеев был арестован 28 ноября 1930 г. как участник «антисоветской нелегальной группы литераторов» «Север», обвинен по статье 58-10 УК РСФСР. 4 января 1931 г. освобожден «постановлением начальника отдела». Известно, что в феврале 1931 г. были осуждены другие члены группы «Север» — В. Смиренский и К. Олимпов, которые к моменту ареста В. Алексеева уже находились под стражей (арестованы в ночь на 19 сентября 1930 г.).

Это практически всё, что нам удалось узнать о жизни Владимира Алексеева. Он умер в блокадном Ленинграде и похоронен на Пискаревском кладбище. Жена — Анна Николаевна, урожденная Иванова (1899—1945) — работала библиотекарем, писала стихи. Сын Никита (1925—1944) погиб на фронте 11 октября 1944 г. В архиве В. Алексеева хранится рукописный сборник стихотворений Анны Ивановой 1926 г. В 1934 г. С. А. Алексеев-Аскольдов сетовал на неблагополучную литературную судьбу ее и своего сына: «У нее есть очень, очень большое поэтическое дарование. Я давно знал, что она пишет недурные стихи. Но только этой осенью она прочла два стихотворения, которые достойны были бы пера одного из русских больших поэтов, к сожалению, умершего рано, подобно Лермонтову.³⁶ <...> Мне страшно горестно, что поэтическое дарование ее и Вовы (почти равное) пропадают без возможности выявления».³⁷

«Возможность выявления» поэтического дарования Владимира Алексеева представляется только теперь, спустя несколько десятилетий после смерти его обладателя — благодаря архиву, хранящемуся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Все публикуемые стихотворения печатаются по автографам и авторским машинописям с исправлением очевидных опечаток и опечаток. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

* * *

Проснешься рано. Тишина.
В немом покое дремлет город,
И старый ставень у окна
Лучом заржавленным распорот.

Но не тревожит резкий гам
Твоей неисправимой лени,
И к тем же мирным берегам
Ведут размытые ступени.

И горечь прожитых недель
Вплетая в сладкий час отрады,
Следишь, как разметался хмель
В ограде пасмурного сада.

Но спят спокойные дома,
Лишь дворник сор сметает в кучу,
И гаснет тусклый луч огня,
Рассветом медленным измучен.

Туманный воздух глух и сер,
Деревья горбятся сутуло,
И утомленный офицер
Солдат разводит в караулы.

Петербург. 29.IX.1923.

* * *

М. А. Ф<роману>

Этим дням над серым Петроградом
И Неве сегодня я не рад.
За высокой каменной оградой
Сонной ленью дышит Летний сад.

Старой парк порванная пряжа
Выпала из перебитых рук,
И влечет ее канал Лебяжий
На далекий незнакомый луг.

Мрамор статуй и гранит решеток —
Только странный непонятный сон,
Перепутанный водоворотом —
Петербург и Иллион.

Так привычно думать о погоде
И, роня легкие слова,
Уплывать на быстром пароходе
По густой траве на острова.

И опять легко, свежо и ново
Я приемлю этот мир иным,
И плывет оброненное слово,
Словно синий папиросный дым.

1923.

* * *

Осыпаясь, сохнет кукуруза,
Осень ближе, даль еще ясна.
С тихим плачем утонула муза
В полной чаше красного вина.

Этот август, этот запах хлеба,
Под фатой молочною река,
И высоко поднятое небо
Звездами глядит издалека.

Этот воздух влажный и глубокий,
Затаивший ясность хрустала,
Там где клонит тучные осоки
Сонная тяжелая земля.

Все оно проходит понемногу,
Шелестя, вздыхая и шуруша.
Вот и я в привычную дорогу
Тоже собираюсь не спеша.

Взвизгнет поезд, задрожат колеса,
Семафор, закрывшись, подмигнет,
И в траву у самого откоса
Мертвой птицей сердце упадет.

Апрель 1927.

* * *

Л. Раковскому

В чаду отгоревшего лета,
Вступив на пустую межу,
Я снова по старым приметам
Дорогу свою нахожу.

Мой путь в темноту небосклона
В десяток разломанных строк,
Где осень, ворвавшись с разгона,
Мучительно ломит висок.

Ты помнишь, как было в июле,
Когда от тоски озверев,
Ветра бесконечные гнули
И нас, и верхушки дерев.

Дойдя до песчаного пляжа,
Следя за разбегом волны,
Мы знали наверно — что ляжем
Вздремнуть под корнями сосны.

А вечером, где бы ты ни был,
Как призрак, стоит над тобой
Беззвездное бледное небо,
Ничуть не унявшее зной.

Так было: осенним укладом
Разорван зеленый ковер,
Песок охладел... и над садом
Отправился месяц в дозор.

Меняется мир понемногу,
Я горсточкой пепла сгребу
Свою роковую дорогу,
Свою роковую судьбу.

Под натиском первого снега
Мы вспомним горячий песок,
И осень ворвется с разбега
В ряды облетающих строк.

<1920-е>.

ИЗ ЦИКЛА «ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ»

* * *

Скупая память не уронит
И не угасит тот огонь,
Что ты зажгла, свои ладони,
Как дар, вложив в мою ладонь.

Я знаю, жизни бег известен,
Нетороплив, неговорлив,
И в строгом строе неуместен
Высокой радости прилив.

Но ярче пылкого свиданья
В разгаре безмятежных дней
Любовь, согретая дыханьем
Воскресшей юности моей.

Февраль-март 1934.

* * *

Я, упрямо и равномерно
Изживая свои грехи,
Не осилил привычки скверной
Где попало писать стихи.

На обложке любой тетради,
На обрывках и на клочках
Я пишу о ласковом взгляде
И о нежных твоих руках.

Оттого-то и строк мятежных
И написанных не попад
Привкус странен и неизбежно
Ироничен и горьковат.

Как невынутая заноза,
Как упрямая боль в висках,
Отголосок усталой прозы
Осторожно звучит в словах.

Но в холодный декабрьский вечер
Не распутал я, не успел
Боль разлуки и радость встречи
С суетой повседневных дел.

Оттого-то, поднимая веки,
Иногда я гляжу так зло,
Оттого-то и смешал я навеки
И искусство, и ремесло.

Мир безоблачный и высокий
Отразился в моих зрачках,
Осторожно роняя строки
На клочки деловых бумаг.

Декабрь 1933.

* * *

Летний день горяч и душен,
Страшен белой ночи гнет,
Может быть, немного глуше
Жизнь моя теперь пойдет.

Непривычно и нестройно
Оборвется главный путь,
Хватит силы, чтоб спокойно
Понемногу отдохнуть.

Жизни каждый легкий промах
Буду вновь припоминать,
Запах вянущих черемух
В дачной местности глотать.

Смолкнут шумные заботы,
Стихнет боль сердечных ран,
Буду видеть, как с болота
Вьется вечером туман.

А потом в полдневном зное,
В свежий вечер, у огня
Это странствие земное
Близким станет для меня.

Будет биться резвый окунь
На заре в моих сетях,
Буду долго и жестоко
Загорать на отмелях.

Каждым деревом и рошей,
Лугом, речкой, быстринной
Встанет радостней и проще
Тихий мир передо мной.

А когда взрвет утрюмо
Ветер с ветками в борьбе,
Будет время, чтоб подумать
О тебе и о себе.

Чтоб, слегка прищуря веки,
От последнего тепла
Вдруг понять, что ты навеки
В жизнь мою теперь вошла.

Эти дни проходят мимо
Высоко над головой,
Никакие горы Крыма
Не разделят нас с тобой.

И в заманчивой надежде
Вырастает мой покой.
Будешь ты опять, как прежде,
Поздней осенью со мной.

Июль 1935.

* * *

Что еще теперь ты хочешь?
Спуститься в ад? Подняться в рай?
Тебе дано во мраке ночи
Хлебнуть блаженство через край.

Какой еще ты ищешь муки,
Спешешь, каких блаженств ища,
Когда к тебе стремится в руки
Девичье сердце трепеща?

Законом тягостным и лживым
Ты хочешь вдруг сковать уста
В тот час, когда в твоих порывах
Цветут и жизнь, и красота.

И если сердце онемело
В полете мысли и мечты,
Зачем измученное тело
Ты низвергаешь с высоты?

Зачем холодными руками
С лукавой мудростью змеи
Ты снова сбрасываешь камни
На плечи бедные мои?

Ведь все равно, покорный зову,
Я все преграды разорву,
И, опаленный счастьем, снова
Блаженный миг переживу.

<1930-e>.

* * *

Из глубин души воспоминанья,
Как со дна взволнованных морей,
Осторожный шорох увяданья
Поднимает ярче и острей.

Под высоко вознесенным сводом
На рассвете солнечного дня
Самые мучительные годы
Новой жизнью стали для меня.

Скупость сил и пустоту над ними
На гроши размененные дни
Слабая окутывает память
В мягкие вечерние огни.

Ярким солнцем сквозь решетку сада,
Свежим ветром в воздухе ночном
Снова душу окрыляет радость
Новой встречи на пути земном.

В блеске догорающей зарницы
Новый день склонялся и поник,
И раскрылись лучшие страницы
Самых старых пожелтелых книг.

Сквозь порывы радости мгновенной
Слышу я, страницы шевеля,
Как в ночном покое постепенно
Остывает теплая земля.

Сохнут травы на крутом откосе,
Ветер опьяняет, как вино,
Золотая, болдинская осень
Красным кленом клонится в окно.

Сентябрь 1933.

* * *

За чугунной решеткой балкона,
Развернув золотой листопад,
Беспокойным оранжевым кленом
Осень ранняя смотрится в сад.

И в тяжелой поре увяданья
Самым страшным, мучительным днем
Стала тихая радость свиданья
Для меня путеводным огнем.

И пускай в опустелые дачи
Рвется ветер, окошком звеня,
В эти страшные дни обозначен
Легкий путь навсегда для меня.

Что б ни делал я, где бы я ни был,
Но привычку ничем не избыть
Под задернутым тучами небом
Вечерами к тебе приходиться.

Ты висков поседевших от боли
Осторожно коснувшись рукой,
Может быть против собственной воли
Потревожила тихий покой.

Овладевшее мною волнение
На исходе осеннего дня
Оттого, что в груди к сожаленью
Большей нежности нет у меня.

Сентябрь 1933.

* * *

На работе, в командировке,
В час досуга, в тиши ночной,
На автобусной остановке
Вы встаете передо мной.

Я готов протянуть вам руки
И сквозь шум чужих голосов
Слишком жадно слушаю звуки
Мною выдуманных шагов.

Сердце, празднующее победу,
Не волнуйся и не спеши,
Эта встреча осталась бредом
Ненасытной моей души.

Ведь она не придет, не встанет
Даже в проблеске майских грез,
Глаз огромных не затуманит
Капля теплых тяжелых слез.

И в метель, в ледяную вьюгу
Слишком страшно и тяжело,
Пролетая, искать подругу
Сквозь оттаявшее стекло.

Сиротливо и быстротечно
При мерцаньи ненужных свеч
Час за часом уходит в вечность
Ожиданье далеких встреч.

<1933>.

* * *

Если час расставанья в ночной тишине
Ты предчувствуешь сердцем, уставшим от боли,
Если слабые руки навстречу ко мне
Протянуть нет ни сил, ни желанья, ни воли,

Если годы недугом сломили тебя,
Без конца удлиняя бессонные ночи,
Если, чувствуя горько и горько скорбя,
Ты любви обаянью поддаться не хочешь,

Старым другом, как прежде, меня назови
И свою утомленную нежную руку,
Как последний залог уходящей любви,
В самый страшный мой час протяни на разлуку.

Сентябрь 1933.

* * *

Душный ветер бушует над миром
И поет свою песню в трубе.
Вот сейчас убежать бы с квартиры
И пойти бы навстречу к тебе.

По откосам, по шпалам, по поясу
В доцветающей медленно ржи
Вон туда, где зеленый твой поезд
Через реки и степи бежит.

Где под грохот ночной перебранки
На бегущее вдаль полотно
На каком-то глухом полустанке
Ты глядишь осторожно в окно.

Где, заре надвигаясь навстречу,
Белый сумрак острей и ясней,
Где потухли ненужные свечи
Допотопных больших фонарей.

Там, где травы высоки и звонки,
Где с туманом мешается дым,
До упаду бежать в перегонки
Вместе с поездом длинным твоим.

А потом у разбитой сторожки,
Торопливо вбежав на крыльцо,
Увидать на мгновение в окошке
Твой берет, и ладонь, и лицо.

1937.

* * *

Отошла, отцвела, отгорела
Наша радостная любовь,
И из рук моих валится дело,
И остыла усталая кровь.

Но сегодня, навек, на разлуку —
Так ведь, кажется, в песне поют,
Ты свою утомленную руку
Осторожно положишь в мою.

Но смотри, ненароком не выдай,
В синем блике горячих глаз
Ты своей на меня обиды
И всего, что мучило нас.

Осторожно и неохотно,
Как-то скупо звенят слова.
За окном, за портьерой плотной
Так же скупо шуршит листва.

Но и слов, наконец, довольно,
Мы с тобою вдруг замолчим,
Слишком страшно и слишком больно
Обращать прошедшее в дым.

Без упрека и без страданья
В злую осень, по вечерам,
Будут наши с тобой свиданья
Вспоминаться обоим нам.

Что ж, на радость и на разлуку
В отцветающей тишине,
Как подарок, большую руку
Протяни на прощание мне.

Чтоб цвела, как память большая,
В суете, тишину тая,
Осторожная и скупая,
Как любовь, теплота твоя.

Чтоб во вьюгу, за синим снегом,
Под метели немолчный вой

Запевал надо мной с разбега
Переменчивый голос твой.

1936.

* * *

Пусть страсть кипит созревшим виноградом,
Я пью ее с полуоткрытых губ.
Ни слов, ни звуков, ничего не надо:
И звук, и жест и холоден, и груб.

Я пью любви блаженную отраву,
И горечь снов, и прожитых годин,
И торжество, и ненависть, и славу,
И юный жар, и холодок седин.

Вот голова твоя отяжелела,
В глазах мелькнул неугомонный страх,
И Фидием изваянное тело
Слегка дрожит в неопытных руках.

1937.

* * *

В Александровском парке густые высокие кроны
Над тобой, надо мной безмятежно и долго шумят,
И таинственный мир вырастает глухой и зеленый,
И другой, повседневный, уходит покорно назад.

Тишина и покой над тобой, надо мной, и над нами,
Загорелые руки твои золотое вбирают тепло,
Пахнет свежей листвой, отошедшими в вечность годами,
И прозрачный канал в отдалении засиял, как стекло.

Я бы голову мог осторожно к тебе на колени
На мгновенье, надолго, почти навсегда положить.
Я хотел бы с тобою в чаду неизбежных волнений
Нераздельно, спокойно и радостно, радостно жить.

<1937>.

* * *

Что же, молодость отгремела,
Да и зрелость почти отошла,
И по-старчески ищет тело
Неподвижности и тепла.

Но душа ни за что не хочет
Примириться с такой судьбой
И упорно во мраке ночи
Вызывает судьбу на бой.

Вот и рвется она из дому
И отыскивает пути,
Чтобы сызнава, по-иному
Новый жизненный путь пройти.

И порою больные руки
Вспоминают былую мощь,
И, как в детстве, волнуют звуки
Осыпающих листья рош.

И по-юношески несмело
С удивленьем следят глаза,
Как стремительно пролетела
Освежающая гроза.³⁸

<1941>.

II

ИЗ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. С. АЛЕКСЕЕВА

В. С. Алексеев учился в замечательной гимназии, история которой связана с биографиями многих деятелей литературы — в Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской (в 1919—1922 годах — Петроградской 10 Трудовой школе имени Л. Д. Лентовской).³⁹ Некоторые материалы из архива В. С. Алексеева содержат любопытную информацию о литературной жизни в этой гимназии, а также проясняют характер отношений В. С. Алексеева с А. И. Введенским и Л. С. Липавским. Последнее обстоятельство имеет особое значение, поскольку гимназическая дружба трех юных поэтов явилась исходным пунктом литературных биографий каждого из них.

Училище Лентовской было основано в 1906 г. К сожалению, воспоминания учеников донесли очень мало сведений об основательнице — Лидии Даниловне Лентовской. Один из них называет ее «попечительницей» гимназии, «известной петербургской благотворительницей, состоятельной женщиной и светской дамой, не чуждой либерализма и даже некоторого радикализма с социалистической окраской».⁴⁰ Д. С. Лихачев в своих воспоминаниях упомянул о ней как о театральном антрепренере.⁴¹ Однако позднее в устной беседе он сообщил, что эти сведения являются только его предположением. Как видно из приводимого ниже стихотворения В. С. Алексеева, посвященного десятилетнему юбилею гимназии, и ученики и преподаватели относились к Л. Д. Лентовской с пиететом.

«В дореволюционном Петербурге это было одним из лучших, если не лучшим среднеучебным заведением», — вспоминал Вадим Андреев, впоследствии известный писатель, учившийся в гимназии Лентовской (в одном классе с В. Алексеевым) в 1915—1917 годах.⁴² И Вадим Андреев, и другие выпускники «Лентговки» вспоминают об исключительно высоком уровне преподавательского состава гимназии, первоначально сформированном из числа учителей, изгнанных из правительственных гимназий в годы первой революции. В 1918—1922 годах здесь преподавал психологию, а также некоторое время заведовал библиотекой отец В. С. Алексеева Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов).⁴³ Особо следует упомянуть о преподавателе русского языка и литературы Леониде Владимировиче Георге (1890—1927). Один из выпуск-

ников гимназии, Я. С. Друскин, признавал, что именно Георгу он обязан своим интересом к русской и мировой литературе, а также к вопросам философии.⁴⁴ По воспоминаниям учеников, Георг «интересовался фольклором, в том числе заговорами, нескладницами, и сам их исполнял в своих классах, и вообще культивировал в своем преподавании „смеховую“ струю».⁴⁵ Он вел литературный кружок, который посещался и учениками, и другими преподавателями. Интересно, что в 1920/21 учебном году занятия кружка проводились при активном участии С. А. Алексеева (Аскольдова) и его жены Елизаветы Михайловны, причем посещались также бывшими учениками школы, закончившими ее в 1920 г. и ранее.⁴⁶ В следующем, 1921/22 году литературный кружок вел Е. П. Иванов (1876—1942), друг А. А. Блока, специально приглашенный Георгом.⁴⁷

Воспоминания учеников тех лет рисуют характерную картину жизни школы времени «военного коммунизма». Зимы 1919/20 и 1920/21 годов были очень холодными и снежными, центральное отопление не действовало, ученики в классах сидели в пальто и валенках. Ученики вместе с преподавателями время от времени занимались заготовкой дров — обычно путем «разрушения» предназначенных к сносу деревянных домов. Эта характерная деталь школьного быта нашла отражение в стихотворении В. С. Алексеева «Сломанный дом» (текст см. ниже).⁴⁸ Из-за наступающего на Петроград голода в школе были организованы сначала «сухие пайки» (термин появился позже, в те времена это так не называли), а в 1920/21 годах горячие завтраки, состоявшие из большой порции крупнозернистой пшеничной каши и чая с черным хлебом. Несмотря на бытовые трудности этого времени, в школе часто устраивались самодеятельные спектакли (в частности, Георг осуществил постановку «Ревизора», где роль Хлестакова играл А. Введенский).⁴⁹ Постоянной практикой были экскурсии по городу, а также далекие загородные поездки с учениками трех-четырёх старших классов.

Издавались рукописные журналы, полностью составленные из произведений учеников того или иного класса. Один из таких журналов — «Лентовец» (№ 4 за 1917 год) сохранился в архиве Алексеева. Этот журнал большого формата (37 × 26,5 см), богато украшенный рисунками учеников, содержит два очерка В. Алексеева («Раскол Русской Церкви» и «Углич»), стихотворения В. Алексеева, Л. Липавского, Вадима Андреева и рассказ Бартковского. В предисловии от редакции утверждается, что «как и в прошлом году — главным отделом должен быть литературный, иначе журнал приобретет хотя бы некоторую партийность, что не согласуется с постановлением Клуба о внепартийности, как его, так и журнала». Эти редакционные оговорки были отнюдь не случайными. Как вспоминает Вадим Андреев, в недели, предшествовавшие пасхальным каникулам 1917 г., «в классе на двадцать семь учеников образовалось около сорока политических партий, — мы спорили, кричали, писали революционные стихи, столь же пылкие, сколь и плохие:

Зазвенели разбитые стекла
Обреченных проклятью дворцов,
И с зарею свободы поблекло
Царство тьмы и царей-подлецов».⁵⁰

В конце 1917 или в 1918 г. в школе образовалось содружество трех юных поэтов — А. И. Введенского, Л. С. Липавского и В. С. Алексеева. Появление этого содружества, очевидно, было связано с деятельностью школьного литературного кружка «Костер». Во всяком случае, уже в первом полугодии 1918/19 учебного года Л. В. Георг упоминает Липавского и Алексеева в числе учеников, которые «много отдают сил на участие и активную работу в литературно-художественном кружке

„Костер“».⁵¹ Некоторые подробности деятельности этого кружка проясняются благодаря воспоминаниям Б. Н. Лосского. Он, как и Георг, упоминает о причастности к этому кружку В. Алексеева, а также «другого много обещавшего юного поэта-идеалиста» Липавского: «Липавского встречал только старший брат Владимир,⁵² в конце весны 1919 года, когда, наверно, благодаря нашей дружбе с Алексеевыми, присоединился к группе лентовцев, которым какое-то государственное учреждение предоставило на летний сезон какое-то национализированное имение за Нарвской заставой в качестве огорода для возделывания, частью в свою пользу.⁵³ Там мой брат объединялся, в частности, с Вовой (Алексеевым. — А. Д.) и Липавским для спиритуалистических философствований. Если не ошибаюсь (говорю об этом очень осторожно!), даже наименование „Костер“ для их объединения было ему даровано какими-то его стихами, когда оно окружило зажженный вечером костер. Надо прибавить, что не все огородники-лентовцы (и хозяйки кружка, лентовки) отличались глубокомысленными настроениями. Во всяком случае не англичанин-спортсмен Чешер <...>, который, когда над ним начинали трюнить товарищи, грозился насмешникам „дать по мордам“. Прибавлю, наконец, что, когда уже приближалась осень, школьники-огородники, не поладив с предрержащими властями, покидая поместье, пустили в усадебные здания „красного петуха“».⁵⁴

Смысл названия кружка раскрывается в публикуемом ниже стихотворении В. С. Алексеева «Костер», посвященном Л. В. Георгу.⁵⁵

Сохранился выразительный, хотя и несколько пристрастный, на наш взгляд, отзыв Л. В. Георга о В. С. Алексееве, написанный в конце 1918 г.: «Оч<ень> оригинальн<ое> сущ<ество>. В развитии его не все представляется нормальн<ым>. Андр<ей> Белый, Достоевский, Толстой, соврем<енная> литерат<ура> — вот круг его интересов. Сам — поэт. Недурные стихи. Наряду с этим поразительная безалаберность в школьных занятиях. Ревностн<ый> посетитель „Костра“, где предполагает читать о лирике Вл. Соловьева, — и в то же время феноменально безграмотный человек. К систематическому труду неспособен. Перенес тяжелые болезни, сухорук.⁵⁶ „Интеллигент“».⁵⁷

В 1917 или 1918 г. Алексеев, Введенский и Липавский написали поэму «Бык Будды» (текст не сохранился), по характеристике Т. А. Мейер (в замужестве Липавской) — «сочувственную пародию на футуризм».⁵⁸ К 1920—1921 годам относится и единственное дошедшее до нас их коллективное стихотворение — «Мы с тобой по аллеям гуляем...». По свидетельству Я. С. Друскина, трое юных поэтов посылали образцы своих стихотворений А. Блоку и Н. Гумилеву.⁵⁹ В письме Блоку, датированном январем 1921 г., они просили его сообщить отзыв о стихах по адресу (или по телефону) А. Введенского. Единственным свидетельством прочтения этих стихов Блоком является его помета на письме: «Получил 20.I.1921. Отв<етил> 23.I. Ничто не нравится, интереснее Алексеев».⁶⁰

Письмо к Гумилеву, если оно и было написано, не сохранилось. Сохранился, однако, текст воспоминания В. Алексеева о его визите к Гумилеву — в сопровождении неких не названных им спутников. Были ли этими спутниками Введенский, Липавский или кто-нибудь другой, сказать сколько-нибудь определенно сейчас невозможно. Однако, интересно сопоставить воспоминания В. Алексеева с устными свидетельствами его сестры — Александры Сергеевны Алексеевой (записаны с ее слов в 1996—1998 годах). Она подтвердила, что Введенский и Алексеев лично встречались по крайней мере с кем-то из знаменитых поэтов — или с Блоком, или с Гумилевым. Во всяком случае, она была свидетельницей оживленного разговора между В. Алексеевым и Введенским по поводу полученного ими отзыва. В своем рассказе Александра Сергеевна первоначально склонялась к версии об отзыве Блока, однако, после обнаружения в архиве текста воспоминаний Алексеева (о визите к Гумилеву),

усомнилась в этом. О письменном ответе она ничего не знает. Судя по разговору Введенского и Алексеева, похвалами определенно были удостоены стихи Алексеева. Введенскому же не понравился отзыв о его стихах. Во время обсуждения с Алексеевым Введенский сочинил экспромт, как бы отвечающий на выслушанные им «замечания» относительно своих произведений:

Ну кому какое дело,
Смел ли он поцеловать,
Лишь бы тумбу не задело,
А на встречных наплевать.

О содержании «замечаний» по этим строкам остается только гадать. К тому же А. С. Алексеева не уверена, что запомнила стихотворение целиком.⁶¹

Дружба Введенского с Алексеевым продолжалась некоторое время и по окончании школы. По словам А. С. Алексеевой, осенью 1921 г. они поселились в пустующей пятикомнатной квартире на Кронверкской, 21, на шестом этаже, напротив квартиры Алексеевых, и жили вдвоем около года. В дальнейшем Алексеева и Введенского сближало лишь членство в Ленинградском отделении Всероссийского Союза Поэтов, совместное участие в некоторых его литературных вечерах в Доме Печати и в других клубах. Стихи их соседствовали также на страницах двух поэтических сборников, выпущенных этим профессиональным литературным союзом: «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и «Костер» (Л., 1927).

В настоящую подборку включены не все стихотворения В. Алексеева, посвященные гимназии Лентовской. В частности, не публикуется хронологически последнее из обнаруженных нами в архиве стихотворений такого рода, по-видимому, описывающее собрание выпускников гимназии в феврале 1923 г.: «Еще ведет нетерпеливый торг...». Оно заканчивается такими строками:

Мы променяли трехэтажный дом
На залы Университета,
Да не сочтется ныне это
Нам неотпущенным грехом.⁶²

Воспоминания о Н. Гумилеве являются частью пространной статьи В. Алексеева о творчестве Н. Гумилева, которая сохранилась в его архиве. Автограф этой статьи занимает три неполных тетради. Первые две из них озаглавлены «Поэзия Н. С. Гумилева» (в конце второй тетради дата: декабрь 1922). В этой части своей работы В. Алексеев пытается проследить эволюцию творчества Гумилева, поставив перед собой задачу «разобрать те произведения, которые дала нам его жизнь, оставляя личность автора в стороне».⁶³ Третья тетрадь, озаглавленная «Н. С. Гумилев. Личность», печатается здесь полностью.

1 февраля⁶⁴

Прошли года, и в этой зале,
Куда со страхом я вступал,
За десять лет отчет читали,
Десятилетия день настал.

А там в углу, под образами,
Ее портрет в тени стоял.
Своими добрыми глазами
Она осматривала зал.

И десять лет работы школьной
Мы вспоминали перед ней,
И радость, труд, и грех невольный,
И тяжесть царственных цепей.

И как живая вместе с нами
Она была на торжестве.
А там портрет с ее чертами
Стоял за пальмой в темноте.

2/II 1918.

Сломанный дом

Серые балки ломом
Отрываю от потолка.
За открывшимся новым изломом
Чья-то торчит голова.

Пыльные доски падают
На асфальтовую панель.
И глаза усталые радуют
Труды за десять недель.

20/I 1920.

Костру

Л. В. Георгу

День ото дня желтеют скаты гор,
Темнее лес. Стада еще на воле.
И желтый лист — осенних дней убор —
Один мятется в опустелом поле.

Свети, костер, в осеннем долгом мраке!
Тесней вокруг тебя смыкается наш круг.
И может быть, на огненные знаки
Вернется к нам от нас ушедший друг.

Печально одному, вдали завидя свет,
Во мраке пробрести на долгую разлуку,
Но сладко, с другом встретясь после долгих лет,
Ему пожать от сердца крепко руку.

Терпенье же, друзья, последний раз мы тут,
Скорей, еще куда угли тлеют,
Сойдемся, расходясь на жизни тяжкий путь.
Блаженны люди те, которые имеют

На жизненном пути средь горя и тревог
Воспоминания о старом милом друге.
Сойдемся же, чтоб после каждый мог
О друге вспомнить на досуге.

28/V 1920.

Введенскому

Ты упрекнул меня средь дружеской беседы
За мой простой, не говорящий сердцу стих,
За пустоту, за старые сюжеты,
За то, что я не изукрасил их.

Но знай, что я пою, чтоб сердцу дать усладу,
А сердцу жаркому понятен стих простой,
И не хлопков я жду себе в награду,
А благодарный взгляд порой.

И твердо знай: угарную Россию
Одним простым стихом и можно воспевать,
И только в простоте и Бога и Марию
Постигнешь ты, получишь благодать.

30/V 1920.

* * *

(А. Введенскому)⁶⁵

Словно маленькие глупые дети,
Мы бредем по темному городу,
Спотыкаясь о скользкие льдины,
Попадая ногами в лужи.

Жутко прятаться в темные двери
Незнакомых сырых подъездов,
Проходить перекрестки улиц,
Поднимать воротник от ветра.

Я вытерпел много горя,
Я вымолчал много жалоб
И стал сухим и упрямым,
Человеком ума и воли.

Ты, покорный своей фантазии,
Как всегда, раб желаний мига,

Тороплив, суетлив, не хочешь
Время, чтобы одолеть препятствий.

Ночь векует века на пашне, —
Говорил ты давно когда-то.
Ночь ползет из своей берлоги, —
Мне хотелось сказать сегодня.

Мы идем к намеченной цели
Торопливым, неровным шагом,
Спотыкаясь о скользкие льдины,
Словно маленькие глупые дети.

Апрель 1922.

* * *

Было за полночь и даль серела,
Когда на мост пьяные взошли.
Гумилев и Всеволод, от хмеля белый,
Под руки Иванова вели.

— Стой, ребята, — вымолвил Иванов, —
Гумилев, коль ты гусар лихой,
На одном из каменных болванов
Поезжай сейчас к себе домой.

Понапрасну публика мешала,
Милиционер пришел с поста:
Гумилева больно разбирало
Сесть повыше конского хвоста.

Хотя нравы нынче стали просты,
Но не видел и ни мал ни стар,
Чтоб на статуе Аничковского моста
Гвардии Ее Величества сидел гусар.⁶⁶

<1922>.

Н. С. ГУМИЛЕВ. ЛИЧНОСТЬ

В одной из комнат Дома Искусств во втором этаже у низко спущенной лампы с зеленым абажуром за большим столом сидят несколько человек. За одним концом человек <с> наголо обстриженной головой с заостренным подбородком и белым лицом. Из-под пиджака высовывается подпирающий щеки крахмальный воротничок. Это Гумилев. В зубах неперемная папироса, а подле на столе знаменитый гумилевский портсигар. Он говорит медленно, резким и протяжным голосом, поминутно останавливается, чтобы затянуться. В углу сидят трое. Один — Георгий Иванов с неудачно покрашенными губами, от которых розовеют папиросные мундштуки. Другой — поблескивающий стеклами пенсне Эйхенбаум, и третий — во флотском мундире, пока еще скромный и тихий, напоминающий большого мальчика, Нельдихен.

Скучная лекция, неизвестно для чего читающаяся, подходит к концу. Видно, что сам лектор тяготится ею: он читает медленно и вяло, просто тянет время. Но вот она кончится и все оживятся, и сам Гумилев будет с иронической улыбкой слушать стихи, награждая авторов дельными и меткими советами. Одного высмеивать за плохое стихотворение, написанное неподходящим к теме размером. Другому достанется высшая награда: «Под этим стихотворением я сам охотно бы подписался». И засияет счастьем довольный автор. Потом Нельдихен будет читать свои стихи о том, как он томится на дежурстве в казарме и как разбивает казенную икону, висящую в углу, потому что никакого Бога нет.⁶⁷ «Разбить икону глупо и легко, а написать хорошее стихотворение трудно», — резонно заметит Гумилев. Но вот уже собралась публика, наверху открыли зал, и Николай Чуковский собирает билеты, значит надо отправляться наверх. И слоняясь поверху в ожидании начала, видны целые вереницы поэтов — Николая Оцупа, Всеволода Рождественского, сумасшедшего Пяста. Вечер открывает Гум.⁶⁸ Кланяясь на многочисленные хлопки, он читает на бис лучшие стихи из предполагаемой книги «Огненный столп». Читает их медленно, уверенно, немного певуче, видимо, сам с наслаждением перебирая красивые аллитерации своих строк. Его сменяют поэты один за другим. Уже около полночи появляется Блок, встречаемый наибольшими восторгами. Он читает новую, еще никому неизвестную II-ую главу поэмы «Возмездие», и потому публика слушает его на этот раз с особенным вниманием.⁶⁹ Но старая пословица гласит «хорошенького понемножку», а сегодня его было слишком много, и вот наступает расплата в виде путешествия на Петроградскую сторону в лютый мороз пешком.

Сердитый оклик из-за двери: «Кто там?». Называемся. Дверь открывается, и завернутый в одеяло с высовывающимся из-под него воротом Николай Степанович выпускает нас. Нельзя сказать, что I <час> дня — время раннее, но он просит нас «великодушно простить», если примет нас лежа, ибо вставать ему не хочется. Идем в спальню, она же и кабинет. Низенькая комната с двумя окнами, между ними крохотный письменный стол, заваленный не относящимися к письму принадлежностями. Масло, хлеб, просыпанный табак, папиросы. Вдоль одной стены кровать с вышитой на ней картиной. Вдоль другой — полки с беспорядочно сложенными на них книгами. Сам Гум принимает нас, сидя на кровати и до подбородка натянув теплое одеяло. Разговор идет о стихах. Он, оживившись, выкладывает свои мысли как всегда гладким и претендующим на некоторую красоту языком, обнаруживая знание в самых разнообразных областях. В разговоре, словно в стихах, чувствуется бережливое и аккуратное отношение к слову, словно прежде чем произнести, он взвешивает и разглядывает его. А, между тем, от закуренных папирос воздух в комнате становится сизым и мутным. Читаем стихи. Критикует, как всегда, веско и дельно. А в это время книгам становится скучно созерцать нас со своих полок, и нет-нет одна из них с тяжелым грохотом падает на пол. «Да вы не трудитесь их поднимать, на это и времени не хватает, они всегда падают». И не обращая больше внимания, мы продолжаем вести свою беседу, а за спиной то и дело слышится стук переплета: трах-трах-трах...

1922. В. Алексеев.

¹ Известно, что формирование кружка друзей, с 1925 г. называвших себя «чинярями», началось гораздо раньше этого времени. Небольшое сообщество единомышленников — Я. С. Друскин, А. И. Введенский, Л. С. Липавский и Т. А. Мей-

ер — существовало с начала 1922 г. Однако, все четверо будущих «чинарей» были знакомы еще раньше, так как учились в одной гимназии — Петроградской гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской (начиная с 1917 г. название и статус этого учебного заведения неоднократно менялись). В. Алексеев учился в одном классе с Липавским.

² Впервые опубликовано: *Введенский А.* Полное собрание сочинений: В 2-х т. Анн Арбор, 1984. Т. 2. С. 225.

³ Впервые опубликовано: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок: материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ // Блоковский сборник. Х. Тарту, 1990 (на обложке — 1991). С. 72—81 (Ученые записки Тартуского университета; Вып. 881).

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Подробнее о А. А. Козлове см. статью Д. К. Равинского и Б. М. Шахматова в словаре «Русские писатели: 1800—1917» (М., 1992. Т. 2. С. 589—591). В качестве дополнения к помещенной при этой статье библиографии укажем переиздание книги С. А. Аскольдова «Алексей Александрович Козлов» (Предисловие и примечания Н. П. Ильина (Мальчевского). СПб., 1997).

⁶ См.: *Челищев Н. Андр.* Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893. С. 281—286, 296. Отметим, что М. А. Челищева впоследствии была видной нигилисткой, участницей «Знаменской коммуны» В. А. Слепцова (см. об этом: «Знаменская коммуна» / Публ. М. Л. Семановой // Василий Слепцов: Неизвестные страницы. М., 1963. С. 440, 452, 456. Литературное наследство; Т. 71).

⁷ Подробнее о нем см.: *Аскольдов С. А.* Письма к А. А. Золотареву / Вступ. заметка и прим. А. А. Сергеева; Подг. текста А. И. Добкина // Минувшее. М., 1992. [Вып.] 9. С. 352—379; *Аскольдов С. А.* Из писем к родным (1927—1941) / Публ. А. Сергеева // Минувшее. М.; СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 292—331; *Лихачев Д. С.* Сергей Алексеевич Алексеев (Аскольдов): (По юношеским воспоминаниям) // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 383—386; *Аскольдов С. А.* Четыре разговора. Мысленный образ Христа / Публ. А. В. Лаврова // Там же. С. 387—508.

⁸ Подробнее об этом см. во второй части настоящей публикации.

⁹ В архиве В. Алексеева сохранились конспект его доклада о В. Соловьеве и неоконченная статья «Две веры (Вл. Соловьев и Н. Гумилев)». Оба текста относятся к 1922 г.

¹⁰ Лето 1918 г. С. А. Алексеев-Аскольдов провел со своими тремя детьми в Казани, где жила их бабушка (Татьяна Никитична Голдобина). Затем вместе с Владимиром Сергей Алексеевич возвратился в Петроград, а дочери отправились к матери, которая жила в это время в Москве. В Петрограде Владимир прожил вдвоем с отцом три года. В конце лета 1921 г. в Петроград вернулись остальные члены семьи.

¹¹ *Аскольдов С. А.* Из писем к родным. С. 297.

¹² См. его студенческое дело: Центральный государственный архив С.-Петербурга (далее: ЦГА СПб.), ф. 7240, оп. 4, № 24, л. 2, 9.

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ Там же, л. 1.

¹⁵ См. об этом в комментариях А. Б. Устинова и А. А. Кобринского к публ.: Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах. М.: СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 518.

¹⁶ *Волков Петр Николаевич* (1894—1979) — поэт, входил в группы «Звучащая Раковина» и «Островитяне». Книга стихов Волкова «Курганы» была анонсирована в 1922 г. издательством «Островитяне».

¹⁷ *Браун Анатолий Леопольдович* (1904—1943) — поэт и прозаик, брат Н. Л. Брауна.

¹⁸ *Сорокин Григорий Эммануилович* (1889—1954) — поэт и прозаик. В архиве В. Алексеева сохранился автограф его стихотворения «Памяти Блока» («Тогда никто не разглядел...»), с посвящением «Володе Алексееву» и датой: 2 декабря 1922 г.

¹⁹ *Браун Николай Леопольдович* (1900, по др. сведениям 1902—1975) — поэт, переводчик.

²⁰ *Вагнер Николай Петрович* (1898—1988) — прозаик, драматург, поэт.

²¹ *Дмитриев Николай Петрович* (1903—не ранее 1940) — поэт, литературовед, входил в группу «Звучащая Раковина».

²² *Боженко Константин Никанорович* (1878—1939) — поэт, прозаик и критик.

²³ Из письма неоклассиков к Ф. Сологубу. Цит. по вступительной статье М. М. Павловой к публ.: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 1. С. 194.

²⁴ Московская группа неоклассиков возникла при Всероссийском Союзе Поэтов в конце 1918 г. В 1921—1926 годах функционировало книгоиздательство «Неоклассики», выпустившее «Декларацию неоклассиков» (М., 1923; воспроизведена в кн.: *От символизма до «Октября»* / Сост. Н. Л. Бродский и Н. П. Сидоров. М., 1924. С. 244—247) и три сборника стихов «Лирика» (первые два — М., 1922, третий — Тверь, 1925). В группу входили Н. Н. Захаров-Мэнский, М. П. Гальперин, Г. Я. Поповский, П. А. Терский, Е. К. Шварцбах-Молчанова, В. А. Бутягина, Н. Л. Манухина и др. На позиции неоклассицизма стояли также писатели группы «Лирический круг» (см. одноименной сборник — М.: Северные дни, 1922; о задачах объединения см., например, заметку в журнале «Творчество» — 1922. № 1/4. С. 75).

²⁵ Приводится по списку В. В. Смиренского 1970-х годов (РО ИРЛИ, ф. 582. Не разобран). Анна N — Анна Николаевна Иванова, жена В. Алексеева. Об увлечении В. Смиренского Анной Николаевной Гумилевой (урожд. Энгельгардт) см. в публикации К. М. Азадовского и А. В. Лаврова «Анна Энгельгардт — жена Гумилева» (Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 368—369).

²⁶ А. Ш. В союзе писателей. Неоклассики // Ленинград. 1925. № 27. С. 12—13. (По-видимому, первоначально предполагалось, что декларацию неоклассиков прочтет В. Н. Волошинов, см. анонимную заметку «В Союзе писателей»: Новая вечерняя газета. 1925. № 98. 11 июля. С. 3). Ср. суждения Ф. Сологуба о плагиате: *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 222, 233 (примечание М. М. Павловой).

²⁷ Текст письма см.: Там же. С. 193—194 (вступ. статья М. М. Павловой).

²⁸ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (далее: РНБ), ф. 92, оп. 1, № 140, л. 10 (*Борисолебский М. В.* Последнее Федора Кузмича <1929>).

²⁹ О «вторнике» неоклассиков, на котором выступал с лекцией Ю. Н. Верховский, см. подробную запись Л. И. Аверьяновой (РО ИРЛИ, ф. 355, № 3).

³⁰ См. письмо М. Смиренского к М. Борисолебскому от 15 июля 1925 г. (РНБ, ф. 92, оп. 1, № 282, л. 2 об.).

³¹ Там же, л. 18 об.

³² *Оксенов И.* Среди стихов: [Рец. на альманахах «Ларь»] // Звезда. 1927. № 8. С. 154.

³³ РНБ, ф. 103, № 9.

³⁴ *Алексеев В.* Великий смотр: Соцсоревнование и новая техника. Л., 1930; *Он же.* Борьба за кадры. Л., 1930; *Он же.* Заочная подготовка кадров. Л., 1930. Вторая из указанных книг сохранилась в библиотеке В. С. Алексеева (собрание А. С. Алексеевой).

³⁵ РНБ, ф. 92, оп. 1, № 282, л. 45.

³⁶ По-видимому, речь идет о Н. С. Гумилеве.

³⁷ Из письма к Е. А. Букреевой от 7 июля 1934 г. Цит. по публ.: *Аскольдов С. А.* Из писем к родным. С. 318.

³⁸ Черновой автограф карандашом на конверте письма С. А. Аскольдова к В. С. Алексееву, отправленного из Новгорода в Ленинград (Фонтанка 53, кв. 38). Штемпель прибытия: 23.01.1941. На этом конверте записана еще одна строфа, относящаяся, по-видимому, к этому же стихотворению:

Но упорно сквозь мрак и горы,
То волнуясь, а то спеша,
Рвется в солнечные просторы
Нестареющая душа.

³⁹ Первые годы своего существования это учебное заведение располагалось на Васильевском острове (10 линия, д. 35), в 1908—1919 — в доме 51 по Большому проспекту Петербургской / Петроградской стороны. Официальное название в 1908—1917 — Петербургская / Петроградская гимназия В. К. Иванова, учрежденная Л. Д. Лентовской. С 18 апреля 1917 г. гимназия была передана в содержание «Общества гимназии, учрежденное Л. Д. Лентовской» и получила название — Петроградская Общественная гимназия имени Л. Д. Лентовской с правами правительственных гимназий. С сентября 1918 г. — Петроградская Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. 29 августа 1919 г. постановлением Отдела просвещения г. Пет-

рограда была закрыта бывшая Петровская гимназия (ул. Плуталова, 24), а Петроградская Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской переведена по ее адресу, получив название — Петроградская 10 Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. С конца 1922 г. (или с начала 1923) — 190 Советская Единая Трудовая школа имени Л. Д. Лентовской. Ныне — муниципальное образовательное учреждение «Школа № 47 имени Д. С. Лихачева».

⁴⁰ *Розенберг И. А.* Школа (1918—1926 гг.). Авторизованная машинопись (1975). Хранится в музее истории Школы № 47 имени Д. С. Лихачева. Выражаю благодарность хранителю музея В. Н. Пашиковой, любезно предоставившей этот текст.

⁴¹ *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995. С. 101.

⁴² *Андреев В.* Детство. М., 1966. С. 126. Вадим Леонидович Андреев (1902/1903—1976) — прозаик и поэт, старший сын Л. Н. Андреева. После Октябрьской революции остался в Финляндии, впоследствии жил в Болгарии, Германии, Франции. В 1946 г. принял советское гражданство, жил в Швейцарии, работал в ЮНЕСКО. Автор автобиографических повестей, неоднократно публиковавшихся в СССР, и многочисленных поэтических произведений, наиболее полное собрание которых см.: *Андреев В.* Стихотворения и поэмы: В 2-х т. / Подгот. текста, сост. и прим. И. Шевеленко; Предисловие Л. Флейшмана. Berkley, [1995]. О школе Лентовской см. также: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 100—109; *Друскин М. С.* Каким его знаю // Музыкальная академия. 1995. № 4. С. 235—236; *Поляков В.* Моя сто девятилетняя школа. М., 1976 (беллетристические воспоминания выпускника 1926 г.); *Сапрыкин А., Алексеев А. и др.* История школы № 47 в годы блокады // Моя Петроградская сторона: Люди Петроградской стороны вчера... сегодня... завтра... СПб., 1998. С. 133—167.

⁴³ О преподавательской работе С. А. Алексеева (Аскольдова) в школе Лентовской и о конфликте с учениками, возникшем в 1922 г., см.: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 127—129. Сохранились лобопытные отзывы Аскольдова о его учениках. Один из них (о Я. С. Друскине) опубликован нами: *Дмитренко А., Сажин В.* Краткая история «чинарей» // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2-х т. [М., 1998] (см. также второе издание: М., [2000]). Т. 1. С. 21.

⁴⁴ *Друскин Я.* «Чинари» / Публ. Л. Друскиной // Аврора. 1989. № 6. С. 105. Отдельный мемуарный очерк посвятил Георгу Д. С. Лихачев, где упоминал, в частности, о положительном отношении Георга к ранним литературным опытам А. Введенского: *Лихачев Д. С.* Воспоминания. С. 107—108; впервые под названием «Я его так ясно помню...» опубликован в журнале «Аврора» (1981). № 9. С. 100—107). Л. В. Георг родился в семье военного врача, получил образование в Брест-Литовской гимназии. С 1908 г. жил в Петербурге, закончил историко-филологический факультет Петроградского университета (славянско-русский отдел) со званием учителя средних учебных заведений. Состоял штатным преподавателем русского языка в гимназии В. К. Иванова, учрежденной Л. Д. Лентовской, с 14 октября 1916 г. (см. его личную карточку: ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 208, л. 69). Отзывы Георга о Л. Липавском, Я. Друскине и А. Введенском приведены в статье: *Дмитренко А., Сажин В.* Краткая история чинарей. С. 5—45.

⁴⁵ *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок: материалы к поэтической предыстории ОБЭРИУ // Блоковский сборник. Х. Тарту, 1990 (на обложке — 1991). С. 73 (Ученые записки Тартуского университета; Вып. 881).

⁴⁶ Об этом сообщила Анна Сергеевна Корженевская (1905—1999), выпускница 1921 г.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: *Лихачев Д. С.* Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека» // Русская литература. 1978. № 1. С. 186—188.

⁴⁸ Касаясь поэтического бытования этого сюжета (разборка старых домов на дрова), упомяну о стихотворении В. Ф. Ходасевича «Дом» («Здесь домик был. Недавно разобрали...»), 1919—1920), вызвавшем в свое время ехидное указание критика на нарушение поэтом соответствующего постановления московского Совета рабочих и крестьянских депутатов (см.: *Аксенов И.* Журналы // Художественное слово. 1921. № 2. С. 67).

⁴⁹ Об этом см., например: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок. С. 73. О постановке Георгом «Ревизора» (зимой 1917/1918 г.) вспоминает также Вадим Андреев. По его словам, роль Хлестакова первоначально была отдана ему. Однако после трех или четырех репетиций в октябре 1917 г. он с семьей покинул Петроград (*Андреев В.* Детство. С. 183).

⁵⁰ Андреев В. Детство. С. 169. О «пылкости» и «революционности» сочинений самого Вадима Андреева, равно как и о «партийности» журнала, дает некоторое представление его стихотворный текст, открывающий литературный раздел:

Посвящается Л. А-ву

Венец на голову Христа
Надели и смеялись дико...
И кровь Его святого лика
Текла на бледные уста.
Ему одели багряницу
И насмехалися, крича...
Скорее звали палача
И искривлялись злостью лица.
Теперь другие фарисеи
Продали Родину, смеясь,
В нее кидают дико грязь...
Так убивайте же скорее.

⁵¹ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 206, л. 3 (Отчет об успехах учеников и учениц III класса за первое полугодие 1918—1919 учебного года).

⁵² Лосский Владимир Николаевич (1903—1958) — сын философа Н. О. Лосского, впоследствии известный православный богослов.

⁵³ В личной карточке для учета допризывников, выданной В. Алексееву 8 августа 1919 г., указано, что он служит «в огородной колонии» (ЦГА СПб., ф. 7240, оп. 4, № 24, л. 5).

⁵⁴ Из письма Б. Н. Лосского к автору настоящей публикации от 18 октября 1995 г. Мимолетное упоминание Б. Н. Лосским кружка «Костер» содержится в его опубликованных мемуарах: *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914—1922 годов // *Минувшее: Исторический альманах*. М.: СПб., 1993. [Вып.] 12. С. 71.

⁵⁵ Л. В. Георгу посвящено также стихотворение В. С. Алексеева «Чай (Староверческая былина)», датированное августом 1922 г. Оно написано характерным былинным размером. В настоящую публикацию не включено.

⁵⁶ В своем гимназическом календаре «Товарищ» на 1917—1918 учебный год В. Алексеев отметил, что перенес к этому времени scarlatinu, корь, свинку и дифтерит (календарь подарен А. С. Алексеевой автору настоящей публикации). Кроме того, В. Алексеев страдал последствиями легкой родовой травмы: одна его рука в какой-то мере механически повторяла движения другой. По словам А. С. Алексеевой, с годами этот недостаток сгладился.

⁵⁷ ЦГА СПб., ф. 3102, оп. 1, № 206, л. 3 об.

⁵⁸ Цит. по изд.: *Кобринский А. А., Мейлах М. Б.* Введенский и Блок. С. 74.

⁵⁹ Там же. С. 74. В этой статье впервые опубликовано письмо В. Алексева, А. Введенского и Л. Липавского к А. Блоку и стихи Введенского, приложенные к письму.

⁶⁰ Там же. С. 75.

⁶¹ Поскольку наша совместная с В. Н. Сажиним статья («Краткая история „чинарей“») была написана до того, как А. С. Алексеева ознакомилась с текстом воспоминаний ее брата о визите к Гумилеву, ее рассказ приведен там в ином виде: доверившись ее словам, мы однозначно утверждали, что юные поэты обсуждали отзыв Блока. См.: *Дмитренко А., Сажин В.* Краткая история «чинарей». С. 18—19.

⁶² Не включены в состав настоящей публикации также стихотворения «Вы не Венера, не Ниобиди...» <апрель—июль 1922>, посвященное Т. Мейер, и «Лентовки дух был чист и славен...» <1922>.

⁶³ Отрывок текста из второй тетради приведен в комментариях А. Б. Устинова и А. А. Кобринского к публ.: *Дневниковые записи Даниила Хармса // Минувшее: Исторический альманах*. М. СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 518.

⁶⁴ 1 (14) февраля — день основания гимназии. В стихотворении идет речь не о десятилетии со времени основания Училища Л. Д. Лентовской (1906), а о десятилетии со времени открытия гимназии (1908). Первоначально, с 1906 г., Училище Л. Д. Лентовской (с классическим и реальным отделениями) располагалось на 10 линии Васильевского острова (д. 35). Начиная с 1909 г. в справочнике «Весь Петербург» указан новый адрес (Большой пр. Петербургской стороны, д. 61) и новое название: Петербургская гимназия В. К. Иванова, учрежденная Л. Д. Лентовской.

«Портрет под образами», упоминаемый в стихотворении — портрет Л. Д. Лентовской.

⁶⁵ Так в автографе.

⁶⁶ Сюжетом для этого стихотворения послужила подлинная история, которую В. С. Алексеев мог слышать как от ее героев (поэтов Георгия Владимировича Иванова (1894—1958) и Всеволода Александровича Рождественского (1895—1977)), так и от Л. И. Борисова, который со ссылкой на рассказ Рождественского позднее привел ее в своих воспоминаниях о Гумилеве (*Жизнь Николая Гумилева / Сост. и коммент. Ю. В. Зобнина, В. П. Петрановского и А. К. Станюковича. Л., 1991. С. 168, 280*). Борисов, однако, не назвал имен спутников Гумилева.

⁶⁷ Очевидно, речь идет о стихотворении Сергея Евгеньевича Нельдихена 1891—1942) «Стол для дежурного, свисток, печать...», однако в опубликованном варианте этого стихотворения герой Нельдихена икону не разбивает (см.: *Нельдихен С. Ось. [Пг., 1919.] С. 13—14*).

⁶⁸ Так студийцы называли Гумилева.

⁶⁹ По-видимому, имеется в виду «Вечер петроградских поэтов» 29 декабря 1919 г., но в газетных отчетах не упоминается о чтении Блоком «Возмездия». Ср.: «Блок и Гумилев читали известные и любимые нами стихи» (*Слотимский М. Вечер петроградских поэтов // Жизнь искусства. 1920. 3—5 янв. С. 1*). Блок читал «Возмездие» в Доме Искусств 4 сентября 1920 г. и на первом вечере Союза Поэтов 22 сентября 1920 г.

Когда работа над этой публикацией была завершена, стало известно о том, что в июне 2000 года вышла в свет книга стихотворений Анны Николаевны Алексеевой, подготовленная ее племянницей Наталией Александровной Тарасовой (*Алексеева А. Это Ленинград! Смотри и слушай! Это Ленинград блокадных дней! / Составление Н. А. Тарасовой. СПб., 1999*; см. также: *Молчанов А. Еще один поэтический голос из блокады // Вестник ветерана (СПб.). 2000. № 34 (430). Сентябрь. С. 13*). В книгу включены 59 поэтических текстов Анны Алексеевой 1914—1945 годов, по одному стихотворению Никиты Алексеева и Сергея Алексеева-Аскольдова («Завещание внуку», 1939), а также семейная переписка 1939—1945 годов. Стараниями Н. А. Тарасовой несколько публикаций об Анне Алексеевой появились в печати и ранее: Санкт-Петербургские ведомости. 1992. № 20—21. 25 января. С. 7; Невское зеркало. 1997. № 9 (40). Май. С. 8; Память поколений: Специальный выпуск газеты «Мальчик и Девочка». [СПб.,] 1998. С. 1. Н. А. Тарасова любезно разрешила нам ознакомиться с материалами своего личного архива, где среди прочих оказались автографы Владимира Алексеева. Это позволило уточнить тексты и датировку ряда стихотворений, включенных в настоящую публикацию. Пользуясь случаем, выражаем Н. А. Тарасовой глубокую благодарность.

Б. В. Шергин

ДНЕВНИК 1945 ГОДА (13 АВГУСТА—23 СЕНТЯБРЯ)

Часть II

*Вступительная заметка А. Н. Мартыновой,
публикация И. А. Красновой*

Научное описание фонда Б. В. Шергина (РО ИРЛИ, р. V, ф. 278) было закончено в 1999 г. В числе других документов здесь содержатся записные книжки писателя и его дневники (1920-е—1962). К сожалению, в Пушкинском Доме отсутствуют записи 1946, 1951—1958, 1959, 1960—1961 годов. Дневники тех лет, которые хранятся в ИРЛИ, также неполны.

Дневник за 1945 год (ед. хр. 235) содержит записи с 18 января по 12 апреля¹ и с 18 августа по 23 сентября (материал настоящей публикации). Отсутствующие в РО ИРЛИ дневниковые записи за 1945 год опубликованы Ю. Ф. Галкиным в 1990 и 1992 гг.² (в его публикации даты отсутствуют).

Толкование основных понятий, связанных с церковной службой, см. в I части публикации. В комментариях используются следующие сокращения, принятые в богословии для обозначения разных частей Нового и Ветхого Заветов: Втор. — Второзаконие; 2 Кор. — Второе Послание к Коринфянам апостола Павла; Деян. — Деяния апостолов; Иак. — Послание Иакова; Ин. — Евангелие от Иоанна; Лк. — Евангелие от Луки; Мк. — Евангелие от Марка; Мф. — Евангелие от Матфея; Пс. — Псалтырь; Рим. — Послание к Римлянам апостола Павла.

¹ *Шергин Б. В.* Дневник 1945 года (18 января—12 апреля) / Вступ. статья А. Н. Мартыновой, публикация И. А. Красновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 248—301.

² *Шергин Б. В.* Из дневников (1942—1953 годов) // Шергин Б. В. Изящные мастера / Сост., предисл. и сопроводительные тексты Ю. Галкина. М., 1990. С. 340—351; *Шергин Б. В.* Жизнь живая. Из дневников разных лет / Сост., авт. предисл. Ю. Ф. Галкин. М., 1992. С. 48—69.

13 августа

31 июля
понедельник

День-то маялся с головой. К ночи вылез на воздух, сел под ясень. Любо так... Повеет ветерком... Гам городской утихает. Бельма оконные одно за другим, этаж за этажом гаснут, спят. А то пялятся не видя... Спокойнее да спокойнее думать. Людские домища завели свои бельма на сон, но отверзаются очи небесные. Поднял лицо-то, а сквозь ветви уж давно, видно, глядит звездочка... Свет небесный любовно и тихо, и благостно коснулся мозга, головы, чувств утомленных, притупленных.

...Звездный свет, звезды вечные, прекрасные. Вот эту звездочку младенческим оком я видел, и ныне, в старости мне пришедши, она же милосердо светит моему уже потухающему взору. Пусть радио гавкает... Это все пройдет, это все истребится. Небось, не все заклеила житуха. Под скамеечкой окурки да пыль, но налетит ветерок, зашумит в темноте ясень, подынешь лицо — и глянет в душу звездочка. Точно глазок детский, милый, и он вечности око. Милосердый звездный взор подает мир душе, утишает ум... И стороятся на те минуты и груз годов, и болезни, и гнетущие заботы.

16 августа

3 августа
четверг¹

Вся тревога о нездоровьи, беспокойство о будущем, все что «дух гнетет и в сердце ноет», — то все власть смертного и тленного над человеком. Тело сие, плоть сию тленную нашу апостол Павел «хижиною» называет,² хибаркою убогою, гнетущею прозябающий, ютящийся в ней дух. Вместо сей жалкой, тесной лачуги Бог готовит человеку жилище царственное... Оттого-то мы и *стенаем* (ныне), желая одеться небесным нашим жилищем... Но мы, говорит Павел, не хотим, нам непосильным кажется сбросить с себя гнилые и тесные стены этой хижины, хотя и стенаем под ея бременем (Павел)... Итак, страдаем от смерти, но пребываем в смерти. А надо, чтобы «смертное сие» (болезненное, тяжелое, водяничное, гниущее) поглощено было жизнью. Водворясь в теле, подчиняясь этому грузу, мы отстраняем и устраняем себя от Господа (от радости о Господе).

...«Выйти из тела и водвориться у Господа»³ — это святые стяжали еще будучи «в теле»... И потому были бодры духом и всегда радостны.

«Живи и до вечера и до веку». Павел — Христовы уста⁴ всяко свое слово сколько коринфянам пишет, друга столько нам, человекам сих последних времен... «А Христос и умер за всех, чтобы живущие не для себя уже жили, но для умершаго за них и Воскресшаго».⁵ Павловы уста — Христовы уста. Вечно юно, вечно животворно слово

Христово и апостольское... Естественный, плотский страстный, телесный человек всегда ветх, утл, дряхл, независимо от возраста.

19 августа

*Августа 6-го
воскресение⁶*

Высоко где-то, недосыгаемо до меня праздник-от... Неприступнен Фавор-то гора...⁷ А я в пропастях преисподних кишу... Как помянешь, что сегодня показан нам (?) «Свет присносущный»,⁸ что являл Он сегодня лик Свой «яко солнце» и были одежды Его «белы яко снег»,⁹ как вспомянешь что, бывало, от родимого города плыли корабли на праздник престольный в Соловки,¹⁰ как сдумаешь, что это за праздник, каков он был для тебя, и как увидишь, что ты праздника улишился и тьма тебя духовная и физическая обошла и накрыла, дак резнет тебя, что льдина, краем по сознанию и по сердцу, ахнет скорбно сердце да и опять отчаянное окостенение. Уж только скорбь и боль просвет-то праздничный в сознании вызывает... Преображение.

...Ежели б пожить силою и угодем, существом этого события, как раз из бездны, из тьмы отчаяния, из мрака окружающей жи-тухи меня вызволяющего и подымающего.

Если б кто поддержал сознание мое, мысль мою, мое мироощущение, поднес бы кто ко уступу Фаворскому повыше да подержал бы на руках там лишнюю минуту... Помню, как моя мать своего крестника, тяжело болевшего, в кануны праздников, когда везде перед иконами сияли лампы, ходит из комнаты в комнату, поет «Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа»¹¹ и подносит дитя к божнице. И ребенок переставал плакать, в глазках его отражалось сияние лампад. И он тихонько припевал: «Аллилуйя, аллилуйя...»

Не равняя себя с чистым ребенком. «Обыде мя бездна греховная». Уже «яко глух и нем не отверзаю уст моих».¹² Мнози восстали на мя, мнози глаголют душе моей».¹³

— Бросьте, товарищ, ваши бредни! Неужели не видите, что весь мир расстался уже с подобными иллюзиями...

...Я вчера особенно духом-то упал, аж до тупого нечувствия... Восемнадцать часов подряд глаз не отворял, лежал, только проставывал... Голова болела... Брателко¹⁴ что подаст, супу ли, чаю ли, все вон тут же... Только в сознании временем мелькало: — Как смерть-то хороша... Боли этой дикой, ум отымающей, не будет... А братец сам еле бродит. Наприбавок у него грипп. И всегда он в отчаянье впадает, как я эдак, падалью, заваяюсь... Через силу я выполз к воротам на ночь-то... Люди бегут, молодежь, смеются. Я на тротуаре сижу, люди думают, — пьян... Жутко было: ничего вспомнить не могу, ни о чем сбязно подумать... А сегодня, вот, пишу, и поел. День сегодня хоть без дождя, а темнооблачен: еле видно строки у окна. А я люблю облака Божьи.

...Лик Христов, свет Фавора... Люди утерали Христа, живя посреди смерти многих. Президент Америки молитвенно заявляет,¹⁵

что у них, наконец, закончились благополучно многолетние работы ученых по изобретению атомной бомбы. Бомба проверена. Убито за один взрыв двести пятьдесят тысяч человек... «Сила, справедливость, мир и в человецех благоволение теперь в наших руках» — заявляет г<осподин> президент...

«...И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино...».¹⁶ И у рабов Христовых, когда молились, лица просиявали...¹⁷ Приники к житиям святых, т. е. настоящих людей: в каких бы бедах, нуждах, скорбях, болезнях они не жили, ежели жила и действовала в них молитва, внутреннее их состояние отражалось на внешности их. Молитва... Ежели б даровал Бог молитву... Даже и Господу надобно было «помолитися».¹⁸ Взыде на гору помолитися. И егда моляшеся, просияло Лице Его и одеяние Его бело блистаяся...

Нету этого счастья больше как умиленная радость о Господе. И не просил бы я у Бога ни здоровья, ни от нужды избавления, кабы свет Христов в сердце воссиял... И никакого еще света не имея, только понаслышке о нем зная, люблю паче всех молитву: «Христе, свете истинный, просвещающий и освещающий всякого человека... да знаменается на нас свет лица Твоего, яко да в нем ходяще узрим Свет неприступный Твоя Славы...». И сие: «Просвети Лице Твое на ны и помилуй ны».

Непроглядна, темна житуха-та... Ходите, говорит, в свете, пока еще свет имате... Еще мало время с вами есмь... Господи, с нами ли еще Ты? — Христос, где ты, Христос, сияющий лучами, восклицал и Надсон...¹⁹ Канун предпразднества Преображения, и я, что таракан запечный, вылез к ночи на двор-от, встал под угол свой: мило-ет лик, чаша моя небесная не молвит ли де... Сквозь тонкий облак, инде звездочка промигнет... Под открытым-то небом хорошо вздохнуть... И пало на ум: Господи де, когда телесным оком уж не буду видеть неба,²⁰ сведи Ты мне в сердце свет Твой завезд-ный. В душе бы тогда ожило небо-то и свет его...

Кроме древних пречудных ликов, я в детстве, помню, любил картину (из современных художников) в «Родине»²¹ «Приидите ко Мне...». Христос стоит в белом одеянии... Образ простой, но близок он был детскому пониманию... Вот таков и видится Христос-свет. Милость бесконечная, красота пресветлая, любовь неизреченная.

22—24 августа

9 августа
среда,
11 августа
пятница²²

Через нужду, через болезнь, через тревогу я гляжу в природу. Сей год безвыездно в городе живя, увижу где ле какой-нибудь «русский весенний или, там, зимний пейзаж» и уж достаточно мне этого намека: вижу свое... И дали русские, и небо облачное. Открыточки в руках, трехцветки немудрые, даже безымянные. «Ранняя весна», «Последний

снег», «Тает»... И я уж там стою, хожу... Мне только палец подай, я за руку сам возьмусь. И вот... нестеровский пейзаж... Тут художник сам преславно, как надо — поет. Мне там любо; я, знай, слушаю да благодарю. И есть пейзажисты тоже изобразители тишины русской «серенькой» природы. Они не устроят, не подчеркивают сих чудных, как видение, березок, рябинок, вербочек, что так любы у Нестерова. Но у сих «реалистов» ты себя, иное, свободнее чувствуешь. Такой реалист, просто отобразивший то, что было перед глазами, сам отстраняется, а тебе говорит: «Заходи да живи»... Серенькое русское небо, даль, дождик прошел... Что мне художник...

После полдня дождь да дождь... Теплый летний дождь в городе — сущая красота и удовольствие. (Я даве помянул, что сквозь-де нужду люблюсь природой, а се брателко босой да и я... тут и люби дождь-от...). Как в бане, тепловата вода льется на тебя. Любо и как бы то-нешь, так и уносит сердце... Так и ливень теплый. Переулочок, старокаменные дома, отшлифованные ступени, старые плиты... И все это моет теплая чистая вода. Моет и ручьями, в елочку бежит, расплываясь по булыжнику. Я и асфальт люблю в дождь. Асфаль не врёт, показывает что дождь идет. Асфальт любит дождь. Ну и плитняк старых тротуаров обожает мыться. И травка рада. (Это лето ей на засуху не приходится обидеться). Только кирпич в дождь не очень зарен — мрачнеет. И доски мокрые не красны. Бывало, с настоящей льняной олифой крашен дом-от деревянный, дак ему что дождь-то, дом виду не терял. Теперь на ссяке та же охра, дак подтеки в ненастье и по заборам и по простенкам. ...Еще стекла у домов любят дождь. Булыжник любит. И я люблю... Богат дождь.

Это я по сироп ходил в палатку, пока брателко, еле душа в теле, придя с рынка, уснул. Сейчас он перемерял кружкой... Баба обдула меня, заместо полутора, налила один литр сулемы этой красной. А я разинул рот на облака. Мне и ни к чему. А ссадила с меня 9 р.

Со второй половины лета (я и не уловил дней и чисел) ласточки не свистят по утрам и вечерам. Видно, птенцов подростили да улетели. И воробьев не слышно. Хлеб, небось, где ле клюют.

Все серое в дождь, — камень-от... А какая благородная гамма красок! Этот туск серебряный стоит... И дышать легко... Кабы пальто дождевое, да сапоги добрые — я бы все бродил по переулкам в дождь... Мимо окна дети, ребята да женщины босиком пробегают, берегут обувь-ту.

В коммерч<еских> магазинах посбавили по сотне. И на руках хлеб — 25 р., картофель 9 р. За окном темнеет. Фонарешки инде проблескивают.

27 августа

14 августа²³
понедельник

Когда зима-та окроетеет, как манят, как надежат предвесенние праздники и пост, — мартовское, апрельское... Не держат в том

подъеме осенние (по-северному, по-нашему) или предосенние праздники Преображение, Успение. Но неладный это признак твоей меры духовной, ежели Пасха и Рождество вспыхивают для тебя неким фейерверком, а другие праздники «не дают подъема». Бог, всея твари украститель, Он вседоволен, всеоблаженен. «У Отца светов несть пременения или преложения стен»...²⁴

По родине милой, по Северу помню августовские золотые праздники. Преображение, Успение... Золотые скирды сжатого хлеба, снопы, жниво, обилие ягод красных, золотых, синих... Золото листьев... А в Московской Руси — «Спас медовый», «Спас яблочный».²⁵

Богословская сторона сих великих праздников изъяснена Церковью. Но сила и угодье праздников веры нашей скрыты кроме писаний и предания, скрыты еще дивно, избобильно мощно в природе. Праздники наши: и Пасха, и Рождество, и Троица, и Преображение, и Успение — отнюдь не суть воспоминания. Они живут и совершаются сколько в нас самих («Царство Божие внутрь вас»),²⁶ столько в природе. Мы знаем, что природу живут соки Троицы Живоначальной...

Христос есть лоза истинная.²⁷ Соком гроздей от сей лозы живет все живое во вселенной.

Древнегреческий Дионис, сок гроздей его были прообразом Христа и таинства евхаристии. Отношение к природе в религии древней Эллады, где природа являлась живою и как бы мыслящею, глубоко присуще и вере Христовой. Я уж инде сказывал: древние почитали деревья живыми, но исследуй писания: жития святых, патерики, — живет купно со святыми природа; живет о Господе... Когда в молитве творила поклон Святая Дева, с нею преклонялися в саду и деревья. А дружба святых со зверьми, с птичками, — это повсюду и всегда и обще вековечному в религиях. Оживотворение природы у древних не неправильно, но по-детски сказочно изложено. «Баснями» и сказками в то время и для тех людей только и нужными приукрашена и призагружена эта религия. Христианская мысль очистить должна истинное в этой древней живой религии греков. Вера Христова не иудейская вера. Нет!

Поскольку христианство есть истина и не только совершенная и сказанная, но и совершаемая, нам надо выявить истинное в мифологии этой детской и светлой веры. В канонах праздничных, например, взяты прообразы только библейские, мы должны видеть и выявить живое и светлое в древних мифах греков. Нам близко и светло многое из того, что древние знали о деревьях, цветах, ручьях, реках. Ведь и у нас обожествлено древо, древо крестное... «Радуйся, пречестное древо»... И у нас воспет «кипарис и кедр, и сосна», которые составили крест.

Мы не приносим жертв дриадам и наядам, не молимся березке. Мы видим и знаем светлее, полнее и больше. Мы ведаем и соглядаем жизнь Троицы Живоначальной во всем и, конечно, богоносность эту и это веселие, эту радость о Боге ощущаем во всей твари, — травах, деревьях, птицах, животных. Ощущаем особенно сильно и явно по весне, когда воскресает Христос и

сорок дней ходит по Земле. Благоухание трав, деревьев — все это царство Троицы Живоначальной, все от Воскресения Единого Безгрешного.

Несомненно: почитание природы живою и мыслящею у древних было прообразом нашей веры в то, что природа «радуется о Господе». В эллинской религии больше «ветхозаветного» груза, отпадающего по благовестию евангельском, но как в библейской древней вере, так и в эллинской древней вере есть благодатное и живое. Почитание деревьев и трав как чего-то живого и богозданного и с Богом живущего, — в этом гораздо более христианства и церковности, нежели в понимании христианства и Евангелия лишь как некоего морально-педагогического учения. Сектанты (напр<имер>, толстовцы) считают православие — казенным. Но уж если что казенщина и мертвенная схоластика, то это их выхолощенные регулы и наставления о «поведении духовного христианина» (к сектантам отнесу и кальвинистов, и «методистов».²⁸ И какая полнота и царственная радость жизни с природою у Серафима Саровского:²⁹ «Радость моя»... Да что сравнивать дивную песнь гения с зубрежкой тупицы, — Церковь с «какой-нибудь» штундой, церковные песенные каноны с куплетами «Армии спасения».³⁰ Но и сих не хочу ругать, поскольку кто «взыскует Бога», а это единственно важное.

— Значит, — скажут мне, — святые мученики ошибались, гнушались языческих капищ, значит им можно было туда войти и «чему-то поклониться».

Нет, не нужно, не под нужду было очищенному, светлому озаренному уму натаскивать на себя эти школьные басни о множестве олимпийцев... Юпитеры, Венеры, Аполлоны... Все это было уже бутафорией, аллегорией... Нечего было делать мученикам в этом скопище статуй... Да ведь и нам нечего делать в современной жидовской синагоге. Что мы, молиться можем там? ...«У всех де един Бог?»... Конечно Единый видит сердца всех людей, всех народов. Он и судит. А я травинка, выросшая на Руси. Я вот так верую... По отцам моим.

Древние византийские богословы, песнописцы берут образы библейские, древние отцы-иноки в Египте, скажем, цитируют только пророков да Псалтирь. Но этим они нисколько не запрещают нам поискать нечто доброе, нетлеющее в наследии наших эллинских «праотцев».

А восстанавливать Элладу и ее Олимп никак не приходится. Сказано: «Взыщите Бога».³¹ Он там, где содержится «радость навеки». Сегодня Предпразднество Успения Богородицы. И о «смерти» этой вот что велит Церковь: «Людие, предиграйте! Плещите руками; сегодня все соберитесь особенно радостно. Воскличайте светло, с веселием, потому что Матерь Божия готова перейти в горня...» (Тропарь предпразднеству ДІ <14> авг.). И контакион:³² «...днесь вселенная умно с веселием зовет: „радуйся Дево, христианом похвало“»...

Спас Нерукотворный... В лесах, чай, «мелькает желтый лист»... Хотя сей год дождливо было лето, не вылиняла, не истощилась солянка зеленъ-та. В засушливо лето к Успенью оденутся леса «в багрец и золото».³³

Святая Русь поет сегодня Пречистому Спасову образу... «Радости все исполнивый Спасе, пришедый спасти мир...». А «мир сей и век сей» вылупил сейчас несмысленные свои бельма на атомную* бомбу... Слышь-ка, озера в пар превращаются, почва на составные части разлагается и испепеляется. Штучка в 1/2 кило сожгла все вокруг на сто километров и расплавила вглубь на 100 м. Вместо первого японск<ого> города осталась воронка, а Нагасаки,* слышь-ка, окутан «зеленым дымом». Но дело в том, что в стране самого «богомла» Трумена* раздались протесты ученых насчет дикой свирепости применения таких вразумлений к врагу. А главное ученые встревожены: жизнь «расщепленного» атома, по-видимому, продолжается и м<ожет> б<ыть> crescendo. Имеются тревожные голоса видных ученых, во главе с Томсоном,³⁴ президентом (что ли) физической и матем<атической> Академии в Лондоне, что стоить слепо и опрометчиво разбуженная атомная энергия может разрушить-де земной шар, пробуравив земную кору.

...Аспид, слышь-ка, убивает сам себя, безумствуя в ярости. Так и «прогресс-цивилизация». «Прогресс и цивилизация» века сего уж явно свое сатанинское начало выказали. Уж не прикрыта ничем сатанинская рожа, но слепое несмысленное стадо не способно мыслить и видеть... Мир во зле лежит. И лежит неисклонно. Осатанев, избрав главою себе Антихриста,* возгордяся убогою гордостью, до конца избежумся... Но «свет во тьме светится и тьма его не объят». Всяка живая душа, не ослепшая среди общей слепоты, чувствует что «жив Господь, жива душа моя»... Бесы одолели век сей. Век сей поклонился смерти и аду; несчастные человеки мира сего несмысленно глядят на то, как «наука» готовит им атомные бомбы, «прогресс» принес им смерть, но несмысленное стадо лижет задницу этому «прогрессу», посылает детей учиться в школах этой смерти. Безумие страшное и преступное. ...Но: «жив Господь, жива душа моя»... В подвалах, в ямах, в лесах, в болотах, в пустынях — везде живет Свет Христов. Везде есть люди, имущие «разум Христов», люди, знающие где свет, и в чем свет в сем универсальном мраке... Страшен сон, но милостив Бог... В твоём, в моём сердце живет этот свет. Черный туман окутывает мозг масс... Но... тихо сияет лампада пред ликом Христовым... Пречистому Твоему образу

* Здесь и далее знаком * отмечены слова, при написании которых Б. В. Шергин использует «простую литорею» — тайнопись, известную в рукописной традиции с XIV в. См.: *Сперанский М. Н.* Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письменности // *Энциклопедия славянской филологии.* М., 1929. Вып. 4. С. 18—20, 56—57, 97—107.

поклоняемся, Христе... Здесь спасение мозга рода человеческого от «работы врагу». Радости все исполнимый, Спасе. Самоубийственная и человекоубийственная цивилизация окутала мозг рода человеческого... Ночь окутала сердца. Веселье у людей века сего лишь наркотическое. Но светло и призывно в этой ночи звучит молитва: «Христе, Свете истинный, просвещающий и освещающий всякого человека... Да знаменается на нас свет Лица Твоего...». Посреде поклонников смерти и ала будем ходить, нося в сердце свет лика Христова, моляся: «да знаменается на нас свет лица Твоего». Кругом подклонилось под антихристову печать и прияло печать зверя, гордяся. Но: «Христос воскрес». Впотьмах, как звезда, сияет лампада негасимая пред ликом Христовым Нерукотворным. Сердце наше пусть будет свечечкой воскояровой лику вечной красоты, лику Нерукотворному Христа Жизнодавца. Он красота единая и сила непобедимая. Свет Христов во тьме светит.

...Люди, живя в тени смертной, да видят свет велик... Радуйся о лике Христовом, о том что у нас есть Христос. И паки реку, — радуйся: люби природу, она книга Божия. Читай ее. Так люди, вооружаясь последними, найпоследнейшими достижениями науки, истребляют друг друга, — война техническая... Ты не можешь их остановить... Ты обессилел телом и душою так, что и слово-то твое не услышано будет, не то что «веком сим», но и близкими твоими, избитыми «борьбою за жизнь». А ты не разоряйся, не падай духом. Выдь-ка в поле... Ведь не деньги платить за эту вот тропочку глиняную, за эти ромашки, что кланяются тебе при ветерке. Погляди в небо тихое: вон облачко над дальней горкой дождит... Все то лик Христов Нерукотворенный.

Сегодня совершается гефсиманский чин погребения Богоматери... «Мати Божия, Богородица». Велико здесь таинство, великое знание и смысл. Велика сила и угодье почитания Богородицы. Матерь Божия и Мать Сыра Земля. Радование великое в прикосновении и проникновении, в размышлении о сем. Радостное знание здесь подаст любовь к природе, даже если ты живешь в городе, и только букетик цветов, веточка стоит у тебя на столе...

Зарюсь, иное, что крепкая-де, стержневая-де по всему миру система — римский католицизм. Но тайному-то тайных, мысли-то, уму-то сердечному, душе русской Бога взыскующей, заветному-то твоему дает ли что принадлежность к этой «системе»? ...Мое упование заветное, сердечное, умиление мое едино с природою русскою. Пойду по полям... Рожь золотая, васильки, синие колокольчики... И пою: «О Тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь...». Не ложно сказано: «не ищи Рима, ни Иерусалима, ни больших собраний. А где два да три, тут и я».³⁵

Как о Троице Живоначальной может только нечто постигать ум человеческий, и нечто постигая и догадываясь, радоваться, ибо здесь высота, неудобовосходимая человеческими помыслами, так и о Богородице поем: «Радуйся, глубино, неудобозримая и ангельски-ма очима».³⁶

Осень, чаешь, без дождей. А мокро-то пуще. Вчера, никак, второй раз за лето гром гремел. Днем град выпал, кусками летело. А к ночи полило; через всю ночь да и сейчас без поману валит дождь-от. Брателко по выдачу на свету убрел. Горе в дождь без обутки да без сменной одежды. Но и в ведренный день мне-ка «горе». В доме напротив бушмены или готтентоты дикий громко-говоритель устави́ли себе. Но галдит, ухает и лаёт нам в окна. А в дождь все же глуше: окна и у тех дикарей, и у нас закрыты. Песня дождя все же лучше. Долго пасмурь-та утренняя стояла... Аж сквозь рамы слышна эта помойная яма звуков. Сказано: «От дурака хоть полу отрежь, да уйди». Так бы, кажется, действительно все бросил да убежал... А электричество, а водопровод, а лавка? ...Как тут уйдешь в пустыню... Я давно не жывал летом в городе (какой город!?), дак отвык, плохо себе представлял, во что превратил свои стойла-дома тупоголовый обыватель. Окна настезь у всех и почти у всех зевают эти страшные черные пасти... Ухают, лают, гундосят что ни есть громче да похабнее... Позавидуешь крепости нервов и ушей двуногих скотов, которым что громче, что дичее и ужаснее, то и любо... Из машины лезет бабья задница: юбченка выше колен, одутлая старая мурлетка наштукатурена, крашенная шерсть на башке завит: генеральша*... Она говорит спутнику: «Эта мая акно. У мене радева такая...».

...Ненавидеть — себе дороже стоит. Бежать надо от сих человекообразных... Куриные мозги, обезьянья переимчивость, собачья хватка... И о сих до зде...

С полудня дождь перестал, но холодно, ветер северный — сушит все же. Брателко обед готовит, я взял любимую свою книжицу «Соловецкий патерик».³⁷ Почитал об основателе Голгофо-Распятского скита иеромонахе Иове...³⁸ Опять ожили острова святые.. Любя, знаю и вижу природу родимого края. Воочию передо мною картины нежной природы Белого моря. И природа эта оживлена дивною жизнью святых. Святые основатели обителей не насиловали, не уродовали природу, а жили одним ритмом с нею; любили природу. Пустыня становилась садом чудным. Суров климат, и жизнь сурова и проста... Иов был житель столицы, сослан на Соловки для пострижения, заподозренный Петром в сношениях с Григорьем Талицким.³⁹ Иов прожил на Соловках двадцать лет. Он полюбил эти светлые острова, леса, прозрачные озера, даль безбрежного моря, открывающуюся из окон церкви, поставленной высоко на горе «Ольго́ф». Иов, будучи скитоначальником, не спал в эти хрустальные сияющие ночи севера, видя в них как бы прообраз вечного «невечернего» дня. Вот Иов «ронит» лес, ставит часовню, кельи... Поручая скит ученику, Иов любит ходить по тихим озерам, гостит

у отшельников. Все живо, все любимо для него на сем «суровом» острове, который стал для него, «ссылного», дражайшею родиной.

Современные культуртрегеры насилуют природу, во что бы то ни стало уродуют ее. На Севере обилие ягод, овощей; преизобилие рыбы... Этого взять не умеют современные пришельцы... Печатают в газетках, что в тундре удалось вывести... помесь яблока с капустой... Случают «колмогорскую корову» с «швейцарским оленем»... Хвастают, что почту самолеты возят (!), а известное — кораблестроительство и мореходство — уничтожено до тла. И о сих до зде. Тяжко мне от публицистики. Скажут: отошло время праподобных пустынников, вон в дебрях Африки-де и то везде все нивелируют (и давно!) американ-культура... Да, плоды этой культуры — «атомные бомбы» и т. п. Но «страшен сон, да милостив Бог». «Территория земного шара» вся может быть испепелена этой «культурой», небо, видимое нами, все застыт самолеты, но «Бог в сердцах человеческих пребывает паче херувимского престола». Разве иночеству нужен непременно окруженный стенами монастырь? Нет, внутрь себя можно построить монастырь и в нем жить. Это вернее.

4 сентября

22 августа
вторник

Норд-вест над Москвою тянет, — холодно, будто и октябрь. Видать, прошло лето. Я его и не видал. А, неважно... Все тшуся прикинуть опять, воротиться к родине милой, к истинному сердцу севера моего. Все гляжу в любимую с детства «зеленую книжицу» — «Патерик соловецкой». Семи, слышь-ка, годов очаровался я литографированными картинками этой прекрасной книжки⁴⁰ и с увлечением срисовывал и «Вид Анзерской пустыни» и «гору Ольгоф». Ажно и сейчас расцветенные эти картиночки умиляют меня и согревают сердце. Текст иногда кажется мне схематичным; хотелось бы больших подробностей. Но, возможно, их и не было под рукою составителя. Стараясь быть понятным современному любителю духовного чтения, составитель не сохраняет наречия старинных материалов, довлечет сейчас нам и этот добротный и спокойный язык духовных писателей первой половины прошлого столетия. В «Патерике» нет ни перечня источников, ни авторов, ни... Издание не «ученое», а монашеское. Что составитель-редактор был, наверное, монах, иннок опытный, видно по отсутствию ляпсусов в местах, тракующих о внутренней духовной жизни. О сих вещах составитель, яко истинный монах, и не распространяется.

Я бывал на Соловках в летние солнечные жемчужно-прозрачные ночи. Эти «белые» соловецкие ночи исполнены были такого света тихого и святыя славы, что и у ребенка, у меня, поворачивалось тогда сердце восторгом. Все там, на священных островах, было необыкновенно: денно-нощная песня морского прибоя, тихие перезвоны колоколов, далеко плывущие над морскими далями. Бы-

вало, в море плывем стороною от Святого острова, но и за двадцать верст донесет ветер зов соловецкого колокола, и творит помор умиленно знамение крестное: «Преподобные Отцы Зосимо, Савватие и Германе, молитесь Бога о нас! Сотворите поветерь пособную!»...

О, книжица светлая, как тебя возьму, так и слышу крики чаек соловецких, соглядаяю невечерний свет соловецких ночей...

А на московской улице и сегодня с полдня опять дождь по холоду. Я и рамы обе притворил. Оно любяе так-то, тише... Вонмем патерику: «Слышь-ка, докуль не было скитов, но токмо основная обитель, любители безмолвия скрывались по дебрям „в горах-раселинах“».

Я и дивлюся: не диво «в пропастях» (не дивно...?) Афона да Палестины укрываться, а как же наготствовать зимою на Полярном кругу, в 40° градусов лютого мороза? Бревенчатые келицы, знатно, с печами, но, знатно, и в «яминах» печурки были. Ведь девять месяцев зима-та наша... Теперь, вот, скудостью пищу я скучаю. Как паек доедим, так и ослабеем... А жившие в дебрях соловецких отшельники и рыбу не ловили, но, овые десятки лет питались какою-то травой (не «турá ли?»),⁴¹ мочивши ее в корытце, овые же употребляли единственно белый олений мох, толкучи мох с брусникою. Иов Анзерский никогда не ел молока, ни рыбы (м<ожет> б<ыть>, несколько дней в году масло постное?). И прожил 85 лет, до смерти сам рубя дрова, нося воду, трудясь на огороде. Еда Иовля была: репа, гриб, ягода, изредка хлеб ячменный. Современная медицина пичкает нас «питаньем» да «жирами», без них-де смерть. Малороссияне ели всегда «сало с салом», подмосковный крестьянин без «свининки» не мог косить. И все это в рамках теперешней психики правильно. Жраньем, только жраньем приучил поддерживать свои силы человек современный. Но в каких-то планах бытия человека, на неких ступенях духовного его совершенствования наступает некий перелом и человек, питаюсь мхом и ягодой на Севере или мочеными зернами ячменя (горстка в день), жил до ста лет, бьучися с мотыгой под полящим солнцем Египта, срубая неохватные деревья в комариных болотах Севера... Да, мы еще не знаем своего организма, что ему нужно для его здоровья... Богоносная и великая Египтяныня,⁴² три рисинки взяла ли, токмо краем перстов коснувшись до кутьи, предложенной старцем Зосимою.⁴³ И то ей было за обед. ...Несчастное наше тело, изуродовано оно, развращено, поругано, до того доведено, что и мясо, и сало, и сладости-сахары, — сил не дают «загубленному» телу нашему. Уж падаем на вино, на табак... Далее кокаины да морфин. ...Так мстит человеку развращенное, испохабленное, несчастное тело, здоровье телесное. И о сем до зде. Живущим и работающим сатане и сало с салом не на радость. Вон «миллионер» А. Т.⁴⁴ за столом, винами и ветчинами заставленным, сидел, а питали миллионера сего через афедрон. А что куры да вина в глазах, то для выделения сока желудочного. А вот люди иной категории от ягоды и корки ячменного хлеба силу берут. Ажно я не люблю обличать... Самому-то мне, всякой бы день белый хлеб да чай с сахаром... Еще полетать охота над святыми-то островами.

...«Бегая славы человеческой, удаляется Елеазар на Анзерский остров, удаленный от Соловецкого проливом морским за четыре версты. В те времена остров сей был необитаем. Редко, редко приставали сюда беломорские суда и лодьи монастырских промышленников, занимавшиеся звериною ловлею и добычею рыб. Среди острова возвышается чрезвычайно крутая гора, называемая ныне Голгофою. С вершины ее в ясный летний день открывается величественный вид на необъятное пространство морских вод, на остров Жигжин и Муксалму, на немалую часть острова Соловецкого. Весь Анзерский остров, с его холмами, покрытыми густым сосновым бором и лесом белых берез, с его озерами, подобными округлым зеркалам, находится как бы под ногами... Елеазар, плененный местоположением, поселился около озера, называемого „Круглым“. Первым делом пустыннолюбцу было водрузить вытесанный им самим из сосны крест, близ которого устроил себе и убогую хижину. Жизнь в соседстве одних только птиц морских, была для него, недавнего пришельца из многолюдных селений, весьма тяжела...».

...Анатоль Франс, яко гурман, любит в своих книгах цитировать подобную прозу. Но гурман Анатоль Франс сопровождает это гнилою отрыжкой. У составителей наших патериков всегда живой, светлый, веселящий сердце дух. В молодости, эстетствуя, я любил почитать А. Франса. А потом определился для меня в сих эстетных писаниях непонятный еще мне тошнотный душок... Кстати, попал я на дачу. В углу сада прелестный бул уголок: тень листвы, цветы. Но лежал душок невнятный. Оказалось: мертвый пес...

У составителя-«писателя» «Соловецкого патерика» все чисто, светло, добродетельно в простоте и бесхитростности. Добротен воздух-от, дышать легко.

6 сентября

21 августа
четверг

Болезнь ли, годы ли, житуха ли, — тускнеет в сознании всякое благое, радостное восприятие. Сегодня Петру митрополиту память,⁴⁵ вчера сбродил к Петру-Павлу. Уставные по кругу годишнему службы кое-как провертывают, как принуд<ительный> ассортимент. А собирают публику на «акафисты». И вчера Петру ни стихир, какон кое-как, — две-три песни, одни ирмосы с парюю тропарей и скок-поскок вспыхнуло электричество в витрине «Боголюбивой»...⁴⁶ Акафист Богоматери — святое дело, но... одно дело делай, другого не порть! Вот кругом говорят, гомозятся насчет 800-летия М<оскв>ы... Через год юбилей этот — Петра-то Московского первосвятителя московского и первооснователя — в день его памяти своевременно помянуть, людям о нем порассказать. Хотя б канон ему, в его городе вразумительно вычесть. А не выдуманнми

чинами утеснять службу. Акафисты доступнее пониманию старух, но памяти великих наших отцов не должно смазывать...

...Между нами и оною Русью древнею, святою возградися стена, паче же ров зияет и ширится. Уже и камни святынь древних сознанию недоступны, но и зренью... Но, как брел Ивановским переулком, старым, узеньким, пустынным и спускались сумерки, ненастливый ветерок шелестел сухой травой. ...И небо выделось все то же, что и при Петре. Небо, оно самое было, Петрово.

...Люблю слушать шестопсалмы.⁴⁷ В строфах тех всегда, что тебе в данную минуту надобно, найдешь. И от последнего-то отчаяния вопль Давыдов так ко времени и к месту всегда придется.

Кардиолог, скажем, мира сего установит, в чем твое нездоровье, скажет твою болезнь, порошки пропишет, микстуру... Группу тебе дадут инвалидную...

У Господа Жизнодавца, у живых, у сынов света, не так. На них, на «бедных Макаров шишки пуще всего валяются». Они, бедные, давыдовыми устами и вопят Богу: «слякохся (скорчился) изнемогах, уж не плачу, а „рыкаю“ от скорби, ...аду жизнь приблизилась, дыханье исчезло... сердце смятется, ...от всех я брошен; доколе будешь воротить Лице Свое от меня? Над мертвым надо мной хочешь, видно, чудеса творить... В земле забвения кто будет разгадывать чудеса те... Уж до последнего отчаяния видно, что доведен человек, с Богом-то эдак судится, к Богу кричит... И, вот эти речи иные великие речи покрывают. Величайшие словеса веры, надеяния и любви к Богу. В шестопсалмии сын с Отцом бранится. Сын-от обидится, высчитывает, кидает обиды Отцу... А Отец молчит: наревится-де, наругается, бедной, вспомнит и добро Отцово. (Бог ведь и бьет нас, дак все одно, что гладит. А Сатана и гладит, дак льстит в смерть...)

И, действительно, откатится у блудного-то сына обида, опомнится, кинется к Отцу-то: «Батюшка, прости!...». И обнимутся, и заплачут оба... Шестопсалмие — вопль двух любящих. Тварь насканькает на Создавшего, вопит на него: «до чего де меня довел...». И тут же, подряд с бранью, унимается и воркует... Это: Отец-от в объятия схватил поскорее горькое свое детище, в «объятия Отча». И одновременно дитя-то у сердца Всеблагого согрелось и уж хвалит... Хорошо, люблю у такого-то тятеньки в охапке пребыть! Сей наш, мой и твой родитель-тятенька, иже прибежище бысть нам в род и род. Мы его роду-фамилии. А фамилия Отцу-то: Вечный, Всеблагий, Всеведущий, Всеправедный, Всемогущий, Вездесущий, Неизменяемый, Вседовольный, Всеблаженный.⁴⁸ Хвалим тя, благослови тя, славословим тя, благодарим тя за славу Твою, за сияние Твое, за слово Отчее... Ты, Отец Вседержитель, не спи на землю, но послал сияние Твое. Свет Твой тихий с нами до скончания века. Ты, Отец, сына Единородного не пожалел, агнца Божьего вземлющего грех мира. Отец наших Боже, благословен еси!

Закоптела за всю-то жизнь душонка моя убогая. О стену ослоняся, стою в церкви. Видно, глаголы-те шестопсалмия и коснутся сердечного-то слуха внутреннего. Душу в нас Зиждитель вложил, как иконостас золотый. И мы его закоптим, замызгаем: не видно станет в нем ликов святых. И вот отроком я, как и все крещеные,

стаивал у служб Божиих у обедни, у утрени, с незакопченной еще к светлому восприятию мыслию сердечною. И касались слухов сердечных эти словеса шестопсалмия. Из слова в слово служба Божия все одна и та же, не остарела (как бы случайные певцы-чтецы ни мяли ее).

Теперь, стоящу мне в церкви. ...И голубь Божий крылом смахивает сажу с души, с очей и слуха сердечного. И сколько смахнет, столько чую, проглянет золото на душевном-то иконостасе. И радостно, нет-нет, да дрогнет сердце... Есть радость-та, только отгородился я дымною завесою.

7 сентября

25 августа
пятница

За окном даве здоровенных двое детин резвились-боролись. Что битюги подковами-те по мостовой. Силушка: «за руку хватъ — рука прочь»...

8 сентября

26 августа
суббота

...Возьмешь перо да и оторвешься опять, с делом ли, с бездельем ли... Я к тому вчера начал, что вот ною все, тужу, что-де ослаб, осел, отяжелел (может, это и есть остарел?), но в молодости никогда стремленье мысли-желанья не было столь собранно, определенно и осознанно, как теперь. Сознание молодости в плену собственной силы хмеля буйного. Молодость телесным, кровавым хмелем одержима. Молодость сама у себя в плену. Ведь и подвиги, героизм всякий молодому возрасту свойственный, как правило, происходит от этого буйственного задора. После, думается, сорока лет, очищается ум-от. К старости дифференцируется добра-та мысль-цель жизни. Уж теперь я без оглядки бы «от мира-то» отрекся. А в молодости целая баржа со страстями-сластями привязана была к пароходишку моему. Теперь, мнится, отвязалась баржа-та. Хоть износился-изъездился пароход-от, а легче ему... Могла бы машина-та поработать, кабы управил Господь путь к спасенной пристани вождеденной. А не так бы мыкать горе ни в тих, ни в сих. Неправда, что-де молодость на крыльях. Нет, она связана, она в себя смотрит. А как в разум-от придет человек (если придет в разум...), дух-от уж не обдержит кровь-та. Уж не красуется, не пленяется о теле своем человек. И ежеле вложено Зиждителем в человека «желание чудно», то, как пройдет власть плоти, желанью-то чудному и может без оной тягости внимать человек. Я вот тепериче которое сижу, а которое лежу, и телешко мое, это вот костье,

мышцы, меня, сознание мое, не борет: что мне в падали этой... Я, чуть головой обмогнусь, лечу крылато, скороспешно ово на Север, на родину милую, ово на Радонеж. Соглядаю, как Савватий с Германом в карбас, плыть на Соловки, садятся;⁴⁹ иду по Троицкой дороге: странники проходят: вон золотобородый не «он» ли? Не сам ли игумен Радонежский?⁵⁰ ...Высший смысл и истинный, насыщенный и животворящий разум соглядать в вещах и явлениях люблю мне. Как на сегодня принесет брателко кусок хлеба, я опять и за свое.

Я по общественному-то положению, у житухи-то под лавкой валяюсь, а вернее, под порог забит. Да и перед Богом-то лучшего не стою...

Хвалюся, что умом праздным летаю, «за морем грады строю». Но насколько мысль не чиста, судить о себе могу по калейдоскопу сновидений: незнание уроков (через 30 лет отпрыгается!), лестницы, обрывы-пропасти, противные мертвяки...

О снах начал, потому что редко, но дивный вижу сон. Сияющее светом светлооблачное утро. Берега тихих прозрачных вод. Сегодня шел берегами высокими. Меж зеленых холмов все время блистала тихая серебряная гладь реки. В юности, в детстве поражала меня несказанная красота утренних небес и глядящихся в воды тихие, зеркальные... Эти сны: тихие воды, светлые... Так непохожи на обычные мои сны, что думается не приоткрывает ли Жизнодавец по благодати своей убогому созданию край завесы некой, скрывающей иной мир. «Место светло, воды покойны»... поет о сих иных мирах Церковь.

9 сентября

27<августа>*
воскресенье

...Богословского образования вот я не получил... Путаю безбожно всякую терминологию. Бывало, не думамши-то, просто все казалось, многое и разное словом «душа» объединял. Теперь вот, соглядая в себя и извне, болея телом и духом, вижу, что вопросами жизни и смерти, «быть или не быть» стали эти термины книг церковных — душа, дух, сердце, мысль сердечная, очи сердечные, очи мысленные... Что тут орган и что функция? У афонитов исихастов,⁵¹ я чаю, условлена и давно установлена и уточнена священная номенклатура душевной и духовной анатомии человека. Но едины ли на христианском востоке эта «филология», общ ли словарь?

Забираясь годами, болея, я чувствую, сознаю, что дряхлеющий физический организм мой — кости, мышцы, внутренние всякие органы — это одно, а то, что животворит весь этот тяжелеющий груз — совсем другое; нечто совсем иной природы... Ежели у меня живот заболит, или сердце, или почки, врач мне даст какое пола-

* В автографе ошибочно: июля.

гается лечение. А вот тоску душевную, или духовную, или сердечную лечить где я найду врача. А не лечу духовной или душевной болезни, все буду я лечить тело. Дух один помогает оздоровить тело.

Павел апостол, святые отцы в писаниях своих божественное горение ума словом изложили. Киреевский⁵² говорит, что де кому как не оным великим (имярек) и глаголати «О святой Троице»... Они в этой стране были...

Четко, и точно, и верно, и навсегда, и для всех разглядели и знают святые отцы и меня, отчего я умираю, болею и что меня оживит. Ведь и телесный врач на «душевное» состояние больного смотрит. И медицина века сего и мира сего признала, вынуждена была признать, что стремление больного поправиться — великая помощь лечению. Матрону нашу, помню, врач спрашивал: «Ты хочешь жить?» — «Нет». — «Ну, дак и лечить нечего»...

...Так вот, как же мне не интересоваться, не иматься за эту терминологию молитв, предписанных мне Церковью... Церковь спрашивает меня больного: «Ты хочешь жить?» — «Хочу...» — «Дак вот, внимай всем сердцем твоим, всюю душею своею, всюю мыслью своею»... И кладет мне в уста песни часов или утрени, или велит все на свете забыть, внимая литургии... Из года в год, из года в год, из века в век врач наш, Церковь, велит нам питаться молитвою... При этом всякую молитву (келейную, соборную) велит начинать молитвой же, чтоб Жизнодавец ум хотящего молиться, сознание просветил, слухи ума открыл. (А то, ведь, читаешь часовник ли, начало говоришь, и сам себя слушаешь, быдто се котелок где кипит...)

Тело живится душой. А душа — «Святым Духом всяка душа живится».⁵³ Святого Духа, Жизни подателя молитвою в душу заманивать привыкли. Как пшеничку-то, живое то зернышко, а не опилки, не сор будешь подсыпать, было-ет голубок повадится к тебе в душу прилетать... И ежели твоя голубятня приглянется, Он, свет, там и останется...

«Матрена, хочешь жить?» — «Не знаю...» — «Ну, будем тебя лечить». Чтоб вылечиться, надо чтобы ты захотела жить. Чтобы хотеть жить, вот тебе «наговоры» против тоски сердечной и злого уныния. Наговоры эти добрые лекари роду человеческому нашептали: Василий Великий,⁵⁴ Ефрем,⁵⁵ и иные опытные врачи... Златоуст Иван⁵⁶ курс литургии тебе пропишет... И в графе «способ употребления» Церковь пропишет (рецепт этот все время повторять надо) — Dtd^a — Дар молчания к святой литургии.

...Это монаха-то помнишь из «Отчника»: ⁵⁷ закутав очи и уши в кукуль, спешил к литургии и по «с миром изыдем» — бегом бежал в келью. Не расплескать бы «чуда литургии»...

...Мне не надо многих песен, знаю песенку одну... Вот, велено человеку и не однажды в день, скажем, «помилуй мя, Боже» псалом⁵⁸ читать... Вот хошь мое убогое дело: часто не могу, дак на боку-то лежа, то ли не добро псалом сей стих за стихом, что ле-

^a Dentur talles dozis (лат.) — дайте такие дозы. Медицинский термин.

денцы малиновые, конфетку за конфеткой обсасывать. И не убывает, неиждиваем сей гостинец Христов... Бог-от, как вод чистых потоки, падает на тело, на душу, и вопит, радуясь о великой милости, вопит, веселясь, человек: «Омый мя от беззаконий... Омыешь мя и паче снега убелюся... Безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси. Окропиши мя исопом и очишуся... Слуху моему даси радость и веселие... Сердце чисто созижди во мне, Боже... Воздаждь ми радость спасения Твоего... Возрадуется язык мой правде Твоей...». И это начало всякой молитве: «Господи, устне мои отверзеши и уста мои возвестят хвалу Твою... Жертва Богу дух сокрушен. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Вот в сих последних стихах о сокрушенном духе и сердце, можно сказать, полностью указана причина тоски твоей, указано и чем эту тоску выжить... «Да созижуются стены Иерусалимские...» Нас не касаются мечты сионистов. Мы тут молим, небось, чтоб стены внутренней нашей горницы пособил нам создать Господь.

Дождь идет рано и поздно весь август. Хлеба так и легли во многих местах неубраны. Дождливое лето переходит в осень. От осени ли ведрия ждатель... «Иван Постной»⁵⁹ на дворе. У нас на родине совсем осень. Остатки листа небось ветр-от сносит. Я вчера в сутеменки Чистыми прудами брел... Низкие облака, ряды деревьев еле блазнят на тусклом небе... Редко человек пробежит, согнувшись... «Осенний сон начал окутывать» деревья. Хорошо было идти бульваром. Пустынно.

11 сентября

29 августа
вторник

Разве что нездоровье задержит или непогода, то ведь я всегда почти могу к службе на праздник попасть... Я и не ценю... А люди, занятые работой, семьей, расстоянием, как они ценят, что дорвались до соборной-то службы, до архиерейской. А мне, бездельнику, вольно хоть ежедневно. Я и устану, и рассеюсь, меня и продует, у меня и голова заболит... Нынче праздник велик, уж, думаю, лишнее будет велико упустить. Как не с Предотечей, проповедником покаяния, дак с кем и пожить. И это главное в празднике — разыскать, ощутить, увидеть, озариться силою и угодем праднуемого события; ощутить таинственную его жизнь в природе и в нас. А выводит из евангельского рассказа об усекновении главы Предотечевой⁶⁰ только назидание о вреде блуда и пьянства — будет мало.

В Елохове⁶¹ бывает много народу. Бывает много благочестивых зевак. Их нельзя смешивать с любителями архиерейских служб и ценителями пения. Зеваки (очень часто мужчины) стоят и тараторят всю службу... И кто служит, и откуда приехал, и надолго ли, и чей дьякон, и что платят хору, ...и как было прежде... — все доложит страдающий недержанием речи богомол... Ежели его сосед не слушает, болтун начинает громко подпевать клиросам... Эти типы при-

шли к службе развлекаться. Они разглядывают публику; встречаются, провожают, оборачиваются, огрызаются бойко, но и бойко ответят на вопрос, укажут, где «Скорбящая», где «Нечаянная», где «Иван Воин» или «Троеручица». ⁶² Эти типы любят, когда в церковь заходит молодежь или военные. Они становятся около, вздыхают, возводят очи горе, истово, надо или не надо, крестятся, бахваляся и выставляяся людям на смех, а Богу на грех. Старухи часто, выйдя из церкви, еще с мостовой оборотятся и начнут намаливаться, что мельница, для показу: нате, мол, глядите, есть еще верующие, есть еще порох в пороховницах... Сегодня в трамвае «верующая» из Елохова утеснила какую-то больную, истеричку. Та истеричка завопила, «верующая» «подняла перчатку». Истеричка: «Черт вас носит»... «Богомолка»: «Накажет, накажет тебя Господь, отымет твоё здоровье, несчастная будешь». Завизжала и больная: «И пусть, пусть меня черт возьмет»... Эта больная, призывая на себя черта, ни разу не похулила Бога. А у нее на Бога очевидна великая обида... И глубоко я жалел именно ее, яростно накликающую на себя: «Да, да! Пусть мене черт поможет! Может быть хоть он поможет»...

...Написал и думаю: резюме сему — благодарю Тебя, Боже, что я не таков, как эти люди...

...Это уж и глупый бы мне сказал: лучше тебе и в церкви бы не быть, чем судить. Но и еще сужу: О<тец> Колчицкий проповеди говорит языком стенгазеток. Пожилой человек, «проповедник» — поинтересовался бы языком тех же стихир, поистине украшающий вечерню и утренью. Глубоко содержательны тропарь и кондак «Усекновения».

16 сентября

3 сентября
воскресенье

Старики бахвалили — бабье лето будет солнечно... Постояло ведрие два дня, да опять дождь без поману.

20 сентября

7 сентября
четверг

Двадцатое по-новому, а еще ничего не давали... Братец чуть свет ушел в магазин. Долги стали ночи. В пять рассвет-от.

Вчера память была опгинскому Старцу Макарию ⁶³ (чаду Леонидову, отцу Амбросиеву, ⁶⁴ другу Киреевских). И все думалось, как прошлое оживает и озаряется подобными «памятями».

О святых нельзя сказать, что они «были». Они есть, они живут и сейчас и будут жить истинно живую жизнь. Сей мир, сей век по

сравнению с оным живым веком оказывается «притворным, при-временным». Род человеческий, как лес. Но этот лес был древле садом. Идут века, поколения сменяют поколения, разрастается, ширится и сад сей. Но участки сего сада, приращенные в «новые времена» истории, являющиеся захломошенными, полными иссохших и согнивающих деревьев, замусоренными мелким безжизненным кустарником. Были нежизненные деревья и ветки и во времена и века прошлые. Но все, не творящее плода Божьего, живого, благоуханного, подлежало и подлежит уничтожению. Но живо на все времена всякое древо, питавшееся «соками Троицы Живоначальной».

Оглядываясь в прошлое, скажем, столетие, мы видим многие его достижения, его «прогресс» — слинявшими, утерявшими весь свой блеск, модные новинки XIX века видим покрытыми гробною плесенью и гнилью.

Но «смерть не все возьмет, только свое возьмет» — говорит мудрая пословица. В замусоренном саду «века сего» дивные есть участки, дивные зеленеющие и благоухающие вечною весною деревья и цветы. Жив сад Божий, святая Русь жива! Сад Сергиев-Радонеж. И сад, скажем, Оптиной пустыни — нет для них дряхлости. Они вечная весна... То, что и в прошлом столетии жадало сосать от болотной сырости, скажем, «вольтерьянства», то сгнило, иссохло. То, что пыталось жизнеподательными родниками, скажем, филокалии — живыми водами «Любления красоты», то жило и живет... Память старца Макария... Макарий ученик Леонида. Леонид ученик Афанасия. Афанасий ученик самого Паисия Величковского... А сей ученик Нила Сорского,⁶⁵ и Сирина Исаака, и Лествичника... Сад жизни, вечная весна... Я, когда шел к этому саду, не помню, где-то у свалки в пыли остатки целюсти видел — два зуба... Не Вольтерова ли это «знаменитая» улыбка?!

Не думай, что «вечность» — это какие-то там межпланетные пространства, где «аж дух захватывает»... Есть английская благочестивая книга: «Надгробные размышления». Автора, даму, водит (не помню, кто ее водит, или носит ее...) по «вечности загробной...». Даются астрономические цифры. Даму эту (за гробом) ставят то на Сатурн, то на Марс... Бездны кругом, кометы... Ясно, что дама ухает от ужаса, небось визжит... Чему дивить! Я через Хотьковский мост железнодорожный идти боялся, ладно, что Степка, что сзади карабкался, все меня недоумливал: «Читай, парень, молитву... Молитву твори...». Я и перешел хотьковское оное мытарство безбедно...

Дак вот. Не такая, деточка, вечность-та — не кометы, и не стратосферы, и не марсы. Не в телескоп вечность изучают и разглядывают... А где она, и что она — тому святые учат. Они были в той «стране»... В себе надо глубоко, глубоко глядеть. В себя надо войти. И Бога в себе велено искать. Первая-то азбука: Что есть Бог и что Его обитель? В сердцах человеческих пребывает, паче херувимского престола. А там, Бог даст, поймешь, как это Он и на небеси. И где это «на небеси», узнаешь, радуясь.

Рубаха, вот, на тебе близка, а Бог еще ближе. Дак, то и знай, что и Макарий-то старец, не в межпланетных пространствах, а за Калугой на Жиздре-реке сидит, живую грамоту тебе пишет...

О, великое добро, великое богатство мое эти старцы. Кабыть, напасены у меня шолку, или каковой драгоценнейшей и тончайшей пряжи клубки. И тку я для зимы века сего одежду теплую себе.

Святитель Филарет М<итрополит> М<осковский> в прекраснейшем слове своем на освящение церкви преподобного Михея⁶⁶ просит показать и первый «малый деревянный храм» Св. Троицы, но и входит туда и слышит треск лучины, святящей чтению и пению. Просит: «Отворите мне дверь тесной келии», ...но уже стоит там рыдая, сам лобызает порог келии Сергия, порог «истертый ногами святых». Проповедник «видит» и Сергия, плотничающего и получающего за работу плесневелый хлеб. «Слышит» молчание Исаакиево... «Все это здесь, — восклицает святитель, — только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, подобно сокровищу в ковчеге... Сокровище это неистошимо, непохитимо; можно брать потребное без ущерба для сокровища».

Святитель Филарет уносится мысленным взором в XIV век. Мы перенесем, ради памяти оптинского старца, хоть бы в XIX век... Почитаем из путешествия инока Парфения,⁶⁷ о приходе его в Оптину, о свиданьи с о. Леонидом... В низкой кельи меж елей сидит схимник, плетет поясок, беседует с пришедшим народом, который стоит на коленях, затаив дыхание, боясь проронить слово, ужеходящего ко Господу великого старца... И это та же святая Русь, что и приходила в Радонеж. XIV и XIX века сошлись... Все, что в Боге, то вечно юнеет, вечно живо... И вечно с тобою, если ты взыщешь... Ежели ты «ум не раздвоен имея, паче жизни (века сего) в Граде быть восхощешь...».

22 сентября

19-го сентября
суббота

Мы таковы: что не при нас было, чего мы своими бельмами слепыми не видели, дак того будто и не было... А необходимо нам принимать слухом и оком сердечным и к верному церковному свидетельству. Сегодня память святителю Феодосию Углицкому,⁶⁸ обретение мощей, которое было в 1896 году. Я перечитывал хронику торжеств. Пять дней и пять ночей совершалось над градом Черниговом чудо: несметно собралась святая Русь — богомольцы обложили город как бы лагерем. Их было до ста тысяч... Деннонощное пение, ночь уступала сиянию свеч. Пение и перезвоны колоколов усугубляли молитвенную тишину ночей. Ночами река отражала сияние свеч, богомольцы собирались на берегах, читали житие святого новоявленного. От гроба святителя совершались исцеления; всякой час молва разносила весть о новых и новых чудотворениях. Вера Христова снова и снова являла свою силу и свет — ночи обретения святых мощей были подобны пасхальной ночи. Во Христе нет смерти. Гроб, вынутый из земли, где пролежал двести лет, являл воскресение. И Русь святая вновь и вновь ликовала: Где ты,

смерте, жало? Где ты, аде, победа? Воскресе Христос, и жизнь живет во всем мире! Воскресе Христос, и живы мертвые, почивающие о Господе. Радость о Господе горела в знаменательные дни сентября 1896 года. Радовался русский народ, наши отцы и заповедали, как верные свидетели, радоваться нам...

Все лето сейгод просидел я в кирпиче у оконной дыры. Но ведь знал я, что стоит сесть в вагон и можно очутиться в поле, где веет благоуханный ветерок, плывут облака... Таково ж знаю, несумняся, что есть радость у живущих во дверех Дому Бога нашего. Ежели самому мне застит житуха худые мои глазишки, и сам я ослаб, дак знаю, что где ни-то, может в соседнем доме, эк же в подвале, или на 7-м этаже, есть раб Божий, не спящий духом, как я, а бодрствующий. И он мне скажет: гляди, слушай... Жив Господь! Жива душа твоя... Есть у Господа радость.

23 сентября

*10 сентября
воскресение*

Два принципа жизни давным-давно определились в роде человеческом. Один принцип: хватать и рвать со стороны, извне все, что глаза завидуujące завидят. Нахватывать благ материальных все больше, больше, больше... Отсюда изобретательство — технизм, прогресс индустриальный, всякая механическая богоубийственная и человекоубойная цивилизация — «сифилизация». Человек и целое общество человеческое свирепеет, сатанеет. «Се грядет час и ныне есть...». Понятие добра и зла исчезло; самое понятие любви, братства людей, правды, милосердия истребилось из сознания человека и народов. Заветы Христовы попораны и похоронены. Осатанев, освирепев, люди истребляют друг друга. Как поступает индивидуальный человек века сего, «рвач», так поступают и целые общества современных людей «рвачей». Мало ли, много ли имеет человек века сего, он, сколько сил у него есть, нахватать, накопить, приобрести, урвать со всех сторон тшится. Сильный со многих дерет, слабый с еще более беспомощного, чем он. Директор склада ворует грузовиком, больная старуха тащит чужую тряпку или блюдце из соседней комнаты. Жизнь превратилась в скаредную, осатанелую житуху и нет, нет уже другого подхода к существованию, нет другого осознания жизни.

Слов нет, что нужно, чтоб дети, семья, родные были сыты, одеты, обуты. А все это для многого множества людей стало беспредельно трудно, невероятных усилий требует. И день и ночь голова-то занята: как бы не подохнуть... Зима пришла, а все босые... Надо, надо биться, чтоб тряпку или кусок урвать для семьи-то... Так большинство и бьется, пока с ног не слетит...

Но не должен быть сдан в архив другой принцип, другое начало жизни (а не житухи) — Ищите прежде Царствия Божия... (Взыскать Бога, это не значит бросить семью голодать: ежели у

тебя дети, старики больные: докорми детей до возраста, воспитай, ежели старики, допокой их, докорми — вот твое спасение. Каин ты будешь, ежели прах мира от ног отрясешь и будешь в пустыне душу спасать, а «в мире» оставишь беспомощных, тем кому обязан помогать.) И о сем до zde...

Я говорю о начале, о принципе жизни, которое «не вси вмешают, но им же дано есть». Здесь по мере своего совершенствования человек не сгребает под себя, отребается от вещей, от имени, от богатств. По мере духовного совершенствования сознание человека проясняется, житухина хроническая плесень исчезает, копоть, покрывающая орган мысли, как дым уносится. Дымное сознание наше становится «разумом» Божиим. Потому Церковь-та все и молится: очисти да очисти... Очистить сердце, очи сердечные, очи мысленные необходимо для нашего счастья, для того, чтобы сошли в душу мир и радость, при которых всяка болезнь и нужда не страшны.

Программа и тезисы благодатной этой науки самосовершенствования и преуспеяния изложены в учениях святых. Их всем нам предлагает Церковь Христова. ...Человек, пойдя по этому пути благому, в свете разума, ясно видит, в какую яму невылазную, в какое болото, повергает людей несытая, мертвая хватка, личное, презлишнее обогащение того или иного члена общества, когда все завидуют сильному рвачу, стараются от него не отстать, дают друг друга...

¹ На эти дни Церковь предписывает чтение Апостольских посланий апостола Павла.

² *Тело сие, плоть сию тленную <...> «хлжисиюю» называет...* — 2 Кор. 5, 1—4. Здесь Б. В. Шергин использует русский перевод Библии.

³ *«Выйти из тела и водвориться у Господа»* — 2 Кор. 5, 8.

⁴ *Павел — Христовы уста...* — Деян. 9, 15; Рим. 1, 1; см. также: *Флоренский Павел*, священник. Имена // Флоренский П. Малое собр. соч. Б. М., 1993. Вып. 1, ч. 2: *Словарь имен*. XV. Павел.

⁵ *«А Христос и умер за всех, чтобы живущие не для себя уже жили, но для умершаго за них и Воскресшаго»* — 2 Кор. 5, 15.

⁶ 6 августа — Преображение Господне.

⁷ *Неприступен Фавор-то гора* — «...на Фаворе не только Божество является человеком, но и человечество является в Божественной силе» (*Св. Филарет*. Слово на Преображение Господне (1820) // Филарета митрополита Московского и Коломенского Творения. Б. м., 1994: Изд-во «Отчий Дом». С. 150).

⁸ *«Свет присносушный»* — см. тропарь праздника: «Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, ажеже можаху; да воссияет и нам грешным Свет Твой присносушный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе».

⁹ *«Яко солнце», «белы, яко снег»* — цитируются Евангелия от Матфея (17, зач. 1—9), Луки (9, 28), Марка (9, 2), которые читаются в день Преображения.

¹⁰ *«...плыли корабли на праздник престольный в Соловки...»* — «Преподобный Зосима <...> построил небольшую деревянную церковь в честь Преображения Господа, на том месте, где было ему пророчественное видение храма в воздухе; к церкви приделал небольшую трапезу и открыл общежитие. Таким образом основалась Соловецкая обитель... (Соловецкий патерик. М., 1991. С. 27). В 1557—1566 гг. здесь был построен Спасо-Преображенский собор.

¹¹ *«Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа»* — Кафизма 19 Пс. 134, 1: «Во время полиелея на всеношном бдении с открытием царских врат оба хора попеременно воспевают избранные стихи из 19 кафизмы <...> Во время пения «Хвалите имя Господне» с умиленным припевом «Аллилуйя», «Аллилуйя» предстоятель во образе самого Спасителя со служащими исходит из алтаря и обходит всю Церковь с благовонным кадилом и светильником, ибо всех просвещает свет Христов и по-

сещает благодать Его» (Смысл и значение православного христианского Богослужения. 4-е изд. Брест: Изд. Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 1994. С. 54).

¹² *«Яко глух и нем не отверзваю уст моих»* — Пс. 37, 14.

¹³ *«Мнози восстают на мя, мнози глаголют душе моей»* — Пс. 3, 2—3.

¹⁴ Имеется в виду Круг Анатолий Викторович. См. вступ. статью А. Н. Мартьяновой к первой части публикации и прим. 17 там же.

¹⁵ *Президент Америки молитвенно заявляет...* — Трумэн Гарри (1884—1972), президент США (1945—1953). В августе 1945 г. отдал приказ об атомной бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки.

¹⁶ *«И бысть, егда моляшися, видение лица Его ино»* — «И бысть, егда моляшися видение лица Его ино, и одеяние его бело блистаяся» (Лк. 9, 29).

¹⁷ *И у рабов Христовых, когда молились, лица просиявали.* — «Дух молитвы, сливаясь с Духом Божиим, исполнит светом душу Иисусову; переизбыток сего света, не удерживаясь в душе, пролился на тело — и просиял в лице; не вмещаясь и здесь, осиял и преобразил самую одежду; расширяясь еще далее, объят душу апостолов — и отразился в восклицании Петровом: „Добро есть нам зде быть“...» (Св. Филарет. Слово на Преображение Господне // Филарета митрополита Московского и Коломенского Творения. С. 156).

¹⁸ *Даже и Господу надобно было «помолитися»* — «...предметом сей молитвы Спасительной должно было быть приготовление Себя и учеников к приближающемуся Своему страданию и крестной смерти...» (Св. Филарет. Слово на Преображение Господне. С. 156).

¹⁹ *«Христос, где ты, Христос, сияющий лучами...»* — начальная строка стихотворения С. Я. Надсона (1880).

²⁰ *...когда телесным оком уж не буду видеть неба...* — В последние годы жизни Шергин ослеп.

²¹ *«Родина»* — иллюстрированный журнал для семейного чтения, издавался в Санкт-Петербурге в 1879—1914 гг.

²² В «Дневнике» две даты рядом, вероятно, запись даты 9 августа Шергин отмечает памятный день: Собор словесных святых. Его состояние на эти дни поясняет текст «Дневника» от 11 августа: «вижу свое.. И дали русские, и небо облачное...».

²³ 14 августа — Канун праздника Успения Пресвятой Богородицы.

²⁴ *«У Отца светов несть пременения или преложения стень».* — Иак. 1, 17.

²⁵ *«Спас медовый»* — 1 (14) августа празднование Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня. *«Спас яблочный»* — 6 (19) августа празднование Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В эти дни в церкви освящаются мед и плоды.

²⁶ *«Царство Божие внутри вас».* — «И не скажут: вот оно здесь, или: вот там. Ибо вот царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21).

²⁷ *Христос есть лоза истинная.* — «Аз емь лоза истинная, и Отец Моей делатель есть» (Ин. 15, 1).

²⁸ *Толстовство* — религиозно-утопическое направление в общественной мысли в России конца XIX—начала XX вв. *Кальвинизм* — направление протестантизма, основанное Ж. Кальвином (1509—1564), из Женевы проникло во Францию (гугеноты), Нидерланды, Шотландию и Англию (пуритане); в основе протестантской теологии — доктрина об абсолютном предопределении, проповедь «мирского аскетизма», республиканское устройство церкви. *Методисты* — методистская (протестантская) церковь (США, Великобритания) возникла в XVIII в.

²⁹ *Серафим Саровский* (1758—1833) — монах Саровской пустыни, бывший одним из самых знаменитых подвижников благочестия в XIX в.

³⁰ *Штундизм* (от нем. die Stunde — час, время для религиозных чтений у немецких колонистов) — сектантское течение среди русских и украинских крестьян во 2-ой половине XIX в., возникшее под влиянием протестантизма, элементы которого сочетало с вероучением духовных христиан; позднее слилось с баптизмом. *Армия спасения* (англ. Salvation Army) — международная религиозная филантропическая организация, созданная в 1865 г. в Лондоне.

³¹ *Сказано: «Взыщите Бога»* — «Когда ты взыщешь Господа, Бога твоего, то найдешь <Его>, если будешь искать Его всем сердцем твоим и всею душою твоею» (Втор. 4, 29).

³² *Контактион* (греч.) — краткий кондак.

³³ ...оденуты леса в «багрец и золото» — перифраз строки из стихотворения А. С. Пушкина «Осень» (1833): «В багрец и золото одетые леса».

³⁴ Вероятно, имеется в виду Томпсон (Tompson) Джордж Паджет (1892—?) — английский физик, член Лондонского королевского общества.

³⁵ «А где два да три, тут и я». — «Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» (Мф. 18, 20).

³⁶ «Радуйся, глубоко, неудобозримая и ангельскими очима» — Икос. 1 Акафиста Благовещению.

³⁷ «Соловецкой патерик» — памятник русской агиографии. Впервые был издан в 1873 г. в Санкт-Петербурге. «Соловецкий патерик» — совершенно новый сборник, в который наряду с житиями канонизированных святых вошли жизнеописания многих неканонизированных подвижников благочестия, главным образом XVIII—XIX веков, позднейшей из которых (схимонах Иоанн) скончался лишь в 1870 году. Из этого можно заключить, что текст *Патерика* был составлен незадолго до его первого издания, за которым последовали 3 стереотипных переиздания: в Московской Синодальной типографии в 1895 и 1906 годах и в Санкт-Петербургской Синодальной типографии в 1914 году. Различаются эти издания набором и качеством иллюстраций: в первом было 8 листов цветных литографий, во 2-м — 12, в четвертом лишь один лист» (*Троицкий А., диакон. Введение // Соловецкий патерик. М., 1991. С. III*). В третьем издании (М., 1906) было 14 цветных иллюстраций. «Соловецкий патерик — любимейшая моя была книга, а литографированные картинки его первое моею были картинною галереєю. И начал я копировать их, едва научась держать в руках карандаш (Соловецкий патерик. С.-Петербург, 1873). Патерик этот принадлежал тетеньке моей, отцовой сестре Глафире Васильевне» (*Шергин Б. В. Жизнь живая. М., 1992*).

³⁸ *Иеромонах Иов* — «в схиме Иисус, подвижник анзерский, основатель скита, недалеко от Соловецкого монастыря. Молва его высоко добродетельной жизни дошла до Петра I-го и Иов был сделан царским духовником, но затем, благодаря интригам, сослан в Соловки, где основал анзерский скит. В 1710 г. принял схиму и скончался в 1728 г.» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [Б. г.]. Т. 1. С. 1107).

³⁹ *Григорий Талицкий* (XVIII в.) — раскольник, яростный противник петровских реформ.

⁴⁰ См. прим. 37. Патерик был напечатан в тип. А. Траншеля. В нем было 8 цветных литографий: 6 изображений соловецких чудотворцев (прп. Савватия, Зосима и Германа, Соловецких и Всея России Чудотворцев; прп. игумена Филиппа, впоследствии св. митрополита Московского и Всероссийского; прп. игумена Ирнарха и прп. Елеазара Анзерского, Соловецких Чудотворцев; иеросхимонаха Иова, основателя Голгофо-Распятского скита; пустытника отца Феофана; старца отца Наума) и 2 рисунка (Свято-Троицкий скит на Анзерском острове и Голгофо-Распятский скит на Анзерском острове).

⁴¹ «*Турá*» (диал., арх.) — морская капуста, ламинария.

⁴² *Богоносная и великая Египтяныня* — прп. Мария Египетская (VI в.). «По свидетельству предания, Мария в молодости была блудницею; посетив с паломниками Иерусалим, была допущена по предстательству Божией Матери до Креста Господня и сделалась ревностной христианкой. 47 лет провела в покаянии в заиорданской пустыне. Память 1 апреля» (Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 1555. — Репринт).

⁴³ *Старец Зосима* — прп. Зосима Палестинский (VI в.). Пожелав встретить подвижника, который был бы примером ему, поселился в Иорданском Предтеченском монастыре. Прославился как старец, обретший в Иорданской пустыне Марию Египетскую.

⁴⁴ По-видимому, намек на А. Н. Толстого, скончавшегося 23 февраля 1945 г. Весь абзац является свободным изложением жития Елеазара Анзерского из «Соловецкого Патерика».

⁴⁵ *Сегодня Петру митрополиту память...* — Перенесение мощей свт. Петра, митрополита Московского, всея России чудотворца (1479).

⁴⁶ «*Боголюбивая*» — Боголюбская икона, у Варварских ворот в Китай-городе, на которой изображены Спаситель, Божия Матерь и св. угодники Божии: Петр, Алексий, Иона и Филипп — митрополиты Московские.

⁴⁷ *Шестопсалмы* (шестопсалмие) — важнейшее чтение в первой части утрени есть чтение шести избранных Псалмов (Пс. 3, Пс. 37, Пс. 61, Пс. 87, Пс. 102, Пс. 142).

⁴⁸ *А фамилия Отцу-то: Вечный, Всеблагий, Всеведущий...* — «Бог есть един, единый нерожденный, безначальный, неизменяемый, непременяющийся, нерожденный от кого-либо, неимеющий иного преемника в жизни своей, неначавший жить во времени, ни конца жизни неимеющий: Он есть благий и вместе правосудный...» (*Св. Кирилл, арх. Иерусалимский*. Поучения огласительные и тайнородственные. М., 1991. С. 44).

⁴⁹ *Прп. Савватий (1435) и Герман (1479)* — соловецкие чудотворцы. «Пришедши к реке Выге, Савватий нашел инока Германа, проживавшего при часовне <...> Тогда они оба уговорились плыть на остров <...> Плавание их было спокойное...» (*Соловецкий патерик*. С. 19).

⁵⁰ *Игумен Радонежский..* — прп. Сергей, игумен Радонежский, всяя России чудотворец (ок. 1321—1391).

⁵¹ *Исихасты* — последователи мистического течения в Византии. Исихазм (от греч. «покой», «безмолвие», «отрешенность») понимается как 1) этико-аскетическое учение и 2) религиозно-философское учение, разработанное св. Георгием Паламой.

⁵² *Киреевский Иван Васильевич (1806—1856)* — религиозный философ, публицист, славянофил. «И. Киреевский в своих философских исследованиях, а именно в учении о познании (гносеология), указал на внутреннюю зависимость (функциональную связь), познавательных способностей человека от духовного подвига, претворяющего естественное, низшее состояние умственных сил человека в духовный высший разум, связал философию с аскетией (*Концевич И. М.* Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М.: Изд. отдел Московского патриархата, 1993. С. 206).

⁵³ «Святым духом всяка душа живится» — из песнопения утрени, антифон четвертого гласа «От юности моя».

⁵⁴ *Прп. Василий Великий* (ок. 330—379) — архиепископ Кесарии Каппадокийской, один из учителей Церкви, святой. Оставил множество сочинений: «Толкования на Священное Писание», «Шестоднев»; установил порядок литургии, которая совершается 10 раз в год.

⁵⁵ *Прп. Ефрем Сирий* (нач. IV—начало V в.) — религиозный писатель, один из учителей Церкви, святой.

⁵⁶ *Прп. Иоанн Златоуст* (ок. 350—407) — архиепископ Константинопольский, византийский церковный деятель, проповедник, святой.

⁵⁷ «*Отечник*» — краткое собрание изречений святых отцов о жизни христианской, составленное на основании трудов еп. Игнатия (Брянчанинова).

⁵⁸ «*Помилуй мя, Боже*» — Пс. 50.

⁵⁹ *Иван Постный* — Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Празднуется 29 августа / 11 сентября. День постный.

⁶⁰ *А выводить из евангельского рассказа об усековении главы Предтечевой надзидание...* — Мф. 57 зав., XIV, 1—13; Мк., 24, зач., VI, 14—30.

⁶¹ В Елохове находится кафедральный собор Богоявления. Село Елох с храмом известно с XIV—XV вв. В 1717 г. на месте деревянного храма был выстроен каменный с приделом Благовещения. После революции храм не закрывался. В середине 30-х гг. после разрушения Богоявленского храма в Дорогомилове, служившего патриаршим собором, в Елоховский храм была перенесена кафедра патриаршего местоблжителя митрополита Сергея (Страгородского), впоследствии патриарха.

⁶² Богородичные иконы: «Всех скорбящих Радость», «Нечаянная Радость», «Троеручица»; икона Св. Иоанна Воина.

⁶³ *Макарий Оптинский* (в миру Михаил Николаевич Иванов) (1788—1860) — иеросхимонах, переводчик святоотеческих сочинений, святой. Во второй половине 1810-х гг. стал духовным сыном старца Афанасия (Захарова), воспитанника Паисия Величковского (православного подвижника и переводчика, 1722—1794). С конца 1820-х гг. — послушник и ближайший друг старца Леонида (Наголкина), воспитанного также одним из духовных сыновей Паисия. См.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 467.

⁶⁴ *Амвросий Оптинский* (в миру Гренков Александр Михайлович) (1812—1891) — иеросхимонах, старец, духовный писатель, святой.

⁶⁵ *Нил Сорский* — деятель русской церкви (ок. 1433—1508), святой.

⁶⁶ *Филарет* (в миру Дроздов Василий Михайлович) (1783—1867) — митрополит Московский. Имеется в виду его «Слово по освящении храма явления Божией Матери преподобному Сергию, устроенного над мошами преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой лавре» (1842).

⁶⁷ См.: *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения: В четырех частях. М., 1856.

⁶⁸ Феодосий Углицкий (начало 1630-х—1696) — архиепископ Черниговский, святой. «...Синод, через 200 лет после кончины архиепископа, определил 26 июня 1896 года 1) причислить Феодосия к лику святых, 2) заявить о том во всенародное сведение и 3) открытие мощей назначить на 9 сентября 1896 года. В назначенное время действительно состоялось торжественное открытие мощей святителя и перенесение их из Борисоглебского в Спасо-Преображенский летний собор, откуда мощи были вновь перенесены в Борисоглебский кафедральный собор 11 ноября того же года. Память святителя празднуется в день кончины 5 февраля и в день прославления мощей 9 сентября» (Русский биографический словарь. СПб., 1913. Том «Яблоновский — омин». С. 370).

ПИСЬМО В. Я. ПРОППА К В. С. ШАБУНИНУ

Публикация Н. А. Прозоровой

Сердечная дружба связывала известного ученого-фольклориста Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970) с военным врачом и художником Виктором Сергеевичем Шабуниним. Переписка двух друзей, охватившая почти двадцатилетний период — свидетельство духовной близости и преданности друг другу. Их письма, особенно Владимира Яковлевича, глубоко лиричны и поражают почти дневниковой достоверностью тона.

В память о друге Виктор Шабунин сохранил письма Проппа и снабдил их пояснениями. Они находятся в личном фонде ученого (ф. 721) и частично опубликованы А. Н. Мартыновой.¹

Публикуемое ниже письмо Проппа от 20 декабря 1968 г. хранится в другом фонде, в архиве писателя Александра Никаноровича Зуева. По стилю и по содержанию это письмо отличается от дружеских, иногда «домашних», посланий Проппа и представляет собой краткий отзыв его на неопубликованную повесть в стихах А. Зуева «Скоморохи — люди не простые».

«Скоморохи» попали на рецензию к Владимиру Яковлевичу, видимо, через Андрея Викторовича Шабунина (сына В. С. Шабунина), литератора, военного врача, служившего в то время в Архангельске. Впоследствии А. Шабунин напечатал в архангельской прессе несколько стихотворений Зуева,² который при жизни свои поэтические произведения не публиковал.

Александр Никанорович Зуев (21 декабря 1895 (2 января 1896)—11 мая 1965) родился в селе Паденьга Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье священника. Учился в Архангельской духовной семинарии, которую окончил в 1916 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 682, № 475, л. 3—4. Свидетельство об окончании Архангельской духовной семинарии.) В этом же году был мобилизован и отправлен на фронт в составе 112-го Уральского пехотного полка. Осенью 1918 г. во время английской интервенции в Архангельске был арестован и находился в тюрьмах.³ После освобождения работал в архангельской прессе, а затем переехал в Москву и с 1921 по 1929 г. был корреспондентом газеты «Правда». В 1930-е гг. Александр Никанорович Зуев — редактор крупного московского книжного издательства «Федерация». Но времена «беззакония и безгласности» не обошли его стороной. В 1938 г. он был арестован и выслан в лагерь, сначала в Норильск, а затем в с. Абан Красноярского края. Лишь в 1954 г. он был реабилитирован и получил возможность вернуться в

Москву. В 1954—1956 гг. Зуев заведовал отделом прозы журнала «Дружба народов», занимался переводами.

Уроженец Архангельской края, автор повестей «Тайбола» (1928), «Под северным небом» (1938), «Зеленая ящерница» (1964), сборников рассказов «Через сердце» (1926), «Золотые искры» (1961) и др., Александр Никанорович помнил свои истоки и любил Русский Север. Знал он и северорусский шенкурский говор. «Сестра писателя Александра Никаноровна рассказывала мне, — пишет архангельский краевед Б. Пономарев, — что когда в Архангельске вместе сходились Степан Писахов, Борис Шергин и ее брат Александр, то они нередко „забавлялись“, пересыпая свою речь словесными жемчужинами северных диалектов: Писахов — архангельского и пинежского, Шергин — беломорского, а Зуев — шенкурского».⁴

В 1920 г. в составе фольклорной экспедиции, снаряженной Наркомпросом, которую возглавляла О. Э. Озаровская,⁵ Зуев записывал песни, былины, сказы, пословицы, прибаутки, колдовские заговоры. Впечатления от этой поездки нашли отражение в неопубликованном очерке писателя «Путешествие на Север» (См.: РО ИРЛИ, ф. 682, № 180). Из экспедиции Зуев привез серию рисунков, которые, по мнению Е. Г. Киселевой,⁶ были впоследствии использованы Л. С. Хижинским для иллюстрации книги Озаровской «Пятиречь».

Из путешествия на Север Александр Никанорович вынес не только увлечение фольклором, но и страсть к собирательству. С 1920-х гг. он начал собирать рукописные сборники XVII—XIX вв. и старопечатные книги, приобретая их на р.Кулой, в Угличе, Осташкове, Вологде.⁷ Часть из них Зуев впоследствии передал известному фольклористу и этнографу Б. М. Соколову (Казанская история), часть — директору Литературного музея в Москве В. Д. Бонч-Бруевичу. «Очень благодарю Вас, — писал Зуеву Бонч-Бруевич в письме от 20 июня 1937 г., — за то, что Вы прислали мне Письмо об убийстве архиепископа Амвросия; Молитву от трясовичной болезни; Копию письма Александра I; Крюковую „литоргию“, — поморского письма. Все это меня крайне интересует...».⁸ О некоторых своих находках Зуев сделал сообщения и публикации.⁹ В Дрвлекранилище Рукописного отдела Пушкинского Дома также имеются рукописные сборники XVIII—XIX вв. из коллекции Зуева.¹⁰

Повесть в стихах (или сказка, как ее называл автор) «Скоморохи — люди не простые» написана в конце 1940-х—нач. 1950-х гг. в память о встреченных в фольклорной экспедиции народных сказителях. «Ярко стоят в памяти эти встречи. Еще звучат в ушах живые голоса, — писал Зуев. — И встают в воображении картины ушедшего времени... Так родилась эта сказка о скоморохах. Я посвящаю ее памяти северной сказительницы Марии Дмитриевны Кривополеновой.¹¹ Сказка перенята с ее голоса».¹² Черновые и беловые варианты рукописи «Скоморохов» хранятся в личном архиве Зуева (ф. 682, № 8, 15—20), который передала в Рукописный отдел Пушкинского Дома вдова писателя — Татьяна Петровна Сычева.

Владимир Яковлевич Пропп, ознакомившись с рукописью, ответил письмом, очень характерным для него как для ученого и человека. Неизменно тактичное отношение его к автору нельзя не почувствовать. «Талант совершенно очевиден», — пишет Пропп о Зуеве. Но как ученый-фольклорист, он высказывает «множество всяких критических замечаний». Детально, даже скрупулезно рассматривает он неточности, допущенные в повести. А ведь пишет он далеко не официальный отзыв, а простое письмо своему давнему другу. Да и автора, который мог бы «кое-что исправить», уже нет в живых...

Печатается письмо по машинописному тексту (РО ИРЛИ, ф. 682, № 654). Возможно, письмо напечатано на машинке самим В. Проппом, но не исключено также,

что перед нами машинописная копия его письма, сделанная вдовой писателя Т. П. Сычевой.

¹ *Шабунин В.* Наша переписка с Волюшкой. (1953—1970) / Публ. А. Н. Мартьяновой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 294—332.

² Стихотворения Александра Зуева / Публ. А. Шабунина // Правда Севера. 1969. 5 февр. А. В. Шабунин автор книг: Периодическая печать Архангельска и Архангельской области (1838—1968). Библиографический справочник. [Архангельск], 1971; П. Ф. Лесгафт (1837—1909). М., 1982; Лесгафт в Петербурге. Л., 1989 и др.

³ В том числе — в каторжной тюрьме на острове Мудьюг, о чем Зуев написал автобиографическую повесть «Остров смерти» (М.; Л., 1937).

⁴ *Пономарев Б.* Литературный Архангельск. Архангельск, 1982. С. 27.

⁵ *Озаровская Ольга Эрстовна (1874—1933)* — артистка, собирательница фольклора, автор книг о театре, воспоминаний о Д. И. Менделееве. По результатам экспедиции подготовила книгу: Пятиречь. Л., 1931.

⁶ *Киселева Е. Г.* Московские друзья книги. М., 1978. С. 62.

⁷ О коллекции Зуева см.: *Мальшиев В. И.* Москвичи — собиратели письменной и печатной старины // Труды Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 385; РО ИРЛИ, ф. 494, оп. 2, № 523 (Письма А. Н. Зуева к В. И. Малышеву за 1963 г.).

⁸ РО ИРЛИ, ф. 682, № 286, л. 1.

⁹ См.: А. Н. Избранные басни / Под ред. Ал. Зуева. М., 1935; *Зуев А. Н.* Неизвестный баснописец // Известия. 1935. 12 марта; *Зуев А. Н.* Басни А. Н. // Литературная газета. 1935. 24 марта; *Зуев А. Н.* Заботы о воспитании // 30 дней. 1937. № 10. С. 72—75.

¹⁰ В том числе — рукописный сборник XVIII в. с повестями. См.: РО ИРЛИ, ф. 682, № 294 (Благодарственное письмо В. П. Вильчинского Зуеву от 14 января 1964 г.).

¹¹ *Кривополенова Мария Дмитриевна (1843—1924)* — русская сказительница. Исполняла былины, исторические песни, скоморошины, сказки. Первые записи от Кривополеновой были сделаны в 1900 г. А. Д. Григорьевым (*Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни. М., 1904. Т. 1. С. 333—391), затем — Озаровской (*Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. М., 1922). От Кривополеновой записана уникальная былина «Вавило и скоморохи».

¹² РО ИРЛИ, ф. 682, № 180, л. 9. Неопубликованный очерк Зуева «Путешествие на Север» первоначально предполагался как предисловие к повести в стихах «Скоморохи — люди не простые» (пояснительная записка Т. П. Сычевой).

Ленинград, 20 дек. 1968 г.

Дорогой Витя!

Я прочел рукопись А. Зуева. Скажу сразу, что официального отзыва я дать не могу. Я компетентен в области научных работ по фольклору, но рукопись Зуева — не фольклор. Это от начала до конца — литературное произведение, в котором использованы путем вкрапления отдельные фольклорные элементы. Однако, как рядовой читатель я могу иметь мнение, и это мнение (ни для кого не обязательное) я и выскажу.

Общее впечатление о языке, стихе, стиле у меня самое благоприятное. Талант совершенно очевиден — а это самое главное. Сказка Зуева читается легко, и это — большое достижение. Часто она вызывает улыбку. Особенно хочется отметить мастерство ритма. Я неоднократно читал всякие рукописи с переделками фольклора и знаю, что самое трудное — это найти правильный

языковой стиль и непринужденный естественный ритм. Все это здесь есть, и притом на высоком уровне.

Но у меня есть множество всяких критических замечаний, и эти замечания я выскажу. Если бы автор был жив, это, может быть, помогло бы ему кое-что исправить.

Неясна жанровая природа этого произведения. Судя по эпиграфу («Благословите, братья, старину сказать») данное произведение — былина. «Старина» (а не старина) — народное название былины. Именно в этом смысле слово употреблено певцом, которого, не называя его, цитирует автор. Автор здесь не понял певца. Но дальше читаем: «Сказ первый». «Сказ» — название прозаического жанра, содержанием которого служит действительность (или нарочитая фикция его, как в «Сказе о блохе» Лескова¹). Есть, например, сборник сказов о Чапаеве.² «Сказ» означает законченное произведение. Нельзя части произведения называть, как это делает Зуев, «сказ первый», «сказ второй» и т. д. Это также ошибочно и невозможно, как назвать акты театральной пьесы «драма первая», «драма вторая» и т. д., вместо «действие первое», «действие второе». Читая «сказ первый», я был убежден, что данная рукопись состоит из ряда разрозненных законченных произведений. Пришлось затем перестраиваться на ходу. Недостаток этот легко исправим. Слово «сказ» надо уничтожить (или обозначить им все произведение в целом), главы же обозначать римскими цифрами, а части их — арабскими. Это, конечно, пустяк, но это все же симптом того, что в жанрах народного творчества автор не ориентируется.

Теперь о скоморохах и их изображении. Изображение это от начала до конца неверно. Здесь можно возразить, что автор — не этнограф и не ставил себе целью изобразить реальных скоморохов. Его произведение — плод художественной фантазии. Но и художественная фантазия имеет свои границы. Что бы мы сказали об авторе, который в своих целях стал бы утверждать, что Нева втекает в Волгу? Вопрос этот более сложный, чем это кажется на первый взгляд. Здесь опять все зависит от жанра. Волшебная сказка имеет право нарушать законы природы и действительности, но всегда делает это только в строго регламентированных пределах. Новеллистическая сказка не знает этих нарушений совсем: в ней нет чудес, но нет и неправдоподобий. Скоморохи в русском фольклоре довольно точно соответствуют историческим скоморохам позднего времени. Автор поступает не так: он нарушает историческое правдоподобие, что значительно снижает художественный уровень его произведения. Так, автор рисует картину массовой и жестокой казни скоморохов. Но скоморохов никогда не казнили (см. классический труд Фаминцына «Скоморохи на Руси», 1890,³ очень дельную статью Александра Морозова «Скоморохи на Севере» в альманахе «Север» за 1946 г.⁴). Их изгоняли, высылали, ссылали и пр.; в книге Фаминцына собраны все документы о репрессиях, которым подвергались скоморохи. Казни не было ни одной. Поэтому указы о масовых казнях скоморохах, о которых говорит поэт, воспринимаются как неоправданное искажение действительности. Такое же

нарушение имеется и в других местах. Во второй главе (II — 4) скоморохи затаились в скитах. Но именно монахи, а в особенности старoverы, спасавшиеся в скитах, были злейшими врагами скоморошества. Еще подобная же мелочь: скоморохи изображены с балалайками, и это повторяется упорно. Но балалайки появились в XVIII веке, когда скоморохов уже почти не было. Скоморохи играли на разного рода дудках. Уподобление трех струн трем голосам тоже неверно. Три струны настраивались в унисон и передавать на балалайке многоголосие было невозможно. Когда бедная мать посылает детей нищенствовать и предлагает им назвать себя скоморохами (II — 5), то это фальшиво. Таких детей отовсюду бы гнали или помогали им тайком, с опаскою.

Совершенно невероятно, чтобы при представлении пещного действия о царе Навуходоносоре⁵ (вспоминается картина Рериха⁶), которое давалось в церквях, артистами вдруг оказались бы переодетые скоморохи (стр. 64).

Несколько замечаний о стиле. Выше я говорил о достоинствах языка. Но есть места, которые режут ухо.

«Тот не тот ли кузнец?» (стр. 47).

«Бес в человеческом зраке» (49).

«Телега из кокор,

Да конь добер» (добер? гл. III)

Есть неудачные рифмы:

«Мужики

Под руки» (стр. 5. Надо читать «пóд руки», рифма не получается).

Не всегда удачна имитация фольклорного стиля:

«То не лес шумит...

Побежал мужик» (стр. 47). Но лес шумит громко, а мужик передает свою тайну шепотом — аналогия не получается.

Думаю, что достаточно, и что ты поймешь, почему произведение, несмотря на все его достоинства, мне в целом все же мало понравилось.

Еще одно: деление на главы механическое. Каждая глава («сказ») не составляет с точки зрения композиции законченной части целого. Иногда неясно, почему здесь кончилась глава и начинается другая.

Все это не значит, что произведение это плохое и что нельзя его печатать. Но если печатать, его надо основательно отредактировать, и все же можно ждать суровых рецензий.

Ну, хватит. Больше не буду. Передай мой самый сердечный привет Андрею Викторовичу.

Твой В. Пропп.

¹ Имеется в виду известный рассказ Н. С. Лескова «Левша (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе)».

² Чапай. Сборник народных песен, сказок, сказов и воспоминаний о легендарном герое гражданской войны В. И. Чапаеве / Сост. В. Пайман. М., 1938.

³ *Фальшивый А. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

⁴ *Морозов А.* Скоморохи на Севере // Север: Альманах Архангельского отделения Союза советских писателей. Архангельск, 1946. С. 193—245.

⁵ *Навуходоносор* — Вавилонский царь в 605—562 гг. до н. э. По библейским сказаниям, во время царствования Навуходоносора Бог явил многие чудеса, одно из которых — чудесное спасение трех отроков в раскаленной Вавилонской печи. Трое спутников пророка Даниила — Седрах, Мисах и Авденаго — были брошены связанными в раскаленную печь за то, что отказались поклоняться золотому истукану Навуходоносора. Ангел Господен сошел в печь и выбросил пламя из нее. Седрах, Мисах и Авденаго остались неуязвимыми (Ветхий завет. Книга пророка Даниила. Гл. 3).

⁶ Имеется в виду картина Николая Константиновича Рериха (1874—1947) «Пещное действо» (1907). Хранится в Государственной Третьяковской галерее.

Н. А. Прозорова

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX веков,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
в 1991—1992 годах**

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов Н. С. Алексееву, В. П. Астафьеву, О. А. Белобровой, Б. Л. Бессонову, Ю. Е. Бирману, И. В. Бодылевской, В. Ф. Бокову, Х. Вашкелевич (Польша), Н. В. Венгеровой, А. В. Гаршину, А. М. Грачевой, Н. К. Гринберг, П. И. Гурову, Е. Б. Дьячковой, В. Л. Зуцу, Д. В. Иванову (Италия), А. М. Ильиной, Л. В. Качмарчик, В. А. Ковалеву, Л. В. Крутиковой-Абрамовой, М. И. Кузнецовой, А. Ц. Куприянову, А. С. Кушнеру, А. Л. Лабутину, Т. А. Лазаревой, Ю. Д. Левину, Д. С. Лихачеву, К. Д. Муратовой, Н. Н. Мотовилову, Б. Б. Ремизову, Н. А. Решетовской, Е. П. Серебровской, Л. В. Спичкиной, О. В. Творогову, А. И. Трошину, Е. Л. Тюлиной, Т. Уитни (США), С. Д. Умникову, К. Чеканову, В. Н. Чувакову, Д. Шерону (США), Т. В. Шишмаревой, И. Г. Ямпольскому.

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

ВЕНГЕРОВ Семен Афанасьевич (1855—1920), историк русской литературы и общественной мысли, библиограф. Фонд 377.

Материалы о реабилитации В. С. Венгерова: справка Ленинградского городского суда о реабилитации; уведомление Военного трибунала Туркестанского военного округа. Копии (1958, 1990). Дарственная надпись Н. М. Минского В. С. Венгеру на книге «Илиада Гомера» (М., 1896). Коллекция фотографий (32) Петрограда в период Февральской буржуазной революции 1917 г.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Николаевич (1838—1906), филолог, историк и теоретик литературы. Фонд 45.

Фотографии А. Н. Веселовского с дарственной надписью на одной из них А. М. Шишмаревой 7 (1894, б. д.). «Воспоминания о Полине Виардо» А. М. Шиш-

маревой. Копия, рукой Т. В. Шишмаревой (1950). Опубл.: газ. Музыкальные кадры. 1991. № 4, май. С. 3. Личные документы Ф. А. Шишмарева (1837—1872). Формулярный список о службе А.И. Шишмарева (1848). Фотографии В. Ф. Шишмарева 5 (1890-е гг., 1950).

ВОЛОШИН (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932), поэт, критик, художник, переводчик. Фонд 562.

Тетрадь стихотворений «Неопалимая купина». Машинопись с незначительной авторской правкой (1914—1923). Стихотворения «Дом поэта», «Таноб», «Четверть века», «Аделаида Герцкы», «Владимирская богоматерь». Машинопись с незначительной авторской правкой (1927—1929, б. д.). Письмо М. А. Волошина Ю. Н. Тюлину (1928).

ГАРШИН Всеволод Михайлович (1855—1888), прозаик, критик. Фонд 70.

Оттиск статьи Е. М. Гаршина «Один из забытых писателей» с авторской дарственной надписью В. В. Сиповскому (1883). Письма Е. М. Гаршину Г. К. Вебера 13 (1909—1912), Я. Г. Гуревича (1903), Л. Соляникова (1908), С. Фалькнера (1909), М. Фишера (1910). Автобиография Е. Д. Гаршиной. Автограф (после 1922). Статьи Е. Д. Гаршиной: «О книге А. П. Богданова «Из жизни русской природы»», черновой автограф (б. д.); «Об ученическом чтении». Машинопись с авторской правкой (б. д.). Письма к В. Г. Гаршину Н. А. Гарда 3 (1933). Семейная хроника «Семейство Гаршиных в Старобельске», составленная А. В. Гаршиным. Авторизованная машинопись (1992).

ИВАНОВ Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт, мыслитель, филолог, переводчик. Фонд 607.

Отрывок из дневника В. К. Ивановой-Шварсалон с записью речи В. И. Иванова на чтении поэмы «Человек». Ксерокопия (1916).

ОЗНОБИШИН Дмитрий Петрович (1804—1877), поэт, переводчик, собиратель фольклора. Фонд 213.

Лекция М. А. Богомолова и Д. В. Ознобишина «Семья Лихаревых-Ознобишиных-Миллеров. Литературные, научные и общественные связи». Машинопись (1983).

ПИНЕГИН Николай Васильевич (1883—1940), художник, писатель, исследователь Севера. Фонд 823.

Дневники Н. В. Пинегина с записями, рисунками, фотографиями экспедиций с Г. Я. Седовым к Северному полюсу и к Ляховским островам. Автограф, машинопись 5 (1912—1932). Рисунки, эскизы костюмов, декораций к театральным спектаклям «Евгений Онегин», «Борис Годунов» и др. (<1900—1940-е гг.>). Материалы Е. М. Пинегинной (урожд. Севостьяновой): метрическое свидетельство (1901); блокадный дневник, автограф (1941—1942); фотопортрет (1962) и др.

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (1877—1957), писатель. Фонд 256.

Фотокопии рукописных альбомов А. М. Ремизова из Парижского архива писателя (1934—1935). Дарственная надпись А. М. Ремизова от 12 января 1916 г. Н. А. Ремизовой на книге «Мака», 1907. Письма А. М. Ремизова к В. О. Богатко 2 (1946), Г. П. Струве (1930), П. Б. Струве (<1925>).

Фотопортреты: А. М. Ремизова одиночные и с Н. В. Резниковой 6 (1898—<1950>), М. А. Ремизова (б. д.), М. А. Ремизовой (урожд. Найденовой) (б. д.), С. П. Ремизовой-Довгелло (Довгелло) 21 (1883, б. д.), М. М. Самойлович (урожд.

Ратькова) (б. д.), П. И. Довгелло 2 (<1863>, б. д.), Л. Е. Ковалевского (б. д.), А. Н. Довгелло 3 (б. д.), И. Н. Самойловича (б. д.), Е. П. Довгелло 3 (б. д.), Л. П. Довгелло (1897), С. П. Довгелло 2 (1909—1913), Н. А. Ремизовой 22 (1904—1938, б. д.), Б. Б. Бунич-Ремизова (1922). Письма к Б. Б. Бунич-Ремизову В. Б. Сосинского (1965), А. В. Сосинского (1971), Н. В. Резниковой (1969). Публикации и статьи о А. М. Ремизове Г. Вашкелевич, Л. Флейшмана, Р. Хьюз, О. Равеской-Хьюз, В. Ф. Маркова, Е. Синани-Мак Леод. Ксерокопии (1981—1987).

СОЛОГУБ (наст. фам. Тетерников) Федор Кузмич (1863—1927), писатель. Фонд 289.

Фрагмент рассказа «Полоски». Автограф (1923). Фрагменты перевода Ф. Сологуба поэмы «Мирея» Ф. Мистралья. Автограф (1924). Выписка из школьного журнала рукой Ф. Сологуба (б. д.). Книга А. Сологуб-Чеботаревской «Женщина накануне революции 1789 года» (Пг., 1922) из библиотеки Ф. Сологуба.

ФОРШ (урожд. Комарова) Ольга Дмитриевна (1873—1961), писательница. Фонд 732.

Фотография О. Д. Форш в группе с М. С. Довлатовой и неустановленным лицом (б. д.).

ЦЯВЛОВСКИЙ Мстислав Александрович (1883—1947), историк литературы, пушкинист. Фонд 387.

Письма Т. Г. Цявловской к М. П. Султан-Шах 26 (1953—1963).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

ДИТЕРИХС Константин Александрович (1824—1899), генерал, участник Кавказской войны, сын А. И. Дитерихса.

Фотографии Дитерихсов: Константина Александровича и Ольги Иосифовны (1861); Ольги Константиновны (в замужестве Толстой) и Анны Константиновны (в замужестве Чертковой) (1906); Андрея Александровича (1930-е гг.) и др. Краткая семейная хроника «Дитерихсы в XIX столетии», составленная А. А. Дитерихсом. Автограф (1974). Письмо А. А. Дитерихса главному редактору БСЭ А. М. Прохорову по вопросу родословной Дитерихсов (1974).

КАРСАВИН Лев Платонович (1882—1952), русский мыслитель, философ.

Статьи «О так называемом бессмертии души», «О логосе», автограф (<1951—1952>; б. д.). Глава 6-я «Объединение человечества в культурах древнего Востока» неоконченного труда по истории Греции и Востока. Автограф (<1940-е гг.>). Документы, связанные с арестом И. Л. Карсавиной: надзорная жалоба Л. П. Карсавина Генеральному прокурору СССР, заявление Л. П. Карсавина министру Государственной безопасности Литовской ССР, протокол обыска и др. (1948—1949). Письмо Л. П. Карсавина С. И. Вавилову (1948). Письма к Л. П. Карсавину Н. М. Алексеева (1933), С. И. Вавилова 2 (1948—1949), Мартина (Martin) (1925), Т. С. Франк 2 (1934). Письмо к Л. Н. Карсавиной А. С. Франка (1935). Письмо к И. Л. Карсавиной К. Г. Волковой (1971).

ЛЕВИН Юрий Давыдович (1920 г.р.), историк литературы.

Воспоминания Ю. Д. Левина о Б. В. Томашевском. Автограф (1985).

МАРШАК Самуил Яковлевич (1887—1964), поэт, переводчик.

Письма С. Я. Маршака к Л. В. Качмарчик (1962), А. Л. Липовскому (1907).

НЕКРАСОВ Виктор Платонович (1911—1987), писатель.

Письма к Н. С. Мотовиловой В. П. Некрасова 3 (1969—1974), З. Н. Некрасовой 114 (1947—1966), С. Н. Мотовиловой 24 (1957—1966). Письмо К. И. Чуковского к С. Н. Мотовиловой, копия, рукой С. Н. Мотовиловой (б. д.).

РЕПИН Илья Ефимович (1844—1930), художник.

Фотографии И. Е. Репина одиночные и в семейном кругу 3 (1924—1929). Письмо И. Е. Репина к Л. П. Карсавину (1923). Фотографии и письма Т. И. Репиной-Язевой к Л. Н. Карсавиной 36 (1930—1938). Письмо И. Л. Карсавиной к директору Института живописи им. И. Е. Репина с элементами воспоминаний и сведениями о судьбе некоторых картин и рисунков И. Е. Репина (1990).

СИМОНОВ Константин (Кирилл) Михайлович (1915—1979), писатель.

Письмо К. М. Симонова к Л. В. Качмарчик (1963).

СКАЛДИН Алексей Дмитриевич (1885—1943), писатель.

Фотопортреты: А. Д. Скалдина 5 (1922—1938), Э. Скалдиной (урожд. Бауман, в 1-м браке Вальтер) 6 (1922, б. д.), Р. Вальтера 2 (1907, б. д.). Фотокопии портретов А. Д. Скалдина, Э. Скалдиной работы неустановленного художника (б. д.). Письмо Г. М. Берковского к Н. К. Гринберг (1992).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ деятелей революционного движения в России. Том 3, вып. 3 (буква — К), (<1933>), корректура.

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОПОРТРЕТОВ деятелей литературы и искусства:

Н. П. Акимова, И. Л. Андроникова, П. Г. Антокольского, А. А. Ахматовой, П. П. Бажова, О. Ф. Берггольц, В. М. Васнецова, И. Я. Гинцбурга, В. А. Десницкого, М. А. Дудина, В. Е. Евгеньева-Максимова, В. П. Катаева, В. К. Кетлинской, А. П. Кешокова, И. С. Козловского, Е. П. Корчагиной-Александровской, В. Н. Кузнецова, К. Ш. Кулиева, А. П. Лазаревой, С. Я. Маршака, О. К. Матюшиной, Л. В. Маяковской, А. И. Менделеевой, С. В. Михалкова, С. С. Орлова, Е. А. Островской, Л. И. Ошанина, В. Ф. Пановой, К. Г. Паустовского, Б. Б. Пиотровского, Б. Н. Полевого, В. А. Рождественского, Р. И. Рождественского, К. М. Симонова, Я. В. Смелякова, И. С. Соколова-Микитова, Н. С. Тихонова, Л. В. Успенского, К. А. Федина, А. Б. Чаковского, Н. К. Черкасова, К. И. Чуковского, М. С. Шагинян, В. Б. Шкловского, Д. Д. Шостаковича, И. Г. Эренбурга (1932—1979, б. д.). Фотограф Н. П. Карасев.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. Т. см. Толстой А. Н.
 Абельяр П. 122
 Абрамович Н. Я. 221, 222
 Август, цезарь 124, 125
 Аверьянова Л. И. 405, 406, 427
 Аврелий см. Брюсов В. Я.
 Агамалян Л. Г. 36, 43, 48, 65, 67, 75
 Аглаофам, учитель Пифагора 270
 Агурский М. 401
 Адамович Г. В. 398, 401
 Адан Ж. 150
 Адансон М. 80
 Азадовский К. М. 233, 252, 330, 427
 Азадовский М. К. 96
 Айзберг И. С. 280
 Акимов Н. П. 467
 Аксаков И. С. 131
 Аксаков Н. П. 142
 Аксаков С. Т. 25
 Аксенов И. 428
 Александр I, русский император 66, 459
 Александр II, русский император 152
 Александр III, русский император 136, 206
 Алексеев А. Д. 210, 212—214, 216, 219, 220, 221, 224, 232, 234, 236
 Алексеев В. М. 341, 342, 348, 349, 353, 363, 379, 380, 383, 395, 400
 Алексеев В. С. 403—430
 Алексеев М. П. 28, 32, 358
 Алексеев Н. В. 407, 430
 Алексеев Н. М. 466
 Алексеев Н. С. 464
 Алексеев П. А. 93, 94
 Алексеев С. А. (псевд. Аскольдов) 238, 250, 265, 404, 407, 418, 419, 426—428, 430
 Алексеева А. Н. см. Иванова А. Н.
 Алексеева Ал. С. 403, 404, 420, 421, 427, 429
 Алексеева Ант. С. 404
 Алексеева (урожд. Голдобина) Е. М. 265, 419
 Алексеева (в замуж. Фельснер) М. С. 404
 Алексеев-Аскольдов С. А. см. Алексеев С. А.
 Алексеевы 420, 421
 Алексей, митрополит Московский 455
 Аллен Л. 380
 Аллоя В. 269
 Альпиони (Альпиони) П. 69, 70
 Альбединская (урожд. Долгорукая) А. С. 152
 Альтман М. С. 241, 242, 251, 252, 254, 258, 277, 281, 283, 285, 290, 293, 295
 Альтман С. С. 299
 Алянский С. М. 268
 Алянчиков Н. 215, 216
 Амвросий (Амбросий) Оптинский (в миру Гренков А. М.), иеросхимонах 449, 456
 Амвросий, архиепископ 459
 Амундсен Р. 383
 Анахарсис, скиф 63
 Андерсен Г.-Х. 366, 382
 Андреев В. Л. 418, 419, 428, 429
 Андреев Л. Н. 25, 166, 210, 211, 428
 Андреевский И. Е. 334
 Андроников И. Л. 467
 Андрусон Л. И. 220—222, 232
 Аничков Е. В. 4, 200, 238, 250
 Анненков П. В. 25
 Анненков Ю. П. 350, 359
 Анненский И. Ф. 247
 Аннунцио Габриеле см. Д'Аннунцио Габриеле
 Антокольский П. Г. 467
 Антуан А. 134
 Ардов Т. 212
 Аренский А. С. 212

* Составила Зародова Л. Д.

- Аретин (Аретино) П. 64
 Аристофан, древнегреческий драматург 282, 310
 Арсеньев К. К. 207, 211
 Арсеньева С. А. 240
 Артамонова З. 36
 Аскольдов С. А. см. Алексеев С. А.
 Аскольдовы 265
 Асланова Г. Д. 118, 135
 Астафьев В. П. 464
 Афанасий (Захаров), старец 450, 456
 Ахматов М. Н. 218, 229
 Ахматова А. А. 341, 348, 352, 361, 377, 379, 383, 389, 405, 467
- Багно В. Е. 382**
 Багратион-Мухранский К. 231
 Багрий А. В. 276, 277
 Бадаев А. Е. 345, 356
 Баевская Е. 299
 Бажов П. П. 467
 Байков Е. И. 254
 Байрон Д. 125, 128, 143, 145, 283, 380, 398
 Бакунин А. М. 33—37, 43—51, 54, 56, 61, 63—65, 67, 70, 75, 79, 82, 89, 92—94
 Бакунин П. В. 48
 Бакунина (урожд. Мышецкая) Л. П. 48
 Бакунины 43, 44
 Балонов Ф. 290
 Балсали И. (Бальзамо И.) см. Калиостро
 Балзак О. 248, 253, 374, 385, 387, 401
 Бальи-Конт 231
 Бальмонт К. Д. 25, 167, 175, 177, 178, 194, 196, 220, 244, 247, 252, 297
 Бамдас М. 398
 Банга Г. 359
 Баньковская М. В. 380
 Баратынский (Боратынский) Е. А. 97, 307, 389
 Барбе д'Оревилли Ж.-А. 240
 Барреси М. 398
 Барсов А. В. 61
 Бартковский 419
 Бархудов 324, 325
 Баскаков В. Н. 101
 Баскер М. 400
 Басмановы, опричники времен Ивана Грозного 137
 Батюшков К. Н. 25
 Батюшков Ф. Д. 180, 196, 283, 284, 285, 342
 Бауман Э. К. см. Скалдина Э. К.
 Бах И.-С. 397
 Бахрушин А. А. 255, 326, 335, 338, 340
 Безбородко А. А. 34, 36, 51
 Беккария Ч. 67, 69, 71
 Белинский В. Г. 6, 20, 126
 Белкин В. П. 300
 Белоброва О. А. 464
 Белоус В. Г. 20, 325
 Бельй А. (псевд., наст. фам. Бугаев Б. Н.) 20, 238, 239, 248, 253, 290, 325, 329, 420
- Белявский Н. Ф. 405, 406
 Бенкендорф А. X. 63
 Бенау А. Н. 402
 Бенау П. 359
 Беранже П.-Ж. 384
 Берггольц О. Ф. 467
 Бергер Г. 240
 Бёрд Р. 250, 255, 267, 270, 272, 289
 Бердяев Н. А. 160, 165, 169, 170, 186, 192, 194—196, 199, 200, 202—204, 238, 239, 251, 324, 338
 Берковский Г. М. 467
 Берковский Н. Я. 382
 Берлизова А. Н. см. Чеботаревская А. Н.
 Бернштейн И. И. см. Ионов И. И.
 Берта Петровна, знакомая Ремизова А. М. 194
 Бертельс Е. Э. 380, 395, 401
 Бессонов Б. Л. 464
 Бётлинг О. Н. 108, 109
 Билибин И. И. 126
 Билфельд (Билфелд, Билфиллд) Я. Ф. 61
 Бишток Э. Л. см. Вейнбаум Э. Л.
 Бирман Ю. Е. 464
 Бисмарк О. 137
 Бласс Ф.-В. 282, 284
 Блок А. А. 251, 252, 254, 294, 330, 341, 342, 348, 353, 355, 359, 360, 388, 392, 395, 398, 400, 401, 403, 404, 419, 420, 425, 426, 428—430
 Блок Г. П. 135
 Блюменау Е. М. 356
 Бобреев В. Ю. 398
 Богатко В. О. 465
 Богданов А. П. 465
 Богданович А. И. 165, 166
 Богданович И. Ф. 207
 Богомолов М. А. 465
 Богомолов Н. А. 251, 252, 271
 Бодлер Ш. 166, 168, 179, 181, 247, 251, 380, 400, 401
 Бодрова А. А. 354
 Бодылевская И. В. 464
 Боженко К. Н. 405, 426
 Боков В. Ф. 464
 Болтин И. Н. 56, 57
 Бонгард-Левин Г. 255, 281, 284
 Бонч-Бруевич В. Д. 459
 Боратынский Е. А. см. Баратынский Ш. А.
 Боргезе Симоне Кафарелли, кардинал 51, 286
 Борисов Л. И. 352, 354, 359, 430
 Борисов П. И. 133, 150
 Борисоглебский М. В. 405—407, 427
 Бородай М. М. 189
 Бородин А. П. 279, 282, 397
 Борромео, род 50
 Боткин В. П. 125, 126, 138, 146, 147, 149, 150
 Боткин Д. П. 137, 138, 144, 145
 Боткина М. П. см. Фет М. П.

- Бравич К. 189, 197, 198
 Бракко Р. 385
 Браудо Е. М. 358, 391, 397
 Браун А. Л. 405, 426
 Браун Н. Л. 405, 426
 Браун Ф. А. 342, 358
 Брезето 69
 Бренна В. 92
 Бренсон Т. 293, 295
 Бродский Н. Л. 427
 Брокгауз Ф. А. 285, 291, 293, 334
 Брусов М. Я. 357
 Брюсова О. А. 357
 Брюсов В. Я. 3, 13, 161—163, 165—171, 173, 175—177, 181—183, 185, 187—189, 191, 195—197, 200—204, 206, 213, 225—227, 257—259, 287, 290, 294, 398
 Брюсова И. М. 290
 Буачидзе Г. С. 251
 Бубнов Н. 313, 321
 Бугаев Б. Н. см. Белый А.
 Будкевич Н. А. 168
 Букреева Е. А. 427
 Булгаков С. Н. 195, 196, 202—204
 Бунин И. А. 25, 260
 Бунич-Ремизов Б. Б. 170, 466
 Бурачек С. А. 112
 Буренин В. П. 219
 Бурже П. 151, 152
 Бурлюк Д. Д. 178, 179, 182, 184—186, 188
 Бурлюки 178
 Бурлюк-Кузнецова Л. Д. 178
 Бутягина А. М. 271
 Бутягина В. А. 271, 427
 Бутягина-Розанова (урожд. Руднева) В. Д. 271
 Бутягины 270
 Бычко 231
 Бьерсон Б. 173

 В-ий Л. 236
 Вавилов С. И. 466
 Вагнер Н. П. 405, 426
 Вагнер Р. 397, 400
 Вадимов А. см. Цветков А. Р.
 Вайс Д. Л. 262
 Валуев Д. А. 97, 100, 101, 107, 109—111, 113
 Вальдеси 399, 400
 Вальтер Р. 467
 Вальтер Э. К. см. Скалдина Э. К.
 Варковицкая Л. М. 352, 354, 359
 Варгон Э. 51
 Василевская (псевд. Дніпрова Чайка) Л. А. 169, 170, 188
 Василий Великий, преподобный, архиепископ Кесарии Каппадокийского 447, 456
 Васильева Е. И. 380
 Васко, аббат 47, 67, 68, 71
 Васнецов В. М. 174, 467
 Вассерман Я. 373, 386

 Ватеркейн Х. Б. 113, 114
 Ватрослав Кр. см. Крачковский И. Ю.
 Ватсон (урожд. Де Роберти де Кастро де ла Серда) М. В. 405
 Вахтель М. 265
 Вацуро В. Э. 358
 Вашкелевич Г. 464
 Вашкелевич Х. 466
 Введенский А. И. 403, 405, 418—421, 423, 425, 426, 428, 429
 Вебер Г. К. 465
 Вебер К. М. 400
 Вебер М. В. см. Якунчикова М. В.
 Вейнбаум (урожд. Биншток; псевд. Э. Львова) Э. Л. 367, 382, 383
 Вейо М. 387
 Векилова Е. Д. см. ЭРН Е. Д.
 Венгеров В. С. 464
 Венгерова С. А. 202, 212, 214, 221, 224, 232, 236, 263, 283—285, 293, 294, 389, 464
 Венгерова З. А. 388
 Венгерова Н. В. 464
 Вера Константиновна, великая княгиня, королева Вюртембергская (Виртембергская) 231
 Вера Яковлевна, свояченица Сегалья С. Л. 176, 194, 195
 Вергилий, древнеримский поэт 122, 130—132
 Вержен Ш.-Г. 67
 Верлен (Верлэн) П. 202
 Вернер Г. 398
 Верроккьо А. 385
 Верфель Ф. 388
 Верхарн Э. 181, 182, 187
 Верховский Ю. Н. 239, 250, 385, 371, 406, 427
 Веселкова-Кильштетт (Кильштетт) М. Г. 233
 Веселовский А. Н. 201, 464
 Вечорка Т. 307
 Виардо П. 464
 Вилинская М. А. см. Марко Вовчок
 Вильгельм I, германский император 137
 Вильгельм П Гогенцоллерн, германский император 135, 137, 210
 Вильгельм И. И. 359
 Вильданова Р. И. 268
 Вилье де Лиль-Адан Ф.-О.-М. 187, 202
 Вилькина Л. 192
 Вильчинский В. П. 460
 Виндельбанд В. 170
 Виноградов П. Г. 241
 Виноградова Е. В. 32
 Витковский В. 307
 Владимир Анатольевич 194
 Владимирцов Б. Я. 342, 349, 379
 Вогюэ Э. М. 32, 115, 116, 123—128, 133, 134
 Вознесенская Л. А. 281
 Вознесенский А. С. 197, 198

- Вознесенский Н. Н. 281
 Волков Н. Д. 161, 200
 Волков П. Н. 405, 426
 Волкова К. Г. 466
 Волковьский Н. М. 348
 Волошин М. А. 239, 244, 250, 261, 465
 Волошинов В. Н. 427
 Вольнский А. Л. (наст. имя и фам. Х. Л. Флексер) 192, 342, 348, 350—352, 358, 359, 368, 373, 381, 385—387, 391, 392, 397
 Вольта А. 69, 70
 Вольтер М.-А. 48, 61, 74, 401
 Вольфрум Ф. 397
 Волюшка см. Пропп В. Я.
 Воронов В. И. 319
 Врангель Ф. П. 110
 Вундт В. 397
 Выгодский Д. И. 376, 384, 385, 388
 Вяземский Афанасий, опричник времен Ивана Грозного 135, 137, 140
 Вяземский П. А. 207
 Гавриил Константинович, великий князь 231
 Гальвани Л. 69
 Галкин Ю. Ф. 431
 Гальдос Б.-П. 382
 Гальковский Н. М. 218, 232
 Гальм, доктор 232, 233
 Гальперин М. П. 427
 Гальперин-Каминский И. Д. 134
 Гамсун К. 194
 Ганзен А. В. 177, 375, 392, 393, 348, 366, 382, 387, 388, 400
 Ганка В. 100—104, 106
 Ганчиков Л. Я. 307
 Ганчикова Д. 307
 Гарбов Н. М. 146, 147
 Гарборг А. 240
 Гард Н. А. 465
 Гаршин А. В. 464, 465
 Гаршин В. Г. 465
 Гаршин В. М. 465
 Гаршин Е. М. 465
 Гаршина Е. Д. 465
 Гаршины 465
 Гаспаров М. Л. 289, 401
 Гауптман Г. 198, 168
 Гауфф В. 397
 Гваданы 69
 Гейне Г. 368, 388, 400
 Гельвеций К.-А. 61, 65, 74
 Генералова Н. П. 115
 Георг Л. В. 418—420, 422, 428, 429
 Георгий, король Греции 226
 Гердер И.-Г. 381, 388
 Герман, преподобный, соловецкий чудотворец 446, 456
 Геродот, древнегреческий историк 282
 Герцен А. И. 48, 97, 103, 149, 384
 Герцык Е. К. 239, 244, 252, 280
 Герцык А. К. 280
 Гершензон (урожд. Гольденвейзер) М. Б. 270, 328, 335—337, 340
 Гершензон М. О. 244, 250, 252, 253—255, 260, 264, 269, 270, 274, 275, 324, 328, 329, 335
 Гершензон-Чегодаева Н. М. 252
 Гершензоны 270, 274, 277
 Гете И.-В. 131, 133, 242, 247, 277, 282, 284, 308, 337, 388, 397, 400
 Гётц Л. К. 214, 215
 Гидони Г. И. 392, 398
 Гизо Ф. 122
 Гиллельсон М. И. 277
 Гильомен Э. 240
 Гиндин С. И. 294
 Гинцбург И. Я. 467
 Гиппиус В. В. 358, 388
 Гиппиус З. Н. 6, 25, 201, 202, 377, 389
 Гиро П. 240
 Глафира Васильевна, тетя Шергина Б. В. 455
 Глебова М. М. 189
 Глинка С. Н. 103
 Глумов А. Н. 48
 Гнедич Н. И. 207, 263
 Гнесин М. Ф. 279, 280, 286
 Гоголь Н. В. 8, 22, 28, 97, 98, 104, 108, 114, 120, 146, 147, 310
 Гойя Ф. 182
 Голдобина Е. М. см. Алексеева Е. М.
 Голдобина Т. Н. 426
 Голенищев-Кутузов А. А. 207, 224—229
 Голенищев-Кутузов И. Н. 294
 Головин А. Я. 285
 Голохвастов Д. П. 148, 149
 Голубева О. Д. 354
 Голубкина А. С. 338
 Гольденвейзер А. Б. 279, 280, 286, 328
 Гольденвейзер М. Б. см. Гершензон М. Б.
 Гольденов П. Л. 357
 Гольдони К. 381
 Гольдшмидт М.-А. 383
 Гомер (Омер), древнегреческий поэт 97, 263, 282, 284, 285
 Гонзага П.-Г. 53
 Гонкур Ж. и Э. 358, 359
 Гончаров И. А. 24, 207
 Гораций, древнеримский поэт 116, 117, 122, 273, 275
 Горбунов К. А. 126
 Горлин А. Н. 294
 Городецкий С. М. 247
 Горохова Р. М. 399
 Горький М. (псевд., наст. фам. Пешков А. М.) 165, 166, 183, 184, 253, 287—289, 291, 341, 342, 348, 350, 352—355, 359, 386, 392, 395, 400—402
 Готье Т. 380, 398, 401
 Гофман Э.-Т.-А. 283, 285, 310, 397, 400
 Гофмансталь Г. 187 240

- Гоцци К. 381, 383, 400
 Грановский Т. Н. 97, 102, 103, 125, 126
 Грачева А. М. 22, 153, 193, 196, 464
 Гревс И. М. 281, 323
 Грёгер В. Е. 307, 313
 Греем Ш. 400
 Грэф В. 101, 108, 113
 Гречанинов А. Т. 212, 279, 280
 Гречанинова (в первом браке Средина) М. Г. 279, 280, 339
 Гречишкин С. С. 168
 Гржебин З. И. 20, 248, 254, 262, 263, 342, 354, 359, 379, 385, 397, 402
 Григорий Талицкий, раскольник 440, 455
 Григорович Д. В. 125, 126, 137, 138, 152
 Григорьев А. Д. 460
 Григорьев Ап. А. 146, 147
 Григорьев Б. 402
 Григорьев В. 211
 Грильпарцер Ф. 388
 Гримм, братья 240
 Гринберг З. Г. 266, 267, 269, 348, 356, 357
 Гринберг Н. К. 464, 467
 Грифцов Б. А. 277
 Грот Н. Я. 142
 Грот Я. К. 54
 Грузинский А. Е. 262, 263
 Груша, монахиня 334
 Грушко (в первом браке Маркова, во втором — Островская) Н. В. 366, 382
 Грякалова Н. Ю. 380
 Губер П. 398
 Гудзий Н. К. 250
 Гуковский Г. А. 48
 Гуляев А. Д. 290
 Гуляева Л. А. 287, 290
 Гуляевы 290
 Гумилев Д. С. 387
 Гумилев Н. С. 213, 220, 233, 341, 342, 348, 353, 354, 358, 359, 373, 379, 380, 386—388, 392, 394, 398—401, 403, 404, 420, 421, 424—427, 429, 430
 Гумилева (урожд. Энгельгардт) А. Н. 405, 427
 Гуревич Л. Я. 348
 Гуревич Я. Г. 465
 Гурлянд В. А. 223, 224, 269
 Гурмон Р. 202
 Гуров Н. В. 380, 381
 Гуров П. И. 464
 Гусейнов Г. Ч. 270
 Густав II Адольф, король Швеции 56
 Гуфелинд Х.-В. 58
 Гфеллер У. 288, 299
 Гюго В. 25, 26, 123—125, 130, 241, 387
 Гюго Ф.-В. 130
 Гюго Ш. 129, 130
 Гюисманс Ж.-К. 202
 Гюнтер И. 239, 330
 Д'Эсте И., кардинал 50
 Д'Амелия Антонелла 163, 269
 Д'Аннунцио Габриеле 166, 294, 383, 399
 Давиденкова В. С. 388
 Давыдов В. Н. 25
 Даль В. И. 158, 167
 Даманская А. Ф. 175
 Дамиани Е. 306
 Данзас (псевд. Николаев Юрий) Ю. Н. 396, 401
 Данилевский А. А. 20, 21, 204
 Данилов М. 46, 48
 Данилова И. Ф. 204
 Данте А. 180, 181, 273, 275, 285, 291, 294, 320, 323, 383, 401
 Данько Е. Я. 406, 427
 Двигубский И. А. 102, 103
 Де Линь 162
 Дебес И. 383
 Дегтеревская Н. И. 336, 338
 Дегтеревский (Дегтяревский) И. М. 267, 269, 270, 299, 300, 322—324, 326, 327, 332, 335, 336, 338
 Дегтеревские (Дегтяревские) 266, 271
 Делиль Ж. 52, 55
 Дельвиг А. А. 97, 389
 Делянов И. Д. 142
 Денике Ю. П. 266, 268, 270
 Денина Д.-К. 67, 69, 70
 Державин Г. Р. 33, 36, 54, 207
 Десницкий В. А. 467
 Дешарт О. см. Шор О. А.
 Дидро Д. 68, 400
 Дитерихс А. А. 466
 Дитерихс А. И. 466
 Дитерихс (в замуж. Черткова) А. К. 466
 Дитерихс К. А. 466
 Дитерихс О. И. 466
 Дитерихс (в замуж. Толстая) О. К. 466
 Дитерихсы 466
 Дичаров З. 389
 Дмитренко А. Л. 398, 403, 428, 429
 Дмитриев Д. В. 385
 Дмитриев И. И. 207
 Дмитриев Н. П. 405, 426
 Дмитрий Иванович, знакомый Иванова Вяч. И. 267, 269
 Дніпрова (Днипрова) Чайка см. Василевская Л. А.
 Добкин А. И. 426
 Довгелло А. Н. 466
 Довгелло Е. П. 466
 Довгелло Л. П. 466
 Довгелло П. И. 466
 Довкелло, семья 157, 170
 Довкелло С. П. см. Ремизова-Довгелло С. П.
 Довлатова М. С. 466
 Догель А. С. 342
 Доде (Додэ) А. 141, 384
 Долгорукая А. С. см. Альбединская А. С.
 Долгорукая (светлейшая кн. Юрьевская) Е. М. 152

- Долгоруков И. М. 36
 Долинин А. А. 379, 380, 397
 Достоевский Ф. М. 20, 119, 120, 128, 238, 267, 273—275, 292, 295, 314, 315, 320, 323, 324, 420
 Дош М. 312
 Драшусова Е. А. см. Карлгоф Е. А.
 Драшусов 113
 Дриберюс М. 241
 Дрожжин С. Д. 217, 218, 229
 Друскин М. С. 428
 Друскин Я. С. 419, 420, 425, 428
 Друскина Л. 428
 Дубкин В. В. 294
 Дубровин Р. 384
 Дубровский А. В. 32
 Дудин М. А. 467
 Дымшиц В. А. 251, 285
 Дымшиц-Толстая С. И. 244
 Дьякова М. А. 48
 Дьяковы 33
 Дьячкова Е. Б. 464
 Дэвидсон П. 294, 295
 Дюкан М. 117
 Дюкова А. Н. 189
 Дюма А. 134
 Дюма Ш. 286, 288

 Евгеньев (наст. фам. Рапгоф) Б. Е. 391, 397, 398
 Евгеньев-Максимов В. Е. 467
 Еврипид (Эврипид), древнегреческий драматург 282, 334
 Евстигнеева А. Л. 274
 Егорова 176
 Екатерина II, русская императрица 56, 61, 63, 65—68, 74, 75, 136, 257, 258
 Елагин Ю. Б. 154, 161
 Елеазар Анзерский, преподобный 443, 455
 Елизавета Маврикиевна, великая княгиня, принцесса Саксен-Альтенбургская 214, 227, 231
 Елизавета Петровна, русская императрица 56
 Елло Э. 387
 Емельянов Ю. Н. 161
 Енсен П.-А. 162, 163
 Ерастова Л. В. 96
 Ефрем Сирин, преподобный 447, 456
 Ефрон И. А. 285, 291, 293, 334
 Ефрон С. 19
 Ещбоев С. (С. Поляков) 198

Жаксон 68
 Жамма Ф. 240
 Жемчужников А. М. 207
 Жемчужников М. 218, 219 232
 Жером, братья 240
 Жидкова С. Л. 152
 Жирмунский В. М. 285, 359
 Жуковский В. А. 97, 101, 104, 114, 142, 201, 207, 263, 383
 Жуковский В. Г. 217, 218, 219
 Жуковский Д. Е. 19, 193, 195, 196
 Журов П. А. 264

 Заборов П. Р. 32, 387
 Заволокин (псевд. Павел Яковлев) П. Я. 365, 381, 382
 Загоскин М. Н. 207
 Зайцев Б. К. 181, 253, 272
 Закревская-Рейх М. 212
 Замакоис М. 253
 Замятин Е. И. 18, 341, 342, 348—351, 353, 355, 358, 359, 365, 379, 381, 385, 388, 389, 396, 397, 401
 Замятина Л. Н. 18
 Замятина М. М. 239, 243, 249, 262, 309, 310, 329—331, 335
 Западов В. А. 48
 Запольская Г. 164
 Зародова Л. Д. 32
 Зарудный С. М. 387
 Заруцкий см. Тышка К. Л.
 Захаров-Мэнский Н. Н. 427
 Зелинский К. Л. 342, 354, 355, 387
 Зелинский Ф. Ф. 279—281, 295, 327, 328
 Зимин М. Я. 353, 394, 400
 Зиновьев Г. Е. (наст. фам. и имя Радомысльский О. А.) 344, 355, 356, 388
 Зиновьев Д. В. 259
 Зиновьев З. Г. 386
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 161, 239, 242—245, 251, 256—259, 270, 297—299, 319, 320, 330
 Зобнин Ю. В. 430
 Золотарев А. А. 426
 Золя Э. 134, 141
 Зоммер Е. Ф. 307
 Зонов А. П. 159, 161, 171, 173, 174, 177, 181
 Зоргенфрей В. А. 341, 348—350, 352, 358, 359, 380, 387, 388, 393, 399, 402
 Зорин С. С. 388
 Зосима Палестинский, преподобный 442, 455
 Зудерман Г. 401
 Зуев А. Н. 458—461
 Зуева А. Н. 459
 Зуммер В. М. 329, 340
 Зуц В. Л. 464

Ибн-Хамдис 380
 Ибсен Г. 156, 173, 187, 375, 388
 Иван IV Грозный, царь 75, 135—137, 140
 Иванов В. К. 404, 418, 426—429
 Иванов Вяч. И. 14, 161, 168, 238—340, 375, 379, 381, 388, 465
 Иванов Г. В. 341, 353, 355, 359, 360, 386, 395, 398, 399, 401, 424, 430
 Иванов Д. В. (псевд. Жан Невсель) 243, 249, 250, 254, 255, 264, 266, 267, 269, 273, 275, 277, 278, 281, 286—288, 290, 292, 296, 298, 299, 303, 304,

- 310, 313, 315, 317, 319, 320, 330—332, 464
- Иванов Е. П. 419
- Иванов П. К. 259, 260
- Иванов С. П. 304
- Иванова (в замуж. Алексеева) А. Н. 405, 407, 427, 430
- Иванова Е. К. 380, 401
- Иванова Л. В. 239, 243, 246, 249, 254, 255, 264, 265, 267, 269, 270, 272—275, 277—281, 284, 286, 288, 289, 292—295, 298—300, 304, 306—308, 315, 320, 324, 329—333
- Иванова Л. Н. 218, 254, 267, 296
- Иванова Т. Г. 206
- Иванова-Шварсалон В. К. 243, 244, 246, 249, 255, 260—262, 265, 267, 269, 298, 303, 310, 329—331, 334, 339, 465
- Иванов-Разумник Р. В. 3—7, 11, 12, 15, 17—20, 22, 23, 325, 329
- Ивановский В. Н. 257, 258, 259
- Ивановы 246, 267, 288, 290, 299, 330, 334
- Ивич-Бернштейн (псевд. Александр Ивич) И. И. 344, 356
- Ивойлов (Княжнин) В. Н. 22
- Игорь Константинович, великий князь 214, 231
- Иерузалим В. 165, 183, 184, 193, 199, 203
- Измалкова В. П. 387, 388
- Ильин (Мальчевский) Н. П. 426
- Ильина А. М. 464
- Ильюнина Л. А. 338
- Инсарская В. Н. 374, 387
- Иоанн Златоуст, преподобный, архиепископ Константинопольский 447, 456
- Иов, иеромонах 440, 442, 455
- Иона, митрополит Московский 455
- Ионов (наст. фам. Бернштейн) И. И. 343, 371, 385
- Ионов Н. М. 203, 204
- Иосиф Яковлевич, родственник Сегаля С. Л. 176, 194
- Ирецкий В. Я. 348, 355, 359
- Иринарх, преподобный 455
- Итин В. 390
- Йенсен Й. В. 383
- К-т М. 215
- Кабановы 281
- Кавелин К. Д. 137
- Казаков А. 354
- Казаков М. Э. 354, 360
- Казанович Е. П. 400
- Калиостро 71
- Калицкая В. П. 406
- Кальвин (Калвин) Ж. 73, 454
- Кальдерон де ла Барка 147, 173, 175
- Калоза 69
- Каляев И. П. 161, 162, 168, 170, 171, 188, 189
- Каменев (псевд., наст. фам. Розенфельд) Л. Б. 283, 285
- Камерон Н. 314, 315
- Камознс Л. 399
- Кампорези П. 51
- Кант Й. 381
- Капнист В. В. 33, 54, 207
- Караджич В. 104
- Каразмин Н. М. 48, 81, 96, 107—112, 207
- Карасев Н. П. 467
- Каратыгин В. Г. 331
- Карлгоф (урожд. Ошанина, во втором браке Драшусова) Е. А. 103, 104
- Карпов Е. П. 348
- Карре Ж.-М. 385
- Карсавин Л. П. 466, 467
- Карсавина И. Л. 466, 467
- Карсавина Л. Н. 466, 467
- Каспрович Я. 180, 182, 183, 188, 197
- Катагошин И. А. 284
- Катаев В. П. 467
- Катков М. Н. 120, 121, 130, 131, 134, 148
- Каткова О. М. 133
- Каткова (урожд. Шаликова) С. П. 133, 134
- Катулл, древнеримский поэт 122, 364, 380
- Кауфман А. Е. 347
- Каухчишвили Н. 323
- Каффи А. 313, 314, 321
- Каченовский М. Т. 102, 103
- Качмарчик Л. В. 464, 467
- Кваренги Д. 34
- Квятковская М. 399
- Кеда А. А. 217
- Кейрош Э. 400
- Келейник см. Крючков Д. А.
- Кетлинская В. К. 467
- Кешоков А. П. 467
- Киплинг Р. 381
- Киреевский И. В. 101, 102, 104, 105, 447, 449, 456
- Киреевский П. В. 96, 97, 99, 100, 101, 103, 105, 106
- Кириллов А. см. Кнорре Г. Ф.
- Кирион, епископ (Садзагеллов Г. И.) 207, 223, 224, 225
- Киселева Е. Г. 459, 460
- Клейст Г. 240, 385, 388, 398
- Клеман М. К. 389
- Клодель П. 385
- Клошников В. П. 130, 131,
- Клячко Л. М. 357
- Книппер-Чехова О. Л. 25
- Кнорре Г. Ф. (псевд. Алексей Кириллов) 266, 268
- Кнорре Ф. Ф., брат Кнорре Г. Ф. 268
- Кнорре Ф. Ф., отец Кнорре Г. Ф. 268
- Княжнин Я. Б. 207, 277
- Кобринский А. А. 275, 426, 428, 429
- Ковалев В. А. 464
- Ковалева Г. 402
- Ковалевский Е. П. 101
- Ковалевский Л. Е. 466
- Ковалевский М. М. 240, 241

- Коган П. С. 255, 289
 Кожебаткин А. М. 253, 335, 338
 Кожевников А. М. 283
 Кожевников В. А. 173, 177, 258
 Козлов А. А. 404, 426
 Козлов П. А. 143, 145
 Козловский И. С. 467
 Козман М. С. 198
 Коломийцов В. П. 357, 394, 400
 Коломийцова-Томашевская Е. В. 400
 Кольридж С.-Т. 401
 Кольцов А. В. 218
 Комиссарова М. И. 405
 Комиссаржевская (Комиссаржевская) В. Ф. 25, 171, 189, 197, 251
 Комовский А. Д. 101
 Комовский В. Д. 96, 97, 98, 100, 106,
 Комовский С. Д. 97
 Кондаков Н. П. 211
 Кондильяк Э.-Б. 61
 Кони А. Ф. 25, 206, 207, 223, 224, 348,
 373, 386, 392
 Конисский (псевд. Конисский-Перебенди О.) А. Я. 188, 189
 Конради В. М. 399
 Константин Константинович, великий князь (К. Р.) 24—29, 32, 135, 136, 139, 142, 144, 145, 147, 150, 206—237
 Константин Константинович, великий князь, сын К. Р. 214, 231
 Концевич И. М. 456
 Копельман З. 385
 Копп И.-Г. 98
 Корещкая И. В. 196, 253, 255, 285, 289
 Корженевская А. С. 428
 Корнель П. 385
 Корнилов А. А. 44, 45, 48, 78, 79, 87, 88, 90,
 Короленко В. Г. 207
 Корф С. Н. 231
 Корчагина-Александровская Е. П. 467
 Корш Е. Е. 106
 Корш Ф. Е. 209, 210, 211,
 Косоротов А. И. 289
 Коссович К. А. 114
 Костомаров Н. И. 224
 Косырева Н. 279, 281
 Котляревская К. Н. 28—32
 Котляревский Н. А. 24, 25, 29—32, 210,
 211, 217, 225, 257, 258, 283, 285
 Котляревский С. А. 258
 Котляревские 28—30
 Котрелв Н. В. 168, 250, 252, 253, 263,
 268, 274, 275, 277, 278, 280, 288, 289,
 295, 326, 328
 Кочеткова Н. Д. 36
 Кошеверов С. 178
 Кравец Л. 192
 Кравцова И. Г. 379
 Краснова И. А. 431
 Крачковский И. Ю. 341, 342, 348, 349,
 351—353, 358, 362, 379—381, 397, 400
 Кремлев В. А. 400
 Крестовский В. см. Хвоцинская Н. Д.
 Кржевский Б. А. 366, 382, 384
 Кривополенова М. Д. 459, 460
 Крөг А. В. 433, 440, 454
 Круазе А. 286
 Крутикова-Абрамова Л. В. 464
 Крылов И. А. 107, 108, 207, 278
 Крылова Г. А. 32
 Крюков А. А. 125, 126
 Крючков (псевд. Келейник) Д. А. 393,
 400
 Ксенофонт, древнегреческий писатель 282
 Куглер Ф.-Т. 105, 106
 Кудрявцев В. Б. 268
 Кузсн В. Э. 122, 364
 Кузмин М. А. 239, 246, 251, 252, 348—
 350, 353, 354, 358, 405
 Кузнецов В. Н. 467
 Кузнецова М. И. 464
 Кузнецова О. А. 293, 299
 Кузьменкова Е. А. 379
 Кузьмина Л. И. 24, 32, 139, 207
 Кукольник Н. В. 98
 Кукушкина Е. Д. 36
 Кукушкина Т. А. 341, 380, 381, 386, 390,
 400
 Кулакова Л. И. 48
 Кулиев К. Ш. 467
 Кулиев М. 276, 278, 280
 Кульвен П. 388
 Куприн А. И. 200
 Куприянов А. П. 464
 Купфер М. Е. см. Левберг М. Е.
 Купченко В. П. 261
 Курбский Андрей 106
 Куртис Е. Р. 320
 Кустодиев Б. М. 398
 Кушнер А. С. 464
 Кушнер Б. А. 373, 386
 Кюи Ц. А. 212
 Кюннер В. А. см. Сутугина В. А.
 Кюфферле Р. 305, 306
 Ла Шап см. Шапп д'Отрош Жан
 Лабутин А. Л. 464
 Лависс 139
 Лавров А. В. 20, 168, 183, 238, 281, 325,
 331, 379, 385, 389, 426, 427
 Лаврова Н. Н. 32
 Ладыхников И. П. 342
 Лазарева А. П. 467
 Лазарева Т. А. 464
 Лазарчук Р. М. 48
 Ламартин А.-М.-Л. 123, 124, 128
 Ламетри Ж.-О. 387
 Лангер Л. Ф. 126
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 33, 36, 48, 50,
 69, 80, 251, 258, 268, 277, 281, 285
 Ларрега Э. 382, 400
 Левберг (урожд. Купфер, в замуж. Ратькова) М. Е. 388

- Левин Д. С. 341, 348, 353, 354, 357, 398
 Левин Ю. Д. 360, 398, 464, 466
 Левина К. 275
 Левинсон А. Я. 342, 350, 358, 396, 401
 Левшин В. А. 46, 48
 Лейхтенберг (Лейхтенбергская, великая княгиня) Д. Е. 386
 Леклер А. 19, 193
 Леклерк Н.-Г. 56, 57
 Леман Г. А. 275
 Лемке М. К. 5, 6
 Ленин (Ленин Н.) В. И. 352, 356, 359
 Ленский В. Я. 406
 Лентовская Л. Д. 404, 418, 421, 426—430
 Леонардо да Винчи 381
 Леонид (Наголкин), послушник 449—451, 456
 Леопольд П, римско-германский император 69
 Лермонтов М. Ю. 25, 307, 318, 389, 407
 Лернер Н. О. 359, 368, 383, 384, 389, 392, 396, 401
 Лесарж Ф. 383, 386—388
 Лесгафт П. Ф. 460
 Лесков Н. С. 20, 461, 462
 Лесман М. С. 252, 285, 331
 Лессен Б. 310
 Летков Е. П. 196
 Лившиц Б. К. 371, 385
 Ликофрон, древнегреческий поэт 242
 Лилина З. И. 355
 Лиль Л. 27, 380, 383, 398
 Лимбах И. 299
 Линденстрем 388
 Линней К. 56, 70, 80
 Липавская Т. А. см. Мейер Т. А.
 Липавский Л. С. 403, 418—420, 425, 426, 428, 429
 Липовский А. Л. 467
 Лифарь С. М. 18
 Лихачев Д. С. 36, 80, 418, 426, 428, 464
 Ло Гатто Г. 306, 311, 314
 Лобач-Жученко см. Марко Вовчок
 Лобека Х.-А. 270
 Логач, товарищ Ремизова А. М. по ссылке 186
 Лозинский Г. Л. 342, 393, 399
 Лозинский М. Л. 348—350, 358, 359, 368, 383, 384, 392, 400
 Ломоносов М. В. 5, 6, 7, 56, 63
 Лондон Д. 381
 Лопатинский Л. Г. 276, 277
 Лопе де Вега 384
 Лосский Б. Н. 420, 429
 Лосский В. Н. 429
 Лосский Н. О. 196, 429
 Лотарев И. В. см. Северянин Игорь
 Лотман Л. М. 47
 Лохвицкая М. А. 213
 Лукан, древнеримский поэт 136
 Луначарский А. В. 186, 269—272, 274, 277, 283, 285, 289, 328, 354, 355, 357
 Львов Н. А. 33—38, 43, 44, 46—51, 58, 63, 69, 80
 Львова Э. см. Вейнбаум Э. Л.
 Любимов Н. А. 131
 Людовик XIV, французский король 74, 130
 Людовик XVI, французский король 68, 255
 Лютер А. 291, 294
 Люций 136
 Ляо Чжай см. Пу Сун Лин
 М. И. 326
 Мадач И. 235
 Маделунг А. А. 161—163, 168, 173, 175, 182, 183, 187, 189, 191, 192, 194—196, 199, 200, 204
 Мазуркевич В. А. 235, 236
 Майзельсом Д. Л. 389
 Майков А. Н. 24, 135—137, 142, 144, 145, 207, 211, 216, 225, 389
 Майков Л. Н. 24, 136
 Макагонова Т. А. 324
 Макарий Оптинский (Иванов М. Н.), иеросхимонах 449, 450, 456
 Маковельский А. 277
 Максимов Д. Е. 20, 239, 251
 Макшеева Н. А. 358
 Малерб Ф. 124
 Малларме С. 258
 Мальшев В. И. 460
 Мальстад Д. 250, 254, 289, 299, 325, 329, 358
 Малюта Скуратов см. Скуратов Малюта
 Мандельштам О. Э. 389, 401
 Манина С. 198
 Манн Г. 240
 Манн Т. 358, 398
 Мануйлов В. А. 254, 277, 281, 290, 297
 Манухина Н. Л. 427
 Маренкова 123, 125, 129
 Мария Федоровна, русская императрица 225
 Мария-Терезия, эрцгерцогиня австрийская 69
 Маркетте В. А. 373, 386, 394, 400
 Марко Вовчок (псевд., наст. имя Вилинская М. А., в первом браке Маркович, во втором Лобач-Жученко) 149, 150
 Марков В. Ф. 358, 466
 Маркова Н. В. см. Грушко Н. В.
 Маркович М. А. см. Марко Вовчок
 Маркс К. 352
 Мармонтель Ж.-Ф. 74
 Марр Н. Я. 224
 Мартин 466
 Мартынова А. Н. 431, 454, 458, 460
 Марциал, древнеримский поэт 122, 132, 151
 Маршак С. Я. 467
 Маслов Г. В. 378, 389

- Матонина Э. 206, 223
 Матюшина О. К. 467
 Маяковская Л. В. 467
 Маяковский В. В. 400
 Медичи Л. 384
 Медичи (Медицисы), род 71
 Мезько Н. П. 224, 227
 Мейер (в замуж. Липавская) Т. А. 420, 425, 426, 429
 Мейер К.-Ф. 355
 Мейерхольд (урожд. Мунт) О. М. 177, 178
 Мейерхольд В. Э. 154, 155, 157—164, 166—168, 170, 171, 173, 174, 178, 179, 183, 187, 191, 194, 196, 198, 200, 203—205
 Мейзфилд Д. 358
 Мейлах М. Б. 426, 428, 429
 Мейринг Г. 381
 Мейснер 115
 Мёллер П. У. 162, 163
 Менделеев Д. И. 460
 Менделеева А. И. 467
 Мендес К. 240
 Менцель В. 97, 98
 Мережковский Д. С. 185
 Мериме П. 124
 Меркурьева В. А. 254, 281
 Меркурьева В. Д. 334
 Месмер 91
 Местер Ж. 386
 Метерлинк М. 166—168, 173, 175, 178, 186, 187, 192, 193, 201, 203, 240, 259
 Метнер Э. К. 248, 249, 253
 Мец А. Г. 379, 401
 Миллер Г. 56
 Миллиор Е. А. 254, 275, 281, 290, 297
 Миль (Миль) Д.-С. 165, 166
 Милотина М. А. 120
 Минин К. М. 64
 Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. 213, 464
 Минцлова А. Р. 239, 244, 260
 Мирабо В.-Р. 64
 Мирабо О.-Г.-Р. 64
 Мистраль Ф. 466
 Михайлов М. А. 161
 Михайловский Н. К. 192
 Михалков С. В. 467
 Модзалевский Б. Л. 387
 Моисей (Мося), знакомый Ремизова А. М. 176, 194, 195
 Молдаванов Н. псевд. Ремизова А. М.
 Молин Т. 382—384
 Молостов Н. Г. 192
 Молчанов А. 430
 Мольер Ж.-Б. 137
 Момберт А. 182, 183
 Монтескье Ш.-Л. 48, 56, 57, 58, 61, 74, 401
 Моор Я. 51, 52
 Мопассан Г. 248, 252, 264
 Моравская М. Л. 260, 261
 Морев Г. 251
 Моро Г. 244, 257, 258
 Морозов А. 461, 462
 Мосалева Г. В. 281
 Мотовилов Н. Н. 464
 Мотовилова Н. С. 467
 Мотовилова С. Н. 467
 Мочалова О. А. 272, 274, 300
 Музатоли 232
 Мультипули (псевд., наст. фам. Деккер Э.-Д) 240
 Мунт Е. М. 168
 Мунт О. М. см. Мейерхольд О. М.
 Мунштейн Л. Г. 253
 Муравьев М. Н. 48
 Муратов П. П. 295
 Муратова К. Д. 464
 Муромцева-Бунина В. Н. 260
 Мусин-Пушкин А. А. 34—36, 40
 Мусоргский М. П. 225
 Муссолини Б. 287, 288, 290
 Мутер Р. 182
 Мушина И. Б. 277
 Мыльников И. А. 331
 Мышцкая Л. П. см. Бакунина Л. П.
 Мюссе А. 148—150, 373, 375, 387, 388, 401
 Мясников А. С. 354, 355
Навуходоносор, вавилонский царь 462, 463
 Нагуевский Д. И. 130
 Надеждин Н. И. 215
 Надсон С. Я. 434, 454
 Назаров Д. 397, 399, 402
 Найденова М. А. см. Ремизова М. А.
 Найденовы 157
 Наполеон Бонапарт, французский император 382
 Нарбекова О. П. 168
 Наталья Васильевна, знакомая Иванова Вяч. И. 323
 Наумова, домовладелица 108
 Некер (Неккер) Ж. 64, 67, 68
 Некрасов В. П. 467
 Некрасов Н. А. 196, 254, 385
 Некрасова З. Н. 467
 Нелидов А. П. 160
 Нельдихен (наст. фам. Нельдихен-Ауслендер) С. Е. 392, 398, 424, 425, 430
 Немирович-Данченко В. И. 25
 Нерон, римский император 136
 Нестеров М. В. 435
 Нечаев В. П. 212
 Нива Ж. 299
 Никитенко А. В. 100
 Никитин И. С. 218
 Никитин П. В. 230, 231
 Николаев Юрий см. Данзас Ю. Н.
 Николаевский Б. И. 254, 299
 Николай I, русский император 28, 104, 130
 Николай Николаевич (Младший), великий князь 232, 236

- Николай II, русский император 207
 Никольская Т. 398
 Нил Сорский, святой 450, 456
 Нилендер В. О. 326
 Нитцше Ф. 198, 247, 320
 Новалис Ф. 247, 388
 Новгородцев П. И. 195
 Новиков Е. П. 120, 121
 Новосильцев А. В. 116, 143, 149
 Новосильцев И. П. 141
 Новосильцев Ю. А. 115, 116, 143
 Новосильцева (псевд. Т. Толычева) Е. В.
 117, 121, 148, 150
 Новосильцева (урожд. Щербатова) М. Н.
 116
 Новосильцева Н. В. 149
 Новосильцева С. В. см. Энгельгардт С. В.
 Новосильцевы 126
 Нордстрем Л. 382
- О-ский В. 215**
 О'Генри 381
 Обатнин Г. В. 254, 280, 296, 299, 328, 338
 Обатнина Е. Р. 3, 20, 161, 162, 164, 166,
 325
 Обер Р. 288, 299
 Оболянинов 63
 Образцов А. В. 389
 Овидий, древнеримский поэт 122, 148
 Одоевцева И. Г. 360, 399, 401
 Ожье Э. 134
 Озаровская О. Э. 459, 460
 Ознобишин Д. П. 465
 Окороков А. З. 357
 Оксенов И. А. 406, 427
 Олег Константинович, великий князь 214,
 231
 Олейников Д. 36
 Ленин А. Н. 44, 45, 46, 72, 74,
 Олимпов К. 407
 Олжиницкая Р. Н. 306
 Олсуфьев А. В. 141, 142, 144, 145, 152
 Ольга Константиновна, великая княгиня,
 греческая королева 24, 225, 226
 Ольденбург С. Ф. 255, 284, 342, 348, 349,
 365, 381
 Онегин (Отто) А. Ф. 31
 Оношкович-Яцын А. И. 341
 Онруда Г. 383
 Орлов М. Н. 128, 129
 Орлов М. Ф. 123
 Орлов Н. М. 122—124, 129
 Орлов С. С. 467
 Орлова (урожд. Раевская) Е. Н. 123
 Орлова О. П. 128, 129
 Орловы 124, 129
 Островская Е. А. 467
 Островская Н. В. см. Грушко Н. В.
 Островский А. Н. 25, 146, 147, 382
 Отто см. Онегин А. Ф.
 Офросимов И. Ф. 142
 Офтердинген Г. 388
- Охотин Н. 118, 138
 Охотин С. 131, 132, 138, 150
 Оцуп Н. А. 341, 348, 353, 359, 364, 367,
 380—382, 391, 392, 397, 399, 401, 425
 Очкин А. Н. 100, 101, 104, 109, 111, 112
 Ошанин Л. И. 467
 Ошанина Е. А. см. Карлгоф Е. А.
- П. Н. 258**
 Павел I, русский император 63, 83
 Павлов М. Г. 102, 103
 Павлова К. К. 398
 Павлова М. М. 250, 325, 332, 385, 427
 Павлова Т. В. 325
 Павлович Н. А. 382
 Павловский И. Я. 134
 Пайман В. 462
 Палей А. Р. 405
 Пальмер В. 107, 109
 Панов В. А. 101—103, 110, 111, 113
 Панова В. Ф. 467
 Панфилова Н. Н. 161
 Паоли Уго 303
 Папини Д. 295, 381
 Парни Э.-Д. 124, 384
 Парнис А. 400
 Парфений, инок 451, 456
 Паскалис М. 70
 Паскаль Б. 118, 119
 Пастернак Б. Л. 388, 406
 Паустовский К. Г. 467
 Пашикова В. Н. 428
 Певцов И. Н. 167, 168
 Пеладана С. 181, 182, 187
 Перельман А. Ф. 291, 293
 Перетц В. Н. 230, 231
 Персий, древнеримский поэт 122
 Персье Ш. 51
 Перцов П. П. 182, 183, 185, 197
 Пестовский В. А. см. Пягт В.
 Петерсон, знакомый Энгельгардт С. В.
 146
 Петина Л. И. 358
 Петр I, русский император 56, 61, 65, 67,
 74, 136, 137, 440
 Петр, митрополит Московский 443, 455
 Петрановский В. П. 430
 Петрарка Ф. 252, 275, 326
 Петров С. Г. см. Скиталец
 Петрова А. М. 261
 Петров-Водкин К. С. 23
 Петросов К. Г. 281
 Пехливанов И. Г. 29—32
 Пехливанова К. И. см. Котлярев-
 ская К. Н.
 Пешков А. М. см. Горький М.
 Пинегин Н. В. 465
 Пинегина Е. М. 465
 Пиньоти 69
 Пиотровский А. И. 398
 Пиотровский Б. Б. 467
 Пирожков М. В. 203, 204

- Пирро Лигорио 50
 Пирумова Н. М. 36
 Писахов С. 459
 Пифагор, древнегреческий философ и математик 270
 Плавский З. И. 384
 Плавт, древнеримский комедиограф 132, 282
 Платон, древнегреческий философ и писатель 270, 277
 Платонов С. Ф. 137
 Плачиди М. 287, 288, 290
 Плетнев П. А. 114
 Пнин И. П. 46
 По Э. 166, 167, 168, 171, 173—175, 179
 Победоносцев К. П. 144, 145
 Погодин М. П. 102, 103, 105, 107, 108, 112—114
 Пожарский Д. М. 64
 Позерн 388
 Познер В. С. 400
 Полевой Б. Н. 467
 Поленц В. 241
 Полибий, древнегреческий историк 282
 Поливанов А. А. 233
 Половцов А. А. 235, 236
 Полонская (урожд. Рюльман) Ж. А. 149, 151
 Полонский Я. П. 24, 29, 136, 139, 142, 144—149, 151, 152, 207, 211—213, 216
 Полонские 152
 Поляков В. С. 428
 Помирчий Р. Е. 251
 Пономарев Б. Н. 459, 460
 Попов А. Н. 108
 Попов В. В. 261
 Попова М. А. 332
 Поповский Г. Я. 427
 Поповы К. и С. 397
 Потехин А. А. 207
 Поярков Н. Е. 257, 259
 Преццолини Д. 292, 295
 Прийма Ф. Я. 134
 Присниц В. 113, 114
 Пришвин М. М. 23
 Прозорова Н. А. 458, 464
 Прокопович Ф. 94
 Проперций, древнеримский поэт 125, 132
 Пропп В. Я. 458, 459, 460, 462
 Проскурина В. 324
 Прохоров А. М. 466
 Пу Сун Лин (псевд. Ляо Чжай; Чжай Ляо) 383
 Пумпянский Л. В. 406
 Пуришкевич В. М. 28
 Пушкарева-Котляревская В. В. 24—26, 28—32
 Пушкин А. С. 8, 56, 97, 114, 123—125, 127, 128, 135, 137, 138, 142, 146, 147, 151, 174, 206, 207, 211, 214, 216—218, 221, 225, 226, 233, 235, 267, 277, 284, 285, 307, 310, 311, 312, 326, 337, 375, 383, 384, 388, 389, 396, 398, 399, 400, 401, 404, 406, 455
 Пушкин И. А. 404
 Пшибишевский С. 155—158, 160—162, 166—169, 171, 175—177, 183, 187—189, 194, 197, 198
 Пяст В. (наст. имя и фам. Пестовский В. А.) 369, 383, 384, 388, 425
 Рабинович Я. 166
 Рабчевский А. Д. 186
 Равинский Д. К. 235, 426
 Радимов П. 389
 Радищев А. Н. 46, 48
 Радлов В. В. 207, 234
 Радлов Н. Э. 358
 Радлов Э. Л. 228, 234
 Радловы 234
 Радченко А. Ф. 234—236
 Раевская Е. Н. см. Орлова Е. Н.
 Раевская-Хьюз О. 254, 299, 466
 Раич С. Е. 103
 Раковский Л. 409
 Рамбо А.-Н. 139, 148, 150
 Рапгоф Б. Е. см. Евгеньев Б. Е.
 Рапгоф Е. П. 397, 398, 400
 Расин Ж. 146, 147, 385
 Раскин Н. М. 36
 Ратгауз Д. М. 212, 213
 Ратькова М. Е. см. Левберг М. Е.
 Ратькова М. М. см. Самойлович М. М.
 Рахиль, родственница Сегалья С. Л. 176, 194
 Рахманинов С. В. 212
 Регаг Анна см. Тагер Е. М.
 Резневич-Синьорелли О. И. см. Синьорелли О. И.
 Резникова Н. В. 465, 466
 Резниковы 172, 196
 Рейтблат А. И. 221
 Рембо Ж.-А. 385
 Рембрандт Х. 398
 Ремизов А. М. 3—7, 9, 11—23, 153—205, 465
 Ремизов Б. Б. 464
 Ремизов С. М. 154, 166, 169, 190, 194, 195
 Ремизова (урожд. Найденова) М. А. 465
 Ремизова Н. А. 187, 199, 201, 203, 204, 465, 466
 Ремизова-Довгелло С. П. 15, 19, 22, 153, 155—157, 158, 163—178, 180—184, 186—199, 201—205, 389, 465, 466
 Ренан Ж. Э. 401
 Ренья А. 382
 Репин И. Е. 29, 467
 Репина-Язева Т. И. 467
 Рерих Н. К. 398, 462, 463
 Рескина Д. 401
 Респиги О. 286, 288
 Ретиф де ла Бретонн Н.-Э. 240, 251
 Решетников А. А. 266
 Решетовская Н. А. 464

- Рильке Р. М. 337
 Римский-Корсаков Н. А. 286, 288
 Рицци Д. 255, 289, 328
 Родэ А. 198
 Рождественский В. А. 341, 353, 359, 360, 387, 389, 391, 398, 401, 425, 430, 467
 Рождественский Р. И. 467
 Розанов В. В. 5, 6, 20, 21, 271
 Розенберг И. А. 428
 Рокотов В. А. 168
 Роллан Р. 381, 383, 388
 Романов Б. 219
 Романовы 206
 Ромэн Ж. 383
 Ронсар П. 383
 Ропс (Робс) Ф. 182
 Росси Э. 69, 70
 Ростан Э. 253
 Ротштейн А. 220
 Рувруа Л. 130
 Рудич В. И. 213, 214, 215, 224, 229
 Руднева В. Д. см. Бутягина-Розанова В. Д.
 Рудницкий К. 161
 Рура Д. М. 354
 Рура Р. В. 341—402
 Руссо Ж.-Ж. 47, 61, 74, 122
 Рыжкина М. Н. 341
 Рюккерт Ф. 101
 Рюльман Ж. А. см. Полонская Ж. А.
 Рюмин, опекун Орловых 129
 Рябушинский Н. П. 18
 Язановский И. А. 4, 21
- Сабанеев Л. Л. 286, 288
 Сабашникова М. В. 22, 298
 Сабашниковы М. и С. 23, 252, 263, 264, 326
 Саблин В. М. 187, 190—192, 195—198
 Савватий преподобный, соловецкий чудотворец 446, 456
 Савина М. Г. 29
 Савинов Б. В. 170, 199
 Савинов С. 253
 Садзагеллов Г. И. см. Кирион, епископ
 Сажин В. Н. 400, 428, 429
 Сазонов С. Д. 235, 236
 Салтыков-Щедрин М. Е. 8
 Самарин Ю. Ф. 102, 141
 Самойлова Е. Л. 326, 329, 338
 Самойлова (в замуж. Фейнберг) Л. И. 276, 277
 Самойлович И. Н. 466
 Самойлович (урожд. Ратькова) М. М. 465, 466
 Сампсониевский Б. 399
 Самэн 182
 Сапицкая М. А. 375, 388
 Сапов В. 255
 Сапрыкин А. 428
 Сарандинаки Н. В. 234—236
 Сарду В. 134
- Сарти Д. 58
 Саути Р. 380, 398
 Сахаров С. И. 275
 Сахновский В. Г. 274, 275
 Светлов А. И. 357
 Свиясов Е. В. 381
 Северянин Игорь (наст. фам. Лотарев И. В.) 400
 Сегал Д. 299, 328, 355
 Сегаль А. Я. 176, 194
 Сегаль Е. С. 176, 194
 Сегаль С. Л. 175—177, 194, 195
 Сегон Д. 198
 Седов Г. Я. 465
 Селивановская, домовладелица 135, 137
 Семанова М. Л. 426
 Семевский В. И. 68
 Семенов А. А. 212, 213, 223
 Сенка Л.-А. 136
 Сенковский О. И. 102, 103
 Сен-Симон Луи де Рувруа 129, 130
 Серафим Саровский, монах 437, 454
 Сербинович 106
 Сервантес С. 382
 Сергеев А. А. 250, 426
 Сергей, преподобный, игумен Радонежский 446, 456
 Серебровская Е. П. 464
 Сибиряков А. И. 188, 189
 Сибор Б. О. 274, 275
 Сидоров Н. П. 427
 Сильверсан Б. П. 359, 374, 379, 387, 395, 401
 Симонов К. М. 467
 Синани-Мак Леод Е. 466
 Синклер Э. 381
 Синьорелли (Резневич-Синьорелли) О. И. 297, 312
 Синявский А. 162
 Сиповский В. В. 465
 Сирион Исаак, святой 450
 Скалдин А. Д. 265, 283, 285, 287, 293, 295, 467
 Скалдина (урожд. Бауман, в первом браке Вальтер) Э. К. 283, 467
 Скимунт С. А. 191
 Скиталец (наст. фам. Петров С. Г.) 166
 Скобелев М. Д. 119, 121, 131
 Скотт В. 388
 Скрыбин А. Н. 298, 319, 331
 Скуратов Малюта, опричник времен Ивана Грозного 137
 Слепцов В. А. 426
 Слонимский М. Л. 430
 Случевский К. К. 210, 211
 Смеляков Я. В. 467
 Смиренский В. В. 405—407, 427
 Смирнов А. А. 359, 369, 382, 384
 Смирнова А. О. 104
 Смит А. 67
 Соболев В. С. 207, 208, 216, 220, 230, 236
 Собреро М. 292, 295

- Соймонов А. Д. 100, 106
Соколов Б. М. 459
Соколов С. 183
Соколова В. А. 168
Соколова М. А. 177, 198
Соколов-Микитов И. С. 467
Соллогуб Н. М. 141, 145
Соллогуб Ф. Л. 140, 141
Соловцов 188
Соловьев Вл. С. 130, 131, 136, 137, 207, 211, 214, 226, 227, 260, 307, 404, 420, 426
Соловьев Вс. С. 214
Соловьев С. М. 131, 137, 214
Соловьева (псевд. Allegro) П. С. 213, 214, 217, 224
Сологуб (псевд., наст. фам. Тетерников Ф. К.) Ф. 3, 8, 185, 239, 249, 255, 281, 287, 290, 298, 299, 324, 325, 332, 333, 340, 341, 348, 349, 352, 353, 355, 359, 371, 372, 374, 385—388, 392, 399, 405, 406, 427, 466
Солонович Е. 384
Соляников Л. 465
Сомов К. А. 22
Сорокин Г. Э. 405, 426
Сосинский А. В. 466
Сосинский В. Б. 466
Софокл, древнегреческий драматург 26, 334
Спалланцани Л. 69, 70
Сперанский М. Н. 438
Спичкина Л. В. 464
Средин А. В. 280
Средина М. Г. см. Гречанинова М. Г.
Сталин И. В. 352
Сталь Ж. 64, 384
Станиславский К. С. 29
Станюкович А. К. 386, 430
Старцев А. И. 46, 48
Стасов В. В. 210
Стасюлевич М. М. 6, 22
Степун Ф. А. 238, 239, 250, 297, 332
Стефаник В. 171, 180—182
Стравинский И. Ф. 29
Страхов Н. Н. 24, 116, 136, 139, 207
Стриндберг А. 155, 173, 176, 177, 187
Строганов С. Г. 102, 103, 110—112
Струве Г. П. 268, 389, 465
Струве П. Б. 465
Струкова Е. П. 357, 359, 374, 387, 399
Субботин С. И. 264
Суворин А. С. 175
Суворов А. А. 119, 121
Суворов А. В. 121
Султан-Шах М. П. 466
Сутугин А. П. 348
Сутугина (в замуж. Кюнер) В. А. 341—402
Сутугина (в замуж. Фитингоф) И. А. 381
Сухомлинов В. А. 229, 230
Сухотина Т. Л. см. Толстая-Сухотина Т. Л.
Сычева Т. П. 459, 460
Сюннерберг (Эрберг) К. А. 386
Тагер (псевд. Анна Перат) Е. М. 352, 354, 378, 389
Тадеуш 156, 157
Тарасов Е. 222
Тарасова Н. А. 430
Таро Ж. 240
Тархова Н. Ф. 154
Тассо Т. 54
Тастевен Г. Э. 260
Татаринов А. В. 36
Татьяна Константиновна, великая княгиня (в замужестве Багратион-Мухранская) 214, 231
Тахо-Годи Е. А. 235
Тацит, древнеримский историк 277
Творогов О. В. 464
Телешёв Н. Д. 166
Теренций, древнеримский комедиограф 387
Терский П. А. 427
Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф.
Тибулл, древнеримский поэт 122
Тиме Е. И. 25
Тименчик Р. Д. 379, 385, 389, 390, 398, 400
Тихонов А. Н. 342, 343, 348, 349, 351, 353, 355, 357—359, 385, 399
Тихонов Н. С. 467
Тихонравов Н. С. 142
Тищенко Ф. Ф. 183
Толстая О. К. см. Дитерихс О. К.
Толстая С. А. 138, 141, 142, 145
Толстая-Сухотина Т. Л. 303, 316, 317, 323
Толстой А. К. 25
Толстой А. Н. 244, 252, 442, 455
Толстой Д. А. 133, 134
Толстой Л. Н. 26, 116, 124, 127, 128, 133, 134, 138, 141, 146, 147, 150, 151, 182, 183, 207, 212, 308, 309, 420
Толстые 152
Томазе С. 25
Томашевский Б. В. 466
Томашевский В. Б. 274, 275
Томпсон Д.-П. 438, 455
Топоров В. Н. 20, 21
Торесен А. М. 383
Тотеш И. А. 178—180, 184, 185, 187, 189
Траншель А. 455
Тривус В. М. 389
Троицкий А. 455
Троицкий В. 354
Троцкий Л. Д. 386
Троцкий С. В. 279, 281
Трошин А. И. 464
Трубешкая М. Г. 218, 232, 233
Трубешкой 196
Трумэн Г. 433, 454
Тукай Г. 389
Тургенев И. С. 25, 119—121, 126, 138, 146—151

- Тургенев Н. Н. 121, 146
Тучапская В. Г. 169, 170, 187, 191, 198, 200
Тынянов Ю. Н. 389
Тышка К. Л. 158, 162, 171—173, 180, 181, 184, 187, 190
Тэн И. 116, 117
Тюленев П. А. 352
Тюлин Ю. Н. 465
Тюлина Е. Л. 464
Тюрго 67
Тютчев Ф. И. 118, 141, 211, 225, 307
- Уваров С. С. 100, 102, 103, 104
Уитни Т. 464
Уланд Л. 398
Ульянов Н. П. 283, 285
Уманский Д. 295
Умников С. Д. 464
Урицкий М. С. 388
Успенский Л. В. 467
Успенский Ф. И. 235, 236
Устинов А. Б. 426, 429
Устинов Б. Э. 205
Уэллс Г. 381
- Фаброни Д. 69**
Файнберг Л. И. см. Самойлова Л. И.
Фалькнер С. 465
Фаминцын А. С. 461, 462
Фаресов А. 221
Фаррер К. 384
Фатхулина Р. 385
Федин К. А. 352, 381, 467
Федорова Е. В. 135
Фейнберг Л. И. см. Самойлова Л. И.
Фельдман О. М. 161, 167
Фельснер М. С. см. Алексеева М. С.
Фенелон де Ла-Мот Ф. С. 74
Феодосий Углицкий, архиепископ Черниговский 451, 456
Феофан, пустынный 455
Фет А. А. 24, 115—152, 207, 211, 213, 214, 216, 225, 307, 401
Фет М. П. см. Шеншина М. П.
Фибих К. 401
Фидлер Ф. Ф. 18
Филарет (Дроздов В. М.), митрополит Московский 451, 453, 454, 456
Филипп (Колычев), митрополит 135, 137, 455
Филиппов Б. 299
Филиппов Н. Ф. 170, 171, 199
Философов Д. В. 6, 184—186, 188, 189, 196, 202
Фитингоф И. А. см. Суругина И. А.
Фишер К. 284, 285
Фишер М. 465
Флейшман Л. 254, 299, 428, 466
Флексер Х. Л. см. Вольнский А. Л.
Флобер Г. 248, 253, 254, 262—265, 358
Флоренский П. А. 330, 432, 453
- Фонвизин Д. И. 207
Фонтана (Фонтен) Д. 51
Фонтана Ф. 69
Фортунатов Ф. Ф. 211
Форш (урожд. Комарова) О. Д. 466
Франк А. С. 466
Франк В. С. 267
Франк С. Л. 265, 267
Франк Т. С. 466
Франко И. 169
Франс А. 240, 383, 384, 443
Франц I, герцог Лотарингский, римско-германский император 69
Фрейман А. А. 380
Фридрих II Великий, прусский король 61, 67, 74,
Фридрих III, германский император 137
Фроман М. А. 408
Фронти А. 253
- Харари М. 323
Харитон Б. О. 359
Хармс Д. 426, 429
Хвольсон О. Д. 342
Хвостов А. Н. 233
Хвостов Н. Б. 220, 221
Хвошинская (псевд. В. Крестовский) Н. Д. 148, 150
Хемницер И. И. 207
Хижинский Л. С. 459
Хитрово Л. К. 32
Хлебников Л. М. 354, 402
Ходасевич В. Ф. 213, 255, 269, 289, 294, 385, 401, 428
Ходотов Н. Н. 32
Холодковский Н. А. 342
Хомяков А. С. 101, 102, 104, 107
Храневич К. И. 182—184, 188, 189
Хьюз Р. 254, 299, 466
- Царькова Т. С. 285**
Цветков (псевд. Александр Вадимов) А. Р. 170, 200
Цертелев Д. Н. 142, 146
Цеткин К. 383
Цукерман 51
Цховреба К. 223
Цюрюпа А. Д. 357
Цявловская Т. Г. 466
Цявловский М. А. 466
- Чаадаев П. Я. 48**
Чайковский П. И. 24, 156, 180, 212
Чаковский А. Б. 467
Чапаев В. И. 461, 462
Чарушников 193
Чеботаревская (урожд. Берлизева) А. Н. 239, 240
Чеботаревская Ал. Н. 238—295, 298—300, 323—329, 331—339
Чеботаревская Ан. Н. 7, 239, 240, 250, 251, 290, 299, 324, 325, 355, 466

- Чеботаревская О. Н. см. Черносивитова О. Н.
- Чеботаревская Т. Н. 255, 332, 333, 335, 339, 340
- Чеботаревский Л. Н. 259
- Чеботаревский Н. Н. 239
- Чеканов К. 464
- Челищев Н. А. 404, 426
- Челищева М. А. 404, 426
- Челищевы 426
- Челпанов Г. И. 195
- Черашней Д. И. 281
- Черкасов Н. К. 467
- Черносивитова (урожд. Чеботаревская) О. Н. 240, 241, 251, 332, 335
- Чернышев В. И. 216
- Чернышевский Н. Г. 165, 166
- Чернявский В. С. 215, 216, 217
- Чертков Л. Н. 388, 398
- Черткова А. К. см. Дитерихс А. К.
- Чехов А. П. 207
- Чехонин С. В. 23
- Чешер, английский спортсмен 420
- Чжай Ляо см. Пу Сун Лин
- Чижов Ф. В. 112, 113
- Чиньи 69
- Чихачев П. А. 108, 109, 110
- Чуваков В. Н. 464
- Чуковский К. И. (наст. фам. и имя Корнейчуков Н. В.) 341, 342, 348, 350—355, 358—360, 374, 387, 392, 398, 401, 402, 425, 467
- Чулков В. Г. 271, 272
- Чулков Г. И. 160, 161, 179, 201, 202, 253, 255, 271, 272, 281, 324, 325, 336, 338
- Чулкова Н. Г. 255, 272, 336, 338
- Шабунин А. В.** 458, 460, 462
- Шабунин В. С.** 458, 460
- Шагинян М. С.** 467
- Шаликова С. П.** см. Каткова С. П.
- Шамисси А.** 101
- Шапп д'Отрош Ж.** 56
- Шатобриан Ф.** 286, 288
- Шафарик (Шафаржик) П.-И.** 100
- Шахматов А. А.** 206—237
- Шахматов Б. М.** 426
- Шаховская, домовладелица** 115, 118, 119, 121, 133, 139, 140
- Шаховской** 231
- Шаховской Ф.** 61
- Шашкова А. Е.** 384
- Шварсалон В. К.** см. Иванова-Шварсалон В. К.
- Шварсалон К. К.** 239
- Шварсалон С. К.** 246
- Шварцбах-Молчанова Е. К.** 427
- Шевеленко И.** 428
- Шевырев С. П.** 99, 100, 102—104
- Шекспир В.** 25, 124, 129, 130, 133, 134, 147, 155, 177
- Шелли П.-Б.** 283, 334
- Шеншин А. А.** см. Фет А. А.
- Шеншина (урожд. Боткина) М. П.** 116—118, 120, 122, 124—127, 129—133, 135, 138—142, 145, 146, 149, 152
- Шенье А.-М.** 384
- Шергин Б. В.** 431, 438, 453—455
- Шереметев Д. Н.** 138
- Шереметев С. Д.** 137, 138
- Шерон Д.** 20, 272, 464
- Шершеневич В. Г.** 358
- Шестов Л. (Шварцман Л. И.)** 203, 204, 269
- Шеффель** 398
- Шидловская, домоуправительница** 100
- Шилейко В. К.** 361, 365, 379, 381
- Шилейко Т. И.** 381
- Шиллер Ф.** 26, 308, 398, 399
- Шилов Ф. Г.** 355
- Ширмаков П. П.** 355
- Шишкин А. Б.** 250, 251, 255, 289, 296, 297, 328
- Шишмарев А. И.** 465
- Шишмарев В. Ф.** 465
- Шишмарев Ф. А.** 465
- Шишмарева А. М.** 464, 465
- Шишмарева Т. В.** 464, 465
- Шкапская М. М.** 250, 398
- Шкловский В. Б.** 351, 353, 359, 397, 401, 467
- Шлегель Ф.** 97
- Шницлер А.** 167
- Шомираков И. А.** 354
- Шопен Ф.** 168
- Шопенгауэр А.** 142, 381
- Шор Е. Д.** 312, 319—321, 327, 328
- Шор О. А. (Дешарт О.)** 239, 250, 251, 255, 258, 290, 297—300, 302, 304—306, 312, 314—317, 319, 324, 326—330, 332—334, 338—340
- Шостакович Д. Д.** 467
- Шпет (Шпетт) Г. Г.** 340
- Шпет С. Г.** 118
- Штейнер Г.** 321
- Штейнер Р.** 266, 269
- Штернгейм К.** 388
- Штинде Ю.** 386
- Штирнер М.** 256
- Шторх (Шторк) Я.** 91
- Штрайх С. Я.** 374, 387, 391, 398
- Шуазель** 67
- Шуберт Ф.** 400
- Шузуиль Ж.** 313, 314, 321
- Шуф В. А. (псевд. Борей, Зефир)** 209—211
- Шуцкий Ю. К.** 363, 380
- Шабельский П. К.** 74
- Щеголев П. Е.** 22, 153—205, 387
- Щеголев П. П.** 201, 202
- Щепкина-Куперник Т. Л.** 372, 385
- Щербань Н. В.** 149, 150
- Щербатов Н. А.** 116
- Щербатова М. Н.** см. Новосильцева М. Н.

Щербатовы 115, 116

Эберман В. А. 380

Эбнер-Эшенбах М. 401

Эврипид см. Еврипид

Эйхенбаум Б. М. 343, 392, 399, 424

Эльзон М. Д. 120

Энгельгардт (урожд. Новосильцева) С. В. 115—152

Энгельгардт А. Н. см. Гумилева А. Н.

Эрберг К. А. см. Сюннерберг К. А.

Эредиа Ж.(Х.)-М. 217—219, 383

Эренбург И. Г. 467

Эркулано А. 400

Эрн В. Ф. 239, 284—286, 329—331, 335

Эрн Е. А. 288

Эрн (урожд. Векилова) Е. Д. 284, 285, 330

Эрн-Калашникова И. В. 330

Эрны 264, 284, 330

Эсхил, древнегреческий драматург 247,

252, 270, 273, 275, 286, 326—328, 334

Эфрос А. М. 279, 280, 359, 385

Эфрос В. В. 197, 198

Эфрос Н. 197, 198

Ювенал, древнеримский поэт-сатирик 122

Юзефсон М. А. 357

Юлий Цезарь 60

Юрьев М. Ю. 25

Юрьевская Е. М. см. Долгорукая Е. М.

Юшкевич С. С. 166

Ягич И. В. 208, 236, 237

Язвицкий В. И. 324, 325

Языков А. М. 96—98, 100, 106, 107

Языков Н. М. 96—102, 104—114

Языков П. М. 113

Языковы 99—101

Якобсен Е.-П. 187

Яков, родственник Сегаля С. Л. 176

Яковлев Н. В. 390

Якубович Д. П. 389

Якуничкова (в замуж. Вебер) М. В. 241, 257, 258, 333, 334

Ямпольский И. Г. 464

Яснов М. 299

Ященко А. С. 254, 298, 300, 325

Aglaorhamus см. Аглаофам

Andersen Н.С. см. Андерсен Г.-Х.

Balzak Н. см. Бальзак О.

Baudelaire Charles см. Бодлер Ш.

Bekker 283

Bentham 74

Berdjaev см. Бердяев Н. А.

Bernhardy G. 282, 284

Bielfeld см. Билфельд Я. Ф.

Blass см. Бласс Ф.-В.

Bohtlingk см. Бётлинг О. Н.

Brenson см. Бренсон Т.

Bruns K.G. 282, 284

Burckhardt J. 283, 285

Caffi A. см. Каффи А.

Cagnat R. 284

Cameron N. см. Камерон Н.

Cauer P. 284

Chappe dAuteroche см. Шапп д'От-рош Ж.

Chateaubriand L. см. Шатобриан

Chuzewille J. см. Шузвиль Ж.

Condillac O. см. Кондильяк Э. Б.

Cousin V. см. Кузен В.

Croiset A. см. Круазе А.

Curtius E. 285

Davidson P. см. Дэвидсон П.

Dehmel 187

Deschartes O. см. Шор О. А.

Dosh M. см. Дош М.

Dumaz см. Дюма Ш.

Fischer см. Фишер К.

Frederik II см. Фридрих II Великий

Gaucher Maxime 137

Groger W.E. см. Грёгер В. Е.

Hadfield M. 51

Hanka см. Ганка В.

Hansen A. см. Ганзен А. В.

Harari M. см. Харари М.

Helvetius см. Гельвеций К. А.

Heredia J.-M. см. Эредиа Ж. (Х.)-М.

Holz A. 187

Hufeland см. Гуфелинд Х.-В.

Ivanov V. см. Иванов Вяч. И.

Jean Neuvécelle см. Иванов Д. В.

Karraba R. 312

Keyserling A. де 113, 114

Kirrhoff A. 328

Krag T. P. 192

Kufferle R. см. Кюфферле Р.

Kugler см. Куглер Ф.-Т.

Lange C.-C.-L. 285

Lappo-Danilevskij K. Ju. см. Лаппо-Данилевский К. Ю.

Le Clerc см. Леклерк Н.-Г.

Lo Gatto E. см. Ло Гатто Г.

Luther см. Лютер А.

Madelung A. см. Маделунг А.

Maggi 375

Maistre J. 373

Mantegna A. 301

Marchesetti см. Маркететти В. А.

Martin см. Мартин

Mommsen T. 282, 284, 285
Montesquieu см. Монтескье Ш.-Л.
Muller K.O. 282, 284
Murchison K. 113, 114
Musset Alfred de см. Мюссе А.
Olkienizkaja R. N. см. Олкиеницкая Р. Н.

Palmer см. Пальмер В.
Pindari C. 284
Placidi см. Плачиди М.
Prezzolini см. Преццолини Д.
Przybyszewski S. см. Пшибышевский С.

Rimbaud см. Рамбо А.-Н.
Raynal 74
Remizov Aleksej см. Ремизов А. М.
Respighi см. Респиги О.
Rousseau J. J. см. Руссо Ж.-Ж.

S.v.S. 221
Shishkin A. см. Шишкин А. Б.
Silfversvan B. см. Сильверсван Б. П.
Simon S. см. Сен-Симон
Smirnov A. см. Смирнов А. А.
Sobrero M. см. Собrero М.

Sommer E. F. см. Зоммер Е. Ф.

Taine H. см. Тэн И.
Tchihacheff см. Чихачев П. А.
Tompson см. Томпсон Д.-П.
Tukermann см. Цукерман

Verhaeren см. Верхарн Э.
Verneuil E. 113, 114
Vogue см. Вогюэ Э.-М.
Voltair см. Вольтер М.-А.

Wachtel M. 284
Wassermann J. см. Вассерман Я.
Waterkeyn H. B. см. Ватеркейн Х. Б.
Weinbaum E. см. Вейнбаум Э. Л.
Wharton E. см. Вартон Э.

Z. 142
Zamacois см. Замакоис М.
Zamjatin E. см. Замятин Е. И.
Zaroudny S. 374
Zeitalter A. 284
Zielinskij см. Зелинский Ф. Ф.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ

<i>Е. Р. Обаткина</i> . Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника	3
<i>Л. И. Кузьмина</i> . В. В. Пушкирева-Котляревская (по материалам архивов К. Р. и Н. А. Котляревского и по личным воспоминаниям)	24

II. ПУБЛИКАЦИИ

Стихи А. М. Бакунина, написанные в подражание Н. А. Львову. (Публикация <i>К. Ю. Липпо-Данилевского</i>)	33
Письма А. М. Бакунина к Н. А. Львову. (Публикация <i>Л. Г. Агамалаян</i>)	43
Письма Н. М. Языкова к В. Д. Комовскому за 1836—1846 гг. (Публикации <i>Л. В. Ерастовой</i>)	96
Письма С. В. Энгельгардт к А. А. Фету. Часть III (1884—1891). (Публикации <i>Н. П. Генераловой</i>)	115
Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Часть II. Одесса. Херсон. Одесса. Киев (1903—1904). (Публикации <i>А. М. Грачевой</i>)	153
Письма великого князя Константина Константиновича к А. А. Шахматову. (Публикация <i>Т. Г. Ивановой</i>)	206
Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской. (Публикация <i>А. В. Лаврова</i>)	238
<i>Л. Н. Иванова</i> . Римский архив Вячеслава Иванова	296
Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры). (Публикации <i>Т. А. Кукушкиной</i>)	341
Из поэтического архива В. С. Алексеева (1903—1942). (Публикации <i>А. Л. Дмитренко</i>)	403
<i>Б. В. Шергин</i> . Дневник 1945 года. (13 августа—23 сентября). Часть II. (Вступительная заметка <i>А. Н. Мартыновой</i> , публикация <i>И. А. Красновой</i>)	431
Письмо В. Я. Проппа к В. С. Шабунину. (Публикация <i>Н. А. Прозоровой</i>)	458

III. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

<i>Н. А. Прозорова</i> . Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1991—1992 годах	464
Указатель имен	468

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 1997 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)*

Редактор издательства *Т. Г. Иванова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *Е. М. Буланина*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 25.11.01. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 30.5. Уч.-изд. л. 33,35.
Тираж 700 экз. Заказ № 4522

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net